

Н. А. НЕКРАСОВ

Ник. Некрасов

Н. А. НЕКРАСОВ
Фотография С. Л. Левицкого 1865 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

———*———

КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
ПИСЬМА

ТОМА 11—15

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — «НАУКА»
1995

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

СТАТЬИ
ФЕЛЬЕТОНЫ
ЗАМЕТКИ
1841—1861

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — «НАУКА»
1995

ББК 84Р1
Н 48

Н $\frac{4702010100-512}{042(02)-95}$ Подписное

ISBN 5-02-028151-4
(т. 12, кн. 1)
ISBN 5-02-027944-7

СТАТЬИ
ФЕЛЬЕТОНЫ
ЗАМЕТКИ
1841—1861

1841

НОВОСТИ РУССКОГО ТЕАТРА

Музыкальная пора в Петербурге кончается и, кажется, очень кстати, именно в то время, когда музыкальная страсть, каждый год вольно или невольно находящая на нашу публику в известное время, начала остывать. Наступает шумный весенний карнавал, за которым потянется разнообразная толпа увеселений разного рода, а за ними пестрая, тесная толпа бенефисов... Любителям Александринского театра предстоит много трагических и водевильных удовольствий или, по крайней мере, надежд на эти удовольствия... Сбудутся ли вполне надежды, — сказать, даже и в отношении к нашему театру, утвердительно нельзя. Чего доброго... на грех мастера нет, говорит пословица. Сообщаем нашим читателям несколько достоверных театральных слухов, между которыми есть в самом деле несколько утешительных.

Первый бенефис после святой будет нашей даровитой актрисы В. Н. Асенковой, о долговременной болезни которой публика Александринского театра так искренно соболезнует. Главною, капитальною пиесою в ее бенефис будет «Боярское слово», драма *П. Г. Ободовского.* Даровитый переводчик «Велизария» выступает на новое поприще: новая драма его имеет, как уже видно и из заглавия, основу чисто русскую. С нетерпением ждем ее появления, а между тем пожелаем г. Ободовскому успеха на новом его поприще, на котором с такою честию подвизались доселе гг. Зотов, Полевой и Кукольник. Еще будет очень умный и милый водевиль «Любовные записки мужа», соч. П. И. Григорьева, которого уморительный «Губкин» так много смешил нас в последнее время. «Габриэль, или Адъютанты», водевиль П. С. Федорова и «Все для девочек и ничего для мальчиков», водевиль, переведенный с французского

Н. И. Филимоновым; в нем, как мы догадываемся, будет особенно хороша сама бенефициантка.

Вслед за бенефисом г-жи Асенковой будет бенефис г. Максимова, артиста, любимого публикою. В этом бенефисе публика увидит водевиль в 2-х действиях Д. Т. Ленского «Павел Степанович Мочалов в провинции», который имел в Москве успех и, по уверению достоверных людей, действительно есть одна из лучших пиес Ленского. Еще будет небольшая драма «Лауретта, или Красная печать» и еще оригинальный водевиль «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь», соч. *Н. А. Перепельского*, известного читателям «Пантеона» по статьям его, помещенным в этом издании... Будет и еще водевиль... одним словом, пиес будет довольно... а чем больше пиес, тем надежнее, что между ними будет что-нибудь хорошее. За этим бенефисом последует бенефис Григорьева-1. От этого бенефиса мы надеемся очень, очень многого. Кому неизвестен превосходный комический талант почтенного *Грицко Основьяненко*; кто не смеялся до упаду над его «Паном Халявским», кто не плакал, читая его милую «Марусю». Но до сих пор г. Основьяненко был известен нам только как превосходный рассказчик. В бенефис П. И. Григорьева публика познакомится с другой светлой стороной его таланта — стороной драматической. Г-н Григорьев дает в свой бенефис: «Шельменко-денщик», комедию в пяти актах, сочинения Грицка Основьяненка. Комедия исполнена занимательности, комизма и драматического движения и, вероятно, заслужит одобрение. Главный характер «Шельменки-денщика» выдержан до конца прекрасно и, вероятно, даст средство даровитому бенефицианту, который сам будет играть эту роль, высказать новую, блестящую сторону его таланта. «Пантеон» надеется дать своим подписчикам эту замечательную комедию в будущем нумере... Потом будет дана «Русская крепость», современный военный анекдот и еще водевиль, презабавный водевиль... Но нет, этак мы, пожалуй, выболтаем все тайны почтенного П. И. Григорьева и поставим его в невозможность блеснуть перед вами новостью... Скажем одно, что бенефис составлен не на *авось* и подает большие надежды...

Есть и еще много театральных новостей, но ограничимся пока этими. Много будем знать — скоро состареемся!

ЧТО НОВОГО У НАС?

⟨1⟩

⟨27 мая 1841⟩

...У нас ново то, что уже прошлым летом было старо: светлые северные ночи; тьма путешественников, отъезжающих за границу; множество кораблей, приходящих из заморских земель; много тружеников, отходящих к *отцам*; на бирже фленсбургские устрицы; в биржевом саду попугаи, канарейки, собаки, обезьяны и другие разные животные; в Летнем саду густые тени; на Невском пекло; на островах гулянье; по дачам пыль и сырость; в театре скука... и так далее до бесконечности.

Но совершенно ново для нас то, что солнце постоянно светит нам в продолжение всего мая, что у нас так тепло, как на юге, что нет дождей, снегу, граду, слякоти и других приятностей, характеризующих наш петербургский май. Вот что значит побранить наше лето, оно тотчас начинает исправляться.

Как новость скажем вам, что милая, прекрасная Лила Лёве, эта актриса, составленная чудным образом из огня, неги, страсти, грации, резвости, лукавства и кокетства, — сделалась достоянием Петербурга: она ангажирована на нашу сцену. С августа месяца она начнет свои дебюты.

Другая приятная новость состоит в том, что мы на днях увидим на русской сцене умную и талантливую московскую артистку П. И. Орлову. Она едет погостить в Александринском театре. Нам предстоит удовольствие увидеть прекрасную *Офелию*, очаровательную *Эсмеральду*, трогательную *Веронику*, может быть, величественную *Елизавету* Английскую и множество миленьких кокеточек в Скрибовом роде.

— Г-н и г-жа Каратыгины возвратились из Москвы, оглушенные рукоплесканиями, увенчанные лаврами и с денежным прикрытием путевых расходов, простирающимся до 30 000 рублей. Достойная награда достойных артистов!

— Один из наших водевилистов готовит водевиль, который должен произвесть большой эффект на сцене. Сюжет заимствован из замысловатого типа И. И. Панаева

«Русский фельетонист». Главное лицо пиесы чрезвычайно оригинально и хорошо очерчено. Это литературный скоморох, искатель приключений и доходов. Он перебегает от хозяина к хозяину, из журнала в журнал, в каждом меняет мнения, хвалит в одном тех, кого бранил в другом, и наоборот. Он бегает по трактирам, авошенным и табачным лавочкам и ищет прибыльных вдохновений для фельетонных статей. Восторженные похвалы паюсной икре, пряникам, апельсинам, устрицам, сигарам, трактирным заведениям и сапожных дел мастерам льются у него с пера наравне с славословием мелких книгодельщиков. Он всеми силами таращится в *люди*. Кумир его — деньги. За деньги готов он продать и товарища, и друга, и родного. Где у него не хватает силы к честному литературному бою, там он прибегает к клеветам, к намекам. За деньги пишет он статьи на кого угодно. Если его похвалят — он ползает; если скажут, что он негодяй, — снесет и поклонится. Словом, это литературный Молчалин. Вся пиеса обставлена интересными лицами и полна уморительных положений. Наконец, герой водевиля попадает в компанию на акциях и в этой компании, между аферистами, вроде Присыпочки, торжествует, но во время дележа дивиденда приятели его обсчитывают и выгоняют. Тут просыпается в нем совесть от голода и холода, и он начинает искать себе *тепленького* места. Куплеты этого водевиля чрезвычайно остроумны.

— «Пантеон русского и всех европейских театров», который непростительно запоздал выходом в свет по причинам, нисколько *не зависящим от его редактора*, теперь, по новому устройству дел издания, деятельно печатается. Подписчики ничего не потеряют от этого замедления, — в течение мая и июня месяцев им будут выданы все следующие по июль книжки с должными нотами и художественными приложениями. Выбор статей и рачительность издания оправдают доверие и терпение читателей «Пантеона». «Пантеон» пойдет своей дорогою, как и в прошлом году, невзирая ни на какие выходки его недоброжелателей, причины вражды которых слишком явны и известны русской публике (зри «Пантеон», книжку X 1840 года).

— На днях должны появиться в свет два роскошные издания с английскими гравюрами: «Сто русских литераторов», часть вторая, и «Константинополь и его окре-

стности». Также обещают вскоре первый выпуск давно ожидаемого «Пантеона великих людей» с портретами, гравированными на стали.

— Носятся слухи, что у нас предпринято роскошное издание «Истории Петра Великого» с политипажными рисунками, которые будут сделаны К. Брюлловым, бароном Клодтом и другими известными художниками. Давай бог! Только желательно, чтоб текст был составлен человеком, знающим дело, хорошим историком и чтоб это предприятие не впало в категорию обыкновенных книгопродавческих спекуляций.

— И. И. Лажечников кончил свою трагедию «Христиерн II и Густав Ваза». Мы имели случай прочесть ее и обещаем публике в этой трагедии такое произведение, которое в достоинстве своем не уступит прежним сочинениям всеми любимого и уважаемого романиста.

⟨2⟩

⟨17 июня 1841⟩

Новое стало очень редко, — оно разъехалось по дачам и деревням. Мы должны довольствоваться одними слухами для удовлетворения любопытства наших читателей. Вот слухи, которые мы собрали:

— Н. А. Перепельский оканчивает очень забавный водевиль (*пиесу переодеваний*) под названием «Актер». Желаем, чтоб третий сценический опыт молодого писателя увенчался тем же успехом, как и первый.

— За составление текста для роскошного издания «История Петра Великого» взялся Н. А. Полевой. Это весьма утешительное известие. К. Ф. Брюллов будет составлять для него рисунки, а резать на дереве их будут барон Клодт, барон Неттельгорст и лучшие иностранные граверы. Первые выпуски выйдут в свет осенью. Очень жаль, что этому прекрасному изданию повредят еще два другие издания «Истории Петра» в том же роде. Ни участвующие в составлении текста, ни рисунки для этих изданий неизвестны публике. Вероятно, эти два издания не состоятся или рушатся при самом начале, потому что хорошего предприятия никакая книгодельная спекуляция подорвать не может.

За достоверные вести мы можем публике сообщить следующее:

— Роскошного издания «Истории Фридриха Великого» с прелестными политипажами Адольфа Менцеля отпечатано уже четыре выпуска. Издатели, однако, не намерены выпускать их в свет прежде сентября месяца, чтобы соблюсти больше порядка в ходе издания. Это очень похвально! Надо надеяться, что это прекрасное издание будет иметь большой успех.

В следующей (4-й) книжке «Пантеона русского и всех европейских театров», который уже оканчивается печатанием и на днях выйдет в свет, будет помещена прекрасная драма Герстенберга «Уголино». Эта пиеса давно ожидала хорошего русского перевода. Кроме того, кн. А. А. Шаховской прислал в редакцию чрезвычайно любопытную статью из воспоминаний своей «драматической жизни».

Сегодня поступил в продажу новый прекрасный труд И. П. Сахарова «Записки русских людей». Книга необходимая для всех, кто занимается русскою историею вообще и историею Петра Великого в особенности.

— Одну из приятнейших прогулок петербургских жителей составляют теперь поездки водою в Шлиссельбург и обратно. Прогулка стоит чрезвычайно дешево, пароходы очень удобно устроены, а местоположения, мимо которых надо плыть, особливо левый берег Невы, очаровательны. Вся поездка совершается в течение *двенадцати* часов, от 9 утра до 9 вечера.

НОВОСТИ

У нас летом обыкновенно никто ничего не читает, никто не ездит в театр. Оно так и должно быть! Скажите на милость, что за радость терзать душу свою вялыми ощущениями сентиментально-пошлой или комически-скучной повести, когда благодатное, ароматическое, восхитительное лето дарит душе вашей столько свежих, сладостных ощущений, которые не портят ни глаз, ни нравственности. Что за радость несколько часов сряду сидеть в душной атмосфере театральной залы, слушать давно уже затверженные остроты или чувствительные тирады и задыхаться от

жару, — тогда как природа так весело улыбается, когда в ней разыгрывается грандиозная, дивная драма, тихая и торжественная, без крови, без ядотравления, драма с превосходными куплетами соловьев и жаворонков, которые далеко оставляют за собою всевозможных водевилистов земного шара. Пользуйтесь же летом, почтенный читатель: гуляйте, больше гуляйте, ездите верхом, пейте холодную воду и будьте счастливы! Ни книжная, ни журнальная, ни драматическая литература не будут на вас в претензии, потому что они имели благоразумную предосторожность притихнуть на это время и терпеливо дождаться дурной погоды, от которой по всем вероятностям можно будет ожидать «хорошего расхода на чтение». Разве только толстая книжища, именуемая «Сто русских литераторов», которая после долгих ожиданий наконец упала на нас всею тяжестию своих одиннадцати статей, десяти портретов и таковой же числа картинок, — разве только она почитает себя вправе требовать от вас немедленно внимания; но и от нее вы можете отделаться очень скоро, особенно если послушаетесь нашего благого совета. В первый свободный день, когда вам уже решительно нечего будет делать или когда у вас будет уже слишком много дела (в таком случае человек обыкновенно долго не решается, за что приняться, и сидит даром), или когда вздумает припрыснуть этот благодатный мелкий дождичек, который так освежает наши петербургские дни, — возьмите второй том «Ста», со вниманием рассмотрите картинки и портреты, пожалуй, прочтите заглавие статей и... но погода разгуливается... Скорей, скорей! гулять, пользоваться краткими часами лета... Оно может поблекнуть, может измениться... А статьи «Ста» останутся всегда неизменны — читайте их летом, весной, зимой, осенью или хоть совсем не читайте!

Гуляйте себе беспечно и весело; пусть и тень печали не омрачит чела вашего, не бойтесь за будущее. В нем вам готовится много новостей, которых цель занять вас в серые и черствые дни неизбежной осени, в холодные и бурные дни зимы ненастной.

— Самой утешительной новостью должна почесться та, что П. Г. Ободовский, которого труды на драматическом поприще постоянно отличаются несомненными достоинствами, ныне опять скоро подарит нашу сцену

новою пиесою, которая, вероятно, как все его произведения, сделается украшением нашего репертуара. Он принялся за перевод драмы Раупаха «Школа жизни» («Die Schule des Lebens»). Имя ее автора и блистательный успех ее на всех лучших театрах Германии ручаются за ее достоинство, а известное искусство П. Г. Ободовского — подает несомненную надежду, что произведение Раупаха будет передано на русский язык достойным образом. Драма эта отличается особенно постепенно возрастающею занимательностью и глубоким сильным впечатлением, которое оставляет она на душе зрителя, впечатлением успокоительным и в высшей степени нравственным.

— Перед Шекспиром благоговеет вся Европа. Произведения его всеми признаны образцовыми и даются на всех сценах образованных народов. Они в многочисленных переводах являлись и являются на всех европейских языках, только у нас до сей поры не было отдано должной почести гению Шекспира. В то время как у нас удостоивались нескольких переводов самые посредственные, эфемерные явления иностранных литератур, мы, к стыду своему, не имели еще в переводе полного собрания сочинений Шекспира. Наконец, слава богу, мы можем надеяться иметь полного Шекспира на русском языке. Г-н Кетчер, имя которого как переводчика с хорошей стороны известно в нашей литературе, предпринял в Москве полное издание произведений английского поэта. Мы видели уже появившиеся в свет два выпуска, которые заключают в себе две драмы: «Король Иоанн» и «Ричард II». Вот программа издания:

Полный перевод в прозе всех драматических сочинений Шекспира составит от 37 до 39 выпусков. Каждые два месяца будет выходить от 2 до 3 выпусков. Каждый выпуск будет содержать в себе целую пьесу в 5 актах с примечаниями и пояснениями, что составит от 4 до 6 печатных листов. Все издание заключится биографиею Шекспира и объяснением женских характеров в его драмах и комедиях, составленным мисс Джемсон! Подписная цена по 2 рубля ассиг⟨нациями⟩ за каждый выпуск в Москве и в Петербурге и по два рубля пятьдесят копеек с пересылкою во все города России. В Москве и в Петербурге деньги вносятся при выходе каждого выпуска за один следующий вперед, а иногородние — за два, причем один посылается к ним немедленно по почте, а следующий по объявлении о выходе его и вносе денег еще за два. Имена гг. подписавшихся будут напечатаны в конце издания.

— Н. И. Филимонов, переводчик «Мельничихи в Марли» и автор многих водевилей, оканчивает переводом водевиль в двух актах под заглавием «Львица».

— Автор водевиля «Шила в мешке не утаишь» написал новый водевиль в одном акте под заглавием «Петербургский актер».

— Редактор «Пантеона» также написал небольшую драму в одном акте, которой название «Архип Осипов, рядовой Тенгинского пехотного полка».

— В следующей книжке «Пантеона» будет напечатана прекрасная комедия П. С. Федорова «17 и 50 лет», которая так нравится публике и в которой много ума, чувства, веселости, остроумия и есть удачно обрисованные характеры. П. С. Федоров с некоторого времени известен своею неутомимостию на драматическом поприще, а потому мы излишним считаем говорить, что он готовит много новостей для нашей сцены, что очень радует нас, а вероятно и читателей, которым г. Федоров доставил так много часов истинного наслаждения.

1843

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

⟨27 февраля 1843⟩

Много балов, маскарадов, танцевальных вечеров, спектаклей публичных и домашних было на масленице! Люди веселящиеся, живущие в вихре света, на лету ловили наслаждения, перелетая с одного бала на другой, и едва успевали побывать везде. Маскарады Дворянского собрания, семейные вечера Клуба Соединенного общества, недавно учредившегося, — маскарады Большого театра, — все это было полно в масленицу самою разнообразною публикою. На площади Исакиевской, особенно в последние два дня, с утра до вечера стечение народа было необыкновенное: простой народ веселился нараспашку! Для всякого балагана находилась своя публика, и ни один из них не мог жаловаться на недостаток посетителей в хорошие дни; но у Сулье и Легата количество посетителей было неимоверное... Много было в масленицу шуму, танцев, веселья самого неистового, неподдельного, оглушительного; но масленица прошла, Петербург угомонился, стих: он отдыхает от впечатлений шумного праздника и собирается с духом для новых увеселений. Перспектива удовольствий более солидных, более спокойных предстоит петербургской публике в великий пост... Весть о приезде *Рубини* мгновенно разнеслась по всему Петербургу, отозвалась радостным гулом в сердцах дилетантов, оживила всех надеждою на высокое эстетическое наслаждение. Слава Рубини так громадна; так единодушно, так энтузиастически восхищается им в продолжение многих лет вся Европа, что, без сомнения, будет чего послушать, будет от чего

прийти в восторг петербургской публике, не избалованной отличными певцами. Рубини признан первым из существующих в настоящее время теноров, как по силе, отчетливости и необыкновенной гибкости голоса, так и по искусству, с каким он умеет управлять своим голосом. Рубини родился в Романо и образовался под влиянием друга своего Ноццари. Славное поприще его началось в 1814 году дебютом в Турине; потом он пел в Венеции, в Неаполе, в Риме, в Палермо. В Неаполе Рубини прельстился прекрасным дарованием и красотою французской певицы Аделаиды Шанель, — и, недолго думая, женился. В 1824 году он пел в Вене; успех его был так велик, что он наконец решился показаться Парижу. Обильные дани рукоплесканий не замедлили оправдать решимость гениального певца: в «Отелло», «Анне Болейн», «Сомнамбуле» он произвел эффект необыкновенный. С тех пор слава Рубини росла не по дням, а по часам... Мы скоро услышим знаменитого гостя нашей северной столицы и тогда скажем о нем более. Первый концерт Рубини назначен, как можно видеть из 42 нумера «Инвалида», — 2-го марта. Можно заранее сказать, что в зале не будет порожнего стула, — Петербург страстный поклонник знаменитостей, особенно когда они являются к нему из-за границы!

Всякому известно здание в Большой Морской, потерпевшее в продолжение нескольких лет так много изменений, — устроенное первоначально для панорамы, потом употребленное на неудачное подражание диарамам и косморамам, вслед за тем обращенное в магазин произведений живописи и наконец поступившее в распоряжение г-на Ле-Мольта, который перенес туда свои бюсты и физионотип. Такова история дома, который ныне носит название «Детского театра»; ошибаются те, которые думают, что представления г. Ле-Мольта интересны только для детей. Представления эти так полны и разнообразны, до такой степени живы и занимательны, что, вероятно, никому, кто бывал на них, не казались ни скучными, ни утомительными. Полюбуйтесь, например, хоть полиорамою — прекрасным и совершенно новым в своем роде изобретением. Вдали вы видите швейцарскую хижину: покрытая снегом и окруженная нагими деревьями, она сиротливо прислонилась к подножию величественной горы; обнаженные кусты и деревья, снег, как саван покрывающий всю равнину, возбуждают в душе вашей тя-

желое чувство; вам хотелось бы весны, зелени, смеющегося неба. И вот перед вами весна в полном уборе: зеленый ковер расстилается во всю длину равнины, деревья цветут! Картина весны, тихая, смеющаяся, вас утомила — вот вам зрелище более эффектное: ландшафт озаряется красноватым светом, хижина горит, и пламя, поднявшись к облакам, превращается в столб густого черного дыма, который возвышается, как надгробный памятник, над развалинами погибшей хижины. Затем из пепла образуются мало-помалу крытые переходы, колоннады и своды; горы и груды мусора, постепенно изменяясь, превращаются в чудное здание. Таким образом от тридцати до сорока видов сменяются один другим, причем наблюдается известная система, способствующая к возбуждению и поддержанию любопытства в зрителях. Вот что значит полиорама. Но этого мало: господин Ле-Мольт с помощию своего искусства представляет сцены, в которых есть даже движение, жизнь. Между такими сценами первое место занимает переход Наполеона через гору Сен-Бернар. Здесь вы видите перед собою высокую, покрытую снегом гору. Вдали раздаются пушечные выстрелы и колокольный звон. Длинные ряды солдат огибают, подобно змеям, бока и вершины Сен-Бернара; внизу, по равнине, проходит многочисленное войско. Здесь тащат пушку, там лафет, далее несут на носилках раненых офицеров; в заключение является сам Наполеон на лошади, приветствует окружающих его воинов и снимает несколько раз шляпу; затем тянутся новые ряды войска. Согласитесь, на такие вещи могут смотреть с удовольствием не одни дети. Как приятную новость спешим сообщить публике, что г. Ле-Мольт не ограничивает своей деятельности заведованием Детским театром и тем, что доселе в нем делалось. Он намерен дать 4-го, 8-го, 11-го и 18-го марта вечера опытной физики, предметом которых будут *электричество*, *гальванизм*, *магнетизм*, *гальванопластика* и *гальваническое золочение*.

Г-н Ле-Мольт, член разных естествоиспытательных обществ французских, известен в Европе занятиями по части гальванопластики. Нет сомнения, что он сумеет сделать лекции свои занимательными и полезными для нашей публики, — в чем несколько ручается и прекрасный эпиграф, избранный им для своей программы: «Незнающие научатся, а знающим приятно будет вспомнить». В состав лекций г. Ле-Мольта войдут и опыты, —

следовательно, будет не только что́ послушать, но и посмотреть. Абонемент очень дешевый: первые места за пять вечеров — 25 рублей, вторые — 15 рубл. ассигн. Лекции будут происходить в зале Детского театра.

Отчет о действиях рисовальных школ в Санкт-Петербурге, напечатанный в 42-м № «Инвалида», представляет очень утешительные результаты, которые мы считаем нужным привести здесь вместе с отчетом воскресной школы при Технологическом институте. В рисовальной школе для вольноприходящих непременных учеников, посещающих классы во все дни, на Васильевском острову, в таможенном здании, было по рисованию, черчению и леплению из глины 147 уроков, состоявших из 588 часов; воскресные же ученики, посещающие школу только по воскресеньям и дозволенным табельным дням, имели 57 уроков, состоявших из 228 часов. Учеников считается в школе непременных 230 и воскресных 40, всего 270 человек, между которыми большинство составляют фабричные подмастерья и ремесленники (91), остальные из кантонистов, писарей и граверов (57), из мещан (22), комнатных и других живописцев (12), купеческого сословия (15), крестьян и дворовых людей (26), детей священнослужителей и художников (3), иностранцев (5), чиновников и дворян (39). Успехи учеников довольно значительны; особенно отличился класс, в котором рисуют с гипсовых антиков, орнаментов и фигур. Произведены также очень удачно многие работы из глины и вылиты из гипса. Женское отделение рисовальной школы, учрежденное 22 мая 1842 года и состоящее под покровительством ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны, открыто 24 сентября 11-ю ученицами; число учениц впоследствии умножилось до 40. Здесь обучаются ученицы возрастом от 12 до 24 лет; они состоят из дочерей мастеровых и мещан (5), из купеческого звания (7), из дворянок (24), из воспитанниц школы Женского патриотического заведения (2) и т. д. Успехи некоторых учениц, сверх ожидания, превосходят успехи учеников рисовальной школы. — Гальванопластическое отделение, высочайше утвержденное при той же школе 27 марта 1842 года, открыто 12 августа. Первый курс, начавшийся 10-ю учениками, окончен 1 декабря. Ученики, получив в этом отделении надлежащие познания в гальванопластике и потом, пред окон-

чанием курса, будучи обучены гальваническим способам золочения г. Брианом, и серебрения — майором Евреиновым, распущены. Второй курс начался 5 декабря 15 учениками и окончен в последних числах января месяца. — В воскресной рисовальной школе, находящейся при *Технологическом институте*, в течение 1842 года было 49 уроков, или 196 часов; в каждый праздник обучаются до 120 учеников из подмастерьев и работников золотых и бронзовых дел, резчиков на дереве, столяров, токарей, иконописцев и комнатных живописцев (23), из крестьян и дворовых людей (32), из мещан и разночинцев (27), купеческого сословия (10), иностранцев (4), детей чиновников (21) и дворян (3). Выставленные 24 июня 1842 года в день публичного испытания воспитанников Технологического института, в большой аудитории сего заведения, работы учеников воскресной рисовальной школы, как-то: чертежи с машин, рисунки с оригиналов, гипсовых фигур, иконы и живопись на фарфоре и стекле обратили на себя внимание публики и свидетельствовали, что попечения этой школы об ознакомлении ремесленников с лучшими и новейшими произведениями относительно форм и украшений разных предметов были не тщетны и достигают цели, ей предназначенной. Пожелаем, чтобы успехи рисовальных школ на будущее время были еще блистательнее.

Вероятно, всем доныне памятна мужественная защита Михайловского укрепления на берегах Черного моря рядовыми Тенгинского пехотного полка. Окруженные несколькими тысячами горцев, потеряв всякую надежду на помощь, они взорвали редут, себя и врагов своих на воздух... Из числа воинов, погибших таким образом, семь человек были уроженцы Московской губернии; имена их по справедливости должны жить вечно в памяти русских. Вот они: *Дементий Савельев*, Волоколамского уезда, деревни Татаренки, помещицы Коруниной; *Осип Зарубин*, Можайского уезда, деревни Поречья, помещика действительного тайного советника С. С. Уварова; *Егор Карпов*, из мещан города Богородска; *Кузьма Трофимов*, Можайского уезда, казенной деревни Дары; *Андрей Баранов*, Клинского уезда, деревни Поповки, помещицы кн. Долгорукой; *Федор Волков*, Богородского уезда, казенной деревни Усадбищ; *Алексей Лепешкин*, Дмитровского уезда, казенной деревни Ле-

пешек. Вдовам погибших воинов по Высочайшему повелению выдано — двум по пятидесяти и пяти по двадцати пяти рублей серебром и, сверх того, тем из них, у которых есть сыновья-кантонисты, повелено отдать каждой по сыну, выключив таковых из военного ведомства. Это мы узнали из недавно полученного нами 3-го № «Московских губернских ведомостей».

На Александринском театре, как и везде, в последнее время перед постом было необыкновенное движение. В продолжение почти целой недели давались спектакли по два раза в день и, сверх того, в ту же неделю поставлено и сыграно четыре новые пьесы. Деятельность изумительная! Пьесы, не отличаясь особенным достоинством, очень забавляли публику, потому что явились кстати и вовремя. Вот их названия: *«Камилла, или Брат и сестра»*, комедия Скриба и Баяра, перевод П. Федорова; *«Час в тюрьме»*, водевиль, переведенный Д. Ленским; *«Еще Руслан и Людмила»*, шутка, заимствованная с французского г. И. Акселем; *«Любовные проказы, или Ночь после бала»*, комедия-водевиль, переведенная с французского гг. Григорьевым 1 и А. Б. — Лучшая из них «Камилла»; завязка ее очень проста и обработана с искусством, которым владеет один Скриб. В «Камилле» в первый раз явилась на сцену сестра режиссера здешней драматической труппы, д⟨еви⟩ца Куликова в роли Фанни. Г-жа Куликова еще очень молода: ей, по-видимому, едва ли есть шестнадцать лет. Несмотря на это, она сыграла свою первую роль мило, развязно и отчетливо. Видевшие ее дебют единодушно согласны, что в ней есть все качества, нужные для того, чтоб сделаться со временем замечательною артисткою. Приятный голос, благородная простота, непринужденность в манерах и выразительная, привлекательная наружность — вот достоинства, которыми обратила на себя общее внимание г-жа Куликова; нельзя было также не заметить в ее игре проблесков таланта и неподдельного чувства. Публика приветствовала юную дебютантку громким одобрением. Пожелаем, чтобы г-жа Куликова избрала примером себе на драматическом поприще прекрасную и талантливую сестру свою, известную московскую артистку г-жу Орлову, и, подобно ей, вполне оправдала надежды, возбужденные своим первым дебютом. Г-жа Куликова еще в таких летах, когда люди любят искусство для искусства, а не для

посторонних целей: стоит сохранить подолее такое прекрасное направление, — и, нет сомнения, успех превзойдет ожидания...

Стихи в упадке. Надобно, чтоб стихи были слишком хороши или чтоб под ними стояло громкое имя, чтобы заставить публику прочесть их. Век наш — век положительный; он так занят прозой жизни, что ему решительно не до стихов. Есть, однако ж, род стихов, на чтение которых находит время даже наш недосужий век, — это стихи юмористические, которые взглядывают на природу, на человека, на современные нововведения, на все события, важные и неважные, с сатирической точки. Такие стихи теперь в моде во всей Европе. Вот почему мы решаемся указать читателям на вышедшую на днях небольшую книжечку под названием *«Статейки в стихах»*. Под этим скромным, незатейливым заглавием издатель предлагает публике два стихотворения. Одно из них называется «Встреча старого 1842 года с новым 1843»; другое — «Говорун», записки петербургского жителя Ф. А. Белопяткина. Как в первом, так и во втором любители произведений такого рода найдут много интересного. В первом находится несколько свежих оригинальных мыслей, изложенных стихами довольно звучными. Во втором рассматривается с юмористической стороны большая часть новостей, занимавших Петербург в последнее время. Книжечка издана очень красиво и продается по весьма дешевой цене.

ЖУРНАЛЬНАЯ АМАЛЬГАМА

ШУТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА. — *«СТАТЕЙКИ В СТИХАХ»*

⟨28 февраля 1843⟩

С некоторого времени литература наша приняла какое-то шутливое направление. Книг дельных и сериозных выходит очень мало, — книжек и книжечек *ради смеха и забавы*, — многое множество. Эти миниатюрные и миленькие спекуляции почти всегда удаются, потому что не стоят труда и издержек антрепренеру, а идут с рук как по маслу, потому что стоят какую-нибудь мелкую монету, каких петербургский житель ежедневно истребляет многое множество на пирожки, ликерцы,

расстегайчики, на извозчиков, на завивку волос, на мытье перчаток и т. п. За тратою лишнего двугривенного или четвертака он не постоит. И вот книжечки иллюстрованные и не иллюстрованные раскупаются и плодятся и плодят авторов. В большей части из этих книжек играют первую роль рисовальшики Тимм и Жуковский, политипажи, Клодт Дерикер и Неттельгорст и типография Бланка, умеющая печатать политипажи, от автора же требуется только *заглавие*, заманчивое, звонкое, затейливое заглавие, чтоб оно обладало некоторою магнитною силою, притягивающею всякую мелкую монету. Другие книжечки выезжают на когда-то знаменитом имени автора, выставленном во всей красе на заглавном листе или прикрытом каким-нибудь заманчивым псевдонимом, как например шут *Балакирев* и т. п. Цель же в этих изданьицах почти всегда одна и та же — *мелкая монета*. Вследствие того обороты такими книжечками можно бы правильнее назвать *мелкою промышленностию*, чем литературною деятельностию, но как эти книжки имеют претензию принадлежать не только к печатному миру, к которому относятся не менее красивые издания каталогов магазинов Диля, Ланганса и других, но и к созданиям мира мыслящего, то их вернее всего назвать *шуточною* литературою. Шуточная литература существовала всегда, она не была только доведена до того утончения и развития, до которого достигла в настоящее время. «Письмовник» Курганова, «Сатирический вестник», «Анекдоты Балакирева» — разумеется, дети перед «Комарами», «Колосьями», «Снами» и «Деньгами» современного нам Балакирева. Мог ли «Сатирический вестник» и сам *великий* Измайлов описывать нравы извозчиков, харчевен, салопниц и всей прочей честной компании с таким одушевлением, с каким описывают их ныне «картинки русских нравов», «очерки русских нравов» и прочее! Тот имел в виду посмешить, эти имеют в виду не столько посмешить, как посмеяться! Между тем нельзя не пожалеть, что некоторые люди с талантом употребляют свои труды на такие мелочи, вознаграждаемые мелкою монетою! Тем более жаль, что мелочная эта литература час от часу у нас распложается и по мелочам выманивает у публики деньги, которые назначены, может быть, на приобретение книг истинно полезных и достойных каждого образованного человека. Спросите-ка у любого

книгопродавца, много ли продано «Прогулки русского по Помпее», книги Павского, «Словаря Рейфа», «Сказаний русского народа» Сахарова — и сколько разошлось всех вышепоказанных меркантильно-миленьких изданьиц — и вы удивитесь, а если вы человек чувствительный — даже прольете *реки слез из глаз...*

Теперь перед нами лежит что-то вроде этих изданьиц, книжечка тоненькая, маленькая, в 30 страничек, под заглавием «Статейки в стихах», названная в шутку *томом.* Но она, несмотря на видимое сродство со всеми политипажными и неполитипажными изданьицами, имеет высокие перед ними преимущества. Это шутка — человека умного, который *по-своему* смотрит на все интересное в современном Петербурге. В этой книжке меньше претензий, чем во всех предыдущих, и более истинного остроумия, хотя и она, кажется, стоит только четвертак или двугривенный, — не помним хорошенько. Книжечку можно пробежать в десять минут, а улыбнешься в ней более тридцати раз — это не шутка в современной шутке. В книжке две статьи: «*Встреча старого 1842 года с новым 1843*» и «*Говорун, записки петербургского жителя Белопяткина*». В первой очень остроумно изображен разговор двух годов — дряхлого старика 1842 и цветущего юноши 1843. Вот отрывок из этого разговора. 1842 год описывает покинутый им свет:

Повсюду ложь, обман — фальшивая игра,
Как мало доблестных, так много злых деяний, —
  Здесь каплю каждую добра
  Разводят морем злодеяний!..
И что ж потом?.. Коварный род людской,
Чтоб оправдать себя перед самим собою,
Вздыхая говорит: «Такой уж год дурной!»
  Так поступил он и со мною:
Все то, что я открыл полезного ему,
Присвоил своему ленивому уму,
А то, что навлекло печаль ему, несчастье,
За глупость прошлую, за злобу и пристрастье, —
Весь сор и гниль, и грязь с души своей,
Дела свои худые, мысли, речи —
  Все на мои взвалил он плечи...
  И я как Каин, как злодей,
Запятнанный людским коварным родом,
Тащуся к вечности каким-то, черным годом!

1843

Ужасно!..
    Шум и крик. Смотри: ликует мир,

Все обнимаются как братья, —
Что значит этот общий пир
И эти братские объятия?

1842

Ошибка... суета сует...
Часы их время обгоняют, —
Еще я не покинул свет,
Они тебя уже встречают.

1843

Что значит шумный их восторг,
Их радость при моем вступленье, —
Обеты, клятвы в исправленье?..

1842

Душ и умов постыдный торг,
Основанный на преступленье!

1843

Смотри: враги сошлись... и вот
Друг друга с нежностью лобзают?..

1842

Как старый, так и новый год
Продажной дружбою пятнают!..

1843

Вот шепчет кто-то со звездой
Обет поистине благой:
«Прощуся с ролью тунеядца,
Сам буду службой заниматься,
Не буду слушаться *плутов*,
Не стану гнать сирот и вдов,
Как добрый друг, как добрый гений
Всех защищу от притеснений!»

1842

Объелся он и захворал,
И мысль пришла ему о смерти —
Палил огонь, давили черти, —
Он испугался, задрожал
И свой обет залепетал.
Но только боль пройдет в желудке, —
Он все забудет в те же сутки!

1843

Вот блудный сын — игрок и мот —
У ног отца лежит рыдая,

Разврат покинуть обещая
И о прощенье умоляя...

1842

Тут тонкой подлости расчет:
Срок векселям — на Новый год!

1843

    Вот литераторов семья —
    Без желчи, зависти и злости —
Меня встречать сошлись друг к другу в гости...

1842

Воистину примерные друзья —
До первой только кости!

1843

Вот журналист и патриот, —
Казнит пером шестой десяток
Разврат, порок, не терпит взяток...

1842

Пера без взятки не возьмет!
    С нагого схватит взятку.
За деньги пляшет круглый год
Патриотически вприсядку!

1843

Не верю я!.. не должен верить я!..
Смотри: вот шут, мудрец, торговец, врач, судья, —
Все, все — и юноши и доблестные мужи —
Дают обет быть лучше...

1842

            Будут хуже!
    Смотри — какого ждать добра, —
    Они тебя вином встречают,
    Пируют, пляшут до утра
    И что обещано вчера —
            Сегодня забывают!
Вступая в каждый год, заклятия дают —
Не лгать, не пить, не брать чужого, быть умнее,
            А лгут,
            Берут
            И пьют
    Год от году сильнее...

Во второй статейке титулярный советник Белопяткин, который

...прежде чем освоился
Со службой, все краснел,
А после успокоился,
Окреп и потолстел, —

рассказывает очень смешно и наивно все новости Петербурга. Он обещает со временем к своим запискам приложить свой портрет, который послал гравировать в Англию. Да, говорит он:

Как скоро он воротится,
Явлюсь на суд людской,
Без галстука, как водится,
С небритой бородой.

Петербург он описывает так:

Столица наша чудная
Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей.
Здесь все без исключения
Возможно для людей:
При деньгах вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть
(Где розы, там и тернии —
Таков закон судьбы!
Бедняк, живи в губернии:
Там дешевы грибы).

А вот и описание Большого театра и его новинок:

Когда беда случилася
И хочешь, чтоб в груди
Веселье пробудилося, —
В Большой театр иди.
Так ножки разлетаются,
Так зала там блестит,
Так платья развеваются, —
Величественный вид!..
Ох!.. много с трубкой зрительной
Тут можно увидать!
Ее бы «подозрительной»
Приличней называть.
Недавно там поставили
Чудесную «Жизель»

И в ней плясать заставили
Приезжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Виват, девица Гран!
В партере все решительно
Кричали «*Се шарман!*»
Во мне зажглася заново
Поэзией душа...
А впрочем, *Андреянова*
Тут тоже хороша!

Белопяткин заключает свои записки известием об освещении газом нашего Гостиного двора. Вот как смотрит на это наш титулярный советник:

Проехав мимо нашего
Гостиного двора,
Я чуть, задетый заживо,
Не закричал: ура!
Бывало, день колотишься
На службе так и сяк,
А чуть домой воротишься,
Поешь — и день иссяк:
Нет входа в лавки русские!
Берешь жену и дочь
И едешь во французские,
Где грабят день и ночь.
Теперь — о восхищение:
Для сердца и для глаз! —
В Гостином освещение:
Проводят в лавки газ!
Ликуй все человечество!
Решилось, в пользу дам,
Российское купечество
Сидеть по вечерам, —
И газ распространяется
Скорехонько с тех пор
Ну, точно, *просвещается*:
У нас Гостиный двор!

Вот отрывки из содержания книжечки, которая, как кажется, будет возобновляться частенько. О многих еще предметах рассуждает г. Белопяткин и все в том же роде и с таким же искусством, как в приведенных отрывках. Шутка забавна — нельзя за нее рассердиться и критике! «Статейки в стихах» продаются в конторе «Отеч⟨ественных⟩ записок» и «Литератур⟨ной⟩ газеты» у книгопродавца А. Иванова. ⟨...⟩

1844

ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ

ПИСЬМО ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ В ПРОВИНЦИЮ К ПРИЯТЕЛЮ

⟨2 марта 1844⟩

Прежде нужно рассказать историю письма. Я шел по Владимирской. Меня толкнул и обогнал человек в рыжей енотовой шубе, с лицом мрачным и озабоченным. Он бежал так скоро, что его можно было принять за должника, навострившего лыжи от мелькнувшего в стороне кредитора, и вздыхал и гневно бормотал невнятные речи. Шагах в двадцати от небольшого каменного дома, на котором между прочим находится надпись: «Третье почтовое отделение», ему попался господин величественной наружности, тоже в енотовой шубе, очень хорошей. Мрачный господин с живостию снял шляпу, — из которой тотчас выпало письмо с красной печатью, — и поклонился с тою почтительною скоростию, в которой неподражаемы чиновники, хорошо знающие службу. После того он надел шляпу и продолжал свой путь. «Милостивый государь, вы потеряли письмо!» — кричал я вслед ему, но мрачный господин шел так скоро, что ничего не слыхал, и через минуту скрылся в дверях почтового отделения. Между тем я поднял письмо и прочел адрес: *В Р-в Б-бск, его благородию милостивому государю Калине Павловичу Кобелеву, градскому акушеру и кавалеру*. Спустя минуту мрачный господин воротился, захлопал глазами, засуетился, натолкнулся на меня, чуть не сбил с ног и — не извинился. За такое оскорбление я счел себя вправе не возвратить письма и с четверть часа с непростительным наслаждением любовался, как мрачный господин метался из стороны в

сторону, и еще с большим наслаждением слушал выразительные слова, которыми он журил себя за беспечность. Наконец я пришел домой, прочел письмо и рассудил, что лучше всего его послать в типографию. Вот оно:

*«Милостивый государь и любезный друг
Калина Павлович!*

Жизнь человеческая подобна кораблю, обуреваемому волнами. Ничего нет изменчивее счастия человеческого. У меня был приятель; влюбился, посватался, заказал новую пару, только бы обвенчаться: идет к начальнику просить позволения, а начальник ему в ответ: „Можете делать, что вам угодно: вы уж больше не служите!“ Идет к невесте: по лицу так и видно, что в кармане отставка; невеста надула губки, мать прочла рассуждение о непрочности человеческих надежд в отставке, — и свадьба расстроилась! У меня был знакомый: целый век скупал разную рухлядь по базарам, столикам и ветошным лавочкам: „Хоть и не нужно, да дешево, — говорит, — пригодится!“ Раз идет по рынку; человек в фризовой шинели держит в руке фуляр. — Что просишь? — „Четвертак, ваше превосходительство!“ — Двугривенный! — „Маловато, ваше высокоблагородие!“ — Восемь гривен! — „Так и быть, для вашего сиятельства! Пожалуйте деньги!“ Мой знакомый купил фуляр. Идет да рассматривает: сердцу так весело, платок почти новый и такой хитроузорчатый! Вдруг к нему господин почтенной наружности, в хорьковой шубе: „Позвольте узнать, где вы взяли фуляр?“ — Купил и очень дешево; посмотрите: новехонький! — „А у кого?“ — У кого? право, не знаю. Вот сейчас... в фризовой шинели... — Знакомый мой оглянулся, но уже человека, продавшего ему фуляр, нигде не было. — „Я вас не могу отпустить, — сказал господин в хорьковой шубе, хватаясь за рукав шинели моего знакомого. — Потрудитесь дойти со мной к надзирателю“. — А зачем бы так? — „Там узнаете!“ Знакомый мой хотел было отделаться, но господин в хорьковой шубе сказал, что прибегнет к помощи городового. Пришли в полицию. Дело было очень просто: при платке пропало вещей на четырнадцать тысяч. Вот поди теперь отбояривайся! Плохи шутки, когда „поличное“ в руках оказалось!.. У меня был родственник: он очень любил путешествовать по России и пить национальные настойки; но путешест-

вовать и пить вместе как-то неловко, да и убыточно. Родственник мой придумал средство совместить свои два любимые наслаждения в одно: он взял несколько десятков графинчиков, каждый наполнил водкой и на каждом прилепил ярлык с названием какой-нибудь губернии; графинчики расставил по окошкам. Только что проснется и тотчас задает себе вопрос: „В какую бы съездить губернию?“ Положим, для начала хоть в „Енисейскую“; съездит в Енисейскую; через полчасика в „Казанскую“, через час в „Астраханскую“, и так в продолжение дня, не выходя из комнаты, объездит он до двадцати русских губерний, а иногда и более. Если жизнь вообще называют путешествием, то жизнь моего родственника можно было назвать путешествием по преимуществу. Так путешествовал он несколько лет сряду и был совершенно счастлив; одно немножко его беспокоило: при всей своей деятельности и неустрашимости, он не мог в продолжение дня объездить всей России; правда, бывали счастливые дни, в которые ему случалось околесить до сорока губерний, но сорок губерний не составляют еще России. Совесть и сознание своей ничтожности мучили моего родственника; не вполне удовлетворяемое чувство с каждым днем говорило сильнее. Малу-помалу мысль объездить в один день всю Россию до того овладела туристом, что он и спал и видел тот день, когда совершится его пламенное желание, — и вот великий день тот настал: родственник мой побывал уже в сорока трех губерниях и не чувствовал большой усталости; часу в двенадцатом ночи он был уже в сорок шестой, но, увы! бренное тело ему изменило: он упал и „испустил дух“. (Я не люблю нововведений и выражаюсь, как принято). Дюмон-Дюрвиль объездил весь свет и погиб на незначительном переезде из Парижа в Версаль. Родственник мой объездил сорок шесть губерний и погиб на пути в сорок седьмую! Смерть застала его в ту самую минуту, когда, отдав визит Костромской губернии, он приближался к своей родной — Ярославской. Счастливый в самом несчастии человек! по крайней мере умер на родине! В Ярославле хотят воздвигнуть ему памятник... Но что же такое памятник? Вознаградит ли человека памятник за несчастия и ремизы, понесенные в жизни? И разве слаще спится в могиле, над которою стоит памятник, чем в той, над которою качается плакучая ива, цветет роза и насвистывает порой залетная птица?..

Теперь скажу о себе. Счастье гонит меня беспощадно. Позавчера я играл в преферанс. Вообрази... (Здесь следует подробное исчисление обстоятельств, послуживших поводом к жалобам на изменчивость счастья; рассказывается ход игры, приводятся замечательные деления карт и пр. Все это без большой потери для читателей может быть выпущено. После нескольких раздирающих душу „увы" автор письма восклицает:) Можешь представить, каково было мое положение! Схватываю шляпу и бегу на Неву; но на Неве, несмотря на позднюю пору, было так много собак и извозчиков, что я никак не мог утопиться! Нечего делать, иду домой. Вхожу в спальню: света никакого нет, а, кажется, был свет... Жена так храпит, что захрапи я так, меня, верно, взяли бы на замечание! Стал раздеваться. Поутру проспал: „Чаю или кофею, — человек спрашивает, — прикажете?" — А я ему как в трагедиях: „яду!" Дурак вытаращил глаза и подал графин ерофеичу. Выпил; стал бриться; так верхнюю губу чуть не насквозь и разнес... за что только счастье меня преследует?.. Взорвало меня. Налепил английский пластырь и говорю: „Что это у тебя, душенька, как я вчера подходил, в спальне, кажется, свет был?" — Бога вы не боитесь, Иван Александрыч! Свет... чтоб жена ваша в пятом часу ночи имела у себя свет! — Заплакала. — Это у вас, — говорит, — темнота стояла в глазах... не знаю только отчего!.. — Слово за слово — побранились. Надо бежать вон из дома. Утром хорошо. Ну, а по вечерам? Играть — нет уж, слуга покорнейший; если б не пост, стал бы ходить в Александринский театр. Нечего делать, надо в концерты...

И вот начал ходить в концерты (здесь следует подробное описание многих концертов; но так как в нынешнем № „Лит⟨ературной⟩ газ⟨еты⟩" выше помещена уже статья о концертах, то мы принуждены эту любопытную часть письма исключить). А! надоели концерты! Махнул рукой. Есть у меня щелкопер знакомый. — „Что, — говорю, — нет ли нового в литературе чего-нибудь?" — Есть, — говорит, — „*Юродивый мальчик*"!.. а я ему: „Сам ты юродивый мальчик!.. Ты дельное что-нибудь говори". — Есть, — говорит, — „*Воскресные посиделки*"; а я опять ему... Так ничего и не добился. Такая уж литература, говорит! Нет, уж мне лучше что-нибудь иностранное, говорю, и пошел иностранные газеты читать. Взял первую, да как раз и попал на масленицу. Уж таков француз: у него и в пост масленица. Нет масленицы, так он себе в

газетах сочинит масленицу (по-ихнему карнавал). До сей поры еще наперерыв тамошние щелкоперы описывают карнавальные увеселения, особенно последние дни масленицы, дни шумные, когда без расчета веселятся и старый и молодой человек. Газеты с картинками представляют масленицу в разных видах, а иногда просто не поймешь, что тебе нарисуют. В каждой стране наслаждаются в масленицу по-своему. Русский человек ест блины девять раз в день и катается с гор почти совершенно без экипажа. Француз каждую масленицу потешается странным зрелищем, так что я и сказать не могу. Вот послушай, переведу:

„Минувшая неделя (говорит один тамошний щелкопер) особенно замечательна была явлением одной важной особы; в течение двух дней эта особа посещала самые многолюдные кварталы, самые главные улицы, всюду возбуждала безмерное любопытство, осыпаема была великолепными почестями: герольды, всадники с касками на голове составляли ее свиту; без умолка бил барабан, гремела полковая музыка. Главный штаб ее состоял из греков, римлян, рыцарей, вооруженных с ног до головы, царедворцев Лудовика XIII и Лудовика XIV. Этого мало: боги и полубоги состояли в свите ее; Геркулес, Геба, Венера, Марс, Купидон, Бахус, Юнона, Минерва, Аполлон, сам Юпитер, страшный Юпитер, провожали ее, — и старый Сатурн не постыдился влезть на колесницу и взять в руки вожжи.

Другой возгордился бы такими неслыханными почестями и стал бы ожидать, что люди, желающие видеть его, сами станут сбегаться к нему; но упомянутая особа показала, что она не взыскательна насчет этикета; она лично сделала визиты знатнейшим обитателям столицы. Так, она являлась с визитом к министру финансов, к г-ну Созе, президенту палаты депутатов, к маршалу Сульту, к президенту палаты пэров, к г‹осподам› Кюнен-Гридэну и Дюшателю; но самый торжественный визит ее был в Тюльерийский замок; там-то она старалась показаться как можно любезнее и интереснее.

О какой важной особе говорим мы, спросите вы? Об особе весом в тысячу триста семьдесят килограмм, о чуде карнавала, масленичном быке (Boeuf gras).* Три дня разгуливал масленичный бык, покрытый велико-

* Жирный бык (*франц.*).

лепной попоной; голова его украшена была перьями и лавровым венком. Его вели два жертвоприносителя, с дубинами в руках, покрытые по древнему обычаю тигровыми кожами. За ним следовала колесница, крытая малиновым бархатом, с позолоченными колесами, везомая четырьмя лошадьми, разукрашенными с головы до ног; на ней восседал Сатурн с своей косой. Три дня продолжалось торжество масленичного быка; оно началось в воскресенье в десять часов утра и кончилось вечером во вторник на монмартрской бойне. Служившие и льстившие быку во время могущества его съели его в бифштексе после его падения. Масленичный бык погиб, карнавал умер! Яркое солнце, лазурное небо озаряли последний день его торжества; нельзя было веселее кончить жизнь, нельзя было иметь свидетелями кончины более усердных друзей. С полудня половина Парижа расположилась у окон, чтоб видеть, как будет проходить карнавал; другая половина теснилась на улицах; все пространство от церкви Магдалины до Бастилии покрыто было народом“.

...Вот брат, Калина Павлович, и все тут. Нет, уж, видно, как несчастье, так и в иностранных газетах ничего не найдешь. Знаешь ли что? Возьму я перо, запрусь в кабинете, да начну сам сочинять. Авось, лучше напишу. А там — знакомому щелкоперу... он, глядишь, где-нибудь и напечатает... да еще, пожалуй, и деньги дадут. Можно будет пульку того... Ведь за эту дрянь, что они пишут, им, говорят, платят!»

Здесь оканчивается письмо неизвестного господина, или, так сказать, petites misères de la vie humaine * в русском роде... Интересно знать, что-то напишет неизвестный господин? Не прислал бы в нашу газету!..

⟨Статья первая⟩

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

⟨6 апреля 1844⟩

Когда-то, помнится, в 9 № «Лит⟨ературной⟩ газ⟨еты⟩», было напечатано письмо петербургского жителя в провинцию, найденное случайно на тротуаре. Письмо,

* Мелкие невзгоды человеческой жизни (*франц.*).

если помнят читатели, заключало в себе откровенное описание приключений и неудач его автора и оканчивалось обещанием приняться за перо. Прочитав тогда это обещание, мы печатно изъявили опасение, чтоб неизвестный автор письма не прислал к нам первых плодов своего вдохновения. Так и случилось! Перед нами теперь довольно толстая тетрадь, исписанная тою же самою рукою, которою писано было письмо. При ней пришито вначале, как отношение, при котором препровождается дело из одного присутственного места в другое, письмецо следующего содержания: «Препровождая при сем к напечатанию в „Литературной газете“ сей слабый опыт, уведомляю почтеннейше, что со временем, буде сия первая статья моя будет напечатана, то за оною последуют другие. Буде же она будет сочтена поступившею в брак, то прошу меня уведомить о том, чрез надписание на сей статье или особым письмом». Подписано: «И. А. Пружинин».

Что ж это за статья?.. Мы знаем много способов возвращать сочинителям рукописи, то есть называть этих сочинителей в глаза плохими, — чрезвычайно учтиво и ловко. Этому научила нас необходимость. Нам ничего не стоило бы возвратить обязательному сочинителю его рукопись при чрезвычайно вежливом письме, — даже сказать ему лично, что статья превосходна, но что редакция не решается печатать ее, желая, чтоб она была напечатана там, где может обратить на себя бóльше внимания; мы могли бы отговориться несоответственностью статьи с программою газеты, с ее *духом* и *направлением*, или значительным накоплением материалов, которое препятствует редакции поделиться с читателями «этою прекрасною статьею» так скоро, как бы та статья заслуживала, и пр., и пр. И всё это было бы очень хорошо. Нет ничего неприятнее беспрестанной необходимости сказывать плохим сочинителям в глаза, что они плохие сочинители; но она имеет свою хорошую сторону: посредством ее привыкаешь, как говорится, позолачивать горькие пилюли, и — что всего утешительнее! — есть сочинители, которые от души верят всему, что говорит им журналист, возвращая статью. Зато как они разочаровываются, в какое негодование приходят, как громко жалуются на явную несправедливость и изменчивость журнальных суждений, когда тот же самый журналист, возвративший сочинителю

рукопись с такою сладкою похвалою и обязательною улыбкою, встречает ее, ту же самую рукопись, явившуюся в печати отдельной книжкой,— строгим и убийственным приговором, который вошло в обычай называть «бранью», хоть часто он справедлив, как сама справедливость! Тут уж никак не уверите сочинителя, что он с своим гневом не совсем прав, а журналист с своим хладнокровным осуждением не совсем виноват. «Да помилуйте! да он мне сам говорил совсем другое!» — кричит сочинитель. — «Говорил!» — Вот в этом-то вся загадка. Скажите на милость, что вы будете делать с человеком, который ежедневно преследует вас письмами, удостоивает ежедневного посещения вашу прихожую, в простодушной надежде застать вас когда-нибудь дома, и, наконец, как-нибудь насильно врывается в ваш кабинет, ловит и останавливает на улице, нежданно-негаданно является перед вами в маскараде, в театре? Ну, как тут не сказать сочинителю, что рукопись превосходна: ведь надо ж от него отвязаться! Но плохие сочинители ничего этого не берут в расчет, и в глазах их — журналист, который говорит им одно, а пишет другое, навсегда остается человеком, переменяющим свои мнения как перчатки. Они о том громко рассказывают и, как неотразимый пример, всегда приводят случай с их собственной рукописью. Многие при этом сострадательно пожимают плечами и восклицают: «О литература!» Я тоже пожимаю плечами, но не восклицаю...

Это отступление произошло совершенно случайно, хотя, к сожалению, решительно нейдет к делу. Оно так и останется «отступлением» или, если угодно, «вступлением». Для ясности самого дела нужно было только сказать, что у нас есть много способов позолачивать горькие пилюли, но мы не употребили ни одного из них с г-ном Пружининым и оставили рукопись его у себя. События, которые в ней описаны, так кстати, что мы решились ее напечатать. Это, изволите видеть, дневник г-на Пружинина с того самого дня, когда потерял он письмо, адресованное к приятелю и попавшее в нашу газету, и когда он решился писать. Он описывает всё с ним случившееся до малейшей подробности. Его преимущественно занимали концерты и ссоры с женою: то и другое описано мастерски; но о концертах мы уже писали, а самое красноречивое описание ссоры с женою

не может сравниться с действительною ссорою, опыт которой женатый читатель может произвесть сам во всякую пору. Стало быть, концерты и супружеские ссоры лишнее... Мы начнем именно с того времени, когда то и другое кончается: со Страстной недели. Итак, приступим...

Понедельник, 20 марта.

Вчера в последний раз ел рыбу и масло. Чудесная вещь рыба: по-моему, лучше говядины. Только дороже, а то целый век стал бы есть рыбу. Масло конопляное тоже хорошо, только голос портит и в горле как-то неловко, как много в кашу положишь. Каша лучше всего, но уж тут постное масло — извини! с скоромным вкуснее. Особенно люблю пенки. Вытащишь этак сбоку... помазал маслом, посолил... а верхняя пенка! Я всегда прошу Матрену Ивановну: «Прикажите, Матрена Ивановна, кухарке, чтобы жарче топила, когда у нас каша, и кашу в самый жар ставила, чтоб была пенка поджаристая». Каша хороша тогда только, когда красна, рассыпается. Прежняя кухарка наша совсем не умела варить кашу. Зато чудесно жарила корюшку. Корюшка очень дешева бывает весной, да тогда ее есть нельзя: воняет черт знает чем.

После обеда пришел купец. «Так и так», — рассказал дело. «Напиши, — говорит, — челобитную». — Мошенник, по глазам видно, мошенник, козлиная борода! Дело скверное: с братом тягается. «Нет, — говорю, — времени не имею!» Так нет же, пристал: «Я ни за чем не постою, что хочешь возьми!» — и вынимает пятидесятную. — Подумал, подумал: «Приходи после Святой, — говорю, — на нынешней неделе я, братец, не могу».

Вторник, 21 марта.

Опять чуть не поссорился с женою: привязалась, зачем я всё в окошко смотрю... А что ж больше и делать, как в брюхе ворчит... «Ты, — говорит, — и теперь даже рад»... ну и пошла... у ней всё одна песня: ревнует. А чего! Не на что и смотреть-то: в шесть недель только сотни три собак пробежало, да отставной солдат из соседней улицы заходил, да парные санки проехали... знаю, чьи... ох, знаю!.. зачем... Такая уж у нас улица, что на ней очень много собак и мало людей... точно не в Петербурге! Да и какая же улица: всего один дом...

зато заборы чудесные... и деревья видно... лето придет, позеленеют... «Сказал бы тебе», — говорю... и хотел было... да для великих дней промолчал. — Заплакала и говорит: «Вы, — говорит, — уж и говорить со мной не хотите!» — «Не хочу, — говорю, — дайте мне покой, Матрена Ивановна: пусть я не буду сегодня грешить; я и так грешный человек перед богом». Унялась.

Не выдержал — согрешил. Хотел есть один раз в день, поел два, а всё оттого, что Матрена Ивановна давеча меня рассердила; шибко очень бежал: проголодался. Ох, Матрена Ивановна! А совсем было лег — не спится; стал читать — не читается. Так вот и мерещится: «Не дожить мне до завтрашнего дня: умру я впросонках с голоду!» Испугался, вскочил, сам побежал на кухню, да с перепуга и съел целую миску гороха, груздей соленых штук до двадцати съел, хлеба ломоть и квасу кружку хлебнул. Хорошо очень спал.

22 марта. Середа.

Очень раскаивался, как вспомнил, что вчера ночью сделал. За обедом налягу на хлеб: хлеб долго лежит в желудке, и с него не скоро проголодаешься. Каша бы еще лучше; кабы хорошенько каши поел, небось ночью бы не захотел, да без масла нехорошо... эх! Ну, да авось уж недолго... за все себя награжу... выпью водки, венграфу бутылку куплю... полакомлюсь ветчиной... яйцами, пасхой, — кулича с кофеем съем... чудесная штука кулич с кофеем! а за обедом напьюсь!..

23 марта. Четверток.

В баню вчера ходил. Чудесная вещь — баня. Я четыре вещи люблю на свете: тройку с колокольчиками, кашу, самовар и баню... — Ничего почти не ел. Целый день всё думал... Нет, ежели тот купец придет, я его прогоню...

24 марта. Пятница.

Чудное дело, как легко на душе — как будто и свет лучше, и люди добрее. Чувствуешь какую-то сладость, в воздухе благовоние.

25 марта. Суббота.

Случилось ужасное происшествие. Часу в двенадцатом гулял я по Невскому. Народу было множество. Солнце светило ярко, и погода была прекрасная.

Встретился со мной один из моих знакомых, очень красивой наружности, добрейший и благороднейший человек, из всех каких я знаю, — в гороховом пальто, выписанном на днях из Парижа. Удивительное пальто! На внутренней стороне грудных полочек пришиты еще полочки, которые сходятся посредине и застегиваются: выходит что-то вроде жилета. Расчетлив стал нынче француз: из одного платья два делает. — Здоровы ли вы? — «Не совсем; грудь болит. Кроме супу ничего не ем и кроме воды ничего не пью». — Пошли вместе. Толкуем, да вперед подвигаемся. Навстречу нам приятель красивого господина и мой тоже знакомый — большой оригинал, ходит бочком, лоб высокий: волосы напереди уж немножко того... реденьки; улыбка такая, смотрит, кажется бы, и ничего, а всё боишься, не сказал бы вдруг: «Какая у вас глупая рожа!» На слова молодец, даже, кажется, сочинитель. Пошли все трое. Вдруг навстречу нам всему свету приятель, молодой человек пятидесяти девяти лет с хвостиком. Раскланялись, вытянулись в шеренгу и пошли все четверо к Полицейскому мосту. Забыл, о чем говорили. Только разговор был преинтересный, даже, кажется, назидательный: что-то касательно того, каким образом разжилась какая-то модистка, у которой сначала не было ни одного платья, кроме того, которое было на ней, да того, которое красовалось на ее вывеске. Очень много смеялись. Высокий лоб острил и часто очень удачно; он мастер острить. Попался навстречу купец в белой шелковой шляпе и оливковом бекеше, обшитом вокруг — сверху, снизу, сзади — собольей опушкой вершка в три шириною: преинтересная фигура! Все на него оборачиваются, даже некоторые улыбаются, а он себе ничего; видно, думает: «дураки все вы!» или подобное что-нибудь. Попался также какой-то отставной чиновник почтенных лет, в коричневой шубе на беличьем меху. Попадалось и еще много хороших людей, да всех не пересчитаешь. Когда проходили мимо Палкина, молодой человек известных лет с хвостиком посмотрел на вывеску и вздохнул. Никто этого не заметил, кроме меня. Когда проходили мимо Излера, он опять вздохнул и так посмотрел... Против Доминика он спросил меня: «Не хотите ли вы есть?» Я хотел, да смолчал; думаю: осудят, что рано так есть захотел. У Полицейского моста молодой человек известных лет уже громко изъявил желание выпить водки

и закусить. Я молчал, другие также молчали. Тогда молодой человек предложил нам прослушать небольшой анекдот. Анекдот незатейливый: «Жил на свете один почтенный человек, который очень любил некоторого рода селянку; он ел ее каждый день и помногу; наконец однажды хватил чересчур много и умер, а селянка с того дня стала называться его именем». Понятно, к чему клонился рассказ молодого человека известных лет: ему хотелось попробовать этой селянки и возбудить в нас то же желание. И он не ошибся. Не знаю, как другие, но я тотчас почувствовал, что для полного счастия мне чего-то недостает. Солнце светило так ярко, ни одной тучки не было на небе, ни одного кредитора не попадалось мне навстречу, ни одного пятнышка не было у меня на душе и на сапогах; тротуар был сухохонек... чего ж могло недоставать мне, кроме селянки? Я сообщил об этом занозистому человеку с высоким лбом. Он сообщил мне, что ему тоже чего-то недостает; красивый господин сказал то же. Мы долго думали; наконец догадались, что у всех нас *недостает* духа отказаться от предложения молодого человека известных лет, и повернули назад от Полицейского моста. Вот наконец и близко. Входим в трактир по лестнице — я, занозистый человек и молодой человек известных лет скорыми шагами, а красивый господин отстал: плетется нога за ногу. Занозистый господин обернулся и сказал: «Посмотрите, господа, как идет: точь-в-точь *из трактира*!» Это было сказано очень остро, потому что мы все, даже и красивый господин, тотчас невольно захохотали, а это лучшее доказательство, что острота хороша. Пришли без дальних приключений в особую комнату. Заказали селянку. Да еще не одну. Красивый господин говорит: «У меня также своя есть селянка!» и велел сделать и свою также. Лакей хлопнул глазами, как цапля, сказал «слушаю-с» и ушел. Принесли водки. Молодой человек рассказал, как один чиновник умер от употребления кюмелю с ромом, и выпил две рюмки кюмелю с ромом; мы выпили без рома; закусывали икрой и семгой. Ждем полчаса — нет ни селянки, ни даже прислужника; наконец пришел прислужник. «Что же селянка?» — «Сию минуту!» — исчез, хлопнув глазами, и воротился через десять минут с хлебом и приборами. «Что же селянка?» — «Сию секунду!» И опять хлопнул глазами и скрылся. Желудок мой пришел в

ярость. Но делать было нечего. С горя завернул в бильярдную.

Скучно! только и слышно: сорок один и никого! При мне маркер проиграл партию одному важному господину с благородной наружностью и пролезал под бильярдом. Это хорошее обыкновение: бедному человеку ничего не стоит пролезть под бильярдом, а между тем выиграй он — он бы получил пять рублей; а богатому человеку тоже пустяки заплатить. Это немножко развеселило. Воротился к своим. Селянки еще нет, а бутылка портеру уж стоит, и шампанское на другом столе в серебряной вазе стынет. «Не много ли будет, — говорю, — господа?» Да красивый господин напомнил, что сегодня разрешение вина и елея: я и обрадовался. Наконец принесли селянку, в кастрюльке. Съели: хороша. Запили портером. Принесли другую, на сковороде: очень хороша. Когда-нибудь и ею объестся какой-нибудь гастроном и увековечит таким образом свое имя. Едим да по временам запиваем шампанским. Занозистый острит; мы туда же за ним... хохочем... весело... Никто не ожидал трагической развязки, которую судьба готовила этому случайному водевилю, ничье сердце не вздрагивало тайным предчувствием, и ни на чьем челе нельзя было прочесть и тени того беспредельного ужаса, в который судьба готовилась нас повергнуть. Так иногда небо чисто, солнце горячо и весело; вдруг, откуда ни возьмись, набежит туча, солнце спрячется, хлынет дождь, загремит гром: закрывай ставни! Я всегда закрываю ставни, когда наступает гроза...

Вдруг красивый господин, который ел с особенным аппетитом, страшно изменился в лице; вилка судорожно закачалась в его мощной руке и остановилась наконец в воздухе, приподнятая кверху. На вилке что-то качалось вроде луны в первую четверть месяца, не цветом, а по фигуре. Цвет был беловатый. В молчании красивый господин снял с вилки таинственное полукружие другою рукою и подверг долгому, внимательному рассмотрению, потом передал молча соседу — занозистому господину; занозистый передал мне, я — молодому человеку известных лет; каждый из нас рассматривал и передавал странную вещь в торжественном и мрачном безмолвии; наконец, когда очередь снова дошла до красивого господина, он поднял на вилке таинственное полукружие

кверху и произнес ни громко, ни тихо, угрюмым голосом: «гусиная шейка!» и все мы повторили за ним: «гусиная шейка», и даже посторонние свидетели этой трагической сцены повторили голосом, выражавшим сострадательное участие: «Точно, гусиная шейка», а один из них очень серьезно принялся шарить, нет ли говядины в постных щах, которые он себе вытребовал. Не оказалось.

Жене ничего не рассказал. Куда! Сказал, что встретил на Невском нужного человека и с ним все ходил да толковал о делах. Ел через силу.

Воскресенье, 26 марта.

Чудное дело, какими чувствами наполняется душа в эти торжественные часы, когда с минуты на минуту ждешь — вот грянет колокол, возвещающий радость величайшую и всеобщую! Куда спать! Если б даже и не грешно было спать, никогда бы человек не заснул в эту ночь, потому что множество мыслей не мелочных, не ежедневных, но каких-то особенных, так что я и описать не умею, приходит в голову. Сидишь и думаешь, всё думаешь, думаешь... Грешные, все мы грешные люди! Нет в нас этого, чтобы почаще думать о небе и о всем том... молиться... нет! погрязли мы в суетах и думаем только об одних суетах, глупостях, тешим плоть свою, не заботясь о душе... И так всё думаешь, думаешь... даже слеза прошибет, и слово даешь сам себе быть благороднее, лучше... Великие минуты!

Молился у Владимирской. У!.. что только и за теснота: яблоку негде упасть... Ну да и винить некого: никто не враг душе своей, всякий хочет в такой великий день помолиться. В Петербурге, оно правду сказать, не то чтобы в Москве, и церквей не так много, да ведь еще давно ли и сам-то Петербург основался? Если всё будет в нем так прибывать, как доныне прибывало, так он Москву в 50 лет превзойдет.

Часу в пятом пришли домой. Закусывали с женою, да еще родственник бессемейный пришел... Плохо в этот день бессемейному человеку... Один, во всем один... Один ступай в церковь... один садись за стол... не с кем разделить радость. Грешный человек, лишний стакан выпил.

Скажите, пожалуйста, скоро ли человек будет умнее? Вот наступит первый день великого, торжественнейшего праздника. Сидеть бы дома, провесть его в кругу семей-

ном, в приличных разговорах, — так нет! поезжай с поздравлениями! Оно, конечно, нельзя: уважение дело великое. Да зачем же человек не придумает как-нибудь, чтоб доказывалось оно другим образом? Да я бы первый лишних в год пять раз продежурил, только не тронь меня в праздник! Я из праздников только и живу на сем свете. В будни я... да что много говорить, в будни меня и на свете нет... Оно, конечно, придумали хорошо: заменять визиты печатным объявлением при пожертвовании в пользу детских приютов... Хорошо, да только для тех, для кого всяческое хорошо. А наш брат попробуй-ка... У! скажут: уж он нынче вот как! Денежки завелись и амбиции много: лень самому съездить! Печатно изволит поздравлять, к князьям и генералам в товарищи в печати залез... Нечего делать; для всякого случая лучше самому съездить, с швейцаром раскланяться, камердинеру сунуть... Ох! эти швейцары и камердинеры!.. Вытянется да так на тебя и смотрит... Дать жалко и не дать жалко... то есть не жалко... а так... не ровён гусь... Глядишь: полтинником меньше в кармане... А всё за что? Да так! посмотрел на жирную рожу, да расписался на листе скверным пером... как самая последняя спица... даже росчерк при фамилии боишься употребить... К другому — та же история; к третьему — та же! А впрочем, что много толковать, что жаловаться, когда так во всем свете. Одно досадно: дóроги извозчики... как раз дневное содержание прокатаешь... да, глядишь, и мало еще... а дорóга! Скажите, пожалуйста, что это в Петербурге за дорога бывает в Святую! Ни на санях, ни на дрожках, ни пешком, ни верхом! Ездил я много по разным губерниям, даже по проселочным дорогам в весенние разливы таскался... Куда! и подобия нет! Держишься на дрожках, трясешься, как испуганный жид, да думаешь: вот тряхнет и пополам тебя перехватит! На санки сел: уж и не думай обедать! Грязи столько в рот навалит, что как ни отплевывайся, а все сыт будешь... А на платье, а по лицу... Меня уже пятнадцать лет никто по лицу не бил... а сегодня такую затрещину съел... тысячи рублей не взял бы!

А всё-таки ездил. Прежде всего, разумеется, по начальству. Для краткости приведу здесь стихи одного моего знакомого щелкопера: точь-в-точь про меня писано!

Я с час пред умывальником
Мучительный провел,
Когда с своим начальником
Христосоваться шел,
Умылся так рачительно,
Чуть кожу не содрал,
Зато как снисходительно
Меня он лобызал!
Дал слово мной заботиться,
Жал руку горячо,
А я его, как водится,
И в щеку и в плечо!
Вот жизнь патриархальная,
Вот служба без химер.
О, юность либеральная!
Бери с меня пример!

Я нарочно все в подробности бессемейному родственнику рассказал... «Вот, — говорю, — учись, как жить на свете; пример у тебя в глазах, а будешь важничать, нос поднимать... ты что за штука такая?.. с чего тебе нос поднимать?» И много я еще ему говорил... Я люблю, чтоб и другому было... не всё же себе одному... — «Благодарю, — говорит, — дядюшка! благодарю...» — и слезы в глазах... нагнулся... и чмок меня в руку. Мальчишка способный. Будет прок!

Сели обедать. Что было после обеда — ничего не припомню.

Понедельник, 27 марта.

...Сегодня пришел тот купец... принес голову сахару и фунт чаю... Хотел настоять, чтоб назад взял, да не успел: только похристосовались, он и тягу... яйцо чудесное дал: развинчиваю — три золотых. Ну что будешь с ним делать! Разве ведь я просил? Отослал бы всё обратно, да не знаю, где он живет...

Вечером играл в преферанс. Выиграл 124 поэня. Жене сказал 71. Агапопит Стахич играл семь в червях и был без пяти.

Вторник, 28 марта.

Целый день шатался по балаганам. Глазел на вывески. С ледяной горы прокатился. Чего, подумаешь, не выдумает человек! Весной ледяные горы! Да ведь как хитро сделаны: накрыты во всю длину и с боков парусиною, чтоб солнце не действовало на лед... а всё прочее, как и всегда. Мне, признаться, совестно было

прежде кататься... Ну, как бы то ни было: всякий видит, сидит Иван Александрыч на салазках и едет с горы! Как-то и вид неприличен... Опять же, я хоть не велика птица... ну да тоже подчиненные есть... два, три... какой же, возьмите, пример?.. А тут дело закрытое: сел себе, да поехал... никто не видит тебя... Да еще то ли? Глядишь... а этак за тобой или впереди тебя едет... Ну, понимаете?.. Можно и глазки сделать... дело закрытое... Эх, кабы было свободное время! написал бы целый роман и назвал бы *«Под парусиной»* — то-то бы вздору нагородил! Ремесло сочинителя начинает мне с каждым днем больше нравиться: можно врать, что угодно...

На Исакиевской площади все как всегда в таких случаях. Огромные балаганы, качели, железная дорога, пряники, орехи, красные самовары и красные рожи. Поют, перекликаются, катаются, качаются, бранятся, щелкают орехи и громко хохочут. Я ходил только в три балагана: к Сулье, к Легату и к Родольфу. На что не ухитрится человек! Посмотрели бы вы, какую чертовщину показывает Родольф... А ведь, я уверен, всё штуки, не больше, как штуки... Ну, где ему, в самом деле, что-нибудь сверхъестественное представить... А хорошо! Только много очень уж говорит. Сидит подле меня офицер. — А для чего, — говорю, — так много он говорит? — «А вот видите, — говорит, — чтобы тем временем штуки свои приготовить». — Так-с, покорнейше благодарю. Я сам то же думаю. — Умный, должно быть, человек, офицер... Хороша штука с платками... просил и у меня платок... Я было и вытащил... глядь... за одно табак не люблю: беспрестанно переменять платки надобно! Посмотрели бы вы, как из платков зонтик вышел. Умора! Много любовался я также мальчишкой. Бестия, не больше как пятнадцати лет... а так с французского переводит... и рожи такие строит... остроумие ему нипочем... и хорошо... хоть сейчас в иной водевиль... А кто знает? Подрастет, может, и будет водевили строчить... Вот сам я никогда не думал, а на днях сочинил водевиль! У меня действующие лица очень хорошие: мебельный мастер Иван Каблуков, Севрюга Степановна Моржова, вдова девяноста трех лет, Правдюков, купец, торгующий хреном, Настя, влюбленная в Каблукова. Очень смешно будет, когда Правдюков предложит Насте в приданое тысячу корешков хрену... Как думаете?..

Сулье особенно хорошо представлял по вечерам. Публики сбиралось тьма-тьмущая. Удивительно! Ну, положим еще мужчина туда и сюда: на двух лошадях стоит, третья так в середине бежит. А женщины-то как!.. Зато, впрочем, что и за женщины: не чета Матрене Ивановне! Матрена Ивановна умеет только чулок вязать да браниться. Эх! черт дернул меня вступить в брак! Поверите ли? даже в праздник всё ворчит!

У Легата не досидел: штука старая. Видел прошлого года!

Середа, 29 марта.

Что было сегодня, даже страшно описывать... Воротился домой на рассвете...

Суббота, 1 апреля.

Три дня сидел дома: жена никуда не отпускала.

Был на балу в клубе Соединенного общества. Очень много было народу. Проиграл в преферанс пятнадцать рублей...

Услышал там печальную весть. Наш казначей, Андрей Петрович, скончался на третий день... Говорят, вдруг насел на яйца и пасху. Добрейший человек! Помогал, говорят, бедным и жалованье вперед иногда чиновникам выдавал... Справедливо, никогда добродетель не остается без награждения: в такой день не каждому доведется скончаться!

Воскресенье, 2 апреля.

Писал купцу челобитную.

Понедельник, 3 апреля.

Был в театре. Давали новое сочинение Кукольника «Боярин Федор Васильевич Басенок». Прекрасная вещь! В первом действии так еще ничего, а во втором тюрьма... Басенок в цепях... в тюрьму приходит дурак... и говорит, что Шемяка у Басенка Наташу отбил. Цепи каким-то манером разбили, и Басенок в красной рубашке вбежал в спальню к Наташе... Шемяка спрятался... А Басенок на Наташу обухом. Много видел я басенок, а такой не видал. Однако ж Наташа осталась жива. Публики было множество: полон театр; сочинителей разных тут видел...

ходят, хлопают, шушукают... видно, что умные люди. Автора вызвали. Я тоже кричал. Он прямо так мне и поклонился. Отличная драма![1]

* * *

Этим оканчивается присланная к нам «Хроника». Здесь так подробно описано всё, что занимало в последнее время петербургскую публику, что мы с своей стороны не находим нужным ничего прибавлять. На сцене нашей готовится еще несколько новостей, но об них поговорим в следующем нумере... Говорят, г⟨оспода⟩ Ободовский и Полевой написали по новому «драматическому представлению». По старому обычаю мы сберегли эту десертную новость к концу и ею заключаем нынешний фельетон...

⟨Статья вторая⟩[2]

⟨13 апреля 1844⟩

Четверток, 6 апреля.

Прочитал свою статейку в «Литературной газете»... Насилу узнал. Мои мысли, а слог... всё решительно переделали. Даже многие мысли хорошие выкинули... Да еще с претензиями: мы, говорят, могли бы и возвратить; а кто же просил не возвращать? ну, возврати! не испугаются! кланяться не станут! Так меня взорвало. Хожу по комнате и дышать так тяжело... а уж как же бранился... Икнулось, я думаю, им!.. Что это за странная вещь?.. Я прежде думал, так, ничего... написал... напечатал... прочел... бросил и позабыл. Так нет, есть чувство какое-то странное... Вышла газета: так рука и дрожит... читаешь, читаешь, читаешь и... от улыбки воздержаться не можешь. Даже стыдно

---

[1] Нет нужды замечать, что это личное мнение г-на Пружинина. Что собственно сами мы думаем о новом произведении г-на Кукольника — читатели узнают из следующего № «Литературной газеты», где будет помещен об этой драме подробный отчет. ⟨*Примечание в «Литературной газете».*⟩

[2] Помещаем это письмо г-на Пружинина без всяких предисловий. Читатели, вероятно, довольно уже ознакомились с его автором по последнему нумеру «Лит⟨ературной⟩ газеты». ⟨*Примечание в «Литературной газете».*⟩

становится! Ну, знаете, посторонние люди ходят... Вхожу в кондитерскую: два офицера стоят друг против друга и хохочут... В руках у одного газета. Гляжу: открыта на моем сочинении... хохотали, хохотали; вдруг один ударил по листу пальцем и говорит: «Ай да гусиная шейка! Молодец сочинитель!» А другой: «Умный, должно быть, и презабавный человек». Не поверите, так сердце и екнуло. Как-то весь странно затрясся, жарко стало внутри... чуть не сомлел... и улыбка такая явилась... душа просто выпрыгнуть хочет... так вот и позывает обнять их, заговорить, сказать: «а знаете, господа, ведь это я сочинил? ей-богу, я, Пружинин... Не хотите ли бутылку шампанского?» И хотел было всё сказать, и шампанского бутылку вытребовать, да думаю: и в погребе, говорят, стоит три рубля серебром, а здесь что же сдерут? И знаете ли? самому ничего: сдери хоть двадцать рублей... жалеть бы не стал... лучше бы в чем другом себе отказал... с такими людьми... да... эх, Матрена Ивановна! Матрена Ивановна!.. ведь я за вами, Матрена Ивановна, меньше пуста приданого взял; сами знаете... А теперь за добродетель свою и терпи. Не могу я своими деньгами распорядиться, бутылку шампанского в год с умными людьми выпить. Бог вам судья, Матрена Ивановна! Так и ушли... Хотел рассеяться, сыграть партию; иду мимо стола... Нет, рука так и протянулась к газете. «Чем, думаю, они тут восхищались?» Сел и начал читать. «Этим?», или «этим?», или «вот этим?», да так всю статью с начала до конца и промолотил... разумеется, про себя. И, верите ли, всё совершенно за новое показалось... новые красоты отыскал... и уж теперь всё кажется хорошо, не то, что давеча... нет, нет, да и подумаешь: «Какую я дрянь настрочил!» Уж дочитал, а всё держу газету, припоминаю, да улыбаюсь... Не поймешь, что в душе делается... Нет, воля ваша, приятно, очень приятно что-нибудь сочинить... Подходит какой-то ко мне господин... Так и видно, что пороху не выдумает... взял газету... читал, читал, читал... и всё какие-то гримасы делает... Кинул газету, встал и говорит: «Гр-я-зно»... — Отчего же, милостивый государь, — говорю, — грязно? — «Оттого, что видно какой-то дурак писал!» — Дурак, — говорю, — дурак, — и раз пять повторил — дурак... да поправился наконец. — Так *вы* думаете, — говорю, — а другие, напротив, другое

совсем говорят: вот сейчас два офицера... умные люди... — «Что они знают! — говорит, — сочинитель — видно с первой страницы — не знает большого света... На кой черт,— говорит, — описывать дворников, водовозов... что они, важная вещь, что ли? да еще заставляют читать благородных людей... стыдились бы и печатать-то!...» Дурак, а ведь правду сказал... Я в первую минуту было и против него: ну, как бы то ни было, дураком меня в глаза назвал... а потом, как простыл, так и вижу, что он тут прав. В самом деле, стоит ли дворник какой-нибудь, чтобы об нем книгу писать... даже наш брат, мелкий чиновник?.. кабы я знал большой свет, тотчас бы описывать стал большой свет... по крайней мере тут люди... есть о чем говорить...

Не хотел было ничего посылать в «Литературную газету». Нет, думаю, ни за тысячу! Не умничай!.. Да прихожу домой: прислали билет и вышедшие нумера при билете... Спасибо. Целый год буду даром чтением наслаждаться. Жаль, что жена никакой не имеет страсти к литературе: тоже могла бы даром читать.

Пятница, 7 апреля.

Сегодня весь день спорил с женой: нанимать дачу или не нанимать? Она говорит — да, а я — нет. К вечеру заплакала навзрыд: для всех, говорит, лето красное наступает, а для нас и летом зима. Принужден был согласиться. А чего? Правду сказать, так мы и зимой-то на даче живем: совестно признаться, где имеем квартиру. Да и что хорошего в даче? Жили мы третьего года: у меня сделалась гриппа, у Матрены Ивановны на руке рожа. Прежде бранились между собой, а тут каждый день, чуть проснемся — я ну бранить гриппу, Матрена Ивановна рожу: только и удовольствия. С доктором познакомились. Доктору хорошо... он к тебе войдет... и рукавчики у него белые... и бакенбарды закручены... и походка такая... плывет, не идет; голос — гармония... А ты ему дай: он тебе даром прописывать не обязан... и в аптеку за лекарство деньги пошли. Славное дело докторская должность! Я вот всегда говорю Матрене Ивановне: «Уж как вы хотите, Матрена Ивановна, а одного сынишку — пущу в доктора, другого — куда ни шла! будь по-вашему — по ученой. Ученая часть тоже хороша... на ногу никто не наступит; и по улице идет... пуговицы... всякий видит: ученая птица... В класс пришел: за уши... на колени... прошелся, нюхнул

табаку... спросил урок, посердился... баста! На частный урок пришел... с мальчишкой там потолковал о том, о другом... мальчишка глуп: ври ему, что взбредет на ум... он глядит тебе в глаза, да думает: «Как бы тебя нелегкий унес поскорее!» А есть и такие: сам тебя выучит отца проводить: расскажи ему, как там Сулье на трех лошадях скакал... как девица Ангелика де Бах с лошади упала... А чуть за дверьми шум, принимай серьезную рожу, и он тебе как ни в чем не бывало: «Александр Македонский, покорив Великобританию...» ну и так далее... Папенька вошел... «Да вы не очень мучьте его, — говорит, — у него комплекция слабая... ребенок совсем от наук похудел... Уж сделайте милость... Я вас буду отдельно благодарить». — Хорошо-с. Деньги взял и ушел... до свидания... Славное житье. Ей-ей, сам бы сейчас пошел учить, да диплома у меня нет и физиономия такая, кажется, ничего... а между тем дрянь дрянью... Другой бестия чрезвычайная, а посмотришь: важность такая, что-то внушающее... добродетель написана на лице... уважение невольное чувствуешь... всякий к нему... где бы другому рубль, ему два... ну, нельзя: так глядит... А другой... Я вот про себя скажу... Кажется, и нос на месте и не так, чтобы очень велик... и манжеты нарочно ношу... А не то, совершенно не то! Сам чувствую, вижу. К зеркалу подойдешь: кажется, верно показывает... и лоб открою, и мину такую сделаю... куда! Даже сам к себе уважения не почувствую... У нас на службе говорят, будто я похож на козла. Не может быть! Врут, зубоскалы! Положим, ноги тонкие и подбородок очень уж вострый, да ведь всё же я человек: у меня и нос, и глаза, а рогов нет... А хорошо иметь этакую открытую, внушающую физиономию: и на улице иной тебе посторонится, и проситель не посмеет в руку сунуть мелкую дрянь какую-нибудь, и не всякий в лицо тебе захохочет... Я терпеть не могу, когда кто-нибудь хохочет в лицо, особенно при чужих. Обидно: как будто двадцать пять рублей из кармана украли...

Суббота, 8 апреля.

Ездили дачу смотреть. В Петербурге лето летом, а за Петербургом совершенно зима. Приехали на Безбородку. «Вот, — говорит Матрена Ивановна, — крайний домишко: я бы в нем хотела провести лето». Кричу извозчику: «Стой!» Стал. Вышли. Ворота заперты. Нигде ни живой

души... стучу пять минут... стучу десять... Хотели уж бросить. Вдруг ворота отворяются... высунулась красная рожа... дворник в рубашке... Матрена Ивановна закрылась платком... красный нос споткнулся немножко... чуть на меня не упал... пахнуло вином... сивуху, должно быть, простую, бестия, тянет... Я люблю этот запах: что-то знакомое... сейчас чувствуешь себя на родине... «Что? Отдается здесь дача?» — Как же-с, одна нанята, а другая гулящая, отдается. — «А кто нанял?» — Дилехтур Микишкин, барин добреющий, на водку пятачок посулил; а прежде тут жил *сам*... да теперь уж его нет. — «А где же он?» — Помёрши... тоже добреющий был... бывало всё, сердечный, в саду сидит; как утро, так и в сад, и чай там пил... и обедал, и кофей... а еще маленький садик есть... оттуда уж и не выходил... — Посмотрели дачу. Вид на два дерева и на лужу... лето придет, говорит, деревья расцветут, лужа высохнет. Четыре комнатки. Обои на стенах, точно на нищем лохмотья. Цену заломил такую, что я даже забыл про Матрену Ивановну... у меня характер прескверный: не могу выдержать, когда следует человека ругнуть. А уж зато и он нас: с вёрсту отъехали, а все еще звенело в ушах; нет, нет — и долетит словечко... Ну, что ты станешь делать: не ворочаться же! Ох, Матрена Ивановна, ну уж мне ваша дача: из-за вас даже ни за что честь моя страждет! Кричу извозчику: «Пошел поскорей, дам на водку!» Обрадовался: гонит, как угорелый. Вдруг колесо тут... тук... тук... Остановился... слез... «Эх, дело неладно! Шина лопнула!» Что ты будешь делать? Хоть пешком ступай. Впереди плотники бревна обтесывают... Кой-как дотащились... «Прикрепите как-нибудь шину, на водку дам»... Сбежалось человек десять — спор, чуть не в драку... Наконец принялись... Идет мимо человек в синей шинели... из-под шинели виден черный сюртук... в белом галстухе... так, лет пятидесяти... среднего роста... на физиономии написано удовольствие: видно, стаканчик, другой хватил... «Ну уж, брат, — извозчику говорит, — кабы я тебя нанимал, не отделался бы ты *дешевше* пятидесяти рублей... Едешь с господами, а экипаж у тебя неисправный!» И уселся на бревнах... да так на Матрену Ивановну и глядит. А извозчик ему: — Эх, судырь, — говорит, — да знаешь ли, когда конец твой придет? — «Нет, — говорит, — где знать: жизнь и смерть в руце божией». — Ну, так что и попрекать?.. Разве я в него, в колесо, влезу, что ль? — Слово за слово — подрались. А

плотники, чем бы разнять, стали кругом, да хохочут... дело бросили... «Ишь ты как, — говорят, — он его резнул!» Я тоже смотрю... отчего и не посмотреть?.. люблю посмотреть, как дерутся: что-то чувствуешь этакое... Вот в Москве в старину, говорят, кулачные были бои... этак стена на стену... сошлись, и ну друг дружку крошить... рукава засучены... руки жилистые... глаза свирепые... Жаль, что нынче уж нет: нарочно бы съездил в Москву посмотреть! Нынче умудрились... нынче театр... А что театр? Он там и лицо распишет, и оденется, и нож деревянный в руку возьмет... кричит... и, пожалуй, зарежет себя, и растянется; а закричали... начали вызывать... вскочил, поклонился и опять зарычал... Нет, в старину было проще. Я люблю старину, и Матрена Ивановна тоже любит: все припасы были дешевле и строгостей по службе нисколько. Нынче даже купчишке, мужичишке простому перед тобой преферанс дают: «Ты, — говорят, — с него не дери!»

Долго дралися нивчью: тот пощечину, да другой пощечину, тот кулаком, да другой кулаком — ни то, ни се; всё равно что и не дрались... Вдруг извозчик как хватит синюю шинель со всего маха, так она к дрожкам и отлетела... Лошадь испугалась... дернула... Батюшки! Матрена Ивановна! Матрена Ивановна!.. Куда!.. лошадь от нас, да и только... Я за ней... во всю рысь... а она еще пуще... Господи! Машет платком, показывает на небо!.. Кричит что-то... А! «Прощайте, Иван Александрович, до свидания»... Братцы, пять рублей, два целковых! Догоните! Остановите! Никто ни с места. Глядят вслед да толкуют друг другу: «Ишь как удирает! поди догони... вот изломается колесо, сами станут!» А извозчик тузит синюю шинель... Эх, черт дернул меня лихача взять! Тащились бы на клячонке... небось, не укатила бы с Матреной Ивановной... Да как же! ведь нельзя тоже и не пофанфаронить... велики мы гуси... лихачи... пролетки... вот тебе и пролетки!..

Оттащил наконец извозчика. — Ну, что теперь делать, бездельник? — «А что изволите приказать?» — Да как что! беги, догоняй лошадь; ведь из-за тебя жена опасности подвергается. — «Никак нет-с, они сами изволили уехать», — и пошел, и пошел... — Ступай же! догоняй лошадь! — Нейдет. — «Где мне, — говорит, — лошадь догнать... я и так уж устал-с... Вот минуточку подождем... барыня справится, подберет вожжи и сама к нам во-

ротится». И уселся на бревнах. Я, не будь глуп, схватил осколок порядочный да и сказал ему: «Слушай, ты; ежели ты...» — ну, и прочее, что в таких случаях говорится. Присмирел. Тише воды, ниже травы. Совсем бы идти. Плотники пристали: на водку за колесо... А ничего, видел сам, ничего формально не сделали... только подошли... Кинул двугривенный... Загородили дорогу, да так и не пускают... «Нас артель одиннадцать человек». Кинул еще четвертак... А извозчику стало завидно: «За что же? Да ведь они ничего не сделали», — говорит. То-то народец! Наконец пошли искать Матрену Ивановну...

Ну, Матрена Ивановна! сыграли вы со мной штуку. Я ищу... бегаю сломя голову по островам... передрог как собака... устал, а вы... Приезжаю домой часу в двенадцатом ночи, думаю: «Нет моей Матрены Ивановны», вздыхаю так тяжело и прямо к шкафу иду... ну, натурально, согреться, утешить себя в одиночестве... Только рюмочку выпил, другую стал наливать, слышу шаги... глядь: Матрена Ивановна передо мной, как ни в чем не бывала... Есть же такие женщины: сама остановила лошадь, вожжи подобрала, да — какова же! «Пусть его, — говорит, — пешечком за свою вину пробежит», — домой и уехала. А в чем же я виноват? Я что ли дрался с извозчиком? — «А конечно ты,— говорит,— виноват: зачем лошадей своих не заводишь...» Вот подите!.. А на что я их заведу!.. Я люблю лошадей... Даже иногда... поверите ли?.. досада берет, зачем я сам не лошадь? Ведь хорошей лошади и корму много дают, и уход хороший за ней, и бить ее кучер не бьет...

Середа, 12 апреля.

Все дни шатался по Невскому... днем погода чудесная: солнце светит, тепло, а вечером на днях дождь порядочный шел... В театр наведывался. Дают «Русский моряк», «Русская боярыня», «Дочь русского актера», ну и прочее — русское... Я люблю, когда русские сочинения дают и все русское хвалят: ведь я сам русский! Зато уж терпеть не могу, где щелкопер какой-нибудь вдруг выведет, этак, плута какого-нибудь, взяточника... и ну смеяться над ним... ну им всякому в глаза тыкать... Оно, конечно, бывает... где человек без греха!.. Найдется иной... и взятки берет, и там то, другое... да зачем же напоказ его выводить? Нет, я бы этих всех щелкоперов: у меня пиши, да не

забывайся. А то, на-вот! смотри: и то не так, и там взятки берут... Просто никуда не годится...

Новостей никаких в Петербурге нет. Поверьте мне. Уж я бы не прозевал... Рубини уезжает, уже и в газетах публиковался. Удивительно поет Рубини! Впрочем, знаете ли что? Я знаю, отчего так хорошо Рубини поет... Поверьте мне... я вот сам... стоит только... Ну, да теперь уж некогда... после когда-нибудь я вам расскажу... Никакой, право, нет хитрости... И Матрена Ивановна то же самое говорит... а ведь она сама — я вам скажу, училась петь. Правда, не совсем-то приятно поет; как запоет:

Приди в чертог ко мне златой...

так и беги вон из комнаты; дольше минуты не выдержишь. А все-таки может судить. Вот она-то и говорит: «Выложи-ка мне, говорит, хоть половину тех денег — я тебе так пропою»... Вечером был в Александрынском театре... Прелесть какую штуку чудесную видел — «Ненависть к людям и раскаяние»... Поверите ли: я еще вот не больше аршина... мальчишкой был... тогда уж видел... превосходная вещь! Вот это дело другое, по нашей части. Каратыгин, поверите ли? — даже плакать меня заставлял. Странное дело! Сам знаешь, что вздор, щелкопер какой-нибудь сочинил, а между тем слезы, бывало, так и вступят в глаза. Теперь ничего: теперь давай мне хоть почувствительней «Параши Сибирячки» — стара штука! Я уж теперь в летах, и брюшко у меня того... смешно же вдруг платок приставить к глазам. Да и слез совсем нет. В прошлом году ходил прибавки просить... ну, и нужно было заплакать... или... всё бы лучше, если б хоть глаза красные... нет как нет! Даже и чеснок не подействовал... Надоело Матрене Ивановне... «Ну, уж иди так, — говорит. — видно уж из тебя слез и палкой не вышибешь!» Так и ушел.

⟨Статья третья⟩

⟨27 апреля 1844⟩

Какое величественное, красивое и знаменитое зрелище представляет Нева, когда, разрушив ледяные оковы, долгое время задерживавшие ее торжественное течение в вечность, вдруг, подобно... Нет! не могу, как благородный человек, не могу! Хотел было начать свы-

сока, рассказать все, как рассказывают хорошие сочинители; но такой труд выше сил моих! «Так, кажется, на словах всё бы славно изъяснил, примешься за перо — просто как будто кто-нибудь оплеуху дал; конфузия... конфузия, не поднимается рука да и только».[1] Правда твоя, Александр Иваныч, совершенная правда... нет, лучше буду рассказывать просто, как доселе рассказывал... авось не взыщут... чем богат, тем и рад... постараюсь и то, и другое, и третье, уж высокий слог — извини! Не рожден я ни к чему высокому, и Матрена Ивановна не рождена тоже; мы даже роста с ней низкого... Досадовал, крепко досадовал прежде... Отчего, думаю, один верзило такой, ходит, задрав нос, и смотреть на тебя не хочет... а хочешь ты на него взглянуть, голову подними... а другой дрянь дрянью, не различишь от земли... даже самому гадко!.. Ведь такой же, думаешь, человек... И, бывало, так даже ропщешь на несправедливость судьбы... Да вдруг прочел в одной книге: «Высокий человек похож на дом в шесть этажей, из которых верхний этаж хуже всех меблирован». С тех пор, коли где-нибудь начнут трунить... ну там: «дитя мое, меньше на фрак сукна надобно, скорей наживешься... можно во всякую щелку пролезть...» и прочее, что в таких случаях говорится, я как раз: «Высокий человек...», сделаю серьезную мину, вправо от носа двину рукой, да так прямо и ляпну. Присмиреют как раз зубоскалы... даже, помню, один нагнулся и целый вечер всё ходил, как будто ему кто-нибудь на спину гору положил. Только зато раз я и срезался... говорю, вдруг на последнем слове поднимаю глаза, глядь... батюшки светы! Вот посмотрели бы вы тут на меня: с женой, с детьми, с родственниками внутренно начал прощаться; хотел в ноги упасть перед Станиславом Владимировичем... коленки не подгибаются... смешался, совершенно смешался... «Простите, — лепечу едва слышным голосом, — простите...» Посмотрел так на меня... точно ему удивительно стало, что я еще жив... «В чем вы извиняетесь?..» Я кое-как и то и другое... в том-то и в том... Захохотал и говорит: «Поверьте, — говорит, — почтенный Иван Александрыч, дураки бывают и высокого и низкого роста, точно так же, как и умные люди...» Ха! ха! ха! ха! ха! ха! Захохотали все и хохотали

[1] Гоголь ⟨*примечание Некрасова*⟩.

так, я думаю, минут десять... Я смотрел, смотрел, да начал также и сам хохотать... А что, ведь если разобрать дело, так правду сказал Станислав Владимирович... Иной и высокого роста, да так говорит... а иной с живого и с мертвого взятки дерет... ты ему и крупы, и муки, и мелочи всякой... даже бутылку вина принеси, он берет... Я терпеть не могу дрянь какую-нибудь; лучше уж ничего... Ты мне там не хитри... на фрак... на жилет... где тебе вкусы мои разбирать... я, брат, сам мастер покупать; в натуральном виде — ну... и то я еще посмотрю... Я раз какую отколол штуку. Ходил к нам, уж так, я думаю, добрых два месяца один поверенный... продувная, у! продувная штука! — белые воротнички, сюртук длинный, застегнут всегда... и видно, что штука... У меня уж было приготовлено, что он там просил... Держу в руках да время тяну. Вот, говорю, немножко... А чего? двадцать раз уж смотрел: готово. Лежит на столе дело... взял верхний лист... вертел, вертел в руках... «Посмотрите, — говорит, — какая забавная вещь». И подал мне лист. Гляжу: в середине — десятирублевая ассигнация. Я так вот и закипел... ну, и всякий бы на моем месте... Вынул, повернулся, поднял за кончик в руке. «Посмотрите», — говорю... Ну и такую вывел историю... будет помнить меня... И хорошо! Вперед наука. Я ведь не бродяга с улицы какой-нибудь, я благородный человек: совести моей за грош не продаю...

Восьмого апреля разошлась Нева... не понимаю, что я за человек!.. Пошел смотреть... ну, натурально, пустились там в рассуждение... И то, и другое... Вдруг дунул ветер, провизжал в ушах... чуть не сбил с ног... Батюшки! да где же у меня шляпа-то?.. Оглядываюсь: две какие-то рожи хохочут и одна показывает вниз. Гляжу: летит моя шляпа в Неву...

Я кричал и то, и другое... пятнадцать рублей... Циммерман... новая!.. А дураки, знай, хохочут... «Поминай как звали!» — один говорит. «А ведь уж теперь не найдешь, а вот — не найдешь», — говорит другой. Взорвало меня. «Да и не буду искать, — говорю. — Что, разве я другой шляпы себе купить не в состоянии, что ли?» Накрыл голову платком и пошел домой... Всё старался, как бы пройти где побезлюднее, да где поменьше хороших домов... Нехорошо, когда идешь по улице не в своем виде, — в платке, например, на голове, вместо шляпы, как баба: тотчас сочтут тебя или горьким

пьяницей, или расскажут, что жена тебя бьет. Ну, уж и точно, Матрена Ивановна чуть меня не прибила, как увидала в платке. «Ты, — говорит, — и голову-то скоро уж потеряешь!» — А что же, — говорю, — Матрена Ивановна, потеряю, так потеряю... своя голова... занимать к вам не приду!..

14 апреля.

Сегодня у нас все толковали про устриц. «Устрицы привезены, устрицы!» Батюшки! какая, подумаешь, невидаль! уж из-за устриц и службу позабывать! Я терпеть не могу устриц. Никогда не ел, только знаю, что непременно дрянь. Раз, впрочем, видел, как ели наши: так вот возьмет, срежет ножом с раковины... приложит к губам... всхлипнет... Фи! мерзость.

15—19-го апреля.

Матрена Ивановна! Матрена Ивановна! Вы меня погубили! Вы меня зарезали!

Вообразите, какое случилось несчастие... Ах, дайте собраться с духом! Дайте мысли в порядок привесть, дайте... дайте уж лучше мне веревку... дайте нож... я повешусь!..

И зачем начал я сочинять, пустился в литературу... и зачем прислали мне «Литературную газету»? Впрочем, литература не виновата; я тоже не виноват. Виновата во всем Матрена Ивановна!

Слушайте!

Третьего дня я проиграл восемь рублей серебром в преферанс. Нет, думаю, завтра вечером уж играть не пойду... дома буду сидеть... Только, что бы такое делать? Гляжу: лежит на столе «Литературная газета»... А! думаю, вот и прекрасно. Кликнул старуху-кухарку, снял подтяжки, сапоги и прочее, лег, закурил сигарку и начал. Я когда читаю, люблю сигарку курить: как-то особенную прелесть от чтения получаешь... Сигары хороши Литберга, 13 коп⟨еек⟩ серебром, и Тулинова тож хороши... Впрочем, уж если дорогие сигары курить, так я советую брать Литберга... Немец! ну, известно: что там ни говори, а немец все-таки немец. Да только нет никакого расчета. Будь я мильйонер, я бы не стал брать дорогих... ведь дорогая ли, дешевая ли, сгорит и дым останется... а за него все равно ни гроша не дадут. Я

по будням курю просто Семенова, $7^1/_2$ коп⟨еек⟩ серебром — попробуйте. Советую, очень советую. А найти нетрудно. Я вам полное заглавие выпишу: «Табашное заведение Семенова, на Васильевском острову, цыгары из российского произрастения, $7^1/_2$ коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩» — то есть не сотня семь с половиной коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩, а десяток. Сотня! ха! ха! ха! Да таких, я думаю, и сигар нет, а если и есть, так я никогда курить их не буду. Просто, я думаю, дрянь!

Так вот я лежу, покуриваю, да читаю... Начал, разумеется, с первого нумера... ну, думаю, даром пришлось, а всё же не значит, чтоб я не должен из нее какой пользы извлечь: от первой до последней страницы всякий нумер прочту. Вот читаю час и другой... а с Матреной Ивановной был немножко того... то есть не так чтоб побранились, а просто на деликатной ноге: я смотрю козырем, и она козырем, за столом просидели — не говорим. Я, признаться, когда и в хорошем расположении духа, и жена ничего, — говорить с женой не люблю: решительно сюжетов не нахожу. Да и о чем, скажите пожалуйста, говорить? Наперед знаешь, что она тебе скажет, и сам скажешь — мог бы и не говорить: она тоже уж знает! «Сегодня, Матрена Ивановна, кажется, погода хороша». — Да, Иван Александрыч, можно идти без зонтика; впрочем, возьмите зонтик на всякий случай; а то, пожалуй, опять как тогда... — «Хорошо, Матрена Ивановна, вы уж мне в сотый раз напоминаете... а в кашу луку поджаренного, пожалуйста, не кладите...» — Ну уж вы! Нет любви в вас к тому, что мне нравится. — «Мне *вы* нравитесь, Матрена Ивановна». — Да уж нравлюсь, я думаю. — «Дайте ручку; прощайте, Матрена Ивановна». Чмокнешь ее этак, даже без всякого удовольствия, и пошел... А бывало... Замяться, речей не найти... как бы не так! да я стихи, ей-богу, стихи сочинял... Помню, вдруг дело пошло было на разлад: заупрямилась родительница Матрены Ивановны... вот тут бы вы меня посмотрели... право, ночей не спал... всё ходил мимо окошек... думал, думал, думал... и такими стихами ругнул... и свет, и людей, и счастие... Постойте, может быть, и припомню...

Сижу на могиле и думаю думу:
Зачем человек несчастлив?

На свете довольно орехов, изюму,
Простой и французский в нем есть чернослив...

Постойте... дайте вспомнить... Ну вот, помнится, было о том, что всё отличнейшим и вкуснейшим манером в природе устроено... ешь да благоденствуй... так нет! Человек не хорош. Вот тут опять помню:

Судьба человека бросает как мячик
В гражданской палате, в уездном суде,
Средь игрищ кровавых и праздничных скачек...

Ну вот опять позабыл... помнится, рифма была: *в воде*... Да что вам стихи!.. Вам я мысль расскажу... мысль была величайшая... Везде, говорю, человек, и на суше, и на море, и в земском суде, — повсюду подвержен слабостям, — и нигде я не встречал человека, который бы... Вот тут опять помню:

По свету я бродил: повсюду люди тощи
Рассудком и душой, а телом толстяки;
Здесь человечество волнуется как дрожжи
И производит — пустяки!

Каково было сказано? Сильно, сам вижу, что сильно... Запамятуй я, что сам сочинил, так бы и махнул: «Пушкина!»... Пушкина! далеко мне до Пушкина!.. Ну, вот, помню и дальше... Тут к себе делаю переход:

Расторгнут наш союз корыстью кровожадной,
И счастье и любовь судьбина отняла,
Теперь я слезы лью над банкою помадной,
Которую *она* на память мне дала.
Теперь не радость я — позор на сердце чую
И вот уж третий день не ел,
И скоро, может быть, туда перекочую,
Где всем страданиям предел!..

У меня после уж никогда стихотворения так удачно не выходили. . . Мало-помалу даже отвык, а имел дарование. . . Даже наш советник. . . у которого я в столе сидел. . . то же самое говорил, и, бывало, сидит, мурлычет под нос себе, да вдруг: «Иван Александрыч, как лучше, брат: восхитительной или очаровательной?» Подумаешь, подумаешь. — Восхитительной хорошо, и очаровательной хорошо, — говоришь, «Нет, брат, врешь, — восхитительной лучше». — Да, — скажешь, — точно, восхитительной, кажется, лучше. . . — «Или очаровательной? . .» — Да, очаровательной, точно, очаровательной

хорошо. . . — Даже после и жаль стало, что стихи бросил писать. . . Может, и вышло бы что-нибудь; ведь, знаете, не боги горшки обжигают. . . Если рассмотреть хорошенько, так и Пушкин такой же был человек. Я люблю Пушкина, а Бенедиктов для меня лучше: Пушкин, как хотите, уж слишком неглижировал; видно, что совсем без всякого старанья писал: так обыкновенно всё, совершенно обыкновенно, а Бенедиктов. . . Нет, уж если б я стал писать, так разве как Бенедиктов. . . Поздно немножко: стыдно уж в мои лета пустяками такими заниматься. А впрочем, потешу вас: может быть, и опять когда стихами тряхну. . .

И, господи! Чего с радости не говорил, не писал, как согласье, наконец, на брак получил. . . А женился? И о чем только не толковали с женой. . . и всё как следует выходило; никакой скуки не было. . . Теперь. . . ну, теперь. . . Нет, право, хорошо, весьма и весьма хорошо, что мы люди бедные; я принужден целый день на службе сидеть, Матрена Ивановна с кухаркой бранится, даже иногда в стряпне ей пособляет. . . а то о чем бы стали мы говорить?..

Так вот я, признаться, с женой и вообще говорить не люблю, а тут случай такой подошел: и не надо. Занятия есть, да притом, как хотите, приятно и характер свой показать. . . Уж Матрена Ивановна мимо меня и раз, и другой. . . Нет, думаю, и сама начнешь, так нескоро заговорю. . . Ушла; час прошел, два — не показывается. В восемь часов стала в дверях и говорит этак, спокойным голосом, будто ей все равно: «Ступайте, Иван Александрыч, чай кушать». — Не хочу, Матрена Ивановна. — Хотел, ей-богу, хотел, да думаю: пусть же ее. . . Читаю дальше. . .

Писал ко мне на сих днях старый товарищ по училищу, Александр Степанович Бухалов. Умная был голова, а пожил в деревне, откровенно скажу, не то чтоб тупоумнее стал, а так, диким каким-то глазом смотрит на вещи. . . Ну, да не о том речь. . . Коли есть охота узнать, о чем в письме писано, стоит только в 15 № «Литературной газеты» взглянуть. Я там напечатал его. А меня одно в нем заинтересовало: он тут рассказывает про доктора Пуфа. . . Пуф! батюшки светы! какая странная фамилия. Пуф! Впрочем, фамилии очень часто бывают странные. Кто знает, в иной раз так сложатся слова, что выйдет что-то такое. . . ни складу,

ни ладу. . . хлопает по ушам, бросается даже в нос. . . вот, поди, раскуси! . . Ну. . . Бухалов, государи мои, говорит то и другое и, по всему видно, думает, что я с Пуфом знаком. Как прочел я, мне совестно стало, что я в самом деле с таким великим человеком незнаком. А хорошо быть знакому с великим человеком. Идешь по улице с ним, всякий видит: «а! с Пуфом идет!» После уж и один идешь, а все-таки к тебе уважение тотчас чувствуют. С приятелем встретишься. «*У але ву?*» * — К доктору Пуфу обедать. — Я люблю обедать на чужой счет: наешься, как помещик, и ничего не заплатишь. И кушанье дома останется. Можно разогреть на другой день. . . Иногда даже лучше, когда каша на другой день останется: красная станет такая, и пенки так пригорят. . . Да отбил у меня доктор Пуф аппетит от каши.

Как прочел, что Бухалов пишет, так нетерпение и берет поскорей до кухни добраться. . . Нечего делать, не читавши перевернул пять страниц. Гляжу: «Кухня, лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук, о кухонном искусстве». Читаю. . .

Не выдержал. Не дочитавши, побежал к Матрене Ивановне. Куда девалась и спесь, и твердость; даже наговори она мне поутру вдесятеро, все бы простил.

— Матрена Ивановна, — говорю.

— Что, — говорит, — Иван Александрыч? — и видно, что обрадовалась. — Не имеете ли чего сказать?

— Знаете что, Матрена Ивановна? Вот вы жалуетесь, скучно вам, нечем себя развлечь. . . состояние наше слава богу. . . каша, конечно. . . а во сколько обходится нам горшок каши? . .

— Да что, — говорит, — Иван Александрыч, крупы фунта полтора надо. . . по 12 коп. за фунт. . . ну, восьмнадцать копеек. . . да масла. . . если брать чухонское масло, конечно, дороже. . . а топленое. . . ну, копеек на 15-ть. . . а все же я всегда на своем буду стоять, что с чухонским каша вкуснее.

— Дрянь! Матрена Ивановна! и с топленым, говорю, дрянь, и с чухонским — дрянь!

Матрена Ивановна та́к на меня посмотрела, долго молчала и говорит:

---

* Où allez-vous? (*франц.*) — куда вы идете?

— В первый раз в жизни слышу, чтобы каша с чухонским маслом была дрянь!

— Дрянь, говорю, и все прочее, что мы едим, сущая дрянь, Матрена Ивановна. Уж вы там, как себе хотите, а я вперед вашей каши есть не намерен!

И знак сделал такой, что лучше, дескать, умру с голода, а каши есть не намерен. . .

Испугалась Матрена Ивановна. Бывало, подъедешь к ней, в разговорах приятных рассыпешься, ручки целуешь — никакого решительно толку. Взял другую методу. Как начну руками размахивать, без умолка говорить, и все так, чтоб она скоро в толк не взяла, — вот ей и придет в голову: как бы я с ума не сошел. . . очень боится этого обстоятельства! . . — Взгляд такой мягкий, и певучим голосом говорит:

— Если вы, Иван Александрыч, есть каши не будете, и я не буду. . . Нельзя же для меня одной кашу варить. . . Вы в доме глава. . .

— Так, Матрена Ивановна, так точно, — глава. И я мог бы, знаете. . . да зачем? ведь вы, верно, и так согласитесь? . .

— Да что же такое, Иван Александрыч?

— Вот, Матрена Ивановна.

Подал ей газету. Начала читать. . . Я гляжу из-за плеча, и сердце у меня сильно бьется. . . «Видите, видите, видите, — говорю, — вот какой надобно мне обед!»

Посмотрела на меня и говорит: — Да кто ж его приготовит?

— Вы, Матрена Ивановна, вы. Разве не видите? Тут все совершенно описано. Матушка! голубушка! Салопчик новый сошью! Мочи нет, захотелось попробовать. Я умру завтра, если вы не дадите мне поесть, как хочу. Ну, да, словом, как там хотите, а чтоб завтра был у нас — *суп пюре гороховый с рисом, рыба под майонезом*. . .

Ну и пошел, и пошел. . . все до одного кушанья пересчитал. . . Думала, думала. . . — Завтра нельзя, — говорит, — завтра суббота. . . полы мыть. . . да и кушанья много осталось. . . Уж потерпите. . . в воскресенье оно и приличнее. . .

— Хорошо, — говорю, — так и быть, в воскресенье. . . Оно и правда: в воскресенье приличнее. Я люблю в воскресенье этак немножко кутнуть. На что же и праздник? Шесть дней работай, седьмой посвящай своему удо-

вольствию. А лучше бы седьмой работать, а шесть посвящать своему удовольствию. Я бы тогда непременно начал опять стихи писать. . .

В субботу гулял по Невскому. Погода хорошая, по субботам у нас присутствия нет, что ж больше и делать, как не шататься по Невскому? Притом долгов у меня почти нет: хожу всегда по парадной стороне: а и попадется какой кредиторишко. . . что ж? поклонился ему, улыбку сладкую сделал, да поскорей, поскорей, — будто очень скоро надо, бочком. Я Невский проспект за одно не люблю: беспрестанно встречаешь знакомых — не успеваешь шляпу снимать. Конечно, есть фанфароны: он тебе или совсем не поклонится, или кивнет головой с пренебрежением, или просто даже только нижнюю губу отставит. Я не таков. Еще в детстве меня отец линейкой по голове колотил и, бывало, за каждым ударом говорил нараспев: «кланяйся, кланяйся, кланяйся; ведь ты ничего. . . всякий человек лучше тебя, ну так всякому ты и кланяйся!» Вот я и привык. Не только начальству и знакомым всем. . . даже видел где, говорил. . . тотчас поклон. . . даже если физиономия важная, выраженье значительное в лице — сама собою рука за шляпу тотчас так и ухватится. . . Невыгодно: скоро шляпа портится, да и голова заболит. . . Когда голова болит, очень хорошо привязать ренского уксуса и нюхать чеснок. Жаль, что приличие против чеснока и не придумано никаких средств заглушать дрянь, которою он воняет. Головка чеснока после водки — деликатес.

Иду. Вдруг навстречу мне Станислав Владимирович под руку с каким-то маленьким карапузиком в белом жилете. Шагов за двенадцать снимаю шляпу, кланяюсь. «Куда вы, почтеннейший?» — Да так-с (я тут улыбнулся) гуляю себе. . . превосходнейшая погода. . . сами изволите знать, сегодня присутствия нет. . . — «А мы вот устриц идем есть. Знаете что, Иван Александрович, пойдемте с нами есть устриц!» Я просто от восхищения ошалел. . . — С величайшим удовольствием, — говорю, — Станислав Владимирович, если только. . . — Ну, и пошел — вам-де со мной совестно. . . и слова-то я не умею сказать. . . и умру-то от счастия есть с такими людьми. . . А они только перемигиваются да усмехаются между собой. . . Вот пришли в лавку. «Отворить, — говорит, — три десятка устриц на глубокую сторону». Тут

только я образумился. Батюшки! три десятка! Стало быть, десяток на мою долю. . . Добро бы одну, две. . . ну «ел, дескать, с Станиславом Владимировичем», можно бы как-нибудь, заткнув нос, проглотить. . . а то вдруг десяток! . . Думал, думал. . . Ведь когда болен бывает человек, пьет же и ест он всякую дрянь. . . Ну, положим, думаю, что я болен. . . доктор приехал. . . и прописал лекарство — устрицы. . . за визит ему уж заплачено. . . лекарство взято. . . надо есть! Съем, думаю, все до одной, хоть бы потом неделю пришлось пролежать. . . неделю пролежу, а может, на службе десять лет выиграю. . . Принесли. «Так вы тоже любитель? — говорит мне Станислав Владимирович. — Вот как! я, признаться, и не подозревал». — Как же-с, люблю. . . даже очень люблю. . . каждый бы день ел, да (тут я вздохнул) не все делай, что хочется! — «Ну, смотрите же, — говорит, — Иван Александрыч, мы тоже любители, от нас не отставать. . . Малый! вели-ка заготовить еще по два десяточка!» — Вот тут стоило на меня посмотреть. Я как нарочно против зеркала в то время сидел: самому стало страшно. . . Лицо побледнело, дрожу. . . Ну, думаю, последний мой день настал. Еще по два десяточка! Гадость, мерзость, в рот за два целковых надумался бы взять. . . а они — еще по два десяточка! Портера принесли, пармезану. Съели по штуке, по другой. . . как они только заглядятся, я, чем бы в рот, так ее, бестию, с раковины губами на пол и сброшу. . . Не понимаю, чем люди могут тут восхищаться? . . Ну, портер, пармезан, все-таки какой-нибудь вкус, а тут ничего, совершенно ничего. . . точно мыла кусок. . . тьфу! даже теперь еще гадко. . . Мерзость, ужасная мерзость! . . «Чудо! — говорит Станислав Владимирович. — Для меня нет ничего на свете лучше устриц». . . — Действительно, — говорю, — лучше ничего не может и быть. . . Что делать: неволя врет. Как бы то ни было. . . нужный человек. . . А рассердится? . . Да ты от него тогда. . . не только, чтоб он с тобой за один стол сел, он тебя так. . . Знаю я, с кем как обойтись. Если б не несчастье, не на таком бы месте я теперь сидел. . .

Уж не знаю, как достало у меня силы управиться с третьим десятком. . . на пол. . . в раковины запрячу. . . ножом разможжу. . . а которую проглочу, тотчас портера, пармезана и опять портера. . . Я на портер вот

как налегал: бутылки три один, я думаю, выкатал. Зато уж и смелость откуда взялась. . . То и знай твержу: «Ох! деньги! деньги! Уж я ли не люблю устриц, а должен есть корюшку». (Корюшка, по-моему, в тысячу раз лучше устриц). «Уж как я вам благодарен. . . просто вы не только — Станислав Владимирович, вы — благодетель мой. . . Ну, когда бы довелось мне без вас устриц поесть? . . Сами изволите знать. . . место незначительное. . . дети. . . жена. . . оклад самый умеренный. . . да я просто душу за вас готов положить. . . да я не знаю, чем возблагодарить». . . И вдруг. . . Не понимаю, откуда смелость взялась. . . За руку ухватил. «Батюшка! — говорю, — Станислав Владимирович: осчастливьте своим присутствием». . . И пошел, и пошел. . . Словом, стою на одном: пожалуйте завтра откушать! У меня, говорю, обед самый легонький: суп пюре, говорю, гороховый с рисом, майонез из рыбы. . . ну и пересчитал. . .

Думал, думал. — Хорошо, — говорит, — Иван Александрыч, для вас так и быть: буду!

Человек глуп. Только улыбнется ему счастье, или хоть надежду на счастье завидит вдали, тотчас голова у него вверх дном: и то, видишь ты, может случиться, и то. . . уж он и четверкой летит, и всякий ему впереди место дает. . . а глядишь: в самом деле, какая-нибудь дрянь такая случится, что вместо счастья надуют тебя, как индейского петуха, или какой-нибудь у тебя родственник сыщется, квартиру на месяц займет. С нами был такой случай. Раз сидим после обеда с женой; вдруг гляжу: входит человек почтенной наружности. . . за ним женщина. . . другая, третья. . . четвертая. . . одна другой хуже. . . Да, не говоря худого слова, как бросятся на меня и на Матрену Ивановну. . . чуть не задушили в объятиях. — Как? что? по какому случаю? — «Родственник», — говорит, а винищем так от него во все стороны. . . — Помилуйте, да с какой же стороны? Я вас не знаю. . . — И хотел дверь показать, да как разговорились — и вышло, что действительно родственник. Стал у нас на квартире. Дочери с утра до вечера бранятся, все платья Матрены Ивановны раз по пятнадцати примеривали; сам домой приходит в нетрезвом виде, ночью, буянит, кричит. Содом! Просто выгнал бы, да нельзя — родственник! . .

Чего я не думал, как ожидал к себе Станислава Владимировича, а наконец. . . стыд, позор, посрамление

рода человеческого! .. Я до сей поры не могу образумиться; как вспомню, так сейчас весь и затрясусь. Ну, как бы то ни было, такой человек удостоил честию откушать, и что ж? .. Я одному удивляюсь, как еще я на месте и нет ни⟨ка⟩кого: «такой-то, дескать, Пружинин, за такие-то и такие-то противозаконные поступки. . . » А стоило бы, признаюсь от души, стоило бы! Конечно, я тут, если разобрать, совершенно не виноват. Матрена Ивановна. . . ох, Матрена Ивановна!

Матрена Ивановна удивительно любит лук. Вот оттого она дома всегда сидит и в хорошее общество ни ногой. А начни говорить. . . «Я, — говорит, — Иван Александрыч, и генеральшей была бы, все стала б лук есть, а уж в нашем звании. . . » — Каждый должен быть доволен своим званием, Матрена Ивановна! — Спорим, спорим, а все-таки на другой день сели за стол: от всякого кушанья лучищем несет, хоть беги вон из комнаты! Что делать! помаленьку привык. Даже начал вкус находить. . . Мне кажется, привыкнув, можно во всем вкус найти. У меня был знакомый из малороссиян. . . накрошит, бывало, редьки в молоко. . . уксусу немножко вольет. . . посолит, перцем припрыснет. . . а на хлеб ломоток сала свиного положит и так себе уписывает. А другой всякому деликатесу соленую треску предпочитал. . . Вот еще вонючая вещь. У меня квартира прекраснейшая была, гораздо лучше теперешней. . . И дешева. . . да за стеной каждый день жарит сосед — соленую треску. Вонь такая, точно по черной лестнице в четвертый этаж поднимаешься. . . Переехал.

Угостил я Станислава Владимировича; будет он помнить. . . да и мне отрыгнется! . . Вообразите, какую штуку сыграла Матрена Ивановна. Во все кушанья наклала луку. . . Станислав Владимирович при каждом кушанье ласково и даже с удовольствием улыбался, хохотал даже. . . и говорит: «ничего! ничего». . . Ну, нельзя сказать также, что ел очень мало. . . Да ведь знаю я: он человек политичный, не покажет и вида, а там такую тебе закорючку загнет. Ох-о-хох! Что со мной будет? А уж так не пройдет! . . Приведись на меня: я бы сам за такую шутку. . . Суп-пюре с луком! рыба с луком! тетерев с луком!

Ушел. «Ну, — говорю, — Матрена Ивановна, благодарю! благодарю! Одолжили вы меня! разодолжили! не

забуду вовек!» — А почем же я знала? ведь там, — говорит, — не написано — луку не класть. . .

Вот подите с ней. . . Когда лишусь места. . . больше ничего не останется, как посвятить себя литературе. Так и сделаю. Придумываю уже, в каком роде сочинение написать и какое заглавие дать. Заглавие важная вещь: иногда одним заглавием много сделаешь. . . Вот, помню, в прошлом году на меня дурь нашла. . . поссорился с женой. . . и ну пить. . . сегодня, да завтра, да послезавтра, так три недели. . . рапортуюсь больным. . . проснулся. . . голова трещит. . . «Сергеевна, водки!» Подала. Только налил рюмку, входит почтальон. Пакет с городской почты. Гляжу: рука Станислава Владимировича. С почтением развертываю — тоненькая книжонка в желтой обертке «Слово о пьянстве. . .» Уже из одного заглавия тотчас понял, что надо делать. Рюмку тотчас вылил назад в штоф, умылся, оделся и марш на службу. . . — Ну уж, — говорит Станислав Владимирович, — если б вы не пришли. . .

Вторник, 25 апреля.

День, два, три прошло, а ничего еще нет. Даже Станислав Владимирович вежлив со мною по-прежнему. Неужели так пройдет? . .

⟨Статья четвертая⟩

⟨11 мая 1844⟩

С тех пор, как я не писал, много воды утекло, много важных событий в жизни моей совершилось. Боже мой! Моя добрая, великодушная, благородная Матрена Ивановна. . . но лучше расскажу по порядку.

Писал уж я, каким образом начитал в «Литературной газете», в лекциях доктора Пуфа, наставления хорошо и дешево есть; рассказывал, как Матрена Ивановна нас угостила и что из того вышло; теперь надо рассказать остальное. Забрало за живое Матрену Ивановну: «Нет, — говорит, — в другой раз хоть ты все свое начальство сзови — не сконфужу; такой, — говорит, — обед изготовлю!» — Хорошо, — говорю. Переменилась совсем моя Матрена Ивановна: только встанет, чем бы с кухаркой поругаться, мне грубость какую сказать, — сидит себе у окошечка и «Литературная» перед нею открыта, читает

доктора Пуфа. А наконец, в воскресенье поутру проснулась; гляжу, лицо такое праздничное. «Ну, — говорит, — Иван Александрыч, уж если я, — говорит, — сегодня ничего путного не сделаю, считайте меня просто тряпкой!» — Зачем, — говорю, — тряпкой, Матрена Ивановна. Вы, Матрена Ивановна, такой же человек, как и все, а не тряпка; тряпкой посуду, — говорю, — вытирают. — «Ну, уж там как хотите, — говорит, — а я даже чаю сегодня пить не буду. Попросите, — говорит, — к обеду, если можно, Станислава Владимировича».

Хорошо. Укланял Станислава Владимировича. Станислав Владимирович радехонек, даже упросил с собою Георгия Андреевича: «Пойдем, — говорит, — посмеемся». И что ж? Ну, Матрена Ивановна, благодарен, тысячу раз благодарен! обед приготовила восхитительный и все решительно в такую точность с наставлениями доктора Пуфа сделала, что хоть бы самому доктору Пуфу. Луку, где не показано — хотя бы на ноготок! Зато и гости были довольны, что называется с головы до ног, и теперь, я думаю, мне награжденье какое-нибудь готовится. Не знаю, какое именно, а предчувствие говорит. Даже и по картам выходит, а если по картам выходит, так уж верней смерти. Карты не человек — врать им не для чего и не из чего; умей только их разложить. Вот, говорят, гаданья вздор, а я по себе знаю, не вздор: у меня в 1819 году волосы стали лезть. — Погадайте, — говорю Раисе Гурьяновне (Раиса Гурьяновна Матрене Ивановне друг задушевный, даже всегда одинаковые платья шьют себе), — что бы такое значило, когда волосы лезут? Разложила карты, пошептала, помахала головой. «Ну, — говорит, — худой знак: быть вам, Иван Александрович, с лысиной!» И точно, с полгода еще полезли волосы, а в 1820 году я оплешивел. К плешивому человеку больше чувствуют уважения и даже, при случае, жалованья больше дадут; однако ж, я бы лучше согласился быть с волосами — *волосы есть первое украшение человека,* — это я и в одной книге читал, — а без волос иной человек на такое что-то похож. . .

Упрекал меня один наш знакомый, хороший весьма человек. «Вот, — говорит, — братец, все в твоих сочинениях хорошо: я всегда с большим удовольствием читаю, и даже брат мой выпил однажды лишнюю и говорит: „Жизнь человеческая исполнена треволнений; в

могиле, — говорит, — спокойнее“, и хотел утопиться. Дал ему, братец, твои сочинения; читай, — говорю, — не будешь скучать: Иван Александрыч тебя рассмешит! — И точно, с тех пор уж он и не заикнется: „Жизнь-де человеческая исполнена треволнений“, — веселехонек. Так вот, — говорит, — все в твоих сочинениях хорошо; только слишком уж ты, братец, — говорит, — завираешься! Начнешь об одном, а там и пойдешь, и пойдешь, и просто только заговоришь, а между тем главную материю оставляешь». Задумался я, пробежал со вниманием статейки свои: «Прав, говорю! надо исправиться». Надо исправиться! легко сказать! Да каким образом? Ведь я не записной сочинитель, сочинять никто меня не учил, даже я с сочинителями почти не знаком, даже, если хотите, я и не сочинитель: пишу просто, как об чем думал сам, или как на что смотрю, а умничать, разные философические глубокомысленности отпускать. . . да мне, кажется, десять тысяч в год жалованья дай, так я философствовать не способен. Нанимать бы за себя разве стал. Нет! Куда нам с Матреной Ивановной! Мы люди темные; у нас своя философия: не в свои сани не садись, не по силам за труд не берись. . . Вот у нас был родственник; на слова, собака, мог бы хоть кого заговорить, только образования решительно никакого. . . Толкнул, однако ж, лукавый! «Пойду, — говорит, — в учителя!» Нанялся к помещику в деревню. Год пожил, а другой. . . похожденья, что ли, у него были какие. . . идет ночью мостом через деревню. . . вдруг как будто кто-нибудь подтолкнул, или другим образом — бултых в воду! Руку вывихнул и красноречие навсегда потерял: язык отнялся с перепуга; теперь — даже противно слышать! — мычит как теленок, а прекраснейший был человек. . . Ну, вот я и опять пошел. В самом деле, прав мой знакомый: весьма и весьма завираюсь. Начал про Матрену Ивановну — не кончил, начал про знакомого — тоже не кончил, кинуло к родственнику...

Впрочем, про Матрену Ивановну упомянуто только так: хотелось почтить печатною возблагодарностию за обед, которым она накормила Станислава Владимировича. Да и тут, если порядком разобрать дело, главная благодарность доктору Пуфу: мастерски описывает разные кушанья, и вот мы теперь сами на деле увидели — стоит только строго исполнять его настав-

ления, превосходнейшие будешь есть кушанья. Мы с Матреной Ивановной вот уж другую неделю едим каждый день новый «примерный обед» и каждый день хвалим доктора Пуфа. Однажды Матрена Ивановна даже говорит: «Просто Наполеон!» Я, знаете, сначала чуть не захохотал, а как пораздумал, так и увидел, что Матрена-то Ивановна себе на уме. Если дело как следует разобрать, так для меня доктор Пуф даже выше Наполеона. . . Наполеон какой-нибудь. . . Он так себе велик. . . и Европу чуть не завоевал. . . Да мне-то какая от того польза? . . а тут дело чистое: человек о желудке моем печется, здоровье мое блюдет, кормит меня за дешевую цену всласть. Оно, конечно, Наполеон сам по себе, доктор Пуф сам по себе, а все же, по-моему, так. А знаете ли, какую штуку недавно выкинули французы: перенесли прах Наполеона с острова Елены в Париж, и памятник там ему великолепный поставили. Я читал об этом книгу: очень хорошо написана и интересная вещь; советую пробежать. Ну уж французы! Куда ни посмотри, так он тотчас перед тобой весь, целиком, и уж не скажешь — немец, англичанин, русский; нет, у него все свое, даже если он дичь какую нести начнет, тотчас видишь — француз. Впрочем, насчет дичи, если русский человек размахнется, так уж тут и француз, и англичанин, и немец — пас, — и даже ни на каком диалекте, говорят, слова чрезвычайно так не выходят.

Вот Сулье — француз. Уж как он там себя ни называй — *шталмейстер султана Абдул-Меджида-Хана, директор*, и хоть тысячу себе названий еще прибери, а все же ты меня не надуешь; я сейчас вижу — француз. Был в воскресенье на Измайловском плац-параде. Как хотите, нельзя не быть. И Матрена Ивановна тоже была: «Хочу, — говорит, — взглянуть „Большое конское ристалище“». Места раскинуты, я думаю, в окружности по крайней мере на полверсты; в середине другой маленький круг для верховых. Я, когда взгляну на человека верхом, не могу не вспомнить лета моей юности. Тотчас в голову разные мысли придут; и будто опять сделается тебе этак лет десять или двенадцать, и дядя перед тобой на лошади верхом сидит; Гаврило пешком идет, ружье в руках; собак на своре ведет. В молодости я жил у дяди, а дядя у меня человек небогатый, занятия никакого кроме псовой охоты решительно не имел. Бывало, чуть утро, в рог затрубит, поднимет весь дом, сел

на лошадь и поехал, и, бывало, как только Гаврила зазевается и собак своих со своры не успел спустить, промах по зайцу даст, он на него ужасно сердится; тотчас подскакивает к нему. А зато уж домой приедут: позовет его — вина, кушанье с своего стола и все про охоту толкует; как там краснопегий кобель, Нахал, первую угонку дал, и как заяц со страху под бревны залез; а я все слушал, слушал, бывало, даже самому захочется на охоту. И что же ведь, поверите ли? с двенадцати лет начал травить. . . Ну, да когда-нибудь я вам подробно расскажу, а теперь я ведь заговорил о Сулье. . . Вишь как меня, в самом деле, кидает! С Измайловского плац-парада уж и в деревню как раз я залетел, за тысячу верст, и собаки у меня перед глазами запрыгали, и дядя воскрес. . . даже самому совестно; завираюсь до чрезвычайности. И отчего? На словах я совсем не таков; слова от меня подчас не добьешься; сижу, зажав рот, боюсь, как бы глупости какой не сморозить. . . А взял перо — и пошла писать!

У Сулье были скачки преинтересные; скакали и стоя, и сидя, и на одной, и на пяти лошадях; две мамзели, одна с белым хвостом, другая с синим, задували мимо публики вперегонку; вид превосходнейший! Чудак какой-то стал на лошади снимать с себя разные одежды, и то явится шутом, то наездником, то вдруг женщиной — белая юбка, лиф черный; стоит на лошади и несется во весь опор, как ведьма киевская, и публике поклоны и разные нежности отпускает. Матрене Ивановне даже страшно стало. «Да долго ли, — говорит, — будет он раздеваться?» — Не бойтесь, — говорю, — Матрена Ивановна: ничего оскорбительного для вас не случится. — «Да, не бойтесь! — говорит. — Ведь не весь же он из платья. . . Вы мужчины. . . вам ничего, а нам-то, женщинам, каково!»

Умная женщина Матрена Ивановна; на все имеет резон и очень боится как-нибудь не с хорошей стороны себя показать. В заключение скакал сам шталмейстер Сулье на пяти лошадях; лошади красивые; сам одет красиво; картина величественная; только, воля ваша, немножко страшно. Ну, пошатнись он как-нибудь неловко — и вот вам и шталмейстер. Недолго поживешь, как под пятью лошадьми побываешь. Есть же такие отважные люди! Я даже не понимаю, каким образом у человека достает смелости таким образом на пяти ло-

шадях стоя прокатиться — уж нечего сказать, есть за что деньги взять. Да жаль: народу было очень мало — полторы или много две тысячи. . . не раскутишься! Ведь у него одних лошадей, говорят, до сотни есть; надо их прокормить; надо квартиру большую иметь; надо тоже и самому; прокатившись так, захочешь немножко и уважить себя. Жаль. Если будет еще «ристалище», я непременно с дачи нарочно приеду, и вам советую побывать. На дачу я переезжаю на днях. Куда? Расскажу в следующий раз.

⟨Статья пятая⟩

⟨18 мая 1844⟩

Третьего дня я шел по Невскому проспекту. Прихожу домой; лежит на столе письмо. Прочитал раз, другой. Сердцу радостно стало. Боже мой! боже мой! какая мне честь! сочинения мои читают и хвалят умные люди, даже за советами ко мне прибегают. Побежал к Матрене Ивановне; ей прочитал. Она мне прямо на шею. «Этак вас, душечка, — говорит, — когда-нибудь невзначай прямо в знаменитые писатели пожалуют, да и мне что-нибудь». . . Даже мы с ней, верите ли? заплакали, и с час все толковали, как может случиться, что нам нечаянное какое-нибудь счастие выйдет; раз пятнадцать перечитывали письмо. Хорошо написано. Дело казусное. Я сам разрешить не берусь. Просят письмо напечатать. Извольте, печатаю:

«М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ Пружинин! (извините, вашего честного имечка и отчества не имеем чести знать.) Вы часто пишете в „Литературной газете“, которую мы каждый четверг читаем в трактире, — пишете о разных разностях, словом — обо всем хорошем. Из этого мы догадываемся, что вы ведете знакомство с сочинителями, учеными, — словом, со всеми умными людьми. Часто даже завидуем вашему согласному житью с вашей сожительницей Матреной Ивановной, которую мы, нижеподписавшиеся, ставим в пример нашим женам.

Неча сказать, наделил вас бог Матреной Ивановной, славная женщина! . . Да не в этом дело. Ох, грехи тяжки, мы уже и заговорились. . . Вот в чем дело, батюшка наш, г-н Пружинин.

Мы, нижеподписавшиеся, решились прибегнуть к вашему высокоблагородию (извините, не знаем вашего чина), с совсепокорнейшею просьбою решить нам нижеследующий вопрос: в 90 и 91 № одной газеты некто господин *Немчинов* объявил, что чай содержит в себе чистую кровь. Прочитавши это, мы чуть не обмерли со страха! . . Боже милосердый, в чае кровь. . . мы таки в ту минуту и оставили пить чай. . . Это было в середу, пусть бы в четверг или в другой какой день, а то в середу. . . Пить с кровью чай! . . Что мы, басурманы, что ль? . . Дивимся, как это раньше не распубликовали. Право, диво-дивное и чудо-чудное делается на свете. . . С той самой минуты, как узнали, что в чае кровь, — в рот его не берем. А чайку смерть хочется! Ну, исполать г-ну Немчинову, в чае кровь. . .

Вот, батюшка, ваше высокоблагородие, в этом-то только и состоит наша просьба.

Потрудитесь сделать милость — поразведать у ваших знакомых сочинителей и ученых, — правду ли написал г-н Немчинов. . . Покорнейше вас просим напечатать наше письмо и ответ ваш на оное в „Литературной газете“, — потому напечатать, что не выищется ли кто-нибудь из вашей братии ученых, разуверить нас, с ясными доказательствами, что в чае нет крови.

В ожидании от вас ответа, остаемся с высокопочитанием вашего высокородия покорнейшие слуги:

Петр Анисимов (сапожник).
Федул Прокофьев (подрядчик).
Андр. ПМНВ (сочинитель сего письма)».

Какова закорючка! В *чае кровь*? Да если бы мне сказали: *в крови чай*, я бы не так испугался и удивился! Непременно спрошу ученых людей, как оно там. Оно, конечно, если по нашему простому рассудку судить, так много толковать нечего: ну, какая в чае кровь? А все может быть. . . ученые лучше нас знают. Непременно спрошу. Вот будет оказия, как окажется в чае действительно кровь. Да я с отчаяния трех дней не проживу, и Матрена Ивановна тоже. . . Мы зачастую ведь кроме редьки, капусты, огурцов да чаю с медком ничего не употребляли, а тут вдруг. . . Нет, узнаю, узнаю, и поскорей — иначе я спать спокойно не буду. . . да и добрых людей тоже поскорей извещу. . . недаром писали. . . А покуда, добрые люди, прощайте. Спасибо, что удостоили

письмецом и Матрену Ивановну похвалили: она мне сегодня в чай рому так ухнула! Добрая женщина Матрена Ивановна!

КРАПИВА

Почтенный доктор энциклопедии и других наук господин Пуф в последней своей лекции (лист 13-й *Записок для хозяев*) преподал прекрасные наставления о гастрономическом приготовлении *здоровой зеленой травки* для трансцендантальных наслаждений желудка. Но да позволено будет и мне, скромному пахарю, не только не доктору, но и не Пуфу (благодаря создателя!), сказать словечко о том, что, конечно, крапивные щи — объедение, однако крапива и не на одни щи пригодна, и что это весьма полезная трава во многих отношениях. Есть люди, которые, бог весть почему, считают крапиву вредною травою; я знал садовников, которые преследовали ее, как опаснейшего врага; после этого неудивительно, что скромная крапива, как изгнанница, проживает в безвестности в глухих и уединенных местах, в тени заборов и изгородей. Между тем всякому ли известно, что все части этого растения имеют полезные свойства? Не говоря уже о варении щей из молодых листьев и о некотором употреблении веток старой крапивы в интересных проделках домашней расправы у некоторых хозяев, скажу только, что корни крапивы, сваренные в воде с небольшою прибавкою квасцов и обыкновенной соли, дают красивую желтую краску; семя крапивное подсыпают конские барышники в корм лошадям для того, чтобы придать им веселый взгляд и лоснящуюся шерсть; из волокон, заключающихся в крапивных стеблях, голландцы делают весьма нежные и дорогие ткани.— Конечно, это все такие свойства, которыми не всякий может воспользоваться; но вот и такие, которые пригодны для всякого *селовода* (как выражается у нас один *знаменитый* агроном-импровизатор): крапива, употребляемая в виде корма, доставляет рогатому скоту здоровую и питательную пищу, которая особенно тем выгодна в хозяйстве, что крапива скоро поспевает и легко разводится: она неприхотлива насчет земли, растет на самой плохой, без всякого об ней попечения, и без беды выносит всякие непогоды. Косить ее можно не-

сколько раз в лето, и рано весною, когда еще нет в полях никакого корма скоту, крапива уже обыкновенно стоит в полном росте. Если предполагают скармливать крапиву свежею, то ее нужно скосить молодою, но если хотят сделать из нее сено, то выгоднее оставлять ее расти далее, однако же не до того, чтобы стебли ее, огрубев, задеревенели, потому что в таком случае скот ест ее неохотно.

После этого судите сами, полезна ли крапива! Как жаль, что я не поэт; а то для убеждения вашего сейчас же бы сложил стишки вроде тех, какими один почтенный человек защищал недавно *картошку*, начав свою «оду на картофель» истинно горацианским экзордиумом:

«Картофель! харч благословенный!» и проч.

ПИСЬМО ***СКОГО ПОМЕЩИКА О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ КНИГ, О ВРЕДОНОСНОСТИ БАРАНЬИХ БУРДЮКОВ С КАШЕЙ И О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ [1]

Усмотрел я из «Литературной газеты», что ты, брат Иван Александрыч, в сочинители влез. Стало быть, с сочинителями знаком; в Петербурге живешь, — ну, натурально, многое знаешь, что мне и не снится. А я, брат, встретил здесь такую задачу, какой вовек не встречал и вовек собственным умом не решу. По старой памяти помоги. Вот в чем, братец, дело. Расскажу все по порядку.

---

[1] Эту статью получили мы от г-на Пружинина, принятого нами недавно в сотрудники «Литер⟨атурной⟩ газеты», при следующей записке: «Вот письмо прежнего моего товарища по училищу,*** помещика Александра Степаныча Бухалова. Прочитав, усмотрите, что он просит меня разрешить некоторые вопросы, которые для него весьма важны. Но сам я, по недавности моей в литературе, еще в эти дела хорошенько не вник и сам; точно так же как Бухалов, ровно ничего тут не знаю. Посылаю к вам письмо г-на Бухалова: можете его напечатать, потому что в нем ничего нет такого, что бы могло относиться не к чести моего старого товарища. Только с условием: ответьте ему за меня, о чем он там просит. Что же касается до обещания в конце письма,

Я живу постоянно в деревне, занимаюсь хозяйством и стараюсь о благосостоянии своих мужичков, то есть не так, чтобы самому было с ущербом, а чтоб и мне было хорошо, и им хорошо... Оно, конечно, почему мужичку и в кабак не сходить, не великая важность, лишь бы оброк он хорошо платил; да в том беда, что чем больше в мужике пристрастия к кабаку, тем меньше от него пользы. А у меня мужички баловали-таки изрядно. «Если так, — думаю, — дело пойдет, придется мне с семейством на старости идти по миру. Нет, примусь-ка за ум!» Смекнувши, что чем человек будет умнее и больше хорошего знать будет, тем скорее рассудить может, что не годится дурно вести себя, — смекнувши это, я стал выписывать разные книги, которые пишутся у нас для простого народа; роздал грамотным мужикам и заставил их читать вслух с неграмотными. Сначала дело шло плохо: нужно было надзирать, сами страсти к чтению не имели; потом стали кое-что и без надзору почитывать — да только не все. Я и прежде спорил с соседом Турухтановым, что не всякая печатная книга хороша, а тут меня простой пример убедил. Веришь ли? Иную книгу читают, никто им не приказывает, иную даже ничем читать не заставишь! Пока идешь посадом — видишь, один читает, другие будто и слушают; завернул за угол, глядь — принялись все зевать, как будто трои сутки не спали. Смекнул я, что мужички мои не совсем, стало, тут виноваты: видно, иные книжки попадаются вздорные. На кой же прок, думаю, я за них деньги плачу? Сам я, признаться по откровенности, большой охоты к чтению не имею, есть у меня одна книжка дареная — «Русский в Константинополе», лет уж восемь валяется, да и той, признаться, не дочитал. Журналов никаких не выписывал; на что же, когда страсти к чтению нет? только лишний расход! До вот бог привел-таки высылать деньги и за журналы; не захотелось дрянных книг покупать. Спрашиваю у со-

---

то как нам между собою сделаться, — впоследствии спишемся. Впрочем, ведь до осени еще далеко, да притом хорошо, как он пришлет, а то, может, ведь и надует!»

И. Пружинин

Исполняем просьбу г-на Пружинина и с удовольствием помещаем занимательное письмо г-на Бухалова в «Лит⟨ературной⟩ газете». ⟨*Примечание в «Литературной газете».*⟩

седа, у Горбоносова (Турухтанов сам ничего не читает): «Какой, братец ты мой, лучший в России журнал?» — «Листок для светских людей», — говорит. «А что в нем, — спрашиваю, — описывают?» «Да всё, — говорит, — учат с дамами обращению, как то есть в свете себя вести на тонкой ноге, ну и там разные тонкости». — «Где тонко, — думаю, — там и рвется. Нет, моим мужичкам нужно покапитальнее». — «А какой еще лучший, — спрашиваю, — журнал?» — «Да какой, — говорит, — право я, братец, не знаю... вот такой-то очень хорош, да только, братец, он не выходит». — «Ну нет, — говорю, — мне надо такой, чтобы хорош был и выходил, — хочу наводить справки». И пошел к другому соседу. «Какой, — говорю, — лучший в России журнал?» — «Да вот этот», — говорит. «А что же он?» — говорю. «Да книжечки невелики, ну и печать, братец, не так, чтоб слово к слову лепилось, по крайней мере не в тягость прочесть. А то другой и руку всю оттянет... и устанешь... и голова у тебя кругом пойдет, а не дочитать, бросить на половине — жаль: ведь деньги заплачены, только мучение!» — «Оно так, — говорю, — да отчего же не дочитать? Ведь можно не вдруг... ну, а чего сам не осилишь, ступай на охоту, жена прочтет. Нет уж, — говорю, — по-моему, коли тратиться, так чтобы, — говорю, — вещь была видная... пусть ее руки оттянет... Можно мальчишку заставить держать, а тощий журнал...» Не дали договорить... Случился тут еще сосед, двоюродный брат Турухтанова. «Ну, так подпишитесь, — говорит, — на „Отечественные записки“; за прочее, — говорит, — не ручаюсь, а уж вид — просто мое почтение! Я сам для виду держу...»

Рискнул, выписал «Отечественные записки». Турухтанов правду сказал: книжки толстые, широкие, длинные; ну и текст... много всего есть, всякого жита по лопате найдешь... только иногда в толк не возьмешь... ну, дело понятное, видно, молодой еще человек — завирается! «Сумароков, — говорит, — вздор. Державин — великий, — говорит, — сочинитель, а читать теперь уж скучно. Дмитриев, Хемницер, Херасков — вздор». А ведь всё врет! Я помню, лет тридцать назад... сам учитель нам говорил: Сумароков — великий драматург, Херасков — великий баснописец, ну, там и другие, Петров... Случалось, что-нибудь и прочтет — и точно, помню, весьма и весьма хорошо. И после, когда в разговоре... умные люди сойдутся, все то же самое говорят... хвалят... и сам то же

самое при случае говоришь... Так даже уж и привык. А тут вдруг ни с того, ни с сего — вздор. Махнул рукой: «Пускай, — думаю, — врет! меня от того не убудет! Себе же вред делают: всякий про них же кричит, что, мол, объелись белены. А все-таки для меня полезный журнал: всякую новую книжку тебе разберут, и пример налицо: сам видишь — ни к чему не пригодна! — задаром над ней же еще посмеешься». Только как стал по журналу выписывать, как раз и беда: чтения не хватило! «Или журнал, — думаю, — уж очень сердит, или и вправду мало сочиняют хороших книг для простого народа». Так прошел год. Узнал от соседа еще про журнал: «Выходит в Петербурге, — говорит, — „Эконом“». Выписал и «Эконома». Превосходная вещь. Читаю всегда с особенным удовольствием и даже многие наставления полезные почерпнул. Попадался и впросак, правда, раз, два... ну там, может, и три, а все же на «Отечественные записки» не променяю; да и читать легче; хоть каждую неделю выходит, а все же не то: гораздо и гораздо поменьше листов. В январе нынешнего года прочел в «Отечественных записках», что при «Литературной газете» будет выходить особый хозяйственный лист при каждом нумере под названием «Записки для хозяев». Выписал и «Литературную газету». Тоже очень хорошая вещь. Доктор Пуф — я так полагаю, должно быть, выслужившийся из поваров, — пишет наставления, как готовить хорошие и дешевые кушанья, да тут же честным словом каждого заверяет, что от таких кушаньев никакого быть не может вреда и человек всегда будет здоров. Ну, как не читать? Есть из нас всякий любит, а я даже еду предпочитаю всему: ты мне ни карт, ни вина, ни там другого чего-нибудь, а уж обед мое дело. Сижу пять часов за обедом. Два раза в день, был помоложе, обедывал, кроме закуски и ужина. Чего человек не делывал смолоду! Ох, молодость! молодость! и няни тарелку полную скушаю, и бараний бурдюк с кашей... и ветчины... мне окорок, бывало, на один раз. Тяжело, через силу дух переводишь, с места пошевелиться лень... а прошел час — все как рукой сняло; давай хоть снова обедать! То-то, молодость-то! Все проходило, брат; да теперь уже не то: как чересчур переложишь, особенно баранины и всего, что пожирней, после обеда хоть плачь: боль в животе, грусть нападает, дрянь ужасная лезет в голову, и поверишь ли? — даже иногда, — сам не знаешь, что за история, — теленок танцует перед тобой экосез,

луковица говорит тебе человеческим голосом... наковальня перед тобою стоит... кузнец гвозди и молот держит в руке... подкова раскалена... «давай ноги! — говорит, — подкую...» И вдруг в ушах зашумит, застучит, а в ногах боль такая пойдет... мука смертельная, а ни встать, ни закричать силы нет. Скрежещешь зубами, а перед тобой разные рожи так и скачут, и скачут, и скачут, прыгают, показывают язык, кулаками тебе грозят... Доктору нашему городскому сказал. «Кушайте что-нибудь, — говорит, — полегче; у вас желудок испорчен». Ну как же, братец, не радоваться? вдруг получаю наставление: учит здорово есть. Призвал повара. Подлинно, рыбак рыбака видит издалека: повар тотчас все понял и ужасно обрадовался... Надо тебе сказать, что он у меня когда-то в Петербурге у хорошего повара обучался... да заехал сюда: няня да няня, бурдюк да бурдюк, — все и забыл! А тут вдруг вспомнил все, побежал — белый фартук надел, колпак: «Нельзя, — говорит, — так готовить французский стол», — и этак часа через три изготовил мне, братец, обед. Конечно, не то, совершенно не то, даже три года назад я бы в рот не взял такого кушанья... Ешь — вкусно, приятно, удовольствие получаешь, а фундаментальности, брат, решительно никакой! Зато после обеда спишь, и пляска тебе не мерещится, и никто не смеет тебе язык показать... Я очень благодарен доктору Пуфу; хороший должен быть человек.

Ну, братец, так и «Литературная» оказалась для меня полезная вещь, и хоть книг приходилось мало выписывать, да зато уж книги были все дельные. Еще в прошлом году выписал по «Отечественным» первую книжку «Сельского чтения», — просто, брат, пальчики облизал. Особенно благодарен я князю Одоевскому и г-ну Заблоцкому. Если знаком, брат, скажи, что я их уважаю; так им непременно и скажи. Не только мужики, сам я — стыдно признаться! — читал книжку с удовольствием и даже, между нами будь сказано, многое из нее почерпнул. Г-на Заблоцкого я уважаю, а князя Одоевского даже люблю; ты, брат, так ему и скажи. Как бы то ни было: князь, брат; хороший, говорят, сочинитель, а с простым человеком так говорит! Мужики мои просто одурели от радости; даже один, плут, при мне другому шепотом говорит: «Вот бы такого нам барина!» Я на него-таки и прикрикнул, а про себя невольно подумал: «Правду говорит!» В нынешнем году выписал и вторую книжку

«Сельского чтения». Прочел; правду в журналах сказали: хороша! «Нет, — думаю, — много и очень много сделали мне пользы журналы; хорошо, очень хорошо, что журналы у нас издаются», — как вдруг — запятая...

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, получаю осьмой нумер «Литературной». Как водится, прямо в «Новые книги». На ловца зверь бежит; только ткнулся: «*Воскресные посиделки, книжка для доброго народа русского*». «Жаль, — думаю, — у меня не весь наголо *добрый* народ, за иным недоимок и разной худобы тьма, а иной злодейски притом куликает...» Ну, понимаешь, не смекнул сначала, что «для доброго» сказано тут напросто для красы. Однако ж не выдержал, прочел, что говорят. Не хвалит: цель, говорит, хорошая, а исполнение самое жалкое. И примеров несколько приведено; действительно, даже из примеров видно, что исполнение жалкое. В «Отечественные» гляжу — там подробный разбор. Каждая «Посиделка» рассказана, и видно как на ладони, что сочинитель просто не знает быта крестьянского и совсем не бывал ни на каких посиделках. Кабак *Иваном Елкиным* называет, а в нашей слободе кабак называется просто: «*У нашего у Никитки хороши есть напитки*», — так и при входе написано; в соседнем селе кабак «*Не проезжаем*» зовут, в Бетегинском — «*Веревочный*», у Середы просто надпись «*Питейный дом*»; вот в Муханове точно все говорят «*Под елку...*» ... да за что же Муханову перед всеми почет? Опять же у сочинителя *косушкой* перепилось 25 человек, да ведь как: мужик спалил бороду, баба такой вздор понесла, что «мужик схватил старуху *за шлык* да ну ее трясти...», видно, одурел с перепугу... И много тут я начитал; и не хотел бы верить — нельзя: поверишь, как на все пример налицо... Мужики все набраны пьяницы: тот «бедную жену как собаку избил», тот извозчика обокрал и «теперь золото роет в Сибири», а Пахомыч страшную дичь несет, даже вошел в азарт и стихами заговорил.

Вдруг гляжу в «Эконом»: так прямо в глазах и мелькнула о «Посиделках» статья и внизу примечание: «Статью эту и ряд других редакция „Эконома“ получила при письме от тихвинского помещика». Читаю письмо. «Нуждался очень, — говорит, — в книгах для мужиков; вдруг, — говорит, — узнал, что явились в свет „Посиделки“, обрадовался и в тот же день выписал из магазина *общего всей нашей помещичьей братьи комиссионе-*

ра десяток экземпляров, роздал их мужикам и сам ну читать с ними. Начитавшись досыта, пишу, — говорит, — библиографическую статью, которую прошу, дескать, покорнейше напечатать». Читаю статью. Хвалит. Меня как обухом... Стал в тупик совершенно. Это бы еще ничего, да вот что меня поразило. — Прослушай, брат, хорошенько:

«„Пчела“ объявила, что все эти статьи пишут помещики и управители, все люди, знающие коротко быт народный, сжившиеся близко с русским человеком, *а не щепетильные франты, которые идеализируют везде и для русского простолюдья хотят жанполиться, как в каких-нибудь своих нелепых, впрочем, разноцветных сказках. Эти господа не знают Руси, не знают русского характера и думают, что они все сделали, когда понапичкали простонародные рассказы разными простонародными выражениями, не всегда даже кстати*».

Задумался я. «О каких же тут, говорю сам себе, господах говорится? Какие же это, думаю, господа, которые не знают Руси, не знают русского характера, употребляют простонародные выражения, не всегда даже кстати, — те, что ли, которые заставляют 25 человек баб, девок и парней напиваться с косушки, у которых мужик трясет бабу *за шлык*, а Пахомыч говорит стихами?.. Не может быть, говорю сам себе. Ведь это все в „Посиделках“, а „Посиделки“ тут хвалят, говорят, что *„редакция «Посиделок» вполне уловила то, что понимает и любит народец наш православный“*. Стало быть, речь о других господах». Думал, думал. Ну *идеализировать, жанполиться*... и то, и другое... *наша братья помещичья* на такие слова не ходок... да и намеков ей делать не для чего... коли что есть на душе, говорит прямо... Опять же, чтобы намекнуть на кого... этак невинным образом, прикрывши лицо... шепотом, сквозь пальцы, — нужно знать, как оно там и что... и подъехать с какой стороны... Долго продумал бы, да получаю вдруг «Эконом», т. VII, тетрадь 167. Читаю статью г-на Бурнашева о «Сельском чтении». Глядь — напал вот на какие слова:

«Статьи же князя В. Ф. Одоевского, конечно, полезны и полезны в высшей степени, потому что он в них разрешает необычайно трудные вопросы относительно паров, гаса, термометров и барометров, делая все эти *трудности* легкими и доступными для самого необразованного, но мало-мальски бойкого ума. Но статьи эти

были бы несравненно полезнее, ежели бы были изложены без всякой подделки под язык простолюдинов, что избавило бы автора от чрезвычайных трудностей, а читателю доставило бы удовольствие не встречать таких слов: *ино место, домек, ономедни, тем часом, гуторить, надо, резонт, тутошние, другорядь* и пр. и пр., которые простолюдин в печати *терпеть не может видеть*».

Тут понял я всё — и какой это г-н Тихвинянин, который говорит то же самое, что г-н Бурнашев, только на другой манер, и на кого тут они намекают. Долго не мог смекнуть для чего. Да как прочел снова статью, добрался до места, где г-н Бурнашев объявляет, что он *редактирует* «Воскресные посиделки», — так тут всё и сделалось для меня ясно. Непонятно только одно: зачем г-н Бурнашев говорит: «хотя я сам *редактирую* „Воскресные посиделки“, *почитаю низким пользоваться* моим положением рецензента для того, чтобы отвечать обидными шутками за выходки и отмщать (*что*?) на хорошей и истинно полезной книге, какою я не могу не признать „*Сельское чтение*“, издаваемое князем Одоевским и г-ном Заблоцким».

Вот это, братец, мне решительно непонятно! Растолкуй, если можешь.

А того, что я, братец, понял и собственным умом раскусил, так не оставлю. Г-н Бурнашев и г-н Тихвинянин вздумали упрекать князя Одоевского за употребление простонародных слов и выражений... Веришь ли? с досады я чуть не заплакал! Как? что особенно и пришлось-то нам по душе, из-за чего мы и книгу-то десять раз прочитали, — вдруг за то нашего благодетеля упрекать... да еще с намеками: *жанполиться... идеализировать*... Объясни, братец, мне, что значат эти слова... я их не понимаю... Веришь ли? сначала я даже испугался... Да подумал потом: князь Одоевский, верно, и не читал, да и не прочтет никогда, что об нем там написали... А все же не могу в защиту ему не сказать, что есть на душе.[1] Пускай хоть чем-нибудь докажу к нему благодарность и уважение. К нему придираются:

---

[1] Разумеется, князь Одоевский не нуждается ни в похвалах г-на Бухалова, ни в защите против гг. Тихвинянина и Бурнашева, но, решившись напечатать письмо г-на ***ского помещика, мы не считаем себя вправе вычеркнуть из него что-либо. Ред. ⟨*Примечание в «Литературной газете».*⟩

«Не употребляй, — говорят, — мужицких слов, выражайся по-барски, не подлаживайся под мужицкую речь; *простолюдин этим обижается всегда и везде*». Нет! нет! тысячу раз нет! Поверьте мне; я шестьдесят лет живу на свете и по крайности сорок из них провел с мужиками. Начни-ка с мужиком по-барски свысока говорить, нос задирать, да он к тебе ни доверия, ни малейшего уважения... Нет, ты его постепенно к тому доведи, чтоб он тебя понимал. Да я вот сам, недалекий пример, даже никогда не думал о том, а как начну с мужиком толковать... ну, случается, полезное что-нибудь вычитаешь в журнале... наставленье какое захочешь дать... так простые слова сами собой тотчас с языка и берутся... уж совсем не тот разговор, как с женой и с учителем... и ведь что же?... я как понагнусь немножечко до него... он, глядишь, на цыпочки приподнимется как раз до меня... ну, друг дружку при помощи божией и поймем. Вот оно что!.. Нет, простонародные слова можно и даже в ином случае надо непременно употреблять, пока мужик к барским словам не привык; только не надо косушкой 25 человек спаивать и «трясти бабу *за шлык*». Вот уж это так точно значит *жанполиться*!

А покуда я таким образом рассуждал, ко мне десяток книжек «Воскресных посиделок» прислали. Взял один экземпляр, начал читать, перечитывать книжку, и разные мысли тут меня посетили. Под статьями все подписаны имена *Трифон*, да *Пахом*, да *Феклист* староста, а было объявлено, что под этими именами скрываются известные литераторы, да управители и помещики. Даже, поверишь ли, сомнение меня взяло: что ж, думаю, отчего ж бы известным литераторам, управителям и помещикам, — так-таки решительно всем до единого, — скрывать свои имена? Ведь дело благое: для народа пишут, общественному образованию, говорят, хотим споспешествовать; стало, стыдиться тут нечего... Нет ли другой причины какой? Напиши, брат, пожалуйста; да уж если можно, не знаешь ли, кстати, кто эти литераторы и помещики?.. Мы — люди темные... Вот «Сельское чтение» — другое дело. Читаю статью, а под ней гляжу: имя. Оно мне и отвечает.

Не хотел было совсем уж и раздавать до получения от тебя ответа «Воскресных посиделок» моим мужичкам, да г-н Бурнашев говорит: «Издаются с бла-

городным предназначением служить чтением для простонародья русского»; а г-н Тихвинянин вторит ему: «Чтение это удалит многих от кабака»; г-н Бурнашев говорит: статьи кн. Одоевского в «Сельском чтении» нехороши потому, что в них встречаются простонародные слова, «которые простолюдин в печати терпеть не может видеть», а г-н Тихвинянин вторит ему: «Редакция „Воскресных посиделок“ хорошо делает, что не хочет допускать этих кривляний, а говорит с простолюдином русским просто, ясно, не насилуя свой (его) способ(а) выражений для того, чтоб быть понятнее, а делаясь все от того темнее и темнее. Все, что рассказано в „Посиделках“, ясно как день»... Ну, и прочее: так и доказывают наперебой один перед другим, что «Воскресные посиделки» — прелесть.

Подумал, подумал и роздал «Воскресные посиделки» грамотным мужичкам, а между тем смекаю сам про себя: «Посмотрю, какие-то будут последствия!» Да почти никаких. Только на другой день староста приходит ко мне.

— Ну, что нового? — говорю.

— Да ничего, ваша милость. Слава господу, в ночь наша Щелкуша (река, омывающая мои владения) прошла. И как же ведь разлилась знатно — у!... озимь всю потопила и по другую сторону сенокос; надо быть, хлеба будут у нас *и вкусны, и сытны, и сладки́*, а в прошлом году — не приведи бог — у многих даже просто были *гадки́*.

Меня, поверишь ли, даже взорвало...

— Что ты, — кричу, — как говоришь? Разве я на то книги вам покупаю, журналы выписываю, стараюсь всячески учение пичкать в вас?.. Вот заговори-ка у меня еще так... Я тебе дам *«сладки́»*, будешь ты у меня помнить: *вкусны* да *гадки́*...

— Помилосердуйте, — говорит, — ваша милость. С места сейчас не сойти, буде сам от себя слово какое выдумал. От вашей же милости по вотчине был приказ: печатному верить, и в каждом деле стараться, как в печатном советуют, поступать. Вот поглядите, — говорит.

И подал мне книжку. Развернута на стихах. Читаю вслух, братец:

Картофель, харч благословенный,
Во время скудости для всех бесценный,
И хлебом кто нуждается,
Картофелем нередко пропитается.
Картошки и *вкусны*, и *сытны*, и *сладки*:
Поганства в них нет, и лишь *гадки*
Те люди, которые мнят,
Что богом картофель *проклят*.

Ну, «Воскресные посиделки!» Спасибо, исполать! Сгоряча хотел было отобрать у всех. Да остыл... Что ж, думаю, чем же вся книга за стихи виновата? И отдал по вотчине чрез десятских приказ: стихов в «Посиделках» не читать...

Однако уж опоздал. Ванька Мошкин едет мимо барского дома с возом дров и во все горло поет:

Крапива! драгоценная трава!
Когда у мужика все кадки пусты,
С тобою щи варят вместо капусты,
И во крестьянстве ты сытна и здорова́!
Ты даже нрав порочный исправляешь,
И к трезвости пьянчугу возвращаешь,
Когда на старости, колюча и жестка,
В руках десятского ⟨ты хлещешь мужика⟩.

Не выдержал... Высунулся из-за ворот.

— Что ты, — говорю, — приказанья барского не исполняешь?.. Разве тебе староста не говорил: из «Посиделок» никаких стихов не читать?

— Да и не читаю, — говорит, — статочное ли дело против приказу барского поступать?.. Там писано про картофель, а про крапиву я сам, ваша милость, сложил...

Прав! В «Посиделках» точно нет про крапиву, а все же ведь из «Посиделок» научился. «Вот, — думаю, — стало, и от стихов в „Посиделках“ есть польза: мужик стал стихи складывать! Да какая же, — потом думаю, — польза?»

Вот и об этом еще ты уведомь меня, Иван Александрыч. Добиться никак своим умом не могу и в недоумении большом нахожусь... А Ванька уж пропасть таких стихов сочинил: каждый день новую какую-нибудь штуку поет: про редьку, про хрен, про косушку... и другой мужик, Федор Алексеев, начинает также складывать вирши... Запретить или поощрить?.. Да вот еще уведомь ты меня об одном... Получил я 170 тетрадь «Эконома»; там опять хвалят «Посиделки» и желают «значительного числа

читателей». А все же лучше, если б ты еще свое мнение написал... Или хоть попроси, чтоб в «Литературной» поскорей разбор сделали... А я сам просто в недоумении. Даже мужиков, которые потолковее, призывал, с ними советовался, читал им оглавление второй книжки «Посиделок» (оно все выписано в разборе у г-на Тихвинянина).

— Вот, братцы, — говорю, — хотите ли читать такие статьи:

«Чтоб маленькая частица земли урожала много хлеба, надобно пашню много унаваживать *в тех губерниях, где навоз употребляется*».

— Знаем, батюшка, знаем, — все вдруг говорят, — вестимо так: навозу побольше и хлеба побольше! Был бы только навоз!

— Знаете, — говорю, — так не для чего вам и статью читать. А знаете ли, как надо поступать, чтобы навозу было побольше?

— Вестимо как, батюшка: побольше, коли есть, скотине корму давать...

— Ну так, стало, вам, — говорю, — и эту статью: «*Коли хочешь от скотинки своей иметь много навоза, давай ей побольше и получше корма*» — не надо читать.

И так с ними все статьи по оглавлению перебрал: «Знаем, — говорят, — батюшка, знаем!» — А все же, — говорю, — не худо выписать книжку. Может, опять в ней случатся вирши. Ведь вот и от виршей польза есть... «Нет уж, — говорят, — виршей и знать не хотим».

Так вот, брат Иван Александрыч, все это и побудило меня к тебе писать. Не оставь, брат, ответом. Все запросы мои разреши. Я тебе к осени, по первым заморозкам, десяток кур и свинью самую жирную в подарок пришлю.

Твой и проч.

Александр Бухалов.[1]

---

[1] Приняв на себя по просьбе г-на Пружинина обязанность отвечать на вопросы, затрудняющие г-на Бухалова, мы можем только сказать, что заметили в г-не Бухалове, по некоторым местам его письма, значительную способность метко и верно догадываться и, судя по тому, в чем уже догадался г-н Бухалов, думаем, что ему небольшого труда стоит догадаться и в остальном. Стоит только хорошенько вникать в обстоятельства дела. Что же касается до разрешения вопроса о второй книжке «Посиделок», то разбор этой книжки будет помещен в следующем № «Лит⟨ературной⟩ газеты». *Ред.* ⟨*Примечание в «Литературной газете».*⟩

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДАЧИ И ОКРЕСТНОСТИ

⟨1⟩

⟨4 мая 1844⟩

В городе пыльно и душно; за городом прохладно и зелено. Время покинуть Петербург, уступить его широкие и поврежденные улицы мостовщикам, оставить богатые и великолепные квартиры для поправки и подновления штукатурщикам и обойщикам и переселиться в скромные, уютные, не всегда достаточно защищенные от холода и удобные, но красивые домики, которые называются «дачами». Пускай Петербург строится, подновляется, увеличивается новыми зданиями, мы не будем мешать ему, мы поедем на дачи.

Куда? в какую сторону? У всякого свой вкус, свои расчеты, свои виды, и каждый выбирает себе летнее жилище, соображаясь со всем этим. Иной хлопочет, чтобы ему было поближе к Петербургу — ему каждый день нужно маршировать пешечком на службу; другой хлопочет, чтобы ему было поближе к той или к тому... ну, словом, к чему особенно лежит сердце — и забирается в Мурино, даже и далее; тот нанимает на Крестовском, потому что там каждый день надеется встречаться по нескольку раз с человеком, в котором имеет нужду, и свидетельствовать ему глубочайшее почтение, в совокупности с таковою же преданностию; а этот перебирается в Парголово, потому что с парголовской горы прекрасный вид на многие дачи, и, между прочим, на домик, где живет почтенное семейство, украшение которого составляет семнадцатилетняя дочь красоты неописанной. *Сей* перебрался было за Екатерингоф, но в первый день заметил там, на прогулке, целую сотню своих кредиторов, и на другой день его не стало; дачу занял *оный*, встретивший то же самое неблагоприятное обстоятельство на Петровском острову. *Таковый* живет в Колтовской, потому что жена его не может пробыть дня, не видав Арины Андреевны, у которой братец большой охотник до уединенных прогулок и очень любезен с дамами; а *толикий*, опять по своим причинам, перебирается на Аптекарский.

Сколько драм, сколько водевилей разыгрывается, пока наконец петербургские жители разделят между

собою, каждый с сохранением возможных удобств, эти воздушные, скороспелые здания, которыми усеяны окрестности Петербурга! Привычка — вторая натура, и человек, даже переезжая на дачу, старается удержать за собою возможность удовлетворять ее требованиям. В самом деле, если вы, например, сделали привычку пить чай у Ивана Ивановича... а *кольми паче*, если вы сделали привычку к чему-нибудь поинтереснее чая, для чего также необходимо водить дружбу с Иваном Ивановичем... Ну, где вы наймете дачу?.. Нет, привычка — великое дело. Я сужу по себе: я так привык занимать деньги у одного достопочтенного человека, что даже нанял дачу в одном с ним доме.

Но для тех, кого ни особенные привычки, ни пристрастия, ни какие-нибудь тайные причины не влекут к известному пункту, для тех, кому нужны дачи не дорогие, но удобные, кто должен ежедневно отправляться в Петербург на службу и заботиться о том, чтоб издержки на ежедневные, неизбежные поездки были как можно умереннее, — для тех всего удобнее жить за Лесным институтом или на пути туда, лежащем по Каменноостровскому проспекту, чрез Каменный остров, мимо дачи графини Строгановой и т. д. Если мы утверждаем, что жить на этом тракте особенно удобно, то имеем на то причины, которые, верно, заставят вас согласиться с нами. Нам достоверно известно, что с 15 мая учреждается *омнибус* для желающих ездить на Спасскую Мызу *г. Беклешова* (за Лесным институтом), в окрестные места и обратно, который будет ездить по Каменноостровскому проспекту, через Каменный остров, мимо дачи графини Строгановой и так далее. Это известие, с первых слов, должно обрадовать многих и очень многих, но когда мы скажем, что поездки омнибуса хорошо применены к потребностям дачных жителей и цена чрезвычайно дешевая, тогда сердце ваше, к которому так близок карман, ощутительно истощаемый частою необходимостию платить извозчикам втридорога, — затрепещет от восторга. Итак, слушайте. Омнибус будет ездить по вышереченному тракту четыре раза в день туда и четыре обратно; цена за место в омнибусе в один конец в обыкновенные дни *25 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩*, в праздничные и воскресные — *30 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩*. Если сообразить, как много дач, наполненных жителями, лежит по тракту, избранному омнибусом для поездок, то нельзя

не назвать этого учреждения благодетельным и не пожелать, чтоб оно имело полный успех. Удобств, которые сопряжены с этим прекрасным учреждением, невозможно всех перечислить. Вместо того, чтоб торговаться с извозчиками, которых к тому же не во всякое время можно отыскать на иных дачах, и нанимать их по часам или каким-нибудь другим образом, но, во всяком случае, за довольно значительную цену, — вы не заботитесь ни о чем, приходите в известный час к пункту отшествия омнибуса, платите четвертак и садитесь в спокойный и просторный дилижанс; вас не трясет, как на дурных извозчичьих дрожках; не пылится ваше платье; не набивается вам пыль в рот, нос и уши; не щемит ваше сердце тайное предчувствие (очень часто сбывающееся, когда едешь на извозчичьих дрожках), что вот-вот лопнет шина, сломится колесо или случится другое какое-нибудь повреждение и вы остановитесь среди дороги ждать, пока все придет в прежний порядок, — если только есть возможность привести сломанное колесо в прежний порядок, — а между тем семейный ваш суп стынет, жена сердится, дети плачут и просят «папы», а если вы едете на обед к постороннему, то еще хуже: известно, какие иногда несчастия случаются от получасовой просрочки обеденного времени! Хвалы и благодарения достойны учредители омнибуса, и когда омнибус начнет свои поездки, мы не преминем тотчас на нем прокатиться и сообщить читателям результаты нашей поездки.

Действия омнибуса начнутся, как уже сказано, с 15 мая. Пункт отшествия его из Петербурга — у Гостиного двора, а с Спасской Мызы — у часовни. О часах отправления будет извещено в свое время. Да увенчается полезное предприятие учредителя заслуженным успехом, что непременно и будет, если только публика наша не захочет пренебречь собственной своей выгодой!

Мы не ошибемся, назвав эту новость в настоящее время самою *интересною*, если не вообще для любознательности человеческой, то для кармана. Других новостей мы не знаем. Наступает такое время, когда запас новостей истощается, да и нет в них надобности. Теперь довольно часто и в большом ходу только новости для желудка, но об них ежедневно можно осведомляться из объявлений Смурова, Елисеева и комп. Устрицы! как много поклонников устриц, но как много и людей,

решительно не понимающих поэзии устриц и соединяющих с представлением о них чувство крайнего омерзения! Отчего это? как? почему? Эти вопросы может разрешить разве один глубокоученый доктор Пуф. Наше дело сказать только, что устрицоеды столько же удивляются отвращению от устриц иных людей, сколько *сии последние* удивляются их пристрастию. Один из жарких поклонников устриц сочинил даже защитительный и вместе хвалебный гимн, на манер знаменитого защитительного стихотворения «Картошка, харч благословенный!»:

Устрицы! харч благословенный!
Во время жарости для всех бесценный!
Кто хлебом не нуждается,
Устрицами нередко пропитается.
Устрицы и вкусны́, и сытны́, и сладки́,
Поганства в них нет, и лишь гадки́
Те люди, которые врут,
Что устрицы гадость, и устриц не жрут!

Это стихотворение было пропето хором у Сомова, над грудами опустошенных раковин и — уверяем вас — произвело там необыкновенный эффект.

Весьма замечательна камер-обскура г-на Бросса, показываемая у Исакиевского моста, в небольшом деревянном здании, за чрезвычайно умеренную цену. Вот что говорит о ней наш достопочтенный сотрудник И. А. Пружинин в письме от 26 апреля:

«Были в *Отель-дю-Нор* втроем: я, еще один наш чиновник, да купец... тот самый, которому я прошенье писал и за которого хлопочу по судам. Угощал и тем, и другим, и третьим; наконец расплатился, вышли, с меня пот так градом... я когда поем хорошо, у меня всегда выступает на лбу пот крупными каплями... а товарищ немножко даже на последней ступеньке запнулся. „Чем бы еще угостить вас?“ — спрашивает купец. Мы было отговаривались, так нет. „Коли ни есть, ни пить, — говорит, — не желаете, так мы-ста другое найдем угощение. Вот, — говорит, — извольте следовать за мной в ефто место“... Подводит нас почитай к самому Исакиевскому мосту и показывает на деревянный домик на правой руке. „Что же тут? — говорим. — А в ефтой камере, — говорит, — немец будет показывать шкуру!“. — „Какую же шкуру?“ — А не могим знать, —

говорит, — увидим-с. — Захотелось и в самом деле заглянуть. Заплатил за троих. Вошли. Маленькая, темная, круглая комнатка, а в потолке посередине фонарик, из фонарика свет. Посереди комнаты на возвышении круг... Что ж, думаю, никакой шкуры... вдруг входит старушка (самого г. Бросса, видно, не было дома), начинает тянуть за веревочку, что висит у стены, и вдруг...

Боже мой! боже мой! я чуть с ума не сошел. Представьте себе... этак на кружке каком-нибудь, аршина в полтора, а пожалуй и меньше... как на блюдечке перед нами Невский проспект... да не то чтобы нарисованный Невский проспект, а просто живой, как он есть... Люди, экипажи, магазины, словом все, даже верите ли? свинью какую-нибудь мужик несет на плечах, ее вам тут не забудут, собачонка дрянная бежит, и ее тотчас подхватят, а уж люди-то, люди... Сходство невыразимое! Даже многих можно в лицо узнавать; я имел счастие засвидетельствовать глубочайшее почтение Станиславу Владимировичу: шел по Невскому с двумя дамами, видно, идут устрицы есть... Ну, уж устрицы!.. Не один Невский проспект, старушка множество улиц нам показала, и все так же хорошо, выразительно, натурально. Я все добивался от нее, чтоб она сказала, как делаются такие штуки, и даже посулил ей гривенник, да нет, крепится — не говорит. Чудеснейшая вещь! непременно пойду в другой раз смотреть, а перед тем Матрене Ивановне скажу: „Подите, дискать, прогуляйтесь по Невскому“. Пойдет, — а вот я все там и узнаю. То-то будет смеху-то!..»

Нам остается только прибавить, что за вход в камер-обскуру платится только 30 коп⟨еек⟩ серебром и что удовольствие, доставляемое камер-обскурою г. Бросса, далеко превышает эту цену.

В Детском театре давал очень интересные «представления жонглерских пиес» г-н Дрессор. У него мало новых штук, но старые, виденные нами уже от других фокусников такого рода, г-н Дрессор выполняет с неимоверным проворством и силою. В представлениях участвовала также г-жа Дрессор, поднимавшая, в вертикальном к столбу, находившемуся на сцене, положении, каждой рукой по пудовой гире. К замечательнейшим штукам г-на Дрессора принадлежит, между прочим, перекидывание в одно время 24-х фунтового ядра, куриного яйца и ножа;

интересна также следующая штука: г-н Дрессор берет в рот бокал, за край дна, на верхнюю сторонку бокала ставит ребром целковый, а на целковый острым концом шпагу, на верху которой прикреплена тарелка, — и шпага начинает вертеться с неимоверною быстротою на вертящемся целковом. Хороши штуки с павлиным пером, которое, будучи кинуто кверху, само собою становится на лоб или на нос г-на Дрессора и даже довольно долго держится на лбу, почти совершенно в перпендикулярном положении, причем г-н Дрессор ходит рассчитанным и размеренным шагом. Вообще никто из видевших представления г-на Дрессора не скажет, чтоб они были скучны.

Наконец, новость, совершенно летняя, готовится для нас на Измайловском плац-параде, где строится гипподром, для скачек г-на Сулье и К⁰. Г-н Сулье дает «большое, чрезвычайное представление, состоящее из скачек верхом, стоя на лошадях и в торжественных колесницах». Подобное представление было уже дано труппою г-на Сулье и Лауры де Бах на Александровском плаце и произвело значительный эффект. Стало быть, г-ну Сулье нечего бояться издержек — они вознаградятся с избытком; нужно только устроить гипподром обширнее и удобнее. Кому не интересно будет полюбоваться «чрезвычайным представлением», когда и на обыкновенные представления труппы г-на Сулье набиралось так много народа? Вот как описывает прошлогоднее «чрезвычайное представление» один петербургский старожил:

Как все, страстей игралище,
Покинув кучу дел,
На конское ристалище
Намедни я смотрел.
Шталмейстера турецкого
Заслуга велика:
Верхом он молодецкого
Танцует трепака.
Арабы взоры радуют
Отважностью своей,
Изрядно также падают
Мамзели с лошадей.
Ристалище престранное,
По новости своей,
А впрочем, балаганные
Их штуки веселей.
Начальник представления
Сулье, красив и прям,
Приводит в восхищение
В особенности дам.

Доныне свет штукмейстера
Такого не видал:
Достоинство шталмейстера
Недаром он стяжал.

Посмотрим, так ли будет ныне, или иначе. Во всяком случае, за что можно ручаться, — публики будет необычайное множество, какого никогда на наших общественных сборищах не бывает. Теперь, кажется, ничего более не остается, как пожелать вам благополучного переселения на дачи... Итак, перебирайтесь с богом и, пожалуйста, не спрашивайте: «что нового?» Нового теперь до самой осени не достанете у нас на вес золота. Новости придется почерпать из заграничных газет.

ОГОВОРКА

⟨11 мая 1844⟩

В прошлом нумере мы говорили об омнибусе, который будет ходить в известные сроки из Петербурга на Спасскую Мызу г. Беклешова и обратно. Сведения, пересказанные нами, получили мы из первых рук и передали, нисколько не сомневаясь в их достоверности, за которую ручалось нам, между прочим, и то, что те же самые сведения были еще прежде сообщены в неофициальной части одной газеты и *днем* ранее в «Северной пчеле». В субботнем фельетоне «Север⟨ной⟩ пчелы» (6 мая, № 101) мы прочли следующее:

«„Северная пчела“ напечатала известие, полученное ею из первых рук, о заведении омнибуса, который с 15 мая должен ходить от Гостиного двора до Спасской Мызы к Лесному институту, и *умышленно* сделала две ошибки, чтоб узнать, перепечатают ли это известие с ошибками».

Далее говорится, что известие действительно *перепечатали*, рассказав другими словами, *в неофициальной части одной газеты*, именно в фельетоне под названием *Петербургская хроника*, и что то же самое известие находится в 17 № «Лит⟨ературной⟩ газ⟨еты⟩» — все с теми же будто бы умышленными ошибками «Сев⟨ерной⟩ пч⟨елы⟩», — стало быть де другие газеты все перепечатывают из «Северной пчелы», — что и требовалось доказать. А две умышленные ошибки состоят именно в том, что

цена за место в омнибусе будет взиматься не 25 и 30 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩, а 30 и 40 коп⟨еек⟩ серебром.

Не принимая на себя защиту *неофициальной части газеты*, в которой будто бы *перепечатано* известие «Сев⟨ерной⟩ пчелы», — чего, впрочем, не могло быть, ибо известие это явилось в «Журнальных отметках» *одним только* днем позже, чем в «Север⟨ной⟩ пчеле», — мы находим нужным уведомить, что известие об учреждении омнибуса получено нами из первых рук в том самом виде, как мы его передали, а не перепечатано из «Север⟨ной⟩ пчелы», откуда перепечатывать не допустят нас никогда собственные выгоды нашей газеты. Что ж касается до изменения цены, то оно могло произойти от самой естественной причины: вероятно, общие толки о дешевизне первоначальной цены и новые соображения издержек с предстоящею выручкою внушили учредителю, не сделавшему еще от себя публикации, мысль возвысить несколько цену, на что он имел полное право. В заключение нам остается только сказать, что новая цена за место в омнибусе в обыкновенные дни 30 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩, а в праздничные и воскресные 40 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩, — если только «Северная пчела», сообщившая это известие, не сделала опять *умышленной* ошибки с какою-нибудь целию. О старании «Сев⟨ерной⟩ пчелы» уверить публику, что остальные газеты наши живут перепечатками ее, говорить не будем: против этого говорит достоинство тех газет, на которые намекает «Север⟨ная⟩ пчела».

⟨2⟩ Петербург и петербургские дачи

I

⟨15 июня 1844⟩

Иван Семеныч был молодой человек с чрезвычайно пылкою душою и страстно любил природу. Ему был понятен этот таинственный шепот древесных листьев среди вечернего мрака; это величественное солнце, медленно заходящее, напоминало ему жизнь человеческую; это беспрестанное кукуканье кукушек, которых так много в окрестностях Петербурга, говорило ему о вечности...

Семен Иваныч был также молодой человек и душу имел не менее пылкую, но гораздо сильнее, чем природу, любил — бильярд. В бильярде видел он не простое произведение рук человеческих, служащее к скорейшему сбыту

лишних денег и лишнего времени, но что-то полное таинственного и глубокого смысла. Это зеленое пространство, с ловушками по всем концам и посередине, называл он — *светом*; в этих суетящихся, стучащих, степенно идущих и безумно бегущих шарах, старающихся загнать друг друга в яму, — видел он верное отражение *людей*, с их страстями и всеми волнениями; наконец в этих случайностях выигрыша и проигрыша, в этих поворотах счастия и несчастия, и во всем, что ни делается на бильярде, он видел *жизнь*, настоящую, действительную жизнь, — жизнь как она есть. И Семен Иваныч, в кругу добрых товарищей, очень часто говаривал, в раздумье указывая на бильярд: «Вот, господа, жизнь как она есть!»

Судя по описанным наклонностям двух друзей (Иван Семеныч и Семен Иваныч были закадычные друзья), судьбе, казалось бы, ничего более не оставалось, как поместить Ивана Семеныча на лето где-нибудь в окрестностях Петербурга, на даче, а Семена Иваныча оставить в городе. Но недаром сказано, что судьба прихотлива: она поступила совершенно иначе.

Друзья, как вы догадываетесь, служили (потому что кто же из порядочных людей не служит?), и притом оба служили в одном присутственном месте, даже в одном столе. Но Семен Иваныч в продолжение целой зимы и весны, вместо того, чтобы ходить на службу, изучал в трактирах и ресторациях, на бильярде, жизнь как она есть, и как раз к лету получил чистую отставку. Иван Семеныч, напротив, стараясь заглушить в душе своей влечение к природе, деятельно занимался службою и к лету получил лучшее место с прибавкою жалованья.

Таким образом, праздный Семен Иваныч должен был отправиться с семейством на дачу (в П***), а повышенный и по горло заваленный работою Иван Семеныч — оставаться в городе. Оба были тронуты до глубины души, и оба плакали.

Плакали!... А как, подумаешь, мало нужно было для их счастия! Если б вместо Семена Иваныча исключили из службы Ивана Семеныча, а Семену Иванычу дали прибавку жалованья, оба они были бы счастливы!..

— По крайней мере, — говорил Иван Семеныч плачущим голосом, подавая на прощанье руку отъезжающему товарищу, — по крайней мере пиши мне из П***, достав-

ляй мне хоть через посредство твоего поэтического пера (Семен Иваныч был поэт) почаще случаи наслаждаться природою, — ее журчащими ручьями, зеленеющими пригорками, тенистыми рощами. Ах! тенистые рощи!..

Иван Семеныч зарыдал.

— Не плачь, — отвечал Семен Иваныч мрачно. — Бог еще знает, кто из нас несчастнее. А ты видишь — я не плачу! Обещаю тебе, обещаю все, что только может послужить к облегчению твоего горестного и тяжкого заточения... Ах, заточение! как я ему завидую!.. Но обещай же и ты передавать мне, по временам, в твоих чудных, сладостно-гармонических звуках (Иван Семеныч был тоже поэт) поэзию той жизни, которую я теперь покидаю... Ах, мой друг! ты не знаешь, что значит покидать эти широкие улицы, этих шумных и веселых друзей, с которыми знакомишься за партиею в пять шаров, дружишься за «алагером», эту «жизнь как...»

Семен Иваныч не договорил; слезы, долго удерживаемые, хлынули ручьем на грудь Ивана Семеныча, куда упал несчастный в порыве беспредельного горя.

Долго длилось молчание; наконец друзья в последний раз пожали друг другу руки, на минуту, по русскому обычаю, присели, что-то пошептали, выпили по рюмке водки (вина в тот день у Ивана Семеныча не случилось) и расстались, повторив друг другу обещание писать как можно чаще...

II

Спустя неделю Иван Семеныч сидел за канцелярским столом и занимался очинкою, или лучше сказать, отделкою пера. Перо давно было очинено, но Иван Семеныч все еще вертел его в руках, подносил на свет и внимательно приглядывался к очину, осторожно отрезывал на ногте большого пальца едва заметную частицу с кончика, вырезывал городки на опушке пера, подрезывал верхушку, скоблил все перо от маковки до очина. Наконец, когда перо было совершенно готово и представляло красивейшую в своем роде игрушку, Иван Семеныч встал, пошел в другую комнату и подал перо толстому господину, сидевшему впереди всех, который находился в положении человека, ничем не занятого, потому только, что ему чего-то недоставало. Движение, сделанное толстым господином, показало, что он именно

ожидает пера, и благосклонная улыбка была наградою Ивану Семенычу за тщательное исполнение поручения. Иван Семеныч возвращался довольный и веселый к своему месту, как вдруг движением пальца подозвал его к себе экзекутор. — Я вчера был в П***, — сказал он, — и встретил Семена Иваныча: он просил передать вам...

— Письмо? — перебил Иван Семеныч, и сердце его забилось от нетерпения.

— Да, письмо, — отвечал хладнокровно экзекутор, — но я забыл его дома; вы зайдите ко мне ужо.

Иван Семеныч сидел как на иголках, не мог ничего делать, и как только присутствие кончилось, тотчас кинулся за экзекутором. И вот, наконец, письмо в его руках.

С сильно биющимся сердцем сорвал он печать; развернул; тотчас узнал руку давнишнего друга и сослуживца и с жадностию начал читать.

Письмо состояло из стихов и прозы. И в прозе и в стихах Семен Иваныч беспощадно бранил природу и петербургские дачи. Этот несчастный, совершенно лишенный сочувствия с природою, сравнивал себя с собакою, привязанною на цепи у ворот дома, который она вовсе не имеет охоты стеречь, и божился, что перегрызет цепь рано ли, поздно ли, хоть потеряет все до одного зубы... Но лучше послушаем самого Семена Иваныча, тем более, что в письме, как мы уже сказали, есть стихи, которых содержание передать прозой невозможно. Я этим не хочу сказать, что в них нет содержания, но только то, что Семен Иваныч — поэт чрезвычайно оригинальный...

«Что ты там себе ни толкуй, любезнейший Иван Семенович, а ничего нет хуже жизни на даче. По-моему, это даже стыдно, при той степени образованности, на которой находится человечество в XIX веке. Если бы согласно было с здравым рассудком жить на дачах, то есть в мерзких лачужках, холодных и неуклюжих, в удалении от всех удобств жизни, то для чего же люди стали бы строить города? Я тогда только и чувствую себя просвещенным человеком, а не дикарем, когда живу в городе. Ведь журчащие-то ручейки, тенистые рощи, пустые пространства, называемые лугами, и вся дрянь, которою ты восхищаешься, были и при царе Горохе...»

Иван Семеныч пожал плечами в недоумении, как можно так решительно говорить о таких предметах, и, быстро пробежав глазами страницу, плюнул. Ему крепко не понравилось, что Семен Иваныч в таких резких и, можно сказать, неблагонамеренных выражениях отзывается о вещах, им столько любимых. Только через четверть часа Иван Семеныч мог продолжать чтение.

«Ты просил меня, чтоб я беседами о природе разгонял твою тоску. Да как же я буду ее разгонять? Сам знаешь, погода стоит скверная, — холодно, почти каждый день идет дождь — ну, скажи, о чем тут беседовать и что тут для тебя утешительного? Иное дело, если б мы жили в Павловске, в Царском. Там есть бильярды, играет музыка Германа, обедают за общим столом; Сулье давал свои представления, там публики тьма-тьмущая собирается; воксал, говорят, отличнейшим манером отделали... А у нас что? Скука да слякоть! никакого решительно развлечения ни для сердца, ни для ума. Только страдаешь, как собака...»

Здесь следует сравнение, которое мы уже привели, а затем стихи:

А здоровье? Уж не наше ль
Славно крепостью стальной?
Но скорее немца кашель
Схватишь, друг любезный мой.
Здесь и русская натура
Не защита, трынь-трава!
Уж у нас архитектура
Летних зданий такова!
Словно доски из постели,
Наши стены толщиной,
И в стенах такие щели,
Что пролезешь с головой.
Дует в спину, дует в плечи,
Хоть закутавшись сиди, —
Беспощадно гасит свечи
И последний жар в груди.
А когда на долы свыше
Благодатный дождик льет,
Не укроешься под крышей —
Он и там тебя найдет.
На дорожках грязь и слякоть,
И, скучая день и ночь,
Ты готов со злости плакать —
Но слезами не помочь!
Но бывают дни в неделе,
Солнце ярко так горит
И приветно во все щели

И в окошко к нам глядит,
И бежишь тут из лачужки
По лесной дороге вдаль,
Чтоб кукуканьем кукушки
Разогнать свою печаль,
Чтоб пред солнечным закатом
На лужайке полежать
И еловым ароматом
Для здоровья подышать,
Чтоб могла тебе природа
Все открыть свои дары,
Чтоб скорей тебя в урода
Превратили комары...
Отвратительное племя!
Жгут, тиранят и язвят...
И хорошее-то время
Превращают в сущий ад.
В лето крови благородной
Выпьют, верно, самовар.
Ведь комар, мой друг, — природный,
Не б⟨улгарински⟩й комар...

Вот я описал тебе петербургские дачи и как мы на них поживаем. Напиши же мне, брат, что делается теперь у вас в Петербурге...»

III

Ивана Семеныча не утешила выходка приятеля против загородной жизни и наслаждений природою. Нет, она только сильнее расшевелила в его душе страсть к природе, в силу того неизменного закона, что всякий любезный сердцу нашему предмет, поносимый несправедливо, становится нам во сто крат милее. Еще тяжеле стало Ивану Семенычу в Петербурге, и в одну из минут нестерпимой скуки и безотчетного озлобления он написал к своему приятелю:

«Петербург летом скучнее всякого провинциального городишка. Нестерпимо видеть человеку, заключенному в нем нуждою или обстоятельствами, как постепенно исчезает из него все, что придавало ему движение, жизнь, блеск и разнообразие столицы, как пустеют красивые и огромные дома и реже-реже с каждым днем попадаются блестящие и быстро несущиеся экипажи, даже на главных улицах; как загораживаются лучшие домы и целые улицы высокими подмостками, на которых с хозяйскою непринужденностью расхаживают штукатуры и каменщики, замаранные кирпичом, мелом и

охрою; как даже на Мещанской, Гороховой и других полных делового движения улицах с каждым днем слабеет кипучая торопливая деятельность, принимая форму принужденности и строгой необходимости; как бежит из департамента поспешно недовольный самим собою и всем светом молодой чиновник, неотлучный гражданин надоевшего города, и напрасно ищет глазами свежего, не устаревшего или не помятого румяного личика, чтоб отвесть душу, разогнать тоску, нападающую среди всеобщей пустоты и на всякого, кто не утратил еще совершенно дорогой способности скучать без причины — без значительного проигрыша, потери места, встречи соученика-однокашника, которому улыбнулась фортуна, мысли о ускользнувшем богатом приданом, попавшем в чужие руки... Нестерпимо видеть и вас, горделиво развевающиеся на Английской набережной флаги быстрокрылых и крутогрудых заграничных пароходов, — нестерпимо, потому что бог весть сколько каждый из вас унесет далеко-далеко прихотливых и предприимчивых петербургских жителей! Страшно, проснувшись, очнуться одному среди пустых стен и пугающего безмолвия. Но нестерпимее всего видеть вас, залетные гостьи и гости благоуханных загородных обиталищ, вас, с румяными щеками и довольными лицами, надышавшихся благотворным воздухом распустившихся дерев и цветущих полей, отдохнувших от мелочей и сует ежедневной насущной жизни, под ясным голубым небом, при тихом шелесте листьев, при гармоничном плеске волны и сладко льющейся в душу песне веселого жаворонка; заглянувших на минуту в покинутый город, с наслаждением, какое ощущаешь, вспоминая опасность, которой счастливо избегнул, и торопливо возвращающихся к тенистым и прохладным садам. И хотелось бы сказать „прощай“ всему, что так давно перед глазами и так давно им наскучило, и лететь, лететь следом за вами, но — увы!..

Ты спрашиваешь меня, что делается в городе? Что же может делаться в городе, в котором почти совсем нет людей, кроме погруженных в свои вечные занятия, нисколько для меня не интересные?.. Ничего! Петербург скучает, совершенно не движется, спит!

Цветущие нивы, журчащий ручей,
Зеленые рощи да кусты

Далеко, далеко сманили людей,
И даже трактиры все пусты!
Ни хлопанья пробок, ни алых ланит,
Ни криков корысти азартной...
И сонный лакей молчалив и сердит,
И плачет маркер в билиардной.
И гневно ворчит: „не к добру! не к добру!“
И вдруг к биллиарду подскочит,
И яростно хлопнет шаром по шару,
И в сотый раз кий переточит.
Лишь изредка тощий чиновник придет
И в „Пчелку“ с довольною миной
Уставит глаза; улыбнется, зевнет
И спросит обед в два с полтиной...
Лишь изредка купчик, гуляка и мот,
Бутылку шампанского спросит,
Прольет половину, другой не допьет,
И слуг удивленных обносит.
. . . .
На улице пыль, духота, пустота
И запах гниющей капусты,
И даже в любимом театре места
Частенько, — поверишь ли? — пусты.
Увы! не залучишь веселых гостей
и проч.»

Послание Ивана Семеныча оканчивается вопросом: «Где же лучше — в Петербурге или на даче?» Семен Иваныч не решил этого вопроса, потому что он на парголовской дороге, в каком-то дрянном трактире, открыл дрянной бильярд, на котором поигрывает теперь ежедневно с утра до ночи, так что многие из почтенных посетителей трактира, большею частию бородачей, принимают его за маркера. Да и решить этот вопрос трудновато. — А что поделывает Иван Семеныч? А господь его знает! Мыкает, должно быть, горе в Петербурге... Вот, погодите, годик-другой потерпит, а там, глядишь, такую дачку заденет, какой нам с вами и век не нажить. Иван Семеныч не то, что Семен Иваныч, малый оборотливый и перышки хорошо чинит...

⟨3⟩

⟨13 июля 1844⟩

Несмотря на всеобщие сетования, петербургское лето медленно поправляется. Доныне почти не проходило дня без дождя, соединенного с пронзительным ветром, доходившим иногда до свирепства, возможного только в

бурю. Бывали и настоящие бури: в одну из них, около трех недель назад, повредило Троицкий мост и потопило один из плашкоутов. Дороги к дачам сделались в полном смысле слова непроходимы; о проезде нечего и говорить: в некоторых — самых ужасных — местах проезжающим зачастую приходится вылезать из экипажа, из опасения потонуть вместе с экипажем и лошадью в глубокой и смрадной грязи. Не раз случалось видеть, как бедные извозчичьи лошади, истощив последние силы, вдруг останавливались среди дороги, словно вкопанные, и напрасно испуганный извозчик щедро наделял их ударами кнута и даже, забежав вперед, с остервенением хлестал в самую морду, называя бедных животных одрами, соколиками и потом опять одрами или и еще выразительней, — усталые клячи не двигались с места, мутно и безвыразительно смотря на разгневанного возницу и только нервически потряхивая хвостом, что уже означает в лошади крайнюю степень усталости и бессилия. Пробившись четверть часа понапрасну, извозчик, в совершенном недоумении, останавливался среди дороги и флегматически нюхал табак; вдруг из кареты раздавался гневный вопрошающий голос; вслед за тем вылезало целое семейство, с нянькою и несколькими штуками детей в красных шапках и кучерских армяках; взрослые с сердитыми физиономиями переходили топкое место, вздыхая и проклиная; нянька поочередно переносила детей, которых, напротив, такое путешествие очень забавляло: хорошенькие лица их сияли неподдельным удовольствием. Картина умилительная, достойная кисти Гогарта!.. Но что сказать о бедных дачниках, на которых по преимуществу обрушиваются все невыгоды дурной погоды? Положение их в полной мере бедственное. Не говоря о других неудобствах, — эти злополучные, даже в короткие промежутки времени сколько-нибудь изрядного, лишены почти всякой возможности показаться на улицу, потому что беспрестанные дожди образовали вокруг их жилищ топкие болота и необозримые лужи; особенно на островах и вообще в низменных местах доныне так много воды, что с трудом можно сделать переход в десять шагов по крайней и неотразимой нужде — например, для того, чтоб побранить с соседом погоду и, по причине крайней дурноты ее, сыграть с ним несколько пулек в преферанс (увы! мы должны заметить, что в преферанс в нынешнее лето на дачах играют едва ли не более, как играли зимою в

Петербурге!). Только живущим в Кушелевой деревне, в Парголове и в немногих других дачных поселениях, где местность несколько возвышеннее, можно было, как говорится, высовывать нос на улицу. Впрочем, сколько ни тяжело петербургским жителям сырое, болезненное состояние природы, досада их доныне могла несколько укрощаться мыслию, что тот же самый дождь, который мешает им наслаждаться прогулками, способствует к хорошему урожаю и, беспощадно проклинаемый городскими жителями, в то же время приветствуется благословениями трудолюбивого земледельца, вверившего земле все надежды свои... Утешение, конечно, несколько идиллическое, но тем не менее действительное!.. Жаль только, что и оно не может уже быть утешением: вот июль месяц — пора сенокоса проходит, и если погода на днях не поправится, то даже с хозяйственной точки зрения оправдать ее не будет возможности...

Выше мы упомянули о Кушелевой деревне или так называемой Спасской Мызе, находящейся за Лесным институтом. Это, без сомнения, одна из лучших ближайших к Петербургу окрестностей. Жители Кушелевой деревни и соседних с нею дач пользуются за не слишком высокую цену здоровым, свежим воздухом и могут прогуливаться без калош, хоть тотчас после дождя, по обширному саду, в котором, говоря почти без метафоры, всегда сухо. В саду есть пруд, на котором устроены купальни, так что кушелевские жители могли бы даже купаться, если б благодетельная природа не озаботилась избавить их от этой необходимости, сопряженной с хлопотами и расходами. Если пруд не слишком широк, зато достаточно длинен, так что нисколько не странно видеть любителей природы, плавающих на утлом челне по зеркальным (выражение метафорическое!) волнам его. Кататься на лодке — это, как хотите, немалое удовольствие!.. Наконец, в саду, в довершение всего, по воскресеньям играет музыка, и даже играла бы в один из четвертков (в день Петра и Павла), если б не дождь, который тоже помешал ей играть и в оба следовавшие затем воскресенья. Когда выберется воскресенье сколько-нибудь сносное, в сад набегает с окрестных дач значительное количество почтенных матерей с дочерьми, нянек с детьми и всякого рода особ значительных, полузначительных и даже, — нельзя же в картине без тени, — совершенно незначительных, каковы, например,

горничные и пр. Бывает весело. Музыка играет. Дамы ходят взад и вперед мимо музыкантов, а как устанут — сядут и, посидев, опять встанут и начнут ходить; мужчины ходят и, срывая мимоходом листья, сминают их в руках или берут в рот (явно наслаждаются природою!), а подержав во рту, бросают; курят сигары; любуются произведениями природы и отчасти искусства — в разноцветных платьях и шляпках, с хорошими и дурными талиями, большими и маленькими ножками, разнородными носами, взглядами и улыбками... У небольшого здания, на котором красуется написанная суриком на черном поле вывеска «Кондитерская», и в самом здании слышны веселые голоса; хлопают пробки... Бывает весело... К удобствам жизни в Кушелевой деревне должно причислить и дилижанс, называемый *спасским дилижансом*, о котором мы говорили, когда он только еще учреждался. Действия его начались с двадцатого мая и продолжаются благополучно [1] доныне, с явною выгодою для публики; извозчики называют его «чертовой куклой» и громко изъявляют свое удивление, как «господа» решаются ездить в таком некрасивом экипаже; горько жалуются они на значительную убыль работы, и стоит послушать, как почти каждый из них старается доказать своему седоку все «неприличие» подобной езды и всю прелесть езды на извозчичьих дрожках. Большая часть их решительно не могут произнести слова «дилижанец» без крайнего омерзения и решительно думает, что он учрежден по злобе на них... Что касается до публики, то она очень скоро поняла удобства, сопряженные с учреждением дилижанса, и нам остается только жалеть, что не все могут пользоваться этими удобствами, по частому недостатку мест. — Другие три дилижанса-омнибуса, существующие в Петербурге для загородных поездок, также постоянно наполнены пассажирами, и благосостояние их утверждено уже очень прочно, чему особенно способствовала крайне умеренная

---

[1] Впрочем, и с ним случаются беды. Так, в первое июля он не пошел в город вечером по той причине, что «лошади, дескать, устали, а дорога плоха», между тем как некоторые приехавшие из города именно рассчитывали отправиться в город в дилижансе. Недавно он застрял в грязи на Самсониевской улице — ужаснейшей из всех возможных улиц, — и пассажиры должны были на время выйти из дилижанса по пословице: «с чужого коня среди грязи долой» и пр⟨очее⟩ и пр⟨очее⟩. ⟨*Примечание Некрасова*⟩.

цена. Поездка в Кушелеву деревню стоит в будни 30, а в праздники 40 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩, и большая часть публики находит даже и эту цену очень дешевою. Полюстрово и Новая деревня несколько ближе к Петербургу, но зато поездка туда в дилижансе стоит только 15 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩. Кстати, еще несколько слов о спасском дилижансе. В объявлении, которое разослано было о начале его поездок, *Петербург*, или, говоря официальным наречием, *Санктпетербург*, очень остроумно переименован был в *С. Петроград*, так что многие сначала приходили в сильное недоумение... В самом деле, ради какой причины выкопано дикое слово из архива, покрытого плесенью старины? Ради особенного воззрения на русский язык или ради остроумия? Во всяком случае, это очень замысловато и кстати...

Парголово в нынешнее лето вовсе не оживлено. Наполненное большею частию степенными флегматическими немцами и немками, оно не представляет и десятой доли того движения, каким кипело несколько лет назад, когда большую часть его летнего народонаселения составляли французы. В Парголове, как вам известно, природа красива и разнообразна, дачи довольно удобны и сравнительно дешевы. В нынешнем году там несколько раз потешали жителей фокусами разного рода два английские джентльмена Крофт и Дели, называвшие себя в афише «непостижимыми»; но, постигнутые невниманием парголовской публики или, быть может, не понятые ею, они рассудили убраться с своими представлениями в Петербург и теперь, кажется, там показывают свои фокусы. Было в Парголове зрелище другого рода, гораздо более занимательное: это скачка лошадей графов Ш. и В. и князя Г., сделавшая Парголово на несколько часов сборищем петербургских фешёнеблей, которых наехало в тот день многое множество. В первый раз обскакала лошадь гр. Ш.; во второй кн. Г... Вообще лошади, состязавшиеся на скачке, отличались необычайною быстротою бега, не говоря уже о красоте и картинной статности; зрелище было очень интересное...

В стороне от Второго Парголова есть деревня *Заманиловка*, на которую доныне любители природы не обращают надлежащего внимания. Между тем, это одно из удобнейших дачных поселений в окрестностях Петербурга: кто любит красивую и разнообразную природу, уединенные прогулки в домашнем утреннем сюртуке,

пожалуй, даже и просто в халате, и кто притом не имеет охоты или возможности платить дорого за дачу — тому удобнее всего поместиться в Заманиловке. Домики в этой деревушке большею частию красивы, и даже некоторые из них устроены с бо́льшим удобством и тщательностью, чем обыкновенно строятся крестьянские домы, предназначенные для отдачи в наем; о цене нечего и говорить: она не испугает и скромного чиновника, имеющего семейство и живущего двухтысячным жалованьем.

Верстах в трех за Новой деревней находится деревня *Коломяги*. В этой деревеньке домики красивы и уютны, небольшие садики очень милы, местоположение вообще хоть куда; притом тут есть пруд; на пруде купальни, около пруда парк; в парке довольно большая открытая зала для танцев, качели, кегли. Все это очень хорошо способствует к веселому и разнообразному «препровождению» времени невзыскательным гуляльщикам. Впрочем, напрасно думают и пишут, что жители Коломяг — *распомаженные франты*, расстающиеся на воскресенье с *иглой, шилом и молотком* и являющиеся на гульбище с неизгладимым на руках *клеймом колючих, марких и тяжелых трудов*. В Коломягах, конечно, поселилось на нынешнее лето, между прочим, немалое количество мастеровых, но из того не следует заключать, что все живущие там суть портные, столяры и сапожники. *Аристократическая* часть коломяжного народонаселения, у которой никогда не бывало в руках шила, иголки и молотка, может, пожалуй, обидеться. Мы с своей стороны проходим коломяжских жителей молчанием, из опасения подлить хоть каплю горечи в их дачные удовольствия, которым они предаются так добродушно...

Предположив представить читателям обозрение всех окрестностей Петербурга, мы должны были бы говорить теперь об островах, о дачах на Петергофской дороге, о Екатерингофе, о Петергофе, о Царском Селе, о Павловске, — но мы отложим всё это до следующего фельетона, в надежде, что погода установится и мы будем иметь случай поверить еще раз на самом месте замечания наши прежде, чем передадим их читателям. Кажется, можно безошибочно сказать, что на днях (быть может, прежде, чем явится в свет эта статья) в погоде совершится решительный поворот к лучшему. Всю ночь

с воскресенья на понедельник (9—10 июля) была страшная гроза; последовавший затем день был жарок и ясен; по вечерам понедельника и вторника, которые, не в пример другим вечерам, отличались значительною теплотою, собирались опять грозы... Если и после всего этого погода не установится — тогда нам более ничего не останется, как проститься с мечтою о лете и поскорей перебраться в Петербург!..

⟨4⟩

⟨20 июля 1844⟩

В течение прошлой недели все обстояло по-прежнему: каждый день было то жарко, то вдруг холодно, то опять жарко; дождь, хоть маленький, но постоянно каждый день орошал петербургскую почву. Дачники ходили повеся голову; немногочисленные постоянные жители Петербурга подсмеивались над ними и говорили, что «нисколько им не завидуют», — все было по-прежнему, следственно, было очень плохо. Теперь вдруг настало постоянное тепло: бог знает, будет ли оно продолжительно! Петербург опустел ужасно и не производит ничего нового; всё выселилось за город наслаждаться *летом*, все на дачах. Нечего делать, будем говорить о дачах.

Петербургские дачи самым простым и естественным образом делятся на два разряда — на дорогие и недорогие. К первым принадлежат все дачи, расположенные в ближайших к Петербургу окрестностях; таковы, например, острова — Крестовский, Петровский, Аптекарский, Черная Речка, деревня Кушелева-Безбородко, Первая Кушелевка, Вторая Кушелевка или Спасская Мыза, и проч. и проч.; ко второму — дачные поселения, удаленные от Петербурга на десять, на двенадцать и более верст, — как, например, Парголово, Заманиловка, Мурино и те из ближайших к Петербургу, которые расположены на слишком низких и сырых местах и вообще бедны удобствами, как, например, Тентелева и другие деревеньки, находящиеся вокруг Екатерингофа. Дачи первого разряда, то есть ближайшие к Петербургу, не только дороги по найму, но и во всех других отношениях представляют для не слишком туго набитого кошелька неистощимый источник средств к истощению. Здесь даже вода, прекрасный и самый дешевый из всех даров божиих, в избытке разлитый по всему миру,

продается на вес если не золота, то, верно, уж меди, потому что за каждую каплю, которую, купаясь, вынесете вы на своем теле из пруда, нередко мутного и гнилого, вам придется порядочно поплатиться расчетливому владельцу пруда или купальни, не говоря уже о том, что, гуляя по какому-нибудь великолепному или невеликолепному саду, близ которого нанимаете дачу, вы должны беспрестанно остерегаться, чтоб не ступить на траву, или не поддаться искушению сорвать какой-нибудь цветок (ибо то и другое многими владельцами весьма строго запрещается): есть дни, в которые вас и вовсе не пустят в сад, потому что в саду играет музыка. Волей или неволей вы должны взять билет на право слушать бог знает какую музыку, которой, быть может, совсем не хотели бы слушать, — чтоб только иметь возможность гулять с своим семейством там, где гуляют другие. И мало ли еще расходов сопряжено с жизнию на даче, близкой к Петербургу? Здесь без денег нельзя ступить шага, и каждое пустое удовольствие стоит изрядной суммы. Совсем не то на дачах, удаленных от Петербурга. Вместо убыточного и мало приносящего пользы здоровью купанья в мутной стоячей воде или в тесной и неуклюжей купальне, — в Парголове, например, или в Мурине вы бросаетесь прямо с берега в чистую и свежую воду, широко раскидывающуюся перед глазами, и можете даже, если вы имеете вкус, подобный вкусу Ивана Никифоровича, приказать поставить перед собою стол с самоваром и наслаждаться в такой прохладе употреблением чая. Никто не придет возмутить нескромным взором вашего наслаждения, никто не спросит вас, по какому праву вы купаетесь, и мысль о расплате ни на минуту не зайдет вам в голову... Сверх того, в Мурине, например, жители пользуются бесплатным правом сбирать грибы, удить рыбу и ловить раков — занятиями, говорят, крайне душеусладительными; в Мурине предаются им очень многие из степенных и достопочтенных жителей, и предаются ревностно и усердно; нам достоверно известно, что один из них, отправившись, по обыкновению, поутру, еще до чая, ловить раков (раки в Мурине очень глупы: стоит только наткнуть на палочку покрепче кусок говядины и опустить его в воду, рак, услышав запах говядины, тотчас подплывет к приманке, и как скоро ухватится за нее клешней, следует понемногу вытаскивать палочку из воды и принять рака в сачок)

и увидев, что вода от сильного дождя за ночь значительно прибыла, так что в глубину ее нельзя было почти ничего видеть, решился ждать у берега, пока сбудет вода, и прождал целый день — без чая, без обеда, в двухстах шагах от своего дома... Господи! каких не бывает страстей в человеческом сердце, и чего не могут они сделать из человека?

Есть упоение в бою
И мрачной бездны на краю, —

есть упоение в чести и доблести, в любви, в богатстве, в нищете полунагой и голодной; есть упоение в роскошной и благоуханной южной природе и в жгучем русском морозе; есть упоение в тишине и бешеном вое необозримого моря, в гармоническом пении соловья и в диком рыкании африканского льва; есть упоение в потрясающих вселенную страшных раскатах грома,

И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы, —

есть, говорят, упоение в сбирании грибов, в ловлении раков!.. Но в сторону сердце человеческое и разнородную странность прихотей, которым оно подвержено. Перейдем опять к Мурину... Несмотря на все исчисленные удобства, в Мурине в нынешнее лето, по единогласному отзыву его жителей, значительно скучнее, чем бывало в прежние годы. И где же не скучно в нынешнее холодное, бесцветное лето, которое не перестает беспощадно «надувать» бедных дачных жителей, истомившихся в беспрестанном борении надежды и отчаяния?..

Везде скучно, не исключая и Павловска, в котором, впрочем, если верить тамошним жителям, скука все-таки менее ощутительна, чем в остальных окрестностях Петербурга. Но если и так в самом деле, то все же разнообразные развлечения, прогоняющие из Павловска скуку, более похожи на городские, чем на сельские, за которыми люди перебираются на дачи. Главнейшие из этих развлечений, бесспорно — оркестр Германа, воксал, в котором очень много «действительных» и неизменно верных средств к разогнанию скуки, наконец, представления Сулье...

С Павловским воксалом, как известно, случилось в начале нынешнего года несчастие; большая часть его

сгорела. Это сначала очень огорчило любителей поездок по железной дороге, которые с погибелью воксала увидели было погибель собственных надежд своих — провести грядущее лето в беспрестанных катаньях из Петербурга в Павловск и из Павловска в Петербург, чем, как известно, в течение лета у нас очень многие деятельно занимаются. Но огорчение их было непродолжительно: вскоре, ко всеобщему удовольствию, разнесся слух, что Павловский воксал к весне непременно будет возобновлен, и притом в лучшем и обширнейшем виде. Точно так и случилось. Те из петербургских жителей, которые не имеют обыкновения посещать Павловский воксал зимою, могли бы даже и не заметить, что с ним случилось неожиданное бедствие, если б в наружном и внутреннем устройстве его не произошло значительных изменений. Все эти изменения сделаны очень ловко и кстати, и Павловский воксал действительно стал, по возобновлении своем, гораздо лучше и удобнее. Честь возрождения этого здания из пепла принадлежит прежнему строителю его, г-ну архитектору Штаке⟨н⟩шнейдеру. К главнейшим улучшениям воксала должно отнести распространение главной залы, которая до пожара была недостаточно велика. Очень много также выиграл воксал от крытой галереи (проведенной там, где прежде были бильярдные), под навесом которой можно гулять во время дождя. В Павловском воксале, по обыкновению, можно обедать за общим столом и слушать музыку Германа. Но охотников к тому и другому, кроме постоянных павловских жителей, очень немного: даже по воскресеньям из Петербурга в Павловск ездят очень немногие, потому что кому же приятно заехать за тридцать верст для того, чтоб просидеть несколько часов в воксале, мечтая о прогулке, насладиться приятностями которой, по причине проливного дождя, нет ни малейшей возможности? Что же касается до страсти прокатиться по железной дороге, то время уже значительно охладило ее, и ради удовлетворения одной этой невинной страсти, без посторонних, более положительных целей, никто в Павловск не ездит. Железная дорога никому уже не в диковину. Впрочем, в устройстве самых карет придумана новость, которая, впрочем, заставит прокатиться в Павловск многих, не имеющих в том ни малейшей надобности. Что ж это за новость? Внутренность одной из карет устроена наподобие комнаты, так что, если карету займет одно семейство, то может расположиться в ней

так же удобно, как в собственной своей квартире. Описывать устройство кареты было бы и долго и бесполезно: кому о том ведать надлежит, те, без сомнения, поспешат осмотреть все собственными глазами... Что касается до нас, то мы гораздо более интересуемся другою новостию, касающеюся также железной дороги — петербурго-московской... Дорога эта быстро подвигается вперед; у Знаменья (на углу Невского проспекта и Лиговского канала) уже строится огромный и великолепный дом, где будет гостиница и откуда будут отходить в Москву паровозы... Незаметно придет время, когда все работы будут окончены, когда задымится первый паровоз и, наполненный пассажирами, с пронзительным визгом двинется в путь. Это будет день торжественный; уже и теперь многие ждут его с нетерпением, и кто внутренно не просит небо продлить жизнь его до той минуты, когда наконец наступит время этого быстрого и общеполезного сообщения? Это будет событие важное, равно благотворительное для обеих столиц. Чудно повеселеет жизнь петербургская и московская! Чудно изменятся обе столицы от частого и быстрого соприкосновения! Петербург внесет в Москву свои элементы. Москва в Петербург свои — сколько разнообразия, сколько очевидной пользы — вещественной и невещественной!.. Будет весело, будет очень весело, по крайней мере в первое время, пока не подойдет все наконец под общий уровень, и чудовище-привычка не заставит нас смотреть на все так же равнодушно, как смотрят теперь на глиняные горшки, которых изобретение также стоило в свое время усилий человеку!..

⟨5⟩

⟨3 августа 1844⟩

Наконец, ко всеобщему утешению, погода несколько поправилась. Если у нас не было и нет настоящих июльских жаров, то по крайней мере в последние две недели нельзя было пожаловаться и на слишком ощутительный холод. Бывали, правда, деньки, в которые под вечер надо было ходить закутавшись по-осеннему, да и в полдень не мешало сверх сюртука надевать пальто, но больше было таких, в которые можно было даже купаться — не потому, что в июле месяце совестно не купаться, но и по чувству необходимости. Бывали и дожди, и холодноватый, пронзительный ветер нередко

нарушал тишину сероватого, полулетнего, полуосеннего дня; но кто же, знающий петербургскую погоду, погонится за такими мелочами? Пусть бы подольше постояло хоть такое «лето», петербургские жители были бы и им очень довольны!

А между тем как мы все еще не теряем надежды дождаться и настоящего лета, которого, надо признаться, в Петербурге доныне все-таки еще не было, время незаметно проходит и скоро-скоро нечувствительно подкрадется осень, с дождями и грязью, с сырыми и холодными вечерами. В литературе уже становится заметно ее приближение, потому что начинают появляться замечательные издания и вообще пробуждается движение, которое бывает в ней только осенью и зимою.

— Вышла первая тетрадь великолепного издания «Императорской Эрмитажной галереи», предпринятого г. Гойе-Дефонтеном. Мы еще ничего не говорили об этом прекрасном предприятии и потому скажем несколько слов теперь. Издание «Эрмитажной галереи» предпринято целою колониею художников, прибывших сюда нарочно с этою целию из Парижа. Г-н Гойе-Дефонтен, распоряжающийся изданием, не упустил из вида ничего нужного, чтоб предприятие выполнено было с истинно парижским изяществом. Не только лучшие художники для снимания возможно верных художественных копий с картин, украшающих эрмитажную галерею, но даже мастеровые, которым поручается печатание снимков, прибыли с ним из Парижа. Предприятие г. Гойе-Дефонтена встретило в России радушный привет не только между всеми образованными любителями и ценителями искусств, но даже обратило на себя внимание венценосного покровителя изящных искусств в России и его августейшего семейства. «Эрмитажная галерея» посвящена имени государыни императрицы. Мы скоро будем говорить подробнее о первой тетради «Эрмитажной галереи», а теперь сообщим только ее содержание. Издание открывается портретом государя императора, снятым с известного грудного портрета, писанного Крюгером. Эта литография, сделанная г. Ипполитом Робильяром, отличается тем же изумительным сходством, как и портрет. Затем в первой тетради находим превосходные литографии с следующих четырех картин: а) Литография с картины Караваджия — «Вен-

чание терноем», сделанная г. Эмилем Робильярдом. б) Литография с картины Вуверманса — «Битва», работы г. Гюо. в) Литография с картины фан-Миэриса — «Голландский завтрак», сделанная г. Долле. г) Литография с картины Поль-Поттера — «Охотник», сделанная г. Дюпрессуаром. Нет нужды распространяться о достоинстве снимков: все, что можно было сделать, сделано, и русская публика имеет начало такого предприятия, художественнее которого, смело можно сказать, у нас ничего еще не бывало. [1] Вообще, в пребывании у нас в Петербурге столь даровитых, искусных и опытных художников, — в пребывании, которое, как носятся слухи, не будет кратковременно, — мы видим большую пользу во многих отношениях. Литографическое искусство, в котором мы далеко еще не так сильны, как иностранцы, у нас, без сомнения, значительно подвинется вперед, и наши издатели избегнут необходимости заказывать для роскошных изданий своих рисунки в Париже. От этого самая цена наших «великолепных» книг сделается доступнее. Да притом во время пребывания своего у нас самая колония парижских художников, принимающая и посторонние заказы, может подарить нас немалым количеством прекрасных рисунков, если только наши издатели будут прибегать к ней... А отчего бы, кажется, не прибегать? Ведь гораздо лучше издать книгу, иллюстрованную превосходно, чем посредственно... Посредственных картинок у нас и так уж довольно; пора сжалиться над публикою!..

— Вышли «Сочинения князя В. Ф. Одоевского», в трех больших томах. Мы постараемся как можно скорее отдать читателям подробный отчет об этом замечательном явлении в нашей литературе, которого многие давно с нетерпением ожидали. Покуда можем только сказать, что «Сочинения князя В. Ф. Одоевского» изданы не только отчетливо и красиво, но даже изящно, за что нельзя не благодарить издателя, книгопродавца А. И. Иванова. Касательно промедления в выходе «Сочинений князя В. Ф. Одоевского», первоначально предполагавшемся значительно ранее, на-

---

[1] Цена за каждую тетрадь «Эрмитажной галереи», состоящую из четырех литографий с объяснительным текстом, 3 руб⟨ля⟩ серебром. Дешевле этого быть не может! ⟨*Примечание Некрасова*⟩.

ходим в начале первой части следующую оговорку: «Сим трем томам надлежало выйти еще в начале сего 1844-го года. Говорить ли о том, что причиною этого замедления был отнюдь не издатель, Андрей Иванович Иванов, известный своею деятельностию и распорядительностию, а сам автор? Хотя ни тот, ни другой не объявляли никакой подписки на это издание и, следственно, не обязывались ни пред кем о выходе его к определенному сроку, но тем не менее, желая оправдать в глазах читателей моего совестливого и добросовестного издателя, я долгом почитаю здесь сказать, для тех, кого это может интересовать, что причиною замедления были: поправки, перемены и дополнения в книге, а всего более моя неожиданная болезнь и затем продолжительное нездоровье.

Князь Вл. Одоевский».

— Какую еще новость сообщим мы читателям?.. Литературных новостей замечательных более не имеется; в журналистике все обстоит по-прежнему... Пройдет еще месяц, много полтора — движение значительно усилится, книжки станут толстеть, некоторые газеты заговорят о добросовестности и о личном своем превосходстве... наступит время подписки!.. Тогда, быть может, узнаем мы о многом: теперь покуда все тайна! Впрочем, у нас есть одна новость, по части журналистики, которою мы теперь же можем поделиться с читателями. В будущем году у нас будет одним журналом больше. Г-н Дершау, известный публике сочинением о Финляндии, изданным в 1842-м году, предпринимает издание журнала под названием «Финский вестник». Мы уже видели печатную программу и представляем начало ее, из которого читатели могут познакомиться с целью журнала:

«С высочайшего его императорского величества разрешения издается мною с 1-го января будущего года учено-литературный журнал под названием „Финский вестник“, на русском языке, каждые два месяца, книжками от 25 до 30 печатных листов. Цель журнала есть ближайшее умственное знакомство северных государств Европы, родственных между собою исторически. Для России особенно важно это знакомство, как единственное средство прояснить хаотический мрак первых времен ее истории; а как на прошедшем зиждется

настоящее, то можно и должно утвердительно сказать, что Россия не будет иметь полной отечественной истории, пока для ученых русских не будут достаточно открыты и доступны родники скандинавских материалов. Не желая обещать невозможного, новый журнал отнюдь не вызывается пополнить сказанный недостаток одними собственными силами, но смеет надеяться, что его деятельность обратит на это не возделанное в России поле деятельность других и общий интерес. Впрочем, благоразумие требует обещать всегда менее, нежели сами надеемся, а год или два существования журнала лучше покажут публике — и, может быть, самой редакции — роль, какую журнал может выполнить в современном ученом образовании нашего отечества.

Но „Финский вестник“ не ограничится одною ученостию: сторона изящной литературы имеет в нем такую же степень важности. Сколько для разумения настоящего потребно знание прошедшего, столько же и для пояснения прошедшего нужно знакомство с настоящим, как с конечным результатом этого прошедшего, а все настоящее народа необходимо выражается в его литературе. Красоты скандинавской и датской литературы так оригинальны и так мало известны у нас в России, что даже для публики, ищущей одного легкого и приятного чтения, журнал представит совершенно новую и обильную пищу. Лучшие ученые и литераторы Швеции и Дании, с одной стороны, России — с другой, изъявили готовность трудами своими содействовать цели редакции.

Говоря о цели журнала, мы упомянули о взаимном через него знакомстве всего Севера. Да не покажется это никому ни странным, ни слишком сказанным. Журнал, издаваемый на русском языке, знакомя Россию с скандинавскими национальностями, в такой же мере будет знакомить Скандинавию с Россиею посредством Финляндии, где русский язык довольно известен для того, чтоб финляндцы могли читать русский журнал, и где в то же время язык текущей ученой и изящной литературы есть шведский».

В добрый час! Нельзя не признать цели нового журнала очень полезною и, следовательно, нельзя не пожелать, чтоб журнал был хорош. При содействии лучших ученых и литераторов Швеции, Дании и России, о ко-

тором говорит программа, это дело очень возможное. Годовое издание журнала будет состоять из шести книжек; через каждые два месяца будет являться по книжке. Содержание журнала будет состоять из следующих шести отделений: 1) «Северная словесность». Здесь будут помещаться переводы лучших произведений писателей Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии и оригинальные русские сочинения, те и другие как в прозе, так и в стихах. 2) «Материалы северной истории». 3) «Нравоописатель». Это отделение посвящается описаниям любопытных и замечательных типов северных народов и физиологическим очеркам. Здесь же будут помещаемы юмористические статьи о нравах. 4) «Науки, искусства, художества». 5) «Библиографическая хроника». Отдел этот посвящен критическому разбору важнейших из произведений северных писателей, как новейших, так и древних, мало знакомых России. Здесь же будет помещаем отчет о всех выходящих на севере периодических изданиях, заслуживающих внимания России, и разборы русских книг. 6) «Смесь». Здесь будут помещаться статьи о новостях театров, литературы, журналистики, музыки, занимательные анекдоты, небольшие рассказы.

Издателем и редактором журнала будет г. Ф. Дершау.

ЧЕРТЫ ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

⟨Статья первая⟩

⟨10 августа 1844⟩

«Нравы столицы нашей, — говорит один из петербургских нравоописателей, — при беглом, поверхностном взгляде на оные, представляют общие черты сродства с нравами многочисленного семейства европейских столиц». В этом, конечно, нет сомнения. С первого взгляда Петербург не поражает наблюдателя никакою особенностию, никакою оригинальною, чисто русскою чертою, которой нигде, кроме Петербурга, нельзя было бы встретить. Поэтому многие иностранные описатели Петербурга, изучившие его в течение десятидневного пребывания, называют Петербург городом совершенно

нерусским по нравам, по привычкам и быту. Но подобное заключение, как и все заключения, выведенные без надлежащего познания фактов, более чем неосновательно. Так, если вы будете судить о русских нравах и русской жизни по внешним признакам — покрою платья, убранству комнат, форме экипажа и привычкам общежития, перенятым в известном кругу у иностранцев, — вы ничего не найдете в петербургском народонаселении оригинального, характеристического, ему одному свойственного; но вглядитесь в физиономию Петербурга попристальнее, уловите на ней всю разнообразную игру света и теней, все бесчисленные, ускользающие движения, поймите все выражения, ежеминутно меняющиеся, — и вы поймете, что нигде, быть может, не заключается столько оригинальных оттенков, столько особенностей, как в разнородной массе представителей Петербурга — его разнокалиберных, разноязычных жителей.

Г-н Башуцкий, в своей «Панораме Петербурга», три части которой изданы им лет десять назад, разделяет петербургских жителей на пять отличительных разрядов. К *первому* относит он так называемый «высший круг», или «большой свет»; ко *второму* многочисленный разряд людей среднего и даже ограниченного (?) состояния, служащих или неслужащих, ученых, художников, некоторых иностранцев и образованных русских купцов, словом, то, что называют «публикою». *Третий* — есть наши tiers-état,* — амальгама людей различного состояния, смешивающихся гораздо больше понятиями, образом жизни, занятий и узами родства и дружбы, нежели нравами. *Четвертый*, и некоторым образом единственно Петербургу принадлежащий разряд, есть разряд иностранцев всякого состояния, наиболее промышленников, мастеров, ремесленников и пр⟨очих⟩. Они мешаются с третьим разрядом и во многом с ним сходствуют; не менее того сохраняют, однако же, в быте своем черты чрезвычайно оригинальные. К *пятому* разряду г-н Башуцкий относит смесь людей всякого звания: все то, что называется *народом* или *чернью*.

Это разделение довольно верно; но можно допустить и другое, менее захватывающее отдельных частностей, зато полнее характеризующее сплошную массу петер-

---

* Третье сословие (*франц.*).

бургского народонаселения. Мы, не вдаваясь в подробности, разделили бы жителей Петербурга на четыре разряда — на *чиновников*, *офицеров*, *купцов* и так называемых *петербургских немцев*. Кто не согласится, что эти четыре разряда жителей нашей столицы суть настоящие, главнейшие представители Петербурга, с изучения которых должно начинаться ближайшее физиологическое знакомство с Петербургом? В каждом из них выражается какая-нибудь сторона петербургской жизни, и слияние резких противоположностей и даже мельчайших оттенков, которыми разнится один разряд от другого, составляет физиономию Петербурга. Чтоб изучить эту физиономию, нужно изучить черты, ее составляющие, отдельно познакомиться с каждым представителем петербургского народонаселения.

Начнем с «петербургского немца». Недавно умный и наблюдательный петербургский водевилист г-н Каратыгин написал очень верный и забавный очерк этого любопытного типа, и публика, посещающая наш русский театр, от души смеялась над почтенным булочным мастером Иваном Ивановичем Клейстером, над его расчетливостию и осторожностию, филистерскою важностию и «русским языком на немецкий лад». И теперь мы все остримся над петербургскими немцами, подмечаем их особенности, говорим, ради шутки, их оригинальным языком, а до тех пор многие из нас даже и не подозревали, что едва ли не целая треть петербургского народонаселения состоит из таких Иванов Ивановичей. Особенное внимание обратил на себя язык Ивана Ивановича, схваченный живо и верно. Все немцы, которые обжились в Петербурге и захотели во что бы то ни стало быть «русскими», говорят языком Ивана Ивановича Клейстера. Язык этот не есть исковерканный немецким произношением русский язык; но именно, как мы выразились, — «русский язык на немецкий манер». Немец, говорящий им, произносит слова чрезвычайно чисто и выразительно; но расстановка слов, ударения, употребление падежей — вот где камень преткновения для всякого не родившегося в России, особенно для немца, который как бы ни усиливался, никогда не победит своей немецкой натуры и во всем, от особенного выражения в лице до самых пустых мелочей, всегда останется немцем. Но в Петербурге много и таких немцев, которые вовсе не стараются подражать почтенному

Ивану Ивановичу Клейстеру и нисколько не заботятся об изучении русского языка, так что, прожив в Петербурге более тридцати лет, уезжают обратно, не зная ни одного русского слова. Это странное явление принадлежит к особенностям Петербурга. Везде почти иностранец должен знать хоть сколько-нибудь язык страны, в которой живет; таким образом, бывает, что иностранцы в других столицах мало-помалу сливаются с массою природных жителей и теряют свою оригинальность под господствующим цветом общего характера. В Петербурге — решительно наоборот. Немец может прожить в Петербурге тридцать лет и отправиться на немецкое кладбище или обратно в Германию, не узнав ни одного русского слова. Каким образом? — спросите вы. Вот что говорит г-н Башуцкий: «Петербург с самого рождения своего есть местожительство иностранцев, из числа коих девять десятых приезжают для того, чтоб приобретать, а не для того, чтоб издерживать. Они находят единоземцев и живут наиболее у них, с ними, как бы у себя, вовсе не замечая перемен ни в нравах, ни даже в привычках и обрядах домашнего быта. Немец останавливается у немца, француз у француза. Он знакомится с городом и жителями его, принимая основными те понятия, которые передаются ему хозяином, поселившимся в Петербурге точно таким же образом. Он ходит в *свои* церкви, читает газеты на *своем* языке; обедает в трактирах, содержимых единоземцами; слышит родное наречие в театре, в домах, на улицах, в торговых заведениях; везде, всегда, беспрестанно оно поражает его слух. Все его понимают; ему здесь нравится, ибо он не чувствует тех мелочных, но важных затруднений, которые повсюду более или менее связаны с званием иностранца. Он хочет пожить в Петербурге, избирает занятие, неважный торг, комиссионерство, какую-либо частную должность. Русские помогают ему, как заезжему сироте; соотечественники — как родному, и скоро иностранец имеет множество покровителей. Будем следить его далее: дела идут успешно — при покровительстве кто и где, а тем более в столице, не поддержит себя, чем может? Один своею скромностию, честностию и аккуратностию; другой вертлявостью, болтаньем и нередко своею дерзостию; третий настойчивою оригинальностию нрава и т. д. Предположите, что приезжий наш — немец и ремесленник; он записывается

в *свой* немецкий цех; имеет старшинами немцев, берет в ученье мальчиков-немцев; покупает товар у немцев; работает и продает большею частию немцам. Прошло десять, пятнадцать лет, — он мастер или содержатель заведения, или учитель школы, или управитель дома, или фабрикант, или... что вам угодно; но подведомственные ему люди большею частию немцы; он женат на немке; детей его принимала немка, они воспитываются в его законе, лепечут его языком и ходят в немецкие школы. Друзья и привычные посетители его дома — немцы; он редко коротко знаком, и тем реже связан дружеством, с французом или русским, в его семействе немцы от жены до гезеля и от гезеля до кухарки. У него все по-немецки и все немецкое; он преимущественно у немца покупает даже хлеб, картофель, масло и молоко; немец шьет ему сапоги и платье. Он прожил еще пять, шесть, десять лет таким образом, в совершенном и ненарушимом спокойствии; он *кое-что понимает* по-русски, но не умел выучиться говорить; ему это было не нужно; он не имел даже надобности заметить, что жил в России! Понятие же его о русских, по крайнему его разумению составленное, выведено им из итогов его счетных книг или основано на причудах людей, с которыми он имел дело. Когда ударит его последний час, немец же принесет чистенький гроб, сделанный для своего соотечественника; родные и знакомые немцы соберутся и набожно проводят тело его на немецкое кладбище!» Эти немногие строки очень верно характеризуют петербургских немцев и вообще петербургских иностранцев, которые, как дополняет г-н Башуцкий, «недоверчивы, скрытны, но терпеливы и неутомимо-искательны и сгибчивы; оставляя в стороне всякую гордость, они привязываются ко всем возможным средствам, чтобы достигнуть желанной цели». Если указать еще на немецкую аккуратность и на расчетливость немцев и в особенности их жен, которые умеют сделать из каждой копейки грош, то представленный нами очерк петербургского немца будет довольно полон. Домашняя жизнь наших немцев тиха, довольно трезва (немецкий ремесленник позволяет себе быть пьяным только раз в неделю — в воскресный день), и главное качество ее состоит в уменье наслаждаться множеством тех мелочей, в которых русский человек не видит никакого наслаждения. Кроме обычая напиваться по воскресеньям, они

еще услаждают себя в летнее время прогулками по Крестовскому и другим островам; охотники курить сигары; пьют за обедом, не роскошным, но опрятно приготовленным самою хозяйкою, пиво, после обеда пунш, и все без исключения чрезвычайно любят кофе — страсть, перешедшая от них и к русским — даже беднейшего класса... В короткое время они (не русские беднейшего класса, а немцы) приобретают изрядное состояние и даже нередко наживают по несколько огромных домов, в лучших частях города...

Едва ли не первое место в массе петербургского народонаселения, по количеству, занимают «чиновники»... Но где взять кисть и краски, чтоб изобразить характеристику петербургского чиновника с подобающею отчетливостию? Некоторые из петербургских нравоописателей пытались обрисовать этот тип, но попытки их слабы и бледны, иногда даже вовсе неверны. Того и должно было ожидать — предмет слишком труден и многосложен. Разве только Гоголь мог бы уловить общую физиономию петербургского «чиновничествующего класса», потому что только он один понимает дух петербургского чиновничества и хорошо знает явления этого отдельного, бесконечно разнообразного мира, — от скромного, приземистого Акакия Акакиевича до «значительного лица» (действующего в повести «Шинель»), которое так мастерски умел распечь и которому в обществе, где находились люди ниже его чином, всегда было как-то неловко... Некоторые особенно резкие черты мы постараемся раскрыть далее, при взгляде на характер петербургского народонаселения вообще; остальных, — едва заметных, неуловимых, но дающих характер физиономии,— отчетливо и подробно обозначать не беремся. Труд слишком тяжелый, требующий сильно проницательной наблюдательности... Что делать! Удовольствуйтесь пока тем, что есть!... Вот несколько черт, набросанных в прошлом году одним петербургским старожилом, г-ном Белопяткиным:

. . . . . Ранехонько
Пробудишься, зевнешь —
На цыпочках, тихохонько
Из спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себе храпит),
Побреешься рачительно,

Приличный примешь вид.
Смирив свою амбицию,
За леностью слуги
Почистишь амуницию
И даже сапоги.
Жилетку и так далее
Наденешь, застегнешь,
Прицепишь все регалии,
Стакан чайку хлебнешь.
Дела, какие б ни были,
Захватишь и, как мышь,
Согнувшись в три погибели,
На службу побежишь...
Начальнику почтение,
Товарищам поклон,
И вмиг за отношение —
Ничем не развлечен!
Молчания степенного
День целый не прервешь,
Лишь разве подчиненного
Прилично распечешь,
Да разве снисходительно
Подшутит генерал, —
Тогда мы все решительно
Хохочем наповал!
(Уж так издавна водится,
Да так и должно быть:
Нам, право, не приходится
Пред старшими мудрить!)...

Но пока довольно. Докончим наш обзор других классов петербургского народонаселения в следующем нумере.

Статья вторая и последняя

⟨17 августа 1844⟩

Сословие петербургского купечества делится на два разряда — на русских купцов и купцов иностранных. Русских *купеческих домов* (в обширном значении слова), как всякому известно, в Петербурге весьма немного. Торговые операции для заграничного торга находятся преимущественно в руках купцов иностранных. Оттого, и еще от некоторых других причин, о которых упомянем ниже, собственно русское купечество находится в Петербурге как бы в тени, и представителем петербургского купечества скорее может быть назван купец иностранный, живущий в Петербурге, чем

русский. Иностранные купцы, к чести их, могли бы служить примером в образе жизни весьма многим; жизнь их, сжатая в известном круге, в который вступить не всякому легко, приятна, разнообразна, чужда скуки и принужденности, чему немало способствует равенство состояния, сходство в образовании, вкусах, быте и занятиях. Большая часть их имеют в Петербурге собственные домы, преимущественно на Васильевском острову или на Английской набережной. Как сами они, так и жены их, образованны и общежительны. Все это, в совокупности с влиянием на торговлю, весьма значительным, немало способствовало к упрочению доверия и всеобщего уважения, которыми они пользуются в Петербурге. «Купечество русское, — говорит г-н Башуцкий, у которого мы заимствуем некоторые из предлагаемых сведений, — по образу жизни, занятий, привычным сношениям с людьми своего состояния, частию же по старинным предрассудкам, мало смешивается с прочими сословиями». С некоторого времени в этом сословии, к сожалению, вкралось нечто вроде пренебрежения к своему званию, в чем легко убедиться, взяв в соображение господствующую в нашем купечестве страсть выводить сыновей своих «в дворяне» и выдавать дочерей за людей чиновных, предпочтительно пред людьми купеческого звания. Эта страсть, по справедливости осмеиваемая нашими «сатирическими сочинителями», хотя и недостаточно остроумно, есть главная причина, что у нас мало купеческих домов, которых существование было бы так продолжительно, как, например, во Франции, Голландии, Англии, где купеческие домы существуют по нескольку сот лет. Часто весьма значительный капиталист, умирая, не оставляет по себе в торговле никакого следа: капитал переходит в руки «именитых» или «чиновных» наследников, которые распоряжаются им по своему усмотрению, никаким другим образом не способствуя движению торговли, кроме того, который называется «мотовством». Зато в Петербурге (и вообще в России) несравненно более, чем где бы то ни было, купцов-капиталистов, возникающих нежданно-негаданно из людей беднейшего и, большею частию, низкого класса. Как это делается, объяснять не будем, но только такие явления у нас очень нередки. Без сведений, без образованности, часто даже без познания начальных правил

грамоты и счисления, приходит иной русский мужичок, в лаптях, с котомкою за плечьми, заключающею в себе несколько рубах да три медные гривны, оставшиеся от дорожных расходов, — в «Питер» попытать счастья. В течение многих лет исправляет он самые тяжелые, черные работы, бегает на посылках у первого встречного, за все берется, везде услуживает, замечает, соображает, *смекает*, и — глядишь — через двадцать-тридцать лет делается первостатейным купцом, заводит фабрики, ворочает мильонами, поит и кормит тех, перед которыми во время оно сжимался в ничто, и запанибрата рассуждает с ними о том, как двадцать лет назад босиком бегал по морозцу и ел черствый сухарь... Конечно, такие явления бывают и в других землях, но в России они возможнее, потому и повторяются, как мы уже сказали, довольно часто. «Почему возможнее?» — спросите вы. «Потому, — говорит г-н Башуцкий, — что русские одарены чрезвычайными способностями: им даны вполне сообразительность и расчетливость, которые необходимы торговцу; они постоянны в действиях, упорны в достижении предназначенной цели и богаты уменьем жить малым и пользоваться счастливым стечением обстоятельств». В домашней жизни большая часть русских петербургских купцов придерживается обычаев, издавна господствующих во всем русском купечестве; но иногда поражают вас противоположности, упорная, явная борьба старого с новым, которую глаз ваш подмечает на каждом шагу. Нередко отец семейства носит окладистую бороду и длинный кафтан, а сыновья одевают себя всеми причудами моды, и если носят бороду, то подстригают ее наподобие модников, изображаемых на картинках парижских журналов, угождая таким образом и привычкам отца, и требованиям самой отчаянной моды; мать ходит в чем-то вроде повойника, а дочери в шляпках и платьях, сшитых по последней моде. В русских купеческих домах строго соблюдаются все семейные праздники — именины, день рождения, день брака, и если купец живет открыто, то не жалеет в подобных случаях денег на роскошный пир, с музыкой, танцами и другими немецкими затеями. Русские купеческие обеды поражают необыкновенным обилием дорогих яств и напитков, но доктор Пуф вообще недоволен ими. Впрочем, со времени появления

лекций этого ученого, в русском обедающем обществе появляются признаки «очищенного вкуса» (термин, вмещающий в себе, по новейшему истолкованию, чистоту, изящество, экономию и тонкое чувство гармонической соразмерности во всем, касающемся обеда). Будем надеятся, что эти драгоценные качества не обойдут и русского купечества. Что касается до степени образованности, на которой находится нынешнее петербургское купечество, — утешительнее всего в этом отношении то, что русские купцы с некоторого времени начали посылать детей своих за границу, особенно в Лондон, где в богатых купеческих конторах привыкают они к порядку, аккуратности и другим коммерческим добродетелям. В Петербурге есть уже немало купцов русских, умеющих говорить по-английски и по-французски...

Теперь нам остается взглянуть еще на низший класс петербургского народонаселения. Некто заметил, что в Петербурге «много *народа* и нет *народа*». При первом взгляде, это замечание покажется не более, как шуткою, но при внимательнейшем соображении в нем открывается верная мысль. Что такое зовут народом в столице? Низший разряд народонаселения, часто превосходящий количественно все остальные. Но в Петербурге постоянных коренных жителей низшего сословия чрезвычайно мало, хотя простого народа много во всякое время. И вот здесь-то скрывается смысл приведенного выше замечания. Большая часть простонародья проживает в Петербурге временно; коренные жители многих внутренних русских губерний приходят сюда на несколько месяцев ежегодно и возвращаются, по обыкновению, на зиму восвояси; нетрудно отгадать причины, влекущие их в столицу: в столице больше потребности в рабочих и мастеровых, чем в провинции, больше средств добывать деньгу ремеслом, торговлею, топором, службою в частных домах и т. п. За этим разрядом следует другой, к которому принадлежат люди низкого состояния, не оставляющие Петербурга по нескольку лет, но не принадлежащие исключительно Петербургу, ибо они проживают в столице без семейств, по срочным паспортам. К третьему и последнему разряду низшего сословия, населяющего Петербург, должно отнести полчище дворовых людей, небольшое количество проживающих постоянно в Петербурге мещан и еще меньше разночинцев.

Простой русский народ и в Петербурге и во всей России, как известно, чрезвычайно работящ, отличается бесстрашием при производстве самых опасных работ, любит есть огурцы, лук, морковь, репу, хлеб с квасом и солью и чрезвычайно неразборчив в выборе своего помещения. «Насчет жилища, — говорит г-н Башуцкий, — низший разряд народонаселения еще менее взыскателен, нежели в отношении к пище. Осмотрев помещения, занимаемые тысячами этих людей в Петербурге, трудно представить себе, чтобы так мог жить кто-либо. Теснота, сырость, мрак, спертый воздух, нечистота превосходят во многих из подобных жилищ всякое вероятие. Люди, приходящие в столицу для промыслов и работы⟨...⟩ за чрезвычайно дешевую цену помещаются в городе многочисленными артелями в подвалах домов, в погребах, конурах, в сараях; другие живут в окрестных деревеньках и всякий день являются в город; многие проводят все время на барках, лодках или не живут постоянно⟨...⟩ нигде, но остаются ночевать то на самом месте работ, то заходят к товарищам, чаще же платят несколько грошей за ночлег в погребе или подвале какого-нибудь дома» («Панор⟨ама⟩ Петербурга», часть III, стр. 29). Впрочем, не мешает напомнить, что все это писано с лишком десять лет назад. Мы, к сожалению, весьма мало знаем нравы низшего петербургского народонаселения и потому в дальнейшем очертании их принуждены прибегнуть к тому же источнику. Говоря о петербургском простонародье, г-н Башуцкий уверяет, что нет народа, который был бы столько доволен своим состоянием, — который бы с такою непритворною радостию участвовал в празднествах, — в самом низшем классе которого можно было бы найти столько богатых, — который бы с такою охотою и с таким непреоборимым стремлением предавался торгам и промыслам. В заключение приведем то, что говорит г-н Башуцкий о главном упреке, делаемом нашему простому народу: «Простому народу упрекают не без основания страсть к пьянству, но и в те дни, когда совершаются обильнейшие возлияния на алтарь бога вина, вы не заметите в обожателях его буйства, дерзости или жестокосердия. „Что у трезвого на сердце, то у пьяного на языке“, — говорит справедливая пословица русская; взгляните же на пьяного мужика: он весел, шумлив, но добр; он не только не

обидит никого, *но извиняется перед каждым из проходящих*; обнимает, целует своего товарища, клянется ему в вечной дружбе или, приложив руку к щеке, один шатается посредине улицы, затягивая бесконечные склады своей нескладной песни. Нет черных мыслей, нет вредных намерений, нет злобных наклонностей; его хмель добр; он пьет себе на радость; он поет, как другие пляшут, играют или буйствуют. Вино крепит его тело, вино разогревает его кровь, стынущую в сыром холодном воздухе, переменчивому влиянию которого он беспрестанно подвержен; ему нужен напиток живой, сильный, крепкий, — как жив, силен и крепок он сам, как тяжела работа, к которой он привык, которую он любит». Затем автор приводит еще слова Владимира, сказанные послам камских болгар о необходимости вина для русских сердец...

От частного очертания петербургского народонаселения по разрядам перейдем к общему взгляду на всю сплошную массу, на образ жизни, господствующие привычки и вкусы и на всё, в чем сходятся и расходятся между собою многочисленные и разнообразные петербургские жители.

В Петербурге вообще едят много, и всякий петербургский человек, почитающий себя вправе пользоваться благами жизни, столько же прихотлив в пище, сколько неприхотлив петербургский простолюдин. Обед у Дюме за общим столом, у Леграна или у какого-нибудь другого известного ресторатора составляет постоянную мечту петербургского бедняка, получающего семьсот рублей жалованья, и если ему хоть раз в месяц, с величайшими пожертвованиями, удастся удовлетворить любимую мечту своего желудка, он уже счастлив и с новою силою обрекает себя на труд и лишения до нового вожделенного праздника. Время обеда есть время отдыха для большей части петербургцев, к которому они спешат оканчивать все дела и заботы текущего дня. Заметим здесь, что, явившись в некоротко знакомое семейство в час обеда, полезнее уклониться от приглашения хозяина остаться «откушать», потому что, как бы ни было радушно приглашение, хозяин будет все-таки внутренно встревожен: в Петербурге большею частию в приготовлении обеда придерживаются такого обычая, что пословица «где двое сыты, там и третий не будет голоден» не всегда

может оправдаться. Впрочем, бывают и исключения и даже не совсем редкие...

В отношении к помещению в Петербурге, несмотря на дороговизну квартир, господствует пристрастие к простору. Любовь к красивой и дорогой мебели, к эластическим диванам и креслам, к обоям, камину и разным кабинетным безделкам в петербургских жителях нередко доходит даже до слабости. Отказывают себе в лишнем кушанье на столе, в удовольствии посмотреть бенефис Каратыгина, побывать на гулянье в Петергофе или Павловске, только бы заместить пустой простенок красивым столом с бронзовыми часами под стеклянным колпаком. В Петербурге много мебельных «художников» разного рода, и, благодаря этому обстоятельству, вы можете иметь одну вещь в тысячу рублей, а другую во сто, между которыми с первого взгляда не откроете никакой разницы; вот причина, почему мебель у петербургских жителей, у бедных и у богатых, почти одинакова и одинаково (на вид) хороша.

В Петербурге одеваются хорошо.

Кроме театральных зрелищ, балов, вечеринок и проч., важнейший пункт соединения петербургских жителей, как известно всякому, преферанс, которому ежедневно посвящает по семи часов и более по крайней мере пятая доля петербургского населения.

Если б нужно было перейти от общего очертания петербургских жителей к частностям, можно бы указать на некоторые явления, исключительно принадлежащие Петербургу, которые обыкновенно называются «типами»... Везде есть ростовщики; но ростовщик петербургский совсем не то, что, например, ростовщик московский; последний, смею уверить вас, не годится ему в ученики! Племя ростовщиков в Петербурге — весьма почтенное племя и делится на несколько разрядов, не имеющих между собою ничего общего, кроме ремесла. Оно так же разнохарактерно по видовым отличиям своего занятия, как племя петербургских сочинителей, которые, кажется, все делают одно и то же — сочиняют, а между тем как много каждый из них разнится от другого! «Сочинитель» в Петербурге также лицо типическое, которому доныне не явилось достойного описателя. Мы когда-нибудь примем этот труд на себя. Не менее занимателен «петербургский книгопродавец», — лицо до того «петербургское», что не живший в Петербурге не мог бы

составить себе о нем ни малейшего понятия. И мало ли есть еще в Петербурге расхаживающих с разодранными локтями или разъезжающих в щегольской коляске, молодых и старых, веселых и грустных «особенностей», которые так и просятся на бумагу!..

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

〈24 августа 1844〉

Не сетуйте, что листья начинают валиться с дерев, что дни становятся коротки, а вечера темны и холодны, что жаворонки, соловьи и другие «певчие птицы» (которых, впрочем, в окрестностях Петербурга гораздо менее, чем летучих мышей и лягушек) допевают свои последние песенки, чтоб улететь от нас до весны —

В теплый край, за сине море, —

не сетуйте, что последняя надежда на теплое, жаркое лето потеряна, что всех нас ожидает осень, без сомнения, грязная, холодная и сырая... Не сетуйте, но ликуйте! За все неудовольствия, которые наделала вам и собирается еще наделать упорно неблагосклонная природа, сторицею вознаградит вас искусство! Уже недалеко то время, когда оно раскроет перед вами дары свои и скажет вам: «наслаждайтесь!» И в минуту забудутся все огорчения, все несбывшиеся надежды и все страдания, понесенные вами на дачах; весной повеет на отогретую и как бы от долгого сна пробужденную душу, и в живительном источнике художественного наслаждения почерпнете вы новые силы бороться с петербургской природою, великодушно простите ей все ухищрения, столько раз отравлявшие вашу жизнь скукою, столько раз угрожавшие вашему здоровью погибелью!.. Есть у нас на Руси всякие климаты; но что касается до меня лично, то я охотнее согласился бы жить в Петербурге даже тогда, когда бы в нем круглый год царствовала осень, чем, например, в Саратове.

Итак, одно за другое, — в Петербурге бедна и сурова природа, зато жителям его открыто все, что есть в искусстве прекрасного, обаятельного... Где, например, кроме Петербурга, можете вы по целым часам застаиваться перед «Последним днем Помпеи» Брюллова?

Где увидите вы эти сокровища «Эрмитажной галереи», с которыми теперь только, благодаря предприимчивости г. Гойе-Дефонтена, получили некоторую возможность ознакомиться провинциальные жители?.. Где у нас на Руси, кроме Петербурга, найдете вы такой французский театр? Наконец, где в целом свете можете вы слушать такую итальянскую оперу, которую слушали мы прошлую зиму и какую предстоит нам наслаждение скоро опять услышать?..

Итак, в сторону сетование на природу! В Большом театре уже начались приготовления к спектаклям итальянской оперы. Незаметно пройдет время, оставшееся до начала спектаклей; приедут наши голосистые соловьи, наши старые знакомцы, которых мы так горячо полюбили. Петербург оживится; повеселеют апатически-спокойные лица; загремят всюду — и в великолепных гостиных, и в скромных чиновнических квартирах, и на Невском проспекте, — шумные споры, с беспрестанно повторяющимися на разные тоны именами Рубини, Тамбурини, Виардо-Гарсия, и запоем мы все арии из «Лучии», «Соннамбулы» и «Пирата»...

Для любителей нашего русского (Александрынского) театра также готовится приятная новость. В скором времени, как слышно, прибудет сюда известный и любимый московский комик г-н Щепкин. Не только все москвичи в восторге от игры г-на Щепкина, но и петербургские жители, посещавшие московский театр, единодушно отзываются о таланте этого артиста с чрезвычайною похвалою. Приятно будет поверить на деле их отзывы. Говорят, «Женитьба» и «Игроки» Гоголя идут в Москве несравненно лучше, чем у нас в Петербурге, и много обязаны этим игре г-на Щепкина. Это заставляет желать, чтоб г-н Щепкин между пьесами своего репертуара не забыл и «Женитьбу» с «Игроками».

На Александрынском театре дают теперь недавно поставленную на сцену драму «Наследство», переделанную с французского г-ном Григоровичем. Пьеса по-французски называется «Эйлали Понтуа» и была играна с успехом на нашем французском театре. О русском переводе ее мы скоро представим отчет нашим читателям.

На днях была также представлена на Александрынском театре новая оригинальная драма под названием *«Эспаньолетто»*. О ней мы также скоро поговорим. Но чья эта драма? — спросите вы. Наверное не знаем, а

вот что было писано, около пяти лет назад, г-ном Полевым в «Письме к Ф. В. Булгарину», напечатанном в «Сыне отечества» (см. № IV, 1939 г.): «Так в одном из новых приготовляемых мною для сцены опытов моих, под названием „Ода премудрой царевне Фелице", мне хотелось бы показать поэтическую сторону прозаической жизни Державина; в другом, „Елене Глинской", испытать быт русской старины в *идеале художника* (?); в третьем, „*Стрешневе*", — простое изображение русского быта и опыт на сцене языка наших предков; в „*Эспаньолетто*" *попытаться на севере на изображение итальянских страстей...*»

О каком «Эспаньолетто» здесь идет дело, — не о том ли, что дано на днях на сцене? или эта драма сама по себе, а та угрожает еще нам впереди? Во всяком случае, теперь или после, очень приятно будет увидеть *попытку* г-на Полевого *на изображение на севере итальянских страстей...*

Говорят, г-н Полевой написал драму из «Павла и Виргинии» — вот тут, вероятно, каких нет страстей!..

А что поделывает русская литература? Да ничего; она покуда еще только разминается после долгого застоя, приготовляется к деятельности. Неподвижность ее оживляется только по временам выходом тетрадей «Эрмитажной галереи», которыми все любуются и не могут налюбоваться. Самая интересная литературная новость, которую мы можем сообщить, заключается в следующем: граф Соллогуб окончил большое сочинение под названием «Тарантас», отрывок из которого был когда-то напечатан в «Отечественных записках», и, вероятно, не далее, как в декабре нынешнего года, публика наша будет иметь удовольствие читать это произведение, которое взялся издать для нее книгопродавец А. И. Иванов.

В заключение, — сколько ни стараемся мы избегать всего, что имеет малейшее отношение к полемике, — считаем необходимым довести до сведения читателей следующее, — по поводу одной выходки на нас, которая, не будучи пояснена надлежащим образом, могла бы повергнуть некоторых в недоумение.

В 183 № «Северной пчелы» в фельетоне, подписанном г. Межевичем, напечатано следующее:

«В № 19 „Литературной газеты" (на стр. 338) напечатано письмо гг. Петра Анисимова (сапожника),

Федула Прокофьева (подрядчика), Андр. Пмнва (сочинителя), в котором эти почтенные господа просят разрешить почтенного сотрудника „Литературной газеты“, г-на Пружинина, по поводу статьи о чае г-на Немчинова (напечатанной в 90-м и 91-м №№ «Полицейской газеты»), правду ли написал г-н Немчинов, что чай содержит в себе *чистую кровь*? Почтенный г-н Пружинин, прочитав это письмо, делает замечание: „Какова закорючка? В чае кровь! Да если бы мне скáзали: *в крови чай*, я бы не так испугался и удивился!“»

Эти слова *почтенного* г-на Пружинина кажутся г-ну Межевичу явным противоречием статьи, напечатанной в №№ 29-м и 30-м «Литературной газеты», где сказано, что чай действительно содержит в себе кровь, и притом в большом количестве, и в полном изумлении г-н Межевич восклицает: «Закрываем „Литературную газету“, с ее *Записками для хозяев*: больше прибавлять нечего!»

И нам, кажется, нечего прибавлять!.. Чудна должна была показаться «Литературная газета» г-ну Межевичу, если он серьезно понял и счел за выражение ее собственных мнений все то, что рассказывалось в статейках г-на Пружинина!.. Странно только, отчего г-н Межевич не довел кстати до сведения публики, что *Литературная газета* ставит г-на Бенедиктова выше Пушкина, — ведь *по статейкам г-на Пружинина* выходит именно так! Может быть, дождемся и этого, но объясняться уже не будем. Не мы виноваты, что *почтенный* г-н Межевич не отличает шутки от не-шутки! При таком воззрении, не только в газетной статейке, но и в гениальном произведении можно открыть величайшие нелепости. Возьмите, например, «Полтаву» Пушкина, выпишите слова Мазепы о Петре Великом и воскликните: «И вот как изображен характер Петра Великого! *Закрываем-де пииму господина Пушкина с ее претензиями на изображение великих характеров*: *больше прибавлять нечего*!» Многие сочтут вас глубокомысленным критиком!..

НЕЧТО О ДУПЕЛЯХ, О ДОКТОРЕ ПУФЕ И О ПСОВОЙ ОХОТЕ

> У всякого своя охота:
> Кто метит в уток из ружья,
> Кто бредит рифмами, как я,
> Кто бьет хлопушкой мух нахальных,
> Кто занимается вином...
>
> Пушкин.

Всякое время года имеет свои преимущества, делающие его особенно приятным для большего или меньшего количества всех живущих и прозябающих. Вы любите весну за ее свежий, ароматический воздух (здесь говорится не о петербургской весне исключительно, но о весне вообще), за роскошные и обновленные картины воскресшей природы, за теплоту и за устерсы, которые она посылает в гостинец вашему желудку из Гавра и Фленсбурга. Другой любит лето, за то, что летом он может жить на даче, купаться и ловить раков, сбирать грибы и не пускать к себе друзей и знакомых; третий любит зиму, за то, что зимой можно слушать итальянскую оперу, кататься на коньках и, пользуясь длиннотою вечеров, гораздо больше посвящать времени преферансу, чем во все другие времена года; наконец, я люблю осень за то, что осенью можно стрелять дупелей и — что еще усладительнее — есть их. Любовь к осени, по той же причине, разделяют со мною весьма многие из петербургских жителей, в чем я имел случай удостовериться, прогуливаясь по разным рынкам, где дупели раскупаются с неимоверною быстротою. Но в Петербурге дупели «жгутся», и если в нынешнем году, благодаря хорошему «урожаю» на эту вкусную дичь, они покуда не слишком дороги, то бывают годы, в которые цена за пару дупелей доходит до полутора целковых и более. Есть дупелей гораздо выгоднее в провинции, но в провинции есть их не умеют. Это меня ужасает. Я сам гораздо прежде умел убить дупеля, чем съесть его, и, зная по опыту, сколь великого и дешевого утешения в неприятностях осенней погоды лишены провинциальные жители по невежеству своих поваров, несколько раз готов был начертать подробную диссертацию о приготовлении дупелей, надеясь

таким образом передать имя свое потомству, но, к сожалению, не нахожу времени для приобретения нужных для того предварительных сведений. Страшась умереть прежде, чем успею достигнуть цели своей, я наконец, после долгой борьбы с самим собою, приемлю смелость обратиться к доктору Пуфу, хотя и знаю, что ученый муж сей занят более важными вопросами своей науки и неохотно низойдет до повторения того, что он уже однажды сказал...

Почтенный и глубокоученый доктор Пуф! Мне утвердительно известно, что вкуснейшая из всей дичи — дичь, которую в обыкновенных случаях зовут «дупелями», а в торжественных «дупельшнепами», доныне жарится в провинциальной Руси совершенно вопреки не только нежному искусству, но и природе. Попробуй только кто-нибудь сказать в доме, по-видимому очень порядочном, что дупелей должно жарить не вынимая кишок, — ему захохочет в глаза повар, даже пожалеет внутренно о печальном положении его мозга; о кухарках нечего и говорить — они просто приходят в ужас и остроумно замечают, что в таком случае лучше уж, кстати, и не ощипывать перьев... Не только в провинции, но и в Петербурге мне лично случалось испытывать подобные результаты доброжелательной откровенности. Чтоб убедить не портить дупелей, нужен авторитет, *ваш авторитет*, милостивый государь, скажу вам без всякой лести. Итак, господин Пуф, поспешите поправить дело, пока еще не поздно и еще не все дупели, которыми, благодаря мокрому лету, так обильна нынешняя осень, погибли жертвою непростительного невежества поваров, кухарок и отчасти — зачем не сказать всего? — их господ!

Слава богу! Как гора с плеч свалилась! по крайней мере я исполнил долг мой и могу умереть спокойно. А пока я не умер, поговорю с вами об охоте, которую избрал предметом нынешней нашей фельетонной беседы. Охота есть одно из главнейших удовольствий в России; охота ведется и в Петербурге; но жалка и бедна петербургская охота, как всё, что не составляет главного занятия человека, но есть не более как занятие побочное, которому посвящаются немногие часы, остающиеся от других, более важных занятий. А кто же в Петербурге живет и может жить одною охотою и для одной охоты?.. Самая природа петербургская бедна удобствами, нужными охотнику. Кроме дупелей и бекасов — страстных

любителей болот и всяческой сырости, — других пород дичи здесь или нет вовсе, или очень мало; водятся тетерева, белые и серые куропатки, коростели; на взморье перекликаются кулики, пахнущие рыбой, большие на вид, но скорее малые, чем большие, на блюде, — свойство, делающее их похожими на тех богачей, которые во время цветущего состояния своих дел кажутся и умными, и значительными, но, будучи *ощипаны*, становятся пусты и незначительны. Природа петербургская так бедна и непривлекательна, что с нею даже плохо уживается заяц — этот четвероногий космополит целого мира, одинаково переносящий и жар и холод и ежеминутно готовый улепетнуть от борзых собак на край света. В окрестностях Петербурга зайцев очень мало, и если бы здесь количество псовых охотников и стрелков относилось к количеству жителей в такой же пропорции, как в некоторых внутренних русских губерниях, то псовых охотников можно было бы насчитать больше, чем зайцев. Но и псовых охотников в Петербургской губернии мало... Псовая охота есть забава помещиков, живущих во внутренних губерниях России и наследовавших страсть к псовой охоте от отцов и дедов своих вместе с величественным зданием псарного двора, гордо возвышающимся на первом плане усадьбы, кучею доезжачих, подъезжачих, борзовщиков и разной охотничьей сволочи, стаею «паратых вижлиц» (быстрых гончих) и несколькими десятками или сотнями борзых. Сюда должен обращаться всякий, кто хочет познакомиться с охотою, изучить ее, насладиться ею!.. Прожив месяц между настоящими псовыми охотниками, среди беспрестанно раздающихся звуков сладкопоющего рога, музыкального «вара» [1] гончих, неистовых криков доезжачего, ободряющего собак, «атуканья» и «гагаканья» борзовщиков, — чувствуешь себя храбрее, воинственнее и приучаешься смотреть с настоящей точки на обширное поприще для травли. Признаюсь, время, которое посвящал я псовой охоте, проходило для меня гораздо приятнее и скорее, чем то, в которое я имею удовольствие

---

[1] Собачий термин, заключающий в себе намек на шум, происходящий при кипении котла, и означающий горячий и дружный лай тявкуш, гонящих зверя, — лай, в котором действительно есть нечто музыкальное, по крайней мере — для псового охотника ⟨*примечание Некрасова*⟩.

беседовать с вами в «Литературной газете», и, несмотря на ушибы, выпадавшие при довольно частых падениях с лошади на мою долю, я с благодарностию сохраню воспоминание о том времени подле драгоценнейших воспоминаний моего сердца. Впрочем, для предупреждения опухоли от ушибов, в подобных случаях берется обыкновенно несколько бутылок рома, который и исполняет, сколько я мог заметить, свое назначение очень исправно, ибо удивительно способствует героическому перенесению и даже совершенному забвению всяких ушибов. Псовая охота, между прочим, порождает еще тот баснословный, истинно волчий аппетит, о котором Петербург не имеет и понятия. Вот где источник того благословенного здоровья и той коренастой плотности, которым завидуем мы и вечно будем завидовать в провинциалах! Пустите самого тощего из всех тощих журнальных сотрудников на эту тучную отаву, которую зовут жизнью псового охотника, — через полгода вы его не узнаете. Псовый охотник ни о чем не думает, ни о чем не хочет знать, кроме своей охоты. Он гость дома и хозяин в поле. Вся заботливость его ограничивается присмотром за лошадьми и собаками, и я всегда истинно умилялся, видя, как даже многие имеющие жену и детей охотники ни о чем так много не заботились, как о благосостоянии своих собак. И это очень понятно: от собак зависит все удовольствие охотника, и они же могут быть источником самых горьких неудовольствий. Видеть, что у соседа собаки лучше содержатся и лучше скачут, — истинное мучение для псового охотника; он не пожалеет ничего, чтоб перещеголять счастливца, и вот где, а не в каких-нибудь менее важных обстоятельствах, скрываются причины, что дети богатых отцов не имеют иногда возможности завести и посредственной охоты. Псовый охотник никогда не впадает в апатию, редко (разве в те дни, когда невозможно охотиться) чувствует скуку и никогда ни о чем не сожалеет и ни на что не досадует, потому что ему все равно, — были бы зайцы. Страсть к псовой охоте переживает все страсти, пересиливает все огорчения, и я знал охотников, которые после самых тяжелых и потрясающих катастроф и потерь в жизни оставались теми же псовыми охотниками, прибавляя только каждый раз несколько новых гончих к прежней стае или удвоивая всю охоту. Этого, надеюсь, довольно для доказательства глубокости этой страсти. Охотники,

устаревшие до того, что не в силах уже сидеть на лошади, также потерпевшие на охоте от лишней горячности, врожденной или случившейся по обстоятельствам, какое-нибудь увечье, ездят на охоту на беговых дрожках или даже (до места) в коляске, и никогда без сердечного трепета и умиления не мог я смотреть на восторг, оживляющий черты старца-охотника при дружном завывании гончих, криках борзовщиков и раздирающем вопле схваченного собаками зайца. Сколько во всем этом поэзии — не той пересаженной поэзии, которою веет на нас «лукавый Запад», но настоящей, чисто славянской!..

Я чувствую, что слишком много сказал в похвалу псовой охоте и псовым охотникам, увлекшись личным пристрастием моим к этой забаве. Меня могут счесть отсталым человеком, приверженцем старины, что было бы для меня очень обидно. Потому считаю нужным, в заключение, несколько побранить псовую охоту. Итак, некоторые пристращались к псовой охоте до того, что забывали свои семейные обстоятельства, не радели о воспитании детей и расточали имение... Но боже мой! кто же не знает, что всякая страсть доводит иногда до излишеств? Нет, не буду бранить псовую охоту... это очень скучно... и притом это всякий сам может сделать лучше меня. Скажу лучше, в оправдание свое, что я также вместе со всеми благонамеренными людьми радуюсь, что псовые охотники с каждым годом переводятся, что огромные охоты уже все перевелись и что помещики наши поняли уже, что для их деятельности есть поприща более почетные и приличные. Скоро псовый охотник сделается типом «прошедшего», и потому все касающееся до псовых охотников должно собираться с особенным тщанием. В заключение приведу вам еще небольшой куплет из водевиля, который со временем будут играть на сцене. Тут вы увидите портрет такого псового охотника, которые бывали в старину, но которые теперь едва ли водятся:

Я люблю простор и барство
И живу, как жили встарь...
⟨Я — обширнейшего царства
Полновластный государь.⟩
В независимом владенье
У меня с давнишних пор
Девять тысяч душ именья
И осьмнадцать тысяч свор.
Дом величественной формы

Прочно выстроен для псов, —
Я скупаю им для корма
Старых кляч со всех концов.
Лучшим стол даю особый,
А найлучших так люблю,
Что рядком с своей особой
И с женой своей кормлю.
Стоит ночью встрепенуться,
Затрубить, — на голос мой
Тотчас всадники проснутся,
Псы начнут веселый вой.
Вмиг усеяна дорога,
Счета нет собачьих свор;
Затрубим — и звуки рога
Потрясают дол и бор...
Дорога моя забава,
Да зато и веселит;
Об моей охоте слава
По губернии гремит!
Да зато как гаркнут «слушай!»
Доезжачие в бору,
И зальются вдруг тявкуши,
Словно птицы поутру,
Как кубарь, матерый заяц
Чистым лугом подерет
И ушами, как китаец,
Хлопать в ужасу начнет, —
Тут последняя копейка —
Видит бог — не дорога,
Только б *Сокол*[1] или *Змейка*[2]
Подхватили русака...
Я живу в отъезжем поле,
Днем травлю, а ночь кучу,
И во всей вселенной боле
Ничего знать не хочу.
Я люблю простор и барство
И живу, как жили встарь.
⟨Я — обширнейшего царства
Полновластный государь.⟩

Осень — самое благоприятное время для псовых охотников, и теперь, когда вы, быть может, с стесненным сердцем смотрите на опадающие листы, псовый охотник с радостным нетерпением ждет окончательной уборки хлеба с полей, чтоб начать свои подвиги...

---

[1] Собачья кличка ⟨*примечание Некрасова*⟩.
[2] То же ⟨*примечание Некрасова*⟩.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

⟨7 сентября 1844⟩

Вы беспрестанно требуете у нас новостей; но подумали ли вы, милостивые государи, чего вы требуете? Какие у нас новости? Где они? Каким образом нам до них добираться?.. Да притом *ничто*, как вам известно, *не ново под луною*, — не исключая даже шутки, которую сыграла с нами на днях одна афиша. Какая афиша? Какую шутку? А вот извольте выслушать. Вчера, между прочим, любовались мы в Александрынском театре драмою Шекспира и... кого бы вы думали?.. *Господина Толченова*... да, точно, г. Толченова!.. Пример заразителен: когда-то г. Полевой попытался поправить «Гамлета»; теперь г. Толченов решился помериться силами с «Отелло»... Но, впрочем, так как первый шаг труден, то он обошелся покуда с Шекспиром довольно учтиво: взял перевод «Отелло», игранный уже когда-то с успехом на сцене, и только предоставил себе «присочинить» к нему новое заглавие, потому что старое, придуманное Шекспиром, показалось ему недостаточно полным. Вместо «Отелло», на афише, выпущенной за три дня до бенефиса, читали мы с умилением «*Десдемона* и Отелло»... Оно и красноречивее, и в некотором роде удобнее: те, которые видели «Отелло», игранного несколько лет назад, могут счесть себя не видавшими «*Десдемоны* и Отелло» и отправиться смотреть бенефисный спектакль... Итак, замысловатости *одного из сочинителей* «Отелло» драма, быть может, будет обязана лишнею сотнею зрителей... Честь и слава этой замысловатости!.. Но, впрочем, и здесь еще не крайний предел ее: в следующем году можно распорядиться еще замысловатее, именно назвать эту же пьесу «*Десдемона*, Отелло и *Яго*» — что мудреного? Очень может быть, что и опять найдутся охотники посмотреть бенефисную *новинку*... В следующем нумере мы представим отчет о бенефисе г. Толченова, который (т. е. бенефис) вообще в своем роде весьма интересен.

И вот мы сообщили уже одну новость... Какие же еще новости?.. Двадцать седьмого августа Клуб Соединенного общества праздновал день своего рождения; ели, пили, гремела полковая музыка... Еще?..

Какую же новость сообщить еще?.. Мы уже извещали, что сюда ждут знаменитого московского комика

г. Щепкина; на днях он будет здесь; душевно радуемся этому посещению; по крайней мере, хоть на несколько дней оживится наша сцена новинкою истинно интересною. Щепкин — один из талантливейших комиков не только московской, но и вообще русской сцены. Желаем, чтоб он прогостил у нас как можно долее, а за радушным приемом дело, вероятно, не станет: с такою известностью и с такими средствами, как у г. Щепкина, не страшно явиться ни пред какою публикой. Вообще на Александрынском театре готовится много новостей. За бенефисом г. Толченова, бывшим вчера, последует бенефис г-жи Сосницкой, в котором, между прочим, будет новая оригинальная драма в стихах, под названием «Чума в Милане». Сюжет, как видите, совершенно новый; мы еще никогда не видали «чумы» на театре, и если выходили иногда оттуда несколько «зачумленные» скукою, то уж, конечно, в том виноваты сочинители и переводчики, а не самый театр. Один купец, неизменный посетитель райка, добродушно спрашивал меня, кто же будет играть «чуму»? За бенефисом г-жи Сосницкой последуют, в порядке, который нам еще неизвестен, бенефисы г⟨оспод⟩ Самойлова, Каратыгина 2-го, Григорьева 1-го, г. Куликова и пр., и пр. Г-н Каратыгин, которого бенефисы публика особенно любит, да и за дело, потому что в них всегда является что-нибудь позабавнее и поостроумнее обыкновенных бенефисных пьес, — верно, и на нынешний раз займет нас, по мере сил своих, чем-нибудь любопытным. Г-н Григорьев 1-й написал для своего бенефиса довольно большую пьесу под названием «Герои преферанса», в которой, как слышно, с подобающим усердием рассматривается преферанс в историческом, статистическом, нравственном, философическом и других отношениях... Но, вероятно, всех интереснее будет бенефис режиссера г. Куликова, которого бенефисы всегда отличаются обилием оригинальных пьес, писанных более или менее известными авторами, особенно тщательною постановкою и многими другими преимуществами, за которые публика особенно любит эти спектакли и посещает усердно. Нынешний бенефис г. Куликова, по составу своему, вероятно, перещеголяет все прежние... Но до бенефиса г. Куликова еще не близко, и мы успеем еще поговорить о нем и назвать пьесы, которые для него изготовляются; между этими пьесами есть, говорят, очень замечатель-

ные!.. Заключим на сей раз наши театральные новости желанием, чтоб нынешняя осень, столь много сулящая бенефисов, была пощедрее на хорошие пьесы... Побольше оригинальных водевилей, господа бенефицианты! А если уж нельзя оригинальных, то переводных, но отнюдь не «переделанных»; главное же — поменьше сухих и длинных драм, особенно переводимых с немецкого: право, они нашей публике не так много нравятся, как вы думаете! А что касается до нас, то мы откровенно скажем, что такой водевиль, как «Булочная», по нашему мнению, стóит десятка так называемых драматических представлений вроде «Эспаньолетто» и других, на которые вы тщетно истощаете усилия, талант и опытность.

Между тем приближается время, когда начнутся спектакли итальянской оперы и Петербург превратится в музыкальнейший город в мире... Кстати о музыке. На прошлой неделе, именно в четверток 31-го августа, в Павловском воксале был такой музыкальный праздник для петербургских меломанов, какого, по времени года, нельзя было и ожидать. Чрезвычайно даровитый и оцененный по справедливости нашею публикою виолончелист Серве давал концерт; слушателей было множество. Концертист был осыпан громкими и единодушными рукоплесканиями. Игре его аккомпанировал оркестр Германа, пребывающий, по обыкновению, в Павловске и в известные часы играющий там для услаждения ушей и сердец публики...

Если вы живете в Петербурге, то, верно, случается вам надобность заглядывать в *Большую Морскую*. Когда будете в ней, то увидите замечательную перемену, которая произошла в наружности этой великолепной и богатой улицы. Там уже не найдете вы огромного дома г. Гонаропуло, не найдете даже бренных остатков его — мусора, не найдете и забора, окружавшего это место: дом сломан, мусор вывезен, забор принят — и изумленным глазам вашим является обширная, чрезвычайно красивая площадь, над которою господствует дворец ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны. Эта площадь перед самым дворцом сливается с мостом — бывшим Синим мостом, которого теперь не узнаете, потому что он расширен почти в ширину площади и сравнен с нею; по обеим сторонам его поставлены двойные газовые фонари, производящие вечером необыкновенный эффект.

И вот мы взяли по одной или по нескольку новостей в театре, на улице; посмотрим — нельзя ли взять чего-нибудь в литературе... Увы!.. в литературе-то ничего, по несчастию, и не имеется!.. Единственная новость, которую мы уже и представили на суд ваш в «Новых книгах», — сочинение Б. М. Федорова о С. Н. Глинке. Да вот есть еще литературная новость — «Реестр книг, продающихся в книжном магазине Андрея Иванова». Следует ли причислять эту книгу к явлениям русской литературы? Без всякого сомнения, потому что в ней-то и заключается русская литература. Г-н Иванов, беспрестанно получавший требования от своих многочисленных иногородных покупателей, составил полный каталог книгам, находящимся в его магазине, для того чтоб их удобнее было выписывать, — не имея покуда времени приступить к составлению полного каталога, счел, однако ж, нужным составить небольшой реестр, в котором собрал, впрочем, все, что было издано в последнее время. Реестр этот напечатан на прекрасной бумаге и заключает в себе подробное и точное наименование более тысячи книг, расположенных в алфавитном порядке. Впрочем, г. Иванов публикует, что и все прочие книги, не поименованные в его реестре и которых цена требователям неизвестна, можно выписывать из его магазина, ибо он вменил себе в обязанность — *удовлетворять требования даже в случае недостатка присланных денег.* В конце брошюры приложен еще реестр книг, которые, будучи приобретены г. Ивановым при оптовой покупке с значительною уступкою, могут быть, и с его стороны, продаваемы по ценам гораздо низшим противу объявленных первоначально. В числе этих книг есть дельные, и потому нельзя не благодарить г. Иванова, что он сделал приобретение их доступным для самых небогатых потребителей книжного товара. Из правил и других приложений, находящихся в начале реестра, можно видеть, как правильно, искусно и благонадежно организованы у этого книгопродавца все стороны его обширной корреспонденции и торговли: ничего не оставлено на догадку выписывающего, чтó могло бы повести в ином случае к недоразумениям; все предусмотрено и объяснено; словом, доставлены выписывающим все возможные выгоды и удобства в сношениях с магазином. В начале реестра напечатаны объявленные уже давно «Правила относительно порядка высылки книг по тре-

бованиям гг. иногородных»; далее исчисляются «выгоды выписывающих на значительную сумму» и «выгоды постоянно выписывающих»; тем и другим делается значительная уступка. Вообще видно, что заботливость г. Иванова к доставлению всевозможных удобств иногородным покупателям книг не ослабевает. Напротив, деятельность его усиливается: подарив недавно публике изящно изданные им «Сочинения кн. В. Ф. Одоевского», он уже заботится о трех новых истинно великолепных изданиях, долженствующих явиться в свет в последних месяцах нынешнего года... Но об этих изданиях поговорим подробнее в следующем фельетоне...

С наступлением сентября месяца начались *курсы французского языка по методе А. Ф. Язвинского.* Метода г. Язвинского сначала была встречена большинством весьма недоверчиво и даже многими недоброжелательно. Гонители ее и вообще все не имеющие понятия *о фонической таблице*, составляющей основу методы, утверждали, что гораздо легче заучивать слова по способу «зубрения», столь губительно действующему на развитие умственных сил учащихся, — но мало-помалу метода г. Язвинского восторжествовала, и теперь многие отзываются о ней с чрезвычайною похвалою. Она принялась не только в Петербурге, где живет и читает лекции сам изобретатель, но и в других городах России, доказательством чему служит быстрая распродажа первого и появление второго издания «*Самоучителя* по методе г. Язвинского». Французский язык сделался у нас столь всеобщею потребностью, что нельзя не радоваться помощи, оказываемой методою г. Язвинского при изучении этого языка, и не желать, чтоб она улучшалась и совершенствовалась. Впрочем, утверждают, что в Париже, где составилось особое общество для распространения и улучшения методы г. Язвинского, метода эта не идет так хорошо, как у нас, потому что парижскому обществу недостает важнейшего члена — самого изобретателя методы. Желая расширить круг действий своих и быть полезну самым небогатым людям, г. Язвинский уменьшил в нынешнем году цену за уроки: за месячный курс 5 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩; за полный курс, пока ученик совершенно не выучится, 30 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩ (а не 20, как было ошибочно публиковано). Лекции, по обыкновению, читаются в квартире г. Язвинского, в доме Медникова, против Аничкова дворца. Для дам назначаются особые дни.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ

Мы обещали поговорить о литературных новостях, приготовляемых книгопродавцем А. И. Ивановым и долженствующих явиться в свет в конце нынешнего года. В первых числах сентября месяца от магазина этого книгопродавца разослано было объявление, в котором, кроме подписки на журналы, имеющие издаваться в 1845 году, объявлялось о следующих трех предпринятых им роскошных изданиях. О первом из этих изданий мы уже извещали читателей: это *«Тарантас»*, сочинение графа В. А. Соллогуба. Не говоря о внутреннем достоинстве сочинения, чрезвычайно оригинального и остроумного, как бо́льшая часть произведений графа В. А. Соллогуба, скажем, что наружностью оно едва ли не превзойдет все, что было доныне издано в нашей литературе, при содействии «наших» художников, великолепного и роскошного. «Тарантас» будет издан на лучшей бумаге (в 8-ю д⟨олю⟩ л⟨иста⟩) и украшен политипажами, резанными на дереве бароном Клодтом, Неттельгорстом и Бернардским. Рисунки для политипажей деланы одним из художников-любителей, отличающимся необыкновенным талантом. Это будет нечто получше всего, что мы доныне видели и чем восхищались по этой части.

Другое издание, предпринятое г. Ивановым, — «Очерки Южной Франции», сочинение М. С. Жуковой. Всем известно прекрасное дарование этой писательницы, пишущей так тепло и увлекательно, с изяществом и грациею, какую встретите не у многих из наших писателей. Ее повести согреты всегда чувством истинным и глубоким и составляют одно из любимейших чтений русской публики; жаль только, что в последнее время они редко являются. Пробыв несколько времени за границей, г-жа Жукова изготовила теперь в подарок русской публике свои путевые записки, которые, без сомнения, будут замечательным явлением в русской литературе и займут не последнее место в ряду русских путешествий. Если б даже литература наша была богата хорошими путешествиями, и в таком случае труд г-жи Жуковой не был бы нисколько лишним, потому что в путешествии женщины, и притом с таким талантом, каким обладает г-жа Жукова, всегда найдете много

оригинального, нового, чего не заметит и не выдумает мужчина.

«Очерки Южной Франции» г-жи Жуковой составят до шестидесяти печатных листов и будут разделены на две части. Издание будет украшено 12-ю рисунками, снятыми с натуры и изготовленными в Париже по новому способу, — они будут *выпукло*-литографированные. Вот их содержание: 1) Сен-Лоренская церковь (в Дофинэ), 2) часовня св. Бруно, 3) Сассенажский источник, 4) Пончетти, 5) вид Ниццы, 6) Симье, 7) Сифур, 8) Гарский мост, 9) замок Бейкер, 10) Арльский монастырь, 11) церковь св. Михаила в Пюи, 12) Пюи-де-Дом, взятый из долины Руая.

Третье издание, предпринятое г. Ивановым, — «Физиология Петербурга», составленная из трудов русских литераторов.

Нас вообще не совсем безосновательно упрекают в холодности ко всему нашему, русскому, домашнему, как бы оно замечательно и колоссально ни было. Конечно, страсть к иноземному в нас с каждым годом уступает место привязанности к хорошему своему, и дикие вопли выписавшихся или никогда не умевших писать нравоописателей, которые доныне не перестают преследовать в нашем обществе давно уже вошедшее в границы пристрастие к французскому языку и всему французскому, не видя и в умилительном простодушии даже не замечая других действительно господствующих в наше время пороков и пристрастий, — теперь уже более смешны, чем уместны; но надо признаться, что многие из нас до сей поры более обращают внимания на каждую гравюру, вышедшую в Париже, чем, например, на художественные сокровища, хранящиеся в Эрмитажной галерее... Парижские литераторы написали сотни книг и продолжают беспрестанно писать новые о своем веселом, великолепном, богатом и блестящем, грязном и голодном Париже. Все сколько-нибудь замечательное осмотрено со всех сторон сотнею наблюдателей даровитых и проницательных, описано до малейших подробностей, представлено в самом ярком, разительном блеске — удивляйтесь после того, что в Париже так много редкостей, известных всему свету и в том числе вам, никуда не выезжавшему из Петербурга, который вы, впрочем, знаете гораздо менее, чем Париж. Самая жизнь парижская во всех ее проявлениях составляет для

парижан предмет наблюдений неистощимый. Сколько ежегодно является различных физиологий! Кто из многочисленных и разнородных представителей Парижа не описан по нескольку раз, от ученого и глубокого мужа, задремавшего на всю остальную жизнь в покойных креслах Академии, до поющей и скачущей фигурантки, занимающей каморку в восьмом этаже?.. И парижская публика раскупает быстро и читает все, касающееся Парижа, с особенным жаром и любопытством. Из всего этого следует, что парижане горячо любят свой Париж... Но мы? Неужели мы не любим своего Петербурга?.. Сказать это — значило бы не знать совсем петербургских жителей... А между тем, отчего же нас так мало интересует все, что есть в Петербурге оригинального, великого, занимательного, забавного? Отчего у нас доныне так мало писано о Петербурге и так мало пишут?

Книга, о которой мы выше упомянули, берется, по мере сил своих, пополнить этот ощутительный недостаток. Не касаясь или касаясь только вскользь наружности Петербурга, она поставила себе целию ознакомить читателей с Петербургом в физиологическом отношении. В ней не найдете вы описания улиц, театров, гульбищ петербургских, но найдете характеристику всего этого более или менее верную. Найдете взгляд на Петербург сравнительно с Москвою; найдете характеристику его жителей; несколько отдельных типов, почему-либо особенно замечательных; встретите черты из жизни разнородных классов петербургского народонаселения и таким образом ознакомитесь несколько с самою петербургскою жизнию. Конечно, никто не будет спорить, что цель книги очень полезна, и даже всякий, вероятно, согласится, что в такой книге давно чувствовалась настоятельная потребность. Желательно только, чтоб выполнение сколь возможно более соответствовало прекрасной цели, что, надо признаться, при недеятельности петербургских литераторов, которых (говорим о замечательных), к тому же, и очень немного, довольно затруднительно. Посмотрим, что будет, а теперь покуда скажем, что издатель обещает с своей стороны употребить все усилия, чтоб издание было как можно великолепнее: в книге, как мы слышали, читатели найдут до пятидесяти больших политипажей, рисованных и резанных на дереве лучшими петербургскими художниками.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

⟨17 сентября 1844⟩

Наконец, вот и настоящая, законная осень. Петербург вставил двойные рамы и смиренно ждет забав и развлечений, которые сулила ему осень. Но пока он еще не дождался их и скучает... Скучает, потому что не изгладились еще из памяти петербургских жителей тяжелые впечатления обманувшего их надежды лета, потому что грустно и больно видеть опадающие листья, поблекшую зелень, унылое и пасмурно-безотрадное небо, неприятно гулять, с опасностию промочить ноги, и тяжело дышать сырым и холодным осенним воздухом... Погодите, пройдет еще неделя, много две, Петербург свыкнется с осенью, погрузится в свои обыкновенные и необыкновенные развлечения — и в самый дурной и дождливый день вы не встретите скучного лица... Но, скажете вы, если теперь, в это пасмурное и печальное время, скучно в Петербурге, источнике всяких веселостей, то что же должно быть в провинции, в губернском городе, в уездном городишке, в деревне? «Скука, скука и скука!» — отвечаем мы вам. Но нелишним считаем напомнить, что между столичною и губернскою, а *кольми паче* деревенскою скукою — огромная разница: когда Петербург только зевает, губернский город, истощив все средства к побеждению скуки, уже храпит богатырским сном, а деревня опоражнивает последнюю бутыль заготовленной летом на всю зиму наливки...

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно...—

сказал и Пушкин... Но тот, кто не живал осенью в деревне, не может составить себе даже приблизительного понятия о деревенской осенней скуке. Холодный, порывистый ветер бешено носится в туманной атмосфере, крутя перед вашим носом обвалившиеся листья, обрывки всяких записок, тряпье и всякую дрянь, выброшенную, может быть, за двадцать верст несколько лет назад; уныло скрипят ставни, и болезненно, словно скрежетание злости, проходит по душе их докучное, однообразное скрипенье; длинношейный гусь запрятал под крыло свою надменно-величавую голову и в недвижной апатии не

тронется с места до вечера; жаль босого мальчишку, в одной рубашке, босиком, перебегающего затопленный лужами двор; жаль путешественника, принужденного вылезать среди самой глубокой грязи, чтоб доставить облегчение лошадям; еще сильнее жаль его, когда экипаж совершенно увязает в грязи и необходимо прибегнуть к сострадательной помощи дяди Митяя с товарищами; жаль дворного верного пса, тоскливо и медленно расхаживающего по двору и по временам испускающего отрывочное визжанье, полное безотчетной тоски, и тяжело отзывается в душе протяжное карканье вороны, усевшейся на серой крыше сарая и с глупым спокойствием озирающей туманную даль... Дождь частый, мелкий, косыми, неправильными линиями падая с высоты, заслоняет собою отдаление; в поле бесцветность, пустота, безжизненность, скучная и гнетущая тишина, прерываемая только изредка все теми же зловещими криками перелетевшей на полуразвалившийся забор вороны, криками, которые, раздирая воздух и сердце, предвещают что-то недоброе... Уныло дребезжит колокольчик медленно плетущейся тройки, и вовсе не слышно заунывной песни ямщика, которую он певал бывало, когда солнце смотрело ему прямо в глаза и не леденил костей его холодом пробитый насквозь армячишка... В лесу ужас, нагота, шум, похожий на концерт демонов, буйно обрывающих с природы ее лучшее украшенье — листья; с визгом отрываются эти сухие, безжизненные, болезненно-желтые листья с деревьев, с минуту кружатся около родного дерева, как бы прощаясь с ним навеки, и пóтом падают, расстилаясь по лесу наподобие желтого, сверкающего ковра, или уносятся далеко-далеко с страшным воплем, в котором слышится роковое, пугающее слово — «осень»!.. Скучно в поле, скучно в лесу, скучно во всей деревенской природе!..

Что делать? Надоело толковать с управляющим, надоело читать, надоело раскладывать гран-пасьянс, надоело и любезничать и браниться с женой... Хорошо бы заснуть на целый месяц, на целую осень... Но вот лежишь день, другой, третий, позевывая, вскрикивая по временам «трубку!» и в беспорядке перебирая в мыслях все, что когда-либо случалось видеть, слышать, читать, думать и о чем даже никогда прежде не случалось думать; на четвертый день — ломота во всех членах, как будто ворочал камни или исполнял должность петербургского

водоноса; грудь ноет, в теле какая-то неприятная и пугающая слабость, нет никакой возможности спать долее! Надо встать, надо что-нибудь делать?.. Что же?.. И сколько б *мы с вами* ни думали, нам ничего не выдумать.

Судя по этому, многим показаться может, что жить осенью в деревне нет никакой возможности и что те, которые живут осенью в деревне, достойны удивления наравне с теми, которые умеют сделать для себя сносным самое тяжкое ограничение... Так, если хотите; но, однако ж, есть исключения и очень частые... Кто привык к столичной жизни и смотрит на всякую жизнь сравнительно с столичною, тот, конечно, не поймет, каким образом можно быть спокойным, веселым и даже счастливым, не меньше как в другие времена года, живучи осенью в деревне, вдали от всяких развлечений и т. под. Но вглядитесь в дело попристальнее, сойдите на минуту в сферу той жизни, «где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблоками и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся в сторону, осененные вербами, бузиною и грушами», — вспомните, как жили Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович у Гоголя, — и вы поймете, как живут и отчего могут у нас жить даже осенью в деревне многие почтенные люди. «Жизнь их (Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича) так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и неспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем сверкающем сновидении». Конечно, точь-в-точь таких, как Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, теперь встретите немного, но я имею удовольствие знать достаточное количество особ, которые не хуже добрых старосветских помещиков умеют наполнять время решительно ничем, и даже осенью в деревне не чувствуют ни на минуту скуки. Как это у них делается — это их тайна; долг справедливости, однако ж, заставляет сказать, что вино играет здесь гораздо меньшую роль, чем, может быть, иные думают. Есть разные способы проводить время, и в изобретении их, как всякому хорошо известно, наши деревенские помещики чрезвычайно искусны. Есть еще у нас на Руси довольно многочисленный разряд помещиков, которых скорее можно

подстеречь скучающими в лучшее время года, чем осенью: это — псовые охотники, для которых осень самое лучшее время в году, которые и годы считают «осенями»...

Еще очень недавно псовых охотников было на Руси многое множество. Псовая охота, сопряженная с значительными расходами, но зато представляющая в себе действительно много хороших сторон (не говоря уже об удовольствиях), как-то: сообщающая крепость и развязность телу, возбуждающая аппетит, приучающая к легкому и безвредному перенесению дождя, сырости, холода, — составляет любимейшее осеннее занятие наших помещиков... Чтоб несколько познакомить читателей с псовою охотою и ее наслаждениями, я приведу здесь отрывок из письма одного моего приятеля, который попал случайно в кружок псовых охотников, и — сколько можно судить по восторгу, с которым говорит он о псовой охоте, — навсегда останется псовым охотником. Вот как описывает он свои охотничьи поездки:

«С утра до вечера рыскали мы по окрестностям нашего селения на удалых конях с несколькими сворами борзых собак, которые, казалось, разделяя наше удовольствие, радостно бегали впереди лошадей наших, высматривая пищу для своей деятельности. Погруженные в созерцание дикой пустынной природы, мы между тем не переставали хлопать нашими арапниками или прислушиваться к лаю гончих, рыскавших по лесам и кустарникам... Вот наконец лай становился громче и громче, и мало-помалу голоса гончих сливались в один стройный оглушительный хор, так невыразимо-сладостный для сердца истинного охотника. Все оживлялось: быстрее молнии бросались мы в ту сторону, где слышались неистовые крики, доказывавшие близкое присутствие зверя. И вот мы на месте, удобном для травли, где, по всей вероятности, заяц, преследуемый гончими, должен высунуться из опушки леса для того, чтоб спасаться бегством. Сердца наши сильно бьются от нетерпеливого ожидания, глаза дико блуждают по пространству, на котором должны осуществиться надежды наши, слух наш напряжен до пределов возможности. Наши борзые скачут и мечутся от нетерпения и радостного предчувствия скорой добычи; самые лошади наши, привыкшие уже к такому роду службы, не чужды

общего потрясения: слух и зрение их внимательно следят за голосом гончих, их позиция доказывает готовность скакать на весь мах при первом появлении зверя. Еще минута — и торжество наше начинается. Потеряв надежду обмануть своих преследователей, бедный заяц выбегает наконец из леса на чистое поле. Голоса наши сливаются в один дикий неистовый крик *о-ту-его*! Собаки со всех ног бросаются за несчастной жертвой; с истинно геройской храбростью, забыв все на свете, мы скачем за ними чрез рвы, ручьи и пригорки, не выпуская из виду зверя, то показывая его собакам, то неистовыми криками побуждая их к напряженной деятельности. Заяц мал и робок, но он чует опасность, душа его уходит в пятки от страха: он скачет необыкновенно шибко... Собаки грудой несутся за ним с злобным лаем, перекликаясь между собою и как бы требуя одна у другой помощи. Но, о ужас! Они дальше и дальше отстают от предмета своих стремлений: хитрый зверь успел обмануть их, неожиданно бросившись в совершенно противную сторону, тогда как собаки сгоряча пронеслись по прежнему его направлению. И вот зверь, как выражаются охотники, начал *отседать*... Сердца наши сжимаются от огорчения; то надежда, то отчаянье попеременно господствуют на озабоченных лицах наших, на любимых собак своих смотрим мы почти с презрением. Вдруг одна из них мгновенно, как стрела из лука, вылетает вперед. Она роет землю ногтями, делая усиленные скачки, летит, летит, летит — шибче возможных ураганов и самумов, поверьте слову охотника! Зверь собирает последние силы, ускоряет шаги, страшно хлопает ушами,— что случается с ним обыкновенно в минуты страха, — но тщетны все попытки: собака догоняет его, хватает с налету и, разгоряченная до последней крайности, не имея сил остановиться, пробегает еще несколько сажен вместе с злополучной жертвой... Как описать восторг наш при созерцании подобной сцены: надобно быть охотником, чтоб вполне понять его! С радостными криками подскакиваем мы к „месту победы“, вырываем зайца из зубов торжествующей собаки и с любовью, с наслаждением долго его рассматриваем. Затем начинаются действия, которые на языке охотников выражаются следующими терминами: *приколоть* (спустить кровь из горла), *отпазончить* (отрезать задние лапки, которые по большей части тут же раздаются

собакам), *приторочить* (привязать зайца к седлу по известным правилам)».

Досуг ли тут скучать, когда время так полно, душа испытывает потрясения, подобные сейчас описанному? Зайцев много, только трави; и даже иногда, как замечает с восторгом автор письма, попадаются лисицы и волки!.. В течение всей осени охотник не пропустит ни одного дня без покушения истребить несколько зайцев и почти каждый день истребляет их десятками, даже сотнями, смотря по величине охоты; когда нужно дать отдохнуть борзым собакам, он берет одних гончих, «бросает» их в большой лес или, как говорится по-охотничьи, в «уйму» и бьет поднятых с «лёжек» и в испуге бегающих взад и вперед зайцев из ружья. Когда земля уже порядочно окрепла от мороза, так что собаки срывают ногти, прорезывают мякиш и наконец совсем отказываются скакать, а снег еще не выпал,— псовый охотник отправляется с ружьем по лесам и кустарникам и бьет зайцев на «узорку». Это охотничий термин, требующий объяснения. Вы знаете, что зайцы, за исключением русаков, к зиме становятся белыми; часто они совершенно выбелеют, прежде чем выпадет снег, и тогда нет ничего легче, как «подозрить» зайца лежачего, ибо заяц бел, а все вокруг него серо или зелено. Но вот наконец выпал снег... вы думаете, что подвиги охотника кончены?.. Для многих, которые не держат гончих, они только начинаются. Но тут охота принимает уже другой характер: гончие вовсе не нужны; нужен хороший глаз, глубокое познание хитрой заячьей натуры, светлая и многосторонняя проницательность, чтоб не запутаться в «скидках» и «петлях», которыми думает бедный зверек закрыть от преследователей место настоящего своего пребывания. Это называется охотою по «порошам», где главную роль играет искусство «тропить», то есть добираться до зайцев по собственному их следу. Если пороша глубока, снег мягок, зайцам совершенная гибель: тогда как коротконогий заяц, глубоко вязнущий, «ковыляет» самым жалким манером, собака бежит легко и свободно, и никогда так много не истребляется зайцев, как в пороши...

Все это мы говорим для того, чтоб представить вам довольно разительный контраст между осенним «времяпрепровождением» деревенских жителей и тем, которое готовится петербургским жителям, с восторгом ус-

лышавшим весть о приезде Рубини, Тамбурини, г-жи Кастеллан и нетерпеливо ожидающим прибытия Виардо-Гарсии и др⟨угих⟩. В то время, как вы будете кричать «фора!», переполненные восторгом, иной добрый помещик, быть может, еще восторженнее и уж, верно, несравненно сильнее будет повторять,— летя на удалом скакуне по направлению нагоняющих зайца псов,— *«о-ту-его!»* и другие ободрительные местоимения. И слеза умиления прошибет глаза его при виде невероятных, но увенчавшихся успехом, усилий Лётки, Нахала или Насмешки (собачьи клички), и благодарным оком взглянет он вокруг себя и подумает: «Нет, хорошо, черт возьми, хорошо жить на свете, так хорошо, что... я не знаю, как хорошо»... Так все перемешано в жизни: один любит устерсы, а другой редьку в сахаре — и оба благодарят жизнь; один восторженно аплодирует величайшему художнику своего времени, а другой пляшет под балалайку. Один читает Гоголя, а другой ничего не хочеть знать, кроме творений Кузмичева или автора повести «Муж под башмаком»...

О ЛЕКЦИЯХ ДОКТОРА ПУФА ВООБЩЕ И ОБ АРТИШОКАХ В ОСОБЕННОСТИ

М⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, я человек простой и не умею изъясняться вычурами, как иные прочие, которые так славно пишут. Итак, я вам скажу напрямки, что с той поры, как стал читать и прикладывать к желудку остроумные лекции почтенного и достойного доктора Пуфа, я совершенно иначе на себя смотрю, и, правду сказать, — взгляд мой на человеческую натуру сделался даже, как кажется, обширнее. «Что такое человек — с своим желудком? — думал я прежде, — животное! просто животное! Ну, что я полезного делаю? *Ем*! вот и все. А между тем, что за пустое занятие *есть*! совсем нет никакой цели. Да опять и то: ведь *ест* всякий; даже просто мужик или какой разночинец также ест; ну, чем же в таком случае я отличаюсь от мужика или разночинца? Даже просто тоска берет!» Так или почти так думал я, пока лекции доктора Пуфа не озарили для меня собственной моей внутренности. Тут я понял, что желудок — великое дело, что он весьма благородная вещь, что для него работают

и голова, и руки, и ноги; пред ним склоняются и ум и сердце; к нему, как к общему центру, сходятся все науки, вся промышленность и торговля. Оно в самом деле и должно быть так! Чем, например, сосед мой, Григорий Силыч, не почтенный человек! У него бывает вся губерния; его все уважают, называют *славнейшим малым*; ни у кого в губернии с таким чувством и толком не играют в преферанс; а ведь если порассудить, да поразобрать, то Григорий Силыч только одно и делает на свете, что ест. Вот как доктор Пуф поразъяснил нам, как это важно — хорошо есть и какие от этого хорошие последствия, то я и сам теперь вижу, что Григорий Силыч точно почтеннейший человек. Как вы, а я так думаю, что если бы Попе жил в наше время, то он не написал бы ни за что своей поэмы о человеке, а просто переложил бы в стихи лекции г-на Пуфа. И славно бы сделал!

Впрочем, что́ это я так в высоту зафилософствовался; да и совсем некстати. Дело в том, что вот я, например, хотел сказать вам кое-что насчет лекций г-на Пуфа; а именно, что я, к своему несчастию, кое-каких вещей там не нахожу. Надо вам заметить, что я, с тех пор как пришел в тот возраст, в котором начинают понимать настоящие вещи, люблю страстно артишоки.

Артишоки, вот харч благословенный,
В обед и не обед для всех бесценный,
Артишоки и вкусны́, и сытны́, и сладки́,
Поганства в них нет, и лишь гадки́
Те люди, которые мнят,
Что артишоки гадки́, и их не едят!

Смею удостоверить вас, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, что я эти стихи сам сочинил, и только в них заметно маленькое подражание одним очень прекрасным и известным стихам, которые я случайно как-то нашел в книжках г-на Бурнашева ли, или Ф. Кузмичева, не припомню.

Так вот, я хотел вам доложить насчет артишоков. Я всё ожидал, что почтенный доктор Пуф расскажет хорошенько и рационально, как самым вкусным и настоящим образом готовить артишоки. Ан вот-таки и нет, и пора артишоков отходит, а нет. Просто даже грусть взяла! Знаете, иногда ешь артишоки (у меня Степка-повар, такой искусник, да плут естественный), они себе и того, — да как вспомню, что, может быть,

есть лучшие способы их готовить, что, может быть, г-н Пуф и лучше их умеет есть, так, право, жалость и тоска берет. Раз только г-н Пуф заговорил о артишоках, да и то сказал только, как их сохранять по способу Аппера; ну что ж в том? а ведь сохранивши нужно их съесть умеючи. Право, я вам скажу, что это дело очень достойное внимания. Я даже, знаете, хотел писать об этом г-ну Пуфу партикулярно; да думаю себе: «Куда с такими учеными и почтенными людьми в переписку! осмеют, одурачат; уж читал я иногда в газетах, как просто даже иного на смех подымут. К тому же и то сказать, не знаю имени и отчества господина профессора». Подумал, подумал, да и решился, м. г., обратиться к вам об этом деле. Вы, имея счастие жить в одном городе с столь почтенным человеком, верно, знаете, как он и где он там. Прошу вас, выспросите у него об этом, т. е. об артишоках, так, стороною; может быть, он изобрел какие особые средства, да держит в секрете: так вы, знаете, так, поосторожнее. Чувствительнейше меня обяжете. С признательностью готовый до конца гроба к услугам.

Афанасий Похоменко.

С — ск.

СМЕСЬ

⟨12 октября 1844⟩

Два слова о г-жах Виардо и Кастеллан. — Новости Александрынского театра: Бенефис г. Куликова. — Комедия г. Григорьева. — О новых диковинках Родольфа. — Письмо из Калуги и удивительное калужское объявление.

Не нужно и говорить, чем теперь занята, о чем толкует и спорит петербургская публика. Разумеется, теперь на каждом шагу то и дело слышатся имена — Рубини, Тамбурини, Виардо-Гарсии, Кастеллан, с присоединением известных эпитетов «неподражаемый», «несравненная», «восхитительная» и так далее. Впрочем, о спектаклях Итальянской оперы мы предположили говорить в особом отделении нашей газеты, а потому здесь ограничиваемся этими немногими словами...

В Александрынском театре, как мы уже говорили, в нынешнюю осень также замѐтно присутствие жизни,

по случаю участия в спектаклях его московского артиста Щепкина и беспрестанных бенефисов, весьма щедрых, если не на хорошие, то по крайней мере на новые пьесы. Третьего дня, во вторник, был бенефис г. Самойлова; на следующей неделе будет бенефис г-на Куликова, — бенефис, от которого ожидают многого.

Мы уже говорили, что бенефис господина Куликова доныне бывал всегда из самых блестящих бенефисов в году, резко отличаясь от других более или менее удачным выбором пьес и тщательною их обстановкою. Всего этого, если не больше, можно ожидать и от нынешнего бенефиса этого актера-режиссера. В состав бенефиса войдут следующие пьесы: 1) «Чума в Милане», оригинальная драма в стихах; 2) «Новорожденный», небольшая комедия, или сцены, взятые из «Москвы и москвичей» г. Загоскина, так давно не писавшего для театра, на котором пьесы его, при настоящей бедности нашего репертуара, имели бы гораздо более значения, чем романы в литературе. В этом согласится всякий, кто видел на сцене комедии его — «Богатонов», «Благородный театр», «Добрый малый» и помнит, ка́к принимала их публика. В «Новорожденном» главную роль взял на себя М. С. Щепкин... нужно ли прибавлять, что из нее будет сделано все, что только можно сделать?.. 3) «Магометов рай», забавный и игривый французский водевиль, в котором г-жи Самойлова 1-я, Левкеева (восп⟨итанница⟩) и Шелехова 2-я, по примеру артисток французской труппы, будут танцевать *па* с шалью, *па* с тамбурином и проч. 4) «Несколько лет вперед, или Железная дорога между Петербургом и Москвою», водевиль в трех действиях. Нам сообщено несколько из куплетов этого водевиля. Их поют лица, действующие во втором акте, сцена которого — гостиница на средине дороги между Петербу́ргом и Москвою.

Хор

Честь и слава человеку,
Слава доблестным умам,
Девятнадцатому веку
И властительным парам.

Купец

Всюду дельная тревога,
Всюду деятельный шум,

Всем железная дорога
Развязала руки, ум.

Другой купец

По одной цене с товаром
Обходился мне провоз;
А теперь почти задаром,
Все тащит мне паровоз.
Я товар спускаю знатно,
Дешевизне всякий рад:
Покупателю принятно,
Да и мне-то невнаклад.

Гастроном

Знали зависти немало
К Петербургу москвичи,
Вместо устриц, есть, бывало,
Приходилось калачи.
Нынче... честь и слава пару!
На столе, что на уме:
Есть сегодня еду к Яру,
Завтра буду — у Дюме́.

Фельетонист

Петербургского журнала
Фельетоны я писал,
И сам новости, бывало,
Об Москве изобретал.
Нынче новостей московских
(Лишь бы слушать их не лень)
Как садовников ростовских
В Петербурге каждый день.

Театрал

По утрам смотрю афишу
Наших двух столиц всегда,
И где больше толку вижу —
Взял билет, да и туда!
Нынче хлопаньем актрисе
Потрясаю всю Москву,
А назавтра в бенефисе
Каратыгина реву.

Первый купец

Оживились молодецки
И слились душа с душой
Петербург полунемецкий
С чисто русскою Москвой;
Щеголяют просвещеньем,
Чудной роскошью блестят
И промышленным движеньем

И народностью кипят.
Вдруг Москва помолодела
И богата новых сил,
С Петербургом спорит смело;
Петербург не тот, как был...

Седьмого ноября будет бенефис г-на Григорьева 1-го, где, между прочим, будет представлен оригинальный водевиль «Герои преферанса, или Душа общества», о чем мы уже и говорили. Пьесу хвалят и надежду на блестящий успех ее основывают в особенности на куплетах. Вот каковы эти куплеты. — Герой пьесы, Андрей Андреич Прикупка, собираясь на игру, поет:

Всем сделаю уступочку;
Но как сойдусь с тобой,
Узнаешь ты Прикупочку,
Поплатишься со мной.
Кто тронет репутацию
Иль кошелечек мой,
Тот даст мне *консоляцию*
Такую, что ой-ой!
Уж я же друга, милочку
Доеду проучу:
И *в жилку* друга, в жилочку
Чувствительно хвачу.
К малине все ведь сходятся,
Я лакомку пущу...
Но в ней ведь *черви* водятся,
Так я ж-те подточу!

Вот еще куплет того же Андрея Андреича, который описывает в нем соперника своего по преферансу:

Он часто ходит, щеголяет
Почище сына моего,
Но так нечисто поступает,
Что замарает хоть кого;
Он здесь чистейшими рублями
Затем изволит соблазнять,
Чтобы нечистыми руками
У всех карманы очищать;
Он говорит весьма речисто,
Чтоб скрыть нечистый свой обман,
И передергивает чисто,
Где рассыпают чистоган.
Уж чисто с дьявольским уменьем,
Я слышал, бьет он всякий куш,
Да и нечистым помышленьем
Убил довольно чистых душ!
Так приговор об нем вернейший
Я начисто скажу вам вслух:

Что по делам — он плут чистейший,
А по душе — нечистый дух!

— Все знают престижитатёра Родольфа, удивлявшего петербургскую публику разного рода затейливыми фокусами в прошлую зиму. Теперь он придумал для зрителей новую загадку... Какую? Это трудно было бы объяснить без помощи афиши; еще труднее было бы поверить тому, чтó рассказывает эта афиша, если б мы не знали, что рассказы ее с сегодняшнего же дня начнут оправдываться на деле. «В Детском театре (говорит афиша), начиная с 12-го октября сего 1844 года, ежедневно с 12-го по 1-й, со 2-го по 3-й и с 6-го по 7-й час вечера будет выставляем *Политехно-магический автомат Эльфодор*, — это достопримечательное произведение, над устройством которого трудился г. Родольф более семи лет и в котором он умел соединить не только все результаты глубоких изысканий знаменитых механиков и художников Вокансона, Дроза, Мельярде и числительную машину Баббеджи; но и присоединить свое собственное устройство для произведения экспериментов, превосходящих всякое ожидание публики — даже посвященной во все таинства высшей механики. Эксперименты эти суть следующие:

Автомат дает письменные ответы на таковые же письменные или изустные вопросы, из которых первые может каждый оставить при себе, не сообщая их никому.

Он рисует портреты какой-либо знаменитой и примечательной особы, по произвольному назначению присутствующих или отсутствующих (?) лиц.

Он рисует разных животных, по одному только письменному названию их, которое кладется кем-либо из зрителей в запертый ящик, до которого никто, кроме самого вкладчика, не дотрогивается.

Исчисляет общие итоги рядам числ, писанных кем-либо из зрителей, и то с осторожностию, чтобы никто из окружающих его того не заметил, и показывает их зрителям.

Показывает частные числа, происходящие из арифметического деления, когда две особы из зрителей напишут порознь, на двух разных бумажках, один делимое число, другой же делителя — равным образом уничтожает и вычитает и даже по требованию решает первоначальные математические задачи...»

Удивительно, удивительно, и еще раз удивительно! Мы нарочно привели все это в подробности для провинциальных читателей; пускай их подумают да рассудят на досуге, — а между тем сами пойдем удостовериться во всех этих чудесах... Сверх того, в Детском же театре г. Родольф будет показывать *«Головы мемнонические»*. Вот что говорит о них афиша:

«Две головы, свободно и без всякого прикосновения на сцене висящие на лентах, дают ответы на каждый вопрос, когда кто-либо из зрителей предложит таковой, и то как можно тише и притом на ухо, одной из этих голов, тогда другая, противоположно висящая, отвечает на оные же; когда же зрители пожелают, то на эти же изустные вопросы могут получать, из рук автомата Эльфодора, письменные ответы, которые и будут показаны всем прочим зрителям.

Этими же головами производит г. Родольф и другие весьма занимательные эксперименты, которых он здесь не описывает, в намерении произвести неожиданные впечатления в заключение всего представления.

Вопросы, предлагаемые как автомату, так и мемноническим головам, как письменные, так и словесные, должны быть на французском языке. Цена местам два рубля серебром...»

Нет сомнения, что петербургская публика поспешит взглянуть на все это — да и, признаться, сто́ит!.. Цена (2 руб⟨ля⟩ сер⟨ебром⟩), если судить сравнительно с предстоящею занимательностию зрелища, очень невысока, за что нельзя не поблагодарить г-на Родольфа...

— У нас укоренилось ошибочное мнение, будто в провинциальных городах наших вовсе не заметно литературного движения. Помилуйте! Давно ли вышел «Архангельский историческо-литературный сборник»?.. А теперь на днях мы получили еще письмо из Калуги, которое одно в состоянии разуверить всех, кто придерживается мнению, будто в наших провинциях господствует литературный застой. И письмо это, и приложенное при нем объявление спешим представить читателям как факт чрезвычайно любопытный:

«Милостивый государь А. А.!

О том, что г. Славин — философ, поэт, актер, литератор, вам известно, и говорить было бы излишне. По

поводу этой-то известности я решаюсь послать вам прилагаемый при сем новый плод творческого гения господина Славина как библиографическую редкость, достойную быть сообщенною читателям вашей газеты. При сем не лишним считаю присовокупить, для вящего уразумения декларации замысловатого литератора, что творец биографии Шекспира ныне режиссер калужского театра и разыгрывает с огромным успехом шекспировы драмы, начиная с „Гамлета“, „Отелло“, „Лира“ и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩; вследствие чего и пользуется местною неувядаемою сценическою славою. Но г. Славин — человек всеобъемлющий, как это уже выше помянули мы, и вот он издает литературное воззвание к жителям Калуги, — утешимся!..

Примете, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уверение в истинном к вам уважении и пр. N. N.».

А вот и самое объявление, присланное неизвестным нашим корреспондентом при этом письме:

«Печатается и в скором времени выйдет в свет книга: „Шекспир. Сочинение А. П. Славина, издание третие, пересмотренное и умноженное“. Книга эта будет издана со всею типографскою роскошью, на веленевой бумаге, украшена бордюрами, портретом Шекспира и великолепною трехколерною оберткою.

Вот что писал о втором издании этой книги известный литератор А. А. Митьков в одном из № „Ведомостей“ 1842 года:

„Жизнь Вильяма Шекспира, английского поэта и актера, с мнениями о нем и об его творениях русских и иностранных писателей. М., 1841 г., в 64-ю долю, издание второе, значительно умноженное, с портретом Шекспира.

Если мы с участием перелистываем страницы жизни каждого, кто только ознаменовал чем-нибудь особенно достойным свое земное поприще, то с каким же восторгом, с какою благоговейною радостью должны мы взяться за жизнь Шекспира, за жизнь того, который, по словам Гёте, в области высокой драмы был огромен, как мир, разнообразен, как природа!.. Благодарность от лица всех благонамеренных людей, благодарность молодому талантливому артисту г. Славину за мысль познакомить русских с жизнью мирового поэта, тем более что она, сколько позволяли средства г. Славина,

исполнена им добросовестно, с чистою любовью к делу и написана прекрасным языком, языком, каким еще немногие у нас пишут. Жаль, что наши господа журналисты ничего не сказали нам дельного о г. Славине как о молодом артисте и писателе!.. Мы видели г. Славина в „Гамлете“ и в „Кине“ и очень жалеем, что давно не видим его в подобных ролях, а он был прекрасен, особенно в „Кине“, лучше многих старых артистов!.. Еще раз благодарность г. Славину за биографию Шекспира!

Аполлон Митьков“.

Подписка на эту книгу принимается у самого автора А. П. Славина, (в Калуге) в доме купчихи Иевлевой и в конторе театра во время спектакльных дней. Книга будет роздана подписавшимся в конце сего 1844 года.

Подписная цена за экземпляр три рубли серебром. Имена особ подписавшихся будут напечатаны при книге».

Каково? Удивительно, удивительно и еще раз удивительно! Благодарим неизвестного корреспондента за этот любопытный акт. Из него мы узнали, что существует где-то *известный литератор* Аполлон Митьков, который прославляет г. Славина в каких-то «Ведомостях», и что подействовали же наконец хоть сколько-нибудь на г. Славина, как на актера и сочинителя, критики журналов, заставив его из Москвы, где он так жестоко сочинял и играл, перебраться сочинять и играть шекспировские роли в Калугу!

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

⟨I⟩

⟨19 октября 1844⟩

В Петербурге теперь делают три дела: слушают Рубини, Тамбурини, Кастеллан, Унануе и Виардо, смотрят Щепкина на Александрынском театре и посещают годичную выставку Академии художеств. Главные предметы, обращающие на себя внимание на этой выставке, — картоны или эскизы образóв, которыми украшен будет Исаакиевский собор. Три залы заняты трудами

гг. К. Брюллова, Басина, Рисса, Шебуева, Маркова, Алексеева, Завьялова, Плюшара, Шамшина, Никитина, Неффа, Ф. Брюллова, Майкова, Дузи и Живаго, назначенными для этой цели. Особенное внимание знатоков привлекают шесть морских видов в разные поры дня и ночи г. Айвазовского. Столько поэзии, естественности и прелести в этих картинах, что выше и художественнее их в этом роде едва ли что-нибудь можно себе представить. Эти картины были уже на парижской художественной выставке и там произвели необыкновенный эффект. Есть и еще на этой выставке значительное количество картин разного рода, более или менее замечательных. «Бородинская битва», написанная мюнхенским художником г. Гессе; «Взятие Варшавы» г. Коцебу. Г-н Тыранов выставил две восхитительные женские фигуры — одну полуобнаженную, а другую в итальянском костюме — и мужской портрет; все эти три произведения привлекают особенное внимание. Далее, нельзя не приостановиться перед «Испанкой на балконе», сюжетом которой послужило известное стихотворение Пушкина. Замечательные женские портреты гг. Неффа и Штейбена. Из пейзажей особенно хороши «Семь видов Италии и Востока» братьев Чернецовых, делавших эти виды с натуры, и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩... Но мы еще поговорим подробнее об этой выставке и о некоторых, особенно замечательных картинах, ее украшающих. Теперь ограничимся этим неполным перечнем и скажем несколько слов о некотором художественном издании, которое в скором времени должно явиться в нашей литературе. Это «Живописная Украйна» — издание, предпринятое г. Т. Шевченко с целию знакомить Великороссию с Малороссиею. В состав этого издания будут входить рисунки трех родов: 1) Снимки с мест, примечательных по красоте, с исторических древних укреплений, монастырей, памятников. 2) Рисунки, в которых будет передаваться характер народного малороссийского быта в настоящее время; представлены будут народные костюмы, сцены из песен, преданий, поверий и пр. 3) Рисунки чисто исторического содержания; этот отдел обоймет только времена казацких войн. «Живописная Украйна» будет выходить в числе двенадцати эстампов в год; в нынешнем году появятся шесть эстампов, из которых три уже готовы и вскоре должны выйти. Вот их содержание: а) «Сельская сходка»; б) «Чигиринские

дары»; в) «Ландшафт в окрестностях Киева». Рисунки делаются самим г. Шевченко, хорошо знающим малороссийскую природу, историю и старину, и гравируются *на меди*.

К Новому году готовится много новостей, из которых иные вы уже знаете; носятся слухи, что один из известнейших наших писателей намерен издать великолепный альманах, но о составе его мы еще поговорим; теперь скажем только, что там будет помещено много нигде не напечатанных пьес Лермонтова в стихах и прозе. Иллюстрированные издания, предпринятые книгопродавцем Ивановым: «Очерки Южной Франции», «Тарантас», «Физиология Петербурга», — деятельно подвигаются вперед. Мы уже видели вырезанные на дереве рисунки к «Тарантасу» графа Соллогуба: они восхитительны. Видели мы также картинки к «Памятной книжке», издаваемой ежегодно Военною типографиею. Эти гравюры, недавно полученные из Англии, прекрасны. Содержание их следующее: «Памятник на Тарутинском поле»; «Дворец ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны в Санкт-Петербурге»; «Дворец гросс-герцога в Дармштадте»; «Александровский дворец в Москве»; «Петровский дворец в Москве»; «Лагерь под Герменчуком в Большой Чечне»; «Церковь Благовещения пресвятыя Богородицы лейб-гвардии Конного полка в Санкт-Петербурге»; «Бег на Неве в Санкт-Петербурге».

Вышла недавно четвертая часть «Стихотворений Лермонтова», в состав которой вошли все пьесы, отысканные и явившиеся в «Отечественных записках» после издания первых трех частей.

Г⟨оспода⟩ Пушкарев и Гедеонов издали первый том «Описания Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях». В этом томе помещено описание Новогородской губернии. Мы поговорим о нем в отделении «Новых книг». Г-н Бурнашев издал новую книжку «Воскресных посиделок»...

Напомним читателям, что сегодня на Александрынском театре будет бенефис режиссера Куликова. Об этом бенефисе мы подробно говорили в прошлом нумере...

⟨2⟩

⟨26 октября 1844⟩

«В настоящем положении нашей образованности, — сказано в одном объявлении, — еще не имеющей возможности принять национальных форм, многие читатели русских книг не могут не чувствовать потребности словаря, который служил бы им пособием для уразумения иностранных слов, попадающихся в произведениях нашей современной литературы. Как ни достойно сожаления, что мы должны прибегать к такому заимствованию, — нельзя, однако ж, не согласиться, что множество иностранных слов сделались для нас почти единственным или по крайней мере самым ручным обиходным оружием для выражения наших понятий; при всем том, эти слова не всякому понятны» и т⟨ак⟩д⟨алее⟩. Во уважение всех этих причин, некто г. Н. Кирилов возымел намерение издать «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Словарь выйдет в свет в конце нынешнего года. Чем скорее, тем лучше. В подобном словаре действительно чувствуется нужда огромная и настоятельная. Не все знают иностранные языки, не все имеют время и средства наводить, при случае, необходимые справки; оттого нередко иные понимают навыворот, иные просто бросают, не дочитавши, книги дельные и полезные. Нужно желать только, чтоб выполнение «Словаря» соответствовало прекрасной цели. Словарь, по обещанию издателя, будет заключать в себе термины, наиболее употребляющиеся в изящной литературе и в ученых сочинениях нетехнического содержания. В состав его войдут около 4000 слов, объясненных кратко, но с возможною ясностию — «не только для читателей совершенно образованных, но и для молодых людей, еще не кончивших полного курса наук». Из мифологии будут в подробности определены те собственные имена, которые часто встречаются в зодчестве и в литературе нашего времени. Слова, означающие монету, меру и весы известнейших европейских государств, как слова, встречаемые в нашей литературе, также войдут в состав «Словаря» и будут приблизительно сравнены с употребляемыми в России. — Для желающего найти подробные объяснения при конце книжки будет приложен алфавит, *с переводом* каждого слова на тот язык, из которого оно перешло к нам. Этот указатель

облегчит разыскание в обширных иностранных лексиконах или в тех специальных учебниках, которые служили источниками для составления «Карманного словаря». Сверх всего этого, в «Словаре» будет еще отделение, о котором издатель говорит следующее: «Что касается до определения наук, то издатель счел нужным составить особенную алфавитную энциклопедию, в которой коротко и ясно излагается история каждой науки и ее современное состояние. Он приведен был к такой мере тем, что в массе публики господствуют, по большей части, устарелые понятия о науках, чтó немало препятствует читателям уразумевать надлежащим образом взгляд и направление современных писателей. Посему при определении наук, рассматриваемых в их современном развитии, нельзя было не упомянуть сколько-нибудь об их истории — так, чтобы те, которые имеют о той или другой науке понятие, не соответствующее ее современному значению, легче могли усвоивать себе новейшее воззрение». Все это, вместе с *образчиками объясненных слов*, приведенными в объявлении, заставляет надеяться, что «Словарь» будет именно таков, в каком есть надобность. Он выйдет в свет не позже 20 декабря нынешнего года...[1]

Вот единственная *новая* литературная *новость*, которую мы с удовольствием поспешили сообщить читателям... Теперь должны обратиться к старым, то есть таким, о которых уже говорили. Нам доставлен список важнейших статей, приготовляемых для первых нумеров «Финского вестника», журнала, долженствующего, как известно уже читателям, с будущего года в известные сроки являться в публику. Вот эти статьи. «Лоцман», повесть Н. Кукольника, из времен Петра Великого. Эта повесть будет напечатана в первом нумере. — Исторические бумаги Густава III, вскрытые в Стокгольме, по его завещанию, в прошлом году. — Финляндская война 1741—1742 годов, статья, заимствованная из достоверных шведских источников. — Сочинение шведского короля Оскара о преступлениях и наказаниях. — Взгляд

---

[1] Подписка принимается у издателя (Н. С. Кирилова): на Петербургской стороне, близ Тучкова моста, в доме К. Семенова, и у книгопродавца А. И. Сорокина, в Гостином дворе, по Невскому проспекту, под № 19. Цена «Словарю» для подписавшихся до 1-го декабря 1 руб⟨ль⟩ 50 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩; по выходе же в свет книги цена возвысится ⟨*примечание Некрасова*⟩.

на философию, жизнь и учение известного шведского визионера (ясновидца) Сведенборга. — Век Христины и Декарта. — Исторические доводы о происхождении руссов, из шведских и датских источников. — Результаты ученых трудов и изысканий Шведской академии и Копенгагенского общества северных антиквариев. — Исландские саги, — более или менее связанные с историею России, — обработанные историком Гейером. — Собственноручные записки Линнея и Тихо де Браге. — Письма Карла XII, Густава Адольфа и Густава Вазы. — Филологические наблюдения над составом северных языков. — Исландия и Лапландия. — Финские легенды. — Древний быт руссов. — Современное состояние северных государств Европы в нравственном и ученом отношении. Сверх того издатель обещает переводы лучших произведений знаменитых северных поэтов — *Эленшлегера*, *Тегнера*, *Францена*; переводы из замечательнейших нувеллистов и романистов Скандинавии и Дании *Альмквиста*, *Спельмана*, *Меллина* и других; ученые статьи Берцелиуса и знаменитых скандинавских естествоиспытателей; наконец, статьи известных русских повествователей и ученых. При таком богатстве материалов издателю нетрудно будет выдавать книжки на славу. Нет сомнения, найдутся любознательные люди, которые будут весьма рады случаю ознакомиться с литературами Швеции и Дании, столь мало у нас известными. Он может также принести пользу и тем читателям, которые ищут в журналах так называемого «препровождения времени», дать пищу разнообразную и *свежую*: все бывшие у нас доныне журналы брали преимущественно материалы из литератур французской, немецкой и английской; «Финский вестник» обещает переводить романы и повести с датского и шведского. Пожелаем же ему успеха; путь только хорошо делает свое дело — читатели найдутся.

Из театральных новостей скажем о бенефисе г. Каратыгина 2-го, долженствующем быть 31 числа этого месяца. В этот бенефис представлены будут следующие пьесы: «Импровизатор», оригинальная драма в стихах и прозе, соч⟨инение⟩ Н. Кукольника, «Городские слухи», комедия, соч⟨инение⟩ М. Загоскина. Первая пьеса совершенно новая; вторая уже известна некоторым читателям из «Москвы и москвичей»; обе пойдут в бенефис г. Каратыгина *в первый раз*. Затем будет еще представлена,

в первый раз по возобновлении, пьеса князя Шаховского «Ссора, или Два соседа», в которой роль Вспышкина будет играть Щепкин, уезжающий из Петербурга 1-го ноября. Затем — сцена из «Наталки Полтавки» И. Котляревского и, в заключение, водевиль, переведенный с французского самим бенефициантом, под названием «Тамбур-мажор». Публика наша так любит г. П. Каратыгина как хорошего актера и умного водевилиста, что приглашать ее в этот бенефис было бы излишним. Она сама, без сомнения, поспешит воспользоваться этим новым случаем доказать г. Каратыгину свою признательность.

⟨3⟩

⟨2 ноября 1844⟩

Спешим обрадовать публику отрадным известием: вышел «Фауст», *трагедия* Гёте, *перевод первой и изложение второй части*, М. Вронченко. Мы скоро будем говорить об этом переводе подробно, а теперь, для первого знакомства с ним, представляем публике предисловие переводчика.

«Предлагаемый ныне русским читателям „Фауст“ есть перевод первой и изложение второй части Гётевой трагедии.

Первая часть переведена вполне, с некоторым только изменением немногих мест, допущенным по необходимости. Все такие места означены в примечаниях.

При переводе обращалось внимание: прежде всего на верность и ясность в передаче мыслей, потом на силу и сжатость выражения, а потом на связность и последовательность речи, так что забота о гладкости стихов была делом не главным, а последним. Разумеется, что это общее правило, принятое переводчиком вследствие внимательного изучения подлинника, не могло остаться без исключений, иногда выражение уместное предпочтено сильному, но несообразному с характером говорящего лица; иногда бойкости оборота или стиха пожертвовано формою мысли, если, то есть, мысль не изменилась чрез то в своей сущности; иногда наконец, хотя и редко, верность поэтическая признана важнейшею, нежели близкая передача подробностей. В примечаниях означены как подобного рода отступления, так

и места, которые в подлиннике неясны и могут быть понятны иначе, нежели как они выражены в переводе.

Во всем, что касается до размера стихов и рифмы, образцом служил подлинник; только встречающийся в нем кое-где старинный немецкий размер (Knittelverse), похожий на наш народно-сказочный, заменен ямбом, да в стихах вольных определение числа стоп предоставлялось случайностям смысла и выражений.

Переводчик почел за нужное познакомить читателей и со второю частию „Фауста", которая у нас поныне известна только понаслышке да по суждениям, выписанным из немецких толковников; без того первая часть, несмотря на отдельную свою полноту, все оставалась бы отрывком, и каждый при конце чтения имел бы право спросить: что же далее? — Точным переложением второй части он заняться решительно не мог, потому что не нашел в себе потребных на то ни сил, ни терпения, ни даже охоты; превратить же пьесу в рассказ значило бы передать другим не сочинение Гёте, а впечатления, им на рассказчика произведенные. Выйти из этого трудного положения помогло переводчику особенное благоприятное обстоятельство, а именно почти сплошная многословность, по которой вторая часть „Фауста" едва ли не столько же замечательна, сколько первая по сжатости: оказалось возможным выразить мысли, заключающиеся в речи каждого лица, с такою убавкою слов, что пьеса в целом делается короче подлинника, кажется, вчетверо. Так и составлено прилагаемое изложение. В нем сцены три рассказаны вкратце, по причинам особенным; все же остальные сохранили свой драматический вид, порядок речей и, можно сказать, все мысли, стоящие сохранения. Тут, конечно, потеряна цветистая раскраска слога, но взамен ее приобретена краткость и, следственно, облегчено чтение для многих, которых бы испугали длинноты полного прозаического перевода. В этом трудно не удостовериться, просмотрев образчики, помещенные в примечаниях третьем, восьмом, семнадцатом и девятнадцатом.

К переводу и изложению прибавлен, наконец, „Обзор" обеих частей трагедии, как вспомогательное для недосужных читателей средство объять пиесу в полном ее составе, сличить развитие предмета с основными данностями и таким образом оценить Гётева „Фауста" без

предубеждения, самим, не прибегая к бесконечным немецким комментариям.

Еще несколько слов о первой части. В переложении пиесы, подобной „Фаусту“, переводчик (как уже замечено выше) верную передачу мыслей почитает за дело главное, необходимое, особенно же там, где мысли тянутся, так сказать, цепью, которая перервалась бы от порчи даже одного какого-либо звена своего. Он, сверх того, полагает, что дело это почти всегда исполнимо, если только сущность каждой признаваемой за такое звено мысли становится выше, нежели все прочие достоинства изложения; следственно, он должен принять и принимает на себя ответственность за верность перевода в этом смысле, но только в этом; все, что касается до качеств слога и сохранения в речах характера действующих лиц, составляет уже другого рода верность, для достижения которой недостаточно одной доброй воли, — тут переводчик не может даже быть беспристрастным судьею, не только что отвечать за успех усилий».

В Детском театре, как мы уже говорили, известный престижитатёр Родольф показывает *политехно-магический автомат Эльфодор и мемнонические головы*. Мы были у Родольфа и теперь можем смело сказать, что ничего интереснее, загадочнее, необыкновеннее в этом роде публика наша еще не видала. Автомат, сделанный Родольфом, имеет много качеств, общих нам с вами, имеющими честь именоваться людьми, и много таких, которых мы не имеем. Например, он обладает способностью в одну минуту сделать сходный портрет известного лица, которое вы задумаете: то есть, говоря яснее, из многих карт, на которых написаны имена известных лиц, вам сто́ит выбрать одну и положить ее к себе в карман или (как принято) в портфёль, находящийся на небольшом столике, не показав ни автомату, ни его хозяину, Родольфу. Через минуту портрет готов, и если вы избрали лицо, с физиономией которого хорошо знакомы, то будете иметь случай удивляться дарованию и искусству автомата, рисующего портреты получше многих живописцев — не автоматов. То же, что́ мы сказали о портретах известных лиц, должно разуметь и о животных. Вам сто́ит только выбрать карту с именем какого-нибудь животного, соблюдая опять ту же предосторожность, то есть не показывая никому выбранной карты, — и через минуту автомат представит вам нарисо-

ванное им изображение этого животного. Если вы подумаете, что за него кто-нибудь рисует, то весьма ошибетесь: вам предоставляется право стоять во все время рисования подле автомата и наблюдать за каждым его штрихом. Удивительно, как он может рисовать, но еще более удивительно, как он может угадать человека или животное, которое вы хотите видеть нарисованным. И, однако ж, во всем этом нет никакого сомнения; в доказательство мы, быть может, представим читателям «Лит⟨ературной⟩ газеты» политипажный снимок с некоторых портретов, сделанных автоматом. Сверх того, автомат угадывает еще карту, выбранную вами, с названием человека или животного, и тотчас пишет — какая эта карта, чтó и показывается, подобно всем его работам, каждому зрителю. Пишет он довольно хорошо, хоть и небрежно, как человек, чувствующий свое достоинство и не обязанный заботиться, чтоб написанное им было слишком разборчиво, — но с небольшою странностию, от правой руки к левой, и притом, как говорится, *кверху ногами*. Обладает он также замечательными сведениями в арифметике и удивляет быстротою соображения, решает в минуту такие задачи, на решение которых обыкновенному, впрочем хорошо знающему арифметику, человеку потребовалось бы четверть часа. Задайте ему вычитание, сложение, умножение во сколько бы ни было цифр — он даст вам удовлетворительный ответ прежде, чем вы сами успеете приступить к разрешению своей задачи. — Что касается до его наружности и приемов, то во всем виден человек пожилой и степенный, имеющий в общем выражении физиономии нечто заставляющее думать, что он по крайней мере гофрат, чтó по-нашему значит надворный советник. Я даже думаю, что если нос майора Ковалева (в повести Гоголя «Нос») действительно когда-нибудь прохаживался по Петербургу в чине статского советника, то непременно должен был походить на автомат Родольфа; иначе я не могу его себе вообразить, хотя и люблю воображать себе этот удивительный нос. Наконец, показывает еще Родольф, между прочим, «головы мемнонические», висящие на цепочках, посередине залы, в почтительном отдалении одна от другой; головы неподвижные, бесчувственные, безмозглые — слóвом, головы алебастровые; но делаемые ими штуки могут поставить в тупик самые проницательные человеческие головы. Они умеют го-

ворить и обладают способностию слышать, что́ говорят другие. Не верите? Поезжайте в Детский театр и поговорите с ними. Я уж говорил и нахожу, что, сравнительно с головами, какие иногда встречаются в свете и каких я много знаю, — это самые сносные. Помещение автомата и голов устроено превосходно, то есть удобно и великолепно, и цена, которую берет Родольф за право посмотреть все эти диковинки, довольно умеренная. Итак, поезжайте в Детский театр: смею уверить вас, зрелище, которое вы там увидите, сто́ит десяти бенефисных спектаклей.

⟨4⟩

⟨9 ноября 1844⟩

Вы пишете и говорите, что у нас ничего *не читают*; вы утверждаете, что литература начала *крепко глохнуть*, потому что «несколько торговых домов прекратили книжную торговлю и закрыли лавки, а в иных открытых лавках не бывает ни одного покупателя». До торговых домов, закрывших лавки, нам нет дела, а вот на жалобу, что у нас ничего «не читают», мы готовы отвечать и отвечаем вопросом: «да что читать?» С каждым годом реже и реже являются дельные книги, и нынешний год в этом отношении можно назвать одним из беднейших. Вспомните, много ли вышло книг, достойных чтения?.. Только в журналах наших время от времени появляются дельные и занимательные статьи, и нельзя пожаловаться, чтоб публика не читала журналов... Итак, не жалуйтесь, что у нас ничего *не читают*; жалуйтесь, что у нас ничего *не пишут*, — и если ваши торговые дома прекращают торговлю, это не потому, что публика ничего не покупает, а потому, что им нечего продавать. Хорошее всегда найдет себе читателей. Вот вам новое доказательство. Первая часть повестей гр. Соллогуба «На сон грядущий» на днях вышла вторым изданием; несмотря на то что все эти повести были прежде помещены в журналах и напечатаны потом первым изданием в довольно большом количестве экземпляров. Кто же их раскупает, кто читает, как не русская публика? Второе издание повестей графа Соллогуба напечатано гораздо красивее первого — бумага несравненно белее, шрифт чище и четче, и, несмотря на это, экземпляр второго издания стоит столько же, сколько

и экземпляр первого.[1] Это второе издание сделано книгопродавцем А. Ивановым. Он же выпустил на днях в свет «Очерки Южной Франции и Ниццы, из дорожных записок 1840 и 1842 годов, *М. Жуковой*, в 2 частях». Эти «Очерки» изданы с таким вкусом и так роскошно, как редко издаются русские книги. Они украшены 12-ю картинами выпукло-литографированными, снятыми с натуры и изготовленными в Париже по новоизобретенному способу. Мы будем говорить подробно об этих «Очерках» в следующем нумере «Лит⟨ературной⟩ газеты». Теперь скажем только спасибо г. Иванову за прекрасное и недорогое издание: «Очерки» эти, заключающие в себе более сорока пяти печатных листов убористого шрифта и украшенные двенадцатью превосходными рисунками, сто́ят только 3 руб⟨ля⟩ 50 коп⟨еек⟩ серебр⟨ом⟩ (на пер⟨есылку⟩ прилаг⟨ается⟩ за 4 ф⟨унта⟩).

Тот же книгопродавец А. Иванов объявляет подписку на два новые иллюстрированные издания его, долженствующие выйти в декабре нынешнего года. Это «Тарантас», соч⟨инение⟩ графа Соллогуба, и «Физиология Петербурга», составленная из трудов русских литераторов. Кто видел некоторые рисунки к «Тарантасу», выставленные в магазине г. Иванова, тот согласится, что ничего лучше и великолепнее в русских иллюстрированных изданиях еще не бывало. От этих рисунков так и веет Русью, и, смотря на них, соглашаешься, что только текст гр. Соллогуба может быть для них дополнением, соответствующим их достоинству. «Тарантас» печатается на бумаге двух сортов, а потому и назначаются две разные цены: экземпляру на лучшей сатинированной *слоновой* бумаге, с раскрашенным фронтисписом, 5 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩, экземпляру на *веленевой* бумаге, тоже сатинированной, но не с раскрашенным фронтисписом, 4 руб⟨ля⟩ сер⟨ебром⟩. Кто желает получить «Тарантас» тотчас по выходе его, *из первых оттисков*, тот должен подписываться теперь, потому что экземпляры «Тарантаса» будут допечатываться в январе месяце. То же разуметь должно и о «Физиологии Петербурга». Она будет состоять из двух больших томов; цена экземпляра 4 руб⟨ля⟩ сер⟨ебром⟩.

---

[1] 1 руб⟨ль⟩ 50 коп⟨еек⟩ серебром. На пересылку прилагается за 2 фунта ⟨*примечание Некрасова*⟩.

В Александрынском театре, по отъезде Щепкина, вдруг сделалось тише. На прошлой неделе еще *со Щепкиным* был бенефис г. Каратыгина 2-го; публики было множество. Мы поговорим об этом бенефисе подробно в следующем нумере. Теперь скажем только несколько слов о капитальной пьесе бенефиса, об «Импровизаторе» г. Кукольника... или нет! — мы лучше сами ничего не скажем, а приведем слова одной газеты, которая, расхвалив пьесу, говорит следующее: «Но на земле нет полного счастья, и мы должны, по несчастью, сказать автору, что если б в этой драме было более познания сцены, или, как говорится, сценических условий, если б в роли импровизатора было несколько спокойных мест, если б характер его был развернут постепенно, то есть если б автор, представив сперва человека в нормальном положении, постепенно развивал в нем страсти, а не бросил его с первого появления на сцену в пламя, если б шуточки некстати не ослабляли действия и если б, наконец, язык был не так фигурен, то есть если б автор не слишком шекспирился, то пьеса его выиграла бы пятьсот процентов, то есть была бы впятеро лучше. Весьма замечательно, что ни одна драма Н. В. Кукольника не может обойтись без двух шутов, одного официального, в шутовском наряде, а другого партикулярного, какого-нибудь барона, поклонника Бахуса». Это так ловко и верно, что решительно нечего прибавить.

Во вторник на нынешней неделе был бенефис г. Григорьева 1-го. Чтó делалось там, скажем в свое время... Капитальная пьеса этого бенефиса, «Герои преферанса», напечатана очень красиво; ее, если угодно, можно получить (за 65 коп. сер⟨ебром⟩) в магазине А. Иванова.

ПРЕФЕРАНС И СОЛНЦЕ

(*Драма, разыгравшаяся на днях в сердце одного чиновника почтенной наружности, — в одном действии, с куплетами*)

Сцена 1

Суббота. Чиновник идет по Невскому проспекту от Полицейского к Аничкину мосту и рассуждает сам с собою.

Вот в Петербурге и солнце! Надо отдать справедливость петербургскому климату: он с характером и любит более всего озадачивать почтеннейшую публику. Летом, когда все ждут солнца и тепла, он наряжается в темную мантию, подбитую холодным ветром и дождевыми тучами, и величественно раскидывает ее над всею столицей. Несчастные жители, желающие пофрантить новыми летними нарядами, никак не могут понять, отчего так долго висит над их головами какое-то мглистое, серо-темное покрывало, из которого каждый день сочится мелкий, убористый и проёмистый дождь, наводящий уныние, как скучная статья, напечатанная мельчайшим и сжатым шрифтом; они, обученные разным наукам, очень хорошо знают, что по календарю на дворе должно стоять лето, и ждут лета с постоянством и терпением, составляющими отличительную черту их характера. Но петербургский климат, как уже выше сказано, себе на уме: он тоже воспитан в школе терпения и не снимает с себя осеннего наряда. Жители ждут неделю, другую, третью, месяц, два, наконец, выезжают на дачи, нарочно не топят, нарочно ходят в летних костюмах, едят мороженое, все это делают нарочно для того, чтоб показать, что они не замечают штук климата, не переставая, однако ж, втайне ждать «лучших дней», посматривать на горизонт, томиться, гадать... а он всё-таки не дает и признаков лета! Вот уж на дворе и сентябрь месяц, пора расстаться с природой, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ с дачами, пора в город, пора к занятиям и развлечениям комнатным. «Баста! верно, в нынешний год не будет лета. Так и быть, насладимся в будущее. А теперь — приготовимся к осени! Уж если лето было так пасмурно и дождливо, что ж будет осень?» И все воображают себе в приманчивой перспективе слякоть, холод, грязь и тот винегрет, который с особенным искусством приготовляется в Петербурге из дождя, снега, тумана, крупы, изморози и иных других материалов, совершенно необъяснимых уму смертного. Но ничего не бывало: климат опять отпускает штуку. Он дает небольшое тепло и выводит на небо солнце... Петербург в изумлении: скорее одевается, наряжается, летит на Невский, ловко соскакивает с экипажа на тротуар и, натягивая желтую перчатку, стремится от Аничкина до Полицейского и обратно, неся на себе все убеждения

собственного достоинства... «Bon jour! Quel beau temps!».* — Прекрасное: надо пользоваться. — «О, да! Это, верно, не надолго». — Но назавтра — опять солнце и тепло; так стоит целая неделя. Все удивляются, чиновники говорят, кладя за ухо перо: «Хорошо бы прогуляться»; журналисты, обрадовавшись находке, воспевают погоду; дворники отдыхают; но все вместе и каждый порознь думают про себя: «Оно-то теперь хорошо: зато что будет дальше! Ох, ох, ох... А уж приударит на славу: по всему видно». И опять ожидания обмануты! Кто купил себе новый зонтик, или резиновые калоши, или непромокаемый плащ, те начинают уж опасаться за издержку капитала, брошенного на полгода без процентов... На дворе каждый день сухо, на дворе тепло, на дворе светло, «как в сердце женщины», мог бы я прибавить, если б не было уже достоверно известно, что там «темно». «Что это значит? Вот ноябрь! Начались морозы — зима; следовательно, осени не будет?» — спрашивает один молодой человек с пожилой наружностью у другого, которого наружность неизвестного возраста. — «Не знаю, mon cher! ** А, может быть, отложили до зимы...» — «Quelle idée!..» ***

Таков-то петербургский климат!

Что до меня лично, я потому только не люблю осенью солнца, что оно пробуждает в душе совершенно неуместные и несвоевременные стремления —

В оный таинственный свет

и кроме того рождает какую-то тень укоризны и раскаяния... «Как! — думаешь себе, — вот взошло великолепное солнце; природа пробудилась от летаргического сна; она *ликует*; надо бы по чувству долга человека *идти в поле* и праздновать там сей радостный праздник; по крайней мере надо бы идти хоть на Невский: а ты куда идешь? а? куда ты идешь?.. Ты идешь заключиться в душные четыре стены, между мертвых хартий и вековой пыли, ты идешь в архив!..» и пр. и пр. Или еще и такие мысли приходят в голову: «Вот взошла бледноликая луна; ночь тиха, и природа дремлет в величе-

* Здесь: Славный денек! Какое хорошее время! (*франц.*).
** милейший (*франц.*).
*** Что за мысль! (*франц.*).

ственном покое... Успокойся и ты, человек; ты, дитя природы... Но увы!.. Вместо успокоения, вместо сна, к чему ты стремишься, человек?! Куда ты направляешь поспешные шаги свои?.. Туда, где в душной комнате расставлены зеленые столики, зажжены свечи, разложены мелки... Не звезды бледно мерцают в очах твоих: тебе мерещатся взятки, висты, консоляции... О, человек, человек!»

Да, право, такие всегда рождаются у меня печальные мысли, когда я не в свое время увижу на небе солнце... То ли дело, как еще с ночи зарядит на дворе *этакое — какое-то такое*: и дождь, и снег, и ветер — любо! Проснешься и, взглянув в тусклое окно, думаешь сам себе: нынче на дворе прегадкая погода, то есть такая гадкая, что, кроме преферанса, ничем нельзя и заняться... Нельзя! ну, чем вы можете убить тоску такой погоды?.. А в преферанс, должно быть, хорошо...

Да; преферанс как нарочно создан для такой погоды... Уж не заняться ли им с утра?.. В самом деле, куда деть время!.. Кто в этакую погоду станет выходить в архив?.. Не пойду... нет, лучше я отправлюсь к Петру Тихоновичу; он же кстати живет с братом: вот и партия.

(*Приходит домой, надевает халат, закуривает трубку и ложится на кровать.*)

Сцена II

Чиновник и потом Таинственный голос.

Чиновник (*протягиваясь*)

А когда на небе солнце, совсем не то... вот и сегодня у меня такие мысли, такие мысли... всё преферанс да преферанс, думаю я... Как будто нельзя ничем дельным заняться? Стыд! срам!.. Недаром и в книгах смеются, и комедию сочинили. Правда, приятно, но я совершенно согласен с учеными: для души ничего нет... не буду-ка я играть в преферанс! не буду!.. Оно и денег больше останется, и времени, — ну и то и другое... Прощай, преферанс! прощай навсегда... знаешь ли? мне даже хочется сочинить на тебя стихи.

Таинственный голос

Как, на меня... стихи? и, конечно, похвальные?

Чиновник

Увы! нет! Таков уже человек, что если он пишет стихи, то непременно напишет их и на дядю, и на тещу, и на приятеля... я уж на всех написал, и теперь...

Таинственный голос

Но на меня?.. Подумал ли ты, на кого поднялось дерзкое перо твое, подумал ли ты?.. На меня?..

Чиновник

Да, на тебя.

Таинственный голос (*грозно*)

Замолчи, дерзновенный! подумал ли ты, что говоришь?.. Против кого вооружаешься ты? Что бы ты был без меня, и был ли бы ты без меня?.. Не я ли тысячу раз выручал тебя в тяжелые минуты? Не ко мне ли бежал ты, когда нападала на тебя черная немочь и был ты чернее тучи, и уже ясно становилось тебе, что нечего делать... Не ко мне ли бежал ты, как сын, припадающий в скорбный час на теплую грудь матери, и не всегда ли спасал я тебя?.. Не я ли учил тебя переносить терпеливо удары судьбы, быть смиренным в счастии, спокойным в несчастии, брать взятки хладнокровно, осторожно и ни на минуту не забывать, что скоротечно и несчастье и счастье, что рушатся города, тонут пароходы и корабли, изменяет любовь, обманывает слава, улетает, как призрак, радость, — и остаются одни только ремизы, холодные и неумолимые, как судьба, — остаются вечными пятнами упрека на кармане и на душе, ночью, подобно бледным и страшным привидениям, приходят будить человека от сладкого сна, вырывают его из объятий любимой матери, нежной супруги, достойных друзей, подливают отравы в его утренний кофе, в семейное счастие, в обязанности служебной деятельности?.. И ты вооружаешься против меня,

ты, человек благоразумный!.. Отрекись, отрекись от дерзостных слов твоих, или на главу твою, подобно льдистым лавинам, стремящимся с высоты гор, низвергнутся бедствия, какие только есть во власти моей!.. Огненным дождем ослепленные, в ужасе закроются очи твои, туман помрачит слабый рассудок твой, и от края до края, в безумном смятении, испишешь ты весь зеленый стол цифрами собственного своего приговора... и не стереть тебе их, не стереть до конца дней твоих... Жена не узнает тебя, когда ты вернешься домой; собственные дети отвернутся от своего отца, самый пес твой, который, бывало, встречал тебя радостным вилянием хвоста, завоет при входе твоем, как будто чуя покойника!.. Отруби, отруби скорей нечестивую руку свою, посягнувшую на дело позорное, ты — мой сын, мой единственный сын, потому что я не уступлю тебя никакому другому делу (да, благо, и нет его у тебя!). С помощию одной, которая останется у тебя, руки ты еще можешь сдавать карты, брать взятки, записывать ремизы... но когда отречешься от меня позорно и неблагодарно — что будешь делать ты? Страшная, страшная участь ожидает тебя!..

Чиновник (*весь бледный, с ужасом*)

Знаю, всё знаю... но уже поздно: стихи готовы! бес вдохновения овладел мною; уже он держит меня в своих страшных когтях и щиплет за язык раскаленными щипцами... Мне скучно! мне грустно! мне надобно разрешиться стихами... а там — будь что будет!

Таинственный голос

Молчи!

Чиновник

Не могу молчать... я тебя ненавижу, я тебя проклинаю!.. (*Становится в позицию и начинает декламировать*)

И скучно, и грустно, и некого в карты надуть
В минуту карманной невзгоды...
Жена?.. но что пользы жену обмануть —
Ведь ей же отдать на расходы!

Засядешь с друзьями, но счастия нет и следа,
И черви, и пики, и все так ничтожно.
Ремизиться вечно не стоит труда,
Наверно играть невозможно!
Крепиться!.. но рано иль поздно обрежешься вдруг, —
Окончишь — ощипан как утка...
И карты, как взглянешь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка!..

Таинственный голос

Свершилось! Пустая и глупая шутка?.. и ты не шутя говоришь это? не шутя?.. Подумай еще о том, что ты сделал... день даю тебе на размышление: я добр! Завтра зван ты к Кручинину... не придешь — ты погиб! Уже на весах судьбы давно жизнь и смерть твоя... уже весы колыхаются... приходи... мне жаль тебя... «Не приду... У меня есть дело»... Какое дело?.. нет у тебя дела! ну, что ты будешь делать?

Чиновник

А в самом деле, что я буду делать?

Сцена III

Воскресенье. Чиновник возвращается домой часу в первом ночи, входит в спальню и говорит, раздеваясь:

...Проигрался! у этого Кручинина мне всегда несчастие... Вот завтра пойду к другому, авось там отыграюсь...

Ложится спать. Комната наполняется видениями, которые в виде фигур различных мастей носятся над головою героя. Между ними и Таинственный голос во фраке, на котором вместо пуговиц — восемь червей и два туза, что всё вместе представляет эмблему высочайшего человеческого счастия — десять в червях.

Таинственный голос

(*над ухом засыпающего, мелодическим голосом*)

Грешник великий,
Ты обратился!
В черви и пики
Снова влюбился!
Вновь предо мною

Клонишь ты выю...
Ты ль, дерзновенный,
Думал спастися?..
Раб мой презренный,
Впредь берегися!
Жатвы богаты,
Жать не умеешь!..
Если врага ты
Злого имеешь, —
Дерзки поступки
Брось и смирися!
Тайны прикупки,
Тайны ремиза,
Вражьи уловки,
Сердце их, душу, —
Сколько ни ловки, —
Всё обнаружу!..
Спи же спокойно!
Раньше проснися,
Благопристойно
Принарядися.
Минет день скучный,
Мрак воцарится;
Року послушный,
Сядь равнодушно —
Бойся сердиться!
Бойся свихнуться,
Бойся ремизов...
Можешь вернуться
С тысячью призов!..

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

⟨24 декабря 1844⟩

Между тем, как мы поигрываем в преферанс и слушаем итальянскую оперу, время беспощадное, неумолимое, как сказал бы поэт, идет себе да идет безостановочно, с точностию неукоснительной, как сказал бы иной чиновник... Время идет, но мы идем ли за временем? Без всякого сомнения! . . Доказательств этому тысячи на каждом шагу. Петр Иваныч в прошлом году получал тысячу двести рублей жалованья и имел только одну лошадь, нынче он имеет уже две лошади и смотрит так, как будто получает двенадцать тысяч; у Ивана Карпыча в прошлом году был подбородок только в два этажа, и он, хотя с некоторым усилием, проходил в одну половину дверей, теперь у него на подбородке прибыла еще складка, и если дверь не отворена настежь, его случается «выпирать», как выперли

Ивана Никифоровича, когда он завяз в дверях миргородского суда; Алексей Степаныч в прошлом году утверждал, что ничего на свете не может быть лучше жареной индейки с труфлями, теперь он утверждает, что, несмотря на упадок вкуса, в отечественной литературе нашей есть много произведений, которыми может гордиться всякая литература; значительное лицо, действующее в повести «Шинель», наведывалось прежде к Обухову мосту, теперь оно предпочитает ездить к Чернышеву и иногда к Самсониевскому; Карп Иваныч в прошлом году страшно проигрывал в преферанс, в нынешнем он в значительном выигрыше; у Каролины Федоровны прибыла морщинка на лбу и убыло одним обожателем; Терентий Степаныч в прошлом году был титулярный советник, в нынешнем он уж коллежский асессор; Гордей Петрович, Прасковья Павловна и сотни подобных им благонамеренных чиновников и благоприличных дам совсем не умели есть в прошлом году, в нынешнем они едят так, что даже иногда являются на их обеде люди, которые решительно неспособны к разговору о капусте и огурцах и вовсе не имеют охоты запасаться такими сведениями. А все отчего? Оттого, что нынешний год дал нам доктора Пуфа... И так далее и так далее; словом, куда ни оглянись, перемен тьма. . . Есть, правда, и явления противные, но все-таки не чуждые некоторого значения. В прошлом году играли в преферанс без приглашений и консоляции отдавали сдающему, в нынешнем играют с приглашением и консоляции отдают приглашающему; в прошлом году нельзя было решительно достать места в Итальянскую оперу тому, кто не абонировался, в нынешнем это возможно, — шаг вперед несомненный! Люди, которые прежде считали за долг восхищаться оперой, хотя бы им там было и скучно и как-то неловко, и думали, что, не побывав раз в опере, они проиграют во мнении общества, победили в себе этот предрассудок и теперь идут туда, куда влечет их наклонность. Повторяем: мало, очень мало явлений, которые обнаруживали бы застой. Не говорите мне, что мы так же точно, как в прошлом году, ходим по Невскому проспекту, заложив руки в карманы и рассуждая о преферансе и о том, чтó прибыло на шее у Ивана Семеныча или Карла Кондратьича, что мы — как выразился один писатель — по-прежнему делаем «ничего» с такою озабоченною торжественностию, как будто делаем очень много. Я этого слышать не хочу; мы делаем, что делается, чтó

хочется делать, чтó приятно нам делать. . . Иной вопрос, если б мы делали это, как говорится, *через силу*! Но я стою на том, что, если б у нас отняли карты и подсунули нам вместо их какую-нибудь другую игрушку, многие из нас были бы глубоко огорчены, а другие совсем не знали бы, что им делать: потому что есть такая пора в жизни, достигнув которой человек лишается всякой возможности к какому-нибудь повороту. Доказательство у меня налицо: люди, которые провели за вистом лучшую пору жизни, и теперь играют в вист, несмотря на быстрые успехи преферанса и на всеобщее презрение к висту, которое не может не падать и на тех, кто остался ему верным.

Что ни говорите, я утверждаю, что нынешний год не пропадал для нас даром хоть бы и потому. . . почему, как бы вы думали?.. Потому что этот год, как я уже сказал выше, дал нам доктора Пуфа! Такие великие, освежающие и питательно-плодотворные явления выкупают многое, потому что великие люди не родятся как грибы, но посылаются судьбою чрез долгие периоды времени, когда тó, чем держалось человечество в течение многих лет, перестает быть удовлетворительным и нужно новое зерно, которое, будучи брошено на почву общественности и воспитано с терпением и рачительностию, дало бы новый, более удовлетворительный плод. В истории желудка, так же как и в истории человечества, не бывает скачков, но все вытекает из строгой необходимости. На этом основании мы решительно утверждаем, что доктор Пуф не есть явление случайное и еще менее явление, которому должно исчезнуть без следа резкого и многозначительного. Нет, он явился вследствие необходимости, вследствие *духа времени*. Наш век хлопочет о желудке, как не хлопотал ни один век. Все приносится в пользу желудка; век наш — век желудочный. . . Есть на дальнем севере страна, которая также не прочь от направления века, которая в некотором отношении даже предупредила это направление: она ест много, ест часто, и гигантские размеры брюшных полостей некоторых сынов ее могли бы заставить побледнеть желудки всей остальной Европы, — но она не умеет есть, ей нужен гений, который научил бы ее есть. . . и вот является гений, гений желудочный. . . Что может быть естественнее, разумнее, последовательнее этого явления? ...А если явление было необходимо, то и невозможно, чтоб оно было бесплодно. Цель наша была только за-

метить, что 1844 год ознаменовался явлением доктора Пуфа и что это явление имеет смысл серьезный; входить же в исчисление благотворных влияний, произведенных доктором Пуфом в течение короткого срока его развивающейся деятельности, было бы долго, потому что они неисчислимы. За особенное счастие почитаем сообщить, что деятельность доктора Пуфа не только не прекратится и в следующем году, но, напротив, усилится. Он будет по-прежнему читать лекции свои в «Записках для хозяев» при «Литературной газете». . . Впрочем, вот отрывок из последней лекции доктора Пуфа (см⟨отрите⟩ «Литературную газету», № 50), из которого можно видеть до некоторой степени результат годовых трудов оратора и цель предлежащих ему действий.

«В нынешнем году я в последний раз, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, имею честь беседовать с вами; в будущем году я вам сообщу самые замечательные письма из моей огромной переписки относительно кухонных предметов; смею надеяться, что эта переписка вам понравится еще более моих лекций, которые снискали мне общую благосклонность и столь лестную доверенность.

Целый год, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, я прилагал попечение о благе ваших желудков — легко сказать! — желудков, т. е. самых причудливых тварей в сем мире. И между тем, могу сказать без самолюбия, ни один желудок не был обманут в своих ожиданиях: кому не нравилось одно, тот находил утешение в другом — наслаждения кухни так многочисленны, так разнообразны! — Чудное дело! ни одна жалоба до меня не достигла; кто в точности исполнял мои наставления, тот никогда не заблуждался. Иные в моих лекциях обращали внимание только на рецепты; но были другие, которые изучили вполне теорию кухонного производства и, к величайшей досаде своих поваров и кухарок, уверились в следующей аксиоме, до которой я всегда старался довести моих слушателей: „*можно есть дешево и хорошо, можно есть очень дорого и очень дурно*!“

Мне известно, что многие добрые хозяюшки, по милости доктора Пуфа, перевернули вверх дном свою кухню и не остались внакладе; до сих пор многие из них не могут надивиться, отчего, *при меньших издержках*, из того же мяса, из тех же кореньев, у них теперь на столе каждый день по крайней мере *хороший суп* и *хорошее жареное* — две самые важные вещи во вседневном обеде, не говоря о других маленьких сладостях

между тем и другим; еще менее могут понять они, отчего их отцы, мужья, братья сделались гораздо милее со времени этого кухонного переворота; муж не ворчит, а с каким-то тайным любопытством садится за стол, ожидая, чему новому набралась хозяюшка от доктора Пуфа и чем она его полакомит; заметили даже, что с того времени дамы приобрели большой вес в семействе — что мудреного! Женщина перестала быть существом, *которое надобно кормить*, но сделалась существом, *которое кормит*, — большая разница! Мужья и братья поневоле укротились: они ясно видят, что в руках жены или сестры — судьба их желудков. Вот тайна, которую мы до сих пор скрывали, боясь, чтоб мужья нам не сделали помехи, теперь же, по милости кухни, жены держат мужей в повиновении, а этого нам всегда и хотелось по особой нашей преданности к прекрасному полу.

Шутка шуткой, господа, дело делом. Доходили до нашего слуха следующие толки: говорили: — „Что это такое? как можно так заниматься едою? стоит ли кухня такого внимания? ведь это не литература, не поэзия? — был бы сыт человек — вот и все тут". Эти господа не поняли, в чем дело: „Был бы человек сыт!" — говорят они, — да забывают прибавлять: „Сыт и здоров!" — а здоровье зависит от уменья есть — спросите об этом любого медика. Можно объесться и отравиться за два рубля, за полтину; можно выйти с легким желудком из-за обеда в 50 рублей. Все дело в уменьи. Да и все это вздор, все обман, лицемерие! Что притворяться — человеку мало того, чтоб блюдо было сытно, ему надобно, чтоб блюдо было и *вкусно*, и не совсем по прихоти, а потому, что если блюдо вкусно, то и переваривается хорошо в желудке; в человеке есть врожденный инстинкт, по милости которого мы, по отвращению, производимому в нас блюдом, догадываемся, что оно нам вредно.

С другой стороны, поверьте, господа, что кухня гораздо теснее связана с семейственным благоденствием, нежели как обыкновенно думают. Я боюсь на сем свете двух родов людей: голодных и тех, которые страждут дурным пищеварением. Этих людей может усмирить лишь благоразумная рациональная кухня и ничто более. Будьте уверены, что все эти, по-видимому, маленькие обстоятельства, как-то: хороший стол, меньшая издержка, здоровье — действуют сильно на все наши семейные

отношения; человек, хорошо пообедавший, меньше принимает к сердцу разные житейские огорчения; досада, словцо некстати и прочее тому подобное падает на пол; хорошо пообедавшему лень за этою дрянью нагибаться; будь он голоден — поднял бы он с полу, и эта бы дрянь росла, росла — и выросла бы с доброго слона; в этом вся тайна семейного спокойствия.

У меня есть знакомые супруги, оба прекрасные люди и, кажется, сотворены друг для друга; одна между ними была беда: жена говорила, что довольно на каждый день трех блюд, а муж говорил, что необходимо шесть; только на этом спор у них состоял; что же вышло? Начинали спорить о блюдах, а с досады заходил спор и о другом — лиха беда начать, а там и пошло, каждый день все больше и больше; кончилось тем, что нежные супруги возненавидели друг друга и разъехались; а чего больше жаль, что оба правы; жена говорила: „Не по доходам иметь нам каждый день больше трех блюд!“, а муж отвечал: „Если из трех блюд два не удадутся, что у нас часто случается, то вставай из-за стола голодным; а когда шесть на столе, тогда если не одним, так другим наведешь“. Я предоставляю вашей прозорливости догадку: чем бы и очень легко можно было помирить супругов.

Кухня — важная, едва ли не главнейшая часть домашнего хозяйства; у кого на кухне порядок, кухарка опрятна, посуда чиста, хорошо вылужена — у того и в целом доме порядок; кто знает толк в припасах, тот знает счет в деньгах; кто знает, как готовится кушанье, к тому повар не подъедет с турусами на колесах; кто понимает физические причины, отчего бульон хорош или дурен, тот, право, образованный человек и годится на многое.

Не верьте, господа, тем жеманным дамам, которые готовы всегда не только хорошо, но даже сильно и очень сильно поесть, а между тем привередничают, говорят, что они не кухарки, что им неприлично заниматься съестными вещами, что это как-то странно, как-то нейдет к их воспитанию, к их нравственности, — им бы все сидеть сложа ручки, сплетничать, да пересуживать, да наушничать. Все это ложь, господа, ложь, от которой столько бед на сем свете. Узнается дело по следствиям, дерево — по плодам; коли плод дурен, то знак, что само дерево дурно. Вот, примером сказать, немки и англичанки: они читают и Гете, и Шиллера, и Шекспира,

т. е. все то, о чем жеманные дамы едва слыхали, и играют на фортепьянах, да и не одни польки и мазурки, — а каждая немка, даже самого высшего сословия, с малолетства приучена хоть раз в неделю бывать на кухне и знать, что и как там делается. И что за жены, что за матери выходят! Будьте уверены, любезные маменьки, что иначе смотрит муж на жену, которая знает его и накормить, и успокоить, и здоровье детей сохранить, и гостей угостить, и деньги за окошко понапрасну не кидать. Жизнь наша вся состоит из мелочей; крупные обстоятельства приходятся редко, да и они — другая история; счастлив тот, кто умеет устроить свою жизнь так, чтоб мелочи-то ему не бороздили, а шли бы, как колеса в доброй машине; многое в жизни зависит от безделиц, когда эти безделицы цепляются за нас каждый день; у кого нет порядочного стола, у того жизнь неполна и при деньгах он словно нищий.

Так не брезгайте, господа, кухнею и не обижайте ее понапрасну; лучше вникните: отчего кухня существует между людьми вместе с огнем, платьем, домами, печами и со многими другими вещами, которых нет между животными? Вот вам задача; поломайте-ка голову над нею, а потом уже приступите к оценке котлеток в папильотах».

Теперь бы следовало говорить, что делается в Петербурге. Но в Петербурге ничего особенного не делается: завтра наступят праздники и все оживится; таким образом, есть надежда, что в будущем фельетоне мы найдем сообщить вам кой-что о Петербурге новенькое. Теперь же знаем только, что вышло несколько новых детских книг, о которых поговорим на днях в «Библиографии»...

1845

ВЫДЕРЖКА ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО ТЕАТРАЛА

(Материалы для физиологии Александрынского театра)

Давно уже не брался я за перо, давно не бывал в театре. . . а как подумаешь, в старину только и делал, что ходил в театр да пописывал фельетонные статейки. То-то было золотое, веселое время! Но оно прошло, прошло как и следует ему, невозвратно; и мне остались от него только воспоминания, да еще знание. . . знание неблестящее, на котором не уедешь далеко и которое досталось мне бог знает как, потому что я не добивался его и никогда о нем не думал. . . знание тогдашних театральных нравов, тогдашней театральной публики. Долго недоумевал я, что делать мне с своим знанием; наконец, один добрый человек надоумил меня: «Напиши, — говорит, — братец, что знаешь, и напечатай; авось кому-нибудь пригодится!»... В самом деле, время идет да идет; все изменяется; новое гонит со света старое, которое быстро забывается. . . забывается невозвратно. Может быть, скоро не будет человека, который помнил бы и мог передать старые театральные нравы, а между тем в них — так по крайней мере мне кажется — много интересного, много характеристического, что могло бы помочь и при изучении вообще нравов тогдашнего общества. Послушаюсь-ка приятельского совета: примусь писать записки! Сказано — сделано. Вот начало моих записок. Повторяю: все, что вы найдете в них, — дело прошлое; может быть, теперь многое изменилось, может быть также, что изменилось и очень немногое — не мое дело. Я хочу нарисовать вам очерк александрынской публики, какою была она в мое время, когда я был театралом. Начинаю.

Русская театральная публика в ту эпоху, когда я пустился в театральство, разделялась на две публики, между которыми была такая же разница, как между Михайловским театром, исключительным достоянием первой, и Александрынским, где широко и свободно разгуливала вторая. Средину между тою и другою, весьма малочисленную, составляли господа, которые в простоте понятий о патриотизме думают, что лучше зевать, восхищаясь родной посредственностью, чем проводить время в разумном и сознательном наслаждении, какое нередко доставляет посетителям своим французский театр. Замечу кстати, что такое понятие в то время было не редкость и даже находило себе отголосок в некоторых журналах, имевших привычку опаздывать книжками и еще более мнениями. . . Две публики, о которых я упомянул, никогда между собою не встречались. Первая — большею частию образованная, непременно приличная — искала в театре разумного наслаждения, выражала свои одобрения и порицания умеренно, но зато единогласно, из чего можно было тотчас заметить, что в суждениях своих руководствовалась она здравым смыслом и разборчивым вкусом. Вторая — шумная, многочисленная, нестройная — посещала театр ради того, чтоб пошуметь и похлопать. В состав ее входило так много разнородных элементов разноплеменного петербургского народонаселения, что подвести ее под общий уровень, уловить в ней общий определенный характер едва ли было возможно. Представьте себе толпу юношей, только что выпущенных из школы (а их в Петербурге ежегодно выпускается столько, что их одних стало бы на все театры), юношей, которым до того времени позволялось посещать театр раз или два раза в год, в виде особенного награждения за «отличное поведение и успехи в науках». Вдруг все эти юноши сбираются в театр: каждый из них хочет дать заметить себя, показать свой новый костюм, гигантский рост, легкий пушок на губах, — до того ли им, чтоб помнить, что такое театр?.. Возможно ли им не восхищаться?. . Не говоря уже о невзыскательности неразвившегося еще вкуса, о свойственной всем юношам способности удовлетворяться легко и скоро и о том, что тому, кто не бывал в театре, все кажется смешно и ново, даже остроты и каламбуры, повторяющиеся по обыкновению александрынских водевилистов в каждом водевиле, — одна но-

вость положения, одно чувство независимости, чувство человека, которому театр не только еще не успел надоесть, но для которого он совершенная новость, — скажите, не заставит ли все это восхищаться даже тем, от чего, быть может, прорвутся на глаза ваши слезы злости и отчаяния?..

Потом представьте себе доброго, смиренномудренного и довольного собою чиновника, вечно занятого службою. Жизнь его течет мирно и незаметно между службою, обедом, послеобеденным сном и картишками. Вдруг в один день, когда, отобедав, добрый чиновник, по обыкновению, готовится погрузиться, как говорилось в наши дни, в объятия Морфея, жена и дочь объявляют решительно, что он должен везти их в театр. Добрый чиновник не прекословит; но прежде всего он находит нужным отменить на тот день издавна принятую привычку спать после обеда. Потом он бежит за билетом и, возвратившись домой, ждет с нетерпением вожделенного часа. Наконец едут; приехали, уселись, занавес поднялся. Жена и дочь любуются усиками актеров, критикуют костюмы актрис и с негодованием отворачиваются, закрываются платками при двусмысленных выходках, которые внутренно смешат их напропалую и даже приводят в восторг; муж вознаграждает себя за добровольную отсрочку послеобеденного сна: он спит слаще обыкновенного. «Ах, как мило! Ты ничего не слушаешь, прелесть!» — восклицает жена, толкая его в бок; он просыпается, говорит «прекрасно» и опять засыпает. Водевиль кончен; играют комедию. В комедии есть и смысл, и остроумие, но в ней нет куплетов; чтоб понять, в чем дело, нужно внимательно прислушиваться к каждой фразе. Одно из действующих лиц сказало другому «пошлость». Чиновница не отворачивается, как в водевиле отворачивалась она, чтоб скрыть порыв восторженного смеха, но на лице ее выступает краска злости; она чувствует оскорбленным свое достоинство — достоинство «светской» дамы. Скука! Успокоившись несколько, чиновница начинает зевать; дочь бегает глазами по партеру; обе изредка взглядывают болезненно одна на другую, не решаясь еще признаться, что комедия наводит на них скуку; наконец нерешимости их помог случай: в партере кто-то кашлянул, потом кто-то чихнул; потом кто-то шиш⟨к⟩нул. «Базиль! (она толкает в бок мужа) поедем домой! Смотреть нельзя». — «Точно, — говорит

чиновник, обрадованный намерением жены ехать домой. — Какая это комедия! Комедия, — продолжает он, вспомнив фразу, вычитанную из одной газеты во время обеда в Палкинском трактире, — комедия требует завязки, характеров, движения, интереса, постепенно возрастающего; комедия требует. . .» Но жена уже встала, и чиновник, не докончив фразы, спешит накинуть салоп на ее плечи. На другой день чиновник, пришедши в департамент, рассказывает своим подчиненным, что он с семейством был вчера в театре, в таком-то ярусе, такой-то нумер, что одна пьеса хороша, а другая дрянь-дрянью; подчиненные слушают его с глубоким вниманием и потом передают слышанное знакомым, которые в свою очередь делают то же. То же самое, что муж, рассказывает чиновница, встретившись на возвратном пути с рынка, — куда она отправилась, в сопровождении кухарки, для закупки дневной провизии, — с приятельницею, тоже чиновницею, и присовокупляет с гордостью, что она первая смекнула, к чему клонится дело, и уехала из театра, потому что не хочет, чтоб ее Сонечка наслушалась бог знает чего, да и сама не любит, чтоб ее беспрестанно заставляли краснеть, хоть краснеть, как говорит муж, ей и к лицу. Между тем дочь, сидя дома за пяльцами, грызет ногти, усиливаясь припомнить некоторые забытые ею стихи из куплета, который, по требованию восхищенной публики, был повторяем несколько раз. Но усилия ее тщетны; приходит молодой офицер или чиновник, имеющий на нее отдаленные виды, и она просит его достать понравившийся ей куплет и с нотами. Ноты и куплет тотчас являются. Она заучивает слова и музыку и распевает, аккомпанируя себе на фортепьяно, знаменитый куплет на именинах папеньки, от чего все, разумеется, приходят в восторг. Водевиль вошел в славу, комедия погибла, и если о ней говорят, то не иначе, как с чувством самым неблагоприятным для нее.

Потом представьте себе купеческое семейство, состоящее по крайней мере из девяти человек, которые теснят немилосердно друг друга и между которыми беспрестанный шум и говор; но только раздается всеобщий хохот, задние толкают передних и передние рассказывают задним, с собственными дополнениями, остроту или каламбур, произведший потрясение: в ложе подымается страшный, уже всеобщий хохот. Поэтому

купчики очень любят остроты, которые легко передаются, и терпеть не могут (и всего чаще не понимают) комизма благородного, тонкого, уловимого только для слуха эстетического. Вообще, комические пьесы не так занимают их, как так называемая ими «трагедья». Сидельцы — большие охотники до драматической крови, обмороков, сумасшествий, но в особенности восхищают их потрясающие здание театра крики отчаяния, скрежет зубов и дикие сверкания глаз. Не будь в драме ни смысла, ни толка, — они все-таки будут в восторге.

Затем загляните в ложу в третьем ярусе: тут сидит около дюжины молодых краснощеких женщин, разряженных в пух: они беспрестанно шушукают между собою, переглядываются с партером, из которого многие молодые люди смотрят на них с гордостью и умилением, — бросают на солидных дам какие-то странные взоры и тем сильнее хохочут, чем более острота простонародна.

Наконец, поднимите голову и обратите внимание на раек, набитый сверху донизу, где головы торчат как капустные кочни. Боже милостивый! какое изумительное разнообразие, какая пестрая смесь! Воротник сторожа, борода безграмотного каменщика, красный нос дворового человека, зеленые глаза вашей кухарки, небритый подбородок выгнанного из службы подьячего, занимающегося хождением по частным домам, красная, расплывшаяся от жира, мокрая от пота голова толстой кухмистерши, хорошенькое личико магазинной девушки, которую часто встречаете вы на Невском проспекте: рядом с ней физиономия отставного солдата ... Боже милостивый, сколько голов и сколько, без всякого сомнения, умов!

Несмотря на разнокалиберность, заставляющую предполагать бесконечное разногласие публики, описанная мною публика нередко поражала удивительным единодушием в изъявлении как одобрения, так и порицания. У ней были даже свои особенные понятия и привычки, по которым опытные театралы моего времени без большого труда могли наперед предсказать безошибочно все взрывы ее восторга, который она имела обыкновение выражать оглушительным хохотом, страшными рукоплесканиями, потрясавшими здание, подобно раскатам грома, стуком каблуков и в важных случаях криками: «браво! фора! ура!». Память уже начинает изменять мне, однако ж, сколько могу

припомнить, подобные взрывы происходили обыкновенно при следующих обстоятельствах:

1) Когда выходил на сцену актер, пользовавшийся известностию, или актриса, любимая публикою — хоть бы за смазливое личико и востренькие глазки.

2) Когда действующие лица, в жару увлечения, исчисляли добродетели русского человека и выхваляли мощь русского кулака. Вообще должно заметить, что в мое время в так называемых народных и патриотических драмах сочинителю стоило только доказать, как русский молодец побил одним кулаком сотни басурманов, чтоб произведение его увенчалось полным успехом. Когда ж изобретательность его простиралась до того, что он представлял виновницею такого подвига простую русскую бабу, — восторг публики не имел пределов!

3) Когда действующие лица били друг друга, подставляли одно другому ноги и палки и бегали один за другим по сцене, с приготовленным кулаком.

4) Когда действующие лица целовались, обнимались, упадали на колени друг перед другом и плакали. . .

5) Когда действующие лица кланялись друг другу в ноги.

6) Когда действующие лица разговаривали со сцены с актерами, посаженными в партере и райке.

7) Когда действующие лица разговаривали со сцены с публикою.

8) Когда сын узнавал отца, мать дочь, брат сестру — и наоборот.

9) Когда у которого-нибудь из актеров случайно сваливался с головы парик, отклеивались усы, борода, бакенбарды и т. п.

10) Когда актер, ставший втупик от незнания роли, устремлял грозящий и вместе умоляющий взор на суфлерскую конурку и оттуда вдруг раздавался по всему театру глухой и сиповатый голос суфлера. . .

11) Когда хвалили хорошенькую актрису под видом лица, которое она представляла.

12) Когда пели куплеты вроде следующего:

Ужели должен я страдать?
Ужели мой удел — могила?
Как догадаться, как понять,
За что она мне изменила? . .
Я угождать старался ей,
Любил так страстно, так глубоко. . .

И даже пред свиданьем с ней
Читал романы Поль-де-Кока!

Не знаю, как теперь, — теперь, вероятно, все уже иначе, — но долг добросовестного летописца повелевает сказать, что во всех исчисленных случаях в мое время восторг публики был неизбежен до такой степени, что его, как я уже заметил, предсказывали безошибочно заранее. Были и еще приметы, по которым восторг публики легко было предугадывать также безошибочно, именно: когда пелись куплеты, направленные на жен, судей, вдов, докторов, мужей (предметы, издавна составляющие исключительную тему русских водевильных куплетов), когда смеялись над философией и вообще ученостью и произносили невпопад и некстати термины, употребляемые наукою, которые (неизвестно почему) всегда казались в высшей степени достойными смеха образованным зрителям; когда кашляли и сморкались, запинались и хохотали, делали угрожающие движения и кислые рожи.

Когда-нибудь я также сообщу вам, когда описанная мною публика скучала и вообще обнаруживала признаки неодобрения.

ОТЧЕТЫ ПО ПОВОДУ НОВОГО ГОДА

В трех частях

Чу! двенадцать! . . схоронили! . .

Тимофеев.

Иди, злой год! . .

Бенедиктов.

Нашей радости година!
Друг, мы в этот год с тобой
Стали дух и плоть едина. . .

Старожил (в «Послании к жене»).

Новый год и вновь *игра*. . .
. . . . . ура!

Н. Молчанов.

Я мог бы представить здесь по крайней мере сотню эпиграфов из разных русских стихотворцев, потому что

у каждого русского стихотворца непременно найдется стихотворение на Новый год, — но думаю, что благоразумнее перейти прямо к делу. . . Нет! прежде небольшое —

ПРЕДИСЛОВИЕ!

Приступая к отчету за 1844 год, первою обязанностию своею считаю, милостивые государи. . . не поздравить вас с Новым годом. . . нет! признаюсь вам, я давно отказался от мысли, чтоб поздравление, как бы оно лестно ни было выражено, могло принесть кому-нибудь пользу. А если взять в расчет невольные восхищения, какие обыкновенно вылетают из уст каждого поздравляющего, когда он взбирается на вашу лестницу, то я не думаю даже, чтоб оно было приятно. По-моему, хорош один только способ поздравления, именно — способ поздравления «в пользу детских приютов», потому что неизбежно есть люди, которым такой способ и полезен и приятен, а я, милостивые государи, всего более хлопочу из полезного и приятного. Пошли мне судьба тысяч сто годового дохода, — я сам за долг себе поставил бы поздравлять вас по такому превосходному способу, если не с каждым праздником, то по крайней мере. . . с каждым хорошим днем. Вообще, если уж нужно поздравлять, то я советовал бы бедным петербургским жителям поздравлять друг друга в хорошие дни с хорошей погодой: оно гораздо было бы приятнее и выгоднее! . .

Итак, дело не в поздравлении. Но у меня есть сообщить вам, милостивые государи, нечто такое, что действительно будет вам приятно, а именно. . . Приступая к отчету в литературном, театральном и общественном поведении Петербурга в 1844 году, за особенное счастие почитаю сообщить вам, что я не намерен представлять вам никакого отчета. . .

Не буду утомлять вас исчислением книг, вышедших в 1844 году, пьес, явившихся на сцене, всех родов скуки и всех родов увеселений, обуревавших в прошлом году петербургскую публику. . . к чему это? . . Благоразумно ли подвергаться опасности прослыть невеликодушным, когда стоит только не говорить о таких прекрасных вещах, чтоб заслужить название великодушнейшего из смертных? . . Нет! Я предоставляю себе труд сделать только несколько физиологических заметок, которые,

говоря высоким слогом, могут пролить некоторый свет на характер истекшего года. . .

Часть первая

ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА

Не верьте, милостивые государи, тем жестокосердым людям, которые утверждают, что русская литература в прошлом году мало произвела чего-нибудь замечательного и совершенно ничего не произвела великого. . . Клевета, решительно клевета! А «Иванушка-дурачок», творение «московского купчины» г. Н. Полевого, а «Год за границею» г. Погодина, а «Жизнь как она есть» г. Бранта. . . «Жизнь как она есть»! да знаете ли, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, что романа лучше «Жизни как она есть» — нет в русской литературе? . . Так думает автор «Жизни», так и я думаю. Нет, смею уверить вас, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, что только 1844 году дозволили немилостивые судьбы ознаменоваться явлением такого удивительного «Года» и что нескоро опять явится такой год. Что касается до «Иванушки-дурачка», то, бесспорно, история «Иванушки-дурачка» — произведение великое, хотя нет также сомнения, что «История Наполеона» того же автора — произведение несравненно больших размеров. . . Но вы, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, недоверчиво качаете головой, вы ссылаетесь на отзывы журналов. . . Помилуйте! да кто нынче верит журналам! Вспомните, что говорит о журналах «Опыт библиографического обозрения» того же г. Бранта.

Читатель мой! я был когда-то сам
Российских книг отъявленный ценитель,
И *яростно* (не верю я ушам,
Но утверждал так некий сочинитель)
Уничтожал таланты и гасил
В младых сердцах божественное пламя. . .
Но дешево издатель мне платил —
И бросил я критическое знамя. . .

К числу важных явлений прошлого года должно отнесть и следующие:

Б. М. Федоров в прошлом году написал литературную биографию С. Н. Глинки; ждали, что С. Н. Глинка

напишет, с своей стороны, биографию Б. М. Федорова, но этого еще не случилось. Н. А. Полевой *начал* «Историю Наполеона»: нам приятнее было бы известить, что он *кончил* «Историю русского народа», но так как такого вожделенного события не случилось, то мы и не можем о нем сообщить. . . Вот и все замечательное, о чем, по моему мнению, следовало упомянуть, говоря о литературе прошлого года вообще. . .

Журналы наши были толсты, как и в прежние годы. С одним из них случилось необыкновенное происшествие, которого давно не бывало с журналами и о котором, следовательно, необходимо упомянуть: количество почтенных особ, которым он ежемесячно оттягивал руки, до того вдруг возросло, что потребовалось второе издание. С другим толстым журналом также случилось казусное событие; он имел несчастие поверить французской газете, начавшей печатать роман Сю «Вечный жид», и стал переводить этот роман, в полной уверенности достигнуть в конце года благополучного окончания. . . Теперь оказывается, что этот роман едва ли кончится и в наступившем году. Вот уж подлинно «*Вечный* жид»!..

С «Сыном отечества», с которым давно уже творятся такие казусные истории, каких не бывало ни с каким журналом, в прошлом году случилось столько интереснейших происшествий, что они могли бы послужить содержанием целому роману. . . Как теперь помню, 12 января 1844 года, после многих программ, явилась программа, в которой объявлялось, что «Сын отечества» *выходит* четыре раза в месяц — 7, 15, 22 и т⟨ак⟩ ⟨далее⟩. Бегу посмотреть первый нумер, который, по извещению программы, вышел уже 7 числа, — нет! Бегу 15-го — нет! Бегу 22-го — нет! Бегу 30-го — нет! То же самое делаю в феврале, и опять — нет, нет и нет! Наконец прибегаю 20 марта и получаю. . . другую *программу*, в которой извещается, что «Сын отечества» выходит с марта месяца в такие-то числа. . . «Кстати вот уж 20-е марта: давайте же вышедшие нумера!». . . Увы, мне опять отвечают — нет! Прибегаю через несколько дней, и — о радость! о восторг! — мне дают первый нумер! После того я пользовался завидным счастием получить еще несколько нумеров, но увы! счастие мое было непродолжительно! Получив шестнадцатый нумер, сколько я ни бегал, чтоб получить еще хоть тетрадь — хоть еще какую-нибудь программу — я не получил ровно ничего, а между тем

«в груди моей не умирало» сознание, что мне следовало получить еще двадцать четыре тетради — за июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. . . Оно так: все вздор против вечности — но двадцать четыре недоданные тетради против сорока, которые следовало выдать, — право, не вздор! . .

Выходил также в прошлом году «Листок для *светских* людей». Правда, светские люди и не подозревают существования подобного светского «Листка», но ведь светские люди известны своей неблагодарностью. Во-первых, «Листок» издается на хорошей бумаге; во-вторых. . . во-вторых, у него много других достоинств. В нем участвуют литераторы, большей частью псевдонимные (г-да Е. А., профессор изящного, К. У. . . зин, — ин, — й, — ъ), — но ведь и Old Nick, и виконт Делонэ, наконец, сам Жорж Занд — псевдонимы. . . Политипажи, украшающие страницы «Листка», почти все выбраны из разных французских изданьиц третьей руки. . . но послушайте, господа, мы все «*подражаем* понемногу чему-нибудь и как-нибудь». . . Странно, однако, что эти политипажи имеют иногда сильное влияние на ход самого рассказа. Например, начинается повесть о каком-нибудь Иване Терентьиче, чиновнике. «Иван Терентьич, — говорит автор, — счастлив и доволен, он улыбается своей жене». . . (политипаж, изображающий чиновника и жену его, с чисто парижскими лицами и с подписью «Eugène Birouste, à Paris»*); «вдруг он вспоминает, что ему надобно идти в Коломну; на дороге застает его страшный дождь» (политипаж, представляющий господина в белом галстухе, прыгающего через лужи). . . «какой-нибудь критик, — продолжает автор, — найдет, пожалуй, лицо Ивана Терентьевича неправдоподобным, но посмотрите, любезнейший читатель, на лицо этого критика» (политипаж). . . «Не правда ли, хорошо лицо? Так и видишь, что он не в состоянии понимать прелестей сельской жизни» (опять политипаж: человек средних лет лежит на спине в траве. . . кажется, мы эту фигуру видели в какой-то французской «физиологии»). . . «притом же он беден и потому завистлив; не может равнодушно смотреть на красивый экипаж» (изображение фаэтона). . . «он даже вообще похож на Вечного

* Эжен Бируст, в Париже (франц.).

жида» (изображение Вечного жида. . . Эту фигуру мы также видели не раз на последней странице газеты «Siècle», между объявлениями о продаже львиной помады и зубного порошка). . . и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. Но это все мелочи; главное — приятный, легкий слог господ сотрудников «Листка». Сколько ума, соли, сколько грации в этих небольших, но игривых и занимательнейших статейках! Например, прочтите небольшую статью г-на Е. А. «Улыбка»: «Нежный взгляд хорош; нежная улыбка лучше; глаза говорят: люблю. . . Улыбка говорит: полюби и ты!» (Г-н Е. А.! Г-н Е. А.! не следовало ли бы вам написать: полюбите-с и вы-с?!) «Глаза спрашивают — улыбка соглашается. . . Улыбка — все». (Галантерейное, так сказать, обхождение!) И не горько ли подумать, что г-н Е. А. кончает следующим образом свою статью: «Это я говорю по воспоминанию, потому что уже ни одна девушка (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ вы хотите сказать девица) не улыбается мне». . .

Ведь вот есть, однако ж, злые языки на свете! . . Недавно какой-то господин, разговорившись со мной о «Листке» (мы, как люди светские, то и дело говорим о нем), утверждал, что «Листок» похож на провинциального франта, который побывал в Петербурге, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ посещал Александрынский театр, Излера и прогуливался по Невскому шесть часов в сутки, и вот, вернувшись на родину, не столько «задает пыли» («Листок» придерживается нежности), сколько «пленяет». Подобный франт слова не скажет спростá, без улыбки, особенно при барышнях; он называет женщин «прекрасным, прелестным полом», мужчин «кавалерами», любит щегольнуть французскими словечками, носит вырезные жилеты, помадится жасминной помадой и пописывает стишки. . . Судите сами, читатель, какая клевета! Беру «Листок», развертываю и читаю: «А если модная картинка попадется в руки кавалера? В таком случае она тотчас же перейдет в руки какой-нибудь „кузины доброй знакомой“» и проч. и проч. В «Листке» попадаются также загадки, премилые загадки. Хороша, например, загадка, помещенная в 42-м № с обозначением имени автора, Терентья Терентьевича Терентьева: «Я в цепях, та в покое». Воображаю себе, говоря слогом капитана Копейкина в «Мертвых Душах», как какая-нибудь этакая, знаете ли, субдительный суперфлю, сидя в креслах работы какого-нибудь этакого Гамбса, знаете ли, этак

пальчиком своим перебирает «Листок» и вдруг говорит с улыбочкой, знаете ли, своей этакой кузине: «Ах, посмотри, машер пренсес,* какую милую загадку поместил мосьё Terenée в „Листке“. . . Я в цепях. . . та в покое! Ком-се ** остроумно. . .» А стишки, помещаемые в «Листке»! А рисунки! . . Впрочем, в числе рисунков есть порядочные. . .

Светские люди, которые так жадно расхватали «Листок» в прошлом году, вероятно, с такой же поспешностью хватают его и в нынешнем. . . Что делать! Русский человек любит щегольнуть, этак, знаете ли, вроде какого-нибудь комплимента, что ли: посудите сами, как же ему обойтись без «Листка»? . .

Больше нечего говорить о журналах. В заключение мне осталось только сообщить вам, что в прошлом году Петербург читал еще менее, чем в предыдущем, а «благородные иногородные», как называет их один книгопродавец, с каждым годом читают более. Еще за особенное счастие почитаю объявить, что в прошлом году стихотворений вышло так мало, что нельзя не порадоваться за русскую литературу от души. . . А давно ли? . . помните ли вы время, когда не проходило дня, чтоб не явился новый поэт, новое стихотворение, — время, когда все, даже г. NN, даже г. ММ, даже я, — увы! даже я! — писали стишки, время, погибшее безвозвратно и бесплодно и для литературы, и для тех, которые приносили «на алтарь ее» свои жертвы, свои «стихотворения». . . Помните ли вы его? . . Время было хорошее! . . Бездна шума, бездна литературного движения, тысячи поэтов «провозвестников» и «учителей» с вдохновенным челом, — а в результате. . .

Стишки! стишки! давно ль и я был гений,
Мечтал. . . не спал. . . пописывал стишки? . .
О вы, источник стольких наслаждений,
Мои литературные грешки!
Как дельно, как благоразумно-мило
На вас я годы лучшие убил! . .
В моей душе не много силы было,
А я и ту бесплодно расточил!
Увы! . . стихов слагатели младые,
С кем я делил и труд мой и досуг,
Вы, люди милые, поэты преплохие,

---

* моя дорогая княжна (*франц.* ma chère princesse).
** Как это (*франц.* comme c’est).

Вам изменил ваш недостойный друг! . .
И вы. . . как много вас уж — слава небу! — сгибло. . .
Тот умер, тот бьет уток — и жену,
Того хандра, другого хмель зашибла,
Тот спину гнет в дугу. . . а в старину!
Как гордо мы на будущность смотрели!
Как ревностно бездействовали мы!
«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели.
И мнилось нам, что труд наш — не пустой,
Не детский бред, что «с нами сам Всевышний,
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний! . .»
А между тем действительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороков,
Смешон и дик был петушиный бой
Толпы невнемлющих пророков
С не внемлющей пророчествам толпой.
И «ближний наш» все тем же глазом видел,
Все так же близоруко понимал,
Любил корыстно, пошло ненавидел,
Бесславно и бессмысленно страдал.
Пустых страстей пустой и праздный грохот
По-прежнему движенье заменял,
И не смолкал тот сатанинский хохот,
Который в сень холодную могил
Отцов и дедов проводил! . .

Часть вторая

ТЕАТРЫ И ПУБЛИКА

Решившись быть великодушным, я не намерен исчислять здесь пьесы, явившиеся в прошлом году на Александрынском театре. Но не могу не обратить внимания читателей на переворот, случившийся с петербургскою публикою, — переворот, потому что он, по моему мнению, есть замечательнейшее явление общественной нашей жизни в прошлом году. . .

Так как новости, и тем более новости замечательные, появляются у нас не часто, то можно сказать утвердительно, что петербургская публика со времен Тальони находилась в каком-то летаргическом усыплении. Может быть, долго продлилось бы это усыпление, если б вдруг не явился Рубини, а вслед за ним и спутники его: Виардо, Тамбурини, Кастеллан и др. Искра, упавшая в порох, не так быстро воспламеняет его, как приезд итальянцев пробудил мирных петербуржских жителей.

Не только истинные любители, знатоки и дилетанты, составляющие ровно одну мильонную часть народонаселения нашей столицы, но даже особы и семейства самые антимузыкальные, хотя не менее того достойные уважения, увлеклись этою новостию. Не говорю о зале Большого театра, где прежде едва раздавалось хлопанье нескольких театралов (да и то более по причинам личным) и которая теперь ломится от тесноты и грохота рукоплесканий, — влияние, произведенное итальянскою оперою, отразилось и вне театра.

Где бы вы ни были, — всюду слышатся вам имена Рубини и Виардо; во всех концах города раздаются рулады и трели; словом, Петербург преобразовался в гигантский орга́н, исполняющий одни только итальянские мотивы.

Все запело!

Вздумается ли вам пройтись по Невскому проспекту: «Уу-на фор-тима лаг-рима́, уу-на...» раздается позади вас; заглянете ли в кофейную, — рулада *a la Tamburini* встречает вас еще на лестнице; зайдете ли к знакомому семейству, хоть живи оно на Выборгской, уж непременно посадят там дочку за фортепьяно и заставят ее пропищать арию «Нормы» или какой-нибудь другой оперы. Завернете ли вы в самый отдаленный переулок, и тут не пройдете десяти шагов без того, чтоб не встретить шарманщика, который, завидя вас еще издали, не замедлит заиграть финал «Пирата» в полной уверенности получить щедрую дань.

Все это бы еще ничего; но каково столкнуться вдруг на улице с человеком, весьма порядочно одетым, который вдруг ни с того, ни с сего поднимет руки к небу, согнет колени и завопит что есть мочи: «тра-ди-то-о-ре!», или, что еще хуже, встретить знакомого весьма серьезного, который на все вопросы ваши отвечает: «трёмба!» и потом, приложив губы свои к вашему уху, присовокупляет хриплым голосом: «тра-та, тра-та, та-та, тара-тат-та, тат-тата!...»

Влияние итальянской оперы распространилось и на низшие классы... Вы, может быть, недоверчиво качаете головой; но смею уверить вас, что я не шучу и не преувеличиваю. Собственными ушами слышал я фонарщика, который, стоя на своей грязной лестнице и зажигая фонарь, затягивал дуэт из «Любовного напитка». Каково он затягивал — другой вопрос, но существование факта

неоспоримо! Театральные кучера и гостинодворцы разлюбили знаменитый мотив: «Ну, Карлуша, не робей» и, с таинственным любопытством вопрошая друг друга при встрече в «заведениях» о господине «Рубинине», так поют, так поют... подобные звуки не излетали и не могли излетать ни из одного человеческого горла, кроме русского, потому что один только русский человек способен так глубоко вникнуть в смысл всякого бусурманского слова и так выразительно передать самое слово, что как будто оно вот-вот только из уст Рубини!.. Словарь итальянских слов, *перешедших через личность русского человека*, был бы теперь любопытнейшею книгою в Петербурге... Словом, во всех классах петербургских жителей пробудилась необыкновенная любовь к музыке.

Количество споров, толков, ссор, а главное пинков, полученных лакеями у входа в кассу с тех пор, как начались итальянские представления, нет никакой возможности привесть в известность...

Чтоб иметь полное и вместе с тем верное понятие об эффекте, производимом итальянскою оперою, перенесемся в залу Большого театра. Нет места, где бы яснее обнаруживались вкусы публики, все ее тонкости, характеры и, наконец, все мелочи житейские, как в театре. Тут каждое лицо является в рельефе; самолюбие, *общий двигатель мира*, высказывается более, чем где бы то ни было, да, наконец, самые ярусы и ряды кресел уже некоторым образом рассортировывают публику, смешанную в частной жизни.

Приступим к делу:

В бель-этаже, по обыкновению, сидит аристократия и составляет point de mire * остальных ярусов. Как нити паутины, бегущие к центру, направляются к нему завистливые взоры чиновниц четвертого и купчих третьего ярусов. Особы второго яруса почти без исключения негодуют на свое положение и сохраняют в лице такое выражение, в котором нельзя не принять, что они только так заняли это место и что при первой удобной оказии переменят его на бель-этаж или по крайней мере на бенуар.

Вообще ложи, кем бы они ни были заняты, представляют дивное зрелище: все, что только Париж изобрел в последнее время нового и изящного, выставляется

---

* точку прицела (*франц.*).

здесь в лучшем виде: туалеты самые изысканные, цветы, вееры, токи, перья — чудно пестреют при ослепительном блеске большой люстры; когда смотришь на все это, стены залы кажутся оклеенными картинками модного журнала и освещенными волшебным огнем. Публика лож всех ярусов без исключения, опасаясь уронить свое достоинство, веер или лорнет, не изъявляет, за исключением редких случаев, удовольствия своего ни рукоплесканиями, ни стучанием в пол каблуками, — и потому обратимся лучше к партеру.

В первых трех рядах кресел помещаются особы, которые не уклоняются общим энтузиазмом, аплодируют редко, слушают рассеянно и, по-видимому, находятся здесь потому, что нет им никакой возможности занять другое место. В антрактах три первые ряда внимательно лорнируют бель-этаж, с которым, по всей вероятности, находятся в довольно близких отношениях. В остальных рядах кресел, занятых истинными любителями и поклонниками Рубини, заметно более жизни, движения. Целые шеренги меломанов переминаются на своих местах, движимые сладостным нетерпением. Кроме меломанов, размещаются в них маленькими группами «исступленные». Вы тотчас узнаете их по сплюснутой шляпе под мышкою, сверкающему взору и необыкновенному неспокойствию рук и ног. Но надобно вам объяснить, что такое «исступленные». Нарождением *сих последних* Петербург обязан итальянской опере, которая имеет полное право гордиться ими, как своими кровными детищами. До Рубини «исступленные» были смирные, кроткие и спокойные люди, служившие кто в статской, кто в военной службе. Жизнь их, вообще тихая, никогда не возмущалась художественными затеями; разве представление какой-нибудь новой оперы, как «Руслан и Людмила», или бенефис на Александрынском театре, или, наконец, какое-нибудь достопримечательное нововведение в преферансе, — разве одно из таких чрезвычайных событий выталкивало их из обычной колеи; но и это случалось довольно редко. С появлением итальянской оперы эти люди растерялись, совершенно сбились с толку, покинули прежние обычаи, вдруг ни с того, ни с сего запели, закричали, засуетились. Всего страннее, что между исступленными нередко встречаются люди, ни разу не слышавшие приезжих артистов и беснующиеся только понаслышке. Бес-

нование же тех, которым случается попадать в театр, — неописанно. Горе несчастному, которому судьба приведет иметь соседами таких господ: он может вполне считать себя погибшим человеком. Во-первых, ему весьма легко оглохнуть от беспрерывных «бррррраво! брависсимо! бррррави! бис, биссссс...», а во-вторых, при каждой руладе, то есть во все продолжение спектакля, бакенбарды его будут в опасности пострадать от неумеренного восторга соседей, выражаемого, между прочим, беспрестанным судорожным действием рук... Кроме *исступленных*, партер изобилует лицами, также достойными внимания. Уж непременно при каждом представлении в задних рядах пыхтит, закутавшись в енотовую шубу, недавно приехавший в Петербург помещик. Ему и душно, и тесно, но он твердо решился перенести все, только бы послушать Рубини, о котором наслышался столько чудес. Скромный *онагр* нетерпеливо ожидает поднятия занавесы, радуясь душевно, что мог наконец пробраться за последние деньги в обетованный этот край. Несколько женских головок мелькает в разных концах залы, и они кажутся совершенно довольными своим состоянием, тогда как в прежнее время крайне бы обиделись, если б кто-нибудь осмелился предложить им место, занимаемое ими теперь.

До начала оперы все эти лица, группы находятся в каком-то волнении, зала жужжит от толков, прений, рассуждений. Кто с жаром рассказывает анекдот о том, как однажды Рубини пропел на парижском бульваре арию в пользу нищего; кто убеждает двух или трех слушателей, что Виардо питается одним только бульоном, и то в те дни, когда не занята на сцене. Одни толкуют о превосходстве грудных нот пред головными, другие уверяют, что Россини большой охотник до макарон; третьи, что более двух месяцев пользуются уроками и расположением Тамбурини, тогда как впервые пришли послушать его; наконец, четвертые, кто в нос, кто сквозь зубы, издают по временам неопределенные звуки, чрезвычайно похожие на ветер, слышимый за кулисами...

Но вот поднимается занавес; шум мгновенно умолкает; во всей этой массе воцаряется молчание, которое, как и в природе, предвещает только бурю. Действительно, едва показался Рубини, как крики и взрывы аплодисментов потрясают залу до основания. Великий

певец кланяется. «Брависсимо! браво! брррраво!» снова летят ему навстречу.

Так проходит полчаса, сначала, без всякого сомнения, к величайшему удовольствию артиста, потом к величайшему... впрочем, трудно решить, приятны или неприятны артисту те рукоплескания, которые, по общему сознанию, переходят всякие пределы умеренности, задерживают ход пьесы и отнимают у артиста лишний час времени. Спросите о том у самого Рубини, да и от него едва ли узнаете!

Невозможно описать, что происходит в зале по мере того, как представление приближается к концу. Когда смотришь на львов-меломанов наших, кажется, как будто они решились принести в жертву Рубини, Виардо и Тамбурини свои ладони и негодуют на то только, что ничем не виноватые руки их не разлетаются в прах. *Исступленный* при каждой руладе потрясает головою... причем волосы его хлещут побагровелые щеки несчастного справа и слева; туловище его согнулось в три погибели; в порыве восторга он не замечает даже, что перчатки, добытые дорогою ценою, лопаются и готовы превратиться в клочки. У другого слезы умиления навернулись на глазах: он только пожимает плечами и возводит очи к небу, думая, не там ли происходит все слышанное... к несчастию, галереи четвертого и пятого ярусов, куда упадает взор его, очень ясно убеждают его в противном...

Брависсимо! брррраво! бррави! бис! подымаются со всех концов залы с возрастающею силою, часто даже невпопад, а именно в самой средине лучшей арии.

Глядя на всю эту кутерьму, хладнокровный оркестр, пользующийся в итальянских операх весьма продолжительными rallentamento,* невольно припоминает пифию на треножнике и несчастную сцену пожара, внезапно обхватившего во время представления берлинский театр.

Три, а иногда и четыре часа, проведенные таким образом, должны были бы утомить публику, по крайней мере успокоить на некоторое время; но, покидая театр, она, напротив того, как бы обретает в нем новые силы и энергию.

При разъезде — те же восклицания, тот же восторг, и долго еще после представления гостиные, уединенные

---

* замедлениями (*итал.*).

комнатки и улицы оглашаются звонкими мотивами «Сомнамбулы», «Лучии», «Любовного напитка», «Нормы» и «Дона Жуана»...

Переворот, почти равный произведенному итальянской оперой в Большом театре и его публике, произвел знаменитый московский артист Щепкин в Александрынском театре и его публике. Участие Щепкина в спектаклях Александрынского театра заставило перебывать в этом театре решительно *всю* петербургскую публику, без исключений и ограничений. Старожилы не запомнят, чтоб когда-нибудь был так принимаем у нас *русский* актер: можете судить об успехе Щепкина!... Это было единственное, в течение не одного, но многих лет, обстоятельство, нарушившее однообразное течение дней Александрынского театра, неизменно верного своей *специальной* цели и столько же довольного своею публикою, сколько довольна им его публика...

Часть третья и последняя

ПЕТЕРБУРГСКИЕ УВЕСЕЛЕНИЯ

Летом петербургские жители увеселялись на собственный счет: мерзли и мокли на дачах и с иронией рассказывали друг другу о каждой новоприбывшей щели в их воздушных жилищах и о всех насморках, флюсах, ревматизмах и разных простудах, которым подвергали их причуды очаровательного, благословенного, восхитительного (петербургские жители очень щедры в таких случаях на эпитеты) лета. Даже и в Китае известно, что лето в 1844 г. в Петербурге было до того дурно, что его совестно было принять даже за осень; несмотря на то, следует, однако ж, сказать, что петербургские жители находили средство задавать себе фейерверки, любоваться которыми выходили на улицу в калошах и под зонтиком. Пускались они также раз или два в Петербург посмотреть «конское ристалище» знаменитого турецкого шталмейстера Сулье, но ристалища, как нарочно, приходились на такие дни, что, проехав половину дороги, никак нельзя было не увязнуть, а вытащив экипаж из грязи, никак нельзя было не послушаться здравого рассудка и не воротиться, — отчего цирк г. Сулье был довольно пуст. Зато осень была суха, безветренна и ровна: петербургский житель, довольный

и малым, когда нет чего получше, и за то возблагодарил судьбу. С октября месяца началась опера, и тут петербургский житель был таков, каким описывали мы его в предыдущей статье «Отчетов». Итальянская опера большую часть зимы составляла одно из капитальнейших его увеселений; но долг справедливости повелевает сказать, что в ту же зиму явился опасный соперник итальянской оперы... Этот соперник — полька!

Огромные успехи польки в Париже не могли не отозваться в Петербурге и не возбудить к ней энтузиазма нашей публики. Все способствовало к быстрому развитию польки в Петербурге. Пассажиры, приплывавшие нынешнею осенью из-за границы, вместо обычных рассказов, только и твердили о польке: с необыкновенным жаром говорили они о фуроре, производимом ею в парижском обществе; с невыразимым восторгом описывали балы, где танцуют польку и в которых сами участвовали, и наконец так много натолковали нам о польке, что возбудили в нас любопытство неограниченное. Французские журналы, эти европейские Бобчинские и Добчинские, еще более способствовали к усилению нашего любопытства; в каждом почти нумере каждой газеты писали о польке, о владычестве ее в парижских гостиных, театрах, за заставами, à la Chaumière * и на балах так называемых «Мюзар»; не было фельетона, где бы не превозносили до небес модного танца, где не сооружали бы ему памятников при кликах народа. Любопытство наше возрастало с каждым днем и выражалось дикими прыжками и телодвижениями, в которых, впрочем, тщетно старались мы угадать польку, ибо выучиться танцевать польку понаслышке гораздо труднее, чем написать критику на китайскую книгу, не зная китайского языка.

Около того времени одному из артистов нашей французской труппы следовало дать бенефис: обладая необыкновенным даром пользоваться благоприятными обстоятельствами, он поспешил выписать из Парижа водевиль, написанный по случаю польки и имевший там огромный успех. Можете себе представить восторг некоторых охотников, когда афиша объявила им возможность увидеть наконец, как танцуют польку; театр был полон; публика вся отборная; полька превзошла

---

* в Шомьер (*франц.*).

ожидания. Несмотря на то, в обществе еще не решались танцевать польку: *аллюры* молодой чужестранки были столько же вольны, сколько и очаровательны, и потому возбуждали нерешимость в самых страшных ее поклонниках.

Александрынский театр, дагерротип французского, поспешил представить на суд публики свою польку. Полька Александрынского театра, в которой откинуто было все, что могло вооружить против польки чью бы то ни было щепетильность, на сей раз заслужила единодушное одобрение и, разрешив недоразумение публики, вскоре сделалась общим достоянием. Теперь в каждом почти доме, в каждом семействе танцуют польку, в ущерб кадрилям, мазуркам и другим танцам, господствовавшим до польки. Самые заклятые антитанцоры не могли остаться равнодушными пред обольстительными аттитюдами польки и хотя с горем пополам, но все-таки предаются капризным ее требованиям. Не станем говорить об известного сорта петербургской молодежи, теснящейся каждодневно в так называемых танцклассах; полька производит на них такое же действие, как тарантелла на итальянцев: они решительно готовы затанцеваться до смерти; полька успела расшевелить даже людей самых невозмутимых и оказавших во всех случаях жизни хладнокровие необыкновенное. Что касается до петербургских барышень, то они выбиваются из сил, чтобы превзойти одна другую в великом искусстве танцевать польку и блеснуть при первой оказии новым своим достоянием, потому что в глазах их, да и многих петербургских жителей, хорошо танцевать польку такое же достоинство, как прощать обиды врагам и уметь терпеливо и смиренномудро переносить удары рока, если еще не больше. Соберутся ли три-четыре человека, уж никак не обойдется без того, чтоб они не протанцевали польки; нередко даже случается, что в уединенной комнатке, где раздавались прежде скрип пера да храпенье дворового человека, слышится теперь неистовое притопывание, припрыгивание, иногда и падение хозяина, что повергает привыкшего к спокойствию слугу в совершенное недоумение. Влияние польки распространилось даже на самые отдаленные части города; ни одни именины, рожденье, крестины даже на Выборгской и Петербургской стороне не обходятся без польки; но, боже милостивый! какая это полька!... Вы тут увидите

и мазурку, и трепака, и даже канкан, и, наконец, бог знает что такое. В каждый дом, где есть барышни, непременно ходит учитель польки, хотя, надобно заметить, учителей и учительниц польки до сей поры в Петербурге очень немного. Маменьки вообще находят, что полька необыкновенно способствует к развитию физических способностей дочерей, к усилению ловкости и грации и придает им в глазах молодых людей, годных в женихи, новые нравственные достоинства. Где бы вы ни были, куда бы вы ни пошли, всюду толкуют вам о польке, об очаровательной польке. Мотивы «Лучии» и «Соннамбулы» заменяются теперь мотивами польки; меломания заметно переходит в полькоманию. Действительно, полька достойна энтузиазма, с каким ее встретили. Для нас она имеет особенное значение, не уступающее в своем роде значению итальянской оперы. Публика наша, засидевшаяся на месте (что, по уверению врачей, чрезвычайно вредно при петербургском климате), по крайней мере нашла случай выйти из сидячего усыпления, нарушавшегося только восторженными разглагольствованиями об опере. Полька способствует к образованию балов, вечеров, пикников, которыми мы что-то год от году беднее; полька как-то оживила Петербург и уже по тому одному заслуживает признательного внимания... Если б полька успела завлечь наших любителей преферанса (а кто нынче не любитель преферанса?) и отклонить их хоть несколько от сокрушительного картобесия, то вполне оправдала бы похвалы, которыми ее осыпают, а по всей справедливости удостоилась бы не только энтузиазма, но даже памятника!

В заключение скажем несколько слов собственно о польке. Полька — танец чрезвычайно грациозный и оригинальный. В ней есть нечто общее с некоторыми известнейшими танцами, но вместе с тем и так много своего, что ее решительно нельзя назвать похожею ни на какой из прежних танцев. Выучиться танцевать польку нетрудно тому, кто хорошо танцует известные танцы. Но, разумеется, на первый раз нужны указания опытного учителя или по крайней мере хорошее руководство. Руководства у нас доныне никакого не явилось; но на днях мы узнали, что поступило уже в печать и явится в свет в конце нынешней недели сочинение о польке г⟨оспод⟩ *Перро* и *Адриана Робера*, в русском переводе,

с дополнениями переводчика, под таким заглавием: «Полька в Париже и в Петербурге, книга, заключающая в себя историю развития польки и средство выучиться без учителя танцевать польку, по методе *Евгения Корали*, балетмейстера Королевской музыкальной академии в Париже». Книга будет украшена *восемью* картинками, поясняющими правила разных фигур польки; картинки эти печатаются во французской литографии Поля Пети, учредившейся в Петербурге со времени издания «Эрмитажной галереи». Когда выйдет эта книга, мы поспешим отдать об ней отчет...

ПОЛЬКА В ПЕТЕРБУРГЕ

Огромные успехи польки в Париже не могли не отозваться в Петербурге и не возбудить к ней энтузиасм нашей публики. Все способствовало к водворению польки в нашей столице. Пассажиры, приехавшие прошедшею осенью из-за границы, вместо обычных рассказов только и твердили о польке; они с необыкновенным жаром говорили о впечатлении, произведенном ею на парижское общество, описывали с невыразимым восторгом балы, где танцуют польку и в которых сами участвовали, и наконец так много натолковали нам о польке, что невольно возбудили в нас сильное любопытство. Французские журналы, эти европейские *Бобчинские* и *Добчинские*, еще более способствовали к тому, чтобы усилить наше любопытство; в каждом почти нумере газеты писали о польке, о владычестве ее в парижских гостиных, театрах, за заставами, à la Chaumière * и на балах так называемых «Мюзар». Не было фельетона, где бы не превозносили до небес модного танца, где не сооружали бы ему памятников при кликах народа. Согласитесь сами, что при подобных возгласах одно только китайское или якутское хладнокровие могло остаться непоколебимым. — Любопытство возрастало у нас с каждым днем и выражалось маленькими прыжками и телодвижениями, которые показывали, до какой степени нам хотелось хоть приблизительно достигнуть сокровенных таинств польки.

---

* в Шомьер (*франц.*).

Старания эти были, однако, тщетны, ибо выучиться танцевать польку понаслышке — то же, что искать в Неве упавший год тому назад червонец.

Около этого времени одному из артистов нашей французской труппы следовало дать бенефис. Обладая необыкновенным даром пользоваться благоприятными обстоятельствами, он поспешил выписать из Парижа водевиль, написанный по случаю польки и имевший огромный успех на французской сцене. Можете себе представить восторг петербургских жителей, когда афиша объявила им возможность насладиться всеми прелестями давно ожидаемого танца. Театр был полон, публика была вне себя от радости. Полька превзошла ожидание. — Несмотря, однако, на это, публика долго еще не решалась привесть в исполнение любимейшую мысль, то есть танцевать польку; аллюры молодой чужестранки были очаровательны, но показались несколько вольны некоторым, потому возбуждали нерешимость в самых страстных ее поклонниках.

Быть может, весьма долго продлилась бы эта нерешимость, если б Александрынский театр, дагерротип французского, не представил на суд публики свою польку.

Публика наша, вообще равнодушная, за исключением известного круга, к спектаклям Александрынского театра, стекалась со всех сторон в Александрынский театр, чтобы видеть польку, которую танцевали здесь самым приличным образом и откинув все, чем могла оскорбиться чья бы то ни было щепетильность. В каждый спектакль польку повторяли два и три раза при грохоте рукоплесканий; артисты были вызываемы неоднократно; словом, полька Александрынского театра произвела общий энтузиасм. Полька Александрынского театра, отличаясь от французской изящным выбором фигур по вкусу большинства, сделалась вскоре общим образцом и разрешила прежнюю нерешимость публики. Теперь в каждом почти доме, мало того, в каждом семействе танцуют польку, позабыв совершенно кадрили, мазурки и вообще все танцы, восхищавшие до того времени поклонников Терпсихоры. — Самые заклятые антитанцоры не могли остаться равнодушными перед обольстительными аттитюдами польки и хотя с горем пополам, но все-таки предаются теперь капризным ее требованиям. Не станем говорить о молодежи, теснящейся каждодневно в так называемых танцклассах; полька производит на них то же действие,

что тарантелла на итальянцев: они решительно готовы заплясаться до смерти. Полька успела даже расшевелить людей самых невозмутимых и оказывавших во всех случаях жизни необыкновенное хладнокровие. Со времени ее владычества произошел в Петербурге довольно значительный переворот. Теперь молодые чиновники, желая угодить столоначальнику, не осведомляются более у него о ходе дел, предписаний, здоровья, а спрашивают только — танцует ли он польку или, по крайней мере, видел ли он, как ее танцуют? Наши барышни выбиваются из сил в своих будуарах, чтобы превзойти друг друга в великом искусстве танцевать польку и блеснуть при первой оказии новыми своими знаниями; соберутся ли 2 или 3 человека, уж никак не обойдется без того, чтобы не приняться за польку; нередко даже случается, что в уединенной комнатке, где раздавались прежде скрып пера да храпенье, слышится теперь неистовое притопывание, припрыгивание, иногда и падение владельца, что повергает привыкшего к спокойствию лакея в совершенное изумление. Влияние польки распространилось даже в самые отдаленные части города: ни одни именины, рожденье и крещенье на Выборгской и Петербургской не обходятся без польки; но боже! что это за полька! вы тут можете увидеть все вместе: и галоп, и мазурку, и вальс, и наконец черт знает что такое. В каждом семействе, где есть барышни, дают непременно уроки польки; маменьки вообще находят, что полька необыкновенно способствует к развитию физических способностей дочерей, к приданию им ловких приемов и грации. Где бы вы ни были, куда бы вы ни пошли, всюду толкуют вам о польке, об очаровательной польке. Мотивы «Луции» и «Сонамбулы» заменяются мотивами польки; меломания заметно переходит в полькоманию. Действительно, полька заслуживает произведенный ею энтузиасм; наша публика, засидевшаяся на месте (что, впрочем, как уверяют врачи, чрезвычайно вредно при петербургском климате), по крайней мере, нашла теперь случай выйти из своего сидячего усыпления; кроме того, полька способствует к образованию вечеров, балов, пикников, которыми мы что-то чрезвычайно бедны в нынешнюю зиму; полька как-то оживила Петербург и по тому одному заслуживает величайшую нашу признательность.

Если б полька успела завлечь наших любителей преферанса и отклонить их хоть несколько от сокрушитель-

ного картобесия, то вполне оправдала бы высокое свое значение и по всей справедливости удостоилась бы не только энтузиасма, но даже памятника!

ЗАПИСКИ ПРУЖИНИНА[1]

Глава I

«Иван Александрыч! голубчик мой, Иван Александрыч! куда же ты, душка, запропастился? Покинул меня, словно вдову горемычную. Я без тебя сама не своя; как будто ты увез вместе с собой и глаза мои, и память, и душу, и позыв на еду. Ничего не вижу, не слышу, не могу есть, ни пить. Вот уж четвертый день зажарена четверть баранины с кашей: я, мухортик мой, даже и не дотронулась!.. Воротись поскорей, ангел мой Иван Александрыч! А замедлишь еще хоть недельку, не видать тебе Матрены Ивановны... умру я, сирота горемычная! и баранина пропадет ни за денежку, ей-богу, пропадет... А уж я о тебе, дружочек мой, думаю, думаю... Как взгляну на банку с рыжиками, так ты сейчас передо мной как живой и стоишь. Съем рыжик, как будто и полегче станет... а ведь всё потому, что ты любишь рыжики... Вот, думаю, и половины еще не съела я, сирота беспомощная; будь со мной Иван Александрыч, не стояло бы даром добро! Попадется рыжик хороший, тотчас и в банку назад... Куда мне такие рыжики есть!.. Вот приедет Иван Александрыч... Голубчик мой! чем-то тебя там кормят? Некому тебе ни постельки постлать, ни хорошего куска приготовить! Изморили тебя! окормили на чужой дальней сторонушке, ненаглядный ты мой!..»

— Куда запропастился наш почтеннейший Иван Александрыч? Пора бы, пора ему воротиться! Его часть-таки запущена; да при его деятельности, при зорком и

---

[1] Спешим поделиться с нашими читателями этою статьею, в которой почтенный литератор наш И. А. Пружинин после долгого молчания подает о себе весть публике. Гений его, как можно видеть из этой статьи, не только не истощился, но приобрел новые силы и выказывается здесь в полном блеске. *Ред.* ⟨*Примечание в «Литературной газете»*⟩.

расторопном уме всё тотчас бы пришло в прежний порядок. Отличный чиновник!

— Необыкновенный чиновник, ваше превосходительство. Как всегда рано приходит на службу!

— Как почтителен к старшим!

— Как деятелен!

— Как умен и проницателен! Как умел заслужить уважение подчиненных, любовь начальства!

— Ей богу, так, ваше превосходительство!

— Куда девался Пружинин? Не слыхали ли вы, что сделалось с Пружининым? — Какой Пружинин? — Вот, будто вы не знаете Пружинина! — Умер. — Застрелился! — Бросился с Поцелуева моста в канал! — В самом деле? Жаль, очень жаль, добродетельный был человек!.. — Невознаградимая потеря для литературы. — Для общества. — Для службы. — Что делать? Прекрасное недолговечно на земле!

— Правда, горькая правда:

«Прекрасное погибло в полном цвете:
Таков удел прекрасного на свете!»

— Да кто вам сказал, что погибло? Я еще вчера видел Пружинина — он просто свихнул с ума и продает спички на Чернышевом мосту: «Это, — говорит, — мое призвание». — Вздор! он сломал ногу и просто поехал в Берлин, хочет приделать искусственную. — Нет, руку; вот оттого-то он и не пишет! — Вздор, господа, я сам видел, как его несли на Смоленское кладбище; все сочинители шли за гробом, и когда стали опускать тело в землю, один литератор хотел произнести речь (я даже ее после читал, вот ей-богу!.. прекрасно написано, а слог такой — душа надрывается), да никак не мог удержаться от слез, как ни начинал говорить — только и выходило «ммм», а хорошая была речь... Так гроб и опустили... — Правда, совершенная правда, только когда стали засыпать гроб, крышка вдруг затрещала, Пружинин встал, как ни в чем не бывало, и говорит: «Ах, как я долго спал! уж, я думаю, пора и на службу», — и, говорят, еще каламбур какой-то сказал... Вот тут был актер, он тоже и водевилист, уж верно в пьесу вклеит... А потом оглянулся кругом. «Не стыдно так шутить!» — говорит,

и даже прикрикнул: «И вы туда же! — говорит, — уж вам бы, кажется, неприлично!» Потолковали, потолковали и отправились к Пружинину на квартиру праздновать... Ха! ха! ха! вот мне еще попался Пичужчин на другой день... «Ну, моншер, — говорит, — мы в *середу* (накануне-то была середа) праздновали *воскресенье*». Ха! ха! ха!.. — Да что ж такое? — говорю. Тут он все мне и рассказал. Вот оно что, господа! — Скажите, какое удивительное происшествие! — Необычайное происшествие! Странно, очень странно! — Просто невероятно! Непостижимо!

Глава II

Так охали, ахали, выдумывали, предполагали и рассуждали — жена, товарищи, публика, когда я вдруг исчез из Петербурга и в литературе перестало появляться мое имя... А между тем, где же я был, что со мной делалось?..

Прежде всего, чтоб успокоить публику и всех истинных друзей литературы, скажу, что я не только не умер, но даже не случалось со мной никакого припадка, во время которого меня могли бы зарыть живого в землю... Ложь, сущая ложь! Враги мои, которых у меня завелось очень много с тех пор, как я имел счастие пообедать у доктора Пуфа, пожалуй, выдумают и не такую клевету; но, мм. гг., кто же верит врагам?... Пусть немногие строки, которые снова решаюсь принести на алтарь отечественной словесности, будут красноречивейшею уликою врагам моим, и да убедится из них всякий, что Пружинин не только не лишился жизни, но даже и не сошел с ума... Что же касается до Чернышева моста, то хотя по делам службы мне и случается иногда проезжать через сей мост, но я никогда не только за тем, чтоб продавать спички, но даже и ни за чем на нем не останавливался... и что тут хорошего выдумывать такие пустяки? Сущий вздор и «нимало не остроумно»! Добро бы что-нибудь правдоподобное, а то виданное ли дело, чтоб титулярный советник, человек в мои лета, русский литератор торговал... чем же?.. Спичками!!! Ха! ха! ха! Да я хлеб с квасом буду есть, а уж не пойду торговать спичками!.. Есть у меня родственники и знакомые добрые люди; приди черный год — сегодня у того, завтра у другого, послезавтра у третьего, а уж ремеслом, унизительным званию, не зай-

мусь... Что касается до чина, сделайте одолжение — не ударю лицом в грязь, прошу извинить! Вот и сын у меня есть; четырнадцатый год бестии, а посмотрите, какая амбиция — у!.. Вот я было нанял ему учителя: тот, знаете, рассердившись однажды, и бацни ему что-то неделикатно... Ну, дело известное, с ног до головы семинария, и сюртук до пят, и волосы на голове стоят кверху. «Как вы, — говорит, — смеете говорить мне *ты*: я дворянин; сами вы *ты*!» Каково-с?.. Я вам скажу, Матрена Ивановна как будто дурману объелась; бежит мимо меня со всех ног. «Куда ты, куда, Матрена Ивановна? — кричу ей... И не оглядывается!.. Через минуту воротилась, гляжу: в руках банка варенья! То-то родительское сердце!.. Надобно вам сказать, что Матрена Ивановна сама не то, чтобы из благородных; впрочем, вот уж двадцать пять лет кушает французский хлеб, — можно сказать, такая же, как и все, благородная! Так вот она особенно рада, если видит, что в дитяти выкажется вдруг невольно необыкновенное благородство... Уж она тут и ног под собою не слышит; побежит в чулан и сейчас банку с вареньем поставит перед ребенком, и ложку ему столовую: сколько хочешь ешь!.. Накормила Кондрашеньку, а Кондрашенька в слезы: «Я, — говорит, — учиться у такого мужика не хочу; пусть, — говорит, — просит у меня прощения!» Каков мальчишка, с позволения сказать... А учитель свое: «Да вы,— говорит,— Иван Александрыч, так его избалуете, что он меня ни в чем слушаться не станет. Не хочу, — говорит, — я у него просить прощения. Я постарше!..» Чуть было не разошлось; пришлось бы нового учителя нанимать. Да спасибо, Матрена Ивановна же и нашлась. «Вот, — говорит, — Иван Александрыч, носишь фрак, а ведь только слава, что фрак: узехонек, и фигуру в нем ты имеешь прескверную; пора тебе новый, а Панкратию Степанычу (так зовут учителя), выворотивши, он как раз впору; теперь же подходит дело к празднику...» Конечно, конечно! — говорю я, — а вы как думаете, Панкратий Степаныч? — Поцеловал руку у Матрены Ивановны, мне поклон отвесил и говорит мальчишке: «Ну, Кондратий Иваныч, вперед уж я вам не буду говорить „ты“, и теперь, ей богу, без умысла сказал, из одной только привычки поганой...» А всё же потом отвел меня в сторону и говорит: «Ох, Иван Александрыч! наживете вы себе хлопот: смотрите, он когда-нибудь верхом на вас поедет!» Ведь предсказал!.. Не дальше, как на той же неделе,

Кондрашенька мой такую штуку отколол и на Матрену Ивановну так раскричался... верите ли?.. мне самому страшно стало, ну нехорошо, — как бы то ни было, я ему отец, она ему мать: мы его родили и воспитали... Что ты будешь делать: такая упрямая голова! Ну, пускай бы еще с нами упрямился: свои, перенесем! а то, пожалуй, привыкнет и с другими ту же песенку запоет: может натерпеться. Вот что опасно!.. Ах, дети, дети!.. Зато и потешил же он нас, и в какой торжественный день!.. Были именины Матрены Ивановны; гляжу: Кондрашенька мой подходит к ней, поцеловал ручку и поднес тетрадку. Сердце у меня ёкнуло от радости! не выдержал — подбежал и читал через плечо. На первой странице стихи:

Любезна маменька! примите
Сей слабый и ничтожный труд
И благосклонно рассмотрите,
Годится ль он куда-нибудь!..

Перевертываю страницу: «*Воздухоплаватели и пешеходы, или По усам текло, а в рот не попало,* водевиль в трех отделениях и пяти картинах, сочинение *Кондратья Пружинина*»... Можете представить восторг родительский... Сочинение *Кондратья Пружинина!* «Да ведь это наш сын, Матрена Ивановна, наш родной сын!» — кричу я... Слезы навернулись у меня у старика, а Матрена Ивановна впала даже в истерику: «Видно, что благородных родителей сын, — говорит, — не выбрал какого-нибудь неприличного занятия; приди на грудь мою, — говорит, — сын возлюбленный!..» Ей богу! От восхищения даже таким слогом заговорила, что вот хоть сейчас в трагедию. Признался нам, плут, что он уже давно пописывает, да только все боялся, что мы ему запретим; уж на театр и к журналистам ко всем разные драмы и комедии посылал, да только все назад и назад... зависть!.. Ну, да при моем содействии все можно поправить!..

Одно жаль: учится плохо. Чуть настал день, пишет и пишет; а не пишет, так ходит, закинувши голову, и бормочет водевильные куплеты:

Вино веселье наше...

или:

С шампанским в дружбе вечной...

Надо отдать справедливость, вкус у мальчишки претонкий: кроме шампанского ничего! Правда, и шампанское бы еще рано, ну да ведь что ж делать? всё с такими людьми знаком... «Я,— говорит,— как приду в театр, так уж лучше в буфет и не заходи: все меня так любят, и всякий сейчас пристанет: ну, Кондраша, бокальчик!» И то сказать: ему четырнадцать лет, а он смотрит, как будто ему двадцать по крайней мере, и занятия не четырнадцатилетнему возрасту чета; а в двадцать лет... что ж?.. отчего и не выпить бокал?.. Я вам скажу, я с десяти лет, да не шампанское, а просто сивуху пил, а ведь вот, слава богу, человек!.. Впрочем, в строгом смысле, нехорошо, и если б не такие способности... у!.. Способности удивительные: мир, говорит, театр, жизнь — комедия, люди, говорит, актеры — и пойдет и пойдет... и, знаете, сейчас в заключение куплет. На куплетах просто помешан; каждый бенефис в театр, и уж хлопает ногами, вызывает, один актер даже ему сказал: «Ты, моншер, просто ракалия; от тебя ни одно место хорошее не уйдет!» Актеры все его ужасно любят; один даже взял пьесу; может быть, пойдет в бенефис... Держит себя как следует благородному человеку, нечего сказать, большие успехи сделал в мое отсутствие...

Отсутствие!.. Вот наконец-то теперь я вам и скажу, отчего я так долго не писал, отчего обо мне столько времени не было ни слуху, ни духу... Путешествовал, милостивые государи! катался по России, не то чтобы от нечего делать, а как следует порядочному человеку, не теряя ничего по службе и даже с пользою для нее... Не хотелось, крепко не хотелось; да нечего делать, посылают! принужден был расстаться с семейством... В десяти губерниях был, много интересных видел вещей, да о них я издам скоро особую книгу, а теперь скажу так, что к слову придется...

Глава III

Дешева, да зато скучновата жизнь в провинции!.. Пожил два-три дня — глядь, уж все лица знакомые: городничий идет к судье водки выпить, калашник бьет мальчишку за то, что тот у него с прилавка калач стащил, а мужичина стоит со стаканом горячего сбитня и ухмыляется; рубашки на заборе, бурый уксус в зеленом штофе,

два пучка мяты и бледная рябая рожа мещанина в нанковом сюртуке торчат из лавки; куры и утки подбирают с порога земского суда крупу и разную хлебную пыль, рассыпанную тут «единственно от неосторожности просителей», как говорит Гоголь (не люблю этого сочинителя: он уж слишком того... как бы сказать? — несправедливо многое, ей богу, совершенно несправедливо!.. а всё же иногда захватишь словцо: метко умеет найтись!); колокольчик звенит, взглянешь: самовар в шинели с стоячим воротником сидит на переплете, ямщик гонит во всю ивановскую: видно, исправник едет в уезд. Стряпчиха криворотая сидит у окна, глядит на пустую улицу и гладит серую кошку, а собака с улицы глядит на них и лает; два прохожие канцелярские останавливаются и начинают спорить, на кого лает собака: на кошку или на стряпчиху? Я всегда думал, что на обеих, и проходил мимо. Пройдешь раз, другой по городу, и уж улицы все на перечете; заглянешь даже в колодезь: ничего любопытного; преферанс без приглашений, играют по маленькой... ну что это за жизнь?.. невольно скажешь с Лермонтовым:

Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог
Я променял бы, если б мог!

То ли дело в Петербурге!

Ну, как бы то ни было, Нева обложена гранитом, и пироги с лососиной можно за дешевую цену иметь. Газ на улице горит, и бани всякие есть — пойди только в Галерную, тотчас по-турецки выпарят, даром что в русском городе! Потом и другие разные выгоды: живешь где и почище тебя люди живут, большой свет, знать всякая; извозчики на каждом шагу, омнибус, благотворительные и всякие заведения, машины для снабжения бедных водою; в преферанс играют по всем новейшим правилам, с приглашением, консоляция тебе за каждую взятку; можешь в образованном обществе быть, если не пьяница, имеешь приличный чин... Сочинителей видишь, манеры образованные перенимаешь, — ну и вообще хорошо: всё ты ему не чужд... Иного и в глаза не видал, а только слышал, что у него глаза худо видят и в галстухе засаленном ходит, а заехал в провинцию, в Мологу в какую-нибудь, ты уже и рассказываешь про

него анекдот: «Вот, мол, обедали мы у такого-то (да имя погромче запустишь — пускай себе знают!). Абдул Авдеич сидит на конце стола, я на другом, держу вилку в руках и говорю: „Абдул Авдеич, угадайте, какая рыба?..“ — Корюшка! — говорит... Ха! ха! ха! Все так и фыркнули, и сам он захохотал и кричит: „Ну, Иван Александрыч! исполать тебе, собака“»... Оно бы и ничего, так, пустяки, ничего даже в сущности и не случилось, а глядишь, уважения к тебе больше чувствуют, — а за что?.. Умный человек назвал собакой!.. Городничий какой-нибудь уж перед тобой и сесть не хочет, а если и сел, то как будто совсем не сидит, а черт знает что... про мелюзгу разную я уж и не говорю: вся у дверей и дрожит, а дамы-то, дамы... так глядят на тебя, как будто каждая хочет сказать: «С которой вам угодно, Иван Александрыч, поговорить?» Вот у меня чуть интрига не завелась с одной дамой: красавица! Глаза чудесные, брови черные, нос греческий, талия... талии нет, ну да ведь нельзя же, чтоб всё решительно было: совершенства полного нет на земле! Притом же, что там про поджарых себе ни толкуй: и жирная, и такая и сякая, а толстота имеет также свою приятность. Согрешил на старости: мазурку с ней протанцевал... А она вся так вот и раскраснелась; кровь с молоком! грудь волнуется, глаза горят, дыханье точно из душника... Ну, как тут сохранить хладнокровие?.. Я хоть и Пружинин, но ведь всё же я человек!.. не выдержал! — Нынче погода прекрасная, — говорю, — но что ее красота в сравнении, так сказать... — С чем-с? — Не скажу-с! — Скажите. — Осердитесь. — Не осержусь. — Нет, осердитесь. — Не осержусь. — Побожитесь! — Ей-богу. С чем же? — С вами... — сказал, да уж после боялся на нее взглянуть: вот, думаю, побежит к мужу, расскажет гостям, расплачется, будет тут история, уличат в дурном поведении, в безнравственности и напишут в Петербург... Ничего не бывало! Стоит себе и смотрит, так смотрит, как будто я сказал ей: «Не прикажете ли стакан воды?»... плутовка! Недаром говорится: любовь хитра! Даже и виду не показала! На другой день письмо к ней любовное настрочил. «Ангел души моей, — говорю, — тобой дышу, тобой пылаю», — ну там и прочее... «Остановился в такой-то гостинице, нумер такой-то...» Ай! ай! ай! что я делаю?.. Ужо меня Матрена Ивановна!.. Ну да, впрочем, Матрену Ивановну можно и принадуть: «Нельзя же,

мол, маточка, правду одну говорить: уж коли я сочинитель, так должен для красы кой-где и приврать, — для красы, ей-богу, мол, для одной только красы!» Да, впрочем, ничего и в самом деле не вышло: прихожу в последний день перед отъездом к ним обедать: ветчина, вареники... Пообедал; муж ушел спать, она села в уголок и вздыхает, так ужасно вздыхает, что мне даже жаль стало ее: «Вот, думаю, Иван Александрыч, заварил ты, братец, кашу; погубил невинное существо!» Собрался с силами, подхожу и говорю: — Вы изволите вздыхать? — Да-с, — говорит. — Могу ли я надеяться, что хоть один из вздохов, сударыня, посвящен разлуке со мною? — и так посмотрел на нее... Молчит, ничего не отвечает... Я опять: — Ужели ни один из ваших вздохов, — ну и прочее... Посмотрела на меня так как-то странно. — Могу ли надеяться, что хоть один из вздохов, вылетающих из вашей прекрасной груди, сударыня, посвящен, так сказать, разлуке, угрожающей нашим сердцам? — И тут, знаете, посмотрел на нее, как следует в таких случаях. Молчит, ничего не отвечает; только еще глубже, продолжительнее вздохнула, так что даже окно, около которого сидела она, задребезжало. Я опять: — Ужели ни один из вздохов ваших, сударыня, — ну и прочее. Посмотрела на меня так как-то странно, выпучив глаза, и говорит: «*Та одчепытесь од мене*; *та я дуже наилась*: *мне важно дыхать*!» Тем вся любовь и кончилась... Оно и зачастую так в свете. Иной и не нашему брату чета, вообразит черт знает что, ну там — и небесное существо, и душа возвышенная, и сердце необыкновенное, словом, таких фантазий себе насочинит и носится с ними, носится, как павлин с хвостом. Что ему ни скажи — о ней ли, вообще ли насчет женского пола, смотрит на тебя, как на сумасшедшего, с состраданием: «Вот, дескать, несчастный; бог-то его как обидел: чего не может понять!» А посмотришь, дрянью такой всё кончится, что, как завидишь его, так и бежишь в сторону, жаль беднягу сконфузить...

А притом и мои лета уж не такие, чтоб настоящие вздохи производить... Вот в старину... Молодость! молодость!.. В молодости со мной Такое происшествие было... Муж человек отличнейший, душа добрейшая; только уж как заснет, хоть из пушки стреляй... Не могу вспомнить без сердечного ужаса! Ну, что, если б проснулся... если б проснулся!.. ха! ха! ха!.. А она, уж я

вам скажу, не какой-нибудь Матрене Ивановне чета, и такие глазки и ручки... А он себе спит... Ха! ха! ха!..

Глава IV

Так вот, дай бог память, заговорил я о том, что уж, как бы тебя в провинции ни принимали, хоть бы сам губернатор играл с тобой в преферанс и в присутствии дворянства и чиновников обходился с тобой на «ты», как будто с своим братом, губернатором, — а в Петербурге житье всё-таки лучше... И Матрена Ивановна то же говорит; а уж она не солжет, женщина добродетельная; даже когда в праздник ссора у нас зайдет, она тотчас уступит тебе: ангельское терпение!.. Ну, правда, на другой день возьмет свое, даже однажды и в праздник... Как теперь помню: было два праздника сряду; в первый день за что-то мы и повздорили. Прикрикнула на меня, да вдруг спохватилась и с первых двух слов ничего. Так и молчала целый день; на другой день уж двенадцать часов: молчит. Сели обедать — молчит, только так странно на меня смотрит и почти ничего не ест. Смотрела, смотрела, да вдруг ни с того, ни с сего как пустит в меня огурцом — и пошла, и пошла... что делать?.. прорвало! не выдержала! Уж зато и досталось же мне... Верите ли? никогда в будни так не доставалось...

Слова нет, в провинции в какой-нибудь рыжики хорошие всегда можешь за дешевую цену иметь; даже, пожалуй, сам собирай и соли, так они и даром тебе обойдутся; а услышу ли я там итальянскую оперу, например?.. Вот уж пятьдесят лет с хвостиком прожил я на белом свете и думал, что если жена на тебя не сердита, желудок у тебя такой, что и рыжик лишний и горшок каши тебе ничего, водку перед обедом пьешь, имеешь чай, — так вот и всё, что нужно человеку для счастия... а под старость пришлось узнать, что не всё... недаром иногда чего-то недоставало! Хоть и обед вкусный, и дела у тебя идут хорошо, и с женой мир, а вдруг тоска на тебя такая нападет, бежал бы со свету... На всё глядишь с отвращением, лень страшная: потягиваешься, выводишь себе зевоту на разные тоны, и хоть бы в могилу сейчас — так всё равно, ей-богу! Разве мадеры стакана три выпьешь: ну и опять ничего... А все отчего выходило? оперы итальянской недоставало!.. Альбони! Рубини! Виардо! Унануе! Ниссен! Кастел-

лан! Тамбурини! Ровере! У кого же голова кругом не пойдет от таких певцов!.. Унануе, говорят, даже дворянин, высокого испанского происхождения человек... Я всегда с особенным старанием хлопаю, и Матрене Ивановне говорю: «Хлопай, Матрена Ивановна, наш брат дворянин поет!» Удивляюсь я нашей публике, как она этого не хочет понять. Иной раз, вот хоть бы в «Любовном напитке», туда и сюда: хлопает ему так, что даже душе легко; зато в «Севильском цирюльнике»... Господи ты боже мой! даже за нее стыдно... Неприлично, как хотите, неприлично! Ну, возьмем, хоть бы я теперь голос имел, поехал бы в Испанию и начал бы там петь: хорошее ли бы дело, если б и со мной стали так отмалчиваться?.. Ведь я не актер какой-нибудь: мне не гроши их, мне честь дорога. Особенно люблю я Альбони... Воля ваша, что вы мне ни толкуйте, а уж я за Альбони готов спорить до слез... Что-то родное, что-то русское слышится... даже и глядишь на нее — не веришь, чтоб не русская была... любовь к отечеству пробуждает в душе... как будто слышал уж когда-то такую песню, — бог знает где; только готов побожиться, что слышал... Слезы навертываются на глазах, так что даже совестно!

А впрочем, об итальянской опере уже так много пишут всякие ученые люди, что мне не худо и помолчать... Прощайте. Кланяйтесь нашим, как увидите своих.

ПИСЬМО К ДОКТОРУ ПУФУ

Милостивый государь
Иван Иваныч! [1]

По обыкновению всех людей, был я когда-то молод; жил в Петербурге; читывал книжки. Поселившись в деревню, не прекратил занятий моих литературою, но долгое время читал только «Конский лечебник», книгу, оставленную мне в наследство покойным моим родителем. Других книг не было, а выписывать через почту не находил я удобным, ибо при настоящем, известном вам,

---

[1] Имени и отчества вашего не имею чести знать, но осмеливаюсь думать, что вас так зовут, впрочем, не из обидного предположения, существующего в простом народе, что «всякий немец Иван Иваныч» (сохрани

м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, упадке нашей литературы легко мог выслать деньги за такую вещь, что и для обклейки комнат не годится, или, чего доброго, рассердишь книгопродавца каким-нибудь неприличным выражением, и вовсе потеряешь деньги. Но в начале 1844 года весть о славе вашей, милостивый государь, пронесшаяся из конца в конец обширного отечества нашего, достигла и до отдаленной деревеньки моей, где живу я. Не подумайте, милостивый государь, чтоб из пристрастия к глуши и безлюдью, или, — чего боже сохрани! — из вражды к просвещению, но единственно потому, что покойный родитель мой, имевший огромный конский завод, оставил мне только средство лечить лошадей, а лошадей и деревни прокутил сам. Легки на ногу были — ускакали! Зачитался я проклятого «Лечебника» и начал уж воображать сам себя лошадью. Бросил книгу под стол. Бог с ней, думаю, и с литературой! Добро бы было кого лечить, а то вот сам чуть не наелся девисильного корня!.. Вот около того-то времени вдруг и прошли слухи об ваших лекциях. Соблазнился я — подписался на «Литературную газету». С той поры только и делаю, что читаю ваши лекции, ем по вашим лекциям. Но о лекциях ваших после, а теперь вот об чем речь.

Целый год вы, милостивый государь, учите нас, провинциалов, есть здорово и дешево, и учите так, что поди вы ко мне в повара за половину моего дохода, я бы вас с руками и с ногами взял... Но вот что до сей поры вы не сказали нам: как у вас в Петербурге едят? Умеют ли есть? Только ли и делают, что едят, вот хоть бы как у нас, или еда так, на придачу? Петербург для нас, провинциалов, город интересный; мы хотим всё об нем знать, — с чего же нам и пример брать, как не с столичного города? мы вот только и толкуем о том, что в Петербурге делается, и, нечего скромничать, знаем кое-что получше вас, столичных.

меня бог! я очень хорошо знаю, что вы лекарь и дворянин, и притом уважение мое к вашей особе так велико, что если б я и знал про вас что-нибудь дурное, то никогда бы не осмелился так откровенно выразиться); но единственно потому, что сколько я ни встречал немцев — непременно Иван Иваныч, так что в нашей стороне уж и привыкли: если немец, то и хочется сказать ему: «Не хотите ли, *Иван Иваныч*, картофелю?» Впрочем, в случае ошибки с моей стороны, надеюсь, что вы меня извините; человеку, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, свойственно ошибаться.

Раз приезжает к нам ваш брат столичный: вот мы ему о том, о другом. «Что вы, — говорит, — да я ничего такого и не слыхал!..» Ха! ха! ха! Вот как наши-то! С удовольствием усмотрели мы из объявлений при «Литературной газете», что скоро должна выйти в свет книга под названием «Физиология Петербурга», в которой обещают нас познакомить с тем, как в Петербурге живут и бедные и богатые, чем занимаются, как наживаются, как проматываются, как веселятся, что любят, чего не любят. «Хорошо! хорошо! — думаем мы, — книга полезная: можно будет кое-чем и позаимствоваться нам, провинциалам»; да вдруг и приди мне в голову: *«А как в Петербурге едят?»* Неужели, милостивый государь, там не будет статьи о том, как едят в Петербурге, именно вашей статьи, потому что кроме вас во всем свете я не знаю человека, который мог бы написать такую статью?.. Да тогда куда же будет годиться «Физиология», на которую мы так надеемся?.. Нет, что вы там себе ни пишите, господа составители «Физиологии», а если вы не покажете нам, *что и как в Петербурге* (ѣ) *есть и что пить*, мы не узнаем Петербурга, и ваша книга будет всё равно, что человек без желудка!.. Просите же, просите доктора Пуфа, чтоб он сжалился над вами и над вашей книгой!..

Итак, вот что побудило меня писать. Присоединяя, милостивый государь, и мою усерднейшую просьбу, прошу не оставить вашим уведомлением и перехожу к вашим лекциям. Но об них я не нахожу приличным говорить иначе, как стихами.

Почтеннейший Иван Иваныч!
Великодушный доктор наш!
Всегда зачитываюсь за ночь
Статеек ваших. Гений ваш
Благотворитель всей России!
Вы краше дня, вы ярче звезд,
И перед вами клонит выи
Весь Новоладожский уезд.
Действительно, вы благодетель
Желудков наших, — а от них
И гнев, и злость, и добродетель,
И множество страстей других.
У нас помещик был свирепый —
Неукротимая душа!
Он раз в жену тарелкой с репой
Пустил — зачем не хороша!!!

Ко всем сварливо придирался,
Худел, страдальчески хандрил,
И в доме всяк его боялся
И ни единый не любил!
Его сердитый, злобный говор
На миг в семействе не смолкал,
Неоднократно битый повар
Свое искусство проклинал.
Вдруг... (но какой, скажите, кистью
Здесь подвиг ваш изображу?
Поверьте, движим не корыстью,
Но благодарностью — пишу!
Хоть я учился у поэта,
Но не пошла наука впрок).
Вдруг... получается «Газета»
И в ней — ваш кухонный урок.
Прочел небрежно гордый барин
(То было в пятницу, при нас)
И, как на Пушкина Фиглярин,
Напал, о доктор мой! на вас.
Но не дремал и разум женский:
Прочла жена и — поняла.
И в сутки повар деревенский
Стал человеком из осла.
И что ж? (Я был всему свидетель —
Клянусь — не ложь мои слова!)
Нет, ты не знала, добродетель,
Полней и краше торжества!
И никогда с начала света
Порок сильнее не страдал:
Помещик наш из-за обеда
И краснощек и ясен встал.
В слугу не бросил чашкой кофе;
И — доктор мой! гордись! гордись! —
Как из фонтана в Петергофе,
Рекой из уст его лились
Слова не бранные... Уроки
Твои из грешной сей души
Изгнали жесткость и пороки!..
С тех пор, что ты ни напиши —
Родным, друзьям, жене читает,
Тебя отцом своим зовет,
Весь от блаженства тает, тает
И в умиленье слезы льет.
С тех пор он стал и добр и весел,
Детей ласкал, жену любил.
Злой управитель нос повесил,
«Мужик судьбу благословил!» [1]

Вот пример, который лучше всех похвал и восклицаний показывает великое значение ваших,

[1] Стих Пушкина из «Онегина» ⟨*примечание Некрасова*⟩.

милостивый государь, лекций. За сим мне более ничего не остается, как пожелать вам от искреннего моего сердца всех благ жизни.

И да не говорит, не ходит,
Повержен в лютый паралич, —
Кто на тебя хулу возводит
И злонамеренную дичь.
Ты Пуф, но ты не *пуф* нахальный —
Досужий плод журнальных врак:
Ты человек — и достохвальный,
А не какой-нибудь дурак.
Кормилец сорока губерний,
Ты и умен и терпелив.
Твоим врагам — венец из терний,
Тебе — из лавров и олив!
Трудись, трудись, не уставая!
Будь вечно счастлив, здрав и свеж,
И, есть Россию научая,
Сам на земле не даром ешь!..

С глубочайшим высокопочитанием и пр⟨очее⟩.

Такой-то

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Преферанс! итальянская опера! полька!.. полька! итальянская опера! преферанс! Вот те могущественные элементы, из которых слагается в настоящее время общественная петербургская жизнь. Все остальное: Александринский театр, канцелярия, маскерады, литература и тысячи подобных вещей, которым мимоходом уделяет иногда петербургский человек минуту своего дорогого времени, — на придачу! Оно могло быть и не быть, тогда как без итальянской оперы, без преферанса и без польки — Петербургу пришлось бы плохо. Мы не думаем нисколько шутить; и читатель (если только он хочет познакомиться с современными движениями петербургской общественной жизни, — цель, предположенная нами при составлении предлежащей статьи) должен отдаться нам с полным доверием и, вооружившись терпением, прослушать нас как можно сериознее...

Разумеется, у каждого из петербургских жителей прежде всего есть то, что́ собственно заставляет его

жить в Петербурге, есть *дело*, потому что Петербург город *деловой*, куда со всех концов России стекаются действовать — наживаться, чем он и отличается от Москвы, куда просто съезжаются *жить*, то есть проживаться. Это уже решенное дело, что в Петербурге не *живут*, а *служат*. Но есть же и у этого беспрестанно действующего, хлопотливого, бессонного Петербурга минуты, в которые он если не живет, то запасается силами для работы. Что ж он делает в эти минуты? Слушает итальянскую оперу, играет в преферанс и танцует польку! Как же вы хотите, чтоб я, приступая к характеристике ежедневной петербургской жизни, не воскликнул того, что воскликнул; хотя то кажется вам и не ново, и не поразительно, и нимало не остроумно. Не все остроумие, милостивые государи, надобно немножко и истины. Будем же прежде всего хлопотать об истине...

Несомненная истина, милостивые государи, что в Петербурге каждый вечер распечатывается столько колод карт, что если б разложить их по карточке одну подле другой, то составилась бы простыня таких огромных размеров, которою можно было бы спеленать весь Петербург или прикрыть Неву на протяжении двадцати пяти верст. Играют люди важные и степенные, имеющие карманы, соответствующие важности их физиономий и значительности положения в свете; играют бедняки, у которых положение карманов еще безотраднее их собственного положения в свете. Но тем-то и велик Преферанс, что он равно благодетельствует всему человечеству, нисколько не увлекаясь никакими пристрастиями; и часто грошовая игра доставляет более удовольствия бедняку, просидевшему восемь часов кряду за переписываньем, чем тысячная господину благонамеренной наружности, провозившемуся до обеда с болонкой. Играют чиновники, играют литераторы и книгопродавцы, играют купцы (разумеется, иностранцы, потому что русский купец еще и доныне предпочитает *горку* всем играм на свете), играют ремесленники (из немцев), играют дамы, старые и молодые, играют девицы, играют дети... Да! играют и дети! Преферанс глубоко пустил корни свои и не хочет ограничиться владычеством над одним поколением: он опутал сетями своими и будущее. С невыразимым и сладким восторгом видел я на днях, как один из будущих представителей его, милый и скромный юноша, семи лет

от рождения, оставил без трех в червях собственного своего родителя, пожилого старца, украшенного сединами и разными знаками деятельной и доблестной жизни... И надобно было видеть всеобщий восторг, произведенный этим великим подвигом, во всем семействе. По этому случаю даже дан был бал, на который съехалось полгорода. Хотели послать напечатать в газетах об этом необыкновенном феномене, но рассудили, что преждевременная известность часто вредит основательному развитию блестящих дарований дитяти, примеры чему видел свет на многих музыкальных и литературных малолетних гениях, которые так и остались навсегда в искусстве малолетними, — и вследствие того решились подождать. Приняты деятельные меры, чтоб способности дитяти шли неуклонно по пути развития, а сумму его выигрышей, которая быстро увеличивается, определено положить в ломбард и выдавать проценты с нее тому, кто покажет ребенку в игре какую-нибудь новую тонкость, до которой он еще не дошел. Самая сумма будет предоставлена в распоряжение выигравшего по миновении ему совершеннолетия. Впрочем, ребенок поговаривал уже, что готов пожертвовать ее на воспитание двух сирот, составляющих его домашнюю партию.

Преферанс представляет по своим особенностям обширное поле для разных рассказов, которые при нашей преферансомании быстро распространяются по неизмеримому протяжению целого государства. Повсюду говорят о преферансе и о различных казусах, случающихся, случившихся или могущих приключиться с преферансовыми игроками. Передаем читателям нашим один из них, который в сущности весьма замечателен, и если он не приключился, то весьма легко может быть, что исполнение его не будет замедлено.

Четыре особы играют в преферанс. Сдававший карты зоркими глазами следит за ходом игры. Выигравший игру хотел уже списать ремиз, но вдруг сдававший произносит грозно и торжественно:

— Вы изволили сделать ренонс!

— Не может быть, этого со мною никогда не случается.

— Вы изволили сделать ренонс на трефах, — отвечал претендент.

— Я вам повторяю, что вы ошибаетесь, я во всю жизнь не делал ренонсов.

— Весьма возможно, но теперь вы сделали, — не угодно ли пари?

— Извольте! — Всю запись.

Претендент вскрывает взятку, и игрок убеждается в горькой истине.

— Удивительно! — произнес хладнокровно игрок и поставил ремиз, а претендент из ста записи сделал двести.

Пред концом пульки этот самый господин играет в червях с прикупкой. Господин, выигравший с него заклад, идет в вист.

Играющий козырнул два раза дамой и валетом, вистующий дал двух маленьких козырей. После этого играющий идет с короля треф — вистующий принимает тузом и выходит в бубны. Играющий сбрасывает на нее пику, а вистующий, закрывая взятку, в порыве восторга произносит: «Вы опять изволили сделать ренонс!»

— Нет, уж это будет слишком часто, — отвечает играющий, рассеянно взглянув на свои карты, — не может быть, на этот раз вы ошиблись.

— Что я не ошибся, то это докажет конец игры, и если угодно, то я вам снова предлагаю заклад.

— Какой угодно, хоть вдесятеро запись.

— Извольте! — с самодовольною улыбкою отвечает вистующий, вполне убежденный, что у играющего остался на руке туз и король червей и что он по ошибке не покрыл тем или другим бубну. Но на этот раз он действительно сильно ошибся: у игрока не оказалось более козырей; его расчет был верен: он купил туза и короля червей — он их же и отнес, последние же два маленькие козыря были у третьего господина, который не пошел в вист. Таким образом тонкий и дальновидный игрок, проиграв игру в червях, — выиграл заклад в 2 000 приз.

Несомненная также истина, милостивые государи, что Петербург с тех пор, как в нем явилась итальянская опера, не только ничего не читает, но даже не любит никаких зрелищ.

Увлекаться, и часто увлекаться бессознательно, свойственно русскому человеку; эта черта подмечена в нас еще издавна опытными наблюдателями и чуть ли не составляет одну из самых широких складок нашего характера, подвержены ли мы той слабости, потому что еще слишком молоды или, действительно, душа наша

способна принимать мгновенно впечатления, до сих пор оба эти предположения составляют проблему нерешенную. Дело в том, что, не умея держаться середины и впадая всегда в крайности, мы до такой степени увлекаемся новизною предмета, что позабываем все то, что прежде приковывало наше внимание. Ничто не в состоянии так резко доказать справедливость этих слов, как действие, которое произвела в Петербурге итальянская опера.

Правда, на этот раз было чем и увлечься. Петербург имеет теперь такую итальянскую оперу, какой нет теперь и в Париже, не говоря уже о других европейских столицах. Рубини, Тамбурини, Ровере, Унануэ, Виардо, Ниссен, Альбони, Кастелян — странно, если б не восхищались такими певцами и певицами, особенно при том, почти всеобщем, в настоящую минуту настроении умов, вследствие которого все убеждены, что ими непременно надобно восхищаться, чтоб не уронить своего достоинства, не показаться отсталым от века, не скомпрометировать себя в обществе. Оттого-то происходит, что, несмотря на неестественную продолжительность, восторг этот, по крайней мере по очевидным признакам, так же силен, как в первые спектакли итальянской оперы, и что даже почтенные и достойные люди, которые давно решили для себя внутренно, что лучше пения московских цыган «ничего нельзя себе представить», считают долгом натягиваться до итальянской музыки и пения и уверять себя и других, что они в восторге. Вообще характер этих восторгов как-то странен, и петербургский человек от них так же спокойно и легко переходит к разговору о погоде или о преферансе, как от чашки кофе к сигаре. Несмотря на то — это все-таки восторг и восторг необыкновенный, в каком петербургская публика не бывала со времен Тальони. Долго ли он еще продолжится или скоро кончится, это зависит от способности петербургского жителя «натягиваться», мера которой доныне не определена. Возвращаясь к мысли, с которой мы начали, повторим, что госпожа Виардо действительно в состоянии увлечь и очаровать своим пением кого б то ни было, даже китайского мандарина и самого Абдель-Кадера, но все же, восхищаясь ею, мы должны бы отдавать справедливость и другим предметам, также достойным внимания. Большая часть публики упирается на то, что у нас решительно нет

ничего стоящего итальянской оперы; — согласны, не станем противоречить; но сила в том, что большею частию мы имеем странное обыкновение (и в особенности дилетанты) вести параллель и судить об искусствах, художественных произведениях и талантах сравнительно. Публика жалуется, что артисты наших театров, несмотря на все свое старание, не могут занять ее; кто же этому виноват, если не сама публика, которая одна только и в состоянии образовать талант артиста, дав ему должное направление. Вообще все это происходит потому, что до сих пор мы смотрим на театр как на забаву, как на средство *убить время*. Видя такое расположение публики, артист, как бы он ни был талантлив, поневоле неглижирует своим искусством, тем более что подвергается весьма часто со стороны публики суду неосновательному. — То неистовые крики, рукоплескания и сальвы аплодисманов сыплются ему навстречу, то холодное равнодушие вознаграждает его за выходку, изобличающую талант, за верно подмеченную черту характера или за художественное выполнение целой сцены. Все это более убивает талант, нежели дает ему средства крепнуть и находить в себе новые силы к усовершенствованию. Впрочем, есть много и других причин, скрывающихся в воззрении самих артистов на свое искусство, по которым русский петербургский театр не удостоивается в надлежащей степени внимания образованнейшей части публики. Со временем мы постараемся раскрыть некоторые из этих причин и вообще представить характеристику этого театра. Теперь ограничимся мимолетными заметками, которые читатели найдут ниже... *ниже* потому, что сначала мы еще должны сказать третью несомненную истину, и резко характеризующую Петербург настоящей минуты...

Она состоит в том, что весь Петербург теперь танцует польку, новый танец, грациозный и поэтический, вошедший в моду в Париже и перешедший оттуда по обыкновению в Петербург. Танец этот нельзя назвать собственно *новым*, ибо в сущности он стар до такой степени, что начало его «скрывается во мраке неизвестности», но что он грациозен и поэтичен, это мы готовы повторить как истину неоспоримую и доказанную: иначе каким образом мог бы он в течение нескольких месяцев кряду занимать почти исключительно прихотливейшее в целом свете общество, для которого старо то, что

вчера было и ново и судорожно-занимательно, которому самая огромная слава наскучает, прежде чем успеет явиться на смену ей другая, которое вечно жаждет нового, нового, нового. Неизвестно, продолжительно ли будет владычество польки в Париже; может быть, она займет там прочное место в ряду любимейших танцев, а может быть и забудется, как скоро пройдет эта странная болезнь, прозванная «polькоманиею»; но несомненно, что полька пустила глубоко персты свои в наше общество и господство ее у нас будет прочно и продолжительно. В нашей общественной жизни, главные элементы которой застой и однообразие, редки даже такие новости, как полька, поэтому мы хватаемся за них с бо́льшею горячностию и уж не отстанем, пока не натешимся вдоволь. Поэтому же то, что́, например, в Париже, который мы по крайнему разумению и поколику то в нашей воле копируем, составляет не более как прибавление к другим интересам жизни, более важным, — у нас обращается, по крайней мере на известное время, в цель жизни, поглощает всю нашу деятельность, делается чем-то сериозно-важным и возбуждает такие толки и прения, как будто бы дело шло о предмете бог знает какой важности. Так, теперь весь Петербург не только танцует польку, но и говорит о польке, и от ресторации Излера до *кондитерского заведения* Выборгской стороны, помещающегося в одноэтажном деревянном домике, покривившемся на одну сторону, — везде услышите вы толки о польке; то же на Невском проспекте, то же в каждом семействе, занимает ли оно квартиру в пять тысяч или только в пятьсот рублей. Это бы еще ничего; не толки, которые неизбежны везде о каждом интересующем предмете, — но важность их, но значение, которое придается предмету, их возбуждающему, — вот что могло бы показаться странным, если б не было понятно и не вытекало из самой жизни нашего общества, интерес которого ограничивается балами, маскарадами и польками.

Явилась прическа à la Polka, платья à la Polka. Молодой и талантливый композитор г-н Кажинский поспешил издать несколько тетрадей музыкальных полек, которые быстро расхватываются. Польки эти прекрасные; видно, что г-н Кажинский писал их под влиянием того впечатления, которое на него самого произвела полька. Явилась книга о польке, книга и забавная и

сериозная, — забавная потому, что в ней рассказываются истории, поводом к которым послужила полька, и поясняются уморительными картинками; сериозная потому, что в ней преподаются *правила польки* для провинций, куда еще не проникли учители польки, но где без сомнения многие сгорают желанием проникнуть в таинства польки. *Правила польки* поясняются рисунками, при помощи которых они довольно удобопонятные. Книга называется «Полька в Париже и в Петербурге».

Пораженный «полькоманиею» Петербург мало обращает внимание на другие имеющиеся у него с давних пор средства к развлечению, исключая двух поименованных выше: преферанса и итальянской оперы, в которую он абонировался, когда еще не слыхал о польке. Балы редки. Маскарады, которые бог знает за что бывало так любил Петербург, пусты. Полны только так называемые танцклассы, где молодежь известного сорта на славу отплясывает все ту же польку; и Александринский театр, где артисты то и делают, что в разных видах танцуют опять все-таки польку, и танцуют (надобно отдать им в этом справедливость) так, как будто они только и делали на своем веку, что танцевали польку.

Говоря о новостях Петербурга, нельзя не упомянуть о замечательном спектакле, данном на Александринском театре (8 февраля) в пользу нашего неподражаемого артиста В. А. Каратыгина. Он состоял из трагедии «Еврей», старой и известной комедии «Обман в пользу любви» и по положению нынешних бенефисов — заключился полькою. По окончании трагедии, принадлежащей к разряду дюжинных, впрочем довольно сносной и удовлетворительной для неприхотливой публики, и поддержанной, как и всегда, превосходной игрою В. А. Каратыгина и В. В. Самойловой, — на сцене Александринского театра явился Рубини и пропел «Stabat-Mater». Превосходным, чудным выполнением этого бессмертного создания Россини знаменитый певец доставил публике истинное и высокое наслаждение. В комедии «Обман в пользу любви» в заключение своего славного сценического поприща явилась А. М. Каратыгина в роли Эльмиры. Энтузиазм и восторг публики при появлении знаменитой артистки, уже простившейся со сценою, был так силен, что ей едва дали вымолвить слово. Умалчиваем о ее художественно-прекрасной игре; известно всем и каждому, что в роли Эльмиры, кроме г-жи Марс, ей

не было и нет подобной. Осыпанная цветами, громкими аплодисментами и радостными возгласами восторженной публики, она должна была являться на многократные вызовы, и долго, долго прощалась с нею публика, думая и надеясь, что этот последний раз был не последний.

ВАЖНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ

Наконец-то мы можем опять указать на отрадное литературное явление! На днях вышел в свет «Тарантас» графа В. А. Соллогуба в великолепнейшем иллюстрированном издании. «Что такое тарантас?» — спросите вы, неподвижный житель Петербурга, не ездивший по русским дорогам далее Четырех рук, не знающий иных экипажей, кроме кареты, коляски или извозчичьих *верблюжьих седел*, именуемых у нас весьма справедливо *дрожками*, понеже они приводят в дрожь даже самого отчаянного ездока.

Извольте; для вас мы поясним, что такое тарантас.

Тарантас, изволите видеть, удивительное изобретение ума человеческого!

«Вообразите два длинные шеста, две параллельные дубины; неизмеримые и бесконечные. Посреди их как будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокам, как исполинский кубок, как чаша преждепотопных обедов. На концах дубин приделаны колеса, и всё это странное создание кажется издали каким-то диким порождением фантастического мира, чем-то средним между стрекозой и кибиткой».

Так описывает тарантас сам автор. Теперь вы, без всякого сомнения, имеете понятие об этом замысловатом инструменте, посредством которого русский барин-сибарит переносится из одного места в другое в средней и южной России. Но вы получили понятие только о наружной форме тарантаса. Внутренность его — о, это чудо из чудес! это зев Молоха, поглощающий всё, что вы в него ни кинете! Это море подушек, перин и тюфяков, в котором может потонуть самая благословенная помещичья семья! Это бездна, которая поглощает пол-Кузнецкого моста, уложенного в коробки, ящики и картонки услужливыми московскими парижанами и парижанками! Это запасная каюта, которая вмещает съедобье на целое путешествие вокруг света. Передок и запятки

тарантаса — полная девичья и лакейская и могут вместить довольно укомплектованную дворню.

Вот вам весь тарантас как экипаж. Но что же такое «Тарантас» гр. Соллогуба? Это совсем другой вопрос.

«Тарантас» графа Соллогуба — весьма счастливая и игривая фантазия; это маленький роман нравов; весьма назидательная и забавная повесть; остроумные путевые впечатления; или, наконец, история или даже не история, а несколько резких эпизодов из жизни Василия Ивановича и Ивана Васильевича, двух главных героев этой эпической драмы, несколько выразительных моментов их существования, полного типического русского характера.

Книга эта написана языком живым, игривым; полна юмора; богата замечательным талантом наблюдательности; читается быстро, без перемежки, несмотря на свои тридцать шесть листов в большую четвертку, и оставляет в читателе продолжительное удовольствие. Не будем здесь распространяться о достоинствах нового сочинения гр. Соллогуба: мы посвятим ему еще несколько страниц «Литературной газеты», на которых публика познакомится с ним гораздо короче. Теперь скажем только, что, приобретши «Тарантас», всякий пропутешествует с автором несколько часов весьма приятно и назидательно.

Но, говоря об авторе «Тарантаса», мы не можем умолчать и о его издателе, книгопродавце А. И. Иванове. Если автор удовлетворяет всем требованиям литературным, то и издатель, в свой черед, удовлетворяет самому изысканному, прихотливому и требовательному вкусу в отношении к типографской роскоши. «Тарантас» издан великолепно, и можно смело сказать, что такого роскошного издания мы доселе на русском языке не имели. Издание украшено множеством больших политипажных рисунков, которые чрезвычайно характерически поясняют текст. Все они мастерски вырезаны на дереве лучшими русскими художниками: бароном Клодтом, Дерикером и другими. Рисунки эти — настоящие типы из русской жизни; а некоторые из них могут почесться образцовыми, художническими произведениями, столько в них истины и искусства. Честь и слава г. Иванову за это издание и еще более за умеренность цены, которую он назначил за свою книгу, долженствующую сделаться всеобщим достоянием! За толстый том, в четвертую долю

листа, полный превосходных картинок, отпечатанный на лучшей бумаге, какую доселе русские фабриканты производили, вы платите только 5 и 4 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩! Вся разница цены зависит только от бумаги и фронтисписа: в одних экземплярах он раскрашен и отпечатан золотом, в других — простой, черный; так дешево не продавалось у нас еще ни одно иллюстрированное издание!

1845—1846

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

⟨1⟩

ОТ ВЫСШЕГО К НИЗШЕМУ

Милостивый Государь мой

Непростительным с вашей, Милостивый Государь мой, стороны упущением как долга подчиненности, так и правил благоприличия, а в особенности священной благодарности за оказанные вам милости, было то, что вы, Милостивый Государь мой, прибыв вчерашнего числа ко мне прямо от Его Превосходительства, куда посланы были с бумагами, не доложили мне о постигшей Его Превосходительство, к крайнему прискорбию и соболезнованию как его семейства, так и всех друзей и знакомых его, головной боли, чем вы, Милостивый Государь мой, в немалое поставив меня затруднение, могли бы навлечь на меня справедливый укор и негодование Его Превосходительства в невнимании, если бы, вслед за сим, предуведомленный сослуживцем вашим, я, нимало не медля, не отправился бы лично в дом Его Превосходительства для осведомления о здоровье Его Превосходительства.

Поставляя сие вам, Милостивый Государь мой, на вид в предупреждение могущих на будущее время произойти подобного рода упущений, прошу вас принять уверение в почтении.

(Подпись).

Примечание. Нет сомнения, что автор письма прилежно заглядывал в «Учебные книги русской словесности», где, между прочим, предложены правила, как

сочиняются письма от равного к равному, от низшего к высшему, и наоборот. В приведенном нами письме все правила эти соблюдены очень строго. Говорите же после того, будто книги такие ни на что не пригодны!..

⟨2⟩

ПИСЬМО СТАНЦИОННОГО ПИСАРЯ К ПОМЕЩИКУ-ПОКРОВИТЕЛЮ [1]

Ваше Высокоблагородие.
Милостивый Государь!

Без приделная милость ваша доброта и великодушие подала мне смелость повергая к стопам вашим и усерднейшую мою прозьбу утруждать исполнением оной эта прозьба плачущего сердца пронзенного стрелою амура состоить в следующем Однажди возрев оком страстным на находящуюсь в доме вашем кормилицу Ану сущую венеру серце мое воспламенилось огнем неугасаемой любви душа моя облилась неутушимым волканом и стой нещастной минуты существо мое начало истлевать естли бы я взял сто перьев хорошо подчиненных естлиб сократ и байрон воскресили то 1-й силою своего Красноречия а 2-й великой философия и убеждения не всилах бы были выразить той адской муки которая обуяла мои чувства эти чувства не суть следствия холодного игоизма ни индюстреальной ращетливости или филозических ощущений всегда милостивой и обычно усердный муж возрете оком сострадания на меня бедного амура и сотворете подвиг великодушной душе вашей свойствиной снизойдите на слезную мою прозьбу и одайте прелесную Ану в супружество без куниц соболя то есть приличным награждением тои которая так была довольно ревностна припадая к стопам вашего высокоблагородия покорный слуга:

---

[1] Невыдуманное и напечатанное здесь в том самом виде, как написано ⟨*примечание Некрасова*⟩.

⟨3⟩

ПИСЬМО ОТ КУПЦА К КУПЦУ

Примечание. Письмо, которое мы хотим теперь сообщить читателям, замечательно во многих отношениях, ибо рисует нравы целого сословия. Вот эти нравы:

«Милостивой государь,
Иван Гарасимовичь!

Вы приказывали Сергею Васильевичю, чтоб поговорить мне, что вы хотите сватать мою сестру. Сергей Васильевич посылали миня к моим радитилям сделать им придложенья что вы хотите сватать сестру и сказал им я на имя Аркадия Васильича и на Ольгу Васильевну и на Потугина, что будто они советуют за вас отдать, то родитель сказал — когда евти люди об нем заключают, что хорошего повиденья, то намерены будуть отдать; но только в том дело састаить, в каком вы смысле намеренны сватьбу играть. Есть ли вы думаите так сватьбу сделать как Сергей Васильевич сказали — можно говорять на триста рублей сыграть, — это значить по кузнецки — купить штоф вина притить распить его да прощай. Нету этким манером взять вам у нас не придется, да и батюшка отдать по кузнецки не согласится потому у нас врадне по кузнецки ни одной нивесты ниадавали и свадеб кузнецких ни бывала, а она у нас ни худава поведенья или ни дура, чтоб мы согласились ее так отдать и она у нас из кошнавых нивеста перва красавица; если нам ее такта атдать-та то нам ни то свои сродники в глаза наплюют, но даже весь город асмиеть потому у нас на зопои и на заговоре будить публика большая, люди будуть хорошаи, одних баринов будить штук до девяти и угощать гастей нечем будить и обедов ни будить — это просто нам в глаза наплюють, и есть ли согласны вы будите свадьбу сыграть па купескому абряду, она вам станить не мене как тыщу рублей потому у нас гостей будить много, вө время запою и заговору у нас займется половина хором, а у вас распаредитса некому как только Васильевной и Ликсееву, а евтаю сволачь радители нидапустють, потому ани только умеют распарядитса около табатирак, а ни у еткиих делов, а родители приказали вам пагаварить есть ли надумаите больше тыщи станить, то они сагласны у вас взять на

всю сватьбу тыщу рублей на свое распоряженья на разные вины и на разные закуски и на абеды и меду сварить и на чай и на сахар и засвадьбу священникам отдать; из пасуды совершенно до вас ничево никаснеца, а чаво сверх тыщи ни дастанить, то они с вас ни капейки непотребують, а ваша дело только приехать с Федарам Васильевичем и сь его женою сесть падле нивесты, а ни с евтими людьми с Васильевной и с Ликсеевым, тогда ни стыдно будить пожаловать и Сергею Васильевичю угостим хорошими напитками; и с платья свас нипатребуим снарядим сами; пастелю уберем в три пиремены отличным манером; квартеру вам тоже ни нанимать, а пустим в каминные комнаты, они у нас аделаны важно; пастелю вам ат нас примут наши сродники как должно по обряду и уберут вам ее. Вот если вы этким манером будите согласны, то приказана мне придить свами пергаварить с радителями и посмотрите при наряде нивесту и так можем сделать на благовещенье запой, и вы ни биспакойтись сваху пасылать — вот вам мое письмо — если согласны будуте, то я вашим буду сватом, а вы моим зятем, а пагавариваить Васильевна за вас у нас свататся, лучше ни пасылайте, потому как батюшка на ние пасмотрить на эткую ловость и спросить ее с какого она званья, а она скажить кухарка, то он евто выведить и выдить дичь палевая; падильнее еетриходили и то носец заварачвал, этайли ходить свататца, и то евто батюшка согласится отдать собственно для миня, потому я желаю вас иметь сваим зятем и вы мне известны так как на руках мои пальцы. Когда евтаго вы ни захотите и пажалеите 1 000 руб. то ищите себе нивесту подишевли, а у нас жинихи будуть. И так честь имею астатца ваш доброжелатель

Милостивый государь
Фарафонт Андреев Кряжов».

Приписка сбоку: «Васильивна эта думаить так как усватали вы первую нивесту так и ета, нет эта совсем особинно, а на етой свадби если согласитца она гатовить кушанье, то мы ей отряжем платье».

Еще примечание. Не правда ли, замечательное письмо? Просим читателей вникнуть в него хорошенько. Оно ясно представляет обычаи, приемы, мнения и требования целого класса людей. Господин с бородкой, писавший письмо, предлагаемое здесь читателям, гнушается свадьбою,

которая играется *по-кузнецки*. Он хочет, чтобы свадьба была играна по *купецкому* обряду, иначе и сродники и город «наплюют им в глаза». Он гнушается Васильевной и не признает ее свахой потому, что она кухарка, а у них на свадьбе *одних баринов будет штук до девяти*. Видно, что почтенная бородка хочет быть на почетной ноге и питает глубокое уважение ко всяким формам и обрядам. Наконец мы просим читателей заметить, что во всем этом письме не говорится нигде о желании или воле невесты по случаю ее свадьбы. Все дело только в том, *в каком смысле* намерен жених играть свадьбу: намерен ли он издержать 300 или 1 000 рублей. Если жених согласится издержать 1 000 рублей, то для соблюдения обычая он посмотрит невесту *при наряде*, а там будет *запой* и заговор, — и всё дело кончено. Еще... но мы пускаемся в объяснение того, что должно быть понятно без объяснений каждому читателю.

⟨4⟩

ПИСЬМО Г-НА МАНИЛОВА К ДАМЕ ПРИЯТНОЙ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ

Милостивая государыня!

Кто всегда в мыслях из добрых моих знакомых, к тому не скоро напишешь, я забываю свои дела, так лишаю себя приятного, но человек несчастлив по собственной воле бывает... Тот трет паркет и говорит: — живу! другой, запивая всё горькое и сладкое в жизни вином, тоже кричит: — живу! покой кому достался, или счастье в удел, непременно скажет: — живу! Сибарит, Филантроп, Мизантроп и даже сам Паразит все живут, но разные понятия о жизни имеют!!!..... Но я тогда бы не существовал, а жил, когда бы мог считаться полезным; но, желая быть добродетельным, не отстал от зла, каюсь! был рабом приличия, не пропустил ни одного собрания, в скромном нашем городке дающихся; но вам очень хорошо известно, почему оно для меня необходимо было... Почему я бросаю себя в общество людей, есть еще и другие причины, — после всё узнаете. Есть люди, которых блеск не ослепит; шум столицы тише бунтующей крови, но меня и этот шум не оглушает. Видимое глазами предается сердцу, но мое сердце и теперь не

решает ничего. Пускай виденное услышится и, передаваясь сердцу, оправдается рассудком, тогда только приму я его. Вы, милостивая государыня, обязали меня желанием встретить светлою душою праздник (давно прошедший), потому что он называется светлым; конечно, но я желаю, чтобы всякое воспоминание о истине да освещало бы ваши мысли и чувства как некогда мои, увы! затменные пасмурною опытностию. Но есть солнце опыта, озаряющее росу надежд, которую я назову мечтою; «да просветится свет ваш перед человека и да видят ваши добрые дела!» Вот какая мысль может только примирить меня с миром, с самим собою и с будущностью моею... Но я оставляю перо, воображая ваше прекрасное будущее и здесь и в небе, — да исполнится...

С истинным почтением остаюсь *и пр⟨очее⟩*.

⟨5⟩

Ваше высокоблагородие

Ангел мой!

Через вас несчастною на свет произошла, пришлите мне из любви пятьдесят рублев, смерть как нужно, а я вас оченна люблю.

Твоя по гроб жизни

Танюша.

⟨6⟩

Любезный мой предмет

Любовь Савельевна!

Неужели вы так жестоки и несострадательны к человечеству, особенно к почитателю и телохранителю вашему? Вы просили меня, чтобы вас проводить до пансиона, куда намерены были отправиться сего числа, не означив, кому оный принадлежит, ни дороги, по коей отправитесь, показав только, что пойдете из своих ворот на правую сторону, и я, как любящий вас до бесконечности, не мог почти дождаться сего времени, потом увидевши, что вы собрались, пустился на правую сторону и, пробежав почти более полверсты, я не мог вас нигде видеть, и не знаю, что бы значило сие, наконец по долгом волнении от усталости и неудачи вас увидеть,

возвратился домой в сильном жару и расслаблении, и я не могу никак постичь, куда вы так скоро из глаз моих могли скрыться, что весьма огорчает, если точно любите несчастного, то помогите ему и утешьте в страданиях, происходивших от величайшей страсти любви, ощущаемых вернейшим вашим почитателем.

⟨7⟩

Ваше высокоблагородие
Милостивейший
Отец, кум и благодетель!

С тех пор как солнце вкруг земли обращается, не было на свете человека добродетельнейшего Вас. Поверьте, милостивый благодетель, не подлость, какая свойственна иным прочим подлейшим людям, и не ради лести, в ожидании наград, но единственно по непритворной любви и высокопочитанию как от себя лично, так и от всего моего семейства с деточками вашими, высокопочтеннейший кум, крестниками, приношу вам сие мое посильное приношение, слабый успех труженика для пользы общественной. Позвольте, благотворительный и чадолюбивый отец, украсить сие мое творение под названием: «О легчайшем и безвреднейшем способе употребления горячительных напитков», всепочитаемым именем Вашим, коего ни одна в городе вдова и сирота, нищие и убогие бесслезно не произносят. О, премилостивый благодетель!.. Да пребудут с Вами и со всем высокопочтенным и благонравным семейством Вашим щедроты Всемогущего, да от крупиц Ваших живут и благословляют имя Ваше страдающие.

Вашего Высокоблагородия милостивейшего отца, кума и благодетеля

с глубочайшим высокопочитанием и догробной преданностью, есмь и буду нижайший слуга

П. Филькин.

На конверте:

Его Высокоблагородию
Милостивейшему государю
Анике Силичу Севрюгину.
Господину Почетному Гражданину, Коммерции Советнику и Кавалеру.

⟨8⟩

Непобедимая в красоте предмет мой
любезнеющая фиялка
Марья Васильевна!

Вы есть ужасающая критика моей к вам чувствительности и насмешка моего сердца. Я думаю и помышляю всеми средствиями, что любовь моя не принесет вам никакого бесчестия и никакой морали, а потому в малой лишь изобильности дерзаю прибегнуть к великолепным стопам вашим, и издыхающий от страсти голос мой честь имеет вам донести о том моем горе и печали, которое вероятно и безошибочно происходит от моей к вам страстности. И вот уже седьмое на десять число появилось со дня нашей разлуки и скрытности, а вы всё еще обо мне негижируете. Я часто нередко и поневоле иногда хожу с меланхолией и зверским видом, но обязанность службы того от нас требует. Завтрашнего числа в шесть часов вечера я буду углубляться позади казармов самым умеренным шагом, и если у меня будет в руках беленький платочек, так это буду я, а если у меня не будет в руках беленького платочка, то это буду не я, а мой неприятель, которого предлагаю я вам бояться как змия, ибо он может вам нанести бескуражность и причину неприятную. И так прощайте, остаюсь ваш почтеннейший и пр⟨очее⟩.

⟨9⟩

ПИСЬМО ДВОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА К СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Вселюбезная и милая моя утеха
Для сердца моего
Анна Кузминишна!

За обязанность я почитаю ныне, чтобы не уведомить вас о моем ныне с начала нашей разлуки положении; не буду описывать вам в каких я мечтах пропровождал путь свой ибо вы ежели издержите свое слово в точности то сами должны знать какие мечтание могут владеть Душой моей, но когда приехал на место то много раз во ображал те слаткие и приятные минуты в которые

мы некогда с вами провожали. Ах и то полагаю я заистинное мое блаженство еще занеизлишние почту сообщить мое вам прискорбное беспокойство но Ах неимею Себе подобного развеять таковаго вы одне Владеите моею жизнию от вас однех зависит всё блаженство мое я без сомнения верю славам вашим тем; в таком откровенном и горячем сердцем моим и надеюсь получить от вас заимнюю мою к вам любовь так же и в том сомнения не имею что вы небудите Довольны письмом моим и неполучите облехчение на сердце ваше которое прикаждом подвиге пера я всякое слово целую Ах милая Аннушка неприведите меня в забвении и храните Сие Милое писмо присердце вашем так же докажете вы в том что вы меня любите и удостоите меня вашим уведомлением Ах Милая Анюта я страдаю без вас в спомний мои Друг Абамне в одоленнои старане итогда в нов щестлив буду еще остается вам сказать Смяхчите ваше Сердце Мне Еще Думается что вы будете приведены в изумление моим писмом то сее и думать за порок почитаите ибо одна любовная природа вилит всегда думать обвас из пущат в здох за вздохом но Ах Милая Аннушка в точности в здох неможет квам добежать написать Вам мое разлуки А Сие может увеселить доприезда моего но ежели Сие вам занятным небудет то я в Согласие Сердца пишу вам наобороте стихи которые могут за ступить мое место в вашем сердце ибо боюсь того чтобы не оболъстил кто вас инезанел бы в вашем сердце то место где я обитаю то я выдумал сретъство занять место хотя стихами моими А вот оне следующие.

Ах милая Анюта с нетерпением жду от вас ответа.....

Лети к моей любезной
Ты письмецо мое скажи ей рок мой
Слезной Скажи как страстень я
Скажи что лутшеи доли
Нестану я желать
Как сладкой лишь неволи
Ея закон в нимать
Скажи что облехчение я
В том едином зрю
Когда в слезах мучение
Тебя сто раз чту

Скажи что ожидаю ответа: надеюсь унываю смерть щастие мое а ты Аннушка причиной что теперь нещастен я с жался надмоей сутьбинои жизнь в руках твоих моя.

Остаюсь истинно вас любящий и желающий с вами видитца

Truhъ твой Ларион Ларионовичь Щербанов
Адрес мои вам известен куды писать
Аньтик адно слова!!!...

⟨10⟩

ПИСЬМО УГНЕТЕННОЙ НЕВИННОСТИ

Ваше Высокоблагородие, Андрей Иваныч! — Любя Вас многие лета я не могу удержаться от слез от Вашей измены вы всегда говаривали мне, что так любите, что даже женитесь на мне и я несчастная поверила вам, и вы меня обманули, что же я вам такое сделала; меня любили всегда хорошие господа и не обманывали и я привыкла к хорошему обращению, вам грех будет Андрей Иваныч и вы ответите за это Создателю. Бог с Вами — придите ко мне я буду очень рада — принесите мне два целковых — прощайте целую вас друг мой...

Верушка

1846

ПУШКИН И ЯЩЕРИЦЫ

В Германии какой-то профессор словесности, знающий русский язык, человек весьма ограниченный, презираемый своими слушателями, но очень много о себе думающий, однажды на лекции, разговорившись о богатстве и благозвучии русского языка, привел между прочим следующий пример:

«Когда я был в Риме, — сказал он пискливым, визгливо-пронзительным дискантом, — две знакомые дамы предложили мне отправиться с ними в Колизей. Торжественность места, освященного столькими воспоминаниями, так сказать, вдохновила меня, и я прочел моим спутницам одно из прекраснейших произведений Пушкина. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что несколько ящериц и жаба выползли из норок своих и, с видимым наслаждением слушая эту дивную гармонию, помавали головками!» Тем из наших соотечественников, которые подвизаются на одном поприще с почтенным иноземным профессором, нехудо принять к сведению его замечательное открытие...

ПОЩЕЧИНА

Боже мой! какие есть счастливые люди на свете! У иного вдруг ни с того ни с сего обкушается богатый дядя и, хлопнутый параличом, протянется где-нибудь на тротуаре, не успев прокутить и половины огромного достояния, не успев даже отказать ничего кой-каким сиротам, которых столько любил, что даже — так един-

ственно ради особенной нежности — называл иногда родными детьми. Другой идет задумавшись, свистит у него в кармане, ворчит в желудке, вдруг споткнулся... глядь — под ногами сверток, развернул — ассигнации!.. А иному просто какой-нибудь богатый человек даст пощечину — при двух, трех свидетелях... Боже мой! как мало нужно для счастья! Одна, только одна пощечина — и счастие сделано! И уже прежний бедняк нанимает великолепную квартиру, ездит четверкой, знается только с избранными людьми, и попробуй хоть словом, хоть взглядом затронуть его амбицию, оскорбить честь... у!.. Впрочем, нашелся какой-то сердитый и мрачный чудак, вздумавший однажды уверять, что счастие, пришедшее к человеку в форме пощечины, — постыдное счастие... Слушающие пришли в неописанное волнение, и один господин очень почтенной и благонамеренной наружности, выступив вперед, поспешил предложить свое мнение. Мало-помалу он до того увлекся важностию вопроса и истинностию своего убеждения, что вдруг почувствовал прилив вдохновения и, несмотря на то, что прежде никогда не писал стихов, импровизировал следующие прекрасные стихи:

Пощечина людей позорит —
Так думал в старину народ;
А в наши дни — никто не спорит —
Бывает и наоборот.
Был у меня бедняк знакомый
С почтенным выпуклым лицом,
Питался редькой и соломой
И слыл в народе подлецом,
Да вдруг столкнулся с богачом:
Затеял ссору с ним пустую,
Пощечину изволил съесть,
Сто тысяч взял на мировую
И вдруг попал в почет и в честь.
Все — кто и ведал и не ведал —
К нему с почтением тотчас,
И даже там вчера обедал
Кой-кто, мне кажется, из вас.
И что ж? Ведь было б безрассудно
Сердиться, мщенье замышлять,
Боль усмирить в щеке нетрудно,
Сто тысяч мудрено достать...
А с ними проживешь так чудно
И беззаботно целый век...
Не сто — пожалуйте пять тысяч, —
Я сам, как честный человек,
Себя сейчас позволю высечь!

Импровизатор был осыпан громкими, единодушными рукоплесканиями, которые вознаградили его за то, что на предложение его никто из присутствующих не согласился. Что ж касается до мрачного и желчного чудака, то по справке оказалось, что он уже три раза получал пощечины, но всегда так неудачно и от таких лиц, что не только не мог завесть себе лошадей и прислуги, но даже не имел денег на стол и квартиру. Он жил у одной шестидесятилетней старушки, у которой не было зубов во рту, но зато в шкатулке хранилось порядочное количество ломбардных билетов...

1847

ИЗ СТАТЬИ «ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ НОВОГО ПОЭТА»

⟨...⟩ Есть у меня и еще стихотворение, но это я не могу посвятить ей, потому что ее недостойно... Предмет прозаический! Как-то я долго читал Гейне и вдруг написал престранную, пренепонятную для меня самого вещь... Вот она:

В один трактир они оба ходили прилежно
И пили с отвагой и страстью безумно мятежно,
Враждебно кончалися их биллиардные встречи
И были дики и буйны их пьяные речи.
Сражались они меж собой как враги и злодеи
И даже во сне все друг с другом играли,
И вдруг подралися... хозяин прогнал их в три шеи,
Но в новом трактире друг друга они не узнали...

Как вы находите?..

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

Г-жа Вольнис. — Биографическое известие о ней, — Ее дебюты на петербургском французском театре. — Что поделывает русская драматическая литература? — Характеристика русского водевиля. — Утешительное известие. — «Музей современной иностранной литературы» и повесть «Деревенский доктор». — «Путевые заметки» Т. Ч. — Библиографическая заметка.

Летом, как известно иногородной публике из газетных фельетонов, из Петербурга все разъезжаются — кто за границу, кто во внутренние губернии, кто на дачу. Город почти пуст. Остается очень немного народу сердитого и озабоченного, который от сидячей жизни, скуки, жару, духоты страждет хандрой, геморроем, завалами и расст-

ройством желудка. Для такого народу изыскивать и придумывать развлечения не стоит (ему не до того), — потому в Петербурге летом новостей еще меньше, чем во все остальные времена года. В прошлом месяце, однако ж, была новость, стоящая, чтоб довести о ней до сведения публики. Сюда прибыла знаменитая парижская актриса г-жа Вольнис (Леонтина Фэ), которая уже и участвовала с блестящим успехом в нескольких представлениях здешнего французского театра. Вот краткая ее биография, извлеченная нами из «Галереи драматических артистов», изданной в Париже несколько лет назад.

«В один вечер, ноября 1816 года, франкфуртский театр был осажден толпою... Шум, крик и давка были страшные... Но вот дирижировавший оркестром подал знак, музыка загремела... „Тсс! шляпы долой! по местам!“ — раздалось со всех сторон. Занавес взвился. Наступило мертвое молчание. Взоры всех с жадным любопытством обратились к сцене. Маленькая девочка с черными, огненными глазами, живая и веселая, вбежала на сцену... Рукоплескания раздались со всех сторон. Этой девочке, для которой стеклись толпы, этой девочке, которая очаровала всех своею игрою, живою и умною, было 5 лет.

На другой день во всем городе только и кричали о ней... „Едва от полу видно, а такой талант, такая грация, такой ум! — Это просто чудо!..“ Имя этого ребенка было Леонтина Фэ (Léontine Fay). Похвалы, венки, букеты, слава приобретаются не вдруг, но Леонтина Фэ начала пользоваться славой чуть не в пеленках... Она вошла в капитолий, едва умея ходить.

Восьми лет она объехала всю Бельгию и часть Франции и повсюду имела успех необыкновенный. В провинции ее прозвали маленьким чудом (petite merveille).

Г⟨оспода⟩ Скриб и Пуарсон распоряжались в это время в театре „Gymnase“. Слухи о маленькой Фэ не могли не обратить их внимания. Они послали нарочного в провинцию, чтобы заключить условие с отцом ее и ангажировать ее на театр... Условия были заключены, дом Фэ присоединился к дому Скриба, Пуарсона и компании. Леонтина, оплакиваемая провинцией, прибыла в Париж. Это было в 1821 году. Ей было тогда 11 лет.

Весь Париж пришел в волнение, когда узнали о ее приезде. Она встречена была на сцене „Gymnase“ с во-

сторгом. Париж забыл на несколько дней все свои политические, литературные и ученые интересы. В кафе, на гуляньях, в палатах, в салонах — везде только и толков было, что о маленькой Леонтине.

Говорили, будто отец сажает ее на хлеб и на воду, чтобы заставлять выучивать роли, что талант ее развивают розгами... Но эти толки были нелепы. Для развития таланта Леонтины не нужно было прибегать к насильственным мерам. Инстинкт ее был ее лучшим руководителем. Точно так, как другие девочки ее лет играют взапуски и бегают за бабочками, — Леонтина забавлялась водевилем и бегала за комедией. Утром она, шутя и играя, выучивала свою роль... и вечером отправлялась в театр с детским восторгом... Когда мать была ею недовольна, она только говорила: „Послушай, Леонтина, если ты будешь шалить, если ты не будешь умницей, ты не будешь играть сегодня". Это замечание действовало на нее более всяких угроз и наказаний.

Казимир Делавинь сказал:

„Quand ils trop d'esprit, les enfants vivent peu..."[1]

Этот стих нейдет к Леонтине Фэ... Талант ее развивался более и более с летами.

Из маленькой Леонтины она превратилась в mademoiselle Léontine Fay* и наконец в madame Volnys.** Слава ее была упрочена. Она выросла, развилась и достигла зрелых лет на театре „Gymnase". История „Gymnase" и драматические произведения г. Скриба есть история г-жи Леонтины Фэ и г-жи Вольнис.

Из театра „Gymnase" она переходила ненадолго в „Théâtre Français" и имела блестящий успех и на этом театре в „Don Juan" *** Казимира Делавиня, „Camaraderie", „Marquise de Senneterre", в „Maria Padilla" **** и в других драмах; но, несмотря на это, она

---

[1] Дети слишком умные живут недолго... — Перевод с французского Некрасова.

* мадемуазель Леонтина Фэ (*франц.*).

** мадам Вольнис (*франц.*).

*** «Дон Жуан» (*франц.*).

**** «Товарищество», «Маркиза Сенетьер», «Мария Падилла» (*франц.*).

недолго оставалась на „Théâtre Français“ и перешла снова в „Gymnase“.

Г-жа Вольнис превосходно знает сцену... Она изучила во время своего долгого драматического поприща все малейшие сценические тонкости и при своем врожденном таланте стала в ряд первых парижских актрис. Она необыкновенно натуральна. Она играет в водевилях, в комедии и в драме с равным искусством...»

В Петербурге она была принята с восторгом. Она дебютировала в прошлом месяце в драмах: «Don Juan d'Autriche», в «Mathilde, ou La jalousie», «Rodolphe, ou Frère et soeur», «La grande dame, ou Amélie et Ferdinand» и «Une faute».* Во всех этих пьесах она имела успех самый блестящий. Игра ее в высшей степени натуральна и отличается истинным, глубоким чувством. В водевилях «Тиридате» и «La marraine» ** она была очаровательна. В следующем месяце мы надеемся подробно поговорить об этой необыкновенно замечательной артистке, талант которой, не уступая таланту г-жи Плесси, не имеет, однако, с ним ничего общего...

— А что поделывает наша драматическая литература? — спросит иной читатель, не встречающий в «Современнике» отзывов о различных драмах, комедиях и водевилях, появляющихся на сцене Александрынского театра и в печати. Несмотря на нашу оговорку, после которой наше молчание о драматических произведениях красноречивее всяких слов, мы готовы удовлетворить любопытство такого читателя. Наша драматическая литература делает то же, что делала она год, два, три, десять лет тому назад. Пробавляется она большею частию переводами, и в особенности переделками с французского да изредка так называемыми оригинальными произведениями. Те и другие иногда имеют некоторое достоинство на сцене, разыгранные актерами, для которых написаны в них роли, но в печати они смертельно бледны и скучны. Содержание их всё еще вертится около любви, за которою к концу пьесы непременно следует женитьба. По мнению наших водевилистов, мы только и делаем, что влюбляемся да

---

* «Австрийский Дон Жуан», «Матильда, или Ревность», «Родольф, или Брат и сестра», «Знатная дама, или Амелия и Фердинанд», «Ошибка» (*франц.*).

** «Крестная мать» (*франц.*).

женимся; других пружин драмы они в нашей жизни не видят, как будто их и не существует. Остроумие наших водевилей также вертится около известных мотивов: куплеты на *жен*, *судей*, *докторов*, *рогатых мужей*, *невест*, *засидевшихся в девках*, *друзей*, *на гибкие спины*, *тугие* и *пустые карманы*, *подьячих* — распеваются почти в каждой пьесе; кроме этих предметов, в одном названии которых уже заключается неистощимый источник смешного, водевиль наш щеголяет иногда самородными русскими *каламбурами*... Знаете ли вы, что такое русский самородный каламбур? Если нет, я вас с ним познакомлю. Передо мною теперь целый десяток русских водевилей, и для меня нетрудно выбрать вам несколько образчиков; буду брать наудачу:

Но я злодея твоего
При первой встрече озадачу.
Как *близкий* родственник его
Подальше я его запрячу.

(«Женатые повесы,
или Дядюшка ищет,
а племянник рыщет», *водевиль*.)

Тюпинер. Дайте-с *руку*.
Галюбе. Вот вам обе.
Вместе. Негодяй в моих *руках*.

(Там же.)

Тому причины нет другой,
Сама ты убедишься в этом,
Как то, что *занят* он тобой,
Пока ты *занята* портретом.

(«Красноярский купец», ком.-вод.)

Но если ж *сей* [1] любви *натурой* дать нельзя,
Тогда хоть *деньгами* взамен мне отпустите.

(Там же.)

По *Гороховой* я шел,
А *гороху* не нашел.

(«Комедия с дядюшкой».)

Тощий. Живем на *тонкой* мы ноге.
Толстяк. Мы ходим *твердою* ногою.

(«Толстяк и Тощий», *шутка*.)

---

[1] Как должно быть приятно и естественно это *сей* — в пении! ⟨*примечание Некрасова*⟩.

Но каламбуры — дело трудное и не всякому по силам; потому авторы часто прибегают для возбуждения смеху в своих зрителях к средствам менее затруднительным, но не менее (если еще не более) верным; именно к таким намекам и выражениям, которые уж никак нельзя назвать двусмысленными, особенно при выразительных жестах, какими сопровождаются они на сцене; приведем только один пример, и то самый невинный. Тощий поет Толстяку:

Вот, мой любезный, эту честь
Приятно заслужить в народе,
А вам бы только пить да есть,
Да долг свой отдавать природе.

(«Толстяк и Тощий».)

Если б мы захотели такого рода примеров, мы в полчаса набрали бы их на десять страниц, потому что ничем так не изобилует русский водевиль, как подобными «остротами»; но читатели, конечно, будут нам благодарны, что мы ограничиваемся одним. Любимые действующие лица таких водевилей: разные оригиналы, приезжающие в столицу из провинций, толстяки, уроды всех возможных родов — калеки, глухие, слепые, горбатые, заики, пьяные лакеи, дядюшки,[1] наконец жиды, армяне, греки, татары с халатами, итальянцы с гипсовыми фигурами, немцы, цыгане — словом, всякие иностранцы, безбожно коверкающие русский язык. Тут уж не надо ни остроумия, ни изобретательности, ни оригинальности: умейте только выбрать действующих лиц, — они сами за себя постоят! Пьяный ломается и делает уморительные рожи, заика картавит, иностранец коверкает русские слова, — еще ли не смешно? Важнейшие и употребительнейшие эффекты: 1) Переодеванья мужчин в женское платье, женщин в мужское; появление одного и того же лица в одной пьесе в нескольких ролях — то молодым, то старым, то мужчиной, то женщиной, то русским, то жидом, цыганом, татарином. 2) Беганье по сцене одного дейст-

---

[1] Без дядюшки не обходится решительно ни один русский водевиль. Из шести вышедших в последнее время водевилей три даже в заглавии не обошлись без дядюшки, именно: 1) «Женатые повесы, или *Дядюшка* ищет, а племянник рыщет», 2) «Комедия с *дядюшкой*», 3) «*Дядюшка*, каких мало, или Племянник в хлопотах» ⟨*примечание Некрасова*⟩.

вующего лица за другим, показыванье кулаков и разные угрожающие телодвижения, битье в спину. 3) Ссоры, примирения, узнания, падения на колени, обниманья, слезы, неистовый хохот...

Таков наш современный водевиль. Говоря вообще, наша драматическая литература не имеет ничего общего с остальною литературою, которой не отказывают в некоторой степени жизни и движения даже самые строгие ценители и судьи. Но ничто живое и современное не отразилось на наших сценических произведениях. Здесь все мертво и неподвижно. Не говоря о том, что водевиль наш тяжеловесен, все в нем до крайности бесцветно, а главное — старо, старо!.. Но, может быть, на слово нам не поверят? Если мало приведенных выше примеров, вот еще две выдержки из самых свежих пьес, вышедших в нынешнем году:

Будь богат — везде почтенье
Тебе всякий отдает.
И поздравить в день рожденья
Всяк за счастие почтет.

Бедняка ж везде ругают,
Говорят с ним кое-как
И с презрением толкают,
Говоря: ведь он дурак!!

Деньги двери отворяют
Везде в знатные дома,
Богача везде ласкают,
А бедняк для всех — чума!

(«Дядюшка, каких мало»,
водевиль.)

Деньги есть,
Так по деньгам вам и честь;
Вот как денежки нашлись,
Всем мы вдруг обзавелись:
Модный фрак, сюртук, жилет,
Шляпа, трость, часы, лорнет,
И перчатки, и белье...

(«Красноярский купец»,
водевиль.)

Мы видим множество людей,
Что кое-как протерлись в люди:
Один дежурил у дверей,
Тот не жалел спины и груди,
Тот вышел бойким языком,

Тот вышел прыткими ногами,
Иные — изредка — умом,
А чаще — длинными руками...

(«Толстяк и Тощий»,
шутка.)

Вот предел, дальше которого не шагнул наш водевильный юмор... А далеко ли шагнула наша драма?.. Позвольте умолчать покуда. Со временем я представлю вам очерк современной нашей драмы, а господин Новый Поэт окажет вам еще большую услугу: он представит вам образчик русской оригинальной драмы в наиболее употребительном роде... Он именно теперь занят таким трудом... Заваленный тысячами книг и древних рукописей, весь погруженный в созерцание седой старины и великих исторических личностей, которые намерен воспроизвесть в своей драме, — он почти отказался от сна и пищи, чтоб сделать труд свой достойным нашего времени и своей славы. Произведение его будет называться:

«Басманов, или „И дым отечества нам сладок и приятен!“

Оригинальное драматическое представление
в 5 актах и 16 отделениях, с хорами, песнями,
пушечной пальбой, взрывом крепости, пожаром
и русскими национальными плясками»

— В «Современнике» («крит⟨ика⟩ и библиогр⟨афия⟩» № 4, с. 127) было уже говорено о новом издании под названием «Музей современной иностранной литературы»... Кроме надутого и не в меру заносчивого предисловия, в котором издатели объявили о своем намерении исправить вкус публики и спасти литературу от дурного направления, мы тогда же нашли новое издание очень нелишним и предсказали ему успех, если оно будет продолжаться, как началось. Нам приятно теперь сообщить нашим читателям, что «Музей современной иностранной литературы» достиг уже пятого выпуска, что три последние выпуска его так же полны и разнообразны, как два первые, переводы большею частию недурны, бумага и печать очень хороши, выбор... вот именно на выборе-то мы и остановимся на минуту. В четвертом выпуске «Музея» напечатана, между прочим,

повесть «Деревенский доктор»... Кроме «Музея», та же повесть явилась еще в двух журналах — в одном очень читаемом и в другом вовсе нечитаемом... Читателям нашим, конечно, будет интересно познакомиться с повестью, которая, подобно последнему роману Жоржа Санда, удостоилась чести попасть в три издания... Что-нибудь заставило же издателей выбрать именно ее... Или она очень хороша? А вот послушайте...

Графиня де-Монкар с несколькими знакомыми дамами и кавалерами приезжает в замок Бюрси, доставшийся ей в наследство после дяди. К обеду приглашают деревенского доктора, застенчивого и мрачного чудака. Доктор все молчит, но когда графиня, взглянув в окно, изъявляет свое намерение приказать срубить видный вдали «белый дом», мешающий рассматривать окрестные виды, — доктор вдруг обнаруживает глубокое сожаление... Графиня обещает оставить белый дом на старом месте, если доктор расскажет «историю белого дома»; доктор соглашается... Все, как водится, уселись около него в кружок, и он начал... Он рассказывает, что белый дом долго был пуст, наконец он заметил в нем признаки движения; в нем родилось желание узнать его новых жильцов, которое скоро исполнилось: его пригласили как доктора. Жильцы белого дома — Вильям Мередит и жена его Ева. Вильям поселился здесь, чтоб укрыться от богатых и знатных родителей, которые преследовали его за неровный и самовольный брак. Вильям — лицо бесцветное; Ева, в которой автор силился соединить всевозможные женские совершенства, — существо неестественное, сантиментальное, отталкивающее своею приторностью и добродушным цинизмом, едва ли даже возможным в семнадцатилетней, только что вышедшей замуж женщине. В первый раз в жизни увидав доктора, не успев сказать с ним еще и пяти слов, она уже успевает объявить ему без всякого намека с его стороны, без всякой нужды, что она беременна. Вот как это произошло... Доктор спросил ее, значительна ли разница в климате той страны, где она родилась, с климатом страны, в которой она теперь? «Я родилась в Америке, — отвечает она и прибавляет, — впрочем, вы знаете, что всякая страна хороша, когда живешь в доме мужа, когда видишь его любовь и *когда ожидаешь счастия быть матерью*». И при этом, замечает рассказчик. «*она бросила взгляд любви на Виллияма* и

сказала на незнакомом мне языке несколько слов, но эти слова были так *сладки*, что они показались мне каким-то пением»... Как вам всё это нравится? Но это еще ничего. Читайте дальше: «Чем бы она (Ева) ни занималась, *она садилась так, что первый взгляд ее падал на мужа. Она не читала других книг, кроме тех, которые читал Виллиям.* Склоня голову на его плечо, *она следила за теми же строками, которые он пробегал. Она хотела, чтоб одинаковые мысли во всем соединяли их.* И когда я (говорит доктор) проходил сад, чтоб войти к ним, то всегда улыбался, видя на песке аллеи *следы маленькой ножки Евы всегда подле следов Виллияма*». Любопытно бы было знать, до чего мог бы дойти автор, если б попросить его продолжать исчисление одинаковых и одновременных действий прекрасной Евы с ее супругом... Без сомнения, она спала тоже в одно время с ним, пила в одно время и непременно то же, что он, ела то же, что он, и в одно время с ним... Ну, словом, все делала волей или неволей в одно время и вместе с ним... Образцовая супруга! Недаром в повести то и дело расточаются похвалы ей, и автор на нее не надышится... Как она говорит! ах, как она говорит! как сильно и глубоко чувствует!.. Вот муж ее уехал на один день в ближайший город получить деньги. Она осталась одна с доктором, чуть не в обмороке... Уж восемь часов вечера, муж не едет. Она плачет, доктор утешает ее. Неутешная, она говорит: «Разве могут быть люди, которые живут в одиночестве? Разве не умирают *тотчас же*, когда отнимают у *дыхания* половину воздуха?»... И между тем сама же она живет вот уж почти день без мужа, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ в *одиночестве*, и не умирает, — но такой очевидный факт не убеждает ее в пустоте ее вопроса!.. Я сам видывал таких женщин, которые так говорят, но только те женщины не идеал совершенства, не образец грации и возвышенности чувств, а фразерки сухие и тщедушные, которые, ухватившись за полы своих мужей, любят щеголять глубокими чувствами, которых в них нет, богатым внутренним содержанием, которое никогда не проявляется, а на деле занимаются сплетнями, тонут в самых ничтожных мелочах и пошлостях, корчат нравственных и приводят в краску мужчин своим наивным и грубым цинизмом!.. Вот к ним-то следовало бы примкнуть чувствительную Еву... Чем кончилась ее история? Виллиям не вернулся. Его

убили на возвратном пути и ограбили... Ева хочет умереть. Доктор убеждает ее жить для будущего младенца. Но здесь еще не конец повести... Повесть заключается нелепостью, достойною автора, в воображении которого родился очаровательный образ Евы. Младенец родился. До одиннадцати лет он был идиот, только ел и спал, не понимал, что ему говорили, ничему не сочувствовал, даже не играл, подобно другим детям; на двенадцатом году, на трупе своей матери, он вдруг, как сказано в повести, *«пришел в полный рассудок»*, всё понял, всё узнал в одну минуту, заговорил, как умный, получил огромное наследство по смерти деда и прожил век счастливо и благополучно... Выслушав рассказ, графиня в благодарность дарит доктору белый дом... Вот вам и вся повесть, переведенная у нас в трех изданиях.

В заключение я расскажу вам еще повесть, которою, надеюсь, вы будете довольнее... Или, правильнее, ее расскажет вам одна дама, которой, по ее собственному сознанию, уже сорок шесть лет и у которой волосы уже седы. *«Из этого,* — говорит она, — *вы можете заключить, что голова моя много, много думала, что у меня есть сердце»*. Конечно, вы знаете, что поседеть можно и от других причин, но рассказчица поседела именно от причин, которые сама объявила. Ее повесть доказывает, что она точно много думала и что у нее есть сердце. Она такая мастерица рассказывать, что я позволил себе исключить здесь только некоторые посторонние рассуждения и лишние подробности; всё остальное передано ее собственными словами. (Для различия сокращенное напечатано здесь крупнее, несокращенное мельче.) Задача повести заключается в разрешении вопроса: можно ли влюбиться в ребенка?

— Можно! — отвечает рассказчица и начинает свою повесть. Слушайте.

I

ЛЁЛЯ

...Забудьте, что я стара, забудьте, потому что в эту минуту я сама об этом забываю. Руки мои горят, но я не положу пера; боюсь, что взор невольно упадет на зеркало и я в нем увижу седые волосы... Я вспомнила

«его». Хотите ли знать, как его зовут? Имя его Алексей; все родные звали его Лёля.

Когда я увидела в первый раз Лёлю, ему было пятнадцать лет; он был грациозен и ловок, одевался тщательно и щеголял изяществом во всех приемах. В чем состояла его красота, я не постигаю. Я заглядывалась на его черные блестящие глаза, я любовалась его чистосердечной, смелой улыбкой, и не раз мне хотелось расцеловать его алые щеки. Жаркая кровь зажгла на них пламенный румянец, оттенила смуглую южную кожу, заструилась по синеньким жилкам и на всё лицо бросила матовый, чистый отлив. Лёля был очаровательное дитя. В нем сильно было развито желание нравиться, в нем было заманчивое, детское кокетство, а ум в нем был недетский. Несмотря на все это, я, может быть, полюбовалась бы им, но не полюбила его, если бы в душе моей не было такой непреодолимой потребности любви.

Я была пятью годами старее Лёли; до того времени мне многие нравились, но я тушила в себе это чувство, как только оно начинало походить на любовь. Я давно уже выезжала в свет и знала, что мне надо бы только маленького искусного кокетства, чтобы привлечь к себе большую часть молодежи. Прежде я это делала, испытывая свои силы и самовольно тешась возможностью успеха и уменьем действовать; но это меня тешило только до восемнадцати лет. Проснулась гордость: я захотела быть любимой так, как те, которых считали красавицами. Но я никогда не была красавицей и не могла нравиться иначе, как посредством самого желания нравиться. Пошлого кокетства я ненавижу, а тонкое кокетство требует деятельности и изобретательного, гибкого ума. Знакомая мне молодежь не заслуживала такого внимания; я себя высоко ценила: я бы ей позволила меня обожать, но заставить ее меня обожать я не хотела, — это было несообразно с моей гордостью, и я стала ездить в свет без участия и без цели, гордясь внутренно своим добровольным одиночеством.

Когда я увидела в Лёле кокетство, мне захотелось попробовать на нем свою изобретательность. Я себя не могла компрометировать и в случае неудачи сумела бы себя утешить. Как игрок, я начинала партию; но партнер мой час от часу казался занимательней, милей, и игра стала не на шутку интересною.

Однако этот ребенок был очень равнодушен ко мне или хотел казаться таким. Многого он не понимал; многие прекрасно придуманные действия гибли незамеченными; многие значительные слова оставались без отголоска, и много страстных взглядов я расточала даром. Тогда жажда успеха зажигала во мне досаду, развивала изобретательность: я удвоивала старание; но новая неудача раздражала меня более и более, и даже иногда мне становилось неловко перед собой. Бывали минуты, когда я сознавалась в своем бессилии и в двадцать лет говорила себе: «Пора со сцены!» На меня находило глубокое разочарование, мне становилось невыразимо грустно. Тогда мне казалось, что прошла моя пора нравиться; что я уже осуждена только видеть владычество других; что роль моя теперь уже превратилась в роль лиц без слов и что потом незаметно меня вытеснят со сцены и бросят в число снисходительных зрителей. Я готовилась встретить это мгновение с твердостью, и место грусти в душе моей вдруг заступала горькая философия. Опять я встречала Лёлю. Непокорное дитя казалось мне прелестнее, чем когда-либо. Я говорила себе, что стыдно бежать с поля при начале сражения, и с новой

горячностью начинала игру, интерес которой увеличивался с каждою встречей.

Характер мой своеволен и горд, но для Лёли он был гибок и почти покорен. Как бы мне ни было тяжело на душе, я не смела грустить, потому что дети вообще все не любят грустных лиц, а дети живые, веселые и счастливые скучают с теми, кто не так весел, как они. Я подделывалась под тон разговора Лёли, сообразжалась с духом его суждений, льстила его самолюбию явным предпочтением, восхищалась им вслух; я почти говорила ему в глаза, что я его обожаю. Верите ли вы, что наконец меня счастливил ласковый взгляд его черных, искрящихся глаз, пожатие его маленькой ручки; что мне становилось грустно, если он танцевал с другими, и досадно, если он хвалил кого-нибудь. Я его любила, я его даже ревновала.

Я его любила, как Дант любил Беатрису, — с другой любовью я не могу сравнить этого чувства. Мне дорог был час, в который я знала, что увижу его; для него я умела быть снисходительной; моя воля, прихотливая и порой упорная, гнулась, приноравливалась к его прихотям; я мучила себя, изобретая средства нравиться, и приходила в отчаяние, если они были недостаточны. В моем чувстве был целый мир нежности, заботливости и снисхождения. Я боялась ему надоесть предупредительностью или оскорбить его невниманием. Чтобы избежать этих двух крайностей, я ломала свой характер, переработывала манеру обращения, которую усвоила себе с самой колыбели. Как я умела щадить его детское самолюбие! как я боялась оскорбить его образ мыслей! Этот ребенок мог бы сделаться самым деспотическим повелителем, если бы не был слишком молод, — молодость не позволяла ему отличить моего чувства от обыкновенных льстивых ласк, которыми все его окружали.

И долго, долго я не видела особенного предпочтения в свою пользу, и часто я должна была сознаваться, что его внимание ко мне одинаково, как и ко всем тем, которые польстили ему хотя минутно, которые приласкали его хотя однажды.

Наконец раз мне показалось, что я достигла своей цели. Лёля танцевал со мной преимущественно, говорил со мной с удовольствием, осыпал меня умной лестью... С неописанным чувством я любовалась им и возвратилась домой под влиянием самого пылкого восторга. С того дня он стал оказывать мне заметное предпочтение. Ко мне возвратилось спокойствие; я была на верху счастья и гордости...

К сожалению, я не умела обманываться на свой счет: я не могла не заметить, что внимание Лёли ко мне проявлялось вспышками, а не последовательно и постоянно; иногда я себя уверяла, что он еще дитя по чувствам, хотя не по уму; что он робок, что любить еще не может, но что все же я ему нравлюсь предпочтительно. Наконец я говорила себе, что он сам себя не понимает; но скоро я убедилась, что его равнодушие происходит не от этих причин. Оно происходило от того,

что я не была в моде, за мной не увивался рой поклонников, а для самолюбия Лёли быть любимым женщиной, не замечаемой светом и не играющей в нем блестящей роли, — казалось недостаточным... Уверившись в такой горькой истине, я легла спать расстроенная и почти уничтоженная, но я не могла сердиться на Лёлю и винила себя...

Я решилась поправить ошибку свою и занять место заметное: я стала любезной, внимательной для всей молодежи; я искала ей нравиться, и понемногу начали являться партизаны, а там и поклонники. Я стала входить в моду.

Кокетничая наперерыв со всеми, оказывая предпочтение тем, кто имел более весу в обществе, я успела привлечь многих на свою сторону. Но эти действия занимали меня и лишали возможности быть с Лёлей такою внимательной, как прежде. В нем же слышанный мною разговор произвел сильный переворот, и хотя я уже была femme à la mode,* но не называлась еще ею; он стал пренебрегать мною, — и между нами скоро поселилась холодность.

В числе моих партизанов был Д *. Он был молод, недурен собой, с довольно хорошим образованием; я более всего находила удовольствия в его обществе и потому более искала этого общества; предпочтение его становилось определеннее, яснее. Лёля ухаживал за Sophie,** но я его все любила каким-то особенно нежным чувством. Я прощала ему его несправедливость; для него я хотела окружить себя сиянием модного положения в свете. Я говорила себе: «Это дитя! он полюбит снова меня, когда увидит, что я так же могу быть любима, как другие». Но до того времени было еще далеко. Бывали минуты, когда он хотел подойти ко мне, но вдруг останавливался, и его взгляд, его поклон были холодно учтивы. Д * становился все более внимательным. Наконец он сделал мне предложение. Я была бедна; родные хотели меня видеть пристроенною; мне стоило большой борьбы, больших страданий, но я согласилась. Когда я увиделась с Лёлей, когда он меня поздравлял, на его прелестном лице выразилась досада и насмешливая грусть; на глазах у меня выступили слезы; я должна была опустить голову, чтобы скрыть их. Долго, долго, оставаясь одна, я грустила: на душе было горько; потом приходил жених: он был так добр, так ласков. Я упрекала себя в холодности; когда он уходил, я упрекала себя в притворстве; я мучилась. «Да это сумасшествие!» — говорила я себе.

За неделю до свадьбы я старалась избегать встречи с Лёлей и вздохнула свободней, когда с мужем села в карету и уехала в его деревню. Но и в деревне я часто задумывалась и невольно говорила себе, вздыхая: «Увижу ли я свою Беатрису?» Наконец эти минуты грустной задумчивости стали реже. Я уверяла себя, что Лёля забыл давно обо мне, что с моей стороны это было ребячество, называла свое чувство любовью Данта наоборот. И это чувство понемногу затихло, заглохло, замерло. Я успокоилась или, скорее, впала в летаргию, и дни мои пошли мирно, тихо, но бесцветно.

---

* светской дамой (*франц.*).

** Софией (*франц.*).

II

M⟨onsieu⟩r Alexis *

Муж мой любил меня очень нежно; по мере состояния он доставлял мне все удовольствия. Характера флегматического от природы, ума приятного, но беззаботного, тихий, кроткий, он выполнял мои желания, но не умел угадывать и предупреждать их. Наши чувства были нежнее дружбы, но не доверчивее ее. У всякого из нас были маленькие тайны, которые происходили оттого, что мы не мучили друг друга ревнивым любопытством и не решались нарушить взаимной осмотрительности, без которой супружество страстное — блаженно, а равнодушное тягостно, потому что взаимные отношения стеснены незаметно, потому что тогда словарь переменяется: невинное любопытство называется требовательностью, вопрос доверчивый — притеснением, совет и желание — тиранством. Муж начинает говорить: «Ты хочешь учить меня! ты за мной присматриваешь — воля моя стеснена». Потом он думает про себя: «Вот черт меня дернул жениться!.. Зачем я променял свободу на это ярмо... О, свобода, свобода!» И он начинает хмуриться, отворачиваться, идет к приятелю, едет на охоту, садится за преферанс. Жена схватывает книгу, но, прочтя три страницы, бросает ее и задумывается. Тут она тоже вспоминает свое прошлое; она тоже говорит себе: «Тогда я была свободна!» И вот она плачет, плачет. Муж застает ее в слезах:

— Как скучно, — вечные слезы! все одно и то же! ах, как это мне надоело!

— Вам надоело, вам! вы хотите запретить мне плакать! Вы тиран, вы меня убиваете своим обращением, вы лишаете меня последнего утешения. Это бесчеловечно! это ужасно! Нет, твоя власть не простирается так далеко, хотя ты меня во всем стесняешь. Ты не можешь мне запретить плакать: я буду, буду! о, я скоро умру, будь уверен. Боже мой, боже мой, как я несчастна!

И вслед за тем поток рыданий.

Вот вам образчик супружеской трагикомедии. Потом вроде интермедии — сладкая аркадская сцена; но эта интермедия непродолжительна: пиеса начнется снова, и трудно предугадать, какую развязку мы увидим в пятом действии. Мы же жили мирно, без вечных ссор и вечных пламенных лобзаний. ⟨...⟩ Женщины почти говорили мне, что он меня не любит; я им отвечала, что он женился на мне, зная, что я без приданого; Дмитрий Иванович улыбался, целовал меня ласково в лоб и садился доигрывать партию в шахматы. Право, я была очень счастлива. Из поклонников своих я отличала то того, то другого, тешась над глухим злословием и над нелепыми комментариями городских жителей.

Мне уже было двадцать пять лет. Дмитрий Иванович давно служил в губернском городе, где дни наши шли мирно и беспечно. Одна из моих кузин переехала тоже жить в город; она была страстно влюблена в своего мужа и ждала с нетерпением его возврата из-за границы.

---

* Господин Алексис (*франц.*).

Наконец он воротился. Вместе с ним приехал мой прежний Лёля, теперь Mr Alexis, бывший тоже за границей. Красота его развилась вполне.

Разумеется, Алексис был у нас с тех пор на счету домашних, у Веры тоже. Я стала приветливее, нежнее к мужу; я чувствовала такое мирное счастье, была так довольна своей судьбой. Алексис одушевил всех нас, и два месяца, которые он провел у своих родных, казались нам веком скуки. Но он возвратился, — пошли прежние беззаботные дни, хотя Алексис бывал часто задумчив и грустен; но грусть его бывала непродолжительна: беззаботность и живость возвращались к нему, и я тотчас успокоилась. Да, я боялась любви его; а между тем, видеть его или знать, что я могу его увидеть, счастливило меня. Часто говорят, что если женщина становится ангелом в домашней жизни, то или обманывает мужа, или собирается его обмануть. Это ложно. Любовь еще не признанная, любовь в самом начале своем, всегда дает нам какое-то ясное, мирное счастье; ничто так не раскрывает душу к добру, как счастье. Вот тайна внезапной мягкости, кротости, снисхождения и нежного внимания ко всем приближенным, при самом гордом и раздражительном нраве.

Раз мы сидели за чайным столиком. Зашел разговор сначала о любви вообще, наконец о том, можно ли влюбиться в ребенка. И я рассказала им любовь свою к Лёле, никого не называя, изменяя даже события. Они стали смеяться. Мне было невыразимо больно видеть их смех. В ответ на одну из шуток Алексиса я нагнулась к нему и сказала вполголоса: «Я вас прошу никогда не шутить этим». Верно, лицо мое было очень серьезно, потому что Алексис пристально посмотрел мне в глаза и сделался задумчив и грустен во все остальное время вечера.

На другой день я читала книгу в беседке, когда пришел Алексис.

— Ваша кузина вам кланяется. Que faites-vous de bon? *

— Читаю, а теперь думаю поболтать с вами.

— Нет, пожалуйста, я тоже хочу читать; дайте мне другую книгу.

— Да это второй том!

— Нужды нет, вы увидите, как я им займусь.

Мы принялись за чтение, но Алексис не читал: поминутно взглядывал на меня из-за книги и улыбался; я подшучивала над его вниманием к чтению. Мы смеялись оба, наконец, не говоря уже ни слова, мы взглядывали друг на друга и улыбались. Никогда я его не видела таким очаровательным: румянец пылал жарче, чем когда-либо; взор его светился необыкновенно ярко; лукавая улыбка пробегала по алым губам, оттененным едва рождающимися усиками. Щеки мои тоже горели, я тоже невольно улыбалась. Вдруг Алексис далеко

---

* Что поделываете? (*франц.*).

отбросил свою книгу, быстро сел на скамейку подле меня, схватил мою руку и крепко, жарко поцеловал ее. Мы оба были взволнованы.

— Этого не должно быть, Mr Alexis! — сказала я, стараясь казаться спокойной. Он вмиг опомнился и, приняв беззаботную мину, отвечал:

— Вот ужасное преступление поцеловать вашу ручку! Вера Михайловна менее меня знает, а обращение ее со мной более дружеское. Впрочем, ведь я это делал двадцать раз с вами обеими, и вы не сердились. Нет, здесь скрывается особенная причина, — сделайте одолжение, скажите ее. Если она важна, я покорюсь вашему решению.

И он смело смотрел мне в глаза, и шутил, и улыбался, — ни тени прежнего волнения, ни признака страсти. Я готова была думать, что я ошиблась, я боялась, чтобы он не отгадал моих мыслей, — столь смешным казался мне мой испуг, такой жалкой pruderie * и самонадеянностью отзывались вырвавшиеся у меня слова. Я покраснела от стыда и досады и молчала.

— Вы молчите, — продолжал шутя Алексис, — следовательно, вы сознаете свою несправедливость. Но, как старые друзья, мы помиримся, не правда ли?

Смеясь, я ему протянула руку, он поцеловал ее, но в этот раз в его движении, кроме дружеской ласки и рассчитанной вежливости, ничего нельзя было заметить.

В другой раз мы танцевали вместе; он расспрашивал меня подробно о первых двух годах моего замужества. Мы встали делать фигуру.

— Вот видите ли, — сказал Алексис, подавая мне руку, — вы были счастливы, а меня повезли в университет; я учился усердно, не пропускал профессорских лекций, но часто, часто бедный Лёля задумывался, сидя на студентской скамье, — он думал о вас, а вы, верно, о нем забыли.

— Нет, нет, я долго помнила его! — воскликнула я, увлеченная воспоминанием.

Любила ли я Алексиса?.. Не знаю... Лёле даже казалось, что я более прежнего любила моего мужа. Между тем мне было больно, когда Алексис оказывал предпочтение моей приятельнице.

В одну из наших прогулок Вера была так хороша, Алексис так исключительно занят ее разговором, что я задумалась. Гуляющих было много; всякая из нас имела кавалера. Я шла молча под руку с Алексисом; мы оставили далеко других и повернули в узенькую густую аллею. Во все время мы не промолвили ни слова. Мы были одни, Алексис улыбнулся.

— Вы сердитесь? — спросил он.

— Помилуйте, за что же?

— Нет, я вижу, что вы сердитесь!

И он взял нежно мою руку. Мне вдруг сделалось страшно; я не только отняла руку, которую он взял, но даже выдернула ту, которою опиралась во все время прогулки на его руку. Я остановилась в нескольких шагах от него с смущением и испугом.

— Да что с вами, Анна Федоровна? Вы как будто меня боитесь!

— Совсем нет, — сказала я, покраснев, глядя ему в глаза и протягивая сама ему руку.

---

* показной добродетелью (*франц.*).

В один миг он схватил ее, другая рука как змея обвилась вокруг моей талии, и лицо его нагнулось быстро к моему с страстным выражением.

Я сердилась, я просила его уехать... К утру я почти ненавидела Алексиса и твердо решила его не видеть... Вдруг вошел Алексис... Мужа моего не было дома...

Я не слыхала, как взошел Алексис, мне казалось, я вижу во сне, как он придвигает стул, садится, облокачивается на руку и с глубокой нежностью глядит мне в глаза; я почти сама протянула ему руку. Мы обменялись нежным пожатием. Он молча стал на колени, держа мои руки в своих руках.

— Зачем вы хотите, чтобы я уехал, — сказал он тихо, — зачем? чего вы боитесь? что может пугать вас? Какое дело вам, люблю ли я вас или нет? ведь вы не можете запретить любить вас, ведь вы знаете, что вас любят многие. Совести вашей не за что упрекать вас... Вы меня не любите, вы сами это знаете. К чему требовать моего отъезда? зачем вам бояться моего присутствия?

Если бы вы слышали его голос, тихий, внятный, полный страстного раздумья! Если бы вы видели в эту минуту его прелестное юное лицо!

Догоравший луч обливал горячим светом его пылающие щеки, его черные волосы и миллионами искр рассыпался в его чудных глазах, будто огненные брызги вспыхивали на этих ресницах, будто огненная полоса радуги лилась из этих глаз в мою душу. Могущество, полнота, сила страсти озарили прелестное художественное лицо, ни одной недоконченной черты, ни одного недосказанного выражения.

Я не могла свести глаз с юного, пламенного создания, и жадный слух боялся потерять звуки молодого, чистого голоса, я не понимала слов и не слыхала их; я только любовалась им и говорила себе: как он хорош! И когда, утомленный несвязными речами, он нагнул прелестную голову с покорною грустью, — руки мои тихо, бережно приподняли ее, я нежно поцеловала его глаза, я страстно поцеловала его губы. А он... Он не вскочил, как герой романа, с неистовым порывом, нет, голова его упала совсем на его грудь, и силы физические исчезли, подавленные силою страстной души.

Через минуту мы сидели рядом, рука моя лежала в его руке, и я беспрестанно повторяла: «Теперь ты знаешь, отчего я хочу твоего отъезда, не правда ли?»

Он отвечал мне страстным пожатием руки и благодарным взглядом.

Боже мой, какая это была минута! Много лет проскользнуло с тех пор, много чувств и мыслей заставили биться это сердце и склоняли эту голову. И я состарилась, и волоса поседели, и несколько морщин прорезались вдоль лба, резче отделив бледные щеки, но отчего же эта минута прошла резкой, огнистой полосой чрез мои воспоминания? отчего теперь, когда я пишу это, щеки мои горят и грудь томительно трепещет? Скажите, отчего?

Блажен, кто хоть раз, во всю бесцветную, многотрудную жизнь испытал роскошь чувств, упоение страсти, блаженство любви, в ком кратковременность блаженства не позволила развиться чувствам более грубым и порочным. Блажен, блажен!.. Но как назвать того, кто

тихо, одиноко прошел незаметную жизнь, кто ложится в тесный гроб, не оставляя в своем прошедшем ни одного сердечного увлечения, ни одного младенческого верования; кто ничего не ждал и ни к чему не готовился, кто не жил, а переносил только жизнь, не роптал на горе, потому что не понимал возможности радостей, кто оградил себя от страстей, но не мог оградить от желаний, кто отталкивал даже возможность любви, и потому болезненным сердцем привязался к себе, — как назовем мы того?..

...Он сидел подле меня, он целовал мои руки, он говорил о любви. Целых два часа мы могли еще провести так, и мы провели их, и в эти два часа я рассказала ему, как любила Лёлю и как люблю Алексиса, как сильно и пылко это и как нежно было то чувство... Он почти ревновал меня к Лёле... Признаюсь, в этом моем рассказе был глубоко обдуманный расчет любящего сердца. Я решилася расстаться с Алексисом без его ведома, я могла отказаться от его любви, но гордость моя не в состоянии была отречься от права на его воспоминания...

Мы расстались. Так прошло несколько лет. Алексис был в Петербурге с отцом, который хлопотал для него о месте при посольстве...

III

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

...Мы были на баденских водах. Сидячая жизнь и заботы службы расстроили здоровье моего мужа. В Бадене я получила письмо от приятельницы моей — Веры. Она встретилась с Алексисом, узнала его тайну: он признался ей, что любит меня... Столько лет разлуки — и, между тем, он еще любит меня!.. Я задумалась, вспомнила старое, но скоро болезнь мужа возвратила меня к прежним обязанностям: все мысли, все заботы свои посвятила я ему... Но болезнь не уступала, и наконец муж мой умер...

Мне было тридцать пять лет, когда я возвратилась на родину. Я должна была поддерживать прежние знакомства. Встреча с прежними лицами напомнила мне прежние дни, знакомство с важными людьми, с «тузами общества», дало мне значение, доставило прекрасные связи. Я бы могла даже сделаться маленьким государственным лицом, если бы не ценила выше всего свободу. Я была очень моложава, стройна, одевалась со вкусом, но без претензий на юные цвета. У меня было много поклонников, пять партий и два пламенно влюбленных. На поклонников я не обращала особенного внимания, в партиях не

нуждалась, а влюбленные, они так были смешны и жалки в сравнении с Алексисом! Я была свободна, я могла думать о нем и предавалась этому наслаждению. Мне не у кого было расспрашивать о нем, но я ждала, ждала его с сердечным замиранием. «Он не знает, что я в России, он не знает, что я свободна!» — думала я. Вера жила в Казани с мужем. Я думала от нее узнать об Алексисе, но пять лет прошло после его последнего письма к ним из-за границы. Я жила в своем имении уединенно или бросалась в шумную рассеянность, чего бы я не дала, чтобы привязаться хоть к кому-нибудь из толпы, окружавшей меня! Нет, предо мной стоял Алексис, из-за страстных взоров их смотрели на меня его искрометные глаза. Увижу ль я его?..

Я была на бале у губернатора. Платье мое было не готово, и я явилась поздно. Хозяин дома взял меня за руку и сказал, тихо обходя залу:

— Мой бал шел скучно и вяло без вас. Молодежь ждала лучей красоты, а мы, старики, — лучей прелестного женского ума. Вы наше общее солнце, и ваше появление оживило всех нас. Танцуйте и не щадите непокорных!

Он еще раз пожал, улыбаясь, мою руку и отошел, но я мало танцевала в этот вечер и ушла к концу бала в гостиную. Там я застала нашего милого хозяина, занятого разговором с какою-то молодой дамой. Лицо ее мне было незнакомо, но прекрасно. Богатый, изысканный костюм, особенное внимание ее собеседника и замешательство, с которым она, краснея, ему отвечала, заставили меня с четверть часа следить за говорящими. Губернатор скоро меня заметил.

— Вы что-то сегодня грустны? — спросил он подходя.

— C'est que vous me faites des infidélités,* — отвечала я, смеясь, и так громко, что незнакомка меня услышала. Внимательно посмотрела она на меня, но, встретив мой взор, покраснела и потупила глазки; мы остались одни, потому что за ней пришел ее кавалер.

— Кто это? я ее не знаю.

— Жена одного важного человека не столько по чину, как по связям. Впрочем, он статский советник, хотя еще молод; служил при посольстве, а теперь переходит в министерство внутренних дел. Они здесь проездом, и имение ее в этой губернии. Люди премилые оба, а особенно он, — пойдет далеко, если будет так продолжать. C'est un vrai homme d'état.**

В это время мы стояли у дверей игорной комнаты.

— Постойте, — продолжал он, — будем наблюдать за игроками. Взгляните, как в зеркале отражается умная физиономия моего гостя.

Я увидела в зеркале наклоненную слегка голову, опущенные глаза, полузакрытые черными ресницами, и черные волоса.

— Играю в красных, — произнес внятный, спокойно-медленный голос.

В звуке этого голоса было что-то знакомое; я вглядываюсь, он тоже взглядывает на зеркало и быстро оборачивается:

— Анна Федоровна, вы ли? Здоровы ли? Я так рад всегда вас видеть. Сколько лет, как не видались.

— Да вы, как вижу, знакомы с Алексеем Петровичем, — сказал губернатор, — очень рад вашей встрече.

---

* Потому что вы мне неверны *(франц.)*.

** Это настоящий государственный человек *(франц.)*.

Я была бледна, ноги подгибались, но я с усилием улыбнулась, и все прошло. Не стану повторять, о чем мы говорили, — разговор был пустой, незначительный. Внимание Алексея Петровича почти исключительно было приковано к словам его превосходительства. Я могла рассматривать его на свободе. Он был хорош, но бледен, даже губы бледные, в глазах — заботливое выражение, как будто он что-то соображает; возле лба жиже волоса, чем были, да у бровей две едва заметные морщинки, — вот вся перемена. Но это не был Лёля, это не был Алексис; это просто Алексей Петрович. Глядя на него, я ни о чем не думала и ничего не вспоминала, только мне было горько, очень горько. Он смеялся свободно и шутил свободно. Рассчитанно умен, рассчитанно любезен, в каждом слове его была приятная лесть хозяину дома. Я слушала их разговор бессознательно. Я видела, как просияло лицо Алексея Петровича, когда они под руку шли смотреть танцующих, слышала его восторженные похвалы балу. Кроме чинолюбия, ничего не было в этом сердце. В эту минуту он был счастлив, потому что все ему кланялись, видя внимание к нему его превосходительства.

Уезжая с бала, я увидела его на лестнице. Он вел под руку свою хорошенькую жену и зевал, заворачиваясь в шубу.

— Le bal a été charmant, * — сказала она.

— Quel monde! ** — отвечал он с насмешкой. — Кроме хозяина не на кого смотреть.

— С кем ты говорил, выходя?

— Отыскал какую-то допотопную знакомую, но если бы не она, так мне не удалось бы встать из-за карт, чтобы поговорить с губернатором. Он человек нужный. Только ты вовсе не умеешь быть любезной с такими лицами.

Последние слова были почти заглушены стуком подножки и дверец.

С тех пор мы не встречались. В душе моей нет оскорбления, злобы, негодования, презрения или грусти. Все изгладилось, все ровно и смирно. Но если солнце горячо пригреет обновленную землю, если знойное дуновение весеннего ветерка зашевелит листьями сирени, — мне отрадно и грустно, голова склоняется к груди, и теплая слеза падает на руку...

Повести конец... Если вы подумаете, что я сам ее выдумал, очень ошибетесь. Она взята мною из небольшой книжки, которая вышла в прошлом месяце в Одессе, под заглавием «Путевые заметки», соч. Т. Ч., и на которую мне хотелось заставить вас обратить внимание... При книжке есть предисловие, из которого видно, что автор ее — дама. Сколько помнится, г-жа Т. Ч. в первый раз появляется в нашей литературе, и я спешу поздравить публику с явлением очень приятного таланта. Что в г-же Т. Ч. есть талант писать рассказы легкие, живые, увлекательные, о том, конечно, никто не станет

---

* Бал был очарователен (*франц.*).

** Но что за публика! (*франц.*).

спорить: доказательство налицо! Книжка вышла в Одессе, а у нас все, что появляется вне Петербурга, редко делается известным дальше места своего рождения... Чего доброго, такая же участь могла постигнуть и «Путевые заметки», но теперь вы их знаете и примете под свое покровительство. В книжке г-жи Т. Ч. есть и другая повесть, под названием «Гувернантка», но она так замечательна, что надо поговорить о ней на досуге. Удовлетворив своему желанию поскорей поздравить г-жу Т. Ч. с прекрасным талантом, а публику с прекрасными повестями, я отлагаю разбор «Гувернантки» до следующего нумера.

— Вот еще библиографическая новость: вышел первый том обширного сочинения *«Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии»* Александра Бутовского. Автор, как по положению своему, так и по внутренней наклонности, долго изучал науку, сделавшуюся в наше время по глубокому влиянию своему на быт человеческий одним из важнейших предметов изысканий для умов самых могущественных и светлых, которым всего дороже на земле человек и его благосостояние. Разумеется, по первому тому мы ничего не можем сказать ни о началах, которым следует автор, ни о силе сочетания идей и выводов, ни об искусстве изложения, — мы посвятим этому обширный, тщательный и беспристрастный разбор, когда выйдут остальные томы, которых будет два. Они уже печатаются и в августе месяце должны выйти в свет.

«ТЕОРИЯ БИЛЬЯРДНОЙ ИГРЫ» И НОВЫЙ ПОЭТ

На днях вышла новая книга, под названием:

ТЕОРИЯ БИЛЬЯРДНОЙ ИГРЫ. (*Руководство для желающих сделаться первоклассными игроками. С таблицею чертежей. СПб. 1847*).

Я читал ее, когда забежал ко мне Новый поэт... Он вырвал у меня книгу и сказал торжественно: «Знаешь ли ты, какую книгу держишь в руках? Понимаешь ли всю важность великих тайн, открываемых в ней?»

— Не понимаю, — отвечал я. — Впрочем, кажется, она составлена недурно.

— А чертежи?

— Хороши.

— И только?.. Ты не должен писать о ней!.. Мне, — воскликнул он вдохновенно, — мне надлежит объяснить миру сокрытые в ней тайны... Я один обладаю правом писать о такой книге... Рожденный в бильярдной, под бильярдом провел я нежнейшие годы моего детства... На бильярде оставил я всё свое состояние... Бильярд был моей школой, моей радостью и моим черным демоном... Вы, простые смертные, смотрите на бильярд как на доску, обитую зеленым сукном; для меня бильярд — целый мир, кипящий жизнию и страстями... И я знаю его судорожную жизнь, его страсти; как живые — передо мной ежеминутно его жертвы и его герои... да! знаешь ли ты, что такое бильярдные герои?..

— Нет, не знаю...

— Не знаешь?.. А я...

И тут у него налились глаза кровью, и он начал декламировать:

О вы, герои билиярда!
Я славно знал когда-то вас
И в исступлении азарта
Спасал от голоду не раз.
Мне ваших лиц зелено-бледных,
Ни ваших вдохновенных штук,
Ни сертуков богато-бедных,
Жилетов пестрых, красных брюк,
Волос ненатурально редких
И рук художественно метких
Забыть в сей жизни не дано,
Затем что было суждено
Мне много лет стезею вашей
С кием в руке и с полной чашей
Пройти...

— Как, неужели ты был бильярдным шулером? — прервал я его с удивлением. — Он обиделся...

— За кого ты меня принимаешь? — сказал он. — Нет, я только знал всех лучших шулеров; они горды и осторожны, их сердца неприступны, но я был принят и обласкан ими как родной... Да то ли я еще знаю?.. Я знал тех посетителей трактиров,

Которым за стакан клико
В разгаре грязных вакханалий

Плескали в рожу... Глубоко
Сначала чувство оскорблялось,
Но постепенно примирялось
И, примирилось наконец.
Я стал такой же молодец,
И пляска гаеров бесстыдных
Под градом плоскостей обидных
Меня смешила — и не раз
В чаду вина, в припадке скуки
Я унизительные муки
И сам придумывал для вас —
О вы, наследники прямые
Шутов почтенной старины,
Которых рожи расписные
И прибаутки площадные
Так были бешено смешны
И без которых и доселе,
В сей сильно просвещенный век,
. . . .
Не весел русский человек!..

— Помилуй, — сказал я, выслушав импровизацию Нового поэта, — что с тобой сделалось? Ты на себя не похож... Стих твой был величествен, сам ты делил слова на «подлые» и «благородные» и избегал первых как огня... А теперь — *«грязь»*, *«рожа»* ... Помилуй! я никак от тебя не ожидал такого превращения...

— К черту щепетильность и чопорность! — отвечал поэт. — На днях я прочел Измайлова и — пусть извинят меня щепетильные уши — нашел, что если уж подражать, так подражать ему... Слова все хороши, если выражают мысль, и я еще не так тебя изумлю...

— Чем же ты хочешь меня изумить?

— А вот... чтоб показать тебе всю высокую важность книги, которую ты, профан, держишь в руках, я хочу представить тебе несколько поразительных картин. Вообрази себе русский трактир... Я на днях был в таком трактире. На лестнице нечистота; в первой комнате чад, духота; тут бегали половые с чайниками, сталкивались мещане в сибирках, проходившие в кухню закурить трубку, а на первом плане красовался чернобородый и тучный буфетчик.

Среди гусей, окороков, индеек
Он заседал, бородкой шевеля,
И знали все: крал двадцать пять копеек
Неотразимо с каждого рубля.
Хозяин сам, копеечный купчишка,
Облопавшись настойки и трески,

Говаривал: «Ведь знаю, что воришка,
Да дело, варвар, знает мастерски!»

Поэт остановился, и пока он переводил дух, я думал о том, радуется ли тень Измайлова, слушая такие стихи?.. Поэт продолжал:

— В остальных комнатах, как известно: гардины, в которых не только ночуют, но и вечно живут тучи, только не золотые, а серые, пасмурные, зловещие... столы, видно, очень хорошие, потому что покрыты, для сбережения, темноватой дерюгой, солонка, перечница, полоскательная чашка; на стенах картины, известно какие... Словом, всё как следует...

Но хоть сия российская таверна
Смотрела неприветно, даже скверно,
А, видно, в ней дышалося легко...
Сюда бежал подьячий необритый,
Пропахнувший сивухой глубоко,
Прожорливый и никогда не сытый...
Сюда являлся господин в усах,
С израненным, великолепным носом,
В весьма широких плисовых штанах,
В архалуке, подбитом мериносом,
Обшитом бранденбурами. Кидал
Сей господин с надменностью нелепой
Взгляд на слугу презрительно-свирепый
И «ну, болван, вчерашнюю!» кричал...
Сюда являлся фокусник голодный,
Родной земли цветущие поля
Покинувший . . . .
. . . .
На срок прощался с матерью-старухой,
С невестою сей тощий сын нужды,
Но погасил российскою сивухой
В груди давно немецкие мечты.
(А в старину ему мечтались живо
Объятия хорошенькой жены,
Колпак, халат, душистый кнастер, пиво
И прочие филистерские сны...)
Смиренно век в трактирах доживая,
Он в сертучишке нанковом ходил
И, русский и родной язык ломая,
Трактирную компанию смешил...
Не оскорблялся он названьем цапли,
И, если рюмку кто ему давал,
Он, выпив *содержимое* до капли,
С поклоном *содержащее* съедал...

— Но к чему ж ведет такое длинное вступление? — спросил я, желая поскорей подвинуть дело к концу...

— А вот к чему, — отвечал поэт. — Тут же, обыкновенно в стороне, есть комната грязная, запачканная, с скамейками по стенам, с четырьмя лампами или просто свечами над бильярдом. Тут-то настоящий вертеп... Стройно расставлены кии, орудие счастия для одних, для других орудие гибели... Черная доска испещрена цифрами и черточками, означающими куши и партии, и маркер крепко держит в руках два «куша», отданные ему недоверчивыми соперниками до решения боя... Кому достанутся куши?.. Вот соперники, один высок и бледен, другой мал ростом, но крепок и плотен; на лице его спокойная уверенность, тогда как высокий, видимо, борется с мучительным страхом... Зрители смотрят с напряженным вниманием, кий стучит, роковой желтый шар, покопченный для отличия от белых на свечке, бежит, прискакивая, ударяется в борт, опять бежит, сталкивается с красным шаром, снова бежит и падает, падает в среднюю лузу... Смертная бледность покрывает лицо высокого. — «Несчастный! отчего проиграл ты?.. Ты сделал красного, но собственный твой шар выскочил за борт, и соперник твой воспользовался плодами твоего удара... Потом ты сделал кикс... Потом подставил... Несчастный! знаешь ли ты, когда бьешь, куда пойдет и где остановится твой шар?.. Знаешь ли ты, как нужно бить, чтоб шар не выскакивал?.. А кикс?.. Ты поминутно мелишь свой кий, но не в недостатке мелу на кончике кия тайна твоего кикса — она в твоем невежестве!.. Но ты винишь счастье, надеешься, играешь и снова проигрываешь... Таким образом ты лишаешься всего...»

Поэт перевел дух и продолжал:

— Теперь, любезный друг, вообрази себе порядочный ресторан... Чистый буфет... освещенная газом бильярдная...

И, описав ресторан, он принялся рисовать мне картину, подобную первой. Но я остановил его, уверив, что мне случалось видеть такие сцены...

— Ну, так я заключу коротко, — сказал он. — Везде — и в мрачной бильярдной грязного трактира и в бильярдной великолепного ресторана — непонимание основных законов бильярдной игры ведет к проигрышу! Как бы умен ни был человек, какие бы старания ни прилагал он в игре и как бы гениальны ни были его бильярдные способности, — он не может сделаться первоклассным игроком при помощи одной сметливости

и навыка. В бильярде, как и во всём, есть своя азбука, своя грамматика, которая должна быть положена в основание прочному знанию... Согласен?..

— Совершенно.

— Ну, так пойми же теперь всю важность книги, которую ты держишь в руках... Тысячи несчастных проигрывают и разоряются, а отчего? Не от недостатка ловкости, а оттого, что слишком полагаются на природные способности и пренебрегают теорией... Тут, как видишь, повторяется наша всегдашняя история...

— Вишь куда метнул! Да ведь, кажется, у нас доныне не было и книги, из которой можно было бы научиться теории бильярдной игры?

— Была когда-то, очень давно, да с тех пор в области бильярдной игры сделаны исполинские шаги вперед... Прочти новую «Теорию», — право, полюбишь бильярд.

— Нет, ты лучше расскажи мне, в чем она заключается.

И приятель мой как будто ждал такого вызова: с чрезвычайною подробностию начал он излагать мне содержание книги, читал из нее целые главы, превозносил ее похвалами и наконец воскликнул:

— Я не встречал трактата об игре, который был бы составлен с бо́льшим искусством, тщательностию, обдуманностию...

— И грамотностию, — прибавил я, совершенно убежденный выдержками, которые прочел мне Новый поэт, что книга написана прекрасным языком...

Поэт ушел, взяв с меня слово представить на суд публики его мнение о новой «Теории бильярдной игры»... Когда он уходил, я сказал ему:

— Скажи, пожалуйста, что с тобой сделалось? Я всё не могу прийти в себя от твоих сегодняшних стихов... Куда девались возвышенные чувства? где великие личности, которые избирал ты прежде в герои своих поэм?

— Возвышенные чувства! великие личности! — отвечал он презрительно. — Недаром я ходил в старину в школу: я знаю, что на свете было много разнородных героев, знаю даже, как зовут некоторых из них и что они сделали... да только я-то живу в мире купеческих сынков, губернских и разных секретарей, бильярдных игроков, самолюбивых сочинителей и актеров, промышленников и спекуляторов, зубных врачей и мазуриков, —

я сам и сочинитель и спекулятор и... (тут он запнулся)... Какое ж мне дело до великих личностей, до героев?.. Сказать ли правду, я даже перестал верить, что они существовали когда-нибудь... Чужды мне их нравы, взгляды и убеждения. Глух я на голос того чувства, которое вело их на опасность и явную смерть... Дико и недоверчиво отзываются в ушах моих слова негодования, лившиеся из уст их при виде нечестивого, впрочем обещающего прибыль дела, и вчуже протягивается рука моя к подкупающему золотому мешку, от которого с презрением отворачиваются они, нерасчетливые герои... Вчуже мурашки пробегают у меня по коже, когда говорят они правду, за которую может достаться, вместо лжи, которою можно выиграть... Какую пользу извлеку я из их примеров? Для чего стану передавать их деяния, никому не нужные?.. Я простился с ними и никогда к ним не возвращусь:

Затем, что мне в трактире бьющий стекла
Купеческий сынок в пятнадцать лет
В сто тысяч раз важнее Фемистокла
И всех его торжественных побед!..

«Еще человек погиб»,— подумал я...

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПРИЯТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

Где бы вы ни жили на всем пространстве Российской империи, от Вислы до Камчатки и от Архангельска до Арарата, вы никак не можете удовлетворить всем своим потребностям на месте, и вам зачем-нибудь да надо будет хоть раз обратиться к Петербургу. Что вы в таком случае станете делать?

Как чтó? вот забавно! а друзья-то на чтó? напишу к приятелю, так он мне с первой же почтой вышлет все, чтó нужно и даже чего не нужно.

Насчет последнего не спорю, но в первом позвольте усомниться и в доказательство сообщить вам несколько извлечений из хранящейся у меня коллекции *приятельских писем*, от разных Пиладов к многоразличным Орестам. Коллекция эта замечательна во многих отношениях, но теперь я выбираю из нее только то, чтó касается до взаимных приятельских услуг.

От Александра Сучкова к Петру Теркину

Тверь. 1847, апреля 16.

...Итак, ты можешь поздравить меня, неизменный товарищ! Я стою у порога храма счастия; еще один шаг — и я в святилище! Еще один месяц — и я назову *ее* моею! Понимаешь ли ты все значение этих слов? Понимаешь ли, что в этих звуках заключены рай, блаженство, небо, свет и жизнь? да чтó? я знаю, в твоей верной груди бьется товарищеское сердце, готовое делить со мною и горе, и радость, и самую жизнь. Поделимся же и презренными дрязгами жизни, грязью, в которой должен иногда топтаться человек, образ и подобие божества! Да, друг! горько спускаться с неба на землю, но чтó же делать с *людьми*, если они так мелки, что не понимают, где истинная отчизна *человека*! Итак, поговорим об этих дрязгах, или, как выразился бы какой-нибудь премудрый делец, к делу. Сделай милость, возьми из консистории и вышли мне с первою же почтою мое метрическое свидетельство; оно уже готово, и тебе стоит только взять его, — задержек не будет. Ты знаешь, этот клочок бумаги необходим для моего счастья, он ключ к вратам моего храма. — Да еще закажи мне у лучшего портного полную пару платья по прилагаемой мерке и последнего фасона, какой у вас там носят. Фрак, я думаю, лучше цветной, с металлическими пуговицами, жилет шелковый, непременно с цветами. Не забудь также купить и галстух. На все это посылаю 200 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩. Если не хватит, доплати, а я, разумеется, с первой же почтой вышлю. Я уверен и пр⟨очее⟩ пр⟨очее⟩.

Твой Александр.

От Петра Теркина к поручику Щеткину

Петербург. 1847, апреля 25.

...Унесла же тебя нелегкая в деревню, будто бы от петербургской скуки, а в самом деле для излечения карманной чахотки. Несчастный! Знаешь ли ты, что ты уехал едва не накануне такой пирушки, какой уже давно, давно не задавал твой покорный слуга? Вижу изумление во всех чертах лица твоего; полно! вспомни, что порядочный человек ничему не должен удивляться, а тем менее глу-

постям провинциалов и завиральным идеям людей *с высшим полетом*. О высший полет! благословенный полет! благодаря тебе, свалились с надзвездных стран, из рога изобилия над вратами храма Гименея прямо в мою квартиру: ящик шампанского, устрицы, трюфли, индейки, билеты в разные спектакли, etc, etc.

Постой, однако же. Я вижу, ты тут ничего не понимаешь. Надо объяснить дело проще. Третьего дня получаю я объявление на письмо со вложением 200 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩. Первая мысль моя была: «верно, ошибка в адресе». Вторая: «а мне какое до этого, черт возьми, дело! лишь бы засвидетельствовали в квартале». Гришка в ту же минуту был отправлен в дежурство, и, для верности, ему вручен последний бывший у меня налицо целковый. Жаль! очень жаль! адрес был верный, деньги присланы точно мне — на разные порученности. Есть же на свете такие ослы, а еще жениться собирается! Впрочем, ведь еще Полевой, кажется, сказал:

Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?

А впрочем, я не осуждаю за это Сучкова; мы были товарищами по университету, и я до сих пор еще помню наше прощанье в Москве, три года тому назад; то есть, помню начало, а конец, черт его знает, как-то затерялся в памяти, да и то сказать, мадера была преподлейшая. Теперь он женится, — должно быть еще не протрезвился с тех пор. Ведь глупо, ужасно глупо, — а не дурак; малый образованный, учился хорошо, и в письме его есть такие, братец, мысли, что хоть сейчас в «Современник». Вот тебе и польза от наук! — Новостей у нас почти никаких: вчера, говорят, поймали... и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩.

От помещика Рукавицына к Александру Сучкову, в Тверь

Село Тарасово. 1847, сентября 10.

Я не писал к тебе так давно, что, право, мне ужасно совестно. Надеюсь, что ты за это не в претензии, и поздравляю тебя, во-первых, со вступлением в брак и, во-вторых, с получением штатного места в Петербурге, о чем известил меня приезжавший ко мне

на днях общий наш знакомый, С. Он говорил также, что жена у тебя чудо какая хорошенькая и что ты далеко уйдешь по службе. Славный человек этот С. и очень тебя любит; впрочем, не из лести скажу тебе, что тебя все твои товарищи любят. Вот и Теркин, — уж на что, кажется, ветрогон, а не может тебя забыть; в апреле, когда я еще был в Петербурге, давал он пирушку своим приятелям; народу, разумеется, было много, разговор шумный, а у него десятое слово на языке ты да ты. «Эх, — говорит, — как жаль, что нет с нами нашего Александра! Он не думает и не гадает, как мы тут кутим!» За ужином предложил даже тост за тебя и будущую (тогда она была еще будущей) жену твою и произнес при этом такую речь, что все просто пришли в восторг! Я просил его тогда же записать эту речь, хотел послать тебе; но он отвечал, что не может повторить сказанного, что это плод минутного вдохновения. У меня же память плохая: всего не перескажу, да и не сумею так сказать. Помню только, что заключил он женой твоей: «Да будет, — говорит, — она ему верна, как верен я неизменной нашей дружбе!»

Я здесь в деревне хоть и скучаю иногда, ну, да где же человек не скучает? Зато вот постой, — скоро осень, — выпадет снежок, — выскочат зайцы, — задам же я им трезвону с моими борзыми! Клянусь честью, весь уезд выворочу как рукавицу, — ни одного кустика, ни одной норки не оставлю в покое. Натешусь на целый год, черт возьми!

А, кстати, есть до тебя просьбица: ты на днях едешь в Петербург, так вышли мне, пожалуйста, оттуда охотничьи вещи по прилагаемому реестру. Я и знал, где их можно достать, да адрес как-то затерялся, а ты там отыщешь; мастер этот живет где-то не то на Васильевском острову, не то за Знаменьем, не помню наверное. На издержки прилагаю 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Я думаю, этого будет достаточно. Сделай милость, удружи, вышли тотчас же по приезде в Петербург; осень уже недалеко, и эти вещи мне *крайне необходимы*. Я тебя этим бы не беспокоил, но мне некого больше об этом просить; ты же малый аккуратный и не будешь на меня за это в претензии. Супруге твоей и дет... фу! заврался! еще раненько, впрочем, ничего, это хорошее предзнаменование. Прощай. Твой...

От Ал. Сучкова к г. Рукавицыну

Петербург. Марта 5. 1848.

Виноват! виноват! и трижды виноват! но что́ делать! жизнь ужасная ирония! бедному сердцу тесно на этом свете! все высокое, все благородное стоптано в грязь, если не людьми, так обстоятельствами.

Я получил письмо твое еще в сентябре прошлого года, перед самым выездом сюда из Твери и думал на другой же день приезда немедленно исполнить поручение доброго товарища. Поверишь ли, что это было физически невозможно? Петербург — это омут, в котором нет сил остановиться и опомниться хоть на полминуты. А для человека с душою и твердою волею, не хотящего кланяться и лукавить, это чистилище; кто не сгорит в нем дотла, за того можно поручиться. Меня же в особенности преследовали со дня моего приезда неудачи; остановился я в гостинице на Невском, и в тот же день заболела жена, а на другой день, когда я поехал являться к будущему начальнику, она была испугана и выкинула ребенка на 5-м месяце. Счастие еще, что ребенок остался жив и здоров; впрочем, доктор говорит, что такие примеры случаются нередко. Определение мое на службу между тем не состоялось, потому что новый департамент еще не открыт; болезнь жены и разные хлопоты не давали мне времени исполнить твое поручение. Скоро пришлось переехать на другую квартиру; я никак не ожидал, чтобы все здесь было так чертовски дорого. Мои 1000 руб⟨лей⟩ просто растаяли; впереди ничего, с женой делаются спазмы, когда она проходит мимо магазина m-me Вихман, — словом, мы принуждены переехать на Пески. Признаваться ли тебе во всем? Тут мы зажили потише, но я с ужасом видел приближение той минуты, когда кошелек мой окажется совершенно пуст. Что было делать? Я вспомнил, что недаром, конечно, природа вдохнула в меня искру божественного огня; мне пришло даже в голову, что Провидение поставило меня в затруднительное положение именно затем, чтоб навести меня на предначертанный мне свыше путь, заставить меня понять мое призвание. Я пустился в литературу. В две недели написал я роман, стоивший мне блаженства и слез; — да, слез! потому что я жил в минуты вдохновения

жизнью моих героев, страдал их страданиями, плакал их слезами! Никогда не забуду той минуты, когда я дописал последнее слово моего романа!

Скажу тебе откровенно, — это не самохвальство, потому что я говорю другу, — вряд ли найдется в русской литературе что-нибудь подобное. Даже жена, — а она, скажу тебе на ушко, не большая охотница до этих вещей, — пришла в восторг, поцеловала меня и сказала: «Послушай, душа моя! за это сочинение тебе непременно дадут большие деньги. Обещай купить мне тогда бархатную мантилью».

Обещание, разумеется, было дано, но... Слушай дальше. Когда роман был окончен, мне представился другой вопрос: что делать с рукописью? Печатать самому — денег нет; стало быть, надо продать, но кому? Спросил было я совета у нашего Теркина, он захохотал и сказал: «Охота тебе черт знает чем заниматься! Ну, продай на Апраксин! там всякую бумагу принимают. Или непременно хочешь напечатать? Пожалуй, печатай, только не выставляй своего имени: ведь только и будет славы, что разругают!» Великий человек!

Другие два мои приятеля, люди очень образованные, — я читал им мой роман, и они остались им очень довольны, — посоветовали обратиться сперва к книгопродавцам, а если из них никто не возьмет, так отдать кому-нибудь в журнал. Прихожу я в книжный магазин N. — «Вам что угодно-с?» — Вот, не хотите ли вы купить у меня роман? — «А как ваше имя-с?» — Такой-то. — «Не знаю-с.» — Кому же знать, хотите ли вы купить роман или нет? — «Я *вас* не знаю-с.» — Да на что́ вам меня знать? я продаю вам рукопись, и дело с концом. — «Нет-с, мы не покупаем романов.» — Ну так прощайте. — В дверях он остановил меня, однако же, вопросом: «А сколько вы хотите за ваш роман?» — 1000 руб⟨лей⟩ — «Нет-с, нельзя-с; если вам угодно... сколько в нем листов?» — Листов 20 печатных. — «Так, если угодно-с... да вы не осердитесь?..» — Говорите... сколько же? — «Так, знаете, гуртом, за весь роман... да, нет-с, право, совестно-с... рубликов-с пятнадцать...» — Как, ассигнациями? — «Ассигнациями...» А в других магазинах и ровно ничего не давали. Не хотелось мне обращаться к журналистам; напечатать роман в журнале — значит как будто пристать к одной партии, и уж, конечно, в других журналах не похва-

лят, несмотря ни на какие достоинства. Печатать отдельно гораздо лучше: можно сделаться писателем самостоятельным. Но делать было нечего, пошел я к С. — Он оставил роман у себя для прочтения, а когда я пришел к нему через неделю за ответом, так он сказал, что, пожалуй, роман мой напечатает, только надо в нем сделать кой-какие изменения: героя, молодого поэта, сделать экспедитором при департаменте, героиню, 16-летнюю бедную девушку, богатой 40-летней вдовой, — а в прочем все может остаться так, как есть. Ты можешь себе представить, что я не согласился на изуродование, взял роман и ушел.

От С. отправился я к издателям журнала, который теперь в большой моде.

— Дома г. - -ъ?

— Нет-с.

— А г. - -в дома?

— Дома. Почивают-с.

— Когда же его можно видеть?

— Пожалуйте часу во втором.

Прихожу во втором часу.

— Дома г. - -ъ?

— Еще не приходил-с.

— А г. - -в дома?

— Дома. Почивают-с.

— До сих пор?

— Поздно легли.

— Когда же он встанет?

— Да пожалуйте лучше завтра в эту пору.

Прихожу ровно через сутки.

— Что, - -в дома?

— Дома. Почивают-с.

— А - -ъ?

— Ушедши.

— Когда же их можно бы видеть?

— Да пожалуйте ввечеру часу в девятом.

Прихожу в девятом.

— Дома - -в?

— Дома. Почивают-с.

— А - -ъ?

— Еще не возвращались.

Что станешь делать! Может, и в самом деле один спит, а другого дома нет, а может, и оба дома и не спят... да ведь насильно в дверь не вломишься!

Я отдал рукопись человеку и попросил его передать ее кому-нибудь из них; тут же написал карандашом, в чем состоит мое желание, условия, и оставил свой адрес.

Через неделю получил я по городской почте записку, что роман мой оказался несообразным с планом журнала, почему и могу я получить его обратно из конторы.

Так рушились мои надежды! Но больно мне не безденежье, а то, что у нас еще так мало умеют ценить людей. О существовании «Сына отечества» узнал я гораздо позже, когда рукопись была уже с досады предана огню. Жаль! там бы, верно, напечатали. Говорят, редактор с большим вкусом!

Извини, любезный друг, что я утомляю тебя рассказами, которые тебя, может быть, вовсе не занимают. Я не мог не высказаться, не мог не перелить своих ощущений в сердце друга. Заключаю письмо мое вторичным уверением, что я за все это время решительно не мог улучить минуты на исполнение твоей комиссии. На днях только ходил я к Знаменью, а потом на Васильевский остров. Но десятичасовые поиски мои остались совершенно бесполезны, мастера я не нашел, почему и возвращаю тебе при сем присланные тобою 100 руб⟨лей⟩. Прощай и помни верного твоего друга А. Сучкова.

P. S. Жена тебе кланяется. Она опять беременна.

От отставного майора Трофимова к действ. статс. советнику Илье Ив. Волгину

Хутор Решетов. 1847, июля 30.

Незабвенный товарищ и ваше превосходительство!

Много лет протекло уже с тех пор, как мы, еще весною жизни и, так сказать, в полноте и избытке сил душевных и телесных, подвизались вместе с вами на пользу отечества в —ком уланском полку. Так что, несмотря на приближение старости и можно сказать, смерти в перспективе, высокое чувство дружбы и приязни остается бессмертным, и в твердом уповании на оное я снова подъемлю нить древней приязни и обращаюсь к вам. Провиденье ведет нас, смертных, по многотрудной стезе жизни, — меня же благословило в недрах моего семейства союзом законной любви — пятью сыновьями и тремя дочерями, из коих старшие вступили

уже в преддверие поприща наук, дабы и они, по примеру предков, могли принести по мере сил своих хотя малую лепту на алтарь отечества. Здесь же, в пределах нашей страны, не сооружено еще никакого убежища муз; почему и решаюсь, повинуясь долгу родительского сердца и истинного россиянина, обратиться к вам, яко старому товарищу по службе и близкому душе человеку, чем, мню, и себя считать к вам вправе, уведомьте, какие есть в граде св. Петра лицеи или тому подобные места для воспитания юношества в правилах благонравия, а равно и о том, в котором из упомянутых мест выгоднее поместить их. Таковое с вашей стороны внимание, на чувстве непоколебимой приязни основанное, соделает вас, в некотором смысле, вторым отцом, а паче благодетелем законного потомства вашего
по гроб готового к услугам
Т. Трофимова.

От И. Волгина к князю Пронскому

Петерб. 1847, авг. 12.

...Итак, об этом тебе беспокоиться нечего. Дело твое решено, и ты можешь приехать сюда в Петербург. Надеюсь, что ты воспользуешься этим обстоятельством. Я жду тебя с нетерпением и даже приготовил тебе, любителю редкостей, сюрприз: древнюю китайскую фарфоровую вазу, которая досталась мне по случаю; на мой вкус дрянь ужасная, и потому я совершенно уверен, что ты будешь от нее в восторге. Ты жалуешься на неудачи в твоих археологических поисках, — все лето разрывал курганы и нашел только два гвоздя замечательной формы (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ просто погнутые). — Знаю я, чего ты там искал, — ну, да что об этом! А насчет редкостей, скажу тебе, что у тебя под боком, в хуторе Решетовом, живет такой антик, какого, конечно, не найдешь ни в каком кургане. Это помещик Трофимов, с которым мы служили несколько времени вместе в Малороссии, когда я был переведен в армию, — помнишь? Если тебе будет скучно, поезжай к нему; я уверен, что ты увидишь нечто вроде мамонта в нанковом полуфраке, а ведь такие произведения природы стали теперь редки. Вообрази себе, что это допотопное создание делает мне запрос на халдейском языке, куда отдать ему детей учиться. И он считает себя на это вправе потому, что мы когда-то

игрывали вместе в карты, или, по его выражению, подвизались на пользу отечества в —уланском полку. А? А впрочем, человек он, должно быть, хороший и трудолюбивый: у него восемь душ детей и изящный слог — вещи, которые, как известно, не даются даром. На все нужна практика. Только растолкуй ты, пожалуйста, этому пентюху, что порядочный человек не станет беспокоить своих приятелей или знакомых разными порученностями, потому что это глупо и потому что на это есть у нас контора агентства и комиссионерства Языкова и комп⟨ании⟩, которая в этом случае лучше всякого приятеля, — или нет, скажи ему: лучше всякого родственника; ведь эти чудовища думают, что если родственник, так готов за тебя повеситься. Ха! ха! ха!..

1849

ЖУРНАЛИСТИКА

...Библиографическая хроника «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» начинается кратким вступлением, в котором редакция излагает правила, которыми она намерена руководствоваться при разборах сочинений:

«1) Не предписывать никому своих законов и не подводить подлежащего разбору ни под какую исключительную идею, если она чужда автору;

2) Отдавать должную справедливость всякому добросовестному труду и, указывая на связь его с предшествовавшим в той же области, оценивать достоинство преимущественно по цели или намерению автора;

3) Стараясь *угадывать* и пояснять современные потребности относительно науки и искусства, *не выдавать своих мнений об этом за непреложные и помнить, что большая часть человеческих истин — относительны и что это самое обязывает всякого судью быть снисходительным*;

4) Отдавать отчет только о тех произведениях литературы, которые, по нашему убеждению, действительно заслуживают внимания как полезные труды или как явления, в каком-нибудь отношении примечательные».

Из этих правил уже ясно видно, что критика «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» будет самая кроткая, самая невинная, самая снисходительная из критик. И в самом деле, в этой же книжке, обозревая журналы, эта кроткая и снисходительная критика отзывается с равною похвалою о «Современнике» и «Сыне отечества», об «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения». Эта милая критика желает быть со всеми в ладу и заслужить от всех лестное название *благонамеренной* критики. Она с похвалою отзывается и о «Трех странах света» (за чтó

долг вежливости заставляет нас поблагодарить ее) и о повести г. Масальского: «Лейтенант и поручик 1710 г.».

«Сын отечества» также не отставал в деятельности от прочих журналов, и между статьями, помещенными в вышедших до сих пор книжках, можно указать на повесть К. П. Масальского «Лейтенант и поручик 1710 года, быль времен Петра Великого». «Повесть эта, — говорит «С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩», — *не отличаясь блестками тогдашнего разговорного языка*, которые придают столько колориту повестям Н. В. Кукольника, взятым из времен Петра Великого, знакомит, однако, читателей *очень удовлетворительно* (едва ли?) с русским бытом в восемнадцатом столетии».

О «Трех странах света» «С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩» выразилось с необыкновенною грациею. Мы не можем удержаться, чтобы не выписать здесь этих грациозных и лестных для нас строк:

«Видимое присутствие в некоторых местах романа женского эстетического чувства и женского пера заставляет предполагать, что имя Н. Н. Станицкого — псевдоним, под которым скрывается новая русская писательница, явление отрадное и приятное на широкой улице нашей литературы. *От души желаем, чтобы и на дальнейшей прогулке башмачки прекрасной знакомой незнакомки сохранили свою художественную чистоту и прелесть.* Впрочем, мы ничего не утверждаем; мы только догадываемся и желаем новых успехов».

Легкость, игривость и остроумие прежних фельетонов Жюль Жанена решительно свели с ума доморощенных фельетонистов, и они взапуски друг перед другом стараются быть остроумными, легкими и игривыми. «Летние петербургские увеселения» описываются в «С⟨еверном⟩ о⟨бозрении⟩» в виде повести; и что это за повесть!

Вот образчики этой легкости и этого остроумия:

«— Ты неуч, — остроумно заметил Петр Иванович, — ты только и смекаешь с утра до вечера играть в орлянку и воровать у меня гроши... *Смотри, я за это сам с тобою скоро сыграю в „неприятности“*...

— А что, милая Ольга Герасимовна, если, избави бог, вы ограбите у меня десятины-то, пожалуй, я тогда пожелаю с вами и породниться.

— Ну, уж тогда *атанде*! — отвечала Ольга Герасимовна, — тогда я отдам свою Аделину за какого-

нибудь полковника; а вот если вы нас обидите, тогда, пожалуй, благо добро не выйдет из фамилии.

— Ну, в ту пору я уже сама скажу *атанде*, — отвечала мать Петра Ивановича...

И обе соседки, потолковав вдоволь о другом, расходились очень довольные собою, желая друг другу от души всякого благополучия и во всем удачи.

Петр Иванович был немножко, чтó называется, „того“ в Аделаиду Михайловну и обещал ей по ее просьбе прислать тотчас же из Петербурга, в знак своего расположения, фунтик конфект и какой-нибудь новый ужасный роман.

Вот к каким интересным дамам собирался идти Петр Иванович. Они рисовались пред ним обе любезными и внимательными: одна *тоненькою и бледною, как богиня мечты, другая толстою и румяною, как богиня плодородия*, — каковы и были в самом деле, в натуре».

Остроумный фельетонист на вопрос: «Чтó такое Крестовский остров?» отвечает: «Прекрасное место, только немножко болотисто и *комаристо*».

Исчисляя загородные петербургские гулянья, он упоминает о Минеральных водах и прибавляет, что там Иван Иваныч просто чудеса творит.

«— А кто это Иван Иванович? тамошний житель?

— Нет-с, Излер... „несчастных друг и друг честных людей!“ Так об нем даже печатно было сказано; вместе с афишами разносили и эти стихи.

— Ах, какой *античный* человек! — вскрикнула Ольга Герасимовна...»

Из этого фельетона мы узнаем, между прочим, что в Коломне знакомые называются «всеприятелями», что там «кофе поспевает через час после обеда» и проч.

Каламбуры фельетониста «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» отличаются необыкновенною остротою и замысловатостию, как например:

«— Ах, какой удивительный *пассаж*! — вскрикнула Ольга Герасимовна... — Да-с, и *Пассаж* у нас есть... против Гостиного двора» и проч. в этом роде.

Но все это ничего перед рассказом «Злоключения нежного сердца», помещенным во втором нумере «Северного обозрения». Рассказ этот отличается таким остроумием и таким тоном, о котором мы, право, не знаем, что и сказать. Ничего подобного мы не читывали

даже и в московских и петербургских лубочных изданиях. Герой этого рассказа называется *Печенкин*, имя его Виктор; но он сожалеет, что его не зовут *Инфортунатом*; в школе у него выросли на ногах «мозоли от коленопреклонения», уши у него были до того «тряпкообразны, что закручивались куда угодно»; его звали в школе: «башка навыворот»; он «из философии не знал ни бельмеса», а в мозгу у него был «кисель»; он сначала мечтал о «деревенских красавицах, от рыжеватых волос которых веяло коровьим маслом и которые, впрочем, не возбуждали ни его восторгУ» («С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩» придерживается удивительного правописания «Библиотеки для чтения»), «ни даже уныния»; потом он «влюбился в Фанни», но «не в собачонку своего соседа», а «в знаменитую танцовщицу Фанни Эльслер» (как это мило!..), и когда приятели его узнали об этом, то сказали ему: «Ах, Печенка, догуляешься ты до ⟨девятой⟩ петергофской версты(?)...»

Неужели такого рода статейками надеется одушевить свой журнал редакция «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩»? Помещение таких статеек — мы должны сказать откровенно — не показывает большого литературного такта в новой редакции...

Кроме упомянутых нами статей, в двух книжках «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» можно указать еще на следующие статьи: «Лопари, карелы и поморцы Архангельской губернии», «Устройство уголовных судов в Московском государстве», «Прогулка по Готскому каналу» г. Грота и «Карамзин как ценитель и переводчик Шекспира».

От «Северного обозрения» мы перейдем к другим журналам... Иногородний подписчик «Современника», доставлявший в журнал наш письма о русской журналистике, в продолжение лета был занят делом более полезным и существенным — своим деревенским хозяйством, и потому он прекратил на время свои письма, которые, впрочем, вероятно возобновятся с будущего месяца. В продолжение июля и августа занимался отделом журналистики в «Современнике» один из наших сотрудников.

В VIII книжке «Современника», упомянув о «Сыне отечества», он заметил между прочим: «Я не вижу никакой надобности обращать внимание на заметки против „Современника“, которые вы можете прочесть в

майской книжке „Сына отечества“ (NB: вышедшей в августе)» и проч⟨ее⟩.

Здесь мы позволим себе маленькое противоречие с нашим сотрудником. Заметки эти так хороши, что мы не можем не обратить на них внимания наших читателей.

Фельетонист «Сына отечества», автор «Петербургского вестника», упомянув, что «первое полугодие для журналов наших 1849 года минуло и, кажется, безвозвратно!» (что не совсем, впрочем, справедливо в отношении к «Сыну отечества», шестая книжка которого еще не показывалась в свет), переходит потом к «Современнику».

«В „Современнике“, — говорит он, — все еще пресерьезно продолжается печатание „Писем иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике“. В них журнал этот постоянно выхваляется в ущерб всем прочим журналам, преимущественно „Отечественным записках“ (?) и „Сыну отечества“. Несмотря на то, что под статьями „Петербургского вестника“ *подписывается имя его автора*, — *сего последнего* „Современник“ титулует не иначе, как *„неизвестным* фельетонистом“, *будто бы* не зная, кто именно этот автор. Такой способ уклончивой антикритики очень забавен и чрезвычайно нас потешает. Однако ж, в прекращение недоумения, несколько раз (что, конечно, скучно для читателей) изъявленного „Современником“, решаемся *наконец поделиться с ним библиографическим сведением* о „неизвестном“ составителе „Петербургского вестника“, не вдаваясь, по примеру „Современника“, ни в какой ему панегирик, довольствуясь одним *фактическим* объяснением, которое, без сомнения, умерит неуместно важный тон модного журнала. Составитель „Петербургского вестника“, чуждый, впрочем, малейших притязаний и авторского тщеславия, выступил на литературное поприще в 1831 году, участвовал с тех пор в *осьми* периодических изданиях, где рассеяно несколько сот его статей; напечатал, в журналах и отдельно, с десяток повестей и рассказов, два романа... третий — в настоящей книжке „С⟨ына⟩ о⟨течества⟩“ представляется благосклонному и снисходительному воззрению г⟨оспод⟩ издателей „Современника“. Один из них, г. Некрасов, конечно, не забыл, в свою очередь, *благосклонного, снисходительного и одобрительного нашего отзыва, ровно девять лет тому, о первом его опыте, стихотворениях, изданных им тогда под заглавием*: *„Мечты и звуки*“, стихотворениях, встреченных, напротив, другими критиками слишком строго и взыскательно. Если же забыл, то мы приглашаем его отыскать эту, лестную его авторскому самолюбию, рецензию, напечатанную в № 130 „Русского инвалида“ 1840 года.

Винимся, мы тогда надеялись, что милый, юный поэт со временем будет писать порядочные стихи; но мысль его пронеслась через девять уже *прошедших* лет, и вот позднейшее его стихотворение, напечатанное в той же июньской книжке „Современника“...»

И вслед за этим фельетонист выписывает стихотворение «Франт», которое читатель может найти в «Модах» VI № «Современника», и, выписав его, замечает:

«Беспристрастные более „Современника“, не скажем, чтоб эти стихи были из рук вон плохи; но ведь и наш Дмитрий Николаевич состряпает, отнюдь не хуже, подобные *сатирические* вирши (ниже мы будем иметь честь представить благосклонному вниманию публики поэта, который едва ли не выше их обоих). Сверх того, портрет этого „франта“ решительно скопирован с самого Дмитрия Николаевича, точь-в-точь, каким изображен он в январской статье „Петербургского вестника“, а всякое подражание, разумеется, бледнее своего подлинника...» и прочее.

Хотя составитель «Петербургского вестника», *чуждый, впрочем, малейших притязаний и авторского тщеславия*, торжественно объявляет нам, что он выступил на литературное поприще в 1831 г., участвовал с тех пор в осьми периодических изданиях, напечатал в журналах *с десяток* повестей и рассказов, два романа и проч. и проч., но для нас он все-таки остался и останется неизвестным, ибо у нас нет ни времени, ни охоты следить за литературною деятельностию подобных сочинителей; мы читали сочинения всех более или менее известных повествователей наших, но о повестях автора «Петербургского вестника» мы никогда еще не слыхали... Правда, несколько лет тому назад — мы это помним — вышли два романа: «Жизнь как она есть» и «Аристократка», на заглавном листке которых стояло то же имя, которое выставляется теперь под «Петербургским вестником» «Сын⟨ом⟩ от⟨ечества⟩»; эти романы подали при своем выходе повод к нескольким забавным журнальным рецензиям, но тем и кончилась их известность, и если автор «Петербургского вестника» и автор этих романов одно и то же лицо, то мы в таком случае искренно бы посоветовали ему, для собственной его пользы, не шевелить своего прошедшего...

Какая в этом польза? Для чего отравлять себя неприятным и тяжелым воспоминанием?.. Впрочем, автор «Петербургского вестника» уже 18 лет, как он сам говорит, занимается литературой... 18 лет! это не шутка...

Но как будто литературная известность приобретается годами? Можно не только 18, но даже 36 лет постоянно заниматься литературой и, несмотря на давность лет, все-таки пользоваться самою жалкою известностью, и можно с первого шага приобрести себе громкую известность и славу в литературе. Сомов (Порф. Байский) неутомимо и *притом еще добросовестно* в продолжение нескольких лет трудился на литературном поприще, но он не пользовался даже и при жизни большою извест-

ностию, а теперь о существовании его решительно никто не помнит... Лермонтов же с первого появления своего в литературе сделался известным всей читающей России, хотя он участвовал не в осьми, а только в одном периодическом издании!

Фельетонист «С⟨ына⟩ о⟨течества⟩» говорит, что, верно, г. Некрасов не забыл его «благосклонного и одобрительного отзыва о стихотворениях „Мечты и звуки“», но г. Некрасов, — мы в этом можем уверить фельетониста, — не помнит не только рецензий на его стихотворения «Мечты и звуки», но давным-давно забыл и о самых этих «Мечтах и звуках»; он убежден, что порядочному человеку в летах зрелых смешно вспоминать с гордостию и самодовольствием о своих детских попытках. Фельетонист, бог знает почему, приписывает г. Некрасову шуточное стихотворение «Франт», помещенное в «отделе мод», в июньской книжке «Современника», и говорит, что он или какой-то Дмитрий Николаич (кажется, один из героев его фантазии) состряпает стишки не хуже этих... чтó же мудреного?.. откуда же взял г. фельетонист, что мы придаем какое-нибудь значение этим шуточным стишкам, напечатанным в «отделе мод»?.. Здесь кстати заметить, что стихотворения *Нового Поэта*, иногда печатающиеся в «Современнике», вовсе не принадлежат г. Некрасову и что этот Новый Поэт (который не желает до времени обнародовать своего имени) оканчивает в сию минуту очень замечательную поэму (написанную октавами). Герой этой поэмы — жалкий и бесталантный литературный труженик, с непомерным самолюбием, которого страсть к литературе и самолюбие доводят до помешательства... Отрывок из этой поэмы мы в скором времени надеемся представить нашим читателям.

Фельетонист находит, между прочим, странным, что в «Современнике» сделана ссылка на сочинение г. Панаева; но нам кажется, что сделать ссылку на сочинение редактора (без всяких примечаний) лучше, нежели доставлять о самом себе *библиографические сведения*, когда никто никогда и не просил автора о доставлении этих сведений; нам кажется, что сделать такую ссылку гораздо позволительнее таких нескромных отзывов о самом себе: «*я* участвовал в осьми изданиях, *я* написал с десяток повестей, *я* сочинил два романа, *я* выступил на

литературное поприще в 1831 году, *я* отозвался *благосклонно* и *снисходительно* (!) о таких-то сочинениях» и проч⟨ее⟩.

Но кто же этот я, говорящий о себе с такою неумеренною гордостию? кто говорит о себе так, как не позволили бы никогда сказать о себе ни творец «Истории Государства Российского», ни творцы «Фелицы» и «Бориса Годунова»?

Это автор «Петербургского вестника» и повести «Говорящий диван», в которой есть, между прочим, следующие красноречивые строки:

«...*Я болен, очень болен. Пуще всего страдает бедная моя голова*; кружение ее по временам невыносимо, а когда оно прекращается, настает странный шум в ушах, беспокойный и томительный. Бывают часы, когда я совершенно не владею собою...⟨...⟩

О боже! *неужели рассудок мой действительно помрачился* и слышимое мною я должен принимать за действие воображения, расстроенного долговременным одиночеством и мрачными созерцаниями в тишине бессонных ночей?.. Ах, правда, *нет уже в мыслях моих прежнего порядка, прежней свежести и отчетливости! Они бродят, словно в тумане каком.* Но я еще довольно определительно сознаю свои прошедшее и настоящее; воспоминания восстают передо мною в строгой логической последовательности совершившегося; в будущем я не предаюсь ни юношеским обольщениям, ни болезненным грезам, а между тем у изголовья моего происходит что-то невероятное, неправдоподобное, сверхъестественное, *отвергаемое рассудком и здравым понятием...*»

Это место нам очень нравится, и мы не можем не отдать справедливости автору этой повести в том, что его умалишенный говорит языком красноречивым и грамматически правильным.

От «Сына отечества» и его неизвестного фельетониста мы перейдем к «Москвитянину», который, если не ошибаемся, все еще издается г. Погодиным. Упоминая в прошлой книжке «Современника» об этом журнале, сотрудник наш выразился так: «„Москвитянин“ становится более разнообразным, и, кажется, начинает отклоняться от своего прежнего направления». Это не подвержено сомнению в том смысле, что в прежние годы «Москвитянин» имел не совсем выгодное направление для своих подписчиков опаздывать выходом и даже недодавать книжек, а в нынешнем году он изменил это направление и издается аккуратно. Кроме того, в «Москвитянине» довольно часто помещаются очень любопытные материалы для русской истории. В высшей степени любопытно «Путешествие по Пруссии гр.

Ростопчина» (в 15 нумере). Мы приводим здесь из записок графа рассказ о русском солдате, служившем в Пруссии:

«Сумасшедшие, отчаянные и в сильном жару люди могут иметь весьма сильное воображение, необыкновенные мысли и не свойственные уму их соображения. Мысль сия давно многим приходила, но наблюдений мало сделано. Ежедневно мы слышим влюбленных, огорченных, раздраженных или занятых сильно одним предметом людей, объясняющих свои мысли с необыкновенным красноречием и с несвойственною остротою ума — на сие я имею два доказательства: 1) собрание писем сумасшедших, в Бедламе содержанных, кои доктор сего дома давал мне читать; 2) письма солдата, который, быв русским, обманом попался в прусскую службу, и, не стерпя обид от своих товарищей, вышел из терпения, в запальчивости застрелил одного из них и казнен смертию. В течение четырех дней, истекших между осуждения его и казни, он писал письма к родне своей в Ярославскую губернию и вверил их для доставления священнику, при Российской миссии в Берлине находящемуся. Он его провожал до места казни, и хотя тому прошло более 6 лет, но он с полными слез глазами рассказывал про твердость духа, раскаяние и конец несчастного. Когда палач хотел его поставить на колени, то он, становясь, ему сказал: „Я сам стану, что ты меня учишь: ведь я не немец!“»

В письмах его видно желание доказать свою невинность, возбудить сожаление о его участи, грусть, что умирает не на своей стороне. Вот некоторые подлинные его изречения:

«„Помолитесь господу богу о душе грешника раба Тимофея. Попался он к варварам — далеко от своей стороны; там ему и голову положить“.

„Зачем ты меня, мать родная, вспоила и вскормила? На то ль ты меня благословила, чтоб я назад не пришел?“

„Поплачьте по моей головушке, помолитесь господу богу; закажите помин по душе. Согрешил зело грешный; да кому же было меня уговаривать? кому журить, бранить? кому от дурных дел отводить?“

„Горе мне грешнику! погубил душу свою на веки веков, пролил кровь человеческую. Один на чужой стороне, некому спасти, помиловать! Идти на смерть поносную, пролить кровь русскую! Не допустил бог умереть в доме батюшкином, лечь в земле христианской, у храма пресвятыя покрова богоматери“.

„Для чего же мне ждать доброго? Служил не своему царю, не нашей матушке, она бы меня помиловала, и я бы ей был по гроб слуга. Забрел в царство немецкое, не знал покоя ни дня, ни ночушки, отправлял службу за себя и за других, говорил и их языком; одного лишь желал, и во сне и наяву, чтоб прийти назад на святую Русь. Аминь, аминь. Господи помилуй!“

Вот что писал несчастный. Он объяснял свои чувства простым языком; но простое красноречие выразительно. *Риторика — то же, что богатое платье. На прекрасном теле все природное и чуждое искусства имеет сильное право трогать сердце и душу: украшенное и подделанное действуют над глазами и ушьми*».

Эти последние, необыкновенно замечательные строки мы в особенности рекомендуем последователям риторической школы, тем, которые расхваливают сочинения гг. Марлинского, Каменского, Бенедиктова и прочих и с презрением отзываются о Гоголе...

Между «Внутренними известиями» 15 книжки «Москвитянина» мы встретили одно очень любопытное, перепечатанное из «Одесского вестника», о «пребывании князя Вяземского в Одессе». Одесский фельетонист утешается тем, что обыкновенные «одесские жары в июне нынешнего года были смягчены часто перепадавшими дождями и не были слишком отяготительны для драгоценного северного гостя», и *смеет надеяться*, что пребывание его в Одессе было «по крайней мере нескучно». В честь князя и его супруги дано «пиршество». Во время «пиршества», говорит одесский фельетонист, радушие и искренность одушевляли гостей, а профессор Зеленецкий обратился в конце «пиршества» к князю с следующими словами:

«Позвольте, князь, уверить вас, от лица всех трудящихся здесь на поприще отечественной литературы и всей одесской публики, что и в нашем городе, так же как и в Петербурге, Москве и во всех отдаленных частях России, умеют ценить и уважать заслуги людей, деятельностию своею приносящих честь и славу имени русскому. Ваше литературное поприще, ваши труды и занятия драгоценны для нас. Мы не можем не сочувствовать, вместе с другими нашими соотечественниками, тем чувствам, думам и мечтам, *тем благородным выражениям ума светского, чисто русского*, которые в произведениях ваших питают душу каждого, кто дорожит родиной и ее заветным бытом в кругу нашей жизни.

Эти чувства, думы и мечты близки к нашему сердцу. Они дают нам право просить вас, даже, простите порыв убеждения и чувства, — *требовать* от вас полного издания ваших сочинений, которые бесспорно доставили вам одно из самых почетных мест в истории нашей литературы.

Это издание, совокупив в одно целое многочисленные произведения пера вашего, коими современные издания наши обогащались еще до эпохи 1812-го года, вполне упрочит их известность в отечественной публике, по праву займет одну из прекраснейших страниц в русской библиографии и узаконит те надежды, которые все мы,

ваши искренние почитатели, питаем, ожидая от трудов ваших, вашей вполне национальной музы новых произведений, на пользу и отраду всего пишущего и читающего мира нашего, на вашу собственную честь и славу!»

Это более красноречиво, нежели справедливо. Без всякого сомнения, князь Вяземский принадлежит к числу наших замечательных писателей, но чтобы его муза была *вполне национальна*, с этим уж никак нельзя согласиться. Вполне национальною музою можно назвать, например, музу Крылова — это другое дело; муза же князя, по нашему мнению, более остроумна, нежели национальна.

Но как бы то ни было, нам, как, вероятно, и всем любителям русской литературы, будет приятно то, что князь Вяземский, вняв голосу многочисленных ценителей своего пера, в отдаленном от столиц крае нашего отечества, обещал издать полное собрание своих сочинений, на что он не решался до сих пор в Петербурге.

В 8 № «Отечественных записок» помещены две оригинальные статьи: повесть «Скупой», в роде так называемых психологических повестей г. Ф. Достоевского, до которых мы, признаемся, небольшие охотники, и очень миленький рассказ «Лето в Гельсингфорсе», отличающийся более живостию изложения, нежели *психологическим проникновением в глубь человеческой натуры*. Нельзя также не обратить внимания на прекрасную статью в «Критике» об «Одиссее», по поводу перевода г. Жуковского, о котором мы также надеемся в скором времени представить наше мнение. Кстати заметим, что мы нарочно выжидаем с печатанием этой статьи, чтобы рассмотреть разом не только перевод «Одиссеи», но и все журнальные толки, вызванные этим важным литературным явлением.

⟨МЕЛОЧИ⟩

⟨...⟩ Исполняя данное нами обещание в прошлой книжке «Современника», мы представляем нашим читателям отрывок из *лиро-эпико-драматической поэмы* сочинения *Нового поэта*. Героем этой *поэмы*, как мы

уже говорили, ⟨является⟩ жалкий и бесталанный литературный труженик с непомерным самолюбием.

Театр представляет чердак в Коломне.

Герой (*расхаживает по комнате один и говорит в жару*).

Пускай текут чредой обычной годы!
Для гения все это нипочем, —
При имени одном его народы
Падут во прах с приличным торжеством!
Итак, что в вас, о критики-уроды?
Глумитеся вы над моим венцом,
Но я в веках на удивленье мира
Жить буду как колонна из порфира!

Душа моя пылает вдохновеньем,
Мной славилась газета не одна.
Меня прочтут назло вам с упоеньем,
Всех поразит гиганта глубина.
Горжуся я своим происхожденьем,
Мне гением не втуне жизнь дана,
И зависть мне ко славе не препона, —
Во мне одном мой щит и оборона!

Теперь же я, великого свершитель,
Был прекратить журнал заставлен свой,
И должен быть я хладнокровный зритель
Тому, как враг восторжествует мой.
О, скромная великого обитель!
Я зрю тебя с уныньем и тоской, —
Здесь, здесь мое рождалось вдохновенье,
И здесь терплю я страшное мученье.

Как! мне журнал не издавать?
Я козни недругов разрушу.
Ужли мне перестать писать?
Предам я лучше аду душу.
Пусть мне откроет бездну бед
Неблагодарный, хладный свет,
Я должен славой быть отчизны...
И лишь насмешки, укоризны
Везде преследуют меня!
Противно мне сиянье дня.

В это время шарманка играет под окном:
«Ах на что было капусту садить»

Что это? шарманки звуки!
Я под них творить привык,
А теперь родной сей голос
Мне и тягостен и дик.

Жертва я журнальной брани
И возвышенных мечтаний, —
Улетел волшебный рой,
Гений сиротеет мой!

О шарманка! не буди ты
Горя пламенной души, —
Я простился с вдохновеньем,
Музы мне противны стали,
Слезы льются от печали...
. . . .
. . . .

(*Падает в изнеможении на кровать*).

1850

ИЗ ФЕЛЬЕТОННОГО ЦИКЛА «ВСЕГО ПОНЕМНОГУ»

⟨ФЕВРАЛЬ 1850⟩

⟨Литературные редкости. — Достоверные сведения о состоянии здоровья одного литератора. — Похороны Сомова, описанные бароном Розеном⟩

...К замечательным литературным новостям принадлежит возобновление «Пантеона». В январе появилось объявление, начинающееся так: «Издание „Пантеона“ будет продолжаться в 1850 году *на тех же самых основаниях...*» и проч. Затем замечательнее остальных в этом объявлении следующие строки:

«Ответственным редактором „Пантеона“ по-прежнему остается Ф. А. Кони; всеми делами по изданию журнала будет заведовать с будущего года известный нам книгопродавец В. П. Печаткин, в магазин которого отныне и перенесена контора „Пантеона“. Бумага для издания будет изготовляться нарочно на фабрике г. Печаткина. Все меры приняты к безостановочному и успешному ходу издания, и *самое здоровье редактора*, пострадавшего от сильной холеры и тяжких ее последствий, бывших причиною остановок, происшедших в правильном выходе книжек, *ныне совершенно восстановлено и дозволяет ему приняться с новыми силами и ревностию за любимое его занятие*».

Объявление «Пантеона» напомнило нам «Сын отечества», который к VI своей книжке, вышедшей в сентябре, приложил объявление, начинавшееся так: «„Сын отечества“ в 1850 году будет издаваться *без всякой перемены...*» и проч. Вспомнив о «Сыне отечества», мы уже

не могли не обратить внимания на следующее обстоятельство. В одном из №№ «Современника» было сказано, что Сомов не пользовался при жизни большою известностию, а теперь совсем забыт. Мы сказали это вскользь и никак не думали, печатая эти строки, что они послужат поводом к появлению блестящей страницы в «Сыне отечества»: страница эта доказывает, что такое «аподиктическое» уверение несправедливо «в устах нынешнего „Современника", издаваемого авторами „Петербургских углов" и других прелестей в этом роде», что Сомов при жизни пользовался большою известностию и не забыт по смерти, потому... Но лучше пусть расскажет сам барон Розен, как дело было:

«В час пополуночи получил я приглашение на вынос его (Сомова) тела, в *восемь* часов того же утра, будучи в военной службе в Главном штабе. К такому раннему времени не поспел никто из приглашенных, кроме меня. Я нашел вдову покойника в отчаянии, что *никто* нейдет на погребение мужа ее. В соседстве, у Преображенских казарм, жил граф Д. Н. Т.*; я поднял его со сна — и мы *одни* провожали тело Сомова по Невскому проспекту. Когда дошли мы до кондитерской Амбиэля, граф мой, невзирая на мою убедительнейшую просьбу, оставил нас, при этих словах: „Извини, любезный друг: я еще не пил кофе — а до *Смоленского* далеко!" Я остался один в погребальном шествии. Далее Главного штаба я не мог провожать покойника, не имев времени испросить на то дозволение своего начальства и долженствовав быть на службе в 9 часов утра. Подоспел один из приглашенных на погребение. Расставаясь с погребальным шествием, я заклинал нового пришельца провожать тело почтенного Сомова до последнего жилища; он дал мне честное слово — и я проронил слезу о смерти литератора, добросовестно трудившегося для пользы словесности».[1]

Прибавлять нечего... да, мы виноваты, мы ошиблись... но, право, мы желали бы чаще так ошибаться, если б знали, что каждая наша ошибка поведет к появлению такой страницы в «Сыне отечества»...

---

[1] «Сын отеч⟨ества⟩» № X (Критика и Библиогр⟨афия⟩) ⟨*примечание Некрасова*⟩.

1851

ИЗ «ПИСЬМА ИНОГОРОДНЕГО ПОДПИСЧИКА В РЕДАКЦИЮ „СОВРЕМЕННИКА“ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XXIII—январь 1851»

⟨...⟩ Повесть г. Григоровича «Прохожий» читается с большой приятностью. Содержание ее весьма просто, но как нельзя лучше подходит к средствам автора, то есть к его душевной теплоте и уменью рисовать картины сельского быта. Зимою, в Васильев вечер, престарелый пешеход сбился с дороги, а между тем погода поднялась ужасная, с вихрем, морозом и метелью. Истощив все усилия, путник наконец убедился в том, что труд его напрасен, и, перекрестившись, опустился в сугроб. В эту самую минуту, описанную с чувством и картинностью, он услышал лай собак в ближнем селении и, собрав остаток сил, добрался до жилья. Избы были повсюду заперты; ватага шалунов, встреченная стариком, с криком разбежалась, приняв его за какое-то страшилище; в одном только доме горели огни и слышался шум от веселой беседы. Туда направил шаги бедный пешеход и там попросил приюта на ночь, но хозяин, самый богатый мужик в селении, отказал ему в пристанище. Нищий побрел в другую сторону и постучался у бедной избенки, где жили мать со взрослым сыном, — самые добрые, но самые бедные люди во всей деревне... Но пусть сам г. Григорович расскажет нам об этих лицах. Алексей, сын старушки Василисы, рассуждая о своем горьком положении, о своей размолвке со старостой и о девушке, которую он любит без всякой надежды, потому что она старостина дочка, а он гол как сокол, — уныло возвращается под свою кровлю.

«„Вот не было тоски и печали! — подумал Алексей, выходя из старостиных ворот на улицу. — Все как есть, все теперь пропало! — продолжал он, равнодушно шагая по сугробам и не обращая внимания на студеный ветер, который гнал ему в лицо целое море снегу. — И зачем было мне пытать свое счастье, зачем было идти к ним в избу?! Как словно не знал я, не ведал, — не вернуть этим пропавшего дела. Коли прежде зароком не велели ей молвить слова, — бегала она от меня как от волка, теперь, стало, и подавно ждать нечего... Эх, загубил я вконец свою голову!..“

Раздумывая таким образом, он не заметил, как очутился под воротами своей избенки. Из слухового окна все еще мелькал огонек, и Алексей, не ожидавший застать старуху-мать на ногах, поспешил в избу.

Но старушка предупредила его; она давно сидела насторожке, прислушиваясь к малейшему шуму и шороху. Чуткий слух не обманул ее. Заслышав знакомые шаги, она суетливо поправила платок на голове, взяла лучину и, прежде чем сын успел пройти двор, стояла уже в сенечках.

— Ох, родной мой! куда это ты запропастился? — произнесла она, выбегая на крылечко и заслоняя дрожащею ладонью лучинку, — уж я ждала, ждала; время, думаю, недоброе, не прилучилось ли чего, помилуй бог...

— Нет, матушка, ничего, — весело отвечал Алексей, взбираясь по ступенькам.

— То-то, родной... а я сижу так-то да думаю...

И старушка, улучив минуту, когда парень прошел мимо, перенесла лучину в левую руку, взглянула на сына и, отвернувшись несколько в сторону, сотворила крестное знамение.

После этого она догнала его, и оба вошли в избу.

Избенка была крошечная; стены ее, перекосившиеся во многих местах и прокопченные дымом, были так черны, что даже с помощью лучины едва-едва можно было различить что-нибудь в углах. Но несмотря на то, везде, куда только проникал глаз, виднелись следы заботливости и строгого порядка, — все показывало, что старушка была добрая, радетельная хозяйка. Ничто не валялось зря — где ни попало; все было прибрано к месту, земляной пол был чисто-начисто выметен; и хотя печать бедности отражалась на каждом предмете, но все-таки лачужка Василисы глядела как-то уютнее, приветливее, теплее многих соседних изб. Наружность самой хозяйки соответствовала как нельзя лучше ее жилищу; это была крошечная, тщедушная старушонка с вдавленною грудью, прикрытою толстой, заплаченной, но чистой рубахой. Голова ее, повязанная ветхим платком с длинными концами назади, склонялась постоянно набок, — ни дать ни взять как кровля ее избенки. Лицо Василисы было желто и покрыто мелкими, как паутина, морщинками, но столько еще веселости отражалось в ее светлых глазах, столько добродушия проглядывало в потускневших истертых чертах, что нельзя было не полюбить ее сразу.

Заложив в светец лучинку, она тотчас же подошла к сыну.

— Алеша, погляди-ка-сь на меня... ты словно, касатик, не весел?..

— Нет, матушка, право, ничего, — отвечал парень, отходя к печке и принимаясь развешивать на шестке вымокшую овчину.

— Полно, родной, я вижу... не тот ты был, как пошел из дому, — уж не прилучилось ли чего? — вымолвила старушка, преследуя сына и устремляя на него пытливый взгляд.

— Взаправду ничего, — сказал Алексей, стараясь засмеяться, — ходил с ребятами по соседям, везде пир такой, веселье... с чего, кажись, быть невеселу!..

— То-то, то-то, касатик, с чего тебе кручиниться... а я так-то сижу да думаю: куда, мол, думаю, запропастился...

— Я, признаться, матушка, не чаял, что ты станешь меня дожидаться...

— Ах ты, голова, голова, — а то как же? Так-таки лечь мне да махнуть рукой!.. Вспомни-ка, какой нынче вечер!.. Разве ты запамятовал, что было у нас прошлого года?.. нутка-сь, ну, раскинь-ка умом, — весело перебила она, качая головою и не отрывая глаз от парня.

— Не помню, матушка, — отвечал Алексей, разглаживая волосы.

— Не помнишь! ах ты голова, голова, а я-то жду да жду его...

— Что ж такое, матушка?.. видит бог, не запомню...

— Ну, молчи только, молчи, коли так, — сказала она, лукаво подмигивая одним глазом, — ставь скорей светец к столу да засвети новую лучину.

Старушка поправила платок на голове, повернулась к сыну спиною и торопливо подошла к печке.

— А! знаю, знаю!.. — воскликнул Алексей, следивший с любопытством за всеми движениями матери. — Знаю, ты как в запрошлом году хочешь кашу вынимать! — промолвил он, делая шаг к старушке, которая неожиданно показалась из-за печки с полновесным горшком в руках.

— Молчи, только молчи, — вымолвила она, отклоняя сына локтями и заботливо ставя горшок на стол. — Ну, теперь садись да смотри, что-то пошлет нам господь... Ах! родной!.. погляди-ка, погляди, какой полный!.. постой... нет, и не треснул нигде, как есть нигде!! — радостно говорила она, ощупывая горшок, между тем как сын рассеянно и как-то принужденно глядел на все происходившее. — А ну-ка-сь, ну посмотрим, что-то скажется...

Тут Василиса прильнула еще ближе к горшку и бережно сняла пенку.

— Вот не чаяла, не гадала!! Ахти, касатик, родной ты мой!! — воскликнула она, всплеснув руками и взглянув на сына, который обнаружил тотчас же веселость. — Погляди-ка, красная какая! да рассыпчатая какая!!.. Ахти, родные вы мои, да и полная, полная, — словно и не кипела... а ну, дай-то, господи, кабы сбылось!..

— Что ж, по-твоему, матушка, чему же быть? — спросил сын.

— А быть, родной ты мой, делу хорошему... ах, кабы господь пособил нам! — отвечала старушка, творя крест. — Слышь, коли так-то, — прибавила она, указывая на горшок, — люди добрые, деды наши, сказывали, — быть благополучию всему дому, будущий урожай и... и... и таланливую дочку!..

Алексей недоверчиво улыбнулся.

В самую эту минуту кто-то постучался в окно.

— Слышал, Алеша?.. — спросила старушка, оглядываясь в ту сторону.

— Никак стукнули в окно, — отвечал парень, приподымаясь с лавки.

— Погоди, Алеша... ох! С нами святая сила!.. — сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно быть из соседей кто; может статься, — нужда какая, постой-ка, погляжу...

— Кто там? — крикнул он, прикладывая лицо свое к окну и стараясь разглядеть сквозь снеговое узорочье стекла.

С минуту продолжалось молчанье, прерываемое визгом метели, которая люто завывала вокруг избушки.

— Кто там? — повторил Алексей.

— Прохожий... — отвечал трепещущий, вздрагивающий голос. — Пустите... во имя Христово... — прибавил голос, делавший явные усилия, чтобы внятно произносить слова».

Само собой разумеется, Василиса и сын ее радушно принимают путника, потчуют его чем бог послал и укладывают спать. Ночью прохожий умирает и перед смертью отдает своим хозяевам все деньги, накопленные им в течение целой жизни и зарытые где-то в поле. Алексей становится богатым мужиком, женится на своей Параше, и описанием пирушки в их новом доме заканчивается эта тщательно обделанная и милая историйка.

Нет сомнения, что приведенный мной отрывок из повести г. Григоровича оставил в читателях какое-то отрадное и теплое впечатление. 〈...〉

ИЗ «ЗАМЕТОК НОВОГО ПОЭТА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ. ИЮЛЬ 1851»

Публика! журналы! журналисты! соперничество! подписчики! Взявшись писать о русской журналистике, в последнее время я так много думал обо всем этом, что в голове моей образовалась целая поэма, в которой должен отразиться характер современной нашей журналистики. Я дал моей поэме драматическую форму и теперь деятельно пишу ее. Вот первая «Беседа», или первая часть моей драматической поэмы; надеюсь, публика прочтет ее с любопытством и благодарностию: я думаю, еще ни один литератор так горячо не хлопотал об интересах публики, как хлопочу я в моей поэме. И дай бог, чтоб усилия мои принесли плод!

БЕСЕДА ЖУРНАЛИСТА С ПОДПИСЧИКОМ

Журналист (*выходя утром в свой кабинет и садясь к рабочему столу*)

Вот почта новая. Какая груда дел!
Куда деваться мне от писем и посылок?

В провинции народ взыскателен и пылок;
Чуть к первому числу с журналом не поспел,
Завалят письмами — тоска и разоренье!
Тот делает упрек, тому дай объясненье,
А тот с угрозами... досадная статья!
Посылки также вздор; их ненавижу я!
Плохие повести, а чаще рифмотворство!..
Я, кажется, стихам не делаю потворства —
В них толку не ищи... Какая польза в том,
Что чувствовал поэт то дома, то на бале?..
Я положителен и в жизни и в журнале,
Девиз мой: интерес существенный во всем!
И как их различать? Хороших нет эстетик,
А практик я плохой — я больше теоретик;
Имел я и талант и страсть к литературе,
Но в жертву с юных лет принес все корректуре!
Бывает жаль теперь, когда завистник мой,
Бездарный кропотун, смеется надо мной,
И нечем отвечать обидной укоризне...
Но пусть не головой полезен я отчизне,
Я все же доказать фактически могу,
Что в корректуре я себя не берегу!
Я даже был творцом таких нововведений,
Которые должны мой корректурный гений
Потомству передать, — хоть осмеяли их!
Но пусть враги мои твердят, что аккуратность
Мне заменяет честь, талант и деликатность —
Заслуг не омрачат почетных и прямых!
Кто что ни говори, без верной корректуры
Нет настоящих книг и нет литературы!..

Слуга (*входит и докладывает*)

Помещик Свистунов, приезжий из Уфы.

Журналист

Проси его, проси: сегодня принимаю...

(*Слуга уходит.*)

Всю жизнь я разделил на ровные графы
Как счетную тетрадь, и только отмечаю,
Куда, который час и как употреблен...
В рот капли не беру и ем один бульон...

Подписчик (*входя*)

Семь лет подписчиком и данником покорным
Я вашим был — и ныне состою,
Пылая к вам почтеньем непритворным
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священным долгом счел, прибыв в столицу нашу,
Сначала облететь ее во все концы,

Кунсткамеру взглянуть, потом особу вашу...
А там опять домой... чай, ждут мои птенцы!..

Журналист (*отрывисто и шутливо*)

Садитесь; очень рад. Как розы среди терний,
Как светлый ручеек во глубине степей —
Цветисто говоря — так жители губерний
Приятны нам всегда. Вы, щедростью своей
Поддерживая нас, конечно, заслужили,
Чтоб полное мы к вам почтение хранили, —
И если в микроскоп рассматривать меня
Охота вам придет — я должен согласиться!

Подписчик

Поздненько, батюшка, мне оптике учиться:
Мне стукнет шестьдесят через четыре дня!

Журналист

Да я ведь пошутил. А говоря прямее,
Как дело всякое со стороны виднее,
То и доволен я, что завернули вы...
Трудами наших рук и нашей головы
Мы жертвуем для вас, журналы издавая...

Подписчик (*перебивая, с поклоном*)

И благодарность вам, почтеннейший, большая...

Журналист

Мы пишем день и ночь; торопимся, спешим
Роман перевести; театр, литературу
За месяц обозреть, исправить корректуру —
Все к первому числу... И еле мы дышим,
Оттиснув наконец и выдав книжку нашу...
Но какова она?.. Которые статьи
Охотно вы прочли в кругу своей семьи?
Какие усыпить успели милость вашу?
Не знаем ничего и знать нам мудрено.
Конечно, судят нас собратья аккуратно;
Но замечать они умеют только пятна,
И в беспристрастии их упрекнуть грешно!
Корректор я такой, что не подточишь пятки,
Но даже у меня отыщут опечатки!
Неловкую статью, тяжелый перевод, —
Все выставят на вид, а что умно и ново,
О том молчание... Завистливый народ!..
«Ни место, — говорят, — ни время не дает
Распространяться нам» — и мнение готово!..
Купаясь в мелочной и тягостной борьбе,
Которая порой близка бывает к драке,
Увы! не знаем мы цены самим себе

И ощупью бредем в каком-то полумраке!
Кто ж может этот путь тернистый осветить?
Кто на дурное нам беззлобиво укажет?
Кто за хорошее нам благодарность скажет,
Умея покарать, умея и простить?

Подписчик

Конечно, публика...

Журналист

К тому и речь веду я.
Как умный человек и как подписчик мой
Вы представителем явились предо мной
Всей нашей публики; и вас теперь спрошу я:
Довольны ли вы тем, что производим мы?
Интересуют ли читателей умы
«Словесность», «Критика», «Хозяйство», «Смесь», «Науки»?..
Что любит публика? к чему негоряча?..

Подписчик

Благодаря всевластной силе скуки
И рьяности чтецов, читаются сплеча,
За исключением «Наук» и «Домоводства»,
Все ваши рубрики...

Журналист

О, стыд! о, готтентотство!
Ужель еще читать не начали «Наук»?

Подписчик

Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Так пишутся у вас, что просто вон из рук!
Охотно ставлю вам семью свою в поруки:
Изрядным наделен достатком, — сыновей
Я дома воспитал, а дочек в пансионе,
Страсть к чтенью развита у всех моих детей;
Засядем вечерком с журналом на балконе,
Читаем, и летят скорехонько часы...
Не спит моя жена; а как довольны дети!
Но чуть в «Науки» я — повесят все носы,
Как будто их поймал волшебник лютый в сети!
Стараюсь убеждать, доказываю им,
Что с пользою теперь мы время посвятим
Не басенке пустой, а дельному трактату,
И дети верят мне... поближе к ним подсяду,
Читаю, горячусь... Но такова статья,
Что через час и сам спать начинаю я!
Ну, что вы скажете?..

Журналист

Еще бы малым детям
Читать вы начали ученые статьи!..

Подписчик

Нет, дети, батюшка, не малы уж мои.
И в нашей публике ученей вряд ли встретим, —
Держал учителей, три года жил в Москве...
Прислушивался я частехонько к молве
И слышал все одно: «Быть может, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имейте, батюшка, слова мои в виду!..
Притом какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,
Значенье кочерги, история ухвата»...
Нет, батюшка, таких статеек нам не надо!

Журналист

Но ежели вопрос нас к истине ведет,
Ученый помышлять обязан ли о скуке?

Подписчик

Не спорю, батюшка, полезно все в науке,
И ваша кочерга с достоинством займет
В ученом сборнике достойные страницы...
Но если дилетант-читатель предпочтет
Ученой кочерге пустые небылицы,
Ужели он неправ?

Журналист

Да вы против наук?

Подписчик

Напротив, батюшка, я их всегдашний друг!
И в вашем и в других журналах, хоть нечасто,
Случалось мне встречать ученые статьи —
Я сам, жена моя, домашние мои
Читали жадно их, как повести... Нет, за сто
Изрядных повестей, поверьте, не отдам
Одной такой статьи: какое снисхожденье
К невинной публике! какое изложенье!
Не путешествуя, по дальним городам
С туристом я блуждал; талантливый ученый
Вопрос мне разъяснял в истории мудреный...
Вот этаких статей побольше надо вам!

Журналист (*со вздохом*)

Ах, рады бы и мы всегда таким статьям,
Да где их доставать? Я сам за корректурой
Занятья прекратил давно литературой,
Лишь в критике пишу...

Подписчик

Какие же статьи?

Журналист

Те, что без подписи, — все до одной мои.

(*При этом известии в лице подписчика выражается глубочайшее почтение*).

Таланты наши так, к несчастию, ленивы,
Что ежели статью в журнале в год прочли вы
С известным именем — благополучный год!
Но часто журналист и по три года ждет
Обещанной статьи; а в публике толкуют,
Что шарлатанит он...

Подписчик

Куда как негодуют,
Что обещаний вы не держите своих!

Журналист (*махнув рукой*)

Мы нынче и давать уж перестали их!

Подписчик

Но прихотлив талант — в нем возбудить охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Журналист

Помилуйте! платить готовы мы без счету!
Кто только прогремит, по милости молвы,
Тому наперехват и деньги и вниманье...
Ох, дорогонько мне пришлось соревнованье!
Набили цену так в последние года,
Что наши барыши негодны никуда!
Бог знает из чего стараемся, хлопочем?
«Известности» теперь так дорого берут,
Что сбавил цену я своим чернорабочим...
Романы, например... поверьте, приведут
Мою и без того тщедушную особу
К сухотке злой они, а может и ко гробу!
Спасение в одном — почаще перевод
Печатай, и конец...

Подписчик

По мне так переводы
Пора бы выводить решительно из моды,
А много — перевесть романа два-три в год...
Не спорю: хороши французские романы,
И в аглицких меня пленяет здравый ум...
Но мы читаем их как дети, наобум:
Нас авторы ведут в неведомые страны;
Народности чужой неясные черты
Нам трудно понимать, не зная той среды,
В которой романист рисуется как дома...
То ль дело русский быт и русское житье?
Природа русская?.. Жизнь русская знакома
Так каждому из нас, так любим мы ее,
Что как ни даровит роман ваш переводный,
Мы слабую ему статейку предпочтем,
В которой нам дохнет картиною народной,
И русской грустию и русским удальством,
Где развернется нам знакомая природа,
Знакомые черты знакомого народа...

Журналист

Вы судите умно. Все к севеденью приму.
Теперь же вам вопрос последний предлагаю:
Сужденье ваше знать о «Критике» желаю...

Подписчик

Позвольте умолчать.

Журналист

Скажите, почему?

Подписчик

Сегодня повод вам своей свободной речью
Я подал, сударь мой, итак к противоречью,
И если мнение о «Критике» скажу,
Название глупца, пожалуй, заслужу.

Журналист

Напротив, никогда! Ведь нет о вкусах спора!
Прошу вас и клянусь, что яблоком раздора
Не будет никакой строжайший приговор.

Подписчик

Ну, если так, я рад! Полезно разговор,
О чем бы он ни шел, довесть до окончанья.
Я вашей «Критики», любитель небольшой:
Не то чтоб были в ней неверны замечанья,

Но многословием, надутой пустотой,
Самодовольствием, задором и педантством
Смущает нас она... а пуще шарлатанством!
Ну что хорошего? Как только летний жар
Немного поспадет и осенью суровой
Повеет над селом, над полем и дубровой,
Меж вами, так и жди, поднимется базар!
Забыв достоинство своей журнальной чести,
Из зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спешите вы послать врагам своим стрелу.
Враги стремительно бросают вам перчатку —
И бурей роковой к известному числу
Все разрешается... Ошибку, опечатку
С восторгом подхватив, готовы целый том
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждем,
Когда окончится промышленная стычка,
Критический отдел наполнившая весь
И даже наконец забравшаяся в «Смесь»,
И думаем свое: «Несчастная привычка,
Ошибка грустная испытанных умов,
К чему ты приведешь?..» О, выразить нет слов,
Как сами вы себя роняете жестоко,
Как оскорбляете вы публику глубоко —
И все ведь из чего?.. Шумливая толпа
Газетных писунов, журнальных ратоборцев,
Напрасно мыслишь ты, что публика слепа!..
Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
Преследуете вы, трактуя свысока
О рифме, о стихе, о формах языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гёте,
Доказывая им, что хуже в целом свете
Не писывал никто и что рубить дрова
Полезней, чем низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всем ученым миром
Сужденье подкрепить то Данте, то Шекспиром.)
Я верю вам, когда озлобленным пером
Вонзаетесь порой в нелепые романы,
Пигмеям нанося решительные раны,
В надежде щегольнуть и собственным умом.
Когда, неловкий стих или хромую фразу
Вдобавок исказив и на потеху глазу
Косыми буквами поставив мне на вид,
Кричите вы: «И вот что автор говорит!
Где мысль, где логика, где истинное чувство?
Тут попран здравый смысл, поругано искусство!
О, муза русская! осиротела ты!..»
Горячность ваша мне хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и в самом солнце пятна),
Но верить я готов, что чувство правоты
Внушило вам и желчь и едкие сарказмы
(Хотя противное видали и не раз мы!).
Я также верил вам, сочувствовал душой,
Когда в своих статьях, приличных и достойных,
Вы отзывалися с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.

Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал искусство,
В том был глубокий ум, горело ярко чувство,
Светилася прекрасная душа!..
Когда авторитет, давно шумевший ложно,
Вы разрушаете — вам также верить можно;
Когда вы хвалите ученые труды,
Успех которых вам не сделает беды,
Я тоже верю вам (хоть страсть к литературе
Вас в равновесии не держит никогда:
То вдруг расходитесь подобно грозной буре,
То так расхвалитесь, что новая беда).
Но иначе смотреть, иную думать думу
Привык я, господа, прислушиваясь к шуму,
Который иногда затеяв меж собой,
Вы разрешаетесь осеннею грозой.
Тоска меня берет, по телу дрожь проходит,
Когда один журнал, к другому подходя,
О совести своей журнальной речь заводит...

Журналист

Ужели, мой журнал внимательно следя,
И в нем открыли вы уловки самохвальства?

Подписчик

О, как же, батюшка, и даже до нахальства!..

Журналист (*вскакивая*)

Но где ж? Помилуйте! еще подобных слов
Я сроду не слыхал...

Подписчик

Уж будто?

Слуга (*докладывает*)

Хрипунов!

Журналист

А! нужный человек!

Подписчик (*вставая*)

Так значит, до свиданья?
Оно и хорошо, а то, разгорячась,
До грубости свои довел я замечанья
И засиделся сам — прощайте! третий час!
Простите, что мои сужденья были жестки
(А может, скажете, что даже просто плоски).
Но льстить не мастер я и спину гнуть в кольцо...

Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:
Нет, дельный журналист — полезное лицо!
В вас благодетелей мы часто видим наших,
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды —
Вы развиваете охоту к просвещенью,
Вы примиряете нас с собственною ленью,
И вам всегда открыт охотно наш карман —
Нас опыт научил, что без статей журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! Невежества туман
Рассеялся давно; смягчило время нравы,
Разгульные пиры и грубые забавы
Времен невежества сменило чередой
Стремленье к знанию, к искусствам благородным,
И редкий дворянин, конечно, молодой,
Теперь не предпочтет собакам превосходным
Журнал ваш, например, достопочтенный друг!
Читателей у нас что год, то шире круг,
По милости правительства и бога
Нам к просвещению широкая дорога
Открыта... для чего ж грошовый интерес
Над правдою берет в вас часто перевес?
К чему хвастливый тон, осенние раздоры,
Зацепки, выходки, улики, желчь и споры?
К чему самих себя так глупо унижать?
Поверьте, публика поймет и без навета,
Что хорошо у вас, что дурно у соседа,
Да, право, и труда большого нет понять!
Поверьте, все пойдет и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процветете все на многие года!..
Прощайте! надоел я вам своим болтаньем;
Но если речь мою почтили вы вниманьем,
Готов я забрести, пожалуй, и опять...

Журналист

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

(*Провожает его до прихожей и, возращаясь в кабинет, говорит*)

Он дело говорит, да что ж я делать стану,
Когда меня бранят, колотят по карману!
Я, правда, начал сам... да поздно уж теперь!
Какой, однако ж, шут! провинциальный зверь!
Без деликатности малейшей так и режет;
А все ведь из чего? язык досужий чешет!
Послушайся его, пожалуй, перестань
Браниться... Никогда! Нет, докажу, что дрянь
Все, кроме моего журнала — вот и баста!

(*Звонит. Входит слуга.*)

А где же Хрипунов?

Слуга

Он ждет...

Журналист

Проси его!

Хрипунов (*входит с тетрадкой*)

Не помешал ли вам?

Журналист

Садитесь, ничего!

А что там, батюшка, под мышкою у вас-то?

Хрипунов

Да так-с. У недругов у ваших я нашел...

Журналист

Что? Что?

Хрипунов

Неправильно поставленный глагол,
Одну бессмыслицу, семнадцать опечаток...
Неловкий каламбур...

Журналист

Острить не мастера!

Хрипунов

И целый день писал статеечку вчера...
Зато отделал же — от головы до пяток!

(*Подает статью.*)

Она невелика...

Журналист

Давайте, посмотрю!
Да вот, нельзя ли вам состряпать к сентябрю?

(*Дает ему раскрытую книгу с отметками.*)

Хрипунов

Еще?

Журналист

Потешиться тут можно превосходно!

Хрипунов

Писать готов я все, что будет вам угодно...

Журналист

Перепечатана, вот видите, статья,
И то с ошибками... две-три нашел уж я —
Нельзя ли приискать побольше? Вот бы чудно!
Могли бы мы сказать: «Ведь, кажется, нетрудно
Перепечатывать? Взгляните между тем,
Какие пропуски, ошибки, опечатки!
И вот, читатели, вас угощают чем!
Недаром Лермонтов в стихах своих перчатки
Советовал надеть, начав читать журнал.
Сигов и Кузмичев, возрадуйтеся!.. Чем же
И кто безграмотней когда-нибудь писал?..»

Хрипунов

Смотрите, ведь они ответить могут тем же...
Пойдет история...

Журналист

Э, где им! никогда!

Хрипунов

Однако ж, и у вас встречал я иногда...

Журналист

Ну, верно, пустяки... Не бойтесь — и пишите!
Да также и в других отделах поищите;
Нельзя ли перевод пощупать?..

Хрипунов

Все прочту!
Прощайте! (*уходит*).

Журналист

Посмотреть, какие тут улики.

(*Берет статью, оставленную Хрипуновым.*)

Досадно, что статьи их вечно так велики:
То два, то три листа — и редко по листку!

(*Перевертывает страницы.*)

Сказал невелика, а тоже будет, верно,
Страниц до тридцати; привыкли непомерно
Растягивать они... и как не похитрить?
Условья хороши! Эх, жаль! за корректурой
Заняться не могу я сам литературой,
А то бы как писал!..

(*Снова перевертывает статью и вздыхает.*)

Попробуй не платить —
Отступятся, уйдут, останусь беззащитным.
А благородное молчание хранить
Не будет ли опасным и постыдным?..

1855

ИЗ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ИЗВЕСТИЙ»

⟨...⟩ Литературные новости. — Третья тетрадь карикатур Н. А. Степанова.

⟨...⟩ Теперь мы хотели бы поговорить о литературных новостях, но их нет. Единственная литературная новость покуда — «Библиотека железных дорог», перепечатывающая *старые* повести из прежней «Библиотеки для чтения» и некоторых смирдинских изданий, и что всего хуже — повести, по большей части посредственные или плохие. Подобный сборник мог бы иметь успех, но состав его должен быть совсем иной. Нет надобности, чтоб повести были непременно новые, но необходимо, чтоб они были хорошие; притом и вопрос о дешевизне в подобном издании дело важное, а мы никак не можем назвать «Библиотеку» дешевым изданием, принимая в соображение, что каждый маленький томик ее для живущих вне Петербурга обходится не в 25 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩, а в 50; таким образом, какая-нибудь повесть «Александрина» Фан-Дима, напечатанная в двух томиках «Библиотеки», обойдется в целковый, а этой повестью и при первом-то ее издании никто не интересовался. Дайте пять, шесть хороших повестей *за целковый* — вот тогда можете назвать издание дешевым и можете ждать большой массы покупателей, даром что повести не будут новые. На *хорошее и дешевое* всегда найдутся покупатели.

Все литературные или, вернее, книгопродавческие новости вертятся теперь около военных событий: поминутно выходят карты, планы, описания местностей, служащих театром войны. Довольно также карикатур. После «Художественного листка» г. Тимма, имеющего характер преимущественно серьезный, лучшее художе-

ственное издание по части современных сцен, без сомнения, «Карикатуры» г. Степанова. По смерти издателя «Ералаша» Неваховича г. Степанов решительно не имеет соперника в деле карикатуры, который сколько-нибудь приближался бы к нему, — он лучший и единственный; итак, неудивительно, что карикатуры его расходятся быстро, каждая тетрадь более, нежели в числе тысячи экземпляров. Мы предсказываем им еще больший успех по мере того, как известность их будет распространяться в публике. Чему же и продаваться теперь, как не подобным вещам? На днях вышла *третья тетрадь* «Карикатур», которая, подобно двум первым, содержит в себе десять рисунков в полулист, исполненных с тем же искусством, изобретательностью и остроумием, как и рисунки предыдущих тетрадей. Мы не хотим рассказывать здесь содержание рисунков, чтоб не лишить их интереса новости для тех, кто выписывает «Карикатуры». Мы видели уже и некоторые из рисунков четвертой тетради, приготовляемой к выходу; между ними есть уморительные. Заметим в заключение, что издание «Карикатур» г. Степанова во всех отношениях прекрасно: отчетливая литография, хорошая бумага и красивая обертка.

1858

ОБЕД Н. И. ПИРОГОВУ
23 августа, 1858

В 95 № «Одесского вестника» напечатаны речи, произнесенные на прощальном обеде, данном ученым сословием Одессы бывшему попечителю Одесского учебного округа Н. И. Пирогову, получившему другое назначение. Торжества в честь гражданской доблести, в честь науки и ее представителей не так еще у нас часты, чтоб русский журнал мог пройти молчанием подобное событие, если оно вызвано заслугой настоящей и неоспоримой. Из речей, произнесенных на обеде, мы выбираем речь г. Георгиевского, в которой подробно обозначена деятельность г. Пирогова во время пребывания его в Новороссийском крае.

«М⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩!

Если я буду говорить долго и много, надеюсь, что речь моя не утомит вашего внимания, потому что предметом ее будет дорогой наш гость и любимый наш бывший начальник. В другое время и при других обстоятельствах приличнее было бы затаить в душе глубокое наше к нему сочувствие и искреннейшее наше к нему уважение; теперь же, перед разлукою, на прощальном обеде, как не дать воли своим чувствам? В⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩! мы чтили и чтим вас не только как знаменитого ученого — ученого, которым гордится Россия, не только как редкого, образцового начальника, которым славился наш край и наш город; мы чтим вас еще более как человека; мы чтим в вас редкое воодушевление к общему благу, неутомимое трудолюбие и неистощимую энергию на пользу народного просвещения в нашем отечестве, высокие нравственные убеждения и, — что еще выше и еще труднее, как всякий знает по опыту, — то, что весь ваш образ жизни и действий вы вполне успели согласить с вашими убеждениями. И среди нас вы жили не для себя: вы жили исключительно для великого дела народного образования, для науки, для бедных страдальцев, для человечества. Какой высокий, недосягаемый образец для нас, ваших сотрудников по делу народного просвещения! Но если вы высоко стояли над нами и как ученый, и как человек, и как начальник, то в отношениях наших не было от того никакого стеснения. Был ли когда и где начальник, к которому

доступ был более легок? при всем уважении и к человеку и к званию, с кем возможна была более непринужденная и откровенная беседа, большая свобода мысли и речи? В непринужденной беседе с нами вы могли лучше узнавать ваших сотрудников, мы могли почерпать от вас ваше воодушевление к добру, ваши светлые взгляды на дело просвещения и воспитания и на требования современной науки. Достаточно так глубоко, как вы, изучить хотя бы один специальный круг наук, для того чтобы вполне знать, чего требует от преподавателя каждая другая наука, и мне лично не раз случалось дивиться многосторонности вашего ума и образования, обширнейшей, ко всему обращенной любознательности, верности и глубине воззрений на преподаваемую мною науку.

При таком, как вы, начальнике, при таких близких отношениях трудно и стыдно было бы оставаться равнодушным к своему делу, стыдно было бы не стремиться на высоту современных научных требований. В⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩! ваше нравственное влияние на всех и каждого из ваших подчиненных было в высшей степени благотворно. Не одним примером, не одними указаниями вы действовали на нас, — всем и каждому даны были вами и средства, и способы, и простор к полезной общественной деятельности. Давно уже не выписывал лицей в достаточном числе ни книг, ни учебных пособий и журналов; с вашим приездом нашлись средства к их приобретению; мебель в новом лицее осталася старая, зато библиотека и все кабинеты были значительно пополнены. Давно уже совет лицея обходился в самых важных для него вопросах, как, например, в избрании преподавателей, — в⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩ не принимали ни одной меры по отношению к лицею без предварительного обсуждения ее в совете *всеми* преподавателями; самое начинание любили вы предоставлять совету. При вашей энергии, при вашей неусыпной заботливости и знании дела как не оценить этого самообладания, этой воздержности в употреблении вашей власти? Так и в самом начале вашего управления вы призвали нас к совещаниям о мерах к улучшению состояния лицея, и плодом этих совещаний была — зрело обдуманная и ясно сознанная мысль о необходимости и возможности преобразования лицея в университет. Сколько потом придумано было вами способов и средств к осуществлению этой мысли, которая теперь, после всех ваших усилий, — смеем думать, — не погибнет и с вашим от нас удалением. Празднуя впоследствии день основания в Одессе университета, потомство с благодарностью будет произносить и ваше имя. — В ваше управление округом везде и мало-помалу установлялся разумный, нормальный порядок: внутреннее, существенное везде ставилось выше внешнего, кажущегося, и мертвящему формализму нигде более не было места. Студенты уже не были стесняемы соблюдением одних внешних, формальных их обязанностей; зато существенные от них требования, — чтобы они действительно были студентами и изучали науки, — были значительно усилены. Внешнее и внутреннее — это два противоположные полюса. Обращайте преимущественное внимание молодых людей на цвет и покрой платья и соблюдение формы, и вы увидите, — как не раз уже приходилось вам видеть, — что они становятся равнодушны к существенным своим обязанностям, равнодушны к науке и только по виду еще остаются студентами. Притом же высшее учебное заведение во всех отношениях должно приготовить молодых людей к жизни; в практическом отношении можно ли лучше приготовить их к деятельной и полезной жизни, как предоставивши им некоторую свободу, соединенную с неослабным над ними наблю-

дением и — что гораздо важнее — с сознательною ответственностью за свои действия и еще более за свое бездействие? И здесь результаты служат утешительным оправданием принятой вами системы; во все ваше управление поведение студентов было почти безукоризненно; в отношении к их успехам в науках мы ждем еще добрых и богатых плодов от вашей системы, и, судя по всем признакам, ожидания наши не будут напрасны. Уже много значит и то, что все они пришли к сознанию в необходимости усиленных и напряженных занятий во все продолжение лицейского курса; уже вновь поступившие серьезнее подготовлялись ко вступлению в лицей и, насколько можно пока судить, отличаются большею жаждою знаний. Успехи в высшем учебном заведении обеспечиваются хорошим состоянием гимназий и уездных училищ. На них с самого начала обратили вы особенное внимание и ежедневно по нескольку часов проводили в одесских гимназиях и училищах, ежегодно по нескольку месяцев употребляли на посещение всего округа. Преподавание в них уже перестало быть формальным выполнением плохо составленных программ; учителя, имея возможность свободно обсуживать в своих советах все, что может содействовать успехам преподавания, и не стесняемые в своей деятельности, принялись за свое дело с несравненно большею ревностью и стали в нормальные отношения к ученикам. Все усилия их стали направляться к улучшению методы преподавания, к развитию умственных способностей учеников, к возбуждению в них любознательности и охоты к учению. Чтобы поддержать и усилить в преподавателях такое направление, вы призвали их к обсуждению в педагогических советах метод, которым должно следовать в преподавании каждой науки, внимательно прочитывали все протоколы заседаний, все мнения, и, воспользовавшись тем, что учебный округ имел свой орган в «Одесском вестнике», обнародовали лучшие из этих мнений во всеобщее сведение, — мера чрезвычайной важности, которая будет оценена в целой России и найдет, без сомнения, подражание и в других учебных округах. Смело могу свидетельствовать, что направление это уже начало приносить свои плоды, — я убедился в том на экзаменах нынешнего года из сочинений студентов 1-го курса. При совершающихся в нашем отечестве событиях никто, может быть, не был до такой степени проникнут сознанием в необходимости самых энергических мер к распространению в низших классах религиозно-нравственного и умственного образования; никто, может быть, не скорбел столько о малом числе и неудовлетворительном состоянии уездных и приходских училищ, и никто из попечителей — смело можно сказать — не посвящал им столько внимания и времени, как в⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩. Вспомню об одной в высшей степени полезной мере: в лицее по воскресеньям в присутствии г⟨оспод⟩ преподавателей приходских и уездных училищ, при всегдашнем личном присутствии в⟨ашего⟩ п⟨ревосходительства⟩, прочитан профессором педагогики курс наглядного преподавания всех наук. Это могло принести немалую пользу для настоящего времени; но коренной реформы можно ожидать от предложенного вами и, без сомнения, уже близкого к осуществлению учреждения при лицее педагогической семинарии преимущественно для образования уездных и приходских учителей. Не буду распространяться о возрождении при вашем содействии одесской талмуд-торы и других еврейских училищ; как один из редакторов «Одесского вестника», поставленный этим званием в частые сношения со всеми уездными и приходскими учителями, засвидетельствую пред в⟨ашим⟩ п⟨ревосходительством⟩ — и не в первый раз, — до какой сте-

пени пробуждена в них теперь склонность к умственной и литературной деятельности, как воодушевлены они к выполнению ближайших, прямых своих обязанностей. — Успехи в нашем отечестве народного просвещения возможны только при очищении понятий о воспитании и обучении, при дружном содействии и родителей, и наставников одной общей цели, при их взаимном сближении. Вам, в⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩, принадлежит честь энергического пробуждения в нашей литературе вопросов о воспитании; этим вопросам посвятили вы целый ряд статей в «Одесском вестнике», и они обратили на себя всеобщее внимание, они сделали воспитание и обучение предметом суждений и разговоров в нашем обществе, которое, без сомнения, от слова не замедлит обратиться и к делу. — Говорить ли, наконец, о том, как много вы содействовали к пробуждению в крае и особенно в ученом его сословии научной и литературной деятельности? Первым вашим делом по приезде было назначить у себя чрез каждые две недели литературные собрания, на которых поочередно каждый из преподавателей читал свои статьи и велась живая, ученая и педагогическая беседа. Потом, благодаря вашему ходатайству, было передано лицею издание единственного литературного органа в крае — „Одесского вестника“. Не мне говорить о том, как он издавался; но не могу не вспомнить с благодарностью о письме вашем к нам, в котором лишь в общих чертах намечено было направление; о том, что вы призвали к сотрудничеству всех преподавателей округа, наконец, вам обязаны мы были лучшими педагогическими статьями, — вот в чем заключалось ваше участие в нашем издании. Каковы бы ни были наши недостатки и промахи в деле издания, вина за них падает исключительно на нас одних; вашему же участию, вашему ободрению должно приписать, что на всем пространстве Новороссии и Бессарабии началась живая литературная деятельность, пробудилось наблюдательное внимание к окружающим явлениям; нашлось у нас до 80 сотрудников, постоянных и временных. Сверх статей, напечатанных и приготовленных к напечатанию в „Одесском вестнике“, нашлись материалы для литературного сборника, и в немалом количестве, и не худого качества; найдутся материалы для издания двумя книжками в месяц журнала „Новороссийский вестник“, на издание которого с будущего года мы уже просили разрешения г⟨осподина⟩ министра. В⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩! тяжело и грустно расставаться нам с вами: еще бы лет десять, и Новороссийский край в педагогическом, ученом и литературном отношениях зажил бы новою, полною и благодатною жизнию. Утешаем себя надеждою, что нравственные ваши связи с нашим округом не будут порваны и послужат пока к сближению нашему с киевским учебным краем; и, наконец, мы уверены, что семена, вами здесь брошенные, не пропадут даром и взойдут в Новороссийском крае обильною жатвою. Господа! еще раз провозглашаю тост: за здоровье Н. И. Пирогова, за успехи народного просвещения в России и за процветание наук и литературы в Новороссии».

Были и другие речи, не менее сильные, были даже стихи, о достоинстве которых мы расходимся, впрочем, во мнении с составителем статьи «Одесского вестника».

Тебя повсюду чтут народы,
Из всех людей — ты человек!
Ты друг людей и друг природы,
И будешь им ты целый век!

Такова большая часть стихов; но достоинство не главное в стихах такого рода. Главное то, что все, произнесенное г. Пирогову, дышит искренней и заслуженной признательностию, нашедшей гласное выражение.

Кроме обеда, данного ученым сословием, г. Пирогову дан еще был прощальный обед местными евреями, причем выражена была в нескольких речах признательность г-ну Пирогову евреев за его попечения о еврейском населении края.

Читая описание обеда, данного Пирогову, речи и стихи, произнесенные в честь его, мы вспомнили о другом попечителе учебного округа, покинувшем свой пост в половине нынешнего года, без шума и торжества, но оставившем глубокое воспоминание в сердцах всех, кто находился от него в какой-либо зависимости. Почти до последнего дня никому не верилось, чтоб человек, до такой степени любивший свое дело, в такой высокой степени полезный ему, так ревностно и разумно ему преданный, мог расстаться с ним, и, однако ж, решение князя Щербатова осталось неколебимым. Общее горе, глубокое сожаление о потере такого начальника было так сильно, что никому не могла прийти в голову мысль о парадном обеде или каком-либо торжестве ввиду этого печального события. Несколько человек почти случайно собрались проститься с князем Щербатовым, и на этом прощании царствовало глубокое молчание, не было ни речей, ни стихов...

Говорили обо всем, кроме того, о чем каждый думал, и это молчание было по-своему красноречиво и не лишено своего рода торжественности. Оно шло к князю Щербатову, который, делая дело, не любил говорить о нем, не искал популярности и как-то стыдливо уклонялся от всего, что могло придать шумную гласность его деятельности. Уважая эту черту, мы и на нынешний раз ограничимся этими немногими словами, но не можем не выразить желания, чтоб кратковременное пребывание князя Щербатова попечителем С.-Петербургского учебного округа ознаменовано было каким-нибудь знаком уважения к нему, например, учреждением *щербатовской стипендии*. Можем сказать положительно, что многие с радостию внесли бы свою лепту на учреждение этой стипендии.

1860

НОВАЯ ГАЗЕТА «ВЕК», с 1861 ГОДА

Хорошая еженедельная газета, соединяющая в себе два одинаково важные качества для большинства — популярность изложения и дешевую цену, составляет в настоящее время ощутительную потребность. Опыты к удовлетворению этой потребности делаются каждогодно уже несколько лет сряду; вспомним «Парус» и «Русскую газету», быстро кончившие свое существование; вспомним «Наше время»; вспомним «Московский вестник» и «Русский мир», здравствующие, но нельзя сказать, чтоб процветающие (хотя тот и другой не лишены достоинств и ведутся с редкою добросовестностью). Наконец, с будущего года к ним присоединяются еще три еженедельные издания: «Современная летопись Русского вестника», «Русская речь» и «Век». Первое назначается исключительно для подписчиков «Русского вестника»; второе, предпринимаемое г-жою Евгениею Тур и обещающее представить много интересного, судя по таланту издательницы и многих сотрудников, высокою своею ценою и некоторыми задачами своей программы отходит от цели газет, предназначаемых для большинства. Таким образом, из трех прибавляющихся на 1861 год еженедельных изданий [1] верным этой цели остается только одно, именно газета «Век», которая невысока по цене и обещает в своей программе содержание общеполезное и общедоступное по изложению. И мы душевно желали бы, чтобы «Век» сдержал свои обещания, другими словами — чтоб редакторы новой газеты, гг. Безобразов, Дружинин и Кавелин, приложили к своему предприятию постоянный, не охлаждаемый никакими препятствиями,

---

[1] Недавно, впрочем, появилось объявление г-жи Тур, что «Русская речь» будет выходить не раз в неделю, а два ⟨*примечание Некрасова*⟩.

продолжительный труд. Нужно ли говорить, что без такого труда в журнальном деле не помогут никакие таланты? Будучи уже знакомы достаточно с журнальной деятельностию А. В. Дружинина, долгое время бывшего одним из ревностных наших товарищей и помощников — в эпоху особенно трудную для журналистики; знакомые также отчасти с журнальной деятельностию В. П. Безобразова, мы с нетерпением ожидаем увидеть на журнальном поприще третьего редактора «Века» К. Д. Кавелина, за которым, подобно всей русской публике, мы привыкли с любовью и доверием следовать на все пути, куда обращалась его деятельность.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «СВИСТКЕ»

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

В № 67 «С⟨анкт⟩.-Петербургских ведомостей», 25 марта, то есть ровно через шесть дней после диспута г⟨оспод⟩ Погодина и Костомарова, появилась восторженная статейка г. Северцова, в которой между прочим было сказано:

> «Кювье, тридцать лет направлявший беспримерно до тех пор быстрые успехи зоологии, *объявил, что предел назначен, что наука век должна оставаться на этой же степени развития, только обогащаясь подробностями*. Жоффруа Сент-Илер отстоял начатый им, теперь уже сделанный, новый шаг науки, и мы видим для нее, благодаря этому протесту против осуждения на застой, хоть бы великим Кювье, такую необъятную будущность, что сведения, удвоенные против казавшихся почти окончательными в 1830 году, теперь являются слабым началом дальнейшего развития.
>
> Этот плодотворный протест против застоя был, как нам показалось...» и проч⟨ее⟩.

Это было сказано собственно не в обиду Кювье или кому-нибудь — статейка имеет тон восторженный, до обиды ли тут? — а в похвалу настоящему времени, когда... когда происходят такие явления, как диспут гг. Погодина и Костомарова, который очень понравился г. Северцову. Однако три академика, г⟨оспода⟩ Бэр, Брандт и Миддендорф, поняли дело иначе и через три дня (заметьте, какая поспешность — тотчас видно, что вопрос нешуточный, не то что дело о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих, в котором г. Кокорев допускал паузы по месяцу и более), именно 29 марта, поместили в 69 № «С.-Петербургских ведомостей» следующий протест:

ПРОТЕСТ ПРОТИВ НАПАДКИ НА КЮВЬЕ

«В № 67 „Санктпетербургских ведомостей“ нынешнего года, в фельетонной статье: „*Два слова о диспуте г⟨оспод⟩ Погодина и Кос-*

томарова", автор ее приписывает великому Кювье, будто он объявлял, *что предел успехам зоологии назначен, что наука век должна оставаться на той же степени развития, только обогащаясь подробностями, и что Жоффруа де Сент-Илер успешно протестовал против такого осуждения на застой,* произнесенного великим Кювье.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом торжественно объявить, что заключающееся в этих словах обвинение прямо противоречит всему духу творений Кювье и что мы с сожалением видим такие слишком неосторожные отзывы, оскорбляющие память великих преобразователей науки. Даже если бы у гениального естествоиспытателя случайно когда-либо вырвались подобные выражения, то не должно пользоваться ими, чтобы вводить публику в заблуждение относительно значения Кювье в истории науки.

БЭР, БРАНДТ, МИДДЕНДОРФ».

«Свисток», некогда пришедший в умиление от протеста против г. Зотова в пользу г⟨оспод⟩ Чацкина и Горвица, не мог не умилиться этим новым протестом, не мог не воскликнуть:

О гласность русская! ты быстро зашагала,
Как бы в восторженном каком-то забытье:
Живого Чацкина ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

И хорошо, очень хорошо вышло! Кювье человек мертвый, — ему ничего: у всякого достанет ума сообразить, что и почему с ним делают: умер, защищаться не может, так вот его и защищают. Если посмотрим с другой стороны, то и г. Северцову тоже ничего: он выскользнул из рук диких кокандцев и жив остался, так что ему три академика? Словом, очень хорошо, безобидно вышло, — так хорошо, что мы не отдали бы нового протеста за десять зотовских, не отдали бы ни за что, разве

За спор о Свечиной Каткова
С Евгениею Тур!

РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА

Всякое дело имеет свой конец. Поэтому в нынешнем месяце последовала и развязка знаменитому диспуту о происхождении Руси. И представьте, оказалось, что всё дело собственно направлено было неисповедимыми судьбами не к чему иному, как к возвеличению «Свистка»!

Сами события, так сказать, сложились в торжественный гимн его проницательности. Он не верил в серьезность диспута, он утверждал, что не может быть ничего серьезного там, где г. Погодин, и вот вышла 1-я на нынешний год книжка «Русской беседы», и г. Погодин объявил в ней, что он «шутил»! Шутил, когда делал вызов г. Костомарову, шутил, когда читал корректуры этого вызова в «С⟨анкт⟩-П⟨етербургских⟩ ведомостях», шутил, когда возражал г. Костомарову, при многочисленном собрании публики в университете, встречавшей многие из его слов шиканьем и свистом (как уж тут у него доставало духу шутить, мы даже не понимаем), — шутил, всё шутил и молчал! Скажите, добрые люди, для чего всё это делалось, как не для того, чтоб доставить торжество «Свистку», который в своем отчете о диспуте, — вы помните, — чуть не ударился даже в ученость, что было́ как нельзя более кстати в то время, когда ученый муж расшутился. Да, неисповедимость судеб умилительная!

Это шутовство, угаданное «Свистком» за месяц до сознания г. Погодина, теперь никому не тайна: стоит взять «Русскую беседу» и прочесть личное сознание шутившего. В этом нумере «Современника» г⟨оспода⟩ Костомаров и Чернышевский показали публике значение «шутки» г. Погодина, и нам об этом распространяться нечего. Что касается до нас, то пассаж, сочиненный г. Погодиным, привел нас в умиление, а когда мы приходим в умиление, то пишем стихи, и обыкновенно так бывает, что виновник нашего умиления является и героем песни. Так случилось и теперь. Вот наш новый романс г. Погодину:

ПРИЗВАНИЕ

(М. П. Погодину от рыцарей «Свистопляски»)

Пусть Чернышевский говорит, что хочет,
И Костомаров пусть тебя разит;
Пусть над тобой ученых суд грохочет,
Пусть ими будешь ты и презрен и забыт.
Не унывай! Готов приют тебе веселый:
Недаром пописал ты на своем веку,
Недаром шуткою ты сделал спор тяжелый
И ревностно служил науке и «Свистку».
Не унывай! Прочь Нестор, прочь норманны,
Прочь жалкий параллель Европы и Руси!

Владения «Свистка» обильны и пространны:
Тебе в них место есть, — свой труд туда неси!
Умеешь ты мешать со вздором небылицы,
Смешить с ученым видом знатока:
Иди же, наполняй веселые страницы
Великодушного, игривого «Свистка»!
Ты о «Свистке» писал с презреньем величавым
В намереньи его жестоко оскорбить.
Но он давно простил речам твоим неправым:
Он так высок, что может всё простить.
Иди же к нам! В «Свистке» мы памятник построим
Всем шуткам, шалостям и подвигам твоим,
Ученость дряхлую мы свистом успокоим
И слух твой ласковым романсом усладим.

NB. Само собою разумеется, что поэтическое произведение не должно быть понимаемо буквально: если бы г. Погодин внял нашему голосу, то, разумеется, творения его могли бы появиться в «Свистке», только выдержав строгую критику, которою редакция руководствуется при выборе материалов для «Свистка». Всем можно шутить, но «Свистком» мы не шутим!

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ «СВИСТКА»

Всякий раз, когда «Свистку» случалось замолчать на долгое время, об нем распространялся в публике один и тот же слух, повторяемый очень многими с сердечным удовольствием, иными с искренним соболезнованием, что «Свисток» умер! Так было и ныне, — даже придумали очень правдоподобную причину его смерти: говорили, что «Свисток» скончался, убитый находчивостью г. Краевского, который отвлек будто бы (именно с этим намерением) все рабочие литературные силы к составлению статей для «Энциклопедического словаря». Как ни остроумно это предположение, наступило время уведомить публику, что оно неверно. «Свисток» жив и для объяснения долгого своего молчания имеет достаточно причин. Мы могли бы и умолчать о них, потому что если, по словам г⟨оспод⟩ Кокорева и Бенардаки, «в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны», то почему же не быть ей и в делах литературных, — особенно если при этом не спрашивается с подписчиков никаких добавочных сумм? Но мы не хотим тайны и объявляем, что главнейшею причиною молчанья

«Свистка» были скромность и благонравие, свойственные его юному возрасту. Он молчал, потому что не хотел говорить о самом себе. Назвавшись собранием литературных и журнальных заметок, он, естественно, должен был касаться литературы и журналистики, а журналистика последнего времени, как известно читателям, только и занималась «Свистком». Уже одного страха, чтоб не показалось кому-нибудь, что «Свисток» нисходит до оправданий против таких личностей и талантов, какие почтили его своим вниманием, — достаточно было бы, чтоб заставить его молчать; но к этому присоединилось обстоятельство более важное и прискорбное — разочарование начинает чувствовать «Свисток»! Так скоро? — спросит читатель. — Увы! так скоро. Давно ли, полный юных сил, надежды и стремлений, считал он деятельность свою чем-то необходимым и благотворным? давно ли всё его занимало, —

Всё волновало юный ум?

На что только не отзывался он своим свистом, то кротким и умиленным, то негодующим? А теперь? Теперь слава его не занимает; полезность деятельности своей считает он сомнительною, важность обличения разных литературных глупостей и низостей отрицает; капитальный труд свой «О вреде людоедства», которым занимался он в часы досуга, надеясь упрочить им свое имя в литературе и благотворно подействовать на убеждения современников, — он бросил на половине! Увы! увы! с ним случилось то же, что случается со всеми юношами нашего поколения...

В начале жизни гордо мы глядим
В широкий путь, открытый перед нами,
И первыми горячими трудами
Блестящие надежды подадим...

А потом? Потом следует то, что произошло со мною в сию минуту. Начал я свою мысль стихами (и читатели отдадут справедливость, что они недурны), но сил у меня не хватает, или, вернее, не хватает энергии потрудиться лишние полчаса, и я доканчиваю ее прозой. Нет, я и прозой доканчивать ее не буду, потому что она и так понятна, а если и непонятна кому, то что за беда: кто от этого проиграет? Никто. А я выиграю —

выиграю полчаса времени, которое употреблю хоть на чищение ногтей. Горе, когда человека начинают посещать такие соображения, — не свищется ему. Даже такой факт, как появление статейки г. Беллюстина о вреде грамотности, не задирает его за живое; а уж г. Дзюбин, объясняющий побег рабочих с Волжско-Донской железной дороги «привлекательностью высокой платы за уборку хлеба и сена», тогда как г. Смирнов объясняет тот же факт проделками и притеснениями приказчиков подрядчика, — г. Дзюбин так даже и впечатления малейшего не производит. Что ж ему после того полтавские дворяне; что споры о том, должно ли назначить жалованье предводителям или не должно? Что ему объявление г-жи Евгении Тур об издании «Русской речи», и «заметка» «Русского вестника» на это объявление, и ответ г-жи Тур, и новая заметка «Русского вестника»? Господин Ржевский может теперь, отделавши кадастровых чиновников, профессоров и экзаменаторов и указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты; г. Краевский может издавать или не издавать «Энциклопедический лексикон»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут, сколько угодно, перепечатывать в журналах свои старые стихотворения; г. Козлянинов может бить или не бить, по своему усмотрению, особ прекрасного пола, подвертывающихся ему под руку; в «Русском вестнике» могут распускаться новые цветы с старым запахом экономической деятельности; г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не знает ни слова по-литовски; г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе; новый «Век» с новыми «Основами» может водворяться в русской литературе: «Свисток» даже губами не пошевельнет, чтобы их приветствовать... Постигнутый разочарованием, он сделал то, что обыкновенно делают в таких случаях русские смертные: он (и вот третья и последняя причина долгого молчанья «Свистка») отправился за границу, конечно, не без надежды набраться новых впечатлений и не без намерения поделиться ими с читателями. Может быть, он от себя будет говорить немного; но зато он вам представит некоторые выдержки из обширной корреспонденции, которую завел он с людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато он даст вам подлинные документы о состоянии

умов в Европе, — ему только известные и доставшиеся ему из первых рук; наконец, он сообщит вам и о том, с каким достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе. Читайте же и поучайтесь плодами новой деятельности «Свистка»!

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

Вместо предисловия

Друзья мои! мы много жили,
Но мало думали о том,
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были.

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства,
И остроумье, и мораль;
Но отразил его Карнович,
И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен, —
И, огорчен, уныл и мрачен,
Молчит Погодин, как немой!

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
Что «Русский вестник», к чести века,
Уж издается пятый год...
Что в нем писали Булкин, Ржевский,
Матиль, Григорий Данилевский...
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенный,
А мы пускали легкий свист,
Порой, быть может, дерзновенный...

И мнил: «Настала мне беда!»
Кривдой нажившийся мздоимец,
И спал спокойно не всегда,
Схвативши взятку, лихоимец,
И русский пить переставал
От Арзамаса до Украйны,
И Кокорев публиковал,

Что есть дела, где нужны тайны.
Но что ж? решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно...
Ах! верно знаем мы одно,
Что в этом мире всё непрочно,
Где нам толкаться суждено,
Где нам твердит memento mori *
Своею смертью «Атеней»
И ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей!

При таком настроении, явно выражающем разочарование, о котором говорено выше, «Свисток» естественно удаляется от решительных приговоров над последними фактами русской гласности и только приводит некоторые из них, чтоб не оставлять своего читателя в неведении о ней.

Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности

Такая уж птица гусь, историческая. Древние гуси Рим спасли, новейшие пали жертвою нашей безграмотности! И вот каким образом. Об этом повествует в «Одесском вестнике» г. Ильминский, имея в виду собственно доказать «необходимость распространения грамотности» («Одесский вестник», 1860, № 130). Статейка его называется «Адвокат».

«Одна девица-дворянка, уроженка Каменец-Подольской губернии, прибыла в г. Одессу и на приобретенные собственными трудами деньги купила на Новой Слободке землянку. Узнав впоследствии о смерти своих родителей в то время, когда братья и сестры ее продали оставшееся имение, а причитавшуюся ей часть оставили покупателю, для удовлетворения ее лично, — она обратилась к соседям с просьбой, чтобы ей указали, к кому можно прибегнуть для ходатайства по ее делу. Спустя несколько дней к ней вошел однажды чиновный человек, отрекомендовавший себя за известнейшего в России адвоката. Он заметил при этом, что слышал от соседей о нужде ее в человеке, который взял бы на себя роль ее ходатая, и так как он вполне сочувствует ее горестному положению, то с живейшим участием готов принять на себя этот труд: репутация же его, как адвоката, известна не только в России, но даже в целой Европе. На вопрос, где он служит? откашлявшись и приняв воинственную позу, он отвечал таким образом: „Изволите-с видеть, сударыня, я службу свою начал денщиком и по прослужении-с 25 лет получил обер-офицерский чин.

* помни о смерти (*лат.*).

Во всё время моей службы вел большую адвокатуру-с, и ходатайств моих боятся не только какие ни на есть земские суды, но даже и самые сенаты-с“. Обрадовавшись такому сильному адвокату, она, с полной уверенностию в успехе своего дела, поручила ему вести процесс. Он тут же заметил, что с процентами ей придется получить несколько тысяч, и обязал ее условием, по выигрыше дела, уплатить ему 570 р⟨ублей⟩. Начало этого дела последовало в августе месяце прошлого года.

Спустя два или три дня он зашел к ней и, увидев на дворе 16 собственных ее гусей, попросил тотчас же одного из них зажарить, и когда гусь был готов, то намекнул, что между прочим не мешало бы позаимствовать полуштоф водочки. По уничтожении гуся с необходимым дополнением, он подал ей счет предстоящим издержкам, добавив, что любит аккуратность. В счете было написано следующее: на прошение 3 р⟨убля⟩, на пересылку ответа по этому прошению 1 р⟨убль⟩ 33 к⟨опейки⟩, на запросное отношение к ее братьям и сестрам 1 р⟨убль⟩ 33 к⟨опейки⟩ и на обратный ответ 1 р⟨убль⟩ 33 к⟨опейки⟩. Получив эти деньги, он вышел, но чрез 4 дня явился опять, изволил скушать 2-го гуся и выпить 2 полуштофа вина, а уходя, снова взял деньги, по следующему счету: на уведомление о процентных деньгах на причитающийся капитал 3 р⟨убля⟩, за пересылку оттуда денег 1 р⟨убль⟩ 33 к⟨опейки⟩, на квитанцию об отсылке и присылке обратно 1 р⟨убль⟩. Спустя два дня он не замедлил явиться утром и, вследствие просьбы ее — истребовать ей свидетельство на свободное прожитие, уничтожил 3-го гуся и выпил два полштофа вина. Тогда же он потребовал деньги: на бланк для свидетельства 6 р⟨ублей⟩, за отсылку и присылку из Каменец-Подольска 1 р⟨убль⟩ 52 $^{1}/_{2}$ к⟨опейки⟩, а по известному тяжебному делу дал счет такого содержания: на прошение 1 р⟨убль⟩, на публикацию, дабы известно было всей России, что она имеет тяжбу, 4 р⟨убля⟩ 97 $^{1}/_{4}$ к⟨опейки⟩ и, получив деньги, сказал при уходе, что дело ее, по случаю италийской войны, маненько позадержится. Чрез 2 или 3 дня явился и сказал, что мир заключен и дело ее не за горами, а на понудительное прошение потребовал 1 р⟨убль⟩ 52 $^{1}/_{4}$ к⟨опейки⟩ и, в восторге от скорого успеха, потребовал два гуся, из коих одного съел тут же, а другого, за неимением у ней денег, взял с собой живьем. Спустя несколько дней явился утром и объявил, что дело решено в ее пользу. На радостях он велел зажарить гуся, а сам занялся исчислением процентов на причитающийся капитал и запил эту радостную для нее весть, как он говорил, двойной порцией спиртуозно-жизненного эликсира и в заключение всего не замедлил снова потребовать денег, в числе прочей галиматьи, на пересылку одного прошения по оптическому телеграфу. Но так как на удовлетворение этих издержек у просительницы не было денег, то он взял остальных 9-ть гусей живьем, а при уходе вспомнил еще о необходимом расходе на припечатание публикации в „Сенатских ведомостях“ о выигрыше ею дела и взял на пополнение этого расхода пух и перья с сожранных им гусей. Потом, через несколько дней, он явился однажды с самодовольной физиономией и с словами: „Вот оно-с, что значит придворный адвокат-с“, — вручил ей свидетельство будто бы от г. министра финансов, полученное по телеграфу, коим он разрешил получить ей деньги. При этом он с особенным значением указал на подпись. Она действительно была мудреная и состояла из каких-то иероглифов; самое же свидетельство было написано на гербовом листе 15-копеечного достоинства, исписанном сверху донизу повторением одних и тех же слов, а именно: терли, терли, терли... В заключение

адвокат сказал, что ему нужны деньги, рублей 30, на последние расходы; а как у ней решительно ничего уже не было, то она, по его убеждению, продала землянку и вручила ему следуемые деньги. Таким образом, в 8 посещений адвокат успел заграбить 16 гусей, пух и перья от 7 из них, около $^1/_2$ ведра вина, 24 р⟨убля⟩ 80 $^3/_4$ к⟨опейки⟩ сер⟨ебром⟩ деньгами и землянку. После того он водил ее в течение 3-х месяцев по всем присутственным местам. Нередко случалось ей ожидать его до ночи у ворот присутственных мест и со слезами возвращаться потом в квартиру. Это продолжалось до тех пор, пока не прочли ей свидетельство, полученное по телеграфу ее адвокатом, и не убедили в положительном обмане. Это обстоятельство я долгом счел сделать известным *для того, чтобы еще раз доказать необходимость распространения грамотности*».

Вот сколько бед наделало отсутствие грамотности! Процветай она, и неизвестная девица не лишилась бы последнего имущества, шестнадцать гусей пользовались бы жизнию и неизвестный адвокат (хорош гусь!) не расстроил бы желудка, что неизбежно с ним последовало при таком непомерном истреблении гусей и водки и что — вероятно — вменилось ему в наказание за его проделку! По крайней мере из статейки не видно, чтобы обманщик потерпел какие-либо другие неприятности. Эта статейка с ее моралью может служить хорошим образчиком того, что поделывает наша внутренняя гласность. Подобными фактами наполнены газеты, с припевом, постоянным с некоторого времени: нужна грамотность! Польза грамотности доказывается иногда странным образом. «Г-н Георгиевский (сказано в № 266 «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩») сообщает в „Одесском вестнике“ слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы в Петербург составленный им проект „Всероссийского общества для распространения в народе образования“. *Вот еще доказательство* (говорят «Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩»), *до какой степени* всеми *чувствуется...*» и проч. Что ж тут удивительного, что Тургенев чувствует пользу грамотности? Читая эту фразу, иной, пожалуй, подумает, что он когда-нибудь чувствовал противное. Нужно ли говорить, что знаменитый наш романист никогда не разделял мнения г⟨оспод⟩ Даля, Бланка и Беллюстина?

Состояние образованности в Камышине по свидетельству г. Карпова

«К а м ы ш и н (*Саратовской губ.*), *16-го ноября.* В № 234-м „Московских ведомостей“ напечатано письмо, в котором говорится, будто в Камышине еще с 1820 года существует публичная библиотека. Это известие крайне удивило нас, потому что мы, жители Камышина, никогда и не слыхали о существовании этой библиотеки, не знаем, где она находится, кто ею заведует и в каком она теперь положении. Впрочем, хоть и прискорбно, а надо признаться, что жители Камышина не имеют надобности в библиотеке, ибо не имеют никакого интереса к чтению. Нравственная сторона нашей молодежи развита очень мало, и, конечно, не их надо винить в этом, а их отцов, которые не понимают важности образования. Такое равнодушие к духовным интересам особенно странно встретить у нас, потому что городское общество вполне обеспечено в материальном отношении и могло бы уделить излишек своих средств на воспитание молодого поколения. А это делают очень редкие. Чтение книг не духовного содержания считается многими делом безнравственным. О развитии у нас чтения можно судить по тому, что 250 купеческих домов выписывают в нынешнем году только 2 экземпляра „С.-Петербургских ведомостей“, 1 экз⟨емпляр⟩ „Московских ведомостей“, 2 экз⟨емпляра⟩ „Искры“, 2 экз⟨емпляра⟩ „Семейного листка“ — не модного журнала. Везде открывают училища, заботятся о народном просвещении, а у нас об этом и помину нет. Кажется, что если бы кто-нибудь и предложил открыть хоть женское училище, то поднял бы против себя целую бурю и потерял бы репутацию *степенного* человека. Грамотность для женщины почитается многими не только лишнею, но и вредною».

Вот так сторонушка! Как видно, камышинцы действуют начистоту: *запил — и двери запер*, по русской пословице. Зато мы теперь знаем, *что* прежде всего напишут они, когда научатся писать: это без сомнения будет благодарственный адрес г⟨осподам⟩ Далю, Бланку, Беллюстину и другим подобным, которые еще прибудут: по приблизительному исчислению, в России появляется в год по крайней мере по два печатных противника грамотности (а сколько таких, которые печатно не заявляются!), да притом, как известно, год на год не приходит. Нет, советуем камышинцам поторопиться, а то писание адреса составит труд, с которым не справятся юные начинающие грамотеи!

Мальчик-с-пальчик, или Красноречивые противники

Утешеньем в том, что у нас много людей безграмотных, много противников грамотности, — да послужит нам то, что у нас много также людей красноречивых и что красноречивые люди наши являются не в литературе, где, казалось бы, им всего естественнее являться, а в других сферах... в каких именно сферах, читатель сейчас увидит.

В «Московских ведомостях», № 228, было напечатано:

«На прошедшей неделе, в субботу, 15 числа, в полночь, проходя по Тверской улице, вместе с моим знакомым, я услыхал продолжительный, раздирающий душу детский плач, как будто бы над ребенком совершали какую-нибудь болезненную операцию.

Ночь была холодная, воздух сырой с изморозью, проникающий до костей, даже сквозь ваточное пальто. Когда мы проворно подбежали к тому месту, откуда слышался плач, то увидали бегущего ребенка 7 или 8 лет, полураздетого, без сапог, с тремя калачами на руке. С сдержанным рыданием, подпрыгивая от холода, он объяснил мне, на мои расспросы, что он очень озяб, что у него щиплет и режет ноги, что послал его за калачами хозяин, портной Поппе, у которого он живет в учении. Вслед за ребенком я вошел в мастерскую Поппе, но мастеровые, узнав о причине моего прихода, не вызвали ко мне хозяина. На другой день мальчик был им прогнан. Этот глубоко возмутительный, бесчеловечный факт в настоящее время, при усиленном старании правительства к улучшению быта ремесленников, мне кажется, заслуживает огласки».

Подписано: «Москва, 20 октября. *Е. Пациентов*».

Прочитав статейку, трудно было удержаться, чтоб не сказать, что г. Пациентов хорошо пишет, но впоследствии оказалось, что портной Поппе пишет лучше!

Формальным следствием раскрыто, что мальчик, встреченный г. Пациентовым, у портного Поппе в учениках никогда не жил. Он только ходил, по знакомству, к ученику, жившему у Поппе. Таким образом, Поппе оказался совершенно невинным как в дурном одеянии мальчика, так и в ночных его странствованиях за калачами и написал в свою очередь следующее:

«Статья г. Пациентова имела для меня чрезвычайно неприятные последствия: меня требовали в ремесленную управу, требовали в полицию, производили дознания о том, в чем я был так же невинен, как и г. Пациентов или всякий другой; *я должен был отвлекаться от работы, упускал заказы, манкировал срочными делами, беспо-*

коился за свой кредит, за участь моего заведения, едва открытого; родные мои беспокоились обо мне, знакомые справлялись о моем деле, родители и родственники мальчиков, может быть уже решавшиеся отдать их мне в ученье, *не решались на это; обо мне говорили в Москве с недоверчивостию и*, вероятно, *с чрезвычайно обидными для личности моей прибавлениями»* — и проч⟨ее⟩, и проч⟨ее⟩, и проч⟨ее⟩. «Не оспаривая (прибавляет г. Поппе), что г. Пациентов одарен гуманностию в достаточном количестве, а может быть и литературными способностями в количестве громадном или сомнительном, о чем судить не могу, — я тем не менее присутствию ремесленной управы объяснить честь имею, что считаю поступок г. Пациентова оскорбительным для моей чести и вредным для моего кредита и прошу дать делу сему гласность и законный ход, причем присовокупляю, что никакого материального вознаграждения со стороны г. Пациентова получить не желаю».

Ремесленная управа напечатала в удовлетворение г. Поппе весь ход дела. Таким образом, нам остается только литературная сторона его, и мы охотно свидетельствуем, что соперники не уступили друг другу в красноречии.

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА

Дарование г. Капелькина, которого стихотворения и краткая биография представлены в № 5 «Свистка», заметно развивается. Жаль только, что он не может выйти пока на самостоятельную дорогу: подражательность то тому, то другому поэту заметна в его произведениях. Но кто нам мешает утешаться мыслию, что это только *пока*, и наслаждаться его музою?

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, О ШРИФТАХ ВООБЩЕ И О МЕЛКОМ В ОСОБЕННОСТИ

«Скажите, пожалуйста, что за скачки у этого „Свистка“! То в полгода словечка от него не добьешься; со всех сторон его задевают, чуть не едут на нем верхом, — он, как чурбан в басне о лягушках и царе, молчит! То вдруг начнет появляться каждый месяц; может быть, появлялся бы и чаще, но ведь это почти то же, что езда из Москвы в Петербург: больше одного раза в сутки ни туда, ни сюда приехать нельзя, и дорога

длинна, а главное: поезд только один раз в день идет; разве завести экстренные поезды, как сделал уже „Русский вестник“, приславший нам 1 № своей „Летописи“ на 1861 год, тогда как главный его поезд с грузом № 23 и 24, 1860 года, застрял где-то на половине пути, вероятно по причине глубоких снегов».[1]

Такие толки, без сомнения, раздадутся при появлении настоящего № «Свистка», появляющегося вслед за № 6, который вышел только в прошлом месяце.

Но, милостивые государи, «Свисток» ничего не делает без причины, и на нынешний раз, точно так же как всегда, он имеет законную причину, оправдывающую скорое его появление.

Просим прислушаться. Речь пойдет о *шрифте*. Вам уже, конечно, известно, что с 1861 года появился на Руси новый журнал «Время». Вот это-то «Время» между

---

[1] 13 января 1861 года, после долгого ожидания, означенный груз прибыл благополучно в С⟨анкт⟩-Петербург, упакованный в один тюк, с двойным нумером: 23-24.

Разговор в журнальной конторе

— «Одна-то книжка — за две книжки?»
(Кричит подписчик сгоряча.)

Приказчик

То были плоские коврижки,
А эта — толще кирпича!
В ней есть «Гармония в природе»
И битва с Утиным в «Смеси».
Читайте, судырь, на свободе!

Подписчик (*принимая книгу*)

«Merci, почтеннейший, merci!»

(*Уходит.*)

Так древле тощий «Москвитянин»
По полугоду пропадал
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба с неба упадал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том
Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем.
Он говорил: «Так ты не умер?
Как долго был ты нездоров!»
И принимал нежданный нумер
Охотно за пять нумеров

Примеч. конторщика.

прочими упреками, делаемыми им всей литературе вообще и каждому автору вразбивку, вздумало упрекать «Свисток» тем, что он публиковал объявление о самом себе *«робко, мелким шрифтом»*.

Робко — это ничего; у всякого свои понятия о храбрости... Но — *мелким шрифтом*! Об этом стоит подумать, необходимо объясниться. Читателю известно, что с тех пор как г. Серно-Соловьевич, в зале Пассажа, пред многочисленным собранием, вошел в подробное прение о *курсиве*, вопрос о шрифте получил в России громадное значение. Говорят, что иногда книжки журналов запаздывали по целым месяцам по причине спора, возникавшего между почтенными редакторами, каким шрифтом должна быть отпечатана та или другая статья и где именно следует поставить *курсив*. Лучшие умы пошли далее: от шрифтов крупных и мелких, от косых и прямых они перешли к обсуждению самой формации шрифтов. «Русский вестник», как и всегда, явился первым, подавшим свой голос в этом деле: в 1-м № своей «Летописи» он предложил некоторые изменения в отлитии русских букв и ввел их у себя, начав таким образом год блистательным нововведением. Здесь мы должны на минуту уклониться с прямой дороги и сказать несколько слов об этом нововведении. Нет сомнения, что преобразование в русском шрифте, изобилующем в настоящем своем виде прямыми линиями, при малейшей порче шрифта делающими чтение затруднительным, — нет сомнения, что это преобразование нужно, но тем не менее, по поводу попытки «Русского вестника», «Свисток» слышал следующие рассуждения, о которых, принимая в соображение важность вопроса, не считает удобным умолчать.

— Может быть, нововведение господина Каткова очень хорошо, — говорил недавно один господин, потрясая 1 № «Летописи Русского вестника», — но я полагаю, что место таким попыткам не в газете, а в каком-нибудь специальном издании, посвященном филологии или просто вопросу о шрифтах. Пятьдесят три года читаю я русские книги и журналы и никогда не встречал затруднения в чтении их, исключая того случая, когда господину Лажечникову вздумалось напечать своего «Басурмана» хотя и по-русски, но с каким-то чудовищным правописанием, которым поставлялось читателю в обязанность разучиться всякому правописанию, да еще того

небольшого периода в издании «Отечественных записок», когда редакция, в виду всей России, чуть было не повихнулась на букве *ж*, но это скоро и благополучно прошло. И вот теперь, под старость, получаю «Летопись», начинаю читать... да еще вслух, перед мало знакомыми людьми пришлось читать. Представьте себе! читаю — и запинаюсь, поминутно запинаюсь. Глаз мой, в течение долгого времени освоившийся с обыкновенным русским шрифтом, никак не может привыкнуть к этим закруглениям, усикам, раздвоениям, рожкам, подножкам и ко всяким другим улучшениям, введенным «Летописью» в русский шрифт. Подножки! Усики! Спрашивается, зачем тут усики?

Усы гусара украшают,
Усы герою вид дают,
Невест усами добывают,
Усы для девушек магнит...

Но я не девушка! А эти высокие *к*, *ф*, *ъ*, — что это такое? для чего?... В целом страница представляет какую-то невообразимую пестроту, неровную, несимметричную, как будто с высокой-высокой колокольни смотришь на подгулявшую толпу, покачивающуюся с боку на бок, или, еще лучше, как будто, к ужасу г. Серно-Соловьевича, ящик курсива всыпали в ящик обыкновенного прямого шрифта да и пошли писать, то есть набирать! так что сам господин Серно-Соловьевич едва ли в состоянии различить, что здесь собственно набрано курсивом, что прямым шрифтом. А уж я так просто и прочесть не умел порядком; некоторые гости ушли, не дослушав чтения, и — что мудреного — сочли меня за безграмотного! Вот какую услугу оказал мне «Русский вестник»!

— Из чего вы убиваетесь? — возражали ему. — Так-то у нас во всем, ничего для общей пользы; маленькое затруднение для глаз, пустой щелчок самолюбию — и мы готовы бросить камень в того, кто хлопотал для пользы науки. Ведь господин Катков, конечно, имел в виду пользу науки...

— Пользу науки! — грубо вскричал господин. — Хочешь пользы науке, так печатай свои опыты особо. Если я к науке радетелен, заплачу деньги и испорчу глаза — и жаловаться не буду. Или объяви заранее. А то —

На языке тебе невнятном
Свои статейки подношу
И в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу...[1]

Покорно благодарю! Я не хотел ни денег бросать, ни глаза портить, я хотел читать «Современную летопись». Так и давайте мне ее в таком виде, чтоб я мог читать. Еще бы вы вздумали для пользы науки ставить буквы кверху ногами или санскритский алфавит ввели бы, да не объявили бы заранее! Покорно благодарю! Целый год теперь убивайся, привыкай к новому шрифту, а там удержится ли еще он, или вздумается выписать другой журнал.

— Да зачем же другой? — говорили ему. — Вы всегда были таким жарким поклонником «Русского вестника»...

— Так, по-вашему, целый век и прикажете мне выписывать только его? — запальчиво возразил господин.

— Почему же нет?

— Почему, почему? А вот почему, милостивый государь.

Каким ни ухищряйся шрифтом
Печатать слабые статьи,
Верь, ни сотрудники твои,
Ни сам ты — век не будешь Свифтом!

Он посмотрел на нас с явным самодовольствием. Он, видимо, был счастлив, что ему удалось высказать свое негодование в этой плохой эпиграмме. Мы пробовали ему заметить, что г. Катков никогда не претендовал на славу Свифта и потому, конечно, останется совершенно равнодушным к этой выходке; но он не дал нам рта разинуть, продолжая порицать шрифт «Летописи». И вот каковы люди! Пять лет этот человек был жарким поклонником «Русского вестника», он почерпал оттуда свои убеждения, свои высшие взгляды, — короче: свой ум. «Русский вестник» помогал ему держаться на высоте современности, как и многим, внезапно застигнутым этим требованием, — и вот ничтожное разветвление в верхней части буквы ѣ, ничтожный усик, приделанный к букве ь, — и всё забыто! Приязнь обратилась во вражду! О люди! о век! о время!

---

[1] Пушкин: «Иностранке» ⟨*примечание Некрасова*⟩.

Само собою разумеется, что эти два последние восклицания не относятся ни к «Веку», издаваемому г. Дружининым и $К^0$, ни ко «Времени», издаваемому г. М. Достоевским. Но так как мы кончили наше отступление, то и переходим к одному из этих журналов, с которым начали нашу беседу.

Собственно мы начали статейку с тем, чтобы сказать «Времени», что никак мы не можем признать справедливым упрека его в том, что «Свисток» объявил о себе мелким шрифтом. Мы всегда думали и продолжаем думать, что этот случай должно приписать в заслугу ему. Да когда же, скажите на милость, «Свисток» говорил о себе не в выноске, крупным шрифтом? Во-первых, крупные шрифты у нас берегутся для публикования имен тех знаменитостей, которые удостоивают нас обещанием своих произведений, а во-вторых, не всегда ли «Свисток» отличался скромностию и благоприличием?

Итак, надеемся, мы доказали «Времени», что мелкий шрифт в нашем объявлении не должен быть понимаем иначе, как за выражение этих качеств, при которых «Свисток» желает остаться навсегда. Горькую минуту переживет он, когда «Время» или другой какой-либо журнал будет в состоянии с полным правом обратиться к нему с известным карамзинским вопросом:

«Бедный Свисток! где твоя невинность?»

Он откровенно сознается, что не желает дожить до этого времени.

Объяснившись и успокоив умы касательно мелкого шрифта, мы теперь займемся словом «*робко*», так как это маленькое словечко, признаемся, тоже укололо нас, хотя и менее, нежели мелкий шрифт. Глупо! Но что же делать? У всякого есть свои мировые судьи, своя г-жа Свечина! Притом, не служит ли и эта самая щекотливость доказательством невинности «Свистка»? Это не то, что обстрелянные журналисты, на которых раздражительные господа, потерпевшие неудачи на различных поприщах — акционерном и других, — изливают свою желчь из разных газетных закоулков, покуда их оттуда не выгонят за глупость, как отвсюду, куда они совались. Молчат обстрелянные журналисты, даже виду не подадут, долетели ли до них хоть брызги помоев, которыми была разведена желчь, — молчат, и сохнет, и

тает, как воск, не по дням, а по часам, раздражительный господин в тщетном ожидании. Нет, «Свисток» не имеет ни столько навыку, ни столько твердости. Он готов оправдываться против каждого двусмысленного слова, пущенного на его счет, разумеется, если уважает противника.

Если бы «Время» вместо *робко* употребило слово *кротко*, тогда нечего бы и говорить. Но — робко! В чем же, по мнению «Времени», выразилась робость «Свистка»? В том, что он не написал о себе широковещательного объявления, не расхвастался в нем своими заслугами, не натыкал в него сотни заглавий небывалых статей и десятки имен с сомнительной знаменитостью? Помилуйте! да если вопрос только в этом, так «Свисток» мог бы удивить публику своею храбростию не хуже самих «Отечественных записок». Вы скажете, у него не хватит воображения, не найдется уменья составить хорошую программу, нужно набить руку, напрактиковаться, что приобретается годами, а вы сами уши нам прожужжали своей неопытностью? Что ж! Положим так. Но разве нельзя воспользоваться чужою опытностью? «Свистку» стоило переписать почти любую из программ на 1861 год — и вы не назвали бы его робким.

Он мог бы сказать, например:

«„Свисток“ *не имеет надобности рекомендоваться публике подробными программами, а потому редакция с удовольствием оглядывается на прошедшее свое поприще, в котором находит разгадку постоянного своего успеха в публике, несмотря на обилие вновь являющихся повременных изданий. Не для того, чтобы хвалиться всем тем, что успел сделать в это время, а для того, чтоб искать в прошедшем руководящей идеи для будущего, бросим мы взгляд на пройденное нами широкое поприще*».

Довольно. Рука устает выписывать. Скажите, чем это было бы худо? Очень было бы даже хорошо! И труда никакого не стоило бы, потому что это выписано *слово в слово* из программы одного большого журнала, богатого опытностию по части программ. Затем «Свисток» сумел бы, конечно, переписать с громкими прибавлениями названия статей, в нем помещенных, перечислить имена сотрудников, в нем участвовавших, расхвалив их напропалую и задев по дороге сотрудников чужого прихода, и наконец заключил бы так:

Читатели видят, что редакции «Свистка» в прошлом году *посчастливилось* соединить на своих страницах превосходные произведения ЯКОВА ХАМА, АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА и КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА.

В следующем году «Свисток» надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, или РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ, самообличительная поэма-автобиография... САВВЫ НАМОРДНИКОВА.

Исторические параллели:

В. А. КОКОРЕВ и ЛАФИТ.

ЖОРЖ САНД и ЕВГЕНИЯ ТУР.

БИТВА ГОРАЦИЕВ с КУРИАЦИЯМИ и бой 13 декабря 1859 г. в петербургском Пассаже.

ЛАМОРИСЬЕР и Н. Ф. ПАВЛОВ.

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОКНИЖИИ, или ШОТЛАНДСКАЯ ВЕДЬМА, поэма А. КАПЕЛЬКИНА.

Ряд статей О ВРЕДЕ ЛЮДОЕДСТВА — ДАРЬИ КУНИЦЫНОЙ (урожденной княжны Бесхвостовой).

Ряд статей О ЮМОРЕ У ЖИТЕЛЕЙ ЛАПЛАНДИИ и У САМОЕДОВ (посвящается редакторам «Свистка») — И. ШУТЕНКОВА (потомка древней графской фамилии, утратившей документы при пожаре Москвы в 1612 году).

«ТЫСЯЧУ ДВЕСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ» — КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА.

ЖОХ и ПЛОЦКА, драма — АННЫ МОНУМЕНТОВОЙ (псевдоним мужчины-писателя).

ИДИЛЛИЯ и ПРЕДСКАЗАНИЯ — ЯКОВА ХАМА.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ — СОЛДАТ БЕЗ РУЖЬЯ! — ХАДЖИ-ПОДХАЛИМОВА (поэт-самоучка, армянского происхождения. Мать грузинка).

КАК ПОНИМАЮТ «СВИСТОК» образованные народы Европы, ряд писем из Лондона ТИТМАРША, МЛАДШ. (племянника славного Тэккерея, давшего клятву писать исключительно в нашем журнале).

ИСТИНА В НАУКЕ
ИСТИНА В ИСКУССТВЕ
ИСТИНА В ЖИЗНИ

{ Три лекции А. УКРАИНСКОГО, которые будут читаны в зале Пассажа, в пользу новозадуманного Общества для сдирания шкуры — с живых и мертвых, под благовидными предлогами, по новому способу, им же изобретенному.

Басни К. ПРУТКОВА[1]

И проч⟨ее⟩, и проч⟨ее⟩, и проч⟨ее⟩. Сколько еще могли бы мы насчитать статей! сколько поименовать сотрудников! Но в том-то и дело, что при всей легкости в подборе подобных хвастливых обещаний, при всей безответственности в случае их неисполнения, «Свисток» удержался в границах скромности и приличия.

Спрашивается теперь: порицания или похвалы достойно подобное поведение?

Доказав свою невинность, «Свисток» спешит уверить новый журнал, что нисколько не сердится за опрометчивое его суждение. Напротив, «Время» ему понравилось, и он, как восторженный юноша, не умеющий скрывать своих чувств, сложил ему гимн, который и печатает теперь с большим удовольствием.

---

[1] Это имя, как действительно знаменитое, должно быть напечатано в полтора раза крупнее прочих, чего не сделано здесь из опасения обезобразить страницу ⟨*примечание Некрасова*⟩.

ВАРИАНТЫ

1855

ИЗ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ИЗВЕСТИЙ»

(С. 320)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

С. 320.

5 Теперь / После театральных новостей

14—15 притом и вопрос о дешевизне ∾ дело важное / [Мы уже]

16—17 принимая в соображение / [Еще] [Но] принимая в соображение

23 хороших повестей / повестей хороших

С. 321.

1 издание по части современных сцен / издание [по этой] части

2 «Карикатуры» / Альбом

3—4 не имеет соперника в деле карикатуры / не имеет [уже] соперника [по этой части]

4 *после*: в деле карикатуры — *начато а.* [Кто видел впервые альбом г. Степанова, к сожалению неизданный, тот знает, что у] *б.* [Иной рисунок у него может быть удачен, иной]

5 он лучший и единственный / [некоторые его рисунки]

6 Итак, не удивительно / *а.*: [которого карикатуры] *б.*: [Этого довольно, следовательно, нет ничего удивительного, что]

7—8 каждая тетрадь более ∾ тысячи экземпляров / [более, нежели в тысяче экземпляров каждая тетрадь]

10 Чему же и продаваться теперь, как не / [Теперь такое время, что толь]

10—11 *После*: подобным вещам — *было*: [Как говорится, только дай?!]

13 исполненных с тем же / Дарование г. Степанова в этих [рисунках] листах то же
20 Заметим в заключение / [В заключение]
21 во всех отношениях прекрасно / очень [хорошо] изящно
22 отчетливая литография / литография отчетливая хорошая бумага / бумага [хо] [отличная]

1858

ОБЕД Н. И. ПИРОГОВУ

(С. 322)

Варианты наборной рукописи ГПБ

С. 322.

9—10 не так еще у нас часты, чтоб / не так еще часты [в нашей общественной жизни]
11—12 вызвано заслугой настоящей и неоспоримой / [является как следствие заслуг настоящих и неосп]
12 Из речей, произнесенных на обеде / [Что] [Мы решаемся перепечатать]
12—13 мы выбираем речь г. Георгиевского / [Речь г. Георгиевского, несмотря на ее значительный объем, зато в ней точно отражается]
13 подробно / [достаточно] подробно

С. 322—325.

16—46 *отсутствуют. Вместо них помета для наборщика:* набирай из «Одесск. вестн». 542

С. 325.

47 Были и другие речи / [Кроме этих речей были еще другие]
47—48 были даже стихи / были [и] стихи, [которые Н. И. Пирогов не мог не пропустить, но которые ⟨*1 нрзб*⟩]
48—49 расходимся, впрочем, во мнении / *а*: [не можем разделить похвал [составит] сочинителя] *б*: расходимся во мнении

С. 325—326.

между [До 60-ти таких куплетов должен был прослу-
53 и 11 шать Н. И. Пирогов, но [мы] с нас одного довольно]

С. 326.

1—2 но достоинство не главное в стихах такого рода, / но достоинство [стихов] не главное в торжественном случае.

2 Главное то / [Довольно того]

3—4 искренней и заслуженной признательностию / [горячей любовью к благородной и]

14 шума и торжества / [шумного торжественного прощанья с поздравлениями, с похвалами и застольными речами]

16 *после:* от него в какой-либо зависимости. — [Несколько человек] [Общее горе, глубокое сожаление о потере князя Щербатова было так сильно, что никому не могла придти в голову мысль о парадном обеде или каком-либо торжестве по поводу такого прискорбного случая. Почти случайно несколько человек]

19 ему преданный / [радевший о нем]

20—21 решение князя Щербатова осталось / решение князя Щербатова, основанное на твердом убеждении, оставить

21 *после*: осталось неколебимым. — [Он вышел и только несколько человек, почти случайно узнавшие]

26 на этом прощании / на этом [импровизированном] прощании

между потому ли, что
28 и 29

Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан, —

и мы их говорить не умеем, или по другой какой-либо причине — все равно; довольно сказать, что на этом прощании царствовало [глубокое] скромное молчание,

30 было по-своему красноречиво и не лишено / [не лишено было]

31 Оно шло / [И это молчание как-то даже шло]

32 который, делая дело, не любил говорить о нем / [преданный своему делу, он]

34—35 шумную гласность его деятельности / гласность его [благородной, полезной, благотворной и энергической]

36 ограничимся / [воздержимся от д]

но не можем / в знак нашего глубокого уважения к бывшему ⟨попечителю⟩ Санкт-П⟨етербургского⟩ О⟨круга⟩]

40 к нему, / [князю Щербатову]

40—41 учреждением *щербатовской стипендии.*/ [стипендиею для семьи его]

41 Можем сказать / Мы можем многие с радостью [по крайней мере] между прочим [многие] некоторые журналисты и литераторы (с [пожелания] ведома которых и написаны эти строки.)

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

(С. 329)

Вариант чернового автографа ИРЛИ

С. 329.

26—32 Однако три академика ∾ следующий протест: / В этом отношении он поступил не так быстро как гг. Академики Бэр, Брандт и Миддендорф, которые заметив, ⟨что⟩ честь великого Кювье оскорблена, [почли за?] не далее как через три дня напечатали протест против нападки на Кювье. В самом деле дело не терпело отлагательств. Что было бы, если б кто-нибудь более трех дней оставался в заблуждении насчет гения Кювье? А тут ничего

РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА

(С. 330)

Вариант чернового автографа ИРЛИ

С. 332.

16—17 если бы г. Погодин внял нашему голосу, то, разумеется, [произведения] творения его [тогда

только по] могли бы появиться в «Свистке», только выдержав строгую критику

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ «СВИСТКА»

(С. 332)

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ

С. 333.

22—23 важность обличения разных литературных глупостей / важность объяснения разных литературных глупостей

28—29 со всеми юношами нашего поколения... / со всеми юношами нашего вялого и бессильного поколения

С. 334.

15—16 ответ г-жи Тур ∾ «Русского вестника»? / «заметка» на «заметку» г-жи Тур, и новая «заметка» на «заметку» г. Каткова?

24—26 г. Козлянинов ∾ ему под руку; — *отсутствует.*

С. 335.

5 по Европе. / по Европе. Наконец, он сознается вам покуда за тайну, что начал сильно склоняться в последнее время к теории искусства для искусства, — он затеял поэму, которая покуда не окончена, но которую вы со временем прочтете. Отрывок значительного размера у него впрочем уже готов, и он имеет честь представить вам его в нынешней же книжке.

5—6 Читайте же и поучайтесь плодами новой деятельности «Свистка»! — *отсутствует.*

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

(С. 335)

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ

С. 336.

20—23 жертвою нашей безграмотности! ∾ собственно доказать / жертвою нашей безграмотности. Если в

настоящее время когда и проч. появляются люди, печатно доказывающие вред грамотности, то «Свисток» не может умолчать и о том отрадном факте, что с другой стороны в том же обществе появляются люди, доказывающие пользу грамотности. К числу таких в последнее время примкнул г. Ильминский и вот каким оригинальным образом доказывает он

41—42 начал денщиком и / начал денщиком при дворе и

С. 338.

23 Эта статейка / Приведенная нами статейка

41 и Беллюстина? / и Белюстина? Из последних статеек обличительного рода самая решительная — следующая

С. 339.

33 Беллюстину и другим подобным, которые еще прибудут: / Беллюстину и... кому-нибудь еще, потому что нельзя же думать, чтобы г-ном Беллюстиным и кончилось:

36—37 не заявляются!) / не заявляются, ну тех счесть потруднее, да притом — как известно, год на год не приходит

КОММЕНТАРИИ

1

Публицистическое наследие Некрасова, впервые собранное и помещенное в специальном томе, долгое время оставалось неизвестным не только широкому читателю, но и специалистам, изучающим творчество писателя. Публицистичность — черта, присущая всем формам литературных и устных выступлений Некрасова; собственно публицистические выступления наиболее точно выражают гражданскую и литературно-эстетическую позицию Некрасова-поэта. Недостаточность наших сведений о журнально-публицистической сфере творчества Некрасова неизбежно сдерживает и ограничивает изучение и понимание самой его поэзии.

Ни сам поэт, ни его современники не оставили почти никаких сведений о журнально-публицистической работе Некрасова. Бо́льшая часть его фельетонов по обычаю того времени не подписана, некоторые — подписаны псевдонимами, не использовавшимися Некрасовым в других жанрах. Известные нам свидетельства Некрасова об этом — беглые и неточные — помогают лишь составить представление об интенсивности журнальной работы Некрасова в отдельные периоды и ее объеме. В одной из своих автобиографических заметок, вспоминая досовременниковский период своего творчества, Некрасов писал: «Издавал Краевский „Литературную газету“ ⟨...⟩ Издатель был Иванов — книгопродавец. Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 руб. ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6000 р. в год. В газете был отдел „Дагерротип“. Весь он исписывался мною и в стихах и в прозе.

Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов».[1]

В одном из писем 1869 г. есть воспоминания Некрасова о работе в «Современнике» первоначального периода: «Вся, так сказать, черновая работа по журналу: чтение и исправление рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснение с цензорами, восстановление смысла и связи в статьях ⟨...⟩ после их карандашей лежали на мне, *да я еще писал рецензии и фельетоны...*».[2]

В. П. Горленко, составивший первый библиографический список произведений Некрасова в «Литературной газете» 1841—1843 гг. по хранившимся у ее издателя редакционным книгам и собственным свидетельствам Ф. А. Кони,[3] не включил в этот список ни одного фельетона. Между тем даже немногие сохранившиеся письма Некрасова этой поры к Кони свидетельствуют об активном участии поэта в публицистическом отделе газеты. В «Библиографию и хронологию сочинений Н. А. Некрасова», составленную в 1918 г. В. Дерновой, вошли всего два фельетона 1845 г., подписанные псевдонимом Ник-Нек: «Выдержки из записок старого театрала» и «Отчеты по поводу Нового года».[4]

Публицистическая деятельность Некрасова в досовременниковский период связана главным образом с «Литературной газетой» (в 1840—1845 гг.) и «Русским инвалидом» (1843—1844). Наиболее активный период этой деятельности, очевидно, 1844—первая треть 1845 г., когда Некрасов был ведущим и едва ли не единственным фельетонистом «Литературной газеты».

Одна из особенностей публицистических материалов «Литературной газеты» 1844—1845 гг. состоит в том, что большая их часть представляет собою несколько фельетонных рубрик, циклов и групп фельетонов, тяготеющих к цикличности. Это обстоятельство существенно облегчило задачу текстологов в деле реконст-

---

1 *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч., т. XII. М., 1953, с. 13.

2 Там же. Т. XI, с. 133—134. Курсив наш.

3 *Некрасов Н. А.* Стихотворения. Посмертное издание. СПб., 1879, т. IV, с. CXIV.

4 Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пг., 1918, с. 207.

рукции корпуса некрасовской публицистики названного периода.

Начало этой работы было положено еще в 1920-х годах К. И. Чуковским, указавшим в своих комментариях к стихотворным текстам Некрасова на принадлежность ему отдельных фельетонов под рубрикой «Петербургская хроника» (1844), большая часть которых сейчас известна под общим заглавием цикла «Петербургские дачи и окрестности».[5] Д. С. Лихачев дополнил эти находки еще несколькими фельетонами «Петербургской хроники» 1844 г. и циклом «Хроника петербургского жителя».[6]

Б. Я. Бухштабу удалось уточнить состав циклов из фельетонов, атрибутированных Некрасову К. И. Чуковским и Д. С. Лихачевым, и дополнить корпус публицистики Некрасова еще несколькими фельетонами. Однако исследователь ограничивался изучением фельетонных циклов 1844—1845 гг. «Надо прежде всего указать, — писал он, — что количество журнальных мелочей, написанных Некрасовым в 40-е годы, огромно, и вряд ли можно надеяться когда-нибудь выявить их целиком, поскольку они большей частью анонимны и далеко не в каждом произведении есть признаки, позволяющие приписать его Некрасову с большей или меньшей долей достоверности. Приходится ограничиваться главным образом циклами, так как здесь атрибуция может быть произведена по совокупности данных, относящихся к разным произведениям, входящим в цикл».[7]

Этим же признаком руководствовался Б. Я. Бухштаб — редактор пятого тома в двенадцатитомном «Полном собрании сочинений» Некрасова, где впервые были собраны известные к тому времени фельетонные циклы 1844—1845 гг.

2

Большую сложность представляет выяснение характера и объема участия Некрасова в газете «Русский

---

[5] *Некрасов Н. А.* 1) Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927, с. 416—418, 446, 468, 480, 516, 557; 2) Полн. собр. стихотворений, т. I. М.—Л., 1934, с. 623.

[6] *Некрасов Н.А.* Собр. соч., т. 3. М.—Л., 1930, с. 372.

[7] *Бухштаб Б.Я.* Некрасов-фельетонист. — Лит. наследство, т. 53/54. М., 1949, с. 47.

инвалид», о котором упомянуто в одной из автобиографических заметок 1877 г. [8] Очевидно, сотрудничество Некрасова могло начаться не ранее 1843 г., когда официальная газета, редактировавшаяся П. П. Пезаровиусом, была существенно преобразована: объем издания увеличивается в полтора раза, вводятся новые отделы — «фельетон» (рубрика «Журнальные отметки») и «учено-литературный», под рубрикой «Библиография» помещаются критические разборы наиболее значительных, по мнению редакции, произведений. Редактором неофициальной (то есть литературной и ученой) части газеты становится А. А. Краевский. «Русский инвалид» сближается — насколько это возможно для официального органа — с «Отечественными записками» в своих оценках общественной и литературной жизни.

Фельетоны-обозрения и критические статьи в «Русском инвалиде» печатались анонимно. Круг постоянных сотрудников газеты остается до сих пор неизвестным, за исключением упоминания о М. П. Сорокине, который был по высочайшему повелению посажен на гауптвахту за неверную информацию о театральном представлении в фельетоне «Петербургская хроника» (отдел «Журнальные отметки») в № 234 от 21 октября 1843 г. [9]

Проводившиеся Т. С. Царьковой разыскания в ЦГВИА, ЦГИА, ЛГИА и справки, наведенные в Архиве внешней политики России, не выявили материалов, касающихся «Русского инвалида» 1840-х гг. Газета издавалась при Александровском комитете о раненых (Комитет 18 августа 1814 г., входивший, в свою очередь, в состав Военного министерства), значительная часть дел которого была уничтожена за ненадобностью в течение 1877—1882 гг. [10] Самая ранняя из сохранившихся редакционных книг газеты относится к 1869 г. В мемуаристике и письмах современников также пока не удалось обнаружить сведений об авторстве статей в «Русском инвалиде».

---

[8] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч., т. XII. М., 1953, с. 23.

[9] См.: *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х т., т. I. М., 1955, с. 269—270, 509; а также: ЦГВИА, ф. 16070, оп. 1, д. 1427, л. 5 об., 38—39 об.; ЦГИА, ф. 497, оп. 14, ед. хр. 465, л. 21—21 об.

[10] См.: Столетие Военного министерства. 1802—1902, т. 13. СПб., 1902, с. 46; а также: *Борисевич А. Т.* «Русский инвалид» за 100 лет. 1813—1913. (Юбилейный очерк), ч. 1. СПб., 1913, с. 113—114 и др.

Попытки выявления принадлежащих Некрасову газетных фельетонов предпринимались преимущественно методом установления тематических и стилистических прараллелей между анализируемыми текстами, с одной стороны, и несомненно некрасовскими — с другой. Так, А. М. Гаркави был атрибутирован Некрасову фельетон из «Журнальных отметок» в № 208 «Русского инвалида» от 17 сентября 1844 г. на основании прежде всего сходства с фельетоном «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте», опубликованным ранее (31 авг. 1844 г.) в «Литературной газете».[11] Позднее тем же «методом аналогий с произведениями, напечатанными в других периодических изданиях», Б. Я. Бухштаб атрибутировал Некрасову 16 фельетонов отдела «Журнальные отметки» в «Русском инвалиде» за 1844 г. и 5 фельетонов «Журнальных отметок» 1845 г. Им же было высказано предположение о принадлежности Некрасову всех фельетонов «Журнальных отметок» 1844 г.[12]

М. М. Гин атрибутировал Некрасову «Журнальные отметки» в № 44 от 27 февраля 1843 г. на основании упоминания в мемуарах А. И. Шуберт газетного отзыва Некрасова о ее сценическом дебюте.[13]

Н. С. Никитиной высказано предположение о принадлежности Некрасову «Журнальных отметок» в № 101 от 9 мая 1843 г. на основании «близости отзывов» о поэме Тургенева «Параша» в «Русском инвалиде» и статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» в «Литературной газете» (1844, 1 янв., № 1).[14]

В 1976 и 1980 гг. Т. С. Царькова, пользуясь тем же методом тематических и стилистических аналогий, выступила с атрибуцией Некрасову трех фельетонов «Журнальных отметок» 1843 г., дополнительными по отношению к работе Б. Я. Бухштаба доводами в пользу принадлежности Некрасову четырех фельетонов «Журнальных

---

[11] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч., т. XII, с. 442—443.

[12] *Бухштаб Б. Я.* Фельетоны Н. А. Некрасова в газете «Русский инвалид» (Библиографическое разыскание). — Труды Ленингр. библиотечн. ин-та им. Н. К. Крупской, т. 5. Л., 1959, с. 319—341; то же в кн.: *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 54—77.

[13] *Гин М. М.* Неизвестный фельетон Н. А. Некрасова. — Русская литература, 1965, № 2, с. 162—165.

[14] См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 1. М., 1978, с. 463 (примеч. к поэме «Параша»).

отметок» 1844 г. и предположением об авторстве Некрасова в отношении статей из раздела «Библиография» в № 21 и 109 от 27 января и 18 мая 1844 г., отсылки к которым имеются в атрибутируемых Некрасову фельетонах.[15]

Однако накопленные наблюдения не дают еще оснований для введения всего указанного выше комплекса текстов (который может быть, по-видимому, расширен) непосредственно в собрание сочинений писателя — хотя бы даже и в отдел «Dubia».

Фельетоны «Русского инвалида» в силу специфики жанра касаются самых различных сторон петербургской жизни: в поле зрения фельетониста-хроникера оказываются городские новости (в том числе строительство и торговля), погода, развлечения (балаганы, представления фокусников, наездников, демонстрации всевозможных диковин и т. п.), спектакли (драматические, оперные, балетные), концерты, публичные лекции, выставки, новинки литературы, краткие обзоры содержания новых номеров журналов и т. д. Пестрота, порой отрывочность сообщений неизбежно заслоняют индивидуальность автора обозрения, который обычно пользуется «авторским мы» и обращается к читателю как бы «от лица» печатного органа. Многообразие тем и необходимость для хроникера во многих случаях быть свидетелем происходящего, возможно, требовали для регулярного освещения новостей усилий нескольких сотрудников. В этом случае подготовленные ими материалы должны были бы согласовываться таким образом, чтобы соблюдались стилистическая однородность, единство оценок и преемственность тем. Впрочем, возможно и единоличное по преимуществу авторство фельетонов-обозрений. Так, например, В. П. Бурнашев писал А. А. Краевскому 4 декабря 1843 г.: «Слышал я, правда или нет, что у Вас, по редакции „Русского инвалида“, будет вакансия сотрудника по фельетону. Говорят, что редакция платит такому сотруднику 2 т⟨ысячи⟩ рубл⟨ей⟩ в год... Я позволил бы предложить себя в сотрудники... Я бы для каждого номера составлял

---

[15] *Царькова Т. С.* 1) Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года (новые атрибуции). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. II. Калининград, 1976, с. 58—66; 2) Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид» (доклад на XX Всесоюзной некрасовской конференции, Иваново, 1980).

библиографические статьи о всех новых книгах, сообщал бы разные новости, делал бы выборки из разных иностранных и русских журналов и газет, которые бы мне предоставили бы в годичное распоряжение, составлял бы амальгаму из разных разностей и мог бы, уверяю Вас, делать фельетон в сто раз лучше фельетона „Северной пчелы“». [16] Ответ Краевского нам неизвестен, но постоянным сотрудником «Русского инвалида» Бурнашев не стал.

Итак, общность тем, близость оценок и многочисленные отсылки в фельетонах и статьях «Русского инвалида» к прошлым и будущим (осуществлявшимся позднее) выступлениям в газете не могут служить бесспорным доказательством принадлежности ряда текстов одному лицу, но не могут и игнорироваться. В настоящий том включаются всего четыре фельетона из «Русского инвалида» 1843—1844 гг. (три в книге 1-й и один на правах dubia в книге 2-й).

Учитывая сложность решения вопроса о степени участия Некрасова в «Русском инвалиде» и принимая во внимание большой объем текстов, соотносимых в тех или иных аспектах с некрасовским творчеством, представляется наиболее целесообразным собрать в особой книге вне данного издания фельетоны и критические статьи из «Русского инвалида» 1843—1845 гг., с одной стороны, имеющие непосредственные тематические и стилистические параллели с известными некрасовскими текстами, а с другой — связанные взаимными отсылками, разработкой одной темы.

3

Также малым количеством фактических и библиографических данных располагали советские исследователи о современниковском периоде публицистики Некрасова. В библиографическом списке произведений Некрасова, не вошедших в посмертное издание его стихотворений, С. И. Пономарев из публицистических произведений смог назвать лишь фельетоны Некрасова в № 6 «Свистка» («Современник», 1860, № 12) и две статьи:

---

[16] Цит. по кн.: *Станько А. И.* Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. — 60-е гг. XIXв.). Ростов н/Д, 1986, с. 136.

«Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова» (1862, № 1) и некролог «А. В. Дружинин» (1864, № 1).

А. Н. Пыпин — один из первых дореволюционных исследователей творчества Некрасова, немало сделавший для реконструкции корпуса произведений Некрасова и его переписки, — оставил своим последователям указания, к какому типу журнальных материалов следует относиться с особенным вниманием, когда речь идет об установлении авторства или соавторства Некрасова. Констатируя скудость сведений о критико-публицистической деятельности Некрасова в «Современнике», он писал: «Предоставим дальнейшим разысканиям определить другие рецензии, заметки и т. д., которые могли принадлежать Некрасову в старом „Современнике". Несомненно, что таковые были. ⟨...⟩ В журнальных заметках бывали вставлены стихотворения Некрасова; могли здесь принадлежать ему какие-либо части самого текста; ему принадлежали сполна или частично тогдашние полемические статьи против „Отечественных записок"». [17]

«Библиография и хронология сочинений Некрасова» В. П. Дерновой, [18] подводившая итоги разысканиям дореволюционных исследователей, содержала всего одно дополнение к списку публицистических материалов Некрасова в «Современнике», данному С. И. Пономаревым: «Петербургские известия» (1855, № 10).

Существенное пополнение К. И. Чуковским и Д. С. Лихачевым корпуса критико-публицистических материалов Некрасова первой половины 1840-х годов зафиксировано в работе Н. М. Выводцева «Некрасов — критик и рецензент», приложенной к 3-му тому «Собрания сочинений» Некрасова 1930 г.

Участие Некрасова в публицистическом отделе «Современника» интенсивно исследовалось в период подготовки и издания двенадцатитомного «Полного собрания сочинений» Некрасова. Поисковую работу вели В. Е. Евгеньев-Максимов, А. Я. Максимович, Б. Я. Бухштаб, М. М. Гин и др. В целом же современниковская часть публицистики Некрасова, помещенная в томах 9 и 12 указанного издания, очень невелика и составляет лишь небольшую часть статей и фельетонов Некрасова, помещенных в этом журнале. Помимо восьми фельетонов и

---

[17] *Пыпин А. Н.* Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 243.
[18] Некрасовский сборник. Пг., 1918, с. 174—239.

заметок из «Свистка» (1860—1861) здесь напечатаны четыре статьи фельетонно-публицистического характера: «Современные заметки» (1847, № 7), «Журналистика» (1849, № 9), «Петербургские известия» (1855, № 10) и «Обед Н. И. Пирогову» (1858, № 10).

4

Изучение участия Некрасова в публицистических отделах газет и журналов, в которых он сотрудничал, продолжалось и после издания двенадцатитомного «Полного собрания сочинений» поэта (работы В. Э. Боград, М. М. Гина, А. Ф. Крошкина и др.).

В процессе подготовки критико-публицистической части академического издания литературного наследия Некрасова было предпринято фронтальное изучение всех периодических изданий, в которых он сотрудничал: «Библиотека для чтения», «Сын Отечества», «Пантеон», «Финский вестник», «Современник». Группа исследователей — А. М. Березкин, Е. Г. Васильева, А. А. Жук, Б. В. Мельгунов, Ф. Я. Прийма, Т. С. Царькова и некоторые другие — тщательно изучила не только названные издания, но и сопутствующий им большой круг русской периодики 1830—1870-х годов, а также мемуаристику, архивные и цензурные материалы тех лет.

Из нескольких десятков вновь обнаруженных фельетонов, статей и заметок Некрасова в первую книгу настоящего тома включаются только 17 произведений (наряду с другими, ранее известными некрасовскими материалами), принадлежность которых Некрасову исчерпывающе аргументирована и подтверждается документально.

Вторая книга составлена из фельетонов и других публицистических материалов, написанных Некрасовым в творческом содружестве с кем-либо (коллективное), и тех произведений, принадлежность которых Некрасову может вызывать сомнения (dubia), а также из критико-библиографических материалов (коллективное и dubia), не вошедших в предыдущий, 11-й том. Оба отдела второй книги (критика и публицистика) не имеют внутреннего членения по степени принадлежности Некрасову (коллективное и dubia), так как это не всегда возможно.

Наряду с реконструкцией корпуса публицистических материалов Некрасова редакция и составители настоя-

щего тома подвергли тщательной проверке атрибутивную аргументацию при фельетонах и заметках, включенных в двенадцатитомное «Полное собрание сочинений» Некрасова. Некоторые из этих атрибуций не выдержали проверки. В основном это материалы, напечатанные в упомянутом выше отделе «Литературной газеты» «Дагерротип» и альманахе «Первое апреля» (1846).

Отдел «Дагерротип» появился в «Литературной газете» с начала 1845 г., с апреля этого же года Некрасов, как явствует из его письма от 1846 г. в редакцию «Отечественных записок», не принимал в «Литературной газете» «даже ни малейшего участия».[19] Это «неучастие» Некрасова объясняется тем, что с мая 1845 г. А. А. Краевский передал редакцию «Литературной газеты» Ф. А. Кони.[20] Этими данными определяются хронологические рамки для поисков возможно принадлежащих Некрасову фельетонов в «Дагерротипе». Цитированные выше слова Некрасова, будто этот отдел «исписывался» им «весь», нельзя понимать буквально. Примечательно, что в том же отделе был напечатан рассказ Д. В. Григоровича «Собачка» с подписью автора (1845, 18 февр., № 6). В настоящий том включены материалы «Дагерротипа», принадлежность которых Некрасову помимо его общего и неточного указания подтверждается дополнительными атрибутивными данными. Случаи ошибочного или необоснованного включения материалов из «Дагерротипа» и «Первого апреля» в двенадцатитомное «Полное собрание сочинений» Некрасова оговорены в соответствующих «Списках...», прилагаемых к книге второй настоящего тома.

5

Материалы, помещенные в двух книгах настоящего тома, охватывают 1840—1865 гг. — практически период с начала активной журнальной деятельности Некрасова до закрытия «Современника» весной 1866 г. Отсутствие в томе публицистических материалов Некрасова, относящихся к 1838—1839 гг. и периоду редактирования им «Отечественных записок» (1868—1877), объясняется

---

[19] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч., т. XII, с. 33.

[20] Лит. газ., 1845, 10 мая, № 17, с. 304; Отеч. зап., 1845, № 11, отд. VI, с. 33.

главным образом отсутствием сведений о некрасовских журнальных выступлениях в названные периоды. По свидетельству самого Некрасова, он «принялся» за журнальную работу «почти с первых дней прибытия в Петербург».[21] Трудно поверить и в то, что у Некрасова в пору его руководства «Отечественными записками» ни разу не возникло потребности в публицистическом выступлении.

Вместе с тем ясно, что интенсивность публицистических выступлений Некрасова в разные годы была неодинаковой. В досовременниковский период наиболее плодотворными в этом смысле были 1844—первая треть 1845 г., когда Некрасов являлся фактическим редактором «Литературной газеты». Обязанности фельетониста в «Современнике» Некрасову пришлось выполнять порою одному, а чаще в соавторстве с И. И. Панаевым — соредактором Некрасова по журналу — с 1847 до середины 1850-х годов, когда был укомплектован и стабилизировался состав редакции журнала.

Сороковые и первая половина пятидесятых годов (вторая половина царствования Николая I) были особенно неблагоприятны для литературы и журналистики. Собственно публицистика, т. е. статьи на общественно-политические темы, вообще исключалась из журнальных программ, цензура не одобряла и зачастую резко пресекала журнальную полемику, официальные газеты и журналы («Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.) обладали монополией на отведенные им для освещения сферы жизни страны и не могли подвергаться критике.

В этих условиях фельетонист был вынужден заполнять свое обозрение хроникой хозяйственной жизни города, новостями литературы, театра, рассуждениями о погоде, о цирках и балаганах, о дачной жизни и маскарадах. Своеобразие фельетонных обозрений и заметок Некрасова состоит в том, что, не выходя формально за рамки столь ограниченной тематики, он сумел сделать газетный и журнальный фельетон чрезвычайно разнообразным не только тематически, но и по его форме. На вооружении Некрасова-публициста были разнообразные информационные и сатирические жанры — тра-

---

[21] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч., т. XII, с. 23.

диционные и оригинальные: хроника, фельетон, «письма», опыты памфлета, стихотворные и прозаические пародии и перепевы, драматические сцены, сатирические миниатюры (юмористическая информация, мнимые «программы», афоризмы), сатирическое обозрение и т. д. Как правило, эти следующие друг за другом в газетных и журнальных номерах разнохарактерные материалы объединялись авторским замыслом под одной рубрикой («Что нового у нас?», «Падающие звезды», «Заметки и размышления Нового поэта»), в одном цикле («Хроника петербургского жителя», «Петербургские дачи и окрестности» и т. д.). Еще более автономная форма объединения сатирических произведений, характерная для Некрасова-публициста, — сатирическое приложение к журналу («Дагерротип», «Свисток») или специальные сатирические выпуски, альманахи («Первое апреля», «Иллюстрированный альманах»).

В. Е. Евгеньев-Максимов, которому были известны преимущественно ранние фельетоны Некрасова, видел основные их достоинства в «последовательной систематической борьбе против мещанства и обывательщины, характеризующих нравы чиновников, помещиков, отчасти купцов николаевского времени. ⟨...⟩ Для внимательного читателя некрасовских фельетонов, — говорит далее исследователь, — становится ясно, что Некрасов как обличитель мещанства и обывательщины может быть в известной мере назван предшественником Чехова».[22] Объектом полемических выпадов и сатиры Некрасова-фельетониста были также авторы псевдонародных изданий, литературные коммерсанты, литераторы-эпигоны, графоманы, последователи теории искусства для искусства.

Фельетоны Некрасова вместе со статьями и фельетонами В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других, несомненно, имели и более острый общественно-политический смысл. Когда Ф. В. Булгарин в одном из своих доносов 1848 г. писал: «Некрасов — самый отчаянный коммунист ⟨...⟩ Он страшно вопиет в пользу революции...»,[23] он имел в виду не только «Пе-

---

[22] *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934, с. 81.

[23] Там же, с. 240—241.

тербургский сборник», на который при этом ссылался, но и всю критико-публицистическую деятельность Некрасова, которая противостояла булгаринскому «направлению» в литературе.

Далеко не во всех некрасовских фельетонах и журнальных заметках этого времени очевиден актуальный литературно-общественный смысл. Однако каждый из этих материалов требует самого пристального читательского и исследовательского внимания. За внешне непритязательным содержанием фельетона нередко обнаруживается страстный протест против всепроникающей казенной регламентации, сословной кичливости («Достопримечательные письма»), трезвая реалистическая позиция в спорах об историческом пути России («Черты из характеристики петербургского народонаселения»).

Некрасовские фельетоны в «Литературной газете», «Русском инвалиде» и «Современнике» нередко содержат краткую, а порою и весьма пространную оценку литературных новинок, предваряющую специальную рецензию этого печатного органа (автором этих рецензий часто бывал сам Некрасов). Фельетоны Некрасова еще больше, чем его рецензии, насыщены пародийно-сатирическими «выходками». В. Е. Евгеньев-Максимов считал это одной из наиболее ярко выраженных черт Некрасова-журналиста, которую следует иметь в виду при поиске неизвестных некрасовских публикаций. [24]

В русской литературе была давняя фельетонная традиция изображения столичной, городской или даже заграничной жизни глазами обывателя (мелкого чиновника, помещика и т. д.). К произведениям такого рода относятся, например, фельетон К. Ф. Рылеева «Провинциал в Петербурге» (1821), стихотворный фельетон И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей — дан л'этранже» (1840—1844). Некрасов воспринял и развил эту традицию как в стихотворной («Провинциальный подьячий в Петербурге», «Говорун»), так и в прозаической форме («Хроника петербургского жителя», «Записки Пружинина»).

Некоторые особенности формы некрасовского фельетона находятся в очевидной преемственной связи с журнальной практикой О. И. Сенковского (*Барона Брам-*

---

[24] *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 337, 340.

беуса). Это прежде всего раскованная — до фамильярности — манера беседы с читателем, разговорный язык, насмешливо-иронический тон, элемент пародийности во многих фельетонах. Это и свойственные обоим фельетонистам приемы введения персонажей *Барона Брамбеуса, Пружинина, Нового поэта* в статьи, написанные как бы другим лицом, «самоутверждение» этих литературных личностей во всех журнальных жанрах и т. д. Разумеется, влияние Сенковского в отличие от влияния В. Г. Белинского распространялось только на область формы фельетонов Некрасова. Идейное содержание даже самых ранних фельетонов Некрасова самым очевидным образом связано с творчеством Белинского.

Вместе с тем Некрасов-фельетонист глубоко оригинален. Циклы его прозаических фельетонов со стихотворными пародиями и сатирами — новое слово в русской журналистике и литературе, оказавшее большое влияние на публицистику позднейшего времени. Журнальные маски, персонажи фельетонных циклов Некрасова пародийно-сатирически воспроизводили тот или иной тип общественного деятеля, журналиста, поэта, чиновника в конкретных обстоятельствах современной жизни.

В преамбуле к предыдущему тому уже говорилось о том, какое место в литературном наследии Некрасова занимает коллективное творчество (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 357—358). Одной из сложнейших проблем в процессе реконструкции корпуса публицистических произведений Некрасова для настоящего издания было выявление доли творческого участия руководителя «Современника» в коллективных критических статьях, рецензиях и фельетонах этого журнала. Ключевым вопросом для разрешения этой проблемы является вопрос о личных и творческих связях с И. И. Панаевым, точнее — об атрибуции материалов, печатавшихся от имени редакции под коллективным псевдонимом *Новый поэт*. Разрешение (еще и сегодня, впрочем, не окончательное) проблемы Нового поэта [25] дало нам методологическую основу для дальнейшей работы по реконструкции корпуса публицистического наследия Некрасова.

---

[25] См.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист. Л., 1989, главы «Некрасов, Панаев — Новый поэт (История создания журнальной маски)» и «Некрасов в фельетонах Нового поэта».

Рассматривая эти материалы, мы исходили из выработаннных в процессе длительного изучения убеждений в том, что 1) наличие некрасовских стихов в составе фельетонов *Нового поэта* — признак участия его в работе над всем фельетоном; 2) Некрасов был единоличным автором некоторых фельетонов *Нового поэта*, автором отдельных главок-сюжетов фельетонов (в частности, тех сюжетов, которые включают его стихи), автором или соавтором (с И. И. Панаевым) в фельетонах *Нового поэта*, имеющих «стратегическое» в процессе журнальной борьбы значение для «Современника». Большая часть фельетонов *Нового поэта*, включенных в настоящий том, печатается — как произведения коллективные — в его второй книге. Главки этих фельетонов, явно не принадлежащие Некрасову, опускаются.

6

Некрасовские фельетоны современниковского периода отличаются большей общественно-политической остротой и литературной зрелостью. Особую группу здесь составляют произведения, написанные для сатирического приложения к «Современнику» под названием «Свисток». Они тесно связаны с общим идейно-художественным контекстом «Свистка»; тексты их содержат много внутренних перекличек. Разъединение этих произведений, разрушая ту идейно-стилевую цельность, которая для них характерна, во многом обесцвечивает их, а смысл некоторых даже затемняет. Поэтому в настоящем томе вся публицистика Некрасова, появившаяся в «Свистке», печатается единым циклом с сохранением хронологического принципа расположения произведений, но без распределения на основные тексты и «коллективное»: совместное творчество в «Свистке» было постоянным методом работы. В то же время в коллективных произведениях разделы, написанные Некрасовым, достаточно четко отграничены от принадлежащих иному автору — это дает возможность в каждом случае точно оговорить структуру текста в комментарии.

Стихотворения и драматические сочинения Некрасова, опубликованные в «Свистке», помещены (как и некрасовские стихотворения из фельетонов *Нового поэта*) во 2-м и 6-м томах настоящего издания. В том 2-й включено и большинство стихотворений, входящих в

состав его «свистковской» публицистической прозы (вплоть до отдельных четверостиший, имеющих законченную смысловую структуру). В настоящем томе все публицистические произведения Некрасова (как фельетоны «Свистка», так и фельетоны *Нового поэта*) печатаются в полном виде — без пропуска стихотворных текстов, составляющих их органическую часть, вычленение которой нарушило бы целое.

«Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» выходил при «Современнике» с января 1859 г. по апрель 1863 г. Вопреки подзаголовку, имевшему цель противоцензурной страховки, это было сатирическое издание, стремившееся к цельной «журнальной» структуре (ср. «Дагерротип» в «Литературной газете» 1845 г.), которая складывалась и развивалась от выпуска к выпуску. Обладая определенной автономией (которую создавала сама сатирическая специфика), «Свисток» был на всем протяжении своего существования коллективным органом редакции «Современника», «теснейше связанным» с публицистикой журнала. [26]

В девяти номерах «Свистка», возникшего на волне общественного подъема начала 1860-х годов, охвачена вся амплитуда тем, составлявших насущный интерес современности. Это — генеральные темы: предстоящая, а затем свершившаяся крестьянская реформа, исследование буржуазного хищничества как важного признака нового времени (здесь «свистковская» сатира часто приобретала трагическое звучание). Борьба с учено-литературной реакцией, схоластическим академизмом, журнальным растлением; полемическое отталкивание от шумного, но общественно бесполезного либерального обличительства — также сквозное сатирическое направление в «Свистке». Под защитным покровом иронии авторы «Свистка» смогли дополнить «Современник» освещением тех фактов, которых по цензурным условиям почти невозможно было касаться «серьезной» журналистике: студенческое движение и разнообразные формы борьбы с ним правительства, подавление польского восстания, действия правительства против революционеров-шестидесятников и передовой печати. Включив в круг своих тем борьбу итальянского народа против

---

[26] См.: *Бухштаб Б.* Добролюбов-поэт. — В кн.: *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч., т. VI. М., 1939, с. XVI—XVII.

австрийского владычества и собственных монархических и клерикальных режимов, «Свисток» смог поставить политические проблемы с той остротой, которой не допускал материал отечественный — в силу цензурных условий, но также и потому, что «партии и мнения» (Добролюбов), выражающие классовую природу сил, действующих на общественной арене, в России в тот момент были обозначены менее четко.

В творческом арсенале авторов «Свистка» (подлинные имена которых, кстати, как и имена авторов фельетонов Нового поэта, никогда не раскрывались) были почти все сатирические жанры, использованные когда-либо Некрасовым в его журнальной практике, в том числе разновидность сатирического обозрения, соединяющая прозаический текст со стихотворными вставками, с успехом узаконенная именно «знаменитым „Свистком“».[27] В «свистковской» сатире использовались приемы комической интерпретации документального материала, разнообразные формы эзоповской речи, были разработаны многочисленные литературные маски, найдены яркие и «значащие» комические псевдонимы, всегда дополнительно поражавшие сатирических героев номера. Все это сделало «Свисток» важным фактором идейно-литературной жизни 1860-х годов.[28]

7

В настоящем томе впервые дана полная сводка вариантов публицистических произведений Некрасова, автографы которых удалось найти к этому времени. Свод вариантов к произведениям, опубликованным в «Свистке», дается только к прозаическому тексту (варианты стихотворных текстов см. в томе 2 наст. изд.). Комментарий к этим материалам и к фельетонам Нового поэта, стихи из которых напечатаны в 1-м томе наст. изд., также дается только к прозаическому тексту. Случаи неточного цитирования Некрасовым текстов других

---

[27] См.: *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 213.

[28] См.: *Жук А. А., Покусаев Е. И.* «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике. — В кн.: Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859—1863. М., 1981.

авторов, за исключением явных опечаток, оговариваются в комментариях.

Указатель имен и список условных сокращений, принятых в настоящем томе, см. в кн. 2. Так как в разделе комментариев повторные упоминания одних и тех же лиц не регистрируются с помощью отсылок, в указателе имен страница, на которой содержится подробная справка о каком-либо лице, выделена полужирным шрифтом.

Тексты материалов, включенных в кн. 1, и комментарии к ним подготовили: А. М. Березкин (преамбула, параграф 2, «Петербургские дачи и окрестности», ст. 5, текст, «Смесь», текст; «Петербургская хроника» 7 сентября, 19 октября — 9 ноября 1844, тексты, «Журнальные отметки» 31 декабря 1844, «Отчеты по поводу Нового года», «Полька в Петербурге», «Что делается в Петербурге»); Е. Г. Васильева («Крапива», «Письмо ***ского помещика...», «Черты из характеристики петербургского народонаселения», «Выдержка из записок старого театрала»); А. М. Гаркави при участии Е. Г. Васильевой («Письмо петербургского жителя...», «Хроника петербургского жителя», «Петербургские дачи и окрестности», ст. 1—4, «Петербургская хроника» ⟨24 августа 1844⟩, «Нечто о дупелях...», «О лекциях доктора Пуфа...», «Преферанс и солнце», «Записки Пружинина», «Письмо доктору Пуфу», «Пушкин и ящерицы», «Пощечина», «Теория бильярдной игры и Новый поэт»); М. М. Гин («Литературные новости», «Важная литературная новость»), А. А. Жук (преамбула, § 6; раздел «Произведения, напечатанные в „Свистке“»), Б. В. Мельгунов (преамбула, § 1, 3—5, 7, «Новости русского театра», «Что нового у нас?», «Новости», «Журнальные отметки» ⟨27 февраля 1843⟩, «Журнальная амальгама» ⟨28 февраля 1843⟩, «Петербургские дачи и окрестности», ст. 5, комментарий, «Петербургская хроника» ⟨7 сентября, 19 октября — 9 ноября 1844⟩, комментарии, «Смесь», комментарии, «Достопримечательные письма», «Еще несколько стихотворений Нового поэта», «Современные заметки», «Выбранные места из приятельских писем», ⟨«Мелочи»⟩, «Из письма Иногороднего подписчика...», «Из „Заметок Нового поэта о русской журналистике“. ⟨Июль 1851⟩», «Из „Петербургских известий“»; «Обед Н. И. Пирогову», «Новая газета „Век“ с 1861 года»); Н. Н. Мостовская (Из фельетонного цикла ⟨февраль

1850⟩ «Всего понемногу», «Журналистика»); Т. С. Царькова («Журнальные отметки» ⟨17 сентября, 24 декабря 1844⟩).

Тексты материалов, включенных в кн. 2, и комментарии к ним подготовлены и написаны: А. М. Березкиным («Важная новость», «Письмо к издателю „Литер⟨атурной⟩ газеты“», «Новости с литературной биржи» 1840 и 1845 гг., «Падающие звезды», текст, «Журнальные отметки»); А. М. Гаркави («Роман в письмах», «Замечательное стихотворение»); М. М. Гином («Боярин Федор Васильевич Басенок», «Путевые заметки» Т. Ч., «Раут на 1852 год», «Повести графини Арбувиль», «Деревенский случай» Н. Д. Хвощинской, «Post-scriptum...»); Б. В. Мельгуновым («Руслан и Людмила», «Статейки в стихах, без картинок», «Старинная сказка об Иванушке-дурачке», «Сочинения кн. В. Ф. Одоевского», «Мои записки», «Учебная книга...» Н. Греча, Из рецензии на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», «Плащ», поэма В. Алферьева, Введение к «Обозрению русской литературы за 1849 год», Из статьи «Обозрение русской литературы за 1849 год», Из «Введения к „Обозрению русской литературы за 1850 год“», «Сотрудники...», «1854 год. Стихотворения А. Майкова», «Аксель», поэма Э. Тегнера, «Разные известия», «Литературные и журнальные заметки», «Журнальная амальгама», «Падающие звезды», комментарии, «Современные заметки» 1846 и 1847 гг., «Новый поэт», Из фельетонного цикла «Всего понемногу» ⟨апрель, май⟩, Из «Заметок Нового поэта о русской журналистике», «Литературный маскарад...», «Письма в глушь»); Н. Н. Мостовской («Театральное обозрение», Из статьи «Заметки о журналах»); Ф. Я. Приймой («Литературные вечера, вечера первый и второй»; «Ярославский литературный сборник 1849 года»; «Московский сборник»). Приложенные к кн. 2 наст. тома «Списки...» ненаписанных и ненайденных, приписывавшихся Некрасову без достаточных оснований или ошибочно критико-публицистических материалов составлены А. М. Березкиным, А. М. Гаркави, М. М. Гином, Б. В. Мельгуновым и Т. С. Царьковой. Редакционно-техническая работа осуществлена Е. Г. Васильевой.

1841

НОВОСТИ РУССКОГО ТЕАТРА

(С. 7)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1841, № 2 (ценз. разр. 28 марта 1841 г.), в разделе «Текущий репертуар русской сцены», с. 62—63, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова устанавливается по следующим данным: в 1841 г. Некрасов единолично освещал в «Пантеоне» деятельность Александринского театра (см. наст. изд., т. XI, кн. 1), которой посвящены и комментируемые заметки; содержащееся здесь *первое* печатное сообщение «Пантеона» о водевиле Некрасова (Н. А. Перепельского) «Шила в мешке не утаишь...», который готовится к постановке в Александринском театре, принадлежит самому Некрасову.

Драматические произведения «Боярское слово» П. Г. Ободовского, «Любовные записки мужа» П. И. Григорьева, «Габриэль, или Адъютанты» П. С. Федорова, «Шельменко-денщик» Г. Ф. Квитки-Основьяненко, «Лауретта, или Красная печать» и собственный водевиль «Шила в мешке не утаишь...» впоследствии были рецензированы Некрасовым в первой и второй статьях «Обозрения новых пьес, представленных на Александринском театре» и в «Летописи русского театра. Апрель—Май» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 261—270, 283—292, 447—449, 452—454). Ср. также заметку «Разные известия» (наст. изд., т. XII, кн. 2).

С. 7. *Первый бенефис после святой будет ∽ В. Н. Асенковой, о долговременной болезни которой публика Александринского театра так искренно соболезнует.* — Этот бенефис не состоялся. 28 марта 1841 г. В. Н. Асенкова по состоянию здоровья была уволена на шесть месяцев для поездки за границу на лечение, однако ехать не смогла. (*Алянский Ю.* Варвара Асенкова. Л., 1974, с. 176). В спектакле 14 апреля, который был объявлен на афишах бенефисом Асенковой, играла Н. В. Самойлова (там же). 19 апреля 1841 г. Асенкова умерла. Ее похороны и чувства почитателей актрисы описаны в заметке «Разные известия», напечатанной в № 44 «Литературной газеты» от 24 апреля 1841 г. и принадлежащей, по всей вероятности, Некрасову (см.: наст. изд., т. XII, кн. 2).

С. 7. *Даровитый переводчик «Велизария» выступает на новое поприще...* — До создания драмы «Боярское слово, или Ярославская кружевница» П. Г. Ободовский занимался только переводами и переделками иностранных пьес. Драма Э. Шенка «Велизарий» переведена Ободовским в 1839 г., впервые напечатана: П, 1840, № 1. Перевод получил одобрительную оценку В. Г. Белинского (Белинский, т. III, с. 320; т. IV, с. 57). В 1843 г. Некрасов посвятил этой драме специальную статью, в которой высоко оценил перевод Ободовского (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 322—330).

С. 7. *...поприще, на котором с такою честию подвизались доселе господа Зотов, Полевой и Кукольник...* — Р. М. Зотов, Н. А. Полевой и Н. В. Кукольник — наиболее плодовитые и популярные русские драматурги 1830—1840-х гг.

С. 7. *...сочинение П. И. Григорьева, которого уморительный «Губкин» так много смешил нас в последнее время.* — Имеется в виду водевиль П. И. Григорьева «Макар Алексеевич Губкин» (1840).

С. 7—8. *...«Все для девочек и ничего для мальчиков», водевиль, переведенный с французского Н. И. Филимоновым...* — Шутка-водевиль в 1 д. Переделка с французского Н. И. Филимоновым водевиля в 2-х д. Габриеля (Ж.-Ж.-Т. Делорье и Т.-Ф. Вильнева) «Tout pour les filles, rien pour les garçons». Премьера на сцене Александринского театра состоялась 14 апреля 1841 г.

С. 8. *Вслед за бенефисом г-жи Асенковой будет бенефис г. Максимова...* — Бенефис А. М. Максимова (Максимова 1-го) состоялся 24 апреля 1841 г. Подробнее о нем см. в заметке «Разные известия» (наст. изд., т. XII, кн. 2).

С. 8. *Будет и еще водевиль...* — Имеется в виду водевиль О.-Э. Скриба и П. Дюпора «Квакер и танцовщица» («Le quaker et la danseuse») в переводе с французского Ф. К. Дершау.

С. 8. *За этим бенефисом последует бенефис Григорьева 1...* — Бенефис П. И. Григорьева состоялся 2 мая 1841 г. Вся его программа проанализирована Некрасовым в статье второй «Обозрения новых пьес, представленных на Александринском театре» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 289—292).

С. 8. *...кто не смеялся до упаду над его «Паном Халявским», кто не плакал, читая его милую «Марусю».* — Роман Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» впервые был напечатан в «Отечественных записках» 1839 г. Повесть «Маруся» напечатана впервые в «Современнике» 1838 г. Оба этих произведения получили высокую оценку Белинского (Белинский, т. III, с. 52—54; т. IV, с. 398—400).

С. 8. *«Пантеон» надеется дать своим подписчикам эту замечательную комедию в будущем нумере...* — Это обещание было выполнено.

С. 8. *Потом будет дана «Русская крепость...»* — Постановка этой пьесы не осуществилась.

ЧТО НОВОГО У НАС?

(С. 9)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ⟨1⟩ — ЛГ, 1841, 27 мая, № 57, с. 225—226, без подписи; ⟨2⟩ — ЛГ, 1841, 17 июня, № 66, с. 263—264, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Принадлежность обоих фельетонов Некрасову устанавливается путем сопоставления свидетельства Некрасова в письме к Ф. А. Кони от 18 июля 1841 г. и содержания фельетонов.

В 1841 г. Некрасов был ближайшим помощником Кони по редакции «Пантеона» и одним из основных сотрудников обоих изданий, редактируемых Кони, — «Пантеона» и «Литературной газеты». Весной 1841 г. Кони уехал в Москву, оставив «Пантеон» на попечение Некрасова, а «Литературную газету» — К. Е. Вельсберга. Судя по письмам Некрасова к Кони (ПСС, т. X, с. 20—23), четвертый и пятый номера «Пантеона» этого года составлялись и редактировались Некрасовым, продолжавшим, как и в 1840 г., исполнять обязанности ведущего сотрудника критического отдела и фактического редактора (см. помещенный ниже фельетон «Новости») «Пантеона», критика и фельетониста «Литературной газеты».

Работа Некрасова в «Литературной газете» 1841 г. прервалась в 20-х числах июля, когда он был вынужден до возвращения Кони из Москвы уехать на родину в Ярославль. В счете, предъявленном Некрасовым в упомянутом выше письме к Кони от 18 июля 1841 г., указываются «два фельет⟨она⟩», напечатанных в «Литературной газете» в течение мая—июля, за которые редактор должен был уплатить 35 рублей (ПСС, т. X, с. 22). Некрасов имеет в виду фельетонные обозрения петербургской жизни, чрезвычайно редкие в «Литературной газете» этого времени. Как указывал он в том же письме, вместо петербургского обозрения фельетон «Литературной газеты» обычно «наполнялся» переводами Вельсберга. В течение мая—июля почти в каждом номере печатались под рубрикой «Калейдоскоп» и «Мелочи» анекдоты и мелкие информационные заметки, переведенные из иностранных изданий.

Хроника петербургской жизни мая—июля 1841 г. представлена в нескольких анонимных фельетонах под рубрикой «Что нового у нас?»: в № 57, 61, 62, 66, соответственно от 27 мая, 5, 7 и 17 июня. Два из них принадлежат Некрасову.

Авторство Некрасова в фельетоне от 17 июня подтверждается *первой* печатной информацией о работе Некрасова над новым водевилем, которая могла принадлежать в условиях издания «Литературной газеты» этого времени только Некрасову: «Н. А. Перепельский оканчивает очень забавный водевиль (пиесу переодеваний) под названием „Актер“» (с. 11; ср. наст. изд., т. VI, с. 666—667).

Только Некрасову (в отсутствие Кони) могли принадлежать две другие информации этого фельетона — о помещаемых в готовящемся к печати № 4 «Пантеона» новом переводе драмы «Уголино» и мемуарах А. А. Шаховского (с. 11). Перевод «Уголино» упоминается и в письме Некрасова к Кони от 8—14 июня 1841 г.: «Вы хотели прислать корректуру „Уголино“: она теперь нужна» (ПСС, т. X, с. 20). Оба обещания фельетониста не были выполнены.

Принадлежность Некрасову фельетона от 27 мая 1841 г. подтверждается наличием информации о причинах «непростительного запоздания» «Пантеона» (в отсутствие Кони она могла исходить только от Некрасова) и прямой связью его с фельетоном от 17 июня (информация о готовящейся «Истории Петра Великого» и связанные с нею пожелания фельетониста). В пользу принадлежности фельетона от 27 мая Некрасову говорит и содержащаяся в нем очередная юмористиче-

ская мистификация, направленная против В. С. Межевича (о водевиле на сюжет «Русского фельетониста» И. И. Панаева) и перекликающаяся с некрасовскими «Новостями с литературной биржи» (1840).

⟨1⟩

С. 9. *...Лила Лёве ∾ ангажирована на нашу сцену...* — Имеется в виду примадонна Берлинской оперы София Лёве. В специальной статье о ней, напечатанной незадолго до этого сообщения, говорилось, что в турне по Европе, предпринимаемом Лёве в 1841 г., она собирается побывать в Петербурге (РРТ, 1841, № 6, с. 22). Л. Лёве в Петербурге не выступала.

С. 9. *...мы на днях увидим на русской сцене ∾ П. И. Орлову.* — В первой половине июня 1841 г. Орлова выступала на сцене Александринского театра в ролях *Офелии* («Гамлет» В. Шекспира), *Луизы* (в драме «Луиза Линьероль») и *Вероники* («Уголино» Н. А. Полевого). См.: РРТ, 1841, № 6, «Современная хроника русского театра», с. 29—30.

С. 9. *Эсмеральда* — героиня одноименной драмы В. А. Каратыгина (пер. с французского).

С. 9. *Елизавета Английская* — героиня драмы В. А. Каратыгина «Елизавета и граф Эссекс» (пер. с немецкого).

С. 9. *Г-н и г-жа Каратыгины возвратились из Москвы...* — В. А. и А. М. Каратыгины выступали на московской сцене в апреле—мае 1841 г.

С. 9—10.*Сюжет заимствован из замысловатого типа И. И. Панаева «Русский фельетонист».* — Этот очерк напечатан в «Отечественных записках» (1841, № 3). Одним из прототипов его героя был В. С. Межевич.

С. 10. *Авошенные лавочки* — т. е. овощные (просторечное); ср.: Белинский, т. II, с. 223; т. XI, с. 178.

С. 10. *Присыпочка* — персонаж водевиля Ф. А. Кони «Петербургские квартиры».

С. 10. *...«Пантеон русского и всех европейских театров», который непростительно запоздал выходом в свет по причинам, нисколько не зависящим от его редактора...* — К этому времени вышли всего 2 номера «Пантеона». Мартовский номер журнала был разрешен цензурой 12 июня 1841 г. Причиной его задержки была финансовая несостоятельность издателя «Пантеона» В. П. Полякова.

С. 10. *...в течение мая и июня ∾ будут выданы все следующие по июль книжки...* — Мартовский номер «Пантеона» вышел с цензурным разрешением от 12 июня, апрельский — 10 июля, майский — 31 августа 1841 г. Остальные номера журнала 1841 г. выпускались в течение 1842 г.

С. 10. *...зри «Пантеон», книжку X 1840 года...* — Имеется в виду напечатанный в этом номере журнала водевиль Ф. А. Кони «Петербургские квартиры». В четвертом действии этого водевиля выведен Ф. В. Булгарин (в образе журналиста Абдула Авдеича Задарина) и высмеивается его профессиональная беспринципность и ревнивое отношение к «Пантеону».

С. 10—11. *...«Сто русских литераторов», часть вторая, и «Константинополь и его окрестности».* — Рецензия «Литературной газеты» на «Сто русских литераторов» напечатана в № 82—84 от 24, 26 и 29 июля 1841 г. и принадлежит Некрасову. В начале 1842 г. в Пе-

тербурге вышла первая часть книги «Константинополь и турки». Очевидно, именно это издание в комментируемом тексте называется «Константинополь и его окрестности».

С. 11. ...*«Пантеона великих людей»*... — Имеется в виду, очевидно, 2-е изд. книги Ф. И. Веймера «Пантеон знаменитых современников последнего столетия», впервые вышедшей в 1839 г. Оно вышло в Петербурге лишь в 1843 г.

С. 11. *...желательно, чтоб текст был составлен человеком, знающим дело...* — См. коммент. ниже.

С. 11. *И. И. Лажечников кончил свою трагедию «Христиерн II и Густав Ваза».* — Напечатана в тетрадях 3—6 сборника «Дагерротип» (СПб., 1842). Отдельное издание — СПб., 1842.

С. 11. *Мы имели случай прочесть ее и обещаем публике в этой трагедии такое произведение, которое в достоинстве своем не уступит прежним сочинениям всеми любимого и уважаемого романиста.* — Ср. «Библиографические известия» В. Г. Белинского, напечатанные в № 5 «Отечественных записок» 1841 г. (ценз. разр. 30 апреля 1841): «И. И. Лажечников окончил свою драму „Христиерн II“. Мы читали ее в рукописи и нашли в ней красоты первоклассные, которыми отличаются все произведения нашего талантливого романиста» (Белинский, т. V, с. 174).

⟨2⟩

С. 11. *...третий сценический опыт...* — Первые драматические произведения Перепельского — Н. А. Некрасова, поставленные на сцене Александринского театра, — водевили «Шила в мешке не утаишь...» (апрель 1841) и «Феоклист Онуфрич Боб...» (май 1841).

С. 11. *За составление текста для роскошного издания «Истории Петра Великого» взялся Н. А. Полевой.* — Это издание было осуществлено в 1843 г. От политипажей его издателям пришлось отказаться. Ср.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 159—160, 415.

С. 11. *...«этому прекрасному изданию повредят еще два другие издания «Истории Петра»*... — Имеются в виду, очевидно, только что поступившая в продажу трехтомная «История Петра Великого. Соч. Вениамина Бергмана. Перевел с немецкого Егор Аладьин. Второе, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное» (СПб., 1840) и «История Петра Великого» Н. П. Ламбина (СПб., 1841—1843).

С. 12. ...*«Истории Фридриха Великого»*... — Этот труд Ф. А. Кони был издан через три года (СПб., 1843—1844).

С. 12. *В следующей (4-й) книжке «Пантеона русского и всех европейских театров», который уже оканчивается печатанием...* — Этот номер «Пантеона» был одобрен цензурой 10 июля 1841 г.

С. 12. *...кн. А. А. Шаховской прислал в редакцию* ∽ *статью из воспоминаний своей «драматической жизни».* — Эти воспоминания в «Пантеоне» напечатаны не были.

НОВОСТИ

(С. 12)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: «Текущий репертуар русской сцены», 1841, № 4 (ценз. разр. 12 июля 1841), с. 28—30, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность «Новостей» Некрасову устанавливается путем анализа его отношения к «Пантеону» и взаимоотношений с Ф. А. Кони весной—летом 1841 г. (см. об этом с. 382), а также по содержанию этого фельетона. «Новости» — *редакционный* фельетон, который в отсутствие ответственного редактора мог быть написан только Некрасовым. «Что касается до „Пантеона“, — писал Некрасов в Москву Ф. А. Кони за несколько дней до выхода № 4 журнала, — то уведомляю Вас, что первые и третьи корректуры я читаю со всевозможной аккуратностию, 4-го июля все первые корректуры 4 № „Пантеона“ были мною кончены и отосланы в типографию, в чем Вы можете сами удостовериться по приезде. Однакож, несмотря на это, 4 № „Пантеона“ еще не вышел и выйдет только в понедельник, т. е. 14 июля. Это уже не моя вина. ⟨...⟩ „17 и 50 лет“ печатается» (ПСС, т. X, с. 20).

Никому другому, кроме Некрасова, не могли принадлежать информации о завершении работы над его водевилем «Актер» (в тексте фельетона — «Петербургский актер»; ср. с. 11) и о содержании готовящегося № 5 «Пантеона».

С. 13. *Разве только толстая книжища, именуемая «Сто русских литераторов», которая ∽ упала на нас всею тяжестию своих одиннадцати статей, десяти портретов и такого же числа картинок...* — Ср. с. 10.

С. 13—14. *...П. Г. Ободовский ∽ принялся за перевод драмы Раупаха «Школа жизни»...* — О переводе этой драмы Э. Раупаха Ободовским других сведений нет. Очевидно, эта работа Ободовского осталась незавершенной.

С. 14. *Г-н Кетчер ∽ предпринял в Москве полное издание произведений английского поэта.* — Работа Н. Х. Кетчера по прозаическому переводу драматургии Шекспира началась в феврале—марте 1840 г. Первое печатное сообщение об этом предприятии (объявление о подписке на издание) — СП, 1841, 3 июля, № 145, с. 577. Издание печаталось выпусками по одной пьесе, четыре выпуска составляли одну часть. Все издание предполагалось завершить в три года, однако оно затянулось до 1879 г. (Подробно об этом см.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 370—379).

С. 14. *Мы видели уже ∽ «Король Иоанн» и «Ричард II».* — Эти драматические хроники были изданы Кетчером в июле 1841 г. в качестве первых выпусков его предприятия. Всего в 1841 г. было осуществлено восемь выпусков.

С. 14. *Все издание заключится биографией Шекспира и объяснением женских характеров в его драмах и комедиях, составленным мисс Джемсон.* — Этот замысел не был осуществлен. Главы из книги английской писательницы Анны Джемсон «Женские характеры у

Шекспира» были переведены В. П. Боткиным: ОЗ, 1841, № 2, отд. II, с. 64—92.

С. 15. *Н. И. Филимонов, переводчик «Мельничихи в Марли» ∽ оканчивает переводом водевиль ∽ «Львица».* — Водевиль в одном действии (перевод с французского) «Мельничиха в Марли, или Племянник и тетушка» был написан и поставлен на сцене Александринского театра в Петербурге осенью 1840 г. (Белинский, т. IV, с. 386).

С. 15. *Автор водевиля «Шила в мешке не утаишь»...* — Имеется в виду Некрасов (Перепельский).

С. 15. *Редактор «Пантеона» ∽ написал небольшую драму ∽ «Архип Осипов, рядовой Тенгинского пехотного полка».* — Это произведение Ф. А. Кони было издано под заглавием: «Архип Осипов, или Русская крепость. Современная быль» (СПб., 1848).

С. 15. *В следующей книжке «Пантеона» будет напечатана ∽ комедия П. С. Федорова «17 и 50 лет», которая так нравится публике...* — Комедия-водевиль в 2-х действиях П. С. Федорова «Семнадцать и пятьдесят лет, или Две главы из жизни женщины» (сюжет заимствован у Э. Скриба) напечатана в № 5 «Пантеона» 1841 г. Одобрительные отзывы Некрасова о постановке этого водевиля содержатся в статье третьей его «Обозрения новых пьес, представленных на Александринском театре» (наст. изд., т. XI, кн. 1. с. 296) и в статье «Летопись русского театра. Май, июнь» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 273).

1843

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

Петербургская хроника

⟨27 февраля 1843⟩

(С. 16)

Печатается по тексту первой публикации
Впервые опубликовано: РИ. 1843, 27 февр., № 44, с. 173—175.
В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову установлена М. М. Гином (*Гин М.* Неизвестный фельетон Н. А. Некрасова. — РЛ, 1965, № 2, с. 162—165) по следующим данным:

1) Хвалебный отзыв о дебюте А. И. Куликовой (Шуберт) 16 февраля 1843 г. на сцене Александринского театра в комедии О.-Э. Скриба и Ж.-Ф.-А. Баяра «Камилла, или Сестра и брат» — единственный печатный отзыв, подтверждающий следующее свидетельство артистки: «Перед выходом на сцену я все говорила брату, что меня будут ругать в газетах, так как знала, что брат со всеми в ссоре: тогда он разошелся с Краевским и Панаевым, а Белинского постоянно ругал. Вдруг читаю — не помню, в „Литературной газете“ или „Литературных прибавлениях“ — чудесный отзыв, в котором выражалась надежда, что я со временем буду Асенковой ⟨...⟩ Я даже заплакала от радости. Оказалось, писал Некрасов. Стыдно вспомнить: когда брат спросил меня: „Знаешь ли, кто про тебя написал?“ и указал на Некрасова, сидевшего тут же и глядевшего на меня ласко-

выми глазами, я сделала кислую мину...» (*Шуберт А. И.* Моя жизнь. Л., 1929, с. 86). Расхождение в деталях свидетельства Куликовой-Шуберт (название газеты и имя артистки — предмета для подражания) объясняется давностью событий, о которых она вспоминает. Первые краткие доброжелательные отзывы «Литературной газеты» об игре Куликовой появились значительно позднее (ЛГ, 1843, 2 мая, № 17, с. 343; 1844, 1 янв., № 1, с. 21);

2) Фельетон содержит первое рекламное сообщение о выходе в свет первого выпуска «Статеек в стихах без картинок», издававшихся Некрасовым. Первое объявление книжного магазина М. Д. Ольхина о поступлении в продажу «Статеек в стихах...» — СП, 1843, 3 марта, № 48. Авторами этого выпуска были Н. И. Куликов («Встреча старого 1842 года с новым 1843») и сам Некрасов (первая часть «Говоруна»);

3) В тексте фельетона, структурно близкого другим фельетонам Некрасова, встречается образ, использовавшийся Некрасовым в позднейших поэтических произведениях («снег, как саван»).

С. 16. *...семейные вечера Клуба Соединенного общества, недавно учредившегося...* — Клуб Соединенного общества (в просторечии — чиновничий клуб) был образован в 1842 г. и находился в доме г-жи Энгельгардт (ныне — Невский проспект, д. 30). В течение 1842 года клуб «приходил в устройство и порядок» и стал функционировать с начала 1843 г. (ЛГ, 1842, 15 ноября, № 45, с. 924). Членами этого клуба могли быть чиновные люди, артисты, купцы первых двух гильдий. Каждую пятницу в Клубе Соединенного общества бывали т. н. семейные вечера, на которых собиралось до 400 человек членов и гостей.

С. 16. *...у Сулье и Легата...* — Л. Сулье — цирковой наездник, показывавший на городских площадях и в пригородах Петербурга «конские ристалища» (подробнее см.: наст. изд., т. I, с. 682); Легат — содержатель балагана на Адмиралтейской площади. Ср.: наст. изд., т. VII, с. 561—562.

С. 16. *Весть о приезде Рубини мгновенно разнеслась по всему Петербургу...* — Итальянский тенор Д.-Б. Рубини (1795—1854) приехал в Петербург 19 февраля 1843 г. Первые сообщения об этом см.: СП, 1843, 22 февр., № 40, с. 158; 24 февр., № 42, с. 165. Прошедшие с большим успехом гастроли певца в Петербурге с марта по май 1843 г. дали возможность заключить контракт с итальянской оперной труппой во главе с Рубини. Последовавшие за тем два театральных сезона (октябрь 1843—январь 1844 и октябрь 1844—февраль 1845) из-за огромного успеха труппы были прозваны «итальянскими».

С. 17. *«Отелло»* — опера Д. Россини (1816).

С. 17. *«Анна Болейн»* — опера Г. Доницетти (1830).

С. 17. *«Сомнамбула»* — опера В. Беллини (1831).

С. 17. *Первый концерт Рубини назначен, как можно видеть из 42 нумера «Инвалида», 2-го марта.* — В № 42 «Русского инвалида» от 25 февраля 1843 г. помещено объявление «Концерты г. Рубини» (с. 168), где указаны даты всех выступлений Рубини на март 1843 г. в Петербурге (зал Дворянского собрания) и в Москве.

С. 17. *...неудачное подражание диарамам и косморамам...* — Диорама (диарама) — экспозиция изображения на просвечивающем, специально освещенном материале; косморама — планетарий.

С. 17. *Физионотип* — физиономическая галерея.

С. 17. *Такова история дома, который ныне носит название «Детского театра»...* — Детский театр помещался в доме Треборна по Большой Морской, № 17 (угол Кирпичного переулка).

С. 18. *...переход Наполеона через гору Сен-Бернар.* — Сен-Бернар — перевал в Альпах. Неожиданный переход через него и вторжение армии Наполеона в Италию обеспечили ему победу в битве при Маренго (14 июля 1800 г.) и завоевание Ломбардии.

С. 19. *Отчет о действиях рисовальных школ в Санкт-Петербурге, напечатанный в 42-м № «Инвалида»...* — См.: РИ, 1843, 25 февр., № 42, с. 166—167.

С. 19. *Кантонисты* — солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством.

С. 19. *...из воспитанниц школы Женского патриотического заведения...* — Имеется в виду одна из школ Санкт-Петербургского Женского патриотического общества, образованного в 1812 г. в целях благотворительной деятельности и оказания материальной и медицинской помощи пострадавшим во время Отечественной войны. Впоследствии Общество считало своей задачей заботу «преимущественно о детях женского пола беднейшего состояния, оказывать им призрение, доставлять пропитание, обучать всему необходимому в житейском быту, внушать им всего паче добрую нравственность...» (Краткий исторический очерк действий Санкт-Петербургского Женского патриотического общества со времени его основания (1812 года) и сведения о способах Общества, членах его и частных школах. СПб., 1848, с. 9). К 1843 г. в Петербурге было 12 женских школ Женского патриотического общества. Васильевская (Василеостровская) школа — ближайшая к Санкт-Петербургской таможне, находившейся на стрелке Васильевского острова (ныне здание Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома)), находилась «в Галерной гавани во 2-й улице с Большого проспекта, в доме чиновника Петрова № 897/4».

С. 20. *...всем доныне памятна мужественная защита Михайловского укрепления на берегах Черного моря рядовыми Тенгинского пехотного полка...* — 22 марта 1841 г. малочисленный гарнизон Михайловского укрепления на черноморском побережье Кавказа, чтобы не сдаться живым в руки 12-тысячному отряду горцев, поднял себя на воздух. Взрыв совершил рядовой 9-й мушкетерской роты Тенгинского полка Архип Осипов. См.: *Ракович Д. В.* Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846. Тифлис, 1900, с. 211—223.

С. 21. *Григорьев 1* — П. И. Григорьев.

С. 21. *...известную московскую артистку г-жу Орлову...* — Имеется в виду П. И. Орлова.

ЖУРНАЛЬНАЯ АМАЛЬГАМА

⟨28 февраля 1843⟩

(С. 22)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1843, 28 февр., № 9, с. 182—185, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Предположение о принадлежности Некрасову *литературной* части фельетона «Журнальная амальгама» в № 9 «Литературной газеты»

1843 г. высказано впервые: НЖ, с. 18. Атрибутируется Некрасову главным образом по данным, указанным в пункте втором атрибутивной части комментария к предыдущему фельетону (с. 387), и текстуальной близости первого фрагмента фельетона (о состоянии современной литературы и коммерческом ее характере) с размышлениями об этом же в рецензии Некрасова на «Очерки русских нравов...» Ф. В. Булгарина, написанной в это же время (см. ниже). Дополнительная аргументация: *журнальные отделы* «Литературной газеты» 1843 г. («Критика», «Фельетон», «Смесь») составлялись самим редактором — Ф. А. Кони и его ближайшим помощником Некрасовым. Собственные материалы в газете 1843 г. Кони, как правило, подписывал. Подробный обзор и обильная цитация «Статеек в стихах...», не характерные для фельетонных анонсов «Литературной газеты», свидетельствуют о личной заинтересованности фельетониста в популяризации новой книги.

Вторая, не включенная в настоящее издание, часть фельетона посвящена *музыкальным* новостям, принадлежность ее Некрасову маловероятна.

С. 22. *С некоторого времени литература наша приняла какое-то шутливое направление.∾Цель же в этих изданьицах почти всегда одна и та же — мелкая монета.* — Ср. размышления Некрасова о том же явлении в его рецензии на выпуски I—III «Очерков русских нравов...» Булгарина: «Униженно сознав свою немощность, отказавшись от благородных усилий обращать на себя внимание публики посредством самой себя, наша литература превратилась в торговый дом, в рынок, где казовым концом замысловато разложены гнилые товары для привлечения покупателей; она кинулась на мелочи и совершенно погрязла в них; она прибегает к картинкам, к роскоши типографской, к поразительно диким заглавиям, к пышным объявлениям, надевает шутовской колпак на людей некогда почетных, гонит за вдохновением старых, выписавшихся сочинителей в трактиры и харчевни, наконец, забыв и стыд и сан, пляшет пред публикою вприсядку, — и всё для того, чтобы заставить публику бросить ей несколько грошей, которые сделались ее единственною целью, ее кумиром, ее губителями!..» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 81—82).

С. 23 *...рисовальщики Тимм и Жуковский...* — В. Ф. Тимм (1820—1895) и Р. К. Жуковский (1814—1886) — русские художники-иллюстраторы.

С. 23. *...политипажеры Клодт, Дерикер и Неттельгорст...* — Барон К. К. Клодт фон Юргенбург (1807—1879), русский художник и гравер; Г. В. Дерикер (ум. 1847) — русский художник-гравер; барон О. П. Неттельгорст — русский художник-гравер.

С. 23. *Другие книжечки выезжают на когда-то знаменитом имени автора, выставленном во всей красе на заглавном листе или прикрытом каким-нибудь заманчивым псевдонимом, как например шут Балакирев...* — Имеется в виду, очевидно, книга «Полное собрание анекдотов шута Балакирева, бывшего при дворе Петра Великого» (М., 1839) и издание Н. А. Полевого «Были и небылицы, статейки, вырванные из большой книги, называемой: Свет и люди. Философическо-филантропическо-гуморическо-сатирическо-живописные очерки, составленные под редакциею Ивана Балакирева ⟨...⟩ Книжка первая: Деньги» (СПб., 1842), рецензировавшееся Некрасовым (наст. изд. т. XI, кн. 1, с. 74—76).

С. 23. *...магазинов Диля, Ланганса...* — Магазин «шелковых, бумажных и шерстяных изделий» Ланганса и компании на Невском

проспекте, у Полицейского моста (см.: *Пушкарев И.* Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. СПб., 1843, с. 446), и, вероятно, магазин «дамских уборов» Диля на Невском проспекте, у Фонтанки (см.: Городской указатель 〈...〉 на 1850 г. СПб., 1849, с. 202).

С. 23. *«Письмовник» Курганова...* — Под этим названием Н. Г. Курганов издал в 1769 г. первое собрание русских народных песен и пословиц.

С. 23. *«Сатирический вестник»...* — Имеется в виду издававшийся в 1795 г. Н. И. Страховым журнал под названием «Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей».

С. 23. *...перед «Комарами», «Колосьями», «Снами»...* — Имеются в виду сборники: «Комары. Всякая всячина», выпускавшийся Ф. В. Булгариным в 1842 г.; «Колосья» (1842), издававшийся В. С. Межевичем; «Сны (Фантастический очерк любви)» (М., 1843).

С. 23. *...великий Измайлов...* — Имеется в виду баснописец, прозаик, журналист А. Е. Измайлов (1779—1831).

С. 23. *«Картинки русских нравов»* — иллюстрированное издание (1842—1843) Ф. В. Булгарина.

С. 24. ...«Прогулки русского по Помпее»... — Имеется в виду учено-беллетристическое сочинение А. И. Левшина «Прогулки русского в Помпеи» (СПб., 1843).

С. 24. *...книги Павского...* — Имеется в виду труд Г. П. Павского (1787—1863) «Филологические наблюдения над составом русского языка» (СПб., 1842).

С. 24. ...*«Словаря Рейфа»...* — Имеется в виду «Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков, 〈...〉 сост. Филиппом Рейфом». Карлсруэ 〈...〉 — СПб., 1843.

С. 24. ...*«Сказаний русского народа» Сахарова...* — Имеется в виду третье издание книги «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым» (СПб., 1841).

1844

ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ

(С. 29)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: «Письмо петербургского жителя в провинцию к приятелю» — ЛГ, 1844, 2 марта, № 9, с. 171—172, без подписи; Статья первая — ЛГ, 1844, 6 апр., № 13, с. 235—238, без подписи; Статья вторая — ЛГ, 1844, 13 апр., № 14, с. 254—256, с подписью: «И. Пружинин»; Статья третья — ЛГ, 1844, 27 апр., № 16, с. 287—290, без подписи; Статья четвертая — ЛГ, 1844, 11 мая, № 18, с. 318—320, с подписью: «И. Пружинин»; Статья пятая — ЛГ, 1844, 18 мая, № 19, с. 338, с подписью: «И. П—жи—н».

Фельетонный цикл «Хроника петербургского жителя» написан от имени петербургского чиновника И. А. Пружинина. Название цикла, возможно, полемически направлено против одноименной повести

Ф. А. Бюлера (ОЗ, 1843, № 6, отд. I, с. 313—376), изображавшей пустоту светской жизни. Псевдоним «Пружинин» использован также в фельетоне Некрасова «Записки Пружинина» (см. наст. кн., с. 214) и (наряду с другими псевдонимами) выставлен в подзаголовке шуточного рассказа «Как опасно предаваться честолюбивым снам», написанного Некрасовым в соавторстве с Ф. М. Достоевским и Д. В. Григоровичем (см. наст. изд., т. VII, с. 616—621).

Принадлежность «Хроники петербургского жителя» Некрасову доказывается связью с названными, а также с другими его произведениями (некоторые сопоставления приводятся ниже) и наличием автоцитаты из «Говоруна» (см. коммент. к с. 44). Стиль «Хроники петербургского жителя» (использование иронических «масок», включение пародий и автоцитат) характерен для фельетонов Некрасова.

Стихотворные отрывки из «Статьи третьей» впервые включены К. И. Чуковским в ПССт 1927 (с. 416). Весь цикл «Хроника петербургского жителя» атрибутировал Некрасову Д. С. Лихачев (см.: Собр. соч. 1930, т. III, с. 372). Состав цикла уточнил Б. Я. Бухштаб (см.: ЛН, т. 53/54. М., 1949, с. 47—50). Полностью фельетонный цикл в собр. соч. включен: ПСС, т. V, с. 385—429.

Автограф не найден.

Письмо петербургского жителя в провинцию к приятелю

С. 30. *Жизнь человеческая подобна кораблю, обуреваемому волнами.* — Ср. в вышеназванном рассказе «Как опасно предаваться честолюбивым снам» (1846) стихи Некрасова:

Корабль, обуреваемый
Волнами, — жизнь моя!..

С. 30. *...человек в фризовой шинели...* — В шинели из фриза (самого дешевого сукна). О выражении «фризовая шинель» см.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. — Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 159—163.

С. 30. *Фуляр* — шелковый платок.

С. 30. *«Четвертак, ваше превосходительство!» — Двугривенный! — «Маловато, ваше высокоблагородие!» — Восемь гривен!* — Счет денег идет здесь то на серебро, то на ассигнации (в связи с проводившейся тогда денежной реформой ассигнации постепенно изымались из обращения и обменивались на серебро по курсу: 3 руб. 50 коп. ассигнациями на 1 руб. серебром). Четвертак (25 коп. серебром) соответствовал $87^1/_2$ коп. ассигнациями; двугривенный серебром — 70 коп. ассигнациями.

С. 30—31. *У меня был родственник: он очень любил путешествовать по России и пить национальные настойки ∾ в продолжение дня, не выходя из комнаты, объездит он до двадцати русских губерний, а иногда и более.* — Некрасов иронизирует над книгой М. П. Жданова «Путевые записки по России, в двадцати губерниях...» (СПб., 1843). Резкий отзыв об этой книге см.: Белинский, т. VII, с. 25—31. М. П. Жданов, автор «Путевых записок...», был вице-губернатором Харькова. Анекдот о помещике-пьянице использован в рецензии 1847 г. (см. наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 14—15).

С. 31. *Дюмон-Дюрвиль объездил весь свет и погиб на незначительном переезде из Парижа в Версаль.* — Французский море-

плаватель Ж.-С.-С. Дюмон-Дюрвиль (1790—1842) погиб в железнодорожной катастрофе между Парижем и Версалем 8 мая 1842 г.

С. 31. *Ремиз* — недобор взятки в карточной игре.

С. 32. *Ерофеич* — горькое вино, водка, настоенная на травах.

С. 32. *...если б не пост, стал бы ходить в Александрынский театр.* — Имеется в виду Великий пост — сорок дней перед Пасхой, когда прекращались все театральные и зрелищные представления и были разрешены только музыкальные концерты.

С. 32. *...в нынешнем № «Лит⟨ературной⟩ газ⟨еты⟩» выше помещена уже статья о концертах...* — Статья «Концерты» предваряла в номере газеты некрасовский фельетон.

С. 32. *Есть, — говорит, — «Юродивый мальчик»...* — Имеется в виду издание: Юродивый мальчик в железном зеленом клобуке. Сочинение асессора и кавалера Афанасия Анаевского. СПб., 1844. Об Анаевском см. наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 105, 332; Белинский, т. VIII, с. 160—162.

С. 32. *Есть, — говорит, — «Воскресные посиделки»...* — О «Воскресных посиделках» см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 418; наст. кн., с. 80—86 и коммент. к ним.

С. 33. *Вот послушай, переведу...* — Далее Некрасовым приводится с незначительными сокращениями текст фельетона из рубрики «Courrier de Paris» парижского иллюстрированного еженедельника «L'Illustration, journal universel» (1844, 24 févr. No 52, p. 407). Фрагмент текста от слов «покрытый великолепной попоной...» до слов «Сатурн с своею косой» в фельетоне «L'Illustration» отсутствует. Взят ли он из другого парижского издания или сочинен самим Некрасовым, установить не удалось.

С. 33. *...являлась с визитом ∾ к г-ну Созе, ∾ маршалу Сульту ∾ к гг. Кюнен-Гридэну и Дюшателю...* — Перечислены французские государственные деятели той поры. Ж.-П.-П. Созе (1800—1876) в первой половине 1840-х годов был председателем палаты депутатов, Н.-Ж. Сульт (1769—1851) — военным министром, Л. Кюнен-Гридэн — министром сельского хозяйства и торговли, Ш.-М.-Т. Дюшатель (1803—1867) — министром внутренних дел.

С. 33. *...самый торжественный визит ее был в Тюльерийский замок...* — Имеется в виду дворец Тюильри (Tuileries), бывший в 1844 г. резиденцией короля Луи-Филиппа I.

С. 34. *Пулька* — партия игры в карты (преферанс, вист и т. д.).

С. 34. *...petites misères de la vie humaine...* — Выражение восходит к названию вышедшей под псевдонимом Old Nick книги очерков Поля Эмиля Дорана Форга (Forgues): Old Nick. Les Petites Misères de la vie humaine. Paris, 1841. В «Фельетоне литературном» Р. Зотова (СП, 1843, 20 янв., № 15, с. 57—58) автором данной книги ошибочно был назван Жюль Жанен. Та же неточность — в некрасовском романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см. наст. изд., т. VIII, с. 81). (Указал А. М. Березкин).

⟨Статья первая⟩

С. 35. *Подписано*: *«И. А. Пружинин»*. — Фамилия некрасовского персонажа, вероятно, образована от названия дер. Пружинино Нерехотского уезда Костромской губернии (ныне — Гаврилов-Ямский р-н Ярославской обл.); см.: Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1871—1872 годов. СПб., 1877. (Указал Н. Н. Пайков).

С. 35. *...есть сочинители, которые от души верят всему, что говорит им журналист...* — Слово «журналист» здесь и ниже употреблено в старом значении: редактор журнала или газеты.

С. 36. *...что вы будете делать с человеком, который ежедневно преследует вас письмами, удостоивает ежедневного посещения вашу прихожую, в простодушной надежде застать вас когда-нибудь дома...* — Намеченный здесь сюжет развернут с позиции незадачливого автора в фельетоне «Выбранные места из приятельских писем» (см. наст. кн., с. 283—285).

С. 37. *Страстная неделя* — последняя неделя перед Пасхой.

С. 37. *Приходи после Святой...* — Имеется в виду Святая неделя — неделя праздника Пасхи.

С. 38. *Вендеграф* — сорт французского столового вина.

С. 39. *Полицейский мост* — мост через Мойку на Невском проспекте, ныне Народный мост.

С. 39. *...проходили мимо Палкина ∾ мимо Излера ∾ против Доминика...* — Петербургские рестораны, названные по фамилиям их владельцев.

С. 40. *Кюмель* (от *нем.* Kümmel — тмин) — тминная водка (полное название — Kümmelbranntwein).

С. 42. *Молился у Владимирской.* — Имеется в виду церковь Владимирской Божьей Матери на Владимирском проспекте.

С. 43. *...придумали хорошо: заменять визиты печатным объявлением при пожертвовании в пользу детских приютов...* — См. коммент. к с. 195.

С. 43. *...а сегодня такую затрещину съел... тысячи рублей не взял бы!* — Ср. фельетон Некрасова «Пощечина» (наст. кн., с. 250).

С. 44. *Я с час пред умывальником...* — Цитируется стихотворный фельетон Некрасова «Говорун» (наст. изд., т. 1, с. 397), с разночтением в стихе 12: в «Говоруне» — «И в брюхо и в плечо!».

С. 44. *Поэнь* (от *франц.* point) — очко в карточной игре.

С. 46. *Сулье особенно хорошо представлял по вечерам.* — «Шталмейстер турецкого султана» француз Луи Сулье устраивал в Петербурге «конские ристалища». Еще в 1843 г. Некрасов описал их в стихотворении «Говорун» (см. наст. изд., т. 1, с. 399). На одном из представлений Сулье с Некрасовым встретился Д. В. Григорович (Григорович, с. 73).

С. 46. *...на балу в клубе Соединенного общества.* — См. примеч. к с. 16.

С. 47. *Что собственно сами мы думаем о новом произведении г-на Кукольника — читатели узнают из следующего № «Литературной газеты», где будет помещен об этой драме подробный отчет.* — В следующем номере ЛГ (1844, № 14 от 13 апр.) появился критический разбор этой пьесы, вероятно, принадлежащий Некрасову (см. наст. том, кн. 2).

С. 47. *Говорят, г⟨оспода⟩ Ободовский и Полевой написали по новому «Драматическому представлению».* — О каких именно пьесах П. Г. Ободовского и Н. А. Полевого идет в данном случае речь, неясно.

⟨Статья вторая⟩

С. 48—49. *Кинул газету, встал и говорит: «Гр-я-зно» ∾ На кой черт, — говорит, — описывать дворников, водовозов...* — Представители консервативного лагеря (Ф. В. Булгарин и др.) обвиняли писателей «натуральной школы» 1840-х гг. в «сальностях», «грязи» и т. п.

Здесь, вероятно, содержится намек на очерк А. Башуцкого «Водовоз», вышедший в 1841 г. отдельной брошюрой в серии «Наши, списанные с натуры русскими». Ср. также наст. кн., с. 148—149 и примеч. к ним.

С. 49. *...прислали билет и вышедшие нумера при билете...* — Имеется в виду абонемент на получение газеты в течение года.

С. 50. *К зеркалу подойдешь...* — Ср. стих. Некрасова «Перед зеркалом» (наст. изд., т. III, с. 28).

С. 52. *...купчишке, мужичишке простому перед тобой преферанс дают...* — Преферанс — здесь: предпочтение.

С. 52. *Братцы, пять рублей, два целковых!* — О двойном счете денег, на серебро и ассигнации, см. примеч. к с. 30. «Два целковых», т. е. 2 руб. серебром, соответствовали 7 руб. ассигнациями.

С. 53. *Дают «Русский моряк», «Русская боярыня», «Дочь русского актера»...* — «Русский моряк. Историческая быль» (1844) — драма Н. А. Полевого. «Русская боярыня XVII столетия» (1842) — комедия П. Г. Ободовского. «Дочь русского актера» (1844) — водевиль П. И. Григорьева.

С. 53—54. *...терпеть не могу, где щелкопер какой-нибудь вдруг выведет, этак, плута какого-нибудь, взяточника... и ну смеяться над ним ∾ Нет, я бы этих всех щелкоперов: у меня пиши, да не забывайся.* — Ср. с репликами городничего в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «...найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит ⟨...⟩ у! щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал...» (д. 3, явл. 8).

С. 54. *...как запоет: «Приди в чертог ко мне златой...» — так и беги вон из комнаты...* — Перефразировка известных стихов Пушкина из «Евгения Онегина» (гл. II, строфа XII):

И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..

С. 54. *...я еще вот не больше аршина... мальчишкой был... тогда уж видел...* — Возможно, факт для Некрасова автобиографический. Драма А. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» (пер. А. Ф. Малиновского) была в репертуаре Ярославского театра 1820-х годов (ГАЯО, ф. 73, оп. 2, ед. хр. 25, л. 2).

С. 54. *Каратыгин, поверите ли? — даже плакать меня заставлял.* — В. А. Каратыгин (1802—1853) — известный актер-трагик.

С. 54. *«Параша Сибирячка»* — драма Н. А. Полевого (1840).

⟨Статья третья⟩

С. 54. *Какое величественное, красивое и знаменитое зрелище представляет Нева...* — Ближайшим источником этой пародийной фразы является лирическое отступление из повести Гоголя «Страшная месть» (1832) (гл. X): «Чуден Днепр при тихой погоде...»

С. 55. *«Так, кажется, на словах всё бы славно изъяснил...»* — неточная цитата из пьесы Гоголя «Отрывок» (1842) (явл. 2).

С. 55. *Правда твоя, Александр Иваныч, совершенная правда...* — Некрасов ошибочно приписывает процитированные слова персонажа «Отрывка» Собачкина Александру Ивановичу — действующему лицу

другой пьесы Гоголя — «Утро делового человека» (1836), также опубликованной в Собрании сочинений 1842 г.

С. 55. *Не рожден я ни к чему высокому* ∾ *Ведь такой же, думаешь, человек...* — Ср. угрызения уязвленного самолюбия Пружинина с таким же «самоанализом» героя коллективного фельетона Некрасова и Панаева «Новый поэт» (1847) — наст. том, кн. 2.

С. 56. *Ф. Ф. Циммерман* — известный петербургский торговец, владелец фабрики шляп и трех магазинов головных уборов.

С. 60. *Я люблю Пушкина, а Бенедиктов для меня лучше...* — Стихи В. Г. Бенедиктова (1807—1873) пользовались огромным успехом в обывательской среде в 1830-х, а отчасти и в 1840-х годах. «Поэзия г-на Бенедиктова, — писал Белинский, — не поэзия природы, или истории, или народа, — а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга. Она вполне выразила их, с их любовью и любезностию, с их балами и светскостию, с их чувствами и понятиями» (Белинский, т. VI, с. 494).

С. 60. *Коли есть охота узнать, о чем в письме писано, стоит только в 15 № «Литературной газеты» взглянуть.* — Имеется в виду принадлежащее также Некрасову «Письмо *** ского помещика о пользе чтения книг, о вредоносности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе» (см. наст. кн., с. 75—86).

С. 60. *...рассказывает про доктора Пуфа...* — Псевдонимом «Доктор Пуф» В. Ф. Одоевский подписывал свои статьи на кулинарные темы в «Литературной газете» 1844—1845 гг.

С. 63. *...ренского уксуса...* — Ренский (от рейнвейн — дешевое виноградное вино) уксус — уксус из виноградного вина.

С. 64. *Пармезан* — сорт сыра из снятого молока.

С. 66. *...он человек политичный...* — Здесь — дипломатичный, предусмотрительный.

⟨Статья четвертая⟩

С. 68. *...волосы есть первое украшение человека, — это я и в одной книге читал...* — Ср. наст. изд., т. IX, кн. 1, с. 162; кн. 2, с. 352.

С. 70. *...перенесли прах Наполеона с острова Елены в Париж, и памятник там ему великолепный поставили. Я читал об этом книгу...* — Прах Наполеона был перевезен в Париж в конце 1840 г. Здесь имеется в виду анонимная брошюра: Перенесение праха Наполеона с острова Св. Елены в парижский Дом инвалидов. СПб., 1841.

С. 70. *Ристалище* — состязание.

С. 71. *...тотчас подскакивает к нему.* — В «Литературной газете» после этих слов — иллюстрация: верховой барин замахивается плетью на слугу.

С. 71. *...с двенадцати лет начал травить* ∾ *когда-нибудь я вам подробно расскажу...* — В 1844 г. Некрасов обращался к теме охоты в фельетоне «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте» и в «Журнальных отметках» от 17 сентября 1844 г. (см. наст. кн., с. 134—137 и 150—152).

⟨Статья пятая⟩

С. 73. *...в 90 и 91 № одной газеты некто господин Немчинов объявил, что чай содержит в себе чистую кровь.* — В № 90 и 91

«Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» за 1844 г. была помещена статья Андрея Немчинова «Нечто о чае», автор которой пытался доказать, будто по своему химическому составу чай родствен человеческой крови. Неуклюжий способ выражения мысли в статье, опубликованной в газете, редактируемой В. Межевичем, дал Некрасову повод для иронического выступления в форме письма простодушных читателей к «литератору» Пружинину. В заметке «Способ превращать семирублевый чай в четырнадцатирублевый», помещенной в «Записках для хозяев» № 25 «Литературной газеты» от 29 июня 1844 г., обеспокоенный А. Немчинов предложил для устранения недоразумения перепечатать в «Литературной газете» его статью о чае из «Ведомостей СПб полиции» (с. 197). В «Записках для хозяев» № 29, 30 «Литературной газеты» от 27 июля и 3 августа 1844 г. статья Немчинова «Нечто о чае» была перепечатана.

С. 73. *...Мы чуть не обмерли со страха!.. Это было в середу...* — Другими словами, в постный день.

КРАПИВА

(С. 74)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 13 апр., № 14, отд. «Записки для хозяев», с. 110, с подписью «К. Пуп—ин».

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V, с. 430—431.

Авторство Некрасова установлено Б. Я. Бухштабом, указавшим на связь данного текста с фельетоном Некрасова «Письмо *** ского помещика...» (ЛН, т. 53/54, М., 1949, с. 50).

Автограф не найден.

С. 74. *Почтенный доктор ∾ Пуф в последней своей лекции (лист 13-й Записок для хозяев) ∾ преподал прекрасные наставления...* — Эта отсылка к предыдущему выпуску «Записок для хозяев» (ЛГ, 1844, 6 апр., № 13, с. 102—103) указывает на принадлежность данного текста к ряду полемических выступлений 1843—1844 гг. Белинского, Некрасова и Одоевского против булгаринских «Северной пчелы» и «Эконома» по поводу книг для народного чтения (об этой полемике см. ниже, с. 398—400).

С. 74. *...для трансцендантальных наслаждений желудка...* — Употребление термина идеалистической философии «трансцендантальный» (совр. транскрипция: «трансцендентальный») — «сверхчувственный», «сверхопытный» — в данном контексте объясняется следующим признанием Одоевского-Пуфа: «Некоторые ⟨...⟩ замечают, что я — произведение шаловливых минут одного знаменитого в литературе пера, которое ⟨...⟩ набросало на бумагу дополнение к известному сочинению знаменитого Брилья-Саварина «Physiologie du gout, ou Meditation de Gastronomie transcendante» («Физиология вкуса, или Размышления о Трансцендентальной Гастрономии»)...» (ЛГ, 1844, 24 февр., № 8, с. 62). Ансельм Брийа-Саварен (1755—1826) — французский юрист и литератор, автор популярной в 1830—1840-х годах книги «Физиология вкуса...» (Париж, 1825; рус. пер.: М., 1867), где удачно сочетались, сменяя друг друга, научные статьи, юморески, анекдоты, афоризмы, физиологические очерки и кулинарные рецепты.

С. 74. *...не только не доктору, но и не Пуфу...* — Игра слов: Пуф — псевдоним Одоевского и пуф — ложный слух.

С. 74. *...о некотором употреблении веток старой крапивы в интересных проделках домашней расправы у некоторых хозяев...* — Ср. с концовкой стихотворения «Крапива! драгоценная трава!...» из фельетона Некрасова «Письмо *** ского помещика...»:

Когда на старости, колюча и жестка,
В руках десятского ты хлещешь мужика.

С. 74. *...для всякого селовода (как выражается у нас один знаменитый агроном-импровизатор)...* — По-видимому, имеется в виду В. П. Бурнашев, ведавший в журнале «Эконом, хозяйственная общеполезная библиотека» публикацией материалов, связанных с земледелием, и сам писавший на эту тему. Слово «селовод» в статьях Бурнашева не встречается, оно могло быть навеяно Некрасову незадолго до написания данного фельетона опубликованным в «Северной пчеле» развернутым объявлением-рекламой «Эконома» на 1844 г., содержащим очередной выпад против конкурировавшего с «Экономом» раздела «Литературной газеты» — «Записок для хозяев» и пестревшим терминами типа: «луговодство», «лесоводство», «домоводство», «кондитерство» (СП, 1844, 4 апр., с. 294).

С. 75. *Экзордиум* — вступление.

С. 75. *«Картофель! харч благословенный!»...* — Имеются в виду вирши, помещенные в первом выпуске «Воскресных посиделок» (СПб., 1844). Некрасов действительно написал в виде «похвалы» крапиве пародию на эти стихи — см. упомянутое выше стихотворение «Крапива! драгоценная трава...». О «Воскресных посиделках» см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 418.

ПИСЬМО *** СКОГО ПОМЕЩИКА О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ КНИГ, О ВРЕДОНОСНОСТИ БАРАНЬИХ БУРДЮКОВ С КАШЕЙ И О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(С. 75)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 20 апр., № 15, с. 267—270, с подписью: «Александр Бухалов».

Входящее в этот фельетон стихотворение «Крапива! драгоценная трава!...» впервые включено К. И. Чуковским в ПССт 1927 (с. 416); там же (см. с. 557) отмечена и принадлежность Некрасову всего фельетона. Более детально «Письмо...» атрибутировано Некрасову Б. Я. Бухштабом (ЛН, т. 53/54, М., 1949, с. 50). Полностью в собрание сочинений включено: ПСС, т. V, с. 432—443.

Автограф не найден.

Тематическая связь фельетона Некрасова «Письмо *** ского помещика...» с его же рецензиями на «Воскресные посиделки» и «Опыт терминологического словаря...» В. П. Бурнашева (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 167—173, 174—177, 177—180), также с циклом «Хроника петербургского жителя» и фельетоном «Крапива» (см. с.

29—75) уже отмечалась некрасоведами (ЛН, т. 53/54, с. 50; ПСС, т. V, с. 622, т. IX, с. 712—720).

Названные тексты Некрасова и его «Письмо ***ского помещика...» являются составной частью полемики по поводу книг для народного чтения, которая велась «Северной пчелой», «Экономом», «Отечественными записками» и «Литературной газетой» в течение двух лет. Полемика началась вскоре после выхода в свет в начале 1843 г. первой книги В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого «Сельское чтение», доброжелательно встреченной всеми петербургскими изданиями, «Северной пчелой» в том числе. В № 21 газеты Булгарина от 1 февраля 1843 г. было помещено письмо к ее издателю за подписью В. Б. (В. Бурнашев), где очень высоко оценивались достоинства книги для крестьян: «...это драгоценнейший подарок для русского грамотного простонародья, да и для неграмотного даже, ибо ему грамотный вслух станет читать эту подлинно золотую книжку...» (с. 99). Почти одновременно с письмом в «Северной пчеле» Бурнашевым были опубликованы еще две положительные рецензии на «Сельское чтение» (Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции, 1843, 26 янв., № 11 и Земледельческая газета, 1843, 16 февр., № 14, с. 112). Среди достоинств книги Бурнашев особо подчеркивал простоту и доступность языка, которым она была написана: «Трудно найти в подобной, для простого народа назначенной книге, лучшего выбора статей и слога, более и вернее приноровленного к быту и языку народа. Это не пошлая подделка под тон простолюдина, пересыпанная шутками, прибаутками и присловьями, часто вовсе не крестьянскими, а вымышленными досужими и дюжинными писателями ⟨...⟩ нет, это собрание добросовестных трудов людей истинно благонамеренных, желающих принести этою книжкою пользу отечественному просвещению и приносящих ее, по справедливости». (Ведомости СПб полиции, 1843, 26 янв., № 11). Среди статей-главок «Сельского чтения» Бурнашевым дважды выделялась одна из написанных Одоевским: «...замечательна в особенности прелестная статья кн. В. Ф. Одоевского под названием „Что такое чертеж земли, иначе план, карта, и на что это пригодно“. Здесь виден превосходный талант автора упрощать необыкновенно успешно вещь столь трудную для ума мужика, каковы, например, география и топография» (там же).

Вскоре после выхода первой книжки «Сельского чтения», вдохновленный успехом этого литературного предприятия, возобновил свое издание «Сельские беседы» типограф Е. Фишер (первая книжка «Сельских бесед» вышла летом 1842 г., см. рецензию Белинского на нее: т. VI, с. 230—231). Слегка измененное в заглавии по аналогии с «Сельским чтением» (теперь книга стала называться «Сельские беседы для чтения»), это издание вновь вызвало иронические отклики критика «Отечественных записок» (см. две рецензии, атрибутированные Белинскому В. С. Спиридоновым — т. XIII, с. 168—172, 177—183). Резкие критические отзывы в «Отечественных записках», где было указано на спекулятивный и подражательный характер книги Фишера, положили начало затяжному конфликту в петербургской печати. Булгарин на правах «знатока» народной жизни и хозяйства не замедлил взять под защиту от «пристрастной» критики «Отечественных записок» «несправедливо» осужденные в журнале «Сельские беседы», объявив язык этой книги, над нелепостью которого, противопоставляя ему ясность и простоту языка «Сельского чтения», иронизировал Белинский, «списанным с натуры крестьянским языком» (СП, 1843, 30 апр., № 94, с. 374).

Новый 1844 год обострил журнальные схватки по вопросам народной жизни и хозяйства между изданиями Булгарина и Краевского самим фактом возникновения с начала года при «Литературной газете» приложения «Записки для хозяев». Булгарин, почувствовавший опасность сильной конкуренции «Эконому», начал заранее иронизировать над новым отделом газеты Краевского еще в пору подписки на 1844 г. (см., напр.: СП, 1843, 18 сент., № 208, с. 831; 16 окт., № 232, с. 926).

На третий день после рассылки по книжным магазинам первого пятка «Воскресных посиделок» Бурнашева (см. объявление — СП, 1844, 16 февр., № 36, с. 142) фельетонист «Северной пчелы», анонсировавший первый выпуск книги Бурнашева и второй выпуск «Сельского чтения», пустился в рассуждения о том, что «грамотный простолюдин» не станет «добровольно читать книгу, написанную просторечием или таким языком, как говорится по деревням. ⟨...⟩ Он хочет объясняться как говорят в Петербурге и в Москве и не возьмет в руки книги, написанной просторечием ⟨...⟩ Грамотный поселянин ищет в книге того, что ему было неизвестно, что прельщает его и что заманило к изучению грамоты, а именно языка чистого, благородного, слога простого, удобопонятного...» (СП, 1844, 19 февр., № 39, с. 154). Это в соответствии с традиционной для газеты Булгарина «литературной тактикой» (Белинский, т. IX, с. 622) предвещало, что любая критика «Воскресных посиделок», а тем более противопоставление им «Сельского чтения» (как это было в рецензиях Белинского на «Сельские беседы» Фишера), грозит обернуться немедленной травлей издания Одоевского и Заблоцкого.

Насмешливая рецензия Некрасова на первый выпуск «Воскресных посиделок» в «Литературной газете» (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 167—173) и последовавшая за ней в «Отечественных записках» суровая рецензия Белинского, объявившего сам факт издания книги Бурнашева следствием недавнего «неслыханного, удивительного успеха» «Сельского чтения» (т. VIII, с. 206), развязали руки Бурнашеву в назревшей полемике.

В вышедшей вскоре 165-й тетради «Эконома» им была помещена рецензия на собственное издание в форме письма в редакцию журнала от некоего помещика Тихвинянина (Эконом, 1844, т. VII, тетр. 165, с. 104—105). Рецензия Бурнашева—«Тихвинянина», имевшая откровенно рекламный характер, содержала грубый выпад против В. Ф. Одоевского и резко противоречила высказанным чуть более года назад Бурнашевым похвалам «Сельскому чтению» и его основному автору.

Ответом на эту публикацию и последовавшую вскоре рецензию Бурнашева на второй выпуск «Сельского чтения» (Эконом, 1844, т. VII, тетр. 167, с. 127) стал фельетон Некрасова, также написанный в форме письма помещика. Нарисовав психологический портрет провинциального увальня, необразованного и совсем далекого от тонкостей столичной журнальной борьбы, но не лишенного здравого смысла и наблюдательности, Некрасов, вставший на защиту Одоевского, остроумно расправился с его обидчиком.

Почувствовав серьезность готовящегося отпора, Булгарин, верный своей «литературной тактике», сделал попытку свести (намеками на пристрастность к Бурнашеву — бывшему сотруднику «Отечественных записок» и нынешнему их «конкуренту») всю критику «Отечественных записок» и «Литературной газеты» к междоусобному конфликту изданий (СП, 1844, 29 апр., № 96, с. 383). Маневр не принес ожида-

емых результатов: Белинский и Некрасов продолжали встречать каждый новый выпуск «Воскресных посиделок» рецензиями, вскрывшими не только бездарность, но и издательскую непорядочность их автора — выяснились многочисленные факты перепечатки Бурнашевым чужих статей, в том числе и статей из «Сельского чтения» (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 167—170; Белинский, т. VIII, с. 206—214, 226—229, 247—248, 262—263, 295, 362—367).

Одновременно с кампанией против Бурнашева Белинский в «Отечественных записках» и Одоевский в «Литературной газете» не оставили без внимания и опекаемое «Северной пчелой» издание Фишера (Белинский, т. VIII, с. 159—161; см. также: ЛГ, 1844, 6 апр., № 13, «Записки для хозяев», с. 102—103).

Процесс разоблачения книгоиздательских спекуляций Бурнашева, начатый анализом «Воскресных посиделок», закончился в «Отечественных записках» разбором его деятельности как соредактора «Эконома». В последней книге журнала за 1844 г. было опубликовано большое письмо неизвестного автора (подпись И. Г—въ) «Несколько замечаний о том, как издается „Эконом, хозяйственная общеполезная библиотека"» (ОЗ, 1844, т. XXXVII, № 12, «Литературные и журнальные заметки», с. 94—103). Автор письма убедительно, с приведением большого количества цитат, показал, что большинство публикуемых в «Экономе» статей представляют собою простые перепечатки (без указания источника) из журналов «Труды Вольного экономического общества», «Мануфактурные и горнозаводские известия», «Записки Южного общества сельского хозяйства» и других изданий; что касается немногочисленных статей, принадлежащих собственно редакции «Эконома», утверждал автор письма, уровень их, на взгляд опытного хозяина, оказывался ниже всякой критики.

Разоблачения издательских махинаций Бурнашева возымели свое действие — Булгарин был вынужден публично отказать в своем покровительстве скомпрометированному дельцу от литературы: «В последней книжке ⟨...⟩ журнала, называемого „Отечественные записки", приятели указали мне статью, в которой доказывается, что со 190-й тетради „Эконом..." заключает в себе множество перепечаток и переделок чужих статей и т. п. Мне некогда справляться, но если все это справедливо, ⟨...⟩ то я, дорожа всегда истиною, первый приношу мою благодарность сочинителю критики за эти замечания, уведомляя его при сем случае, что если он думал выстрелить в меня, то ошибся, ибо критическое ядро должно попасть, по принадлежности, во Владимира Петровича Бурнашева, единственного ответчика за все заимствования ⟨...⟩ в чем он сам весьма мило сознался, в одной из тетрадей „Эконома" сказав, что, увлекшись прелестью статей, забыл указать источник. ⟨...⟩ Я прикрываюсь малороссийскою пословицей: „Моя хата с краю — ничего не знаю". Ф. Б.» (СП, 1844, 9 дек., № 280, с. 1119).

С. 76. *Вот письмо ∾ Александра Степаныча Бухалова.* — Фамилия некрасовского персонажа, вероятно, образована от названия дер. Бухалово Даниловского уезда Ярославской губернии; см.: Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1865. (Указал С. В. Смирнов).

С. 76. *...есть у меня одна книжка дареная — «Русский в Константинополе»...* — Имеется в виду издание: *Гурьянов И.* Русский в Царьграде, или Историческое, топографическое и статистическое обозрение Константинополя и его окрестностей. М., 1828.

С. 77. *«Листок для светских людей»* — еженедельный журнал, выходивший в Петербурге в 1839—1845 гг. Ср. отзыв об этом журнале в фельетоне «Отчеты по поводу Нового года» (наст. кн., с. 198—200).

С. 77. *...вот такой-то очень хорош, да только, братец, он не выходит.* — По-видимому, речь идет о петербургском журнале «Русский вестник», уже в 1843 г. выходившем весьма нерегулярно; в 1844 г. вышла всего одна книжка журнала (ср.: *Белинский*, т. VIII, с. 476).

С. 77. *«Да книжечки невелики ∾ А то другой и руку всю оттянет ∾ только мучение! ∾ по-моему, коли тратиться, так чтобы, — говорю, — вещь была видная»...* — Отголосок полемики 1843 г. В конце 1842 г., в пору подписки, «Северная пчела» развязала кампанию против «толстых» журналов — «Отечественных записок» в первую очередь (толщина их книжек была излюбленной темой острот в фельетонах газеты Булгарина), — длившуюся в течение всего 1843 г. Несостоятельность обвинений Булгариным толстых журналов в отрицательном влиянии на русскую литературу была раскрыта Белинским в статье «Русская литература в 1843 году» (Белинский, т. VIII, с. 45—100).

С. 77. *...молодой еще человек — завирается!* — Здесь пародируются традиционные нападки на Белинского.

С. 78. *Выписал и «Эконома».* — «Эконом, хозяйственная общеполезная библиотека» — еженедельный журнал, выходил в Петербурге в 1841—1853 гг. под редакцией Ф. В. Булгарина и В. П. Бурнашева.

С. 78. *В январе нынешнего года прочел в «Отечественных записках», что при «Литературной газете» будет выходить особый хозяйственный лист при каждом нумере под названием «Записки для хозяев».* — Имеются в виду «Библиографические и журнальные известия» (ОЗ, 1844, № 1, отд. VI, с. 46—47), написанные Некрасовым, очевидно, с А. А. Краевским. В наст. изд. помещаются в т. XIII, кн. 1.

С. 78. *Няня* — старинное русское блюдо, сальник с печенкой.

С. 78. *Экосез* — бальный танец.

С. 79. *...выписал ∾ первую книжку «Сельского чтения»...* — См. с. 398.

С. 80. *...получаю осьмой нумер «Литературной» ∾ только ткнулся: «Воскресные посиделки»...* — См. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 167.

С. 80. *Куликать* — пьянствовать, опиваться.

С. 80. *В «Отечественные» гляжу — там подробный разбор.* — См. с. 399.

С. 80. *Вдруг гляжу в «Эконом»: так прямо в глазах и мелькнула о «Посиделках» статья...* — См. с. 399.

С. 81. *«Пчела» объявила, что все эти статьи пишут помещики и управители...* — Анонсируя первый выпуск «Воскресных посиделок», фельетонист «Северной пчелы» оповещал читателей: «Пробежав этот первый пяток, заключающий в себе 27 простонародных, но вовсе не площадных рассказов простолюдинов ⟨...⟩ нельзя не заметить, что все это вполне приноровлено к понятиям простого русского человека ⟨...⟩ И не мудрено, если все это понятно, потому что тут, под псевдонимами старосты Феклиста, бессрочно отпускнова Штыкова, разносчика Пахома и проч., скрываются наши хорошие хозяева, которые с народом сжились, знают его нужды, его быт, и могут говорить с ним удачно» (СП, 1844, 16 февр., № 36, с. 142).

С. 81. *...щепетильные франты, которые идеализируют везде и для русского простонародья хотят жанполиться, как в каких-нибудь*

своих нелепых, впрочем, разноцветных сказках. — Откровенный выпад против В. Ф. Одоевского. «Идеализируют» — намек на увлечение Одоевского идеалистической философией; «хотят жанполиться» — литературные противники упрекали Одоевского в подражании Жан Полю (псевдоним немецкого романтика Иоганна-Пауля Рихтера, 1763—1825). Под «разноцветными сказками» подразумевалась книга Одоевского «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою» (СПб., 1833).

С. 81. *...понапичкали простонародные рассказы разными простонародными выражениями, не всегда даже кстати.* — См. с. 399.

С. 82. *Тут понял я все — и какой это г-н Тихвинянин, который говорит то же самое, что г-н Бурнашев...* — Намек на то, что под псевдонимом «Тихвинянин» скрылся сам редактор «Воскресных посиделок» — В. Бурнашев.

С. 85. *Картофель, харч благословенный...* — см. коммент. к с. 75.

С. 85. *Ванька Мошкин едет мимо барского дома с возом дров и во все горло поет: «Крапива! драгоценная трава!»...* — Некрасов пародирует следующее место в рецензии Бурнашева: «Я зашел осмотреть мой картофельный подвал ⟨...⟩ и услышал, как парень, приставленный, между прочим, к этому подвалу, распевал: „Картофель, харч благословенный...“» (с. 105). В «Литературной газете» в стихотворении «Крапива! драгоценная трава...» слова «ты хлещешь мужика» в последней строке были заменены точками (очевидно, из-за цензуры); восстановлены К. И. Чуковским «по указанию В. Богучарского, у которого была копия этого текста» (ПССт 1931, с. 605).

С. 85. *Получил я 170 тетрадь «Эконома»: там опять хвалят «Посиделки»...* — Речь идет о рецензии Бурнашева на второй пяток «Воскресных посиделок», также подписанной псевдонимом «Тихвинянин».

С. 86. *...попроси, чтоб в «Литературной» поскорей разбор сделали...* — Рецензию Некрасова на второй пяток «Воскресных посиделок» см. в наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 170—173.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДАЧИ И ОКРЕСТНОСТИ

(С. 87)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ⟨1⟩ — ЛГ, 1844, 4 мая, № 17, с. 303—305, без подписи; Оговорка — ЛГ, 1844, 11 мая, № 18, с. 320—321, без подписи; ⟨2⟩. Петербург и петербургские дачи — ЛГ, 1844, 15 июня, № 23, с. 399—401, с подписью: «Ваш покорнейший слуга Иван Бородавкин»; ⟨3⟩ — ЛГ, 1844, 13 июля, № 27, с. 467—468, без подписи; ⟨4⟩ — ЛГ, 1844, 20 июля, № 28, с. 481—482, без подписи; ⟨5⟩ — ЛГ, 1844, 3 авг., № 30, с. 515—516, без подписи.

Принадлежность Некрасову статей этого цикла установили К. И. Чуковский (см.: ПССт 1927, с. 416, 417, 464, 557) и Д. С. Лихачев (см.: Собр. соч. 1930, т. III, с. 372). Состав цикла уточнил Б. Я. Бухштаб (см.: ЛН, т. 53/54, М., 1949, с. 50—51). Фельетонный цикл «Петербургские дачи и окрестности» неразрывно связан с другими произведениями Некрасова, прежде всего с фелье-

тонами «Хроника петербургского жителя», «Крапива», «Письмо ***ского помещика», «О лекциях доктора Пуфа вообще и об артишоках в особенности». Стиль этого цикла (использование иронических «масок», включение в текст стихотворных пародий и автоцитат) характерен для фельетонов Некрасова. Принадлежность фельетонного цикла Некрасову подтверждается и тем, что летом 1844 г. он жил в Кушелевой деревне (см.: ПСС, т. X, с. 38, 39) — в том самом месте, которое преимущественно описано в этих фельетонах (теперь оно застроено многоэтажными домами и входит в черту города Санкт-Петербурга).

В собрание сочинений включено впервые: пародия «Устрицы! харч благословенный!...» — ПССт 1927, с. 416; стихотворные вставки из фельетона «Петербург и петербургские дачи» — ПССт 1927, с. 417; полностью фельетонный цикл — ПСС, т. V, с. 444—473.

Автограф не найден.

⟨1⟩

С. 87. *Сей перебрался было за Екатерингоф ∾ дачу занял оный ∾ Таковый живет в Колтовской...* — Шумная кампания против употребления слов «сей», «оный», «таковый» и некоторых других, с которой выступил О. И. Сенковский (раньше всего — в статье «Резолюция на челобитную сего, оного, такового, коего...» — БдЧ, 1835, т. VIII, Литературная летопись, с. 26—34), вызвала в литературе ряд откликов, преимущественно иронических. Ср.: Белинский, т. II, с. 183, 365—366.

С. 89. *Теперь ∾ в большом ходу только новости для желудка, но об них ежедневно можно осведомляться из объявлений Смурова, Елисеева и комп.* — Имеются в виду печатные объявления петербургских торговцев на отдельных листках, рассылавшиеся вместе с газетами; иногда известия такого рода публиковались в самих газетах в разделе объявлений; см., напр.: СП, 1840, 19 апр., № 86, с. 342; Ведомости СПб полиции, 1844, 20 мая, № 109; 23 мая, № 111.

С. 90. *«Картошка, харч благословенный!..* — См. коммент. к с. 75.

С. 90. *Устрицы! харч благословенный!..* — Эта пародия принадлежит, очевидно, самому Некрасову.

С. 90. *...у Сомова...* — Ресторан Сомова славился свежими устрицами.

С. 90. *...замечательна камер-обскура г. Бросса...* — Камера-обскура (от позднелат. camera — комната и лат. obscurus — темный) — оптический прибор, служащий для получения живых изображений предметов.

С. 90. *...наш достопочтенный сотрудник И. А. Пружинин...* — литературная маска Некрасова (ср. наст. кн., с. 392).

С. 90. *Были в Отель-дю-Нор...* — Имеется в виду популярный в артистическом мире Петербурга ресторан «Hôtel du Nord» в знаменитом доме Голлидея (ныне наб. канала Грибоедова, д. 97), где жили актеры петербургских театров. П. А. Каратыгин вспоминал: «Нижний этаж ⟨...⟩ дома с давних пор занят был трактиром, известным под названием „Hôtel du Nord“, который и доднесь существует там под тем же названием; этот трактир в ту пору был любимым сходбищем комиссариатских чиновников и некоторых тогдашних актеров. Для холостых актеров, не державших своей кухни, подобное заведение было очень сподручно и удобно; но для женатых, любивших иногда

кутнуть или пощелкаться на биллиарде, этот Отель-дю-Норд был яблоком раздора с их дражайшими половинами, которые сильно роптали на это неприятное соседство, отвлекавшее мужей от их домашнего очага» (*Каратыгин П. А.* Записки, т. I. Л., 1929, с. 44). См. также: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 33, 372.

С. 91. *...как на блюдечке перед нами Невский проспект ∾ просто живой, как он есть... Люди, экипажи, магазины ∾ Даже многих можно в лицо узнавать; я имел счастие засвидетельствовать глубочайшее почтение Станиславу Владимировичу...* — О возможности узнавать знакомых на улице во время сеанса в камер-обскуре писал в своем рекламном объявлении ее хозяин Р. Бросс: «Величественная Нева с находящимися на ней кораблями, огромные здания на ее берегах, Исакиевский мост, Сенат, Адмиралтейство, великолепный Исакиевский собор и площадь с прекрасным памятником Петра Великого — одним словом, все очаровательные окрестности являются перед глазами зрителей в самом натуральном и изящном виде. Прелесть панорамы соединена здесь с живою деятельностью действительной жизни и в состоянии очаровать даже самого холодного наблюдателя. Величина проходящих вблизи особ около трех дюймов, но черты лица каждого человека обрисованы с такою ясностию, что зритель легко может узнать между проходящими своих знакомых...» (Ведомости СПб полиции, 1844, 8 июля, № 149).

С. 91. *В детском театре...* — О Детском театре см. наст. кн., с. 17.

С. 92—93. *Как все, страстей игралище ∾ Недаром он стяжал.* — Цитата из стихотворного фельетона Некрасова «Говорун» (наст. изд., т. I, с. 399).

Оговорка

С. 93. *...были еще прежде сообщены в неофициальной части одной газеты...* — Имеется в виду фельетон «Петербургская хроника» в газете «Русский инвалид». Реклама омнибуса была дана в № 96 от 30 апреля (с. 381).

⟨2⟩ Петербург и петербургские дачи

С. 94. *Ему был понятен этот таинственный шепот древесных листьев...* — Ироническая перефразировка строки «И говор древесных листов понимал...» из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1832). В таком же ироническом контексте эти строки Баратынского использованы Некрасовым для характеристики одного из героев рассказа 1849—1850 гг. «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К°» (см. наст. изд., т. VII, с. 412, 608). Те же стихотворные строки используются в фельетоне «Журнальные отметки» (РИ, 1844, 20 авг., № 187), возможно, принадлежащем Некрасову (см. об этом наст. том, кн. 2).

С. 95. *...он видел ∾ жизнь как она есть ∾ очень часто говаривал, в раздумье указывая на бильярд: «Вот, господа, жизнь как она есть!» ∾ изучал в трактирах и ресторациях, на бильярде, жизнь как она есть...* — Некрасов иронизирует над романом Л. В. Бранта «Жизнь как она есть. Записки неизвестного» (СПб., 1843). Одна из глав этого романа (ч. 3, гл. 27) представляла собою пасквиль на русских литераторов: В. Г. Белинского, И. И. Панаева, А. А. Краевского,

Ф. А. Кони и др.; был в ней (на с. 117) и враждебный выпад против Некрасова: «...Умишко полуобразованный, вертящийся около того, чего сам порядочно не понимает, ниже и несноснее природной глупости». («Вертится около того» — рефрен известных куплетов из водевиля Некрасова «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь»). Ср. наст. кн., с. 293.

С. 96. *Алагер* — бильярд с двумя шарами: красным и белым.

С. 97. *Экзекутор* — чиновник, ведавший хозяйственными делами и надзором за внешним порядком в департаменте.

С. 98. *...играет музыка Германа...* — Герман в 1838—1844 гг. дирижировал оркестром, игравшим на вокзале в Павловске.

С. 98. *...воксал, говорят, отличнейшим манером отделали...* — Вокзал в Павловске, сгоревший в январе 1843 г., был восстановлен в мае того же года.

С. 99. *Не б⟨улгаринский⟩ комар...* — В «Литературной газете» между буквами «б» и «й» (в слове «булгаринский») было выставлено 10 точек (по числу пропущенных букв). К. И. Чуковский восстановил это слово «по догадке, правильность которой подтвердили А. Ф. Кони и П. А. Картавов» (ПССт 1931, с. 606). Речь идет об издании Ф. Булгарина: Комары. Всякая всячина. СПб., 1842.

⟨3⟩

С. 102. *...повредило Троицкий мост и потопило один из плашкоутов.* — В то время мосты в Петербурге были деревянными и поддерживались особыми плоскодонными судами — плашкоутами.

С. 102. *...забежав вперед, с остервенением хлестал в самую морду ∾ усталые клячи не двигались с места, мутно и безвыразительно смотря на разгневанного возницу и только нервически потряхивая хвостом...* — Этот сюжет Некрасов позже (в 1859 г.) разработал в сатире «О погоде» (ч. I, гл. II «До сумерек», 2; см. наст. изд., т. II, с. 179—180).

С. 102. *Картина умилительная, достойная кисти Гогарта!..* — Уильям Хогарт (1697—1764) — английский художник, автор бытописательных и сатирических картин.

С. 103. *...в день Петра и Павла...* — День святых Петра и Павла — 29 июня (ст. стиль) имел для жителей Петербурга особое значение: 29 июня 1703 г. в день тезоименитства императора Петра I была заложена церковь во имя святых апостолов Петра и Павла на уже размеченной территории будущей Петропавловской крепости, что дает основание считать этот день днем рождения новой русской столицы, основанной Петром «в его государево имя» (*Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям о губерниях. 1703—1782. СПб., 1884, с. 38).

С. 104. *...дилижанс ∾ о котором мы говорили, когда он только еще учреждался.* — См. наст. кн., с. 88—89.

С. 105. *В объявлении, которое разослано было о начале его поездок, Петербург ∾ очень остроумно переименован был в С. Петроград...* — В петербургских газетах подобного объявления опубликовано не было; вероятно, имеется в виду извещение, напечатанное в виде отдельной листовки и разосланное вместе с газетами.

С. 106. *...скромного чиновника, имеющего семейство и живущего двухтысячным жалованьем.* — Другими словами, получающего 2 тыс. руб. жалованья в год.

С. 106. *...напрасно думают и пишут, что жители Коломяг — распомаженные франты, расстающиеся на воскресенье с иглой, шилом и молотком...* — Выпад против «Северной пчелы». В подписанном В. Межевичем фельетоне «Журнальная всякая всячина», посвященном описанию дачных пригородов Петербурга, содержался рассказ о воскресном гулянье в Коломягах русских и немецких мастеровых: «Полненькие немочки в ситцевых пестреньких платьицах чинно приседают перед напомаженными кавалерами, расставшимися на воскресенье с иглой, шилом или молотком, но увы! не смывшими с рук, несмотря на все старания свои, клейма колючих, марких и тяжелых трудов... Просим покорнейше читателей не принимать слов наших за насмешку: мы уважаем труд и не желаем насмешками мешать чьему-либо удовольствию...» (СП, 1844, 24 июня, № 142, с. 566).

⟨4⟩

С. 108. *...можете даже, если вы имеете вкус, подобный вкусу Ивана Никифоровича, приказать поставить перед собою стол с самоваром и наслаждаться в такой прохладе употреблением чая.* — Ср. у Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (гл. I): «Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе».

С. 109. *Есть упоение в бою//И мрачной бездны на краю//∾И в аравийском урагане,//И в дуновении чумы...* — Цитируется песня Председателя из «Пира во время чумы» (1830) А. С. Пушкина. Цитация не вполне точна (у Пушкина: «И бездны мрачной на краю»).

С. 110. *...в беспрестанных катаньях из Петербурга в Павловск и из Павловска в Петербург...* — Пригородная железная дорога Петербург—Павловск (открытая для движения в 1837 г.) в ту пору была единственной в России, и в первое время по ней нередко ездили из простого любопытства. Ср. в стихотворении Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840): «До Павловска катался я//Железной мостовой,//Парами восхищался я — //Не столько быстротой!» (наст. изд., т. I, с. 283).

С. 110. *...г-ну архитектору Штаке⟨н⟩шнейдеру* — А. И. Штакеншнейдер (1802—1865) — известный русский архитектор, по проектам которого были построены многие здания в Петербурге и его окрестностях.

С. 111. *...новостию, касающеюся также железной дороги — петербурго-московской...* — Эта дорога (ныне Октябрьская) строилась в 1843—1851 гг.

С. 111. *Это будет событие важное, равно благотворительное для обеих столиц∾Чудно изменятся обе столицы от частого и быстрого соприкосновения! Петербург внесет в Москву свои элементы. Москва в Петербург свои — сколько разнообразия, сколько очевидной пользы — вещественной и невещественной!..* — Это рассуждение Некрасова предвосхищает вывод Белинского в его будущей статье «Петербург и Москва»: «Петербург и Москва — две стороны или, лучше сказать, две односторонности, которые могут со временем образовать своим слиянием прекрасное и гармоническое целое, привив друг другу то, что в них есть лучшего. Время это близко: железная

дорога деятельно делается...» (Белинский, т. VIII, с. 406). Самому факту строительства железной дороги между двумя столицами России и петербургские западники, и московские славянофилы были склонны придавать значение исключительное: постоянно действующая связь между двумя городами воспринималась как важнейший шаг на пути европеизации страны. Ср. в той же статье Белинского: «...Москва мало-помалу начала делаться городом торговым, промышленным и мануфактурным ⟨...⟩ И то ли будет она в этом отношении, когда железная дорога соединит ее с Петербургом, и, как артерии от сердца, потянутся от нее шоссе в Ярославль, в Казань, в Воронеж, в Харьков, в Киев и Одессу...» (Белинский, т. VIII, с. 392—393). О пристальном интересе Белинского к строительству дороги вспоминает Достоевский в «Дневнике писателя» (Достоевский, т. XXI, с. 12). С иной эмоциональной окраской, но с тем же подтекстом упоминается это строительство в переписке славянофилов: «Между Москвой и Петербургом нет и не может быть никакого соединения. Все еще оставшиеся связи мы должны прервать. Пусть себе строят железную дорогу, но мы нравственно становим бездну между собою; полное разделение и полная противоположность и непримиримость начал», — писал в декабре 1844 г. К. С. Аксаков Ю. Ф. Самарину (письмо полностью не опубликовано. Цит. по: *Кошелев В. А.* Общественно-литературная борьба в России 40-х годов XIX века. Вологда, 1982, с. 35).

⟨5⟩

С. 112. *Вышла первая тетрадь великолепного издания «Императорской Эрмитажной галереи», предпринятого г. Гойе-Дефонтеном.* — Имеется в виду издание: Императорская Эрмитажная галерея, литографированная французскими артистами гг. Дюпрессаром, Эмилем Робильяром, Ипполитом Робильяром, Гюо, печатаемая Полем Пети. Издание, посвященное ее величеству государыне императрице всероссийской под особым покровительством его императорского величества. Тетради 1—30. СПб., 1844—1847. Ход подготовки этого издания подробно освещен в «Северной пчеле» в фельетонах В. Межевича под общим заголовком «Журнальная всякая всячина» (СП, 1844, 27 мая, № 118, с. 470; 3 июля, № 148, с. 591; 8 июля, № 155, с. 609; 29 июля, № 171, с. 681).

С. 112. *Мы скоро будем говорить подробнее о первой тетради «Эрмитажной галереи»...* — В «Литературной газете» рецензия на это издание не появилась.

С. 113. *Вышли «Сочинения князя В. Ф. Одоевского», в трех больших томах. Мы постараемся как можно скорее отдать читателям подробный отчет об этом замечательном явлении в нашей литературе...* — Рецензия с высокой оценкой «Сочинений» Одоевского помещена в № 36 «Литературной газеты» от 14 сентября 1844 г. Ее автором был, очевидно, Некрасов (см. наст. изд., т. XII, кн. 2), который принимал участие в подготовке издания «Сочинений» В. Ф. Одоевского.

С. 113—114. *Касательно промедления в выходе «Сочинений князя В. Ф. Одоевского», первоначально предполагавшемся значительно ранее...* — Первая информация о скором выходе в свет издаваемого А. И. Ивановым роскошного издания сочинений Одоевского в двух томах была напечатана в № 36 «Литературной газеты» от 12 сентября 1843 г. (с. 664).

С. 114. *Некоторые газеты заговорят о добросовестности и о личном своем превосходстве...* — Намек на булгаринскую «Северную пчелу» — постоянного оппонента «Литературной газеты» и «Отечественных записок», — которая в борьбе за подписчика использовала любые средства для дискредитации конкурирующих изданий.

С. 114. *Г-н Дершау ∾ предпринимает издание журнала под названием «Финский вестник».* — Некрасов активно сотрудничал в первых номерах «Финского вестника» 1845 г. (*Морозов В. М.* К вопросу об идейно-общественной позиции журнала «Финский вестник» (Сотрудничество В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова в журнале в 1845 году). — Учен. зап. Петрозаводск. ун-та, 1955, т. V, вып. 1, с. 85—112).

ЧЕРТЫ ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

(С. 116)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Статья первая — ЛГ, 1844, 10 авг., № 31, с. 531—532, без подписи; Статья вторая и последняя — ЛГ, 1844, 17 авг., № 32, с. 545—547, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V, с. 474—486.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено Б. Я. Бухштабом, отметившим в данном очерке автоцитату из «Говоруна» и тематическое совпадение с другими произведениями Некрасова (см.: ЛН, т. 53/54, М., 1949, с. 52—53); им же неоднократно высказывалось предположение: «Весьма вероятно, что очерк написан как общее вступление к сборнику „Физиология Петербурга", который Некрасов в то время подготовлял к печати» (ПСС, т. V, с. 628). По мнению автора атрибуции, «это введение ⟨«Черты из характеристики...». — *Ред.*⟩ не столько общее, сколько предвосхищавшее изображение отдельных слоев петербургского населения, было признано излишним для „Физиологии Петербурга" и попало в „Литературную газету". Возможно также, что очерк оказался неудовлетворительным из-за слишком обильной цитации из „Панорамы Петербурга" Башуцкого» (ЛН, т. 53/54, с. 52—53). Высказанное Б. Я. Бухштабом предположение о «неудовлетворительном» характере очерка Некрасова не было подкреплено серьезными аргументами и сегодня представляется малоубедительным; сама же мысль о соотнесенности «Черт из характеристики...» с «Физиологией Петербурга» бесспорно плодотворна. Очерк был опубликован Некрасовым в пору его активной работы над альманахом, задуманным как манифест нового направления в русской литературе, когда и сам состав «Физиологии...», и ее идейная доминанта, без сомнения, уже определились: до сдачи книги в цензуру оставалось около двух месяцев.

В первой половине 1840-х годов, в атмосфере полемики западников и славянофилов о значении для русской жизни реформ Петра I, об отношении России к европейской цивилизации, любое высказывание о Петербурге, его быте и нравах, неизбежно оказывалось продолжением разговора на волновавшую всех тему новой России.

Очерк Некрасова, действительно, в значительной степени состоит из цитат и пересказа книги А. П. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» (СПб., 1834, т. 1—3). Задуманная автором как свод сведений по административному устройству, планировке, экономической и демографической статистике, истории и быту столицы, «Панорама Санкт-Петербурга» Башуцкого, даже не реализованная до конца, явилась для своего времени уникальной энциклопедией города; особенную ценность для Некрасова и всех авторов новой «натуральной школы» представлял третий том книги (он-то больше всего и цитируется в очерке), содержащий социологическую картину города с интересными нравоописательными комментариями (о Башуцком см.: *Охотин Н. Г.* А. П. Башуцкий и его книга. — Наши, списанные с натуры русскими. Приложение к факсимильному изданию. М., 1986, с. 5—40). Башуцкий, автор «Панорамы Санкт-Петербурга» и «Наших, списанных с натуры русскими» (СПб, 1842) неоднократно упоминается и в публикациях, предварявших «Физиологию Петербурга» (РИ, 1844, 30 июня, № 170; 13 авг., № 182 — см. наст. том, кн. 2), и в самом сборнике («Вступление» Белинского), как предшественник новой литературной школы, которая, отдав должное его заслугам, в свою очередь спешит указать на существеннейшее различие в творческих методах: «...книга г-на Башуцкого ⟨«Панорама Санкт-Петербурга». — *Ред.*⟩ имеет в виду преимущественно *описание*, а не *характеристику* Петербурга, и ее тон и характер более официальный, нежели литературный. Содержание нашей книги ⟨«Физиологии Петербурга». — *Ред.*⟩, напротив, не *описание* Петербурга в каком бы то ни было отношении, но его *характеристика* преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения» (Белинский, т. VIII, с. 383).

Теоретически обоснованная Белинским во «Вступлении» к альманаху, «характеристика ⟨...⟩ нравов и особенностей народонаселения» Петербурга была дана самим критиком в его же программной статье «Петербург и Москва», с которой по многим пунктам сопоставим писавшийся почти одновременно с ней очерк Некрасова «Черты из характеристики петербургского народонаселения».

Предпринятый в статье Белинского анализ характерных черт петербургской жизни в сравнении с жизнью московской опирался на складывавшуюся уже литературную традицию: прием, впервые примененный Гоголем в «Петербургских записках 1836 года», был повторно использован в бытовавшем в рукописных копиях памфлете Герцена «Москва и Петербург» (1842); антитеза «Петербург—Москва», «Российская империя—Московское царство» была также идеологическим центром повествования в скандально известной книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (1841; 2-е изд. 1843), книге, которая, по свидетельству Анненкова, тогда «читалась ⟨...⟩ повсеместно» (Анненков, с. 246; о полемике с Кюстином в статье Белинского см.: *Кийко Е. И.* Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839» — Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л., 1974, с. 189—200).

Озаглавив свой очерк «Черты из характеристики петербургского народонаселения», Некрасов тем самым сразу определил объем поставленной проблемы: не сама «характеристика», но лишь черты из нее, требующие осмысления. В первых же строках текста задача повествователя уточняется: «...нравы столицы нашей ⟨...⟩ представляют общие черты сродства с нравами ⟨...⟩ семейства европейских столиц, но при этом не правы и те, кто называет Петербург „городом совершенно нерусским“». Таким образом, в центре внимания обещают

оказаться и те черты петербургского быта и нравов, которые позволяют называть город европейским, и те, которые свойственны ему как городу русскому. Следующий затем намек на книгу Кюстина (см. ниже реальный комментарий), открытое упоминание которой в печати было невозможно из-за цензурного ее запрещения, сразу вводит повествование Некрасова в сферу споров о судьбе русской европейской цивилизации.

Обращает на себя внимание своеобразие подхода Некрасова к теме: в ситуации, когда Гоголю, Герцену и Белинскому не обойтись было без антитезы «Петербург—Москва», он ограничивается петербургской тематикой: ведь саму возможность сравнения чего-либо с чем-либо предполагает наличие определенного облика, четко отстоявшихся форм, а в «физиономии» Петербурга, по мнению Некрасова, пока все — «игра света и теней», «бесчисленные ускользающие движения», «выражения, ежеминутно меняющиеся». Некрасов вычленяет в «сплошной массе» петербургского народонаселения четыре разряда его жителей — «чиновников, офицеров, купцов и ⟨...⟩ петербургских немцев», — в каждом из которых «выражается какая-нибудь сторона петербургской жизни», и это деление полностью соответствует классификации Белинского из статьи «Петербург и Москва». В образе жизни, в «господствующих привычках и вкусах», объединяющих обитателей города, Некрасовым отмечаются прихотливость в еде, страсть к комфорту, публичным гуляниям и другим общественным удовольствиям, любовь к щегольской мебели и преферансу, что также соответствует наблюдениям Белинского. Однако помимо этих чисто формальных признаков единения (по логике статьи Белинского, они являются свидетельством недостаточной, неглубокой европеизации русской жизни), поданных у Некрасова безо всякой оговорки об их «формальной» природе, в очерке «Черты из характеристики...» просматривается в зарисовке петербургского образа жизни новое единство, скрепляющее столичное общество помимо связей материальных. И петербургского купца «из немцев», и купца русского, и чиновника, и работника-простолюдина, и петербургского ростовщика, и продавца книг, и их сочинителя — всех в Петербурге роднит стремление к личной выгоде, к наживе.

Эта черта петербургской реальности совершенно определенно относится Некрасовым к разряду черт «европейских» (равно как и все остальные перечисленные выше черты, охарактеризованные Белинским как формальные — т. е. как издержки русского восприятия европейской цивилизации): ведь во всем очерке, имеющем целью выделить черты и «европейские» и «русские», как чисто национальная особенность Петербурга оговаривается только наличие в городе «возникающих нежданно-негаданно из людей беднейшего ⟨...⟩ класса» большого числа «купцов-капиталистов», — следовательно, все прочие черты автоматически относятся Некрасовым к чисто «европейским». Пристальное внимание Некрасова к этой нарождающейся новой связи общества (взамен связи национальной) заставляет его поставить в центр повествования один из упомянутых четырех разрядов петербургского народонаселения — купечество.

Составленному из обширных выписок из книги Башуцкого портрету петербургского купца «из немцев», окаменевшего в своем национальном эгоизме настолько, что, прожив всю жизнь в русском городе, он не имеет «даже надобности заметить, что жил в России» (статья первая), у Некрасова противостоит эскиз нравов молодого русского купеческого сословия, тоже (частично) скомпонованного из

цитат и пересказа «Панорамы Санкт-Петербурга» (статья вторая). Описание русского купечества, заимствованное из книги Башуцкого, перебивается вставкой собственно некрасовского текста, которая представляет тем больший интерес, что ради нее Некрасов отверг близкий по смыслу фрагмент из «Панорамы...».

Башуцкий:

«Русские одарены чрезвычайными способностями: им даны вполне сообразительность и расчетливость, которые необходимы торговцу; они постоянны в действиях, упорны в достижении предназначенной цели и богаты уменьем жить малым и пользоваться счастливым стечением обстоятельств. Нужны ли примеры? Мы могли бы назвать первостатейных купцов и даже фабрикантов известных, которые в течение малого числа лет, из простых крестьян, начав торг самый ничтожный, с капиталом от сотни до тысячи рублей, без сведений, без образованности (некоторые даже без познаний начальных правил грамоты и счисления), но с разительно светлыми, врожденными понятиями о предметах, с удивительно прямым и твердым от природы разумом, успели составить состояния не в сотни тысяч, но в несколько миллионов; управляют обширными конторами, имеют корабли в отдаленных морях, отсылают ежегодно товары на огромные капиталы, и доныне (некоторые) не умеют подписать свое имя!» (Панорама Санкт-Петербурга, ч. II, с. 180—181).

Некрасов:

«...в Петербурге (и вообще в России) несравненно более, чем где бы то ни было, купцов-капиталистов, возникающих нежданно-негаданно из людей беднейшего и, большею частию, низкого класса.

Как это делается, объяснять не будем, но только такие явления у нас очень нередки. Без сведений, без образованности, часто даже без познания начальной грамоты и счисления, приходит иной русский мужичок, в лаптях, с котомкою за плечьми, заключающею в себе несколько рубах да три медные гривны, оставшиеся от дорожных расходов, — в „Питер“ попытать счастья. В течение многих лет исправляет он самые тяжелые, черные работы, бегает на посылках у первого встречного, за все берется, везде услуживает, замечает, соображает, *смекает*, и — глядишь — через двадцать-тридцать лет делается первостатейным купцом, заводит фабрики, ворочает мильонами, поит и кормит тех, перед которыми во время оно сжимался в ничто, и запанибрата рассуждает с ними о том, как двадцать лет назад босиком бегал по морозцу и ел черствый сухарь... Конечно, такие явления бывают и в других землях, но в России они возможнее, потому и повторяются, как мы уже сказали, довольно часто. „Почему возможнее?“ — спросите вы?» — и далее уже текст Некрасова сменяет цитата из Башуцкого о «чрезвычайных способностях» русских (наст. кн., с. 123—124).

Этот некрасовский фрагмент нагляднее всего демонстрирует взгляд писателя на смысл процесса европеизации России: новые формы общественного быта позволяют в условиях раскрепощения предпринимательской инициативы наиболее полно проявиться природным способностям и дарованиям русского человека. Цивилизация видится Некрасову состоянием общества не только не противостоящим национальным началам, как это получается у Белинского, но укрепляющим их до эгоизма — отсюда пристальный интерес к наиболее завершенному ее произведению — петербургскому немцу. Сам же народ, у Белинского выступающий в «цивилизованном» обществе в виде объекта просветительских усилий образованной его верхушки, у Не-

красова предстает как самостоятельная творческая сила, единственно способная внести разумный жизненный порядок в хаос созидающегося нового строя общественных отношений.

Но облик молодого русского капитализма уже в 1844 г. для Некрасова далеко не однозначен: среди «веселых и грустных особенностей» петербургской жизни, «которые так и просятся на бумагу», в конце очерка не случайно появляются рядом фигуры торговца деньгами — петербургского ростовщика (которому «не годится ⟨...⟩ в ученики ростовщик московский») и петербургских торговцев просвещением — книгопродавца и сочинителя; не случайно так подробна выписка из книги Башуцкого о нищем быте петербургского простонародья; не случайна и сама ирония Некрасова над цивилизаторским оптимизмом автора «Панорамы Санкт-Петербурга», в своем искреннем стремлении к сглаживанию социальных противоречий готового даже наивно любоваться пьяным петербургским простолюдином. Образ Петербурга из очерка «Черты из характеристики петербургского народонаселения» вполне созвучен «городу великолепному и обширному» — нищему и роскошному Петербургу социальных контрастов из неоконченного романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

⟨Статья первая⟩

С. 116. *Нравы столицы нашей...* — Здесь и далее Некрасов цитирует и пересказывает, часто близко к тексту, отдельные страницы книги А. П. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» (СПб., 1834, чч. I—III). Некрасовым используются: ч. II, с. 180—181; ч. III, с. 10, 12—13, 15, 27—28, 29, 40—43, 44, 52.

С. 116—117. *...многие иностранные описатели Петербурга, изучившие его в течение десятидневного пребывания, называют Петербург городом совершенно нерусским...* — Намек на высказывания о Петербурге в книге Кюстина «Россия в 1839». В состоящих из 36 писем путевых заметках Кюстина описания русской столицы содержатся в 8, 9, 14, 24 и некоторых других письмах; так, например, в письме 8 Петербург охарактеризован как дурная копия других столиц цивилизованных стран (La Russie en 1839 par le marquis de Custine, t. I. Paris, 1843, p. 223—243).

С. 118. *...г н Каратыгин написал очень верный и забавный очерк этого любопытного типа...* — Имеется в виду водевиль П. А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1843). Рецензию Некрасова на него см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 174.

С. 120. *Гезель* (Geselle, *нем.*) — подмастерье.

С. 122. *...ранехонько//Пробудишься, зевнешь ∾ Пред старшими мудрить!* — Цитата из стихотворного фельетона Некрасова «Говорун» (наст. изд., т. 1, с. 396—397).

Статья вторая и последняя

С. 123. *...собственно русское купечество находится в Петербурге как бы в тени, и представителем петербургского купечества скорее может быть назван купец иностранный...* — К этой мысли Некрасов вернется впоследствии в сатире «Балет» (1866) (наст. изд., т. II, с. 235).

С. 124. *...приходит иной русский мужичок, в лаптях, с котомкою за плечьми, заключающею в себе несколько рубах да три медные*

гривны ∾ в «Питер» попытать счастья ∾ через двадцать-тридцать лет делается первостатейным купцом ∾ ворочает мильонами... — Этот сюжет Некрасов впоследствии иначе разработает в стихотворении «Секрет» (1855) (наст. изд., т. 1, с. 159—161).

С. 125. *Некто заметил, что в Петербурге «много народа и нет народа».* — Некрасов цитирует слова Башуцкого (ч. III, с. 15).

С. 127. *Затем автор приводит еще слова Владимира ∾ о необходимости вина для русских сердец...* — Имеется в виду следующий отрывок из книги Башуцкого: «Вино, — говорил Владимир послам камских болгар, предлагавших ему принять с народом своим веру Магомета, — вино есть веселие для русских, не может быть без него» (ч. II, с. 28). Башуцкий неточно цитирует (без ссылки на источник) ответ-отговорку крестителя Руси князя Владимира мусульманским проповедникам из «Слова об испытании вер» «Повести временных лет» (ср.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI—начала XII века. М., 1978, с. 99).

С. 127. *...бедняка, получающего семьсот рублей жалованья...* — Жалование указывается в годовом исчислении.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

⟨24 августа 1844⟩

(С. 129)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 24 авг., № 33, с. 563—564, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову этого фельетона установлена Д. С. Лихачевым (см.: Собр. соч. 1930, т. III, с. 372). В ПСС ошибочно был включен в состав цикла «Петербургские дачи и окрестности».

С. 129. *В теплый край, за сине море...* — Строка из поэмы Пушкина «Цыганы» (1824).

С. 130. *...по целым часам застаиваться перед «Последним днем Помпеи» Брюллова?* — Эта картина, завершенная К. П. Брюлловым в 1833 г., была выставлена в Академии художеств.

С. 130. *...благодаря предприимчивости г. Гойе-Дефонтена...* — См. наст. кн., с. 112—113, 407.

С. 130. *...шумные споры, с беспрестанно повторяющимися на разные тоны именами ∾ Тамбурини, Виардо-Гарсия...* — Антонио Тамбурини (1800—1876) — итальянский драматический баритон, гастролировал в Петербурге с 1843 г.; Полина Виардо (урожд. Гарсиа) (1821—1910) — французская певица меццо-сопрано, выступала в Петербургской Итальянской опере с 1843 г.

С. 130. *...и запоем мы все арии из «Лучии», «Сонnámбулы» и «Пирата»...* — Опера Г. Доницетти «Лючия ди Ламермур» (1835), оперы В. Беллини «Сомнамбула» (1831) и «Пират» (1827) с 1843 г. в

течение нескольких лет исполнялись итальянской оперной труппой в Петербурге.

С. 130. *В скором времени, как слышно, прибудет сюда известный и любимый московский комик г-н Щепкин.* — М. С. Щепкин выступал в Петербурге с огромным успехом с середины сентября до ноября 1844 г. в ряде спектаклей, в частности и в упомянутых Некрасовым пьесах Гоголя: в «Женитьбе» он играл Кочкарева, в «Игроках» — Утешительного.

С. 130. *На Александрынском театре дают теперь недавно поставленную на сцене драму «Наследство», переделанную с французского г-ном Григоровичем.* — Эта драма была поставлена в сезон 1844—1845 гг. (ср. рецензию Некрасова на нее: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 334—340). Ее французский оригинал — пьеса Фредерика Сулье «Элали Понтуа» — шла в Петербурге в исполнении французской драматической труппы с 1843 г.

С. 130. *...новая оригинальная драма под названием «Эспаньолетто».* — «Эспаньолетто» — драма К. Д. Ефимовича (выступившего под псевдонимом И. Ралянч). Ошибочное предположение, что драма эта принадлежит Н. А. Полевому, Некрасов повторил и в рецензии на нее (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 331—334, 464—465).

С. 131. *Так в одном ∾ из новых опытов моих ∾ «Ода премудрой царевне Фелице» ∾ в другом, «Елене Глинской» ∾ в третьем, «Стрешневе»...* — Имеются в виду пьесы Полевого «Ода премудрой царевне киргиз-кайсацкой Фелице» (1839), «Елена Глинская» (1842), «Лукьян Степанович Стрешнев» (1839).

С. 131. *Говорят, г-н Полевой написал драму из «Павла и Виргинии»...* — «Павел и Виргиния» (1844) — драма Н. А. Полевого, по роману Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814) «Поль и Виргиния» (1787; рус. пер.: 1793).

С. 131. *...граф Соллогуб окончил большое сочинение под названием «Тарантас», отрывок из которого был когда-то напечатан в «Отечественных записках»...* — Имеется в виду издание: Тарантас. Путевые впечатления. Соч. графа В. А. Соллогуба. СПб., 1845; частично опубликован был в № 10 «Отечественных записок» за 1840 г. Ср. «Литературные новости» (с. 144). См. также наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 195—205.

С. 131. *...в фельетоне, подписанном г. Межевичем...* — Фельетон этот назывался «Журнальная всякая всячина» (с. 731).

С. 132. *В № 19 «Литературной газеты» (на стр. 338) напечатано письмо...* — Речь идет о фельетоне «Хроника петербургского жителя. Статья пятая» (см. наст. кн., с. 72—73).

С. 132. *... статьи, напечатанной в №№ 29-м и 30-м «Литературной газеты»...* — В названных номерах «Литературной газеты» была перепечатана статья А. Немчинова «Нечто о чае» (см. о ней с. 396).

С. 132. *...«Закрываем Литературную газету, с ее Записками для хозяев: больше прибавлять нечего!»* — Воспользовавшись вынужденной перепечаткой в «Литературной газете» статьи Немчинова, Межевич попытался использовать этот факт против ее приложения «Записки для хозяев» — постоянного объекта критики «Северной пчелы» (ср. с. 73 и примеч. к ней).

С. 132. *...ставит г-на Бенедиктова выше Пушкина...* — Ср. с. 60, 395.

НЕЧТО О ДУПЕЛЯХ, О ДОКТОРЕ ПУФЕ И О ПСОВОЙ ОХОТЕ

(С. 133)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 31 авг., № 34, с. 577—579, без подписи.

На принадлежность этого фельетона Некрасову указал К. И. Чуковский (ПССт 1927, с. 418, 516). В фельетон с некоторыми изменениями вошли куплеты из водевиля Некрасова «Петербургский ростовщик», в ту пору еще не опубликованного и не поставленного на сцене (ценз. разр. к постановке — 7 дек. 1844 г., премьера в Александринском театре — 1 июня 1845 г.), — ср. в фельетоне куплеты «Я люблю простор и барство...» с куплетами «Уж как я, такого парня...» в водевиле (наст. изд., т. VI, с. 155—156). Отдельные мотивы настоящего фельетона использованы Некрасовым в стихотворении 1846 г. «Псовая охота» (см. наст. изд., т. I, с. 47—54).

В собрание сочинений впервые влючено: куплеты — ПССт 1927, с. 418; полностью — *Некрасов Н. А.* Соч. Ред. К. Чуковского. Л., 1937, с. 462—465.

Автограф не найден.

С. 133. *У всякого своя охота ∾ Кто занимается вином...* — Цитируются отдельные строки из впервые опубликованной в 1828 г. и впоследствии исключенной Пушкиным из основного текста строфы XXXVI гл. IV «Евгения Онегина» (была приведена среди редакторских примечаний в изд.: Сочинения Александра Пушкина, т. I. СПб., 1937, с. 252); у Пушкина:

У всякого своя охота,
Своя любимая забота —
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами как я,
Кто бьет хлопушкой мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином —
И благо смешано со злом.

С. 134. *...приемлю смелость обратиться к доктору Пуфу...* — В ответ на это обращение доктор Пуф (В. Ф. Одоевский) написал статью «О бекасах вообще и о дупельшнепах в особенности», которая появилась в приложении «Записки для хозяев» к следующему номеру «Литературной газеты» (1844, № 35).

С. 135. *...кучею доезжачих ∾ дружный лай тявкуш...* — См. примечания Некрасова к стихотворению «Псовая охота» (наст. изд., т. I, с. 53—54).

С. 136. *Отава* — трава, выросшая на месте покоса.

С. 137. *поэзии ∾ которою веет на нас «лукавый Запад...»* — Пародийное выражение, употреблявшееся в 1840-х годах в кружке Белинского, иронически воспроизводящее негативное отношение к западноевропейской цивилизации у сторонников официальной народности и в славянофильской среде. Ср., напр., следующий отрывок из письма Белинского к Н. Х. Кетчеру от 3 августа 1841 г.: «Лермонтов

убит наповал — на дуэли. Оно и хорошо: был человек беспокойный и писал хоть хорошо, но безнравственно, — что ясно доказано Шевыревым и Бурачком. ⟨...⟩ Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от гибельного влияния лукавого Запада — делается до того православною, что пахнет мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних доносов, до того народною, что не выражается иначе, как по-матерну ⟨...⟩ Носятся слухи, что Погодин (вместе с Бурачком, Ф. Н. Глинкою, Шевыревым и Загоскиным) будет произведен в святители российских стран...» (Белинский, т. XII, с. 61). Это же выражение дважды встречается в статье Белинского «Петербург и Москва» при сравнении московского и петербургского простонародья: «Низший слой народонаселения, собственно простой народ, везде одинаков. Впрочем, петербургский простой народ несколько разнится от московского: ⟨...⟩ подгородные крестьянки Петербурга забыли уже национальную русскую пляску для французской кадрили, которую танцуют под звуки гармоники, ими самими извлекаемые: влияние лукавого Запада, рассчитанное следствие его адских козней! ⟨...⟩ То же должно сказать и о мужчинах: к такому сословию принадлежит иной служитель или мастеровой, это можно узнать только по его манерам, но не всегда по его платью. Это опять влияние того же лукавого Запада!» (Там же, т. VIII, с. 406). Ср. также: Белинский, т. VIII, с. 320. Возможный источник этого выражения у Белинского — характерное сравнение Запада с Мефистофелем в статье С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы»: «И теперь, когда Запад, как Мефистофель в заключении Гетева „Фауста", готовясь открыть ту огненную бездну, куда он стремится, является к нам и гремит своим ужасным „Komm! Komm!" — не пойдет за ним Россия — никакого обета она не дала ему, никаким договором не связала бытия своего с его бытием...». «Да, вся литературная Россия, — писал далее Шевырев, — разыгрывает теперь Геркулеса, стоящего на распутии. Запад коварно манит ее за собою, но, конечно, суждена ей провидением иная дорога» (М, 1841, № 1, с. 288, 289). См. также рецензию Шевырева на роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где вновь говорится о тлетворном влиянии Мефистофеля-Запада на русскую литературу. По мнению критика, Печорин — «ложное отражение Запада» в сознании автора «Героя нашего времени» (М, 1841, № 2, с. 537).

С. 137. *Я — обширнейшего царства // Полновластный государь...* — В «Литературной газете» эти строки были из-за цензуры заменены точками. Восстановлены К. И. Чуковским «по новонайденной копии с собственноручными поправками поэта» (ПССт 1931, с. 607). Где в настоящее время находится эта копия, неизвестно.

С. 138. *Кубарь* — детская игрушка наподобие волчка.

С. 138. *Только б Сокол или Змейка...* — Эти же собачьи клички упоминаются и в стихотворении Некрасова «Псовая охота».

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

⟨7 сентября 1844⟩

(С. 139)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 7 сент., № 35, с. 595—597.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Принадлежность этого фельетона Некрасову указана Д. С. Лихачевым: Собр. соч. 1930, т. 3, с. 372. Вместе с фельетонами той же рубрики из № 41—44 «Литературной газеты» 1844 г., также атрибутированными Д. С. Лихачевым Некрасову (там же, с. 372), этот фельетон не был включен в двенадцатитомное «Полное собрание сочинений» Некрасова ввиду «неясности» аргументации Д. С. Лихачева (ПСС, т. V, с. 641). Однако в преамбуле к комментарию цикла «Петербургские дачи и окрестности» Б. Я. Бухштаб, редактор пятого тома этого издания, оговорил неокончательность своих выводов относительно рубрики «Петербургская хроника» в «Литературной газете» 1844 г.: «Возможно, что весь этот отдел составлен Некрасовым, но доказательства такого предположения мы не имеем...» (там же, с. 624).

Принадлежность этого фельетона Некрасову подтверждается связью с предшествующими и последующими фельетонами этой рубрики, принадлежащими Некрасову.

«Мы уже извещали, что сюда ждут знаменитого московского комика г. Щепкина, — пишет автор комментируемого фельетона, — на днях он будет здесь». Эта автоотсылка относится к некрасовской «Петербургской хронике» из № 33 газеты, где в качестве «приятной новости» для любителей русского театра сообщалось: «В скором времени, как слышно, прибудет сюда известный и любимый московский комик г-н Щепкин» (с. 130).

Размышляя о предстоящих бенефисах актеров Александринского театра и их репертуаре, автор комментируемого фельетона замечает: «А что касается до нас, то мы откровенно скажем, что такой водевиль, как «Булочная», по нашему мнению, стоит десятка так называемых драматических представлений вроде «Эспаньолетто» и других, на которые вы тщетно истощаете усилия, талант и опытность» (с. 141). Оценка обоих названных водевилей — «Булочная» П. А. Каратыгина и «Эспаньолетто» К. Д. Ефимовича вполне совпадает с оценками, данными в «Литературной газете» самим Некрасовым в его рецензиях на отдельные издания этих произведений. «„Булочная“ решительно лучший русский водевиль из всех, какие мы знаем, — писал он. — За каждый такой водевиль можно бы отдать целую дюжину пятиактных „драматических представлений“ наших известных драматургов, и русская сцена была бы еще в выигрыше!» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 174. Ср.: наст. кн., с. 118). Об «Эспаньолетто» Некрасов писал в предыдущем, 34-м, номере газеты, называя эту драму «препошлой», «вздорной» и «нелепой» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 334).

Особое значение для атрибуции комментируемого фельетона имеет фрагмент, заключающий в себе информацию о деятельности книгопродавца А. И. Иванова: «...подарив недавно публике изящно изданные им „Сочинения кн. В. Ф. Одоевского“, он уже заботится о трех новых истинно великолепных изданиях, долженствующих явиться в свет в последних месяцах нынешнего года... Но об этих изданиях поговорим подробнее в следующем фельетоне...» (с. 143). В следующем, 36-м, номере газеты действительно появилась заметка «Литературные новости», информирующая о готовящихся Ивановым роскошных изданиях «Тарантаса» В. А. Соллогуба, «Очерков Южной Франции» М. С. Жуковой и некрасовской «Физиологии Петербурга». Принадлежность этой заметки Некрасову (она помещена в нашем издании вслед за комментируемым фельетоном) не вызывает сомнения. Она

начинается фразой: «Мы обещали поговорить о литературных новостях, приготовляемых книгопродавцом А. И. Ивановым и долженствующих явиться в свет в конце нынешнего года» (с. 144).

К упоминаемым в комментируемой «Петербургской хронике» гастролям Щепкина и бенефисам Куликова и Григорьева фельетонист возвращается в «Смеси» «Литературной газеты» № 40 от 12 октября 1844 г. с трижды повторяемой оговоркой-отсылкой «Как мы уже говорили» (с. 155—156, 158).

К готовящимся новым изданиям, в том числе «Тарантаса», «Очерков Южной Франции» и «Физиологии Петербурга», и бенефису Куликова «Петербургская хроника» «Литературной газеты» возвращается в номерах 41 и 44 от 19 октября и 9 ноября 1844 г., а к детскому театру Родольфа, которому посвящена главка в «Смеси» от 12 октября, в № 43 от 2 ноября — также с отсылкой «мы уже говорили» на предыдущие фельетоны (см. с. 159—160, 170—172).

В «Петербургской хронике» № 42 «Литературной газеты» от 26 октября 1844 г., составленной в основном из объявлений о готовящемся издании «Карманного словаря» Н. С. Кириллова и о первом томе объявленного в «Петербургской хронике» № 30 «Литературной газеты» 1844 г. (наст. кн., с. 114—116) нового журнала «Финский вестник», автор слегка касается нескольких явлений культурной жизни, «о которых, — как он пишет, — уже говорили» (с. 166): гастроли Щепкина и бенефис Каратыгина-второго.

Таким образом, указание Д. С. Лихачева на принадлежность фельетонов из № 35, 41—44 «Литературной газеты» 1844 г. Некрасову обосновано.

С. 139. *Ничто ∾ не ново под луною...* — Цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранные из Екклезиаста» (1797). Ср. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 291.

С. 139. *Толченов* — П. И. Толченов (1787—1862), актер Александринского театра.

С. 139. *...когда-то г. Полевой попытался поправить «Гамлета»...* — Имеется в виду вольный перевод трагедии В. Шекспира «Гамлет», Н. А. Полевого, поставленный на русской сцене и изданный отдельной книгой в 1837 г. Пьеса была существенно сокращена переводчиком, а ее персонажи и сам принц Гамлет трансформированы в героев, созвучных, по замыслу Полевого, XIX столетию. (См.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 268—283).

С. 139. *...перевод «Отелло», игранный уже когда-то с успехом на сцене...* — Имеется в виду, очевидно, прозаический перевод И. И. Панаева (1836), имевший сценический успех.

С. 139. *В следующем нумере мы представим отчет о бенефисе г. Толченова...* — Этот отчет в «Литературной газете» не появился.

С. 139. *Клуб Соединенного общества.* — См. примеч. к с. 16.

С. 140. *...последует бенефис г-жи Сосницкой...* — О бенефисе Е. Я. Сосницкой «Литературная газета» отчета не представляла.

С. 140. *«Чума в Милане»* — «Чума, или Гвельфы и гибеллины. Исторические сцены в 3-х картинах» В. Р. Зотова (1844). Под загл. «Чума в Милане» опубликовано: РиП, 1844, № 12.

С. 140. *...бенефисы г⟨оспод⟩ Самойлова, Каратыгина 2-го, Григорьева 1-го, г. Куликова...* — О бенефисах В. В. Самойлова и Н. И. Куликова см. также на с. 156; о бенефисе П. И. Каратыгина см. с. 167—168, 173—174; о бенефисе П. И. Григорьева см. с. 158, 174.

С. 141. *...в Павловском воксале был ∾ музыкальный праздник...* — О культурной жизни пригорода Петербурга, в том числе о концертах в помещении Павловского вокзала, см.: *Розанов А. С.* Музыкальный Павловск. Л., 1978.

С. 141. *...виолончелист Серве...* — А.-Ф. Серве (1807—1866), бельгийский виолончелист.

С. 141. *...обширная, чрезвычайно красивая площадь...* — Исаакиевская площадь.

С. 142. *Единственная новость, которую мы уже и представили на суд ваш в «Новых книгах», — сочинение Б. М. Федорова о С. Н. Глинке.* — Имеется в виду анонимная рецензия на книгу Б. Федорова «Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки» (СПб., 1844). Ср. наст. кн., с. 196, 438.

С. 143. *...подарив недавно публике изящно изданные им «Сочинения князя В. Ф. Одоевского», он уже заботится о трех новых ∾ изданиях ∾ Но об этих изданиях поговорим подробнее в следующем фельетоне...* — О «Сочинениях кн. В. Ф. Одоевского» см. на с. 113—114. О «новых изданиях» А. И. Иванова см. «Литературные новости» (с. 144—146).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ

(С. 144)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 14 сент., № 36, с. 612—613, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. XII.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову установлена М. М. Гином (ПСС, т. XII, с. 441—442) по связи с фельетонами Некрасова в «Литературной газете» (1844, № 33, 35) и по другим признакам. Автор фельетона основное внимание уделяет «Физиологии Петербурга» Некрасова. Причем он не только в курсе дел, касающихся этого издания, но и излагает некоторые мысли неизвестного еще читателю первого программного документа «натуральной школы» — «Вступления» к «Физиологии Петербурга» Белинского (чем определяется и значение комментируемого фельетона). Работая над фельетоном, автор его, по-видимому, уже был знаком со статьей Белинского.

Учитывая эти соображения, естественно предположить, что автором фельетона был либо сам Белинский, либо редактор «Физиологии Петербурга» Некрасов. Но приписывать данный фельетон Белинскому нет оснований, ибо, во-первых, Белинский не писал фельетонов в «Литературной газете» в 1844 г. и, во-вторых, литературные особенности рассматриваемого фельетона ничего характерного для Белинского не представляют. В пользу авторства Некрасова свидетельствует также характер отзывов о книгопродавце А. И. Иванове, с которым Некрасов был связан тесными деловыми отношениями.

С. 144. *Мы обещали поговорить о литературных новостях, приготовляемых книгопродавцем А. И. Ивановым...* — Имеется в виду фельетон Некрасова «Петербургская хроника» в «Литературной газете» от 7 сентября, № 35 (см. с. 143).

С. 144. ...*«Тарантас», сочинение графа В. А. Соллогуба.* — См. рецензию Некрасова на эту повесть — наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 195—205.

С. 144. ... *политипажами, резанными на дереве бароном Клодтом, Неттельгорстом и Бернардским.* — См. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 427.

С. 144. *Другое издание ∾ «Очерки Южной Франции», сочинение М. С. Жуковой.* — М. С. Жукова (1804—1855) — сотрудница «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» и «Литературной газеты». Кроме «Очерков Южной Франции» были изданы ее «Вечера на Карповке» (СПб., 1837—1838) и «Повести» (СПб., 1840—1841). См. о ней заметку П. Еремеева в «Литературной России» (1978, 22 дек., № 51, с. 24). Ср. наст. кн., с. 173.

С. 145. *Нас вообще не совсем безосновательно упрекают в холодности ко всему нашему, русскому, домашнему, как бы оно замечательно и колоссально ни было.* — Ср. во «Вступлении» В. Г. Белинского к части первой «Физиологии Петербурга»: «Русскую литературу часто упрекают за равнодушие к предметам отечественным. Это обвинение и справедливо и несправедливо» (Белинский, т. VIII, с. 375). См. также перекличку некоторых мотивов данного фельетона с текстом приписывавшегося Белинскому и Некрасову двухчастного фельетона в «Русском инвалиде» от 30 июля и 13 августа 1844 года (Белинский, т. XIII, с. 205—212).

С. 145—146. *Самая жизнь парижская ∾ составляет для парижан предмет наблюдений неистощимый. Сколько ежегодно является различных физиологий!* — Среди известных парижских изданий выделяются многотомные физиологии «Париж, или Книга ста одного» (1831—1834, в 15 т.), «Новая картина Парижа» (1834—1835, в 7 т.), «Французы в их собственном изображении» (1840—1842, в 8 т.). Подробнее о французской физиологической традиции см.: *Якимович Т. К.* Французский реалистический очерк 1830—1848 гг. М., 1963; *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе. Русский физиологический очерк. М., 1965, с. 31—89.

С. 146. *В ней не найдете вы описания улиц, театров, гульбищ петербургских, но найдете характеристику всего этого более или менее верную ∾ Конечно, никто не будет спорить, что цель книги очень полезна...* — Ср. во «Вступлении» В. Г. Белинского к части первой «Физиологии Петербурга»: «Содержание нашей книги, напротив, не описание Петербурга в каком бы то ни было отношении, но его характеристика преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения»; «... благосклонному вниманию публики предлагается в этой книге опыт характеристики Петербурга, несколько очерков его внутренних особенностей. Предмет занимателен и важен»... (Белинский, т. VIII, с. 383).

С. 146. *Найдете взгляд на Петербург сравнительно с Москвою...* — Очерк В. Г. Белинского «Петербург и Москва», напечатанный в первой части «Физиологии Петербурга» (см.: Белинский, т. VIII, с. 385—413).

С. 146. *...встретите черты из жизни разнородных классов петербургского народонаселения...* — Альманах посвящен изображению жизни «низших» слоев населения (см. «Петербургские углы» Некрасова, «Дворник» Даля, «Петербургские шарманщики» Григоровича, «Петербургская сторона» Гребенки).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

⟨17 сентября 1844⟩

(С. 147)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: РИ, 1844, 17 сент., № 208, с. 829—830.
В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. 12, с. 222—228.

Авторство установлено А. М. Гаркави на основании тематических перекличек с сатирой Некрасова «Псовая охота» и примечаний к ней, с некрасовским фельетоном «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте» (ср. с. 133—138), с рецензией Некрасова на «Тарантас» Соллогуба (ср. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 195—205), со 2-й главой 3-й части романа «Три страны света» (ср. наст. изд., т. IX, кн. 1, с. 222—223) (ПСС, т. 12, с. 442—443). В дополнение к указанным А. М. Гаркави перекличкам отметим также композиционную параллель: как в начале фельетона «Нечто о дупелях...», так и в начале комментируемого текста даются отсылки к нарочито «прозаизированным» стихам Пушкина. Иронические выпады против «творений Кузмичева» и автора повести «Муж под башмаком» (П. Машкова), которыми заканчивается фельетон «Русского инвалида», не противоречат оценкам произведений этих авторов в рецензиях Некрасова того времени (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 13, 85—87, 365, 390).

С. 147. *...кольми паче...* — тем более, особенно (*устар.*).

С. 147. *В последних числах сентября...* — цитата из стихотворной повести А. С. Пушкина «Граф Нулин» (1825).

С. 148. *...необходимо прибегнуть к сострадательной помощи дяди Митяя с товарищами...* — Дядя Митяй — персонаж из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (см. сцену понукания лошадей в V главе поэмы — Гоголь, т. VI, с. 91—92).

С. 148—149. *...ломота во всех членах, как будто* ∾ *исполнял должность петербургского водоноса...* — Возможно, намек на творческую историю рассказа А. П. Башуцкого «Водовоз». В конце 1841 г. в первых четырех выпусках редактируемого Башуцким иллюстрированного издания «Наши, списанные с натуры русскими» был опубликован его рассказ, посвященный изображению изнурительного труда петербургских водовозов. Книгоиздательское предприятие Башуцкого и его «Водовоз» были крайне враждебно встречены Булгариным, опасавшимся конкуренции своему изданию «Картинки русских нравов». В 1842 г. в № 11 «Северной пчелы» Булгарин опубликовал рассказ «Водонос», квалифицированный Белинским как «донос» на Башуцкого (Белинский, т. XII, с. 103). Более подробно историю этих публикаций см.: Белинский, т. V, с. 846—848; уточнения: *Охотин Н. Г.* А. П. Башуцкий и его книга — «Наши, списанные с натуры русскими», приложение к факсимильному изданию. М., 1986, с. 25—27, 45. Ср. наст. кн., с. 49.

С. 149. *...«где ни одно желание не перелетает за частокол* ∾ *в блестящем сверкающем сновидении».* — Некрасов цитирует повесть Гоголя «Старосветские помещики» (1835) с разночтением: «пошатнувшийся в сторону» вместо «пошатнувшийся на сторону» (Гоголь, т. II, с. 13).

С. 151. *...зверь ∽ начал отседать...* — Ср. у Даля: «отседает заяц, нагнанный борзыми, сделав прыжок в сторону или вверх, чем их обманывает» (Даль, т. II, с. 748).

С. 152. *...бьет зайцев на «узорку».* — Даль дает другую фонетическую форму этого охотничьего термина — «узерка» (от узреванье, узренье) — «стрельба зайцев по черностопу, отыскивая их глазами на логве, что делается поздней осенью, но еще до снегу» (т. IV, с. 492).

С. 153. *...весть о приезде ∽ г-жи Кастеллан...* — Анаис Кастеллан — сопрано итальянской оперной труппы в Петербурге 1843—1845 гг.

С. 153. *...творений Кузмичева или автора повести «Муж под башмаком»...* — О Кузмичеве см. ниже; автор повести «Муж под башмаком» — П. Машков, о нем см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 85, 390.

О ЛЕКЦИЯХ ДОКТОРА ПУФА ВООБЩЕ И ОБ АРТИШОКАХ В ОСОБЕННОСТИ

(С. 153)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 28 сент., № 38, с. 646, с подписью: «Афанасий Похоменко».

Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским (ПССт 1927, с. 446, 557). Комментируемый фельетон тесно связан с фельетонами «Письмо***ского помещика...», «Петербургские дачи и окрестности», «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте».

В собрание сочинений впервые включено: стихотворная вставка («Артишоки, вот харч благословенный...») — ПССт 1927, с. 416; полностью — ПСС, т. V, с. 493—495.

Автограф не найден.

С. 153. *О лекциях доктора Пуфа вообще и об артишоках в особенности.* — Названием комментируемого фельетона Некрасов пародирует заглавие статьи В. Ф. Одоевского «О бекасах вообще и о дупельшнепах в особенности», напечатанной в № 35 «Литературной газеты» за 1844 г. *Артишоки* (*арабск.* ardi-schauki) — земляной терн, многолетнее травянистое растение, употребляемое в пищу.

С. 154. *...если бы Попе жил в наше время, то он не написал бы ни за что своей поэмы о человеке...* — Александр Поп (1688—1744) — английский поэт-классицист, автор поэмы «Опыт о человеке» (1733).

С. 154. *Артишоки, вот харч благословенный...* — Пародия Некрасова на вирши «Картофель, харч благословенный...», помещенные в «Воскресных посиделках» В. П. Бурнашева (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 169).

С. 154. *...нашел в книжках ∽ Ф. Кузмичева...* — Ф. С. Кузмичев (1809—1860) — автор нескольких лубочных книжек, вышедших в 1830-х годах и высмеянных Белинским.

СМЕСЬ

〈12 октября 1844〉

(С. 155)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликованно: ЛГ, 1844, 12 окт., № 40, с. 674—676.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

О принадлежности Некрасову см. на с. 417—418.

С. 155. *...о спектаклях Итальянской оперы мы предположили говорить в особом отделении нашей газеты...* — В последующих номерах «Литературной газеты» (№ 41—43, 47, 49) эти обзоры печатались под рубрикой «Итальянская опера в Петербурге».

С. 155—156. *В Александрынском театре, как мы уже говорили, в нынешнюю осень также заметно присутствие жизни, по случаю участия в спектаклях его московского артиста Щепкина и беспрестанных бенефисов...* — Ср. с. 139—141.

С. 156. *...Третьего дня, во вторник, был бенефис г. Самойлова... — Ср. с. 140.*

С. 156. *...на следующей неделе будет бенефис г-на Куликова, — бенефис, от которого ожидают многого.* — Ср. с. 140.

С. 156. *Мы уже говорили, что бенефис господина Куликова доныне бывал всегда из самых блестящих бенефисов в году...* — Ср. с. 140.

С. 156. *«Чума в Милане».* — Ср. с. 140.

С. 156. *«Новорожденный», небольшая комедия, или сцены, взятые из «Москвы и москвичей» Загоскина...* — О постановке комедии М. Н. Загоскина «Новорожденный» (1844), взявшего сюжет из своей книги «Москва и москвичи», В. Г. Белинский писал: «В первый раз эта пьеса пала; но в последующие разы принималась все лучше и лучше. Это не мудрено: вкус бенефисной публики таков, что надобно судить о пьесах не по тому, как их принимают» (Белинский, т. VIII, с. 372).

С. 156. *В этом согласится всякий, кто видел на сцене комедии его — «Богатонов», «Благородный театр», «Добрый малый» и помнит, как принимала их публика.* — Имеются в виду комедии М. Н. Загоскина «Богатонов, или Провинциал в столице» (1820), «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1821), «Благородный театр» (1828), «Добрый малый» (1817).

С. 156. *В «Новорожденном» главную роль взял на себя М. С. Щепкин...* — «Роль Ползкова, — писал В. Г. Белинский в цитированной выше рецензии на эту комедию, — дурно обделанная, тем не менее по своей мысли такова, что не может не быть интересною на сцене: в ее мысли много правды, которую Щепкин своею игрою сумел сделать ощутительною» (Белинский, т. VIII, с. 372).

С. 156. *«Магометов рай»...* — Имеется в виду анонимная комедия-водевиль в одном действии (переделка с французского) «Рай Магомета, или Преобразование гарема». В. Г. Белинский писал об этой комедии: «Если б она была переведена, а не переделана, может быть, в ней было бы сколько-нибудь смысла, но как она переделана, а не переведена, — в ней нет ни признака смысла: всё пошло, скучно, безвкусно; зато она произвела восторг при первом представлении» (Белинский, т. VIII, с. 372).

С. 156. *Самойлова 1-я* — Н. В. Самойлова.

С. 156. *Левкеева (восп⟨итанница⟩)* — Е. М. Левкеева.

С. 156. *«Несколько лет вперед, или Железная дорога между Петербургом и Москвою», водевиль в трех действиях.* — Оригинальный водевиль Н. И. Куликова.

С. 158. *Седьмого ноября будет бенефис г-на Григорьева 1-го, где, между прочим, будет представлен оригинальный водевиль «Герои*

преферанса, или Душа общества», о чем мы уже говорили. — Ср. с. 140. Этот водевиль П. И. Григорьева был высмеян В. Г. Белинским, хотя, по его же свидетельству, на сцене Александринского театра «получил необыкновенный успех» (Белинский, т. VIII, с. 427—428).

С. 159. *Престижитатёр* — (престидижитатор) — фокусник, проделывающий номера, основанные на быстроте движений и ловкости рук.

С. 159. *Детский театр.* — См. о нем на с. 17—18.

С. 160. *«Архангельский историческо-литературный сборник»* — Изд. Флегонта Вальнева. СПб., 1844. Ироническая рецензия на эту книгу, наполненную слабыми стихами, — ЛГ, 1844, 21 сент., № 37, с. 625—628.

С. 160. *И письмо это, и приложенное при нем объявление спешим представить читателям...* — «Письмо из Калуги», — разумеется, очередная мистификация Некрасова — фельетониста «Литературной газеты». Книга А. П. Славина (псевд. А. П. Протопопова) «Жизнь Вильяма Шекспира, английского поэта и актера» была издана в Москве трижды (1840, 1841, 1844) и высмеяна Белинским (Белинский, т. IV, с. 275—279).

С. 162. *...Существует где-то известный литератор Аполлон Митьков, который прославляет г. Славина в каких-то «Ведомостях»...* — О каких «Ведомостях» идет речь, неизвестно. В «Калужских губернских ведомостях» 1844 г. этого объявления нет.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА

⟨19 октября—9 ноября 1844⟩

(С. 162)

Печатается по текстам первых публикаций.

Впервые опубликовано: ⟨1⟩ — ЛГ, 1844, 19 окт., № 41, с. 694; ⟨2⟩ — ЛГ, 26 окт., № 42, с. 711—712; ⟨3⟩ — ЛГ, 2 ноября, № 43, с. 729—730; ⟨4⟩ — ЛГ, 9 ноября, № 44, с. 746. Все публикации без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автографы не найдены.

О принадлежности Некрасову см. на с. 417—418.

⟨1⟩

С. 162. *Унануе* — второй тенор Итальянской оперы в Петербурге в сезон 1844—1845 гг.

С. 162—163. *Три зала заняты трудами гг. К. Брюллова, Басина, Рисса, Шебуева, Маркова, Алексеева, Завьялова, Плюшара, Шамшина, Никитина, Неффа, Ф. Брюллова, Майкова, Дузи и Живаго...* — Имеются в виду художники К. П. Брюллов, П. В. Басин, Ф. Н. Рисс, В. К. Шебуев, А. Г. Марков, Н. М. Алексеев, Ф. С. Завьялов, А. А. Плюшар, П. М. Шамшин, А. С. Никитин, Т. А. Нефф, Ф. П. Брюллов, Н. А. Майков, Джези, С. А. Живаго.

С. 163. *Особенное внимание знатоков привлекают шесть морских видов ∾ г. Айвазовского.* — На выставке 1844 г. И. К. Айвазовский представил следующие работы: «Утро на море», «Лунная ночь»,

«Женщина у балкона», «Пираты, готовящиеся к абордажу», «Кораблекрушение», «Ночь на море».

С. 163. *Эти картины были уже на парижской художественной выставке и там произвели необыкновенный эффект.* — В 1843 г. по приглашению французского правительства И. К. Айвазовский участвовал в художественной выставке в Лувре, где были представлены его картины: «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанского залива» и «Буря у берегов Абхазии». Совет парижской Королевской академии художеств наградил Айвазовского золотой медалью.

С. 163. *Гессе* — П. Гесс (1792—1871).

С. 163. *Коцебу* — А. Е. Коцебу (1815—1889).

С. 163. *Тыранов* — А. В. Тыранов (1808—1859).

С. 163. *...нельзя не приостановиться перед «Испанкой на балконе», сюжетом которой послужило известное стихотворение Пушкина.* — Имеется в виду, очевидно, стихотворение А. С. Пушкина «Ночной Зефир...» (1824).

С. 163. *...портреты Штейбена —...* Имеется в виду К. К. Штейбен.

С. 163. ...«Семь видов Италии и Востока» братьев Чернецовых... — Г. Н. и Н. Н. Чернецовых.

С. 163. *...мы еще поговорим подробнее об этой выставке...* — Анонимная статья «Годичная выставка в Императорской Академии художеств», напечатана в № 43 «Литературной газеты» от 2 ноября 1844 г.

С. 163. *...«Живописная Украйна» — издание, предпринятое г. Т. Шевченко...* — Первое объявление об этом издании Т. Г. Шевченко было опубликовано в № 193 «Северной пчелы» от 25 августа 1844 г. и существенно отличается от комментируемого. Сведения, данные о «Живописной Украине» в «Литературной газете», получены, очевидно, от самого Т. Г. Шевченко. Замысел не был осуществлен в связи с неудачной подпиской на издание и тяжелым материальным положением Шевченко. Подробно см.: *Прийма Ф. Я.* Шевченко в работе над «Живописной Украиной».— Зб. праць четвертої наукової шевченківської конференції. Київ, 1956, с. 270—283.

С. 164. ...носятся слухи, что один из известнейших наших писателей намерен издать великолепный альманах ∾ там будет помещено много нигде не напечатанных пьес Лермонтова в стихах и прозе. — Имеется в виду, очевидно, литературный сборник «Вчера и сегодня» (вып. 1, 2. СПб., 1845, 1846), составленный В. А. Соллогубом. В обоих выпусках этого сборника помещено большое количество не печатавшихся ранее произведений М. Ю. Лермонтова.

С. 164. *Иллюстрированные издания, предпринятые книгопродавцем Ивановым: «Очерки Южной Франции», «Тарантас», «Физиология Петербурга» — деятельно подвигаются вперед...* — См. о них на с. 144—146.

С. 164. *...к «Памятной книжке», издаваемой ежегодно Военною типографиею...* — Имеется в виду издание «Памятная книжка на 1845 год» (СПб., Военная типография, 1844).

С. 164. *Вышла недавно четвертая часть «Стихотворений Лермонтова»...* — Стихотворения М. Лермонтова. Часть IV. СПб., 1844. Рецензия на это издание: ЛГ, 1844, 9 ноября, № 44.

С. 164. *Г⟨оспода⟩ Пушкарев и Гедеонов издали первый том «Описания Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях».* — Имеется в виду т. 1, тетрадь 1 («Новгородская губерния») этого издания (СПб., 1844), подготовленного И. И. Пушкаревым и М. А. Гедеоновым.

С. 164. *Г-н Бурнашев издал новую книжку «Воскресных посиделок»...* — Имеется в виду «шестой пяток» издания, выпускавшегося В. П. Бурнашевым, «Воскресные посиделки. Книжка для доброго народа русского» (СПб., 1844). Рецензии Некрасова на 1—4 «пятки» см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 167—174 и 177—181.

С. 164. *Об этом бенефисе мы подробно говорили в прошлом нумере...* — Ср. с. 156.

⟨2⟩

С. 165. *В настоящем положении нашей образованности ∾ эти слова не всякому понятны...* — Здесь и далее цитаты из объявления, полный текст которого см.: РИ, 1844, 24 дек., № 291, с. 1164.

С. 165. *«Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка»...* — Окончательное название: «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым». Первый том — СПб., 1845, второй — СПб., 1846. Во втором томе принимал участие М. В. Буташевич-Петрашевский, использовавший это издание для популяризации идей утопического социализма. Второй том «Словаря» по выходе в свет был конфискован правительством и в 1853 г. сожжен. В процессе петрашевцев «Словарь» фигурировал в обвинительном акте.

С. 166. *...«Финского вестника», журнала, долженствующего, как известно уже читателям, с будущего года ∾ являться в публику.* — Ср. с. 114—116.

С. 167. *...о бенефисе г. Каратыгина 2-го, долженствующем быть 31 числа этого месяца...* — Ср. с. 140, 174, 427.

⟨3⟩

С. 168. *Мы скоро будем говорить об этом переводе подробно...* — В «Литературной газете» книга «Фауст, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко» (СПб., 1844) не рецензировалась.

С. 170. *В Детском театре, как мы уже говорили, ∾ Родольф пакызывает ∾ автомат Эльфодор и мемнонические головы.* — Ср. с. 159—160.

С. 171. *...мы, быть может, представим читателям Лит⟨ературной⟩ газеты политипажный снимок с некоторых портретов, сделанных автоматом.* — Этот замысел не был осуществлен. Однако в № 45 «Литературной газеты» от 16 ноября 1844 г. была помещена анонимная статья «Автомат г-на Родольфа в Петербурге», возможно, принадлежащая Некрасову, иллюстрированная политипажным рисунком, на котором изображался демонстрационный зал Родольфа.

⟨4⟩

С. 172. *Первая часть повестей гр. Соллогуба «На сон грядущий» на днях вышла вторым изданием...* — Первое издание книги В. А. Соллогуба «На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни» (СПб., 1841). В 1843 г. вышла вторая часть этого сборника. В 1843—1844 гг. Соллогуб выпустил второе издание этого двухчастного сборника.

С. 173. *Он уже выпустил на днях в свет «Очерки Южной Франции и Ниццы, из дорожных записок 1840 и 1842 годов, М. Жуковой, в 2 частях»...* — Ср. с. 144—145.

С. 173. *Мы будем говорить подробно об этих «Очерках» в следующем нумере «Лит⟨ературной⟩ газеты»...* — Анонимная рецензия на эту книгу напечатана в № 46 «Литературной газеты» от 23 ноября 1844 г.

С. 173. *Тот же книгопродавец А. Иванов объявляет подписку на два новые иллюстрированные издания его, долженствующие выйти в декабре нынешнего года. Это «Тарантас», соч⟨инение⟩ графа Соллогуба, и «Физиология Петербурга»...* — Это объявление А. И. Иванова и, очевидно, Некрасова см.: РИ, 1844, 8 ноября, № 252, с. 1008, где временем выхода некрасовской «Физиологии Петербурга» назван декабрь 1844 г. Первая часть этого альманаха поступила в книжные магазины Петербурга в конце марта 1845 г. (РИ, 1845, 28 марта, № 69, с. 276).

С. 173. *некоторые рисунки к «Тарантасу», выставленные в магазине г. Иванова...* — См. об этом наст. том, кн. 2.

С. 173. *...на ∾ сатинированной бумаге ∾ на веленевой...* — См. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 429.

С. 173. *...по отъезде Щепкина...* — М. С. Щепкин уехал в Москву 1 ноября 1844 г.

С. 174. *...бенефис г. Каратыгина 2-го...* — Ср. с. 140 и 167. Бенефис П. А. Каратыгина (31 октября 1844 г.) в Александринском театре был составлен из следующих пьес: «Импровизатор», драма Н. В. Кукольника; «Городские слухи, или Сцены современной жизни москвичей», комедия М. Н. Загоскина; «Ссора, или Два соседа», комедия А. А. Шаховского (с М. С. Щепкиным в главной роли); «Тамбур-мажор, или Свободен от постоя», водевиль П. А. Каратыгина. Отчет об этом бенефисе в № 45 «Литературной газеты» от 16 ноября 1844 г.

С. 174. *...приведем слова одной газеты...* — Далее цитируется фельетон Ф. В. Булгарина «Журнальная всякая всячина» (СП, 1844, 4 ноября, № 252, с. 1007).

С. 174. *Во вторник на нынешней неделе был бенефис г. Григорьева 1-го. Что делалось там, скажем в свое время...* — Отчет о бенефисе П. И. Григорьева в «Литературной газете» не появился.

С. 174. *Капитальная пьеса этого бенефиса, «Герои преферанса», напечатана очень красиво...* — Анонимная рецензия на эту книгу напечатана в № 45 «Литературной газеты» от 16 ноября 1844 г.

ПРЕФЕРАНС И СОЛНЦЕ

(С. 174)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 30 ноября, № 47, с. 807—808, без подписи.

Авторство Некрасова отмечено К. И. Чуковским (ПССт 1927, с. 480). Основанием атрибуции является включение стихотворения Некрасова «И скучно, и грустно, и некого в карты надуть...» (см. это стихотворение и примечание к нему: наст. изд., т. I, с. 409 и 683).

В собрание сочинений впервые включено: стихотворение «И скучно, и грустно, и некого в карты надуть...» — Ст 1920, с. 525; стихотворение «Грешник великий!» — ПССт 1931, с. 484; полностью

фельетон — *Некрасов Н. А.* Соч. Ред. К. Чуковского. Л., 1937, с. 465—468.

Автограф не найден.

С. 176. *В оный таинственный свет...* — цитата из посвящения к «Двенадцати спящим девам» В. А. Жуковского (1817); у Жуковского: «Стремленье в оный таинственный свет...».

С. 177. *...комедию сочинили.* — Имеется в виду водевиль П. И. Григорьева «Герои преферанса, или Душа общества» (1843).

С. 179. *Ремиз* — недобор взяток в некоторых карточных играх.

С. 179. *И скучно, и грустно, и некого в карты надуть...* — Перепев стихотворения Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840). Некрасовский перепев был перепечатан в альманахе «Первое апреля» в виде отдельного стихотворения, причем ст. 10 был переделан: «Забыв увещанья рассудка...» (см. наст. изд., т. I, с. 409). Вариант «Литературной газеты»: «Окончишь — ощипан как утка...» находит близкую аналогию в некрасовском стихотворении того же 1844 года «Чиновник» (также о проигравшемся картежнике — ст. 121: «Ощипанной подобен куропатке...» — наст. изд., т. I, с. 416).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

⟨24 декабря 1844⟩

(С. 181)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 24 дек., № 291, с. 1161—1163.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство установлено Б. Я. Бухштабом на том основании, что почти весь фельетон посвящен шутливым восхвалениям кулинарных «лекций» доктора Пуфа (В. Ф. Одоевского), публиковавшихся в приложении «Записки для хозяев» в «Литературной газете». Исследователем отмечается эта тема как одна из постоянных тем фельетонов Некрасова 1844 г. «Это вызвано, — пишет Бухштаб, — очевидно, стремлением привлечь к „Литературной газете“ внимание читателей в период подписки на 1844 и 1845 годы. О Пуфе говорится здесь как о великом человеке, в обычном тоне, принятом Некрасовым, когда он касался этой темы». Тематические совпадения этого фельетона с фельетонами «Литературной газеты»: «Хроника Петербургского жителя», «Письмо ***ского помещика о пользе чтения книг...», «Нечто о дупелях...», «О лекциях доктора Пуфа вообще и об артишоках в особенности» (см. с. 60—61; 78—79, 133—134; 153—155) — позволяют с большой степенью вероятности считать Некрасова его автором (Бухштаб, с. 64). Сатирическая направленность, обличающая застой духовной жизни обывателей, которые «делают „ничего“ с такою озабоченною торжественностию, как будто делают очень много», посвящают свой досуг обжорству и игре в карты, сближает этот фельетон «Русского инвалида» со стихотворным фельетоном Некрасова «Говорун», стихотворениями «Чиновник» (1844), «Новости» (1845), «Признания труженика» (1854).

С. 182. *...как выперли Ивана Никифоровича, когда он завяз в дверях миргородского суда...* — Отсылка к «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя (1834).

С. 182. *...значительное лицо, действующее в повести «Шинель», наведывалось прежде к Обухову мосту, теперь оно предпочитает ездить к Чернышеву и иногда к Самсониевскому...* — О привычках «значительного лица» в повести Гоголя сказано: «За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно действующее в рассуждении веселости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать еще домой, а заехать к одной знакомой даме Каролине Ивановне ⟨...⟩ к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения» (Гоголь, т. III, с. 171). Место жительства «знакомой дамы» «значительного лица» в повести не указывается, мосты Самсониевский и Чернышев не упоминаются. Обухов мост упомянут один раз в конце повести без связи со «значительным лицом»: «И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение ⟨...⟩ он не посмел остановить его, а так шел за ним в темноте до сих пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: „тебе чего хочется?" и показало такой кулак, какого и у живых не найдешь. ⟨...⟩ Привидение ⟨...⟩ направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте» (там же, с. 173—174). Чернышев мост — см. примеч. к с. 215; Самсониевский (правильнее — Сампсониевский) мост — деревянный мост через Большую Невку, соединявший Петербургскую и Выборгскую стороны; Обухов мост — мост через Фонтанку на Царскосельском (ныне Московском) проспекте.

С. 182. *...в прошлом году был титулярный советник, в нынешнем он уж коллежский асессор...* — Титулярный советник — чиновник IX класса, коллежский асессор — чиновник VIII класса табели о рангах.

С. 182—183. *...мы — как выразился один писатель — по-прежнему делаем «ничего» с такою озабоченною торжественностию, как будто делаем очень много.* — Ср. у Белинского в статье «Петербург и Москва»: «Петербургский житель вечно болен лихорадкою деятельности; часто он в сущности делает ничего, в отличие от москвича, который ничего не делает, но „ничего" петербургского жителя для него самого всегда есть „нечто": по крайней мере, он всегда знает, из чего хлопочет» (Белинский, т. VIII, с. 408). Статья Белинского к моменту выхода данного фельетона Некрасова уже была написана, но еще не была опубликована (будет напечатана в начале 1845 г. в первой части «Физиологии Петербурга»).

С. 184—187. *«В нынешнем году я в последний раз∾к оценке котлеток в папильотах».* — Некрасов полностью приводит очередную «Лекцию доктора Пуфа» (ЛГ, 1844, 21 дек., № 50, «Записки для хозяев», с. 398—399).

С. 187. *...Вышло несколько новых детских книг, о которых поговорим на днях в «Библиографии».* — См. наст. том, кн. 2.

1845

ВЫДЕРЖКА ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО ТЕАТРАЛА

(С. 188)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 1 янв., № 1, с. 10—12, за подписью: «Ник.-Нек.».

В собрание сочинений впервые включено: *Некрасов Н. А.* Соч. Под ред. К. Чуковского. Л., 1937, с. 468—474.

Автограф не найден.

Принадлежность очерка Некрасову доказывается подписью и частичным совпадением введенных в очерк куплетов с куплетами из второй части романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» («Беда! Последняя беда...»), где последние строфы почти совпадают:

Я угождать старался ей,
Утех я доставлял ей много
И даже пред свиданьем с ней
Читал романы Поль-де-Кока!

(наст. изд., т. VIII, с. 189).

Существует мнение, что очерк был написан Некрасовым для второй части сборника «Физиология Петербурга», но не был в нем напечатан, так как на ту же тему Белинский написал статью «Александринский театр» (см.: ЛН, 53/54, с. 52; ПСС, т. V, с. 632). Однако и сам характер очерка, по кругу затронутых вопросов и незначительному объему несопоставимого с масштабной статьей Белинского, и наличие в тексте Некрасова полемических и смысловых перекличек со статьями «Александринский театр» и «Петербургская литература» (см. реальный комментарий) позволяют предположить, что очерк был написан после указанных статей критика.

Считая Александринский театр среди «родовых особенностей в физиологической жизни Петербурга» одной «из самых характеристических примет ее», едва ли не «главнейшим норовом ⟨...⟩ огромной и прекрасной столицы», Белинский видел в самом театре, его репертуаре и в особенности во вкусах и пристрастиях его публики свидетельство неглубокого, формального усвоения страной европейской цивилизации: «Как Петербург в настоящее время есть представитель формального европеизма в России, так и петербургский русский театр есть представитель того же европейского формализма на сцене» (Белинский, т. VIII, с. 524—525). Ложно понятый европеизм, тяготеющий к заимствованию форм жизни («Петербург, как известно, помешан на форме...» — там же, с. 527) в ущерб национальной культуре, привел, по мысли Белинского, к образованию в Петербурге особого мира — Александринского театра и особой публики — зрителей этого театра: «Это публика в настоящем, в истинном значении слова: в ней нет разнородных сословий — она вся составлена из служащего народа известного разряда; в ней нет разнородных направлений, требований и вкусов: она требует одного, удовлетворяется одним; она никогда не противоречит самой себе, всегда верна самой себе. Она индивидуум, лицо;

она — не множество людей, но один человек, прилично одетый, солидный, ни слишком требовательный, ни слишком уступчивый, человек, который боится всякой крайности, постоянно держится в благоразумной середине, наконец, человек весьма почтенной и благонамеренной наружности. Она то же именно, что самые почтенные сословия во Франции и Германии: bourgeoisie и филистеры» (там же, с. 536). Обезличивание сословий, стирание человеческих индивидуальностей в Петербурге, городе «по преимуществу административном, бюрократическом и официальном» (там же, с. 407) — один из постоянных мотивов петербургской темы у Белинского; наиболее остро он звучит в статье «Александринский театр» в сопоставлении театральных публик обеих столиц. В основе отношения Белинского к Александринскому театру и его публике лежит сложная судьба комедий Гоголя на петербургской сцене. Насущная необходимость создания национального театра на основе оригинального репертуара в 1830—1840-х годах осознавалась одинаково ясно критиками самого различного образа мыслей: острая зрительская потребность в русских характерах, русских нравах на сцене обеспечивала успех весьма невысокой драматургической продукции. В статье «О нынешнем состоянии санкт-петербургских театров» Р. М. Зотов так сформулировал причину значительного успеха пьес Полевого на петербургской сцене: «Дайте нам „Параш“, „Дедушек русского флота“, „Иголкиных“, „Рябовых“ — и это для нас будет лучше всех созданий Шекспира, Гете, Шиллера, Гюго! Нам надо русское! Мы хотим одного русского! И ничего кроме русского! Г-н Полевой постиг эту идею, он ухватился за эту важную пружину сценического успеха — и его пьесы имели величайший успех» (П, 1841, № 2, Текущий репертуар русской сцены, с. 57). Но между тем Гоголь, по определению Белинского, «поэт национальный более, нежели кто-нибудь из наших поэтов» (Белинский, т. VIII, с. 90), входил в русский театральный репертуар, преодолевая сильнейшее сопротивление инерции восприятия зрителя, воспитанного на переводных и переделанных мелодрамах и водевилях с традиционной любовной завязкой в основе действия, представлявшего собой зачастую простое чередование примитивных, но хорошо отработанных эффектов. «Положение русских актеров жалко, — писал Гоголь в статье «Петербургские записки 1836 года». — Перед ними трепещет и кипит свежее народонаселение, а им дают лица, которых они и в глаза не видали. Что им делать с этими странными героями, которые ни французы, ни немцы, но какие-то взбалмошные люди, не имеющие решительно никакой определенной страсти и резкой физиономии? где выказаться? на чем развиться таланту? Ради бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов, наших чудаков! на сцену их, на смех всем! <...> Мы так пригляделись к французским бесцветным пьесам, что нам уже боязливо видеть свое» (Гоголь, т. VIII, с. 186).

Категоричность приговора Белинского публике и репертуару петербургского театра, неоднократно звучавшего в театральных рецензиях критика и наиболее отчетливо развернутого в статье «Александринский театр», вызвала несогласие Некрасова. В ситуации, когда открытое возражение, по-видимому, исключалось (см., например, предельно осторожное, не конкретизированное возражение Некрасова в более поздней рецензии на вторую часть «Физиологии Петербурга», во фрагменте, посвященном статье «Александринский театр»: «...во мно-

гом, может быть, нельзя совершенно согласиться с автором», — наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 220), оставалась возможность иносказания, образа, художественного слова, фельетона. «Что ж такое суд публики? Как он составился? Кто ж перекричал из этой судящей и осуждающей толпы удальства, пристрастия, невнимательной самоуверенности, ложного знания и, наконец, истинного чувства изящного? <...> как все это развилось, переработалось в мастерской человеческих мнений, как совершился процесс, результатом которого был наконец такой-то или другой приговор, по-видимому, сделавшийся общим? Задача трудная, представляющая много любопытного для изучения, задача, которая представляет много сторон интересных, новых и в высшей степени комически-любопытных», — писал Некрасов в одном из своих театральных обозрений 1841 г. (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 294). Законы формирования общественного мнения, слагаемые сценического успеха, пути воздействия на суждения и вкусы публики — весь этот круг вопросов оказывался чрезвычайно актуальным для Некрасова — драматурга и театрального критика в связи и с его собственным творчеством, и с широко обсуждавшимися в петербургской печати проблемами формирования русского национального театра.

В центре очерка Некрасова лежит характерное для критики тех лет противопоставление комедии и водевиля (см. об этом: *Чистова И. С.* Водевиль 1830—1840-х годов. — В кн.: История русской драматургии. XVII—первая половина XIX века. Л., 1982, с. 402—425).

С. 189. *...была такая же разница, как между Михайловским театром ∾ и Александрынским...* — Михайловский театр (назван в честь великого князя Михаила Павловича) был открыт в 1833 г.; вплоть до 1917 г. в театре играла труппа французских артистов, в основном шли спектакли на французском языке, которые посещали высший свет, образованное чиновничество, интеллигенция. Александринский театр (назван в честь императрицы Александры Федоровны) был открыт в 1832 г.; в театре играла русская драматическая труппа, репертуар составляли оригинальные русские и переводные пьесы, доступные всем слоям петербургского общества.

С. 189. *...такое понятие ∾ находило себе отголосок в некоторых журналах, имевших привычку опаздывать книжками и еще более мнениями...* — Намек на журнал «Маяк» и опубликованную в нем в 1843 г. статью И. Маркова «Повесть о русской народности (письмо к издателю)». В 1840—1841 гг. «Маяк» издавался под редакцией П. А. Корсакова и С. О. Бурачка в виде «бессрочной книги-сборника», вызывая недовольство подписчиков большими перерывами между выходами отдельных книжек. В 1842 г. «Маяк», издававшийся уже одним С. Бурачком, получив статус журнала, стал выходить регулярно раз в месяц под названием «Маяк современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», грубой тенденциозностью своих статей вызывая иронические выпады всех петербургских изданий, вплоть до булгаринской «Северной пчелы». Упомянутая статья Маркова, посвященная проблеме русского национального самосознания, по резкой непримиримости суждений и тона выделилась даже на общем фоне публикаций журнала. По поводу современного состояния русского театра Марков писал: «Театр наш наполнен более пиесами иностранного содержания, русских пиес, вообще говоря, мало; актеры не знают иногда порядочно русского

языка; лучший наш театр, напр⟨имер⟩ в Петербурге, где играют на чистом русском языке, высшее общество очень редко посещает, а ежели и посещает иногда, то, выходя из театра (после «Руки Всевышнего», напр⟨имер⟩), сплошь говорят: „это что за пиеса, отечество-отечество! отечество-отечество! и больше ничего, уж так приторно, надоело!..“; театр же французский (т. е. Михайловский. — *Ред.*) набит людьми, которые имеют удовольствие совершенно забывать, что они в России!.. Из этого не следует ли, что многие русские не любят даже говорить об отечестве и видеть что-нибудь отечественное!» (Маяк, 1843, т. VIII, отд. «Словесность», с. 92).

С. 189. *Первая — большею частию образованная, непременно приличная ∾ руководствовалась она здравым смыслом и разборчивым вкусом.* — Любопытно совпадение черт этой краткой иронической характеристики с чертами характеристики, данной Белинским публике Александринского театра. Развивая свой тезис о существовании в Петербурге двух театральных публик, Некрасов переадресует упреки Белинского публике Михайловского театра, по его мнению, более подходящей для сравнения с человеком «благоразумной середины».

С. 189. *В состав ее входило так много разнородных элементов разноплеменного петербургского народонаселения, что подвести ее под общий уровень, уловить в ней общий определенный характер едва ли было возможно.* — Прямая полемика с Белинским. В своей характеристике публики Александринского театра Некрасов шел вслед за Гоголем, завершившим «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842) утверждением: «Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну недвижную массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мненье, где всякий сам создатель своего характера» (Гоголь, т. V, с. 168). См. также характеристику петербургского населения в статье Гоголя «Петербургские записки 1836 года» (Гоголь, т. VIII, с. 179—180).

С. 190. *Водевиль кончен; играют комедию. В комедии есть и смысл, и остроумие...* — Ср. у Белинского: «Люди, не имеющие эстетического вкуса и эстетического образования, могут находить, например, комедию Гоголя „Женитьба“ слабою, неудачною, если хотите; но никто из людей грамотных не скажет, чтобы в ней не было смысла» (Белинский, т. VII, с. 41).

С. 190. *Одно из действующих лиц сказало другому «пошлость» ∾ на лице ее выступает краска злости; она чувствует оскорбленным свое достоинство — достоинство «светской» дамы.* — Ср. у Белинского: «...страсть считать себя принадлежащим или прикосновенным к большому свету доходит в средних сословиях Петербурга до исступления ⟨...⟩ Хороший тон, это — точка помешательства для петербургского жителя». Ср. также: «...в Петербурге средние сословия помешаны на большом свете и хорошем тоне. Эту страсть к светскости они переняли в театре ⟨...⟩ мы должны прибавить, что как артисты, так и публика Александринского театра не очень высокого мнения о драматическом таланте Гоголя — и это преимущественно по причине резких выражений, которыми преисполнены комедии Гоголя и которых не может выносить „бонтонность“ партизанов Александринского театра ⟨...⟩ И вот почему „Женитьба“ Гоголя пала решительно при первом ее представлении...» (Белинский, т. VIII, с. 400, 552).

С. 191. *Какая это комедия! Комедия, — продолжает он, вспомнив фразу, вычитанную из одной газеты во время обеда в Палкинском*

трактире, — комедия требует завязки, характеров, движения, интереса, постепенно возрастающего; комедия требует... — Намек на «Северную пчелу». В 1842 г. после неудачной премьеры «Женитьбы» газета продолжала с новой силой повторять уже высказанные ею прежде (после премьеры «Ревизора» в 1836 г.) упреки Гоголю в отсутствии у него драматического дара. Сам Гоголь воспроизвел суждения Булгарина о себе в «Театральном разъезде...»: «Литератор. Помилуйте, что ж тут остроумного? Что за низкий народ выведен, что за тон? Шутки самые плоские; просто, даже сально! ⟨...⟩ Сюжет невероятнейший. Всё несообразности; ни завязки, ни действия, ни соображения никакого...» (Гоголь, т. V, с. 140). Сводку критических высказываний прессы о комедиях Гоголя см.: Гоголь, т. IV, с. 546—548; т. V, с. 462—463, 495—498. *Палкинский трактир* — см. примеч. к с. 39.

С. 191. *На другой день чиновник ∾ рассказывает своим подчиненным, что он с семейством был вчера в театре ∾ подчиненные слушают его с глубоким вниманием и потом передают слышанное знакомым ∾ Водевиль вошел в славу, комедия погибла...* — Ср. у Белинского: «...петербуржцам некогда думать и отличать самим истинно хорошее от посредственного и дурного в литературе: и потому петербуржцы очень любят руководствоваться суждениями заслуженных авторитетов, от своих начальников до знакомых критиков и рецензентов включительно. Авторитет критика в Петербурге приобрести не так-то легко, как думают: для этого надо сделаться или начальником, или печатать свое имя на разных изданиях ⟨...⟩ по крайней мере, лет двадцать...» (Белинский, т. VIII, с. 557).

С. 191. *...она просит его достать понравившийся ей куплет и с нотами. Ноты и куплет тотчас являются...* — Крупнейшим мастером русского водевильного куплета был Д. Ленский (Д. Т. Воробьев, 1805—1860), многие из куплетов которого были столь популярны, что даже перепечатывались в сборниках народных песен. О Ленском см.: *Горбунов И. Ф., Каратыгин П. А.* Д. Т. Ленский. — Рус. старина, 1880, т. 29, кн. 10; *Михайловский В.* Д. Т. Ленский. — Ежегодник императорских театров, сезон 1910, кн. 3.

С. 191—192. *Потом представьте себе купеческое семейство ∾ Не будь в драме ни смысла, ни толка, — они все-таки будут в восторге.* — Ср. с характеристикой вкусов московского купечества у Белинского (Белинский, т. VIII, с. 536). Настаивая на отсутствии принципиальной разницы в театральных вкусах публик двух городов, Некрасов в сущности возвращает Белинского к мысли, высказанной им в статье «Петербург и Москва»: «...собственно простой народ везде одинаков» (там же, с. 406).

С. 192. *Подьячий* — писец, помощник дьяка — начальника канцелярий различных ведомств в России до XVIII в. После петровских реформ должности дьяков и подьячих были упразднены; в XIX в. слово «подьячий» в разговорном языке стало прозвищем чиновников низших классов.

С. 192. *Боже милостивый, сколько голов и сколько, без всякого сомнения, умов!* — «Сколько голов, столько умов» — поговорка, восходящая к латинскому выражению «Quot capita, tot sensus». Ср. у Белинского: «Словом, в московской театральной публике почти столько же вкусов и судей, сколько лиц, из которых она составляется...» (там же, с. 535).

С. 192. *У ней были даже свои особенные понятия и привычки, по которым ∾ могли наперед предсказать безошибочно все взрывы ее восторга...* — Ср. у Белинского: «Зато если в Александринском

театре хлопают, то уже все; если недовольны, то опять все. Ни драматический писатель, ни актер, если они люди сметливые, не рискуют попасться впросак; один ищет, другой играет всегда наверняка, зная, чем угодить своей публике» (там же, с. 537).

С. 193. *Когда действующие лица в жару увлечения, исчисляли добродетели русского человека* ∾ *восторг публики не имел пределов!* — Как уже отмечалось, речь идет о пьесах Полевого (ПСС, т. V, с. 632). По наблюдению критика журнала «Репертуар и Пантеон», содержание патриотических представлений Полевого, используя формулы, из них заимствованные, можно было свести к следующему: « — Русская рука! — русское сердце! — не белы-то снеги! — русская баба! — русский штык! — ай, жги-говори! — русский моряк! — русский флаг! — русское ура! урра! урррa!» (РиП, 1844, кн. V, с. 185). О Полевом см.: *Боцяновский В.* Н. А. Полевой как драматург. СПб., 1896.

ОТЧЕТЫ ПО ПОВОДУ НОВОГО ГОДА

(С. 194)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 11 янв., № 2, «Дагерротип», с. 30—37, с подписью: «Ник-Нек»; 18 янв., № 3, «Дагерротип», с. 49—51, без подписи; 25 янв., № 4, «Дагерротип», с. 72—73, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V, с. 510—526.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову устанавливается на основании: 1) включения стихотворного монолога «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?..», завершающего 1-ю часть фельетона, в прижизненные издания стихотворений Некрасова (см.: наст. изд., т. I, с. 574—575); 2) подписи «Ник-Нек» в конце 1-й части; 3) повествовательной связи как между прозой и стихами 1-й части, так и между всеми тремя частями фельетона.

С. 194. *Чу! двенадцать!.. схоронили!..* — Из стихотворения А. В. Тимофеева «Новый год»:

Чу! двенадцать! схоронили!
За бокалы! Веселей!
Мы наследство не делили;
Все унес с собой злодей.

(Опыты Т. м. ф. а., ч. I.
СПб., 1837, с. 303—304).

С. 194. *Иди, злой год!..* — Из стихотворения В. Г. Бенедиктова «31 декабря 1837»:

Иди, злой год! Ты много взял у нас,
Ты нас обрек на тяжкие потери...

(ЛПРИ, 1838, 11 июня, № 24, с. 465;
ср.: *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения.
Л., 1983, с. 145).

С. 194. *Нашей радости година! ∾ Стали дух и плоть едина...* — Не вполне точно цитируется стихотворение Н. Д. Оранского (псевд.: Старожил) «Воспоминание в 22 мая 1842 г.», посвященное им памяти своей жены Е. Ф. Оранской (умершей 4 марта 1842 г.). У Оранского:

Нашей радости година! —
Друг! мы в этот день с тобой
Стали дух и плоть едины
К счастью призваны Судьбой...

(Старожил. Стихотворения.
М., 1842, с. 90).

С. 194. *Новый год и вновь игра... Ура!* — Из стихотворения Н. И. Молчанова «Новый год»:

Полночь — громче, — тост с участьем, —
Новый год, и вновь игра;
С Новым годом, с новым счастьем
Всех поздравило — ура!..

(*Молчанов Н.* Стихотворения, т. I. СПб., 1842, с. 122). Об оценке Некрасовым стихов Молчанова, в том числе и «Нового года», см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 68—73.

С. 194. *...сотню эпиграфов из разных русских стихотворцев...* — Предпосланные фельетону эпиграфы носят иронический характер: они взяты из сборников авторов, получивших ранее отрицательную оценку на страницах «Отечественных записок» и «Литературной газеты» (см.: Белинский, т. VI, с. 336, 493—496, 565—568; наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 71, 110—111).

С. 195. *...способ поздравления «в пользу детских приютов»...* — Имеются в виду благотворительные пожертвования, делавшиеся состоятельными людьми в связи с большими праздниками (Новым годом, Пасхой) и освобождавшие жертвователей, согласно официальному этикету, от многочисленных поздравительных визитов. В газетах публиковались «имена особ, заменивших общие, по случаю Нового года, визиты приличия извещением при пожертвовании в пользу с.-петербургских детских приютов» (см., напр.: СПбВ, 1844, 31 дек., с. 1319—1320).

Часть первая

С. 196. *Не верьте ∾ жестокосердым людям, которые утверждают, что русская литература в прошлом году мало произвела чего-нибудь замечательного...* — Белинский в обзоре «Русская литература в 1844 году» (ОЗ, 1845, № 1; ценз. разр. 31 дек. 1844 г.) приходил к выводу, что «в русской литературе 1844 года» «не слишком много замечательных явлений», что, по мнению критика, свидетельствовало не только о «бедности русской литературы», но и о возросшей требовательности публики, ставшей «разборчивее и взыскательнее» (Белинский, т. VIII, с. 487).

С. 196. *...«Иванушка-дурачок», творение «московского купчины» г. Н. Полевого...* — Старинная сказка об Иванушке-дурачке, рассказанная московским купчиною Николаем Полевым. СПб., 1844. Булгарин

писал о сказке Полевого в самых восторженных выражениях: «...русский писатель по превосходству, знающий матушку Россию со всеми ее оттенками, написал несколько *подлинных* русских сказок, в русском духе, в русских нравах и настоящим русским языком, которым говорят русские люди, не затвердившие наизусть несколько десятков заморских речений или фраз 〈...〉 Сказка об Иванушке-дурачке написана мастерски, и ее прочтет с удовольствием и образованный человек, и дитя, и простолюдин. Это не *подделка* русского просторечия, а настоящее облагороженное письменностью *просторечие*» (СП, 1844, 13 мая, № 107, с. 427). В анонимной рецензии «Литературной газеты» задавался вопрос: «К чему поведет переделка старых книг наново, особенно народных сказок; и для чего публике нашей подделка под простонародный сказочный склад, когда она имеет те же самые сказки, написанные настоящим простонародным складом? 〈...〉 Ведь это значит переливать из пустого в порожнее!» (ЛГ, 1844, 25 мая, № 20, с. 348). Аналогичная оценка давалась и в очередном обзоре «Журнальные отметки» «Русского инвалида» (1844, 21 мая, № 112, с. 447). Белинский охарактеризовал пересказ народной сказки Полевым как «жеманные, приторные подделки под народность» (ОЗ, 1844, № 6; Белинский, т. VIII, с. 251).

С. 196. *...«Год за границею» г. Погодина... — Погодин М.* Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник, ч. 1—4. М., 1844. Публикация путевых заметок Погодина, содержавших множество бытовых записей, была встречена с иронией, они неоднократно пародировались. Так, в частности, в «Отечественных записках» (1843, № 11) появились «Путевые записки г. Вёдрина», принадлежавшие Герцену, а в «Литературной газете» (1845, 14 июня, № 22, без подписи) «Письма г. Ненастного о пребывании за границею». Рецензент «Отечественных записок» (А. Д. Галахов) писал о «Дорожном дневнике» Погодина: «Ничего нового, интересного, ничего возбуждающего сочувствие 〈...〉 Нет места, которое захотелось бы перечесть снова. Везде равнодушие, пустота, мелочность 〈...〉 Не знаешь, кто кому подражал: г. Вёдрин г-ну Погодину, или г. Погодин г-ну Вёдрину» (ОЗ, 1844, № 9, отд. VI, с. 21, 28). Насмешливой также была оценка «Библиотеки для чтения», принадлежавшая, по-видимому, О. И. Сенковскому (1844, № 8, отд. VI, с. 37—52). См. также: наст. изд., т. VII, с. 598; т. XI, кн. 1, с. 119.

С. 196. *...«Жизнь как она есть» г. Бранта ∾ романа лучше ∾ нет в русской литературе?..* — Роман «Жизнь как она есть. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом» (ч. 1—3. СПб., 1843), как, впрочем, и другие беллетристические произведения Бранта, получил резко отрицательную оценку критики. Так, Белинский писал о нем в рецензии 1844 г.: «...трудно вообразить себе что-нибудь более пошлое, нелепое» (Белинский, т. VIII, с. 138). См. также: наст. изд., т. VIII, с. 722; наст. кн., с. 294.

С. 196. *«История Наполеона» — Полевой Н.* История Наполеона, т. I. СПб., 1844. Упоминание книги Полевого в ироническом перечне «великих» произведений также связано с литературно-общественной полемикой. Булгарин в «Северной пчеле», где был опубликован отрывок из «Истории Наполеона» (1844, 16—28 сент., № 210—220), представлял ее читателям как «написанную по-русски, со всеми требованиями высшей европейской образованности, с подлинным изложением хода дел и положения государств, с верным очерком характеров, и притом в благородном русском духе, в правилах истинного монархисма и религиозности». И далее: «...мы уверены, что „Ис-

тория Наполеона“ Н. А. Полевого будет переведена на все иностранные языки ⟨...⟩ Поздравляем и русскую литературу, и Н. А. Полевого с этим сочинением!» (СП, 1844, 25 сент., № 217, с. 867). Белинский охарактеризовал новое историческое произведение Полевого как обширную компиляцию, написанную языком, «который очень трудно читать», и указывал на то, что Полевой «иногда *странно* ошибается в фактах» (ОЗ, 1845, № 1; Белинский, т. VIII, с. 501). Аналогичным было мнение и рецензента «Русского инвалида»: «Он написал не „Историю Наполеона“, а *нечто о* Наполеоне ⟨...⟩ она будет читаться многими не без удовольствия — не как „история“, но как сборник анекдотических рассказов о Наполеоне» (РИ, 1845, 17 янв., № 12, с. 47).

С. 196. *Вспомните, что говорит о журналах «Опыт библиографического обозрения» того же Бранта.* — Л. В. Брант, уязвленный отрицательными отзывами критики о его произведениях, то и дело выступал с обвинениями журнальных критиков в недоброжелательстве и намеренной пристрастности. Этой теме, в частности, была посвящена его книга «Петербургские критики и русские писатели» (СПб., 1840). В начале брошюры «Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы с октября 1841 по апрель 1842» (СПб., 1842) он писал: «Последние три месяца каждого года ⟨...⟩ для многих авторов, целые годы трудившихся, — может быть, совершенно бескорыстно, — с теплою, младенческою любовию к предмету, — время тяжкого испытания, неумолимых приговоров — справедливых или несправедливых, это другой вопрос, — приговоров, иногда уничтожающих во прах бедное детище ума, чувств и воображения, — приговоров, охлаждающих благороднейшие стремления... ни слова уже о надеждах, обманутых, поруганных» (с. 1). Ср. также критические оценки, данные Некрасовым произведениям Бранта: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 76—80, 93—94.

С. 196. *Б. М. Федоров ∾ написал литературную биографию С. Н. Глинки...* — *Федоров Б.* Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844 (оттиск из журнала «Маяк», 1844, № 7, с. 1—31). Об отрицательном отношении Некрасова к официозному морализму Б. М. Федорова см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 129. Ср. также наст. кн., с. 142.

С. 196. *...ждали, что С. Н. Глинка напишет, с своей стороны, биографию Б. М. Федорова...* — Сближение С. Н. Глинки с Б. М. Федоровым в этом ироническом замечании, по-видимому, должно было подчеркнуть в литературной деятельности Глинки такие черты, как принадлежность к консервативно-монархическому лагерю, склонность к нравоучительности в историческом повествовании, утрату читательского интереса. Ср. аналогичное суждение Белинского о вышеупомянутой брошюре Федорова (ОЗ, 1844, № 10): «Боже мой! Сколько написал С. Н. Глинка и стихами и прозою! Зато по заслугам и честь: литературный Ахилл, он в особе Б. М. Федорова нашел Гомера для своих подвигов... Кто-то будет Гомером Б. М. Федорова, когда исполнится пятидесятилетие его литературным трудам? И кто заменит тогда всех этих героев нашей литературы?» (Белинский, т. VIII, с. 327). Возможно также, что в упоминании Некрасова о Глинке как возможном биографе Федорова присутствует намек и на историографическую деятельность Глинки, бывшего, в частности, автором публицистической «Русской истории» в 14-ти частях. Ранее в анонимной рецензии «Литературной газеты» сочинения Б. Федорова характеризовались как свидетельство «бездарности и неспособности на что-либо дельное» «сочинителя» (ЛГ, 1844, 7 сент., № 35, с. 591—592).

С. 197. *...приятнее было бы известить, что он кончил «Историю русского народа»...* — Издание «Истории русского народа» (т. 1—6. М., 1829—1833), которую Полевой предполагал выпустить в 12 томах, доведя изложение до 1829 г., дошло только до середины царствования Ивана Грозного (см. коммент. В. Н. Орлова в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, с. 448—450).

С. 197. *...потребовалось второе издание.* — По выходе № 3 «Отечественных записок» за 1844 г. появилось объявление: «Все экземпляры „Отечественных записок" 1844 года уже распроданы ⟨...⟩ но так как требования все еще продолжают поступать в значительном количестве, то Редакция решилась ⟨...⟩ увеличить число печатаемых ею экземпляров с четвертой книжки и немедленно приступить ко второму изданию первых трех книжек...» (РИ, 1844, 2 апр., № 72, с. 288). А. А. Краевский в объявлении «Об издании „Отечественных записок" в 1845 году» отмечал: «1844 год ⟨...⟩ был одним из счастливейших для этого журнала ⟨...⟩ Такого успеха едва ли достигал когда-либо журнал в России» (ОЗ, 1844, № 9, отд. паг., с. 1).

С. 197. *...имел несчастие поверить французской газете ∾ едва ли кончится и в наступившем году.* — Перевод «Вечного жида» печатался в 1844 г. (с № 7) с бесплатными приложениями к «Библиотеке для чтения» вслед за очередными публикациями в «Constitutionnel». В конце года появилось сообщение о том, что из-за болезни автора «„Constitutionnel" обещает окончание романа не прежде, как к концу 1845 года или даже к началу 1846 года» (РИ, 1844, 1 дек., № 271). Публикация перевода завершилась в 1845 г. в № 10.

С. 197. *...12 января 1844 года ∾ явилась программа ∾ 7, 15, 22 и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩...* — 12 января 1844 г. в «Северной пчеле» (№ 8, с. 30—31) было опубликовано объявление редактора «Сына отечества» К. П. Масальского, где, в частности, сообщалось, что журнал будет выходить «четыре раза в месяц: 1-го, 7-го, 15-го и 23-го чисел каждого месяца ⟨...⟩ тетрадями, в четвертку ⟨...⟩ Точность выхода в назначенный день, немедленная рассылка и верность доставки тетрадей принимаются неизменным правилом; для сего приняты редактором особые меры».

С. 197. *...другую программу ∾ с марта месяца в такие-то числа...* — 14 марта 1844 г. в «Северной пчеле» сообщалось: «Вышел и раздается гг. подписчикам № 1 „Сына отечества" на 1844 год ⟨...⟩ издание „Сына отечества" за текущий 1844 год начинается с 1-го сего марта и продолжается до 1-го марта будущего 1845 года» (№ 59, с. 236).

С. 198. *...двадцать четыре недоданные тетради против сорока ∾ право, не вздор!..* — Издание «Сына отечества» под редакцией К. П. Масальского возобновилось только в начале 1847 г. и продолжалось до конца 1852 г. «Злополучие на пути к совершенствованию» и постоянные задержки выхода номеров «Сына отечества» отмечались и в обзоре Белинского «Русская литература в 1844 году» (Белинский, т. VIII, с. 475—476).

С. 198. *«Листок для светских людей»* — иллюстрированный журнал, издававшийся в 1839—1845 гг. «титулярной советницей» Елизаветой Францевной Сафоновой, выпускавшей также «Журнал разного рода шитья и вышиванья» (1836—1847); участие в издании «Листка...» (по крайней мере, вначале) принимал Д. И. Успенский, близкий знакомый Некрасова (см.: ПСС, т. XII, с. 12). К середине 1845 г., по-видимому, из-за падения спроса, выпуск «Листка...»

прекратился. В 1846 г. Е. Ф. Сафонова сделала попытку преобразовать его в «Журнал парижских мод» (см.: ЦГИА, ф. 777, оп. 1, ч. II, №№ 1120, 1929).

С. 198. *Е. А.* — За подписью «Е. А.» в «Листке для светских людей» появлялись (с сентября 1844 г.) небольшие нравоописательные очерки и рассказы.

С. 198. *...профессор изящного...* — Подпись под статьей «Дамская лекция. О женщине и туалетах вообще» (ЛдСЛ, № 43).

С. 198. *К. У...зин* — По-видимому, имеется в виду автор рассказа «Пятикопеечная идиллия», появившегося за подписью «К. У...тин» в № 41 «Листка...».

С. 198. *-ин, -й, -ъ* — Таких именно подписей в «Листке...» не было. За подписью «-и — ъ» была напечатана явно отражающая позицию редакции статья «Италиянская опера» в № 44, где, между прочим, говорилось: «Статьи в „Листке", по большей части, получают заглавие, когда уже кончены, потому что, беседуя о том, о другом, мы сами не знаем, куда забредем...». Подавляющее большинство материалов появлялось в «Листке...» анонимно или под буквенными псевдонимами; нигде не указывались фамилии редактора и издателя. Так, новогоднее поздравление «издателей и сотрудников» «Листка...» в последнем номере 1844 г. было подписано: «В. Т., А. П., Ф—нн, Н. Р. Е., Е. А., Ольга П., К. У—н, А. Гр.» (ЛдСЛ, 1844, № 47/48).

С. 198. *...но ведь и Old Nick, и виконт Делонэ, наконец, сам Жорж Занд — псевдонимы...* — «Old Nick» — псевдоним французского литератора Эмиля Дорана Форга (Forgues) (1813—1883), под которым печатались его фельетоны и литературно-критические статьи в газете «National»; «Виконт Шарль Делонэ (De Launay)» — псевдоним французской писательницы Дельфины де Жирарден, урожденной Ге (Gay) (1804—1855), под которым печатались ее фельетоны в газете «La Presse», издававшейся ее мужем; Жорж Санд (Sand) — псевдоним Авроры Дюдеван (1804—1876).

С. 198. *...мы все «подражаем понемногу чему-нибудь и как-нибудь»...* — Перефразированные строки из «Евгения Онегина» (гл. I, строфа V):

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

С. 198. *...повесть о каком-нибудь Иване Терентьиче, чиновнике.* — Имеется в виду иллюстрированный юмористический «роман в листках и в листке» «Вечный Жид. Соч. Н. Е. Сю» (ЛдСЛ, 1844, № 37/38, 39, 40). Терентий Терентьевич Терентьев — отец главного героя Тереши. Некрасов пародирует далее бессвязный роман, то пересказывая, почти цитируя его, то придумывая новые подробности.

С. 198. *«Иван Терентьич ∾ счастлив и доволен, он улыбается своей жене»... (политипаж ∾ с подписью «Eugène Birouste, à Paris»)...* — В главе IV «первого тома» «Семейное счастье» (№ 37/38) говорится: «...Взглянем на тихое семейное счастие почтеннейшего мужа, Терентья Терентьевича Терентьева». Далее следует рисунок, изображающий человека средних лет, откинувшегося в кресле и задумчиво смотрящего перед собой. Подпись под рисунком: «K. Loutrel» (?). Рисунков с подписью Бируста (известного русскому читателю, в частности, как автора рисунков к «Физиологии театров» Л. Куайль-

яка, изданной на русском языке в 1843, а затем и к «Физиологии Петербурга» — 1845 г.) в «Листке...» не обнаружено.

С. 198. *...на дороге застает его страшный дождь ∾ прыгающего через лужи...* — в «Прологе» (№ 37/38) повествуется о том, как «неопределенный чиновник» (не Терентьев) с неизвестной читателю целью путешествует по улицам Галерной Гавани в Петербурге.

С. 198. *...«какой-нибудь критик ∾ хорошо лицо?* — В главе 1 «первого тома» (№ 37/38) говорится о «лютом журнале», где «разборы и суждения ⟨...⟩ обещались ⟨...⟩ самые строгие, да и как им не быть строгими, когда критик, или тот, кто принимал на себя роль критика, походил, ни дать ни взять, на волка...». Далее следует рисунок с изображением мрачно, исподлобья смотрящего человека.

С. 198. *...не в состоянии понимать прелестей сельской жизни ∾ изображение Вечного жида...* — Здесь Некрасов отходит от композиции романа, пародируя его бессвязность и зависимость рассказа от заимствованных отовсюду картинок. Упоминая о политипаже «человек средних лет лежит на спине на траве», Некрасов имеет в виду, по-видимому, рисунок (с подписью: «Cherrier») к рассказу Е. А. «Лучший призрак истинной любви» (№ 39).

С. 199. *«Siècle»* — парижская газета, выходившая с 1836 г.

С. 199. *...небольшую статью г-на Е. А. «Улыбка»...* — В № 40 «Листка...» за 1844 г.

С. 199. *Излер* — см. примеч. к с. 291.

С. 199. *«А если модная картинка попадется в руки кавалера? ∾ и проч. и проч.* — Цитируется с небольшими неточностями заметка «Моды» из № 43 «Листка...» за 1844 г.

С. 199. *...загадка ∾ «Я в цепях, та в покое».* — Имеется в виду опубликованный в № 42 «Листка...» за 1844 г. ребус, придуманный героем «Вечного Жида» Терешей, который «изобразил любовь свою даже в загадках, посланных в „Листок для светских людей“» (ЛдСЛ, 1844, № 39; гл. VIII «второго тома»): буква *Я* окружена цепями, а рядом слово «Та», вписанное внутрь буквы *П* (старое кириллическое наименование — «Покой»). Цитируемая разгадка была напечатана в № 43.

С. 200. *Впрочем, в числе рисунков есть порядочные...* — В 1843 г. в «Листке...» публиковались рисунки Г. Г. Гагарина, в 1844 г. — В. Ф. Тимма.

С. 200. *...как же ему обойтись без «Листка»?..* — Характеристика, данная «Листку для светских людей» Некрасовым в данном фельетоне и Белинским в обзоре «Русская литература в 1844 году» (Белинский, т. VIII, с. 476—477), полемична по отношению к «Северной пчеле», на страницах которой Булгарин неоднократно рекламировал «Листок...». Так, 16 декабря 1844 г. в связи с подписной кампанией «Листок...» рекомендовался как «самый мирный и скромный, и притом самый красивый и самый легкий из всех русских периодических изданий». «Брависсимо! Редкий, но заслуженный успех! — восклицал Булгарин. — ⟨...⟩ Приятная болтовня „Листка“, чистота и правильность языка, прелестные рисунки, замысловатые загадки и выписанные из Парижа *модные* картинки ⟨...⟩ доставили „Листку“ доступ в гостиные и будуары, и мы смело рекомендуем его всем любителям и любительницам легкого чтения» (СП, 1844, № 286, с. 1142; ср. там же, 1843, 27 февр., № 45, с. 179; 1844, 8 июля, № 153, с. 610; 1845, 13 янв., № 10, с. 39). В ответ на насмешливый отзыв о «Листке...» в «Отечественных

записках» и, особенно, в «Литературной газете» Булгарин попытался в свою очередь уязвить противников: «Мы уже имеем два иллюстрированные периодические издания „Листок для светских людей“ и „Литературную газету“ — это альфа и омега! В „Листке“ рисунки и гравюры прелесть и часто лучше парижской „Иллюстрации“ ⟨...⟩ „Литературная газета“ своими гравюрами платит дань русской народности, припоминая древнее русское искусство резьбы на лубках, известное под названием лубочной печати...» (СП, 1845, 20 янв., № 16, с. 61). Рекламные заверения Булгарина в несомненном успехе «Листка...» у читателей были явно преувеличенными: его издание (начатое в 1839 г.) прекратилось в середине 1845 г. на № 22.

Часть вторая

С. 201. *Решившись быть великодушным ∾ пьесы, явившиеся в прошлом году на Александрынском театре.* — Имеется в виду низкое художественное качество репертуара. Так, Белинский в обзоре «Русский театр в Петербурге» (ОЗ, 1844, № 11) отмечал: «Новые драмы и комедии, стихами и прозою, новые водевили так и родятся роями, как насекомые ⟨...⟩ Пьес много, а посмотреть нечего» (Белинский, т. VIII, с. 368—369).

С. 201. *...со времен Тальони...* — Со времен гастролей балерины М. Тальони в Петербурге в 1837—1842 гг. (см.: наст. изд., т. I, с. 667).

С. 202. *Все запело!* — Ср. в обзоре «Литературная летопись» О. И. Сенковского: «Гарсия! Виардо! Виардо! ⟨...⟩ что ты сделала из степенного, гордого, молчаливого Петербурга! Его узнать нельзя! У него голова идет кругом ⟨...⟩ Петербург уже ничего не читает: он только поет... поет за обедом, за чаем, во снах и над канцелярскими бумагами...» (БдЧ, 1844, № 11, отд. VI, с. 1—2).

С. 202. *...«У-у-на фор-тима лагир-ма́»...* — Имеется в виду ария Неморино из оперы Г. Доницетти «Любовный напиток» (1832; либретто Ф. Романи):

Una furtiva lagrima
Negli occhi suoi spuntô...*

(действ. II, явл. VIII).

В «итальянском сезоне» 1844/45 гг. эта партия исполнялась тенором Унануе (см.: СПбВ, 1844, 24 окт., № 243, с. 1090; ЛГ, 1844, 26 окт., № 42, с. 711).

С. 202. *...арию «Нормы»...* — «Норма» — опера В. Беллини (1831). В сезон 1844/45 гг. заглавная партия исполнялась П. Виардо.

С. 202. *...финал «Пирата»...* — «Пират» — опера Беллини (1827).

С. 202. *...«тра-ди-то-о-ре!»...* — Имеется в виду, по-видимому, ария Адальжизы из оперы Беллини «Норма» (либретто Ф. Романи):

Mari e monti sian frapposti
Fra me sempre e il *traditore.***

(действ. I, явл. IX).

---

* Тайная слеза в глазах ее появилась (*итал.*).
** Пусть моря и горы разлучат меня навек с изменником (*итал.*).

В сезон 1844/45 г. эта партия исполнялась сопрано Г. Ниссен (см.: ЛГ, 1844, 30 ноября, № 47, с. 806).

С. 202. ...*«трёмба!»*... — Вероятно, имеется в виду дуэт Джорджа и Ричарда из оперы Беллини «Пуритане» (1835; либретто Э. Пеполи):

Suoni la *tromba* e intrepido
Jo pugnero da forte.*

(действ. II, явл. IV).

В сезон 1844/45 г. партию Джорджа исполнял Тамбурини (см.: ЛГ, 1844, 2 ноября, № 43, с. 727).

С. 202. ...*дуэт из «Любовного напитка»*. — Опера Доницетти (см. выше) выдержала наибольшее количество представлений (9) в сезон 1844/45 г. (см.: Вольф, ч. II, с. 113—114).

С. 203. ...*знаменитый мотив: «Ну, Карлуша, не робей»*... — Имеются в виду куплеты Карлуши из водевиля П. А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1843; явл. VIII).

С. 204. *Ток* (от *франц.* toque) — высокий, прямой, без полей женский головной убор.

С. 204. *«Руслан и Людмила»* — опера М. И. Глинки, премьера которой состоялась в Большом театре 27 ноября 1842 г. (ср.: наст. изд., т. I, с. 392, 681).

С. 204. ...*или бенефис на Александрынском театре*... — В обзоре «Русский театр в Петербурге» (ОЗ, 1844, № 11) Белинский писал о «бенефисной публике», ждущей от пьесы лишь «тривиальных эффектов» (Белинский, т. VIII, с. 368—369).

С. 205. *Скромный онагр*... — В повести «Онагр» (1841), посвященной нравам петербургского полусвета, И. И. Панаев пояснял: «Недавно какой-то остроумный господин в Париже изобрел название для тамошних *царьков среднего общества*. Это название прекрасное и звучное: онагр! Оно было принято парижанами с восторгом и тотчас вошло во всеобщее употребление. Оно — в этом нельзя сомневаться — перейдет и к нам...» (*Панаев И. И.* Соч. Л., 1987, с. 184).

С. 205. ...*анекдот о том, как однажды Рубини пропел на парижском бульваре арию в пользу нищего*... — Одна из версий этого анекдота рассказывается в фельетоне Булгарина: Рубини «на углу самой широкой улицы в Лондоне» поет несколько арий, желая помочь уличному певцу, «окруженному многочисленным голодным семейством», и получает от восхищенных слушателей «в полчаса времени» сумму, которая способна обеспечить «счастье бедного семейства» (СП, 1843, 27 февр., № 45, с. 177).

С. 205. ...*о превосходстве грудных нот пред головными*... — О преимуществе нот, которые берутся в грудном регистре, а не в головном. Отзвук этих споров присутствует и в фельетоне Булгарина, писавшего в связи с «петербургскими суждениями о голосах»: «...лет за тридцать пред сим в Италии и в Париже не допускался головной голос ⟨...⟩ в теноре, то есть искусственные, принужденно высокие ноты ⟨...⟩ Тенор долженствовал непременно петь грудью ⟨...⟩ когда настала новая россиниевская школа, музыка громкая, звучная, эффектная ⟨...⟩ теперь стали употреблять, для произведения эффекта, головные ноты, или фистулу, т. е. вырабатывать горлом такие ноты,

* Пусть прозвучит труба, и бесстрашно я буду биться с форта (*итал.*).

в которых им отказала природа ⟨...⟩ Публике этот способ пения чрезвычайно понравился. Но истинные знатоки и любители музыки ⟨...⟩ всегда высоко ценят чистый грудной голос...» (СП, 1844, 21 окт., № 240, с. 958).

С. 206. *...припоминает пифию на треножнике...* — Жрица-прорицательница в храме Аполлона Пифагорейского в Дельфах садилась на треножник над расщелиной пещеры, откуда поднимались дурманящие испарения, и, придя в экстатическое состояние, выкрикивала бессвязные слова, толковавшиеся потом как пророчество.

С. 206. *...несчастную сцену пожара, внезапно обхватившего во время представления берлинский театр.* — Возможно, имеется в виду пожар, уничтоживший в ночь с 18 на 19 августа 1843 г. (н. ст.) Оперный театр в Берлине, однако, судя по газетным сообщениям, это произошло после представления (см.: СП, 1843, 16, 17, 19 авг., № 181, 182, 184, с. 724, 726, 734).

С. 207. *...«Соннамбулы», «Лучии», «Любовного напитка», «Нормы» и «Дона Жуана»...* — Оперы «Сомнамбула» (1831) и «Норма» (1831) В. Беллини, «Лючия ди Ламмермур» (1835) и «Любовный напиток» (1832) Г. Доницетти, «Дон-Жуан» (1787) В.-А. Моцарта.

С. 207. *Переворот* ∾ *произвел знаменитый московский артист Щепкин в Александрынском театре и его публике.* — М. С. Щепкин участвовал в спектаклях Александринского театра с 11 сентября по 31 октября 1844 г. Отзыв Некрасова об игре Щепкина близок тому, что писал Белинский в заметке «Щепкин на петербургской сцене» (ЛГ, 1844, 9 ноября, № 44): «Щепкин своим пребыванием в Петербурге сделал решительный переворот на русской сцене ⟨...⟩ Щепкин произвел благодетельное влияние ⟨...⟩ на публику Александринского театра, приблизив ее к настоящему понятию о том, что такое драматическое искусство и что такое истинный актер ⟨...⟩ театр во все спектакли, в которых участвовал Щепкин, был постоянно полон, несмотря на то что иные роли Щепкин играл в *пятый* и *шестой* раз, а иные и в *тринадцатый*, и притом эти спектакли совпадали с спектаклями итальянской оперы, выше которой Петербург ничего покамест не знает в мире искусства...» (Белинский, т. VIII, с. 415, 417).

С. 207. *Участие Щепкина* ∾ *заставило перебывать в этом театре решительно всю петербургскую публику...* — Это же отмечалось и Белинским в обзоре «Русский театр в Петербурге»: «Замечательнее же всего, что в Александринский театр теперь ездит публика всех слоев общества, публика, которая, следовательно, состоит не из одних присяжных посетителей Александринского театра, способных восхищаться каким-нибудь „Раем Магомета“» (Белинский, т. VIII, с. 373).

Часть третья

С. 207. *...«конское ристалище»* ∾ *Сулье...* — См. с. 70—71, 92.

С. 208. *Этот соперник — полька!* — Далее см. примеч. к статье «Полька в Петербурге» (с. 446—448).

С. 211. *...со времени издания «Эрмитажной галереи».* — Серия литографий, воспроизводивших картины Эрмитажного собрания, начала выходить с середины 1844 г.

ПОЛЬКА В ПЕТЕРБУРГЕ

(С. 211)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано в кн.: Полька в Париже и в Петербурге. Книга, заключающая в себе историю развития польки и средство выучиться танцевать польку без помощи учителя, по методе Евгения Корали, балетмейстера Королевской музыкальной академии в Париже. С 8 картинками, литографированными во французской литографии Поля Пети. Перевел с французского и дополнил замечаниями о водворении польки в петербургском обществе Степан Громилов. СПб., 1845 (ценз. разр. — 23 янв. 1845 г.), с. 49—55 (гл. XI).

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено Б. Я. Бухштабом, указавшим, что глава 11 — «Полька в Петербурге» — из вышеуказанной книги «почти целиком совпадает с последней частью фельетона Некрасова „Отчеты по поводу Нового года“» (см.: *Бухштаб Б. Я.* Начальный период сатирической поэзии Некрасова. 1840—1845. — Некр. сб., II, с. 127; ср. также с. 208—211 наст. книги).

Книга «Полька в Париже и в Петербурге» была подготовлена Д. В. Григоровичем по инициативе Некрасова. Григорович вспоминал: «...он ⟨Некрасов. — *Ред.*⟩ принес мне полдюжины французских брошюрок, заключавших целый трактат о танцах „польки“ и „редовы“, вошедших тогда в моду; Некрасов просил меня составить из них книжку, название которой он заранее придумал: „Полька в Петербурге“. Работа была мне не по вкусу; я ждал от него чего-нибудь более живого, литературного; но я согласился...» (Григорович, с. 76). В предисловии сообщалось, что книга представляет собой перевод книги Огюста (?) Перро и Адриана Робера (псевд. Шарля Бассе) «Полька, преподанная без учителя, — ее происхождение, развитие и влияние в свете» (*Perrot* et *Adrien Robert.* La Polka enseignée sans maître, — son origine, son développement et son influence dans le monde. Paris, 1844) с добавлением переводчиком главы «Полька в Петербурге» и нескольких замечаний (см.: Полька в Париже и в Петербурге, с. III).

О том, что Некрасов был автором заключительной главы, Григорович в своих воспоминаниях не упоминает. Однако вряд ли возможно, чтобы Некрасов позаимствовал для своего фельетона несколько страниц чужого публикуемого текста, никак этого не оговорив. Отметим также, что тема повального увлечения полькой — частая в периодике того времени — присутствует в ряде некрасовских фельетонов: «Журнальные отметки» (РИ, 1844, 31 дек., № 295), «Что делается в Петербурге» (ФВ, 1845, № 2) (см. с. 233—235), «Новости» (ЛГ, 1845, 8 марта, № 9; наст. изд., т. I, с. 29—30).

Заботясь о коммерческом успехе «Польки в Париже и в Петербурге», Некрасов неоднократно обращал внимание читателей на вышедшую книгу. О ней он сообщал в «Отчетах по поводу Нового года» (см. с. 210—211), в специальной рецензии в «Литературной газете» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 184 и 185), в фельетоне «Что делается в Петербурге» (см. с. 234—235).

Отзывы «Литературной газеты» и «Отечественных записок» о явно развлекательной «Польке в Париже и в Петербурге» были

иронически-одобрительными: «Это весьма замысловатая шутка, которая так же легко и приятно читается, как полька танцуется» (Петербурская хроника. — ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, с. 102); «Мы решительно идем вперед! Новое великое событие совершилось в образовании нашего общества: оно уже не только играет в преферанс, но и танцует польку ⟨...⟩ Удивительная, драгоценная книга: сто́ит вам только купить ее, потом прочесть, и вы без учителя танцуете польку со всею грациозностию этого очаровательного танца... Покупайте же! ⟨...⟩ Впрочем, книжку свою г. Громилов перевел грамотно, издал опрятно, картинки для нее взял с хороших оригиналов...» (ОЗ, 1845, № 3, отд. VI, с. 15). Рецензент «Русского инвалида» остался недоволен изложением «Правил польки», данных в приложении: «Что касается до нас, мы решительно считаем себя неспособными выучиться какому-нибудь танцу таким образом» (1845, 1 марта, № 40, с. 181). На заключительную «фельетонную» главу рецензенты особого внимания не обратили.

С. 211. *...за заставами, à la Chaumîere...* — La Grande Chaumîere — зал в Париже на углу бульвара Монпарнас и бульвара Распай, где с 1787 по 1848 г. проходили публичные балы, носившие то же название.

С. 211. *...на балах так называемых «Мюзар».* — Имеется в виду «Концерт Мюзара» («Le Concert Musard») — пользовавшиеся в Париже большим успехом концерты легкой музыки и балы, проходившие в 1840-е гг. в здании на Елисейских полях под управлением Филиппа Мюзара (Musard, 1789—1859), известного французского музыканта, автора и аранжировщика танцевальной музыки.

С. 212. *...он поспешил выписать из Парижа водевиль, написанный по случаю польки...* — Речь идет о водевиле А.-Б.-Б. Декомберусса и Ж. Кардье (псевд. Е.-Т. Деволабеля) «Полька в провинции» («La Polka en province», 1844; шел в парижском «Театре водевиля»), сыгранном французской труппой Михайловского театра впервые в бенефис Эрика-Бернара 17 октября 1844 г. (см.: СПбВ, 1844, 17 окт., № 237, с. 1068). «Полька в провинции» была сыграна в сезоне 1844/45 гг. четыре раза. Той же труппой к бенефису своего режиссера Пейсара 25 ноября 1844 г. был поставлен водевиль Ф.-Ф. Дюмануара, П.-Ф.-А. Кармуша и П. Сиродена «Три польки» («Les Trois Polka», 1844; шел в парижском театре «Варьете») (см.: СПбВ, 1844, 25 ноября, № 270, с. 1196), выдержавший восемь представлений (см.: Вольф, ч. II, с. 115). Позднее, с мая 1845 г., «Три польки» шли и в Александринском театре.

С. 212. *...Александрынский театр ∾ представил на суд публики свою польку.* — Самым популярным из русских водевилей в репертуаре Александринского театра 1844/45 гг. (31 представление) был водевиль П. И. Григорьева «Полька в С.-Петербурге, или Бал у танцевального учителя» (1844); премьера состоялась в бенефис Григорьева 7 ноября 1844 г.

С. 212. *Публика ∾ равнодушная, за исключением известного круга, к спектаклям Александрынского театра...* — Ср. «Выдержку из записок старого театрала» (нас. кн. с. 189—194) и статью Белинского «Александринский театр» (Белинский, т. VIII, с. 536—538).

С. 212. *...чтобы видеть польку ∾ произвела общий энтузиасм.* — Сравнивая русский водевиль с французским, Булгарин писал: «„Полька в Петербурге“ совсем не то, что французская пьеса „Polka en province“. Наша шутка лучше и забавнее, и притом же у нас танцевали *польку* превосходно ⟨...⟩ Публика была в восторге от польки и заставила

повторить ее...» (СП, 1844, 11 ноября, № 258, с. 1030). Позднее, в конце года, он же отмечал: «Г-н Григорьев 1-й произвел совершенный переворот на Александринской сцене ⟨...⟩ Мы потеряли счет и не знаем, сколько раз уже давали „Польку в Петербурге“. На афише только и видишь „Польку“, и театр всегда полон...» (СП, 1844, 30 дек., № 295, с. 1177). Так же положительно оценивая водевиль П. И. Григорьева («очень недурен для шутки, забавен, не длинен и смотрится с удовольствием»), Р. М. Зотов неодобрительно отозвался о само́м новомодном танце: «Мы должны, однако же, заметить автору, что пиеса его чистый анахронизм, что польку не танцуют в Петербурге нигде в *хорошем* обществе и что весьма немногие дамы учатся этому пустому танцу, резко противоречащему нашим привычкам и обычаям. Несмотря на то что полька танец нисколько не грациозный, он был очень мило протанцован г-жами Куликовой, Левкеевой и Самойловой» (СП, 1844, 16 ноября, № 262, с. 1046).

Вскоре полька сделалась непременным атрибутом бенефисных спектаклей. Так, в афише бенефиса Н. В. Самойловой 22 ноября 1844 г. водевиль Э. Скриба представлялся так: «„Сюрприз“, водевиль в одном действии, перевод с французского, в коем будут танцевать парижский танец *полька*» (см.: СП, 1844, 23 ноября, № 267, с. 1065). В связи с бенефисом А. М. Максимова в Александринском театре 9 января 1845 г., завершившимся «Полькой-котильоном», рецензент «Театральной летописи» писал: «Мы очень хорошо поняли, что не должно требовать хороших пьес от такого спектакля, в котором идет „Полька“! Очевидно, что в таком случае самое главное и существенное Полька и что если есть возможность дать ее в свой бенефис, то об остальном нечего и заботиться. Добрая публика наша все вынесет и высидит для Польки...» (ТЛ, 1845, № 3, с. 28; ср. также: Театральная летопись. — ЛГ, 1845, 25 янв., № 4, с. 76). Даже бенефис выдающегося трагика В. А. Каратыгина, в котором принял участие Рубини, завершился «Полькой-мазуркой» (см. с. 235 и 453). Таким же было завершение бенефиса и И. И. Сосницкого (см.: ТЛ, 1845, № 6/7, с. 53—59).

С. 212. *...разрешила прежнюю нерешимость публики ∾ в каждом семействе танцуют польку...* — Ср. в фельетоне Булгарина: «Туристы наши, возвратясь домой, не могут наговориться о *польке*, в Александринском театре г-жа Самойлова восхищала, а г-жа Левкеева продолжает восхищать публику *полькою*; во Французском театре также танцуют *польку*; мадемуазель Каролина публикует в газетах, что она нарочно приехала в Россию, чтоб обучать нас *польке*, все наши танцевальные учители предлагают также свои услуги в этом деле, и наконец и мы стали *полькировать* на парадных балах и в Дворянском собрании. Этот вопрос для многих важнее, нежели министерский кризис во Франции и возвышение акций на бирже» (СП, 1844, 9 дек., № 280, с. 1117).

С. 212. *...аттитюдами...* — позами (*франц.* attitude).

С. 212. *...теснящейся каждодневно в так называемых танцклассах...* — Ср. стихотворный фельетон «Новости» и коммент. к нему (наст. изд., т. I, с. 30, 577).

С. 213. *...готовы заплясаться до смерти.* — Выражение, по-видимому, восходит к одной из сцен балета А.-Ш. Адана «Жизель» (д. II, с. 10). Ср. аналогичный намек в тексте фельетона «Журнальные отметки» в № 295 «Русского инвалида» от 31 декабря 1844.

С. 213. *...меломания заметно переходит в польkоманию.* — Тема «полькомании» то и дело возникала в фельетонистике того времени.

Так, П. Р. Фурман написал фельетон «Полькомания. Письма обезьяны» (ЛдСЛ, 1844, № 47/48). Автор «Петербургской хроники» в «Литературной газете» констатировал: «Модная болезнь — полькомания — распространилась у нас повсюду. Мало того, что польку танцуют на публичных балах и домашних вечерах, мало того, что она привилась ко всем бенефисам и хозяйничает на русской сцене, — она прокралась в музыку и в литературу: актеры, дамы, клавиши и типографские буквы — все танцует польку! ⟨...⟩ Оркестр в маскарадах играет польку, девушки бренчат на фортепьяне польку, шарманки гудят польку, в водевилях поют куплеты под польку. От польки нет нигде спасенья!..» (ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, с. 102).

С. 213—214. *...от сокрушительного картобесия...* — См. фельетон «Что делается в Петербурге» (с. 229—230).

ЗАПИСКИ ПРУЖИНИНА

(С. 214)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, отдел «Дагерротип», с. 94—97, с подписью: «И. Пружинин».

Атрибутировано Некрасову К. И. Чуковским, отметившим, что в фельетон включен вариант детских стихов поэта «Любезна маменька! примите...» (ПССт 1927, с. 496). «Записки Пружинина» являются непосредственным продолжением фельетонного цикла Некрасова «Хроника петербургского жителя» (см. с. 29—73).

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V, с. 527—537.

Автограф не найден.

С. 215. *Поцелуев мост* — мост через Мойку в районе Никольской улицы (ныне ул. Глинки).

С. 215. *«Прекрасное погибло в полном цвете: // Таков удел прекрасного на свете!»* — Неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (1819); у Жуковского: «в пышном цвете...». Ср. также: наст. изд., т. VIII, с. 184, 744; т. XI, кн. 1, с. 18, 270, 366, 449.

С. 215. *Чернышев мост* — мост через Фонтанку (ныне мост Ломоносова).

С. 215. *...видел, как его несли на Смоленское кладбище...* — См. наст. изд., т. 11, кн. 1, с. 387.

С. 216. *Сущий вздор и «нимало не остроумно»!* — Возможно, неточная цитата из «Ревизора» Гоголя (д. 5, явл. 8 — реплика Земляники).

С. 218. *Любезна маменька! примите...* — Переделка детского стихотворения Некрасова (ср. текст стихотворения в автобиографических записках поэта (см.: наст. изд., т. XV).

С. 219. *...мир, говорит, театр, жизнь — комедия, люди, говорит, актеры...* — Ср. куплеты Некрасова из водевиля «Шила в мешке не утаишь, — девушки под замком не удержишь» (1841): «Наш мир — театр. На сцене света // Играть нам роли суждено...» (наст. изд., т. VI, с. 246).

С. 219. *...калашник бьет мальчишку за то, что тот у него с прилавка калач стащил...* — Сходный сюжет Некрасов разработал в

стихотворении «Вор» из цикла «На улице» (1850) (наст. изд., т. I, с. 76).

С. 220. *Нанка* — дешевый сорт хлопчатобумажной ткани.

С. 220. *...«единственно от неосторожности просителей»...* — Цитата из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (гл. IV).

С. 220. *Таких две жизни за одну...* — Цитата из поэмы Лермонтова «Мцыри» (1839) (гл. 3).

С. 221. *...Абдул Авдеич сидит на конце стола...* — Абдул Авдеевич Задарин — прозвище Фаддея Булгарина, восходящее к пьесе Ф. А. Кони «Петербургские квартиры» (1840).

С. 221. *Душник* — отдушка, отверстие для пропуска воздуха, холода или тепла.

С. 223. *...в провинции в какой-нибудь рыжики хорошие всегда можешь за дешевую цену иметь...* — Ср. в стихотворении Некрасова «Говорун»: «Бедняк, живи в губернии: // Там дешевы грибы» (наст. изд., т. I, с. 389).

С. 224. *«Севильский цирюльник»* — опера Д. А. Россини (1816). Исполнялась в Петербурге итальянской оперной труппой с сезона 1843/1844 г.

С. 224. *...оперы итальянской недоставало!.. Альбони! ∾ Ниссен! ∾ Ровере!* — Перечислены певцы итальянской оперной труппы: контральто Мариетта Альбони (1824—1894), сопрано Генриетта Ниссен-Саломан (1819—1879) и бас-буффо Агостино Ровере.

ПИСЬМО К ДОКТОРУ ПУФУ

(С. 224)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 8 февр., № 6, отдел «Записки для хозяев», с. 45—47, с подписью: «Такой-то».

Принадлежность Некрасову отмечена К. И. Чуковским (ПССт 1931, с. 610—611). Дополнительные аргументы в пользу такой атрибуции привел Б. Я. Бухштаб (ПСС, т. V, с. 636). Фельетон тесно связан с другими фельетонами Некрасова о докторе Пуфе («Крапива», «Письмо *** ского помещика...», «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и об артишоках в особенности» и др.).

В собрание сочинений впервые включено: стихотворение «Почтеннейший Иван Иваныч!..» — ПССт, 1931, с. 455, полностью — ПСС, т. V, с. 538—541.

Автограф не найден.

С. 224. *Письмо к доктору Пуфу.* — Непосредственно после текста комментируемого фельетона в «Литературной газете» был помещен «Ответ доктора Пуфа г-ну Такому-то» (ЛГ, 1845, 8 февр., № 6, «Записки для хозяев», с. 47).

С. 224. *...из ∾ предположения, существующего в простом народе, что «всякий немец Иван Иваныч»...* — Ср. у Даля: «Иван Иванович — почетное или шуточное имя и отчество немцев 〈...〉 кои всегда отзываются на кличку эту, как чуваши на зов: Василий Васильевич» (т. II, с. 1).

С. 224. *...читал только «Конский лечебник»...* — Очевидно, имеется в виду книга Ф. К. Удена «Наставление о скотских болезнях» (СПб., 1801; 2-е изд. СПб., 1807). Ср. наст. изд., т. VI, с. 172, 683; т. IX, кн. 1, с. 233; кн. 2, с. 355.

С. 225. *...сам чуть не наелся девисильного корня!..* — Корень девисила применяется как средство от простуды, чесотки и желудочных болезней.

С. 226. *...скоро должна выйти в свет книга под названием «Физиология Петербурга»...* — В рецензируемом фельетоне Некрасов стремился привлечь внимание читателей к редактировавшемуся им сборнику «Физиология Петербурга», который вскоре должен был выйти в свет (ценз. разр. 1-й части — 2 нояб. 1844 г. и 11 февр. 1845 г., выход в свет 27 марта 1845 г.; ценз. разр. 2-й части — 2 янв. 1845 г., выход в свет 26 июня 1845 г.).

С. 227. *И, как на Пушкина Фиглярин, напал...* — Фиглярин — прозвище, данное Ф. В. Булгарину Пушкиным (в стихотворениях «Не то беда, что ты поляк...» (1830) и «Моя родословная» (1830)) и получившее широкое хождение в литературе.

С. 227. *«Мужик судьбу благословил!»* — Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 2, строфа IV); у Пушкина: «И раб судьбу благословил».

С. 228. *Ты Пуф, но ты не пуф нахальный...* — Игра слов: Пуф — псевдоним В. Ф. Одоевского и пуф — ложный слух (ср. аналогичную игру слов в фельетоне «Крапива» (с. 74).

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

(С. 228)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ФВ, 1845, № 2, отд. VI, с. 39—48 (ценз. разр. — 15 февр. 1845 г.), без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено В. М. Морозовым: *Морозов В. М.* К вопросу об идейно-общественной позиции журнала «Финский вестник» (сотрудничество В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова в журнале в 1845 году). — Учен. зап. Карело-Финского гос. ун-та, Петрозаводск, 1955, т. V, вып. 1, с. 100—107) на основании ряда аргументов.

1) Тематическая близость фельетона (преферанс, итальянская опера и полька как «могущественные элементы, из которых слагается ⟨...⟩ общественная петербургская жизнь») к выступлениям Некрасова в «Литературной газете» в начале 1845 г.: «Отчеты по поводу Нового года» (итальянская опера и полька), «Записки Пружинина» (итальянская опера), «Новости» (карточная игра, полька); к этому можно добавить и публикуемые в наст. томе «Журнальные отметки» из № 295 «Русского инвалида» за 1844 г., в которых говорилось о польке и преферансе.

2) Стилевая близость фельетона к указанным публикациям, как например:

«...юноша, семи лет от рождения, оставил без трех в червях собственного своего родителя ⟨...⟩ И надобно было видеть всеобщий

восторг, произведенный этим великим подвигом, во всем семействе» (с. 229—230), — ср.: «... на днях // Случилося в столице нашей чудо: // Остался некто без пяти в червях, // Хоть — знают все — играет он не худо...» («Новости»; наст. изд., т. I, с. 25);

«Рубини, Тамбурини, Ровере, Унануэ, Виардо, Ниссен, Альбони, Кастелян — странно, если б не восхищались такими певцами и певицами...» (с. 232), — ср.: «Альбони! Рубини! Виардо! Унануе! Ниссен! Кастеллан! Тамбурини! Ровере! У кого же голова кругом не пойдет от таких певцов!. » («Записки Пружинина»; с. 234);

«...госпожа Виардо действительно в состоянии увлечь и очаровать своим пением кого б то ни было, даже китайского мандарина и самого Абдель-Кадера...» (с. 232), — ср.: «...Гарцией порой // Так сильно восхищаюся, // Что слезы лью рекой. // Растрогает татарина!..» («Говорун»; наст. изд., т. I, с. 405);

«...весь Петербург теперь танцует польку, новый танец, грациозный и поэтический...» (с. 233), — ср.: «Полька — танец чрезвычайно грациозный и оригинальный» («Отчеты по поводу Нового года»; с. 210);

«...теперь весь Петербург не только танцует польку, но и говорит о польке, и от ресторации Излера до кондитерского заведения Выборгской стороны ⟨...⟩ везде услышите вы толки о польке» (с. 234), — ср.: «... ни одни именины, рожденье, крестины даже на Выборгской и Петербургской стороне не обходятся без польки...» («Отчеты по поводу Нового года»; с. 209); «...от пестрой и роскошной Миллионной // До Выборгской унылой стороны — // ⟨...⟩ Все женщины ⟨...⟩ помешаны на польке!» («Новости»; наст. изд., т. I, с. 29).

3) Текстуальное совпадение одного из фрагментов фельетона с рецензией в «Литературной газете» на «Польку в Париже и в Петербурге»: «...то, что́, например, в Париже, который мы ⟨...⟩ копируем, составляет не более как прибавление к другим интересам жизни, более важным, — у нас обращается, по крайней мере на известное время, в цель жизни, поглощает всю нашу деятельность...» (с. 234), — ср.: «То, что, например, в Париже, который послал нам и Тальони, и итальянскую оперу, и, наконец, польку, не более как прибавление к другим интересам жизни, у нас ⟨...⟩ является чем-то необыкновенно важным, поглощает, по крайней мере до известного времени, всю нашу деятельность» («Полька...»; наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 184).

С. 228. *...маскерады...* — О маскарадах в Петербурге, устраивавшихся в помещении Большого театра, см.: наст. изд., т. VII, с. 539—540.

С. 228—229. *...Петербург город деловой ∾ в Петербурге не живут, а служат.* — Противопоставление вечно озабоченных, спешащих петербуржцев-чиновников москвичам, живущим «широко, раздольно, нараспашку», — одна из главных тем фельетона Белинского «Петербург и Москва», написанного для издававшегося Некрасовым «Физиологического сборника», 1-я часть которого вышла в начале марта 1845 г. (фельетон Белинского был разрешен цензурой еще 2 ноября 1844 г.). Ср.: «В Москве вы часто можете слышать вопрос: „Чем вы занимаетесь?“ В Петербурге этот вопрос решительно заменен вопросом: „Где вы служите?“» (Белинский, т. VIII, с 408; ср. также: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 188).

С. 229. *...русский купец еще и доныне предпочитает горку всем играм на свете...* — Ср.: наст. изд., т. IV, с. 250.

С. 229. *Да! играют и дети! Преферанс глубоко пустил корни свои ∾ опутал сетями своими и будущее.* — Белинский в заметке об одном из вышедших в то время пособий по игре в преферанс (ОЗ, 1844, № 12) писал: «Право, игра в преферанс сделалась таким важным делом, что пора бы для нее открывать ученые общества, академии и издавать журналы. Торжествуй, пошлость! твое время настало! А вы, юные поколения, вы, будущая надежда преферанса, учитесь пока ремизить других ⟨...⟩ да чего вам советовать учиться — вы и так уже не уступите в этой игре вашим отцам...» (Белинский, т. VIII, с. 428). Ср. также фельетон «Преферанс и солнце» (с. 177—179).

С. 230. *Ренонс* (*франц.* renonce) — в карточных играх отсутствие какой либо масти на руках у игрока.

С. 231. *...поставил ремиз...* — См.: наст. изд., т. I, с. 684.

С. 231. *Приз* — счетная единица, фишка в карточной игре.

С. 232. *...пения московских цыган...* — См.: наст. изд., т. IX, кн. 2, с. 344.

С. 232. ... *самого Абдель-Кадера...* — Абд-эль-Кадир (1808—1883) — руководитель восстания против французской оккупации Алжира в 1832—1847 гг. Сообщения о нем часто в то время появлялись в печати. Так, 31 октября 1844 г. в «Русском инвалиде» (№ 245) была напечатана заметка «Секретарь Абд-эль-Кадера. Абд-эль-Кадер», излагавшая суждения о характере Абд-эль-Кадира, принадлежавшие его секретарю Кюссону.

С. 233. *...сальвы аплодисманов...* — От *франц.* salve d'applaudissement — гром рукоплесканий.

С. 234. *Явилась прическа à la Polka, платья à la Polka.* — Ср. в «Петербургской хронике» «Литературной газеты»: «Спросите у лучших здешних куаферов: какие прически носят нынче дамы? Ответ будет: à la Polka ⟨...⟩ Как в прическах, так и в нарядах господствует полька». Далее шло подробное описание платьев «à la Polka» (см.: ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, с. 102).

С. 234. *Молодой и талантливый композитор г-н Кажинский поспешил издать несколько тетрадей музыкальных полек...* — К началу февраля 1845 г. в свет вышло 8 полек польского композитора Виктора Кажиньского (1812—1867) (см.: СП, 1845, 3 февр., № 27, с. 106; 17 февр., № 39, с. 156).

С. 234. *Польки эти прекрасные...* — О серии полек Кажиньского одобрительно отозвались газеты. Так, Н. Кукольник дал им высокую оценку в статье «Польки г. Кажинского» (СП, 1845, 19 янв., № 15, с. 58). Булгарин писал: «Польки его имели необыкновенный успех и здесь, и за границею ⟨...⟩ Знаменитый Шопен в восхищении от *полек* Кажинского и весьма ценит его талант» (СП, 1845, 3 февр., № 27, с. 106). Автор «Петербургской хроники» в «Литературной газете» замечал: «Наши модные музыканты стали писать польки на все манеры и лады, как Страус и Ланнер свои вальсы ⟨...⟩ Молодой талантливый музыкант г. Кажинский посвятил труды свои также польке ⟨...⟩ танцуйте! играйте! — пока еще модное поветрие не миновало, пока полькуется ⟨...⟩ Но в польках г. Кажинского, право, много оригинальности и игривости» (ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, с. 102).

С. 234—235. *Явилась книга о польке ∾ «Полька в Париже и в Петербурге».* — См. с. 445—446, а также: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 184, 185.

С. 235. *...Александринский театр, где артисты ∾ как будто они только и делали на своем веку, что танцевали польку.* — См. примеч. к с. 212.

С. 235. *...нашего неподражаемого артиста В. А. Каратыгина.* — Ср. характеристику, данную его игре Белинским в статье «Александринский театр» (Белинский, т. VIII, с. 529—530).

С. 235. *...трагедии «Еврей»...* — Трагедия В. Сежура «Диегариас» (Diégarias», 1844); в пер. с франц. В. А. Каратыгина — «Еврей, или Слава и позор».

С. 235. *...старой и известной комедии «Обман в пользу любви»...* — Комедия П. Мариво «Ложные признания» («Les fausses confidences», 1738); в пер. с франц. П. А. Катенина — «Обман в пользу любви».

С. 235. *...по положению нынешних бенефисов — заключился полькою.* — В конце бенефиса была исполнена «Полька-мазурка» под музыку г. Криштофовича» (ЛГ, 1845, 8 марта, № 9, с. 168). См. также примеч. к с. 212.

С. 235. *...превосходной игрою В. А. Каратыгина и В. В. Самойловой...* — В трагедии «Еврей» Каратыгин исполнял главную роль — Гонзалеса, Самойлова — роль Инесы, дочери Гонзалеса.

С. 235. *...явился Рубини и пропел «Stabat Mater».* — «Stabat Mater» — оратория Россини (1841). В «Театральной летописи» «Литературной газеты» отмечалось: «Бенефициант выбрал в свой бенефис две приманки, которые по своей современности должны были сильно подействовать на публику, но которые по свойствам своим совсем не сходятся и чрез сближение пробуждают весьма неприятное чувство. Мы говорим об арии из «Stabat Mater» Россини, спетой г. Рубини, и о польке-мазурке под музыку г. Криштофовича. «Stabat Mater» — церковный кант с глубоким религиозным значением и полька-мазурка ⟨...⟩ Россини и некий Криштофович — какое сближение!» (ЛГ, 1845, 8 марта, № 9, с. 168). О бенефисе В. И. Каратыгина см. также: ТЛ, 1845, № 6/7, с. 53; СП, 1845, 16 февр., № 38, с. 149—150.

С. 235. *...знаменитой артистки, уже простившейся со сценою...* — 17 октября 1844 г. состоялся прощальный бенефис А. М. Каратыгиной; однако она приняла участие в бенефисе своего мужа 8 февраля 1845 г.

С. 235. *...кроме г-жи Марс, ей не было и нет подобной.* — А.-Ф.-И. Марс — знаменитая французская актриса. Автор «Театральной летописи», сравнивая А. М. Каратыгину с прославленными французскими актрисами, писал: «В старинной комедии г-жа Каратыгина была превосходная актриса. Она образовалась по образцам г-ж Жорж и Марс, и в этом роде, где все зависит более от внешней формы выражения, она стояла на высокой степени совершенства и в течение с лишком двадцати лет не знала соперниц. Но этот род игры вышел из моды ⟨...⟩ В настоящее время комедия без внутреннего драматического движения, без олицетворения какой-нибудь идеи решительно невозможна ⟨...⟩ Г-жа Каратыгина принадлежит бесспорно к прекраснейшим, к самым ярким талантам, какие русская сцена имела, но мы должны сказать откровенно — не к современным талантам» (ЛГ, 1845, 8 марта, № 9, с. 168).

ВАЖНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ

(С. 236)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 29 марта, № 12, с. 217, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову установил А. Я. Максимович по связи с рецензией Некрасова на «Тарантас» В. А. Соллогуба (см. наст. изд., т. XI, кн. I, с. 195—205; ср.: ПСС, т. IX, с. 817).

С. 236. ... *далее Четырех рук...* — Четыре руки — почтовая станция в 12 километрах от Петербурга, вблизи поселка Средняя Рогатка, на бывшем Московском шоссе.

С. 236. *Вообразите два длинные шеста...* — Некрасов цитирует отрывок из главы II книги Соллогуба (СПб., 1845, с. 17—18).

С. 236. ... *поглощает пол-Кузнецкого моста, уложенного в коробки, ящики и картонки...* — На московской улице Кузнецкий мост тогда находились модные лавки.

1845—1846

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

(С. 239)

Печатаются по текстам первых публикаций.

Впервые опубликованы: ⟨1⟩, ⟨2⟩ — ЛГ, 1845, 4 янв. № 1, отдел «Дагерротип», с. 12—13; ⟨3⟩ — ЛГ, 1845, 1 марта, № 8, отдел «Дагерротип», с. 147; ⟨4⟩, ⟨5⟩, ⟨6⟩, ⟨7⟩, ⟨8⟩, ⟨9⟩, ⟨10⟩ — ПА (ц. р. 5. III.1846), с. 131—140. Все публикации без подписи.

«Письмо» ⟨1⟩ предположительно приписано Некрасову: Ашукин, с. 57, 529. На принадлежность Некрасову всех «писем» указал Б. Я. Бухштаб (ЛН, т. 53/54, М., 1949, с. 54; ПСС, т. V, с. 637). Главные аргументы: текстуальная перекличка «письма» ⟨3⟩ со сценой «За стеной» и «Повестью о Суркове», вошедшими в роман Некрасова «Тонкий человек» (см. наст. изд., т. VII, с. 451—467, 611; т. VIII, с. 312—327, 407—409), и тематическое единство всего цикла. Атрибуция «писем» Некрасову подтверждается и найденной рукописью «письма» ⟨10⟩ (см. ниже). Ряд подобных «писем» включен в фарс «Как опасно предаваться честолюбивым снам» (см. наст. изд., т. VII, с. 473 и далее). Ср. также фельетон «Выбранные места из приятельских писем» 1847 г.

В собрание сочинений включены впервые: ПСС, т. V, с. 542—549.

Автографы не найдены.

Идея цикла «Достопримечательных писем» проясняется в некрасовском *примечании* к первому письму и связана с выходом в свет в

конце 1844 г. третьего издания четырехтомного труда Н. И. Греча «Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики и обозрение истории русской литературы». В первом томе (части) труда Греча «Краткие правила риторики» специальная глава посвящена *письмам*. Особенное внимание автор уделял формам *обращения* в письме. «В русском языке, — писал Греч, — форма обращения в письме к *Государю* и императорской фамилии определяется законом. В письмах же к прочим лицам она есть следующая: к высшим нас: *Милостивейший государь*; *Милостивейшая государыня*, к равным: *Милостивый государь*; к низшим: *Милостивый государь мой»* (*Греч Н. И.* Ук. соч., ч. I, с. 44). В № 49—50 «Литературной газеты» 1844 г., редактировавшейся в это время Некрасовым, была напечатана остроумная анонимная рецензия на это издание Греча. Указанная выше регламентация письменных обращений комментировалось рецензентом следующим образом:

«У меня были два приятеля Иван Иваныч и Иван Никифорыч (не тот Иван Иваныч, у которого была славная бекеша, и не тот Иван Никифорыч, который любил лежать в натуре, а другие); сорок лет прожили они душа в душу; на сорок первом году Иван Иваныч написал к своему другу приглашение выпить рюмку водки, которое начиналось так: „Милостивый государь мой, Иван Никифорыч“. Прочитав эту записку, Иван Никифорыч заболел и был близок к смерти. „*Мой*, — повторял он в бреду горячки, — *мой*! Да чем я хуже его? разве я ниже его чином? Разве я не такой же дворянин... дворецкий его, что́ ли я? однодворец какой-нибудь, а?“ Еще не успев совершенно оправиться от болезни, Иван Никифорыч полетел в город и подал просьбу на злейшего врага и поносителя своего Ивана Иваныча. Друзья сделались свирепейшими врагами... и все от чего? — От того, что Иван Иваныч не читал „Учебной книги русской словесности“ г. Греча и не знал, что равный к равному должен писать просто: „Милостивый государь“...» (ЛГ, 1844, 14 дек., № 49, с. 833—834). Эта рецензия, ошибочно приписанная В. Г. Белинскому (Белинский, т. XIII, с. 218—233, 343), принадлежит, по всей вероятности, Некрасову (см. кн. 2 наст. тома).

Глава о письмах в книге Греча завершалась классическими примерами личных и литературных писем Екатерины Великой, М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. В. Суворова и др. Цикл «достопримечательных писем» следует, очевидно, рассматривать как полемически-пародийную «альтернативу» рекомендациям и примерам Греча.

⟨3⟩

С. 241. *Кошнавый* (кошной) — добрый, хороший.

С. 241. *...на запои и на заговоре...* — *Запой* — обряд с выпивкой при сватовстве; *заговор* — сговор, обрученье.

С. 242. *...можем сделать на благовещенье запой...* — Имеется в виду Благовещенье — религиозный праздник, отмечаемый по христианской традиции 25 марта. Связан с евангельским преданием о явлении архангела Гавриила деве Марии с вестью о предстоящем ей рождении Иисуса Христа.

4

С. 243. *Письмо г-на Манилова к Даме приятной во всех отношениях.* — Манилов и Дама приятная во всех отношениях — персонажи «Мертвых душ» Гоголя.

8

С. 246. *Негижировать* — искаженное «неглижировать» (от *франц.* négliger) — пренебрегать.

9

С. 248. *Truh* — написанное с ошибкой слово true (*англ.*) — верный, преданный.

⟨10⟩

Набросок этого «письма» (неизвестной рукой) сохранился на листе, на котором Некрасов записал первоначальную редакцию стихотворения «Родина» (ГБЛ, ф. 195, к. 1, ед. хр. 23; см.: *Фролова Т. Д.* Неизвестный автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Родина». — Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1950, вып. 2, с. 105).

С. 248. *Письмо угнетенной невинности.* — Словосочетание «угнетенная невинность», возможно, взято Некрасовым из повести А. Марлинского «Испытание» (1830), из описания рыночной суеты на Сенной площади в Петербурге накануне Рождества: «Угол, где продают живность, сильнее манит взоры объедал, но это на счет ушей всех прохожих. Здесь простосердечный баран — эта четвероногая идиллия — выражает жалобным блеяньем тоску по родине. Там визжит угнетенная невинность, или поросенок в мешке...» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. в 2-х т., т. I. М., 1981, с. 202). Этот очерк Сенной площади был приведен в качестве примера одной из первых попыток физиологического очерка в русской литературе в приписанном Белинскому фельетоне «Русского инвалида», опубликованном незадолго до выхода сборника «Физиология Петербурга» (Белинский, т. XIII, с 211, 339; ср.: т. IV, с. 335; т. XI, с. 333).

1846

ПУШКИН И ЯЩЕРИЦЫ

(С. 249)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Первое апреля (ценз. разр. — 5 марта 1846 г.), с. 20—21, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V, с. 551. Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено Б. Я. Бухштабом (ЛН, т. 53/54, с. 54—55), указавшим, что об этом фельетоне шла речь как о произведении Некрасова в письме Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому от 8 октября 1845 г. В этом письме Ф. М. Достоевский сообщал, что он подготавливает альманах «Зубоскал», в который, наряду с другими

материалами, должны войти статьи Некрасова, — среди них: «Лекция *Шевырева* о том, как гармоничен стих Пушкина, до того, что когда он был в *Колизее* и прочел двум дамам, с ним бывшим, несколько стансов *Пушкина, то все лягушки и ящерицы, бывшие в Колизее, сползлись его слушать.* (Шевырев читал это в Московск⟨ом⟩ университете)» (Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 114).

ПОЩЕЧИНА

(С. 249)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Первое апреля (ценз. разр. — 5 марта 1846 г.), с. 34—37, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: стихотворение «Пощечина людей позорит...» — ПССт 1927, с. 418; полностью — ПСС, т. V, с. 552—553.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским, отметившим, что в фельетон включены куплеты из некрасовского водевиля «Петербургский ростовщик» (ПССт 1927, с. 525).

С. 250. *Пощечина людей позорит...* — Куплеты ростовщика Лоскуткова из явл. XIII водевиля «Петербургский ростовщик» (см. наст. изд., т. VI, с. 162). В тексте водевиля стих 19: «Сердиться, мщенье затевать...»; стих 23: «Не встретишь горя целый век».

С. 251. *...порядочное количество ломбардных билетов...* — Ломбардный билет — документ, удостоверяющий хранение и залог движимого имущества на определенную сумму.

1847

ИЗ СТАТЬИ «ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ НОВОГО ПОЭТА»

(С. 252)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 4 (ценз. разр. — 31 марта 1847 г.), отд. IV, с. 159.

В собрание сочинений впервые включено: стихотворение «В один трактир они оба ходили прилежно...» — Ст. 1920 (См. также наст. изд., т. 1, с. 60). Весь текст в собрание сочинений включается впервые.

Автограф стихотворения «В один трактир они оба ходили прилежно» с дарственной надписью «Огареву Н. Некрасов» — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед., хр. 6. На обороте — неизвестной рукой сделаны карандашные наброски: профиль старика и юношеский абрис.

Автограф всего текста не найден.

Весь текст атрибутирован Некрасову: НЖ, с. 125—126 по неразрывной связи прозаической части со стихотворением.

В полном составе статья представляет собой публикуемое *Новым поэтом* письмо вымышленной поклонницы его таланта, содержащее стихотворение «Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...» (пародия на Е. П. Ростопчину), просьбу продолжать публикации стихов *Нового поэта* и ряд его новых стихотворений: «Густолиственных кленов аллеи...», «Перед балом», «Египтянка», «Болото и степь, и окрест ни кусточка...», «К матери». Статья заключается комментируемым фрагментом.

К сведениям о стихотворении «В один трактир...», данным в наст. изд., т. I, с. 593, необходимо прибавить (в связи с упоминанием имени Г. Гейне в сопровождающем стихотворение тексте): лермонтовское «Они любили друг друга так долго и нежно...» (объект «перепева» Некрасова) — вольный перевод стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide». Оно было впервые напечатано в № 12 «Отечественных записок» 1843 г. с двумя первыми строками из стихотворения немецкого поэта в качестве эпиграфа. В статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» Некрасов отнес его к «замечательнейшим произведениям» Лермонтова (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 144). Однако подарок Некрасова Огареву не был случайным. В «Отечественных записках» 1842 г. (№ 3, отд. I, с. 269) был напечатан вольный перевод того же стихотворения Гейне с подписью «Н. Огарев»:

Встреча

Друзья они смолоду были,
Но рано расстались они
И встретились после случайно
Чрез долгие годы и дни.

И как же они удивились!
Уж лица наморщились их.
И головы были седые,
И сгорблены спины у них.

Старик старику подал руку
И молча смотрел — и никто
Из них не сказал, сколько было
Им внутренних бурь прожито.

Таким образом, некрасовский «перепев», будучи ближе к лермонтовскому, является одновременно и перепевом огаревского стихотворения, — вообще «перепев» русских многочисленных стихов «под Гейне».

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

(С. 252)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 7 (ценз. разр. — 30 июня 1847 г.), отд. IV, с. 51—70, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову установлена М. М. Гином по связи фельетона с его рецензией на 1-й и 2-й выпуски «Музея современной иностранной литературы» (1847) и с фельетоном «Выдержка из записок старого театрала» (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.—М., 1948, с. 257—260).

С. 253. *Вольнис* — сценическая фамилия французской актрисы Леонтины Фэ (1811—1876), которая играла во французской труппе Михайловского театра в Петербурге с 1847 по 1868 г.

С. 253. *...из «Галереи драматических артистов», изданной в Париже несколько лет назад.* — Имеется в виду издание: Galerie des artistes dramatiques de Paris avec des notices biographiques par m. m. Alex. Dumas, A. Arnould, Berlioz et autres. Paris, 1841—1842. 2 vol. (Галерея драматических артистов Парижа, с биографическими очерками, написанными гг. Алекс. Дюма, А. Арну, Берлиозом и другими. Париж, 1841—1842. Т. 1—2). Биография Вольнис помещена в т. 1 под № 41.

С. 253. *Г⟨оспода⟩ Скриб и Пуарсон распоряжались в это время в театре «Gymnase».* — О. Э. Скриб (1791—1861) — французский драматург; Ш.-Т. Делестр-Пуарсон (1790—1859) — французский водевилист, директор театра «Жимназ» в Париже.

С. 254. *Казимир Делавинь сказал ∾ живут недолго...* — К. Делавинь (1793—1843) — французский поэт и драматург; приведенная цитата взята из его драмы «Дети Эдуарда» (1833; «Les enfants d'Edouard», acte 1, sc. 2).

С. 254. *...имела блестящий успех в ∾ «Don-Juan» Казимира Делавиня, «Camaraderie», «Marquise de Senneterre», в «Maria Padilla» и в других драмах...* — Перечислены пьесы из репертуара Вольнис: комедии «Австрийский Дон-Жуан» К. Делавиня (1836), «Товарищество, или Короткая лестница» («Camaraderie, ou la Courte échelle») Э. Скриба (1837), «Маркиза Сенетьер» (опубл. в 1837 г.) Мельвиля (Mélesville) (псевд. А.-О. Ж. Дюверье) и Ш. Дюверье (Ch. Duveyrier); «Мария Падилла» (1838), трагедия Ж.-А. Ансело.

С. 255. *В Петербурге она была принята с восторгом.* — Вольнис дебютировала на сцене Михайловского театра 10 июня 1847 г. Театральный обозреватель «Северной пчелы» Р. М. Зотов писал об этом событии: «Вся публика была от нее в восторге, и все рады, что труппа наша украсилась таким драгоценным сюжетом» (СП, 1847, 18 июня, № 136, с. 541).

С. 255. *...она дебютировала в прошлом месяце в драмах: ∾ в «Mathilde, ou La jalousie», «Rodolphe, ou Frère et soeur», «La grande dame, ou Amelie et Ferdinand» и «Une faute».* ∾ В водевилях «Тиридате» и «La marraine»... — Перечислены пьесы из репертуара Вольнис: комедия «Матильда, или Ревность» Ж.-Ф.-А. Баяра и Лоренсена (П.-Э. Шапеля) (1835; в рус. пер. Н. П. Мундта опубликована — РРТ, 1841, кн. 8), комедия-драма «Родольф, или Брат и сестра» Э. Скриба и Мельвиля (А.-О.-Ж. Дюверье) (1823; в рус. пер. Д. Т. Ленского под назв. «Влюбленный брат» — РРТ, 1839, кн. 8); драма «Знатная дама, или Амелия и Фердинанд» Ж.-Ф.-Баяра (1831); драма «Ошибка» Э. Скриба, Мельвиля и Баяра (1830; в рус. пер. под назв. «Вина» ставилась в Москве в 1832, 1847—1849 гг.); комедии-водевили «Тиридат, или Комедия и трагедия» Н. Фурнье (1841; в рус. пер. Н. А. Некрасова — «Вот что значит влюбиться в актрису» — см. наст. изд., т. VI, с. 251, 691) и «Крестная мать» Э. Скриба, Ж.-Ф. Локруа и Ж. Шабо де Буэна (1827; рус. пер. Д. Т. Ленского под назв. «Крестная маменька». М., 1831).

С. 255. *В следующем месяце мы надеемся подробно поговорить об этой ∾ артистке...* — Это обещание не было выполнено.

С. 255. *Плесси* — Ж.-С. Арну—Плесси, французская актриса, выступала на петербургской сцене с 1845 по 1855 г.

С. 255. *Содержание их всё еще вертится около любви, за которою к концу пьесы непременно следует женитьба. По мнению наших водевилистов, мы только и делаем, что влюбляемся да женимся...* — Ср. в статье В. Г. Белинского «Александринский театр» (1845): «Если верить нашим драмам, то можно подумать, что у нас на святой Руси все только и делают, что влюбляются и замуж выходят...» (Белинский, т. VIII, с. 546).

С. 256. *...куплеты на жен, судей, докторов, рогатых мужей, невест, засидевшихся в девках...* — Ср. в фельетоне Некрасова «Выдержка из записок старого театрала»: «Восторг публики легко было предугадывать также безошибочно 〈...〉 когда пелись куплеты, направленные на жен, судей, вдов, докторов, мужей...» (наст. кн., с. 194).

С. 256. *«Женатые повесы, или Дядюшка ищет, а племянник рыщет»* — переводной водевиль А. Н. Андреева (1847).

С. 256. *«Красноярский купец»* — комедия-водевиль в одном действии Н. Акселя (Н. Ф. Линдфорса) (1847).

С. 256. *«Комедия с дядюшкой»* — оперетта-водевиль П. И. Григорьева (1846).

С. 256. *«Толстяк и тощий»* — шуточная сцена в одном действии Ф. А. Кони (1847).

С. 257. *«Дядюшка, каких мало, или Племянник в хлопотах»* — фарс-водевиль П. П. Татаринова (1847).

С. 257. *Любимые действующие лица таких водевилей ∾ татары с халатами, итальянцы с гипсовыми фигурами ∾ важнейшие и употребительнейшие эффекты ∾ переодеванья ∾ появление одного и того же лица в одной пьесе в нескольких ролях...* — Эти водевильные штампы сполна были использованы самим Некрасовым в его одноактном водевиле-шутке «Актер» (1841; см. наст. изд., т. VI, с. 116—136).

С. 257—258. *Беганье по сцене одного действующего лица за другим, показыванье кулаков и разные угрожающие телодвижения, битье в спину.* — Ср. в фельетоне Некрасова «Выдержка из записок старого театрала»: «Когда действующие лица били друг друга, подставляли 〈...〉 ноги 〈...〉 и бегали один за другим по сцене, с приготовленным кулаком» (наст. кн., с. 193).

С. 258. *Ссоры, примирения, узнания, падения на колени, обниманья, слезы, неистовый хохот...* — Ср. в фельетоне «Выдержка из записок старого театрала»: «Когда действующие лица целовались, обнимались, упадали на колени друг перед другом и плакали 〈...〉 Когда сын узнавал отца, мать дочь, брат сестру — и наоборот» (наст. кн., с. 193).

С. 258. *...самые строгие ценители и судьи.* — Выражение из монолога Чацкого в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»:

Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!

(действ. II, явл. 5).

С. 259. *Со временем я представлю вам очерк современной нашей драмы...* — Этот замысел Некрасова не был осуществлен.

С. 259. *Новый поэт ∾ представит вам образчик русской оригинальной драмы ∾ «Басманов, или „И дым отечества нам сладок и приятен!“»* — Один из многочисленных «замыслов» Нового поэта (коллективная маска И. И. Панаева и Некрасова), реализация которых не была обязательной. Цель этих «обещаний», как правило, — поддержание постоянных тревожных ожиданий в среде журнальных противников. В данном случае «обещается», очевидно, пародия на патриотическую трагедию «Петр Басманов» (1835) Е. Ф. Розена, сотрудника критического отдела «Сына отечества». Через несколько месяцев в коллективном фельетоне Некрасова и Панаева «Современные заметки» эта драма упоминается как «почти совсем оконченная» (С, 1847, № 12, отд. IV, с. 189).

С. 259. *В «Современнике» ∾ было уже говорено о новом издании, под названием «Музей современной иностранной литературы»...* — Имеется в виду рецензия Некрасова на 1-й, 2-й выпуски этого издания (см. наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 22—26).

С. 260. *В четвертом выпуске «Музея» напечатана ∾ повесть «Деревенский доктор»... Кроме «Музея», та же повесть явилась еще в двух журналах—в одном очень читаемом и в другом вовсе не читаемом...* — Имеется в виду повесть С. д'Арбувиль «Деревенский доктор. Голландская история» (1847). Софи де Базанкур, в замужестве мадам Люарэ д'Арбувиль (1810—1850), правнучка Софи Удето, возлюбленной Ж. Ж. Руссо, вошла в историю французской литературы не как автор книги, изданной с благотворительной целью в Париже в 1847 г., но как хозяйка известного литературного салона, «романтическая муза», друг и корреспондент поэта и критика Ш. О. Сент-Бева. О ней см.: *Séché Léon*. Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Saint-Beuve, 1846—1850. Paris, 1909. В переводе на русский язык повесть д'Арбувиль была напечатана в 1847 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 82) под заглавием «Деревенский врач» и в «Сыне отечества» (1847, № 5) под заглавием «Деревенский лекарь». В 1852 г. повесть вошла в состав изданных в Петербурге «Повестей графини Арбувиль». В рецензии, помещенной в № 9 «Современника» 1852 г. и приписываемой Некрасову, она получила отрицательную оценку.

С. 260. *...подобно последнему роману Жоржа Санда, удостоилась чести попасть в три издания...* — Имеется в виду роман Ж. Санд «Пиччинино» (1847), переводы начала которого появились в июньских номерах «Современника», «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок». Продолжение их печатания было запрещено цензурой. На лицевой стороне передней обложки № 7 «Современника» 1847 г., в котором помещен и комментируемый фельетон, было напечатано объявление: «Продолжение романа Жоржа Санда „Пиччинино“ не может быть напечатано по причинам, не зависящим от редакции». Подробнее об этом см.: НЖ, с. 176.

С. 264. *Я его любила, как Дант любил Беатрису.* — Беатриса (Беатриче) Портинари (1265—1290) — возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321).

С. 272. *...«Путевые заметки», соч. Т. Ч. ...* — Т. Ч. — криптоним писательницы А. Я. Марченко. См. рецензию Некрасова на это издание, напечатанную в № 8 «Современника» 1847 г. (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 26—31). В тексте комментируемого фельетона цитируются с. 13—16, 19—23, 26—27, 28—30, 31—32, 33—35, 46—50 повести «Три вариации на одну тему», которой открываются «Путевые записки».

С. 273. *...я отлагаю разбор «Гувернантки» до следующего нумера.* — См. рецензию Некрасова на «Путевые заметки Т. Ч.». (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 26—31).

С. 273. *...вышел первый том обширного сочинения «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» Александра Бутовского.* — А. И. Бутовский (1815—1890) — экономист. Рецензия В. А. Милютина на его книгу появилась в последующих номерах журнала (С, 1847, № 10—12). В. Э. Боград высказал предположение, что фрагмент комментируемого фельетона, относящийся к этой книге, также принадлежит Милютину (Боград Совр, с. 483; ср.: ПСС, т. IX, с. 795). Однако это маловероятно, так как не было необходимости перепоручать специалисту, готовящему подробную рецензию, беглую характеристику этого труда.

«ТЕОРИЯ БИЛЬЯРДНОЙ ИГРЫ» И НОВЫЙ ПОЭТ

(С. 273)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 11 (ценз. разр. — 31 окт. 1847 г.), отд. IV («Смесь»), «Современные заметки», 2-й раздел, с. 108—113, без подписи. Непосредственно перед текстом этого фельетона заглавие не выставлено, так как материалы 2-го раздела «Современных заметок» напечатаны подряд, без подзаголовков. В развернутой редакционной аннотации 2-го раздела «Современных заметок» (там же, с. 102): «Теория бильярдной игры» и «Новый поэт».

Стихотворные вставки включались в ПССт 1967, т. I, с. 493—496.

Полностью фельетон включается в собрание сочинений впервые.

Автограф не найден.

Включенные в фельетон стихи местами текстуально совпадают с главой из романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», опубликованной лишь в 1931 г., что и является основанием для атрибуции. Авторство Некрасова установили: по отношению к стихам — А. М. Гаркави в докладе «Новые материалы о Некрасове», прочитанном на Некрасовской конференции в Ленинграде 9 января 1955 г. (см.: Новые исследования и публикации. — Лит. газ., 1955, 13 янв.); по отношению ко всему фельетону — А. Ф. Крошкин в статье «Неизвестный фельетон Н. А. Некрасова „Теория бильярдной игры" и Новый поэт» (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1957, т. XVI, вып. 1, с. 60—66).

С. 273. *Теория бильярдной игры ∾ СПб. 1847.* — По данным каталога Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, автором французского оригинала этой книги является Менго.

С. 273. *Новый поэт* — псевдоним, под которым выступали И. И. Панаев и Некрасов.

С. 274. *О вы, герои биллиарда!* — Своеобразная калька с названия водевиля П. И. Григорьева «Герои преферанса, или Душа общества» (1843). О «бильярдных героях» у Некрасова см. также: наст. изд., т. IX, кн. 1, с. 154, кн. 2, с. 350—351.

С. 274. *Клико* — сорт шампанского (по названию французской фирмы).

С. 275. *Гаер* — шут.

С. 275. *На днях я прочел Измайлова и — пусть извинят меня щепетильные уши — нашел, что если уж подражать, так подражать ему...* — Измайлов А. Е. (1779—1831) — баснописец, нередко описывавший сцены из «простонародного» быта. Белинский писал о нем: «Он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня» (Белинский, т. IV, с. 148).

С. 275. *Сибирка* — здесь: короткий кафтан с меховой опушкой.

С. 275—276. *Среди гусей, окороков, индеек* ∾ *Да дело, варвар, знает мастерски!* — Этот стихотворный отрывок восходит к следующему месту в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «Агаша увидела несколько окороков и других разных мяс, пирогов и тому подобных съестных припасов, симметрически разложенных на прилавке; за прилавком стоял жирный буфетчик в рубахе и в фартуке, с черной окладистой бородой, тщательно округленной...» (наст. изд., т. VIII, с. 268).

С. 276. *...не только ночуют, но и вечно живут тучи, только не золотые...* — Вариация на тему стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» («Ночевала тучка золотая...», 1841).

С. 276. *Но хоть сия российская таверна* ∾ *С поклоном содержащее съедал...* — Стихотворение является переработкой той сцены романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», где описаны завсегдатаи трактира: «...какой-то отчаянный усач в венгерке с бранденбурами, подбитой ранжевым мериносом; франт, как видно, только что раненный в нос, который у него был залеплен хлопчатой бумагой, выдернутой из рукава венгерки и сквозь которую проступала кровь ⟨...⟩ фокусник в сером нанковом сюртуке, с немецкой физиономией ⟨...⟩ он, выпив поднесенную ему кем-то рюмку водки, разжевал и проглотил хрусталь...» (наст. изд., т. VIII, с. 269).

С. 276. *В архалуке, подбитом мериносом...* — Архалук — род стеганой куртки; меринос — род шерстяной ткани.

С. 276. *Бранденбуры* — шнуры, употреблявшиеся для отделки верхней одежды.

С. 276. *Кнастер* — сорт курительного табака.

С. 277. *Кикс* — неверный удар в игре в бильярд.

С. 278. *Вишь куда метнул!* — Ср. реплику гоголевского Городничего: «О, тонкая штука! Эк куда метнул!» («Ревизор», д. II, явл. 8).

С. 279. *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и флотоводец.

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПРИЯТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

(С. 279)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 12 (вып. в свет 1 дек. 1847 г.), отд. IV, «Современные заметки», с. 194—201, без подписи (название дано в подзаголовке к указанной рубрике).

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову обоснована (НЖ, с. 117—118) по текстуальным совпадениям и перекличкам фельетона с соответствующими местами в романе Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848), по отраженным в фельетоне биографическим фактам и обстоятельствам жизни Некрасова (см. реальный комментарий). Два других фельетона из «Современных заметок» декабрьского номера «Современника» 1847 г. («Письмо Нового поэта к издателям „Современника“» и «О журнальных объявлениях и обещаниях»), написанные Некрасовым, очевидно, совместно с И. И. Панаевым, помещаются в кн. 2-й т. XII настоящего издания.

Фельетон «Выбранные места из приятельских писем» своим названием еще раз напоминал о книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», которая в течение 1847 г. неоднократно высмеивалась «Современником». Основная его идея — реклама Конторе комиссионерства и агентства М. А. Языкова, которая занималась, в частности, вопросами подписки на «Современник» и его рассылкой. По форме, характеру и содержанию этот фельетон напоминает такие произведения Некрасова 1845 г., как «Роман в письмах», «Достопримечательные письма». В качестве материала для этого фельетона Некрасов, возможно, использовал фрагменты своего незавершенного романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», который был обещан читателям «Современника» 1847 г. и в фельетоне «О журнальных объявлениях и обещаниях» переносился на 1848 г.

С. 279. *...позвольте ∾ сообщить вам несколько извлечений из ∾ писем, от разных Пиладов к многоразличным Орестам.* — Орест и Пилад — герои древнегреческой мифологии, символ верности в дружбе и неразлучности. Обзор аналогичных писем из провинции в коммиссионерскую контору см. в романе Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света» (наст. изд., т. IX, кн. 1, с. 148).

С. 281. *Гименей* — в древнегреческой и древнеримской мифологиях — бог брака.

С. 281. *...еще Полевой, кажется, сказал:*

Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?

— Слова из монолога Чацкого в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3).

С. 282. *...не то на Васильевском острову, не то за Знаменьем...* — Знаменьем в просторечии называлась в Петербурге Знаменская церковь, стоявшая на месте нынешней станции метро «Площадь Восстания».

С. 283. *...она проходит мимо магазина m-me Вихман...* — Модный магазин мадам Вихман находился на Невском пр., 69.

С. 283. *Пески* — тогдашняя окраина Петербурга.

С. 283. *Я пустился в литературу. В две недели написал я роман...* — Ср. историю Тихона Тростникова — героя романа Некрасова, который, как и Сучков, исчерпав все возможности поправить свое материальное положение, решил издать книгу своих стихов и записал их в тетрадь в течение одной ночи (см. наст. изд., т. VIII, с. 89).

С. 284. *Прихожу я в книжный магазин N — «Вам что угодно-с?» ∾ А в других магазинах и ровно ничего не давали.* — Ср. диалог Тихона Тростникова с книгопродавцем из Гостиного двора, местами текстуально совпадающий с комментируемым фрагментом (см. там же, с. 91—93).

С. 285. *...пошел я к С. ∾ он сказал, что ∾ роман мой напечатает, только надо в нем сделать кой-какие изменения ∾ а в прочем все может остаться так, как есть.* — Прототипом журналиста С. является, очевидно, О. И. Сенковский, редактор «Библиотеки для чтения», отпугивавший многих писателей тем, что считал себя вправе по своему усмотрению перерабатывать их произведения.

С. 285. *От С. отправился я к издателям журнала, который теперь в большой моде.* — Имеется в виду, очевидно, «Современник» Некрасова и Панаева.

С. 286. *О существовании «Сына Отечества» узнал я гораздо позже ∾ Жаль! там бы, верно, напечатали.* — «Малоизвестный» «Сын отечества» — предмет постоянных насмешек Некрасова и Белинского (см. в настоящей книге юмористический цикл «Падающие звезды» и комментарий к нему). Намек на недостаток материалов у редакции этого журнала прямо связан с иронической констатацией того же обстоятельства в следующем фельетоне «Современных заметок».

С. 288. *...на это есть у нас контора агентства и комиссионерства Языкова и комп⟨ании⟩...* — О Конторе агентства и комиссионерства М. А. Языкова и Н. Н. Тютчева, ведавшей, в частности, и подпиской на «Современник», см.: наст. изд., т. I, с. 430; т. VIII, с. 774; т. IX, кн. 2, с. 349. Рекламное объявление — заметка «⟨От редакции⟩» — о конторе Языкова было напечатано Некрасовым в № 1 «Современника» 1847 г.

1849

ЖУРНАЛИСТИКА

(С. 289)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1849, № 9 (ценз. разр. — 31 авг. 1849 г.), отд. V, с. 164—175, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. XII.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено Н. В. Драгомирецкой и А. С. Аникиной (см. ПСС, т. XII, с. 448—449) по содержанию. Дополнительными аргументами в пользу авторства Некрасова являются сходство критических оценок литературной продукции Л. В. Бранта с аналогичными суждениями в рецензиях Некрасова «Аристократка, быль недавних времен, рассказанная Л. Брантом» (1843) и «Наполеон, сам себя изображающий» (1843) (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 76—80, 93), упомянутых в комментируемой статье (см. наст. кн., с. 294); совпадение иронических высказываний по поводу «Москвитянина», «Сына отечества» с аналогичными оценками этих журналов в фельетоне Некрасова «Отчеты по поводу Нового года» (1845) (см. наст. кн., с. 197—198) и в других его литературно-

критических выступлениях 1840—1850-х гг.; смысловые и текстуальные соответствия суждений о «натуральной школе», о «последователях риторической школы» (наст. кн., с. 298) с критическими отзывами Некрасова о «высоком слоге» и риторике повестей П. П. Каменского, о «фразистых повестях» А. А. Бестужева-Марлинского, о «вычурности» стихотворений В. Г. Бенедиктова в рецензии «Сто русских литераторов» (1841), в статье «Русские второстепенные поэты» (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 2; т. XI, кн. 2, с. 32—33; также наст. кн., с. 298). Авторство Некрасова подтверждается также автобиографической характеристикой сборника «Мечты и звуки» (1840) («смешно вспоминать с гордостию и самодовольствием о своих детских попытках» — наст. кн., с. 295) и ответом на критический отзыв о романе «Три страны света» (1848—1849) (см. наст. кн., с. 289—290); кроме того, структурой и стилем комментируемого фельетона: приметными для критических статей и рецензий Некрасова 1840—1850-х гг. полемическими приемами, ироническим цитированием и свободным пересказом рецензируемых источников.

Начало статьи (С, 1849, № 9, отд. V, с. 150—163), посвященное пересказу повести Н. Борисова (псевдоним писателя и поэта В. В. Толбина) «Любинька», судя по содержанию и стилю, не принадлежит Некрасову и потому не публикуется в настоящем издании. Высказанное исследователями предположение об А. Я. Панаевой как авторе этой части (см.: ПСС, т. XII, с. 449; Боград Совр, с. 499—500) по существу бездоказательно. Им мог быть и И. И Панаев, тем более что современники воспринимали «Журналистику», опубликованную в сентябрьском номере «Современника», как редакционную статью (см.: *Брант Л. В.* «Петербургский вестник». — СО, 1849, № 10, отд. VII, с. 53).

Комментируемая статья является продолжением опубликованных в 7-м и 8-м номерах «Современника» за 1849 г. двух статей под названием «Журналистика» (за подписью ***). По наблюдениям исследователей, их автором, по-видимому, был И. И. Панаев (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50-е гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, с. 308; ЛН, т. 53/54, с. 441—442; ПСС, т. XII, с. 448). По мнению В. Э. Бограда, такое утверждение излишне категорично и бездоказательно (см.: Боград Совр, с. 125, 126, 499). Судя по содержанию «Журналистики», опубликованной в № 8 «Современника» за 1849 г., соавтором ее мог быть и Некрасов (см. об этом ниже, с. 472). «Журналистика», опубликованная в 7-м и 8-м номерах «Современника», являлась продолжением «Писем Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской литературе» (А. В. Дружинина), прекратившего на летние месяцы публикации своих обзоров.

Статья Некрасова посвящена критическому обозрению современной журналистики, главным образом «Северному обозрению», «Сыну отечества», отличавшемуся постоянными нападками на «Современник», «Москвитянину», «Отечественным запискам». «Северное обозрение» критикуется в ней за «благонамеренность» его «милой критики, желающей быть со всеми в ладу» (см. наст. кн., с. 289), «Москвитянин» — за неизменные опоздания с выходом в свет и за направление «официальной народности». Главной мишенью в ней является «Сын отечества» и его сотрудник Л. В. Брант, автор «Петербургского вестника» (см. о нем: т. XI, кн. 1, с. 386—387, 393—394, наст. кн., с. 438), именуемый «Современником» «неизвестным фельетонистом». При этом Некрасов дважды подчеркивает свое несогласие

с автором «Журналистики» (С, 1849, № 8, отд. V, с. 278), по-видимому, И. И. Панаевым, названным в статье «одним из наших сотрудников», «нашим сотрудником» (см. с. 292—293), суждения которого о «Сыне отечества» и «Москвитянине» отличались излишней терпимостью.

Комментируемая статья по своему замыслу, содержанию и стилю в известной мере предвосхищала «Заметки о журналах» 1855—1856 гг. (см. наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 141—258); кроме того, она — редкий пример выступления Некрасова в свою защиту: имеются в виду его полемика с «Северным обозрением» о романе «Три страны света» и ответ Л. В. Бранту по поводу сборника «Мечты и звуки» (см. наст. кн., с. 289—290, 295).

«Журналистика» вызвала неодобрительные отклики «Сына отечества». Е. Ф. Розен в «Критических заметках» назвал ее «сборным винегретом», отметив «удивительную падкость „Современника" к чужому журнальному добру» (СО, 1849, № 10, отд. VI, с. 15; см. также ниже, с. 471). Л. В. Брант, вступив в полемику с «Современником», увидел в «Журналистике» «длинную антикритику», «полемическую статейку», «написанную слишком нехладнокровным и неумеренным тоном»; «заметки со стороны самой редакции „Современника"» (СО, 1849, № 10, отд. VII, с. 53).

Защита «Современника» содержалась в «Письме» X «Иногороднего подписчика о русской журналистике», в котором А. В. Дружинин иронизировал по поводу «остроумия» «Сына отечества» и его «остроумного фельетониста, известного под названием „неизвестного фельетониста"» (Л. В. Бранта) (С, 1850, № 1, отд. VI, с. 32—33, 37; также: *Дружинин А. В.* Собр. соч., т. 6. СПб., 1865, с. 247—248, 252).

С. 289. *«1) Не предписывать никому своих законов ∾ заслуживают внимания как полезные труды или как явления, в каком-нибудь отношении примечательные».* — Цитируется редакционное вступление к «библиографической хронике» «Северного обозрения» (1849, т. I, с. 233—234); курсив Некрасова.

С. 289. *...эта кроткая и снисходительная критика отзывается с равною похвалою о «Современнике» и «Сыне отечества», об «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения».* — Некрасов иронизирует по поводу следующего тезиса статьи «Обозрение русских журналов», принадлежащего, по-видимому, редактору «Северного обозрения» В. В. Дерикеру: «Простые и немногосложные правила, которыми мы предположили себе руководствоваться в действительной серьезной критике, высказаны в коротком вступлении в библиографическую хронику. Здесь же мы не критически разбираем, а только слегка обозреваем и указываем» (Сев. обозр., 1849, т. I, «Смесь», с. 282).

С. 289—290. *Эта милая критика желает быть со всеми в ладу ∾ Она с похвалою отзывается и о «Трех странах света» ∾ и о повести г. Масальского: «Лейтенант и поручик 1710 г.».* — «Три страны света» — роман Некрасова и Н. Станицкого (псевдоним А. Я. Панаевой), опубликован в «Современнике» (1848, № 10—12; 1849, № 1—5). Повесть редактора «Сына отечества» К. П. Масальского «Лейтенант и поручик 1710 года. Быль времен Петра Великого» опубликована в «Сыне отечества» (1849, № 3).

С. 290. *«„Сын отечества" также не отставал в деятельности ∾ с русским бытом в восемнадцатом столетии».* — Цитируется «Обо-

зрение русских журналов» (Сев. обозр., 1849, т. I, «Смесь», с. 289); в «Северном обозрении»: «в осьмнадцатом столетии»; курсив Некрасова. Ср. ироническую оценку Некрасовым исторических повестей и пьес К. П. Масальского и Н. В. Кукольника: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 19—22; т. XII, кн. 2.

С. 290. *...повестям Кукольника, взятым из времен Петра Великого...* — Имеется в виду повесть Н. В. Кукольника «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» (1844).

С. 290. *О «Трех странах света» «С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩» выразилось с необыкновенною грацией* ∾ *«Видимое присутствие в некоторых местах романа женского эстетического чувства и женского пера* ∾ *желаем новых успехов».* — Цитируется «Обозрение русских журналов» (Сев. обозр., 1849, т. I, «Смесь», с. 283—284). Ироническое отношение Некрасова к отклику «Северного обозрения» по поводу «Трех стран света» (1848—1849) вызвано тем, что в нем обыгрывалось участие «прекрасной знакомой незнакомки» (А. Я. Панаевой) как его соавтора (см. наст. изд., т. IX, кн. 2, с. 337—338).

С. 290. *Жюль Жанен* (1804—1874) — французский писатель, критик, фельетонист. Его творчество было популярно в России в 1830—1840-х гг.

С. 290—291. *«Ты, неуч — остроумно заметил Петр Иванович* ∾ *каковы и были в самом деле, в натуре».* — Здесь и далее цитируется повесть «Приезжие из провинции, или Летние петербургские увеселения» за подписью «Т***» (Сев. обозр., 1849, т. I, отд. «Смесь», с. 303, 304—305, 306, 307, 310); курсив Некрасова.

С. 290. — *Ну, уж тогда атанде!* — Атанде (от *франц.* attendre — ждать, ожидать) — народное выражение, употребляемое в азартных играх: стой, постой (см.: Даль, т. I, с. 28); здесь в значении погоди.

С. 291. *...он упоминает о Минеральных водах и прибавляет, что там Иван Иваныч просто чудеса творит.* — Иван Иваныч — И. И. Излер (1811—1877), владелец загородного сада под Петербургом. Минеральные воды — одно из украшений загородного сада; были расположены близ «Новой деревни». Ср. принадлежащий, по-видимому, И. И. Панаеву отзыв об И. И. Излере в «Современных заметках», в которых высмеивались фельетонисты и стихотворцы, воспевающие «красноречивое и яркое описание чудес» «чародея и великого художника Излера» (С, 1848, № 10, отд. IV, с. 126—135), и в позднейшем фельетоне (С, 1849, № 7, отд. V, с. 105). О возможном авторстве И. И. Панаева см.: Боград Совр, с. 478, 494. См. также стихотворение Некрасова «Прихожу на праздник к чародею...» (1850) — наст. изд., т. I, с. 70.

С. 291. *...Излер... «несчастных друг и друг честных людей!»* ∾ *вместе с афишами разносили и эти стихи.* — Цитируются строки из стихотворения, посвященного И. И. Излеру, опубликованного в принадлежащих, по-видимому, И. И. Панаеву «Современных заметках»:

Хвала тебе, наш Излер благородной,
Несчастных друг и друг честных людей!
Хвала тебе! Ты в памяти народной
Останешься на память наших дней.

(С, 1848, № 10, отд. IV, с. 133—134).

С. 291. *Но всё это ничего перед рассказом «Злоключения нежного сердца»...* — Речь идет о рассказе Г. Анненского «Злоключения нежного сердца. Отрывок из признаний бедного человека» (Сев. обозр., 1849,

т. I, № 2, «Смесь», с. 582—601). Далее рассказ цитируется в характерной для Некрасова иронической манере и пересказывается близко к тексту.

С. 292. *...(«С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩» придерживается удивительного правописания «Библиотеки для чтения»)...* — По-видимому, здесь содержится намек на полемику, начатую еще в 1835 г. «Библиотекой для чтения» по поводу употребления слов «сих, оных, коих, поелику». См. об этом в рецензии и статье В. Г. Белинского «Литературные пояснения» (1838), «Современные заметки» (1847) (т. II, с. 541—549; т. X, с. 166—173).

С. 292. *Помещение таких статеек ∾ не показывает большого литературного такта в новой редакции...* — «Северное обозрение» — учено-литературный журнал, возник на основе «Финского вестника», издававшегося с 1845 г. Ф. К. Дершау и В. В. Дерикером. С 1848 г. «Финский вестник» переходит к профессору-востоковеду В. В. Григорьеву, который переменил название (с 1848 г. стал называться «Северное обозрение») и характер журнала. «Северное обозрение» в отличие от «Финского вестника» по своему направлению стало близким «Москвитянину». В 1848 г. В. В. Григорьев выпустил всего три номера и передал журнал В. В. Дерикеру. Дерикер проповедовал «беспристрастие, справедливость, снисходительность»; в равной мере хвалил «Современник» и «Сын отечества», журналы разных общественно-литературных позиций.

С. 292. *...можно указать еще на следующие статьи: «Лопари, карелы и поморцы Архангельской губернии» ∾ «Карамзин как ценитель и переводчик Шекспира».* — Имеются в виду статьи: «Лопари, карелы и поморцы Архангельской губернии» без подписи, с примечанием от редакции: «Эта статья — краткое извлечение из весьма любопытной книги „Очерки Архангельской губернии“ В. Верещагина. СПб., 1849». Журнальная публикация книги (Звездочка, 1847—1848) использовалась Некрасовым в качестве источника в работе над романом «Три страны света» (см. наст. изд., т. IX, кн. 2, с. 326, 361, 365); *А. Попов.* Устройство уголовных судов в Московском государстве. Статья вторая и последняя; *Я. Грот.* Прогулка по Готскому каналу. (Глава из дневника, веденного в Швеции); Карамзин как переводчик Шекспира (за подписью «Р. Р.» — автор П. С. Савельев), опубликованные в «Северном обозрении» (1849, т. I, с. 149—179, 180—228, 464—469, 470—488, 622—623).

С. 292. *Иногородний подписчик «Современника», доставляющий в журнал наш письма о русской журналистике ∾ прекратил на время свои письма, которые, впрочем, вероятно, возобновятся с будущего месяца. В продолжение июля и августа занимался отделом журналистики ∾ один из наших сотрудников.* — Имеется в виду беллетрист и критик А. В. Дружинин (1824—1864), печатавший в «Современнике» «Письма Иногороднего подписчика...» с января по июнь 1849 г. С октябрьского номера «Письмом седьмым» Дружинин возобновил свои журнальные обозрения. За время его отсутствия обозрение журналистики в «Современнике» вели И. И. Панаев и Некрасов (см. выше, с. 466); *«один из наших сотрудников»* — подразумевается, по-видимому, И. И. Панаев. Ср. также: Редакционное примечание к статье «Журналистика» (С, 1849, № 7, отд. V, с. 107).

С. 292—293. *...«Я не вижу никакой надобности обращать внимание на заметки против „Современника“ ∾ в майской книжке „Сына отечества“ (NB: вышедшей в августе)»...* — Цитируется «Журналистика» (за подписью ***), принадлежащая, по-видимому,

И. И. Панаеву (С, 1849, № 8, отд. V, с. 278). «Сын отечества» — исторический, политический и литературный журнал; издавался с 1812 г. в Петербурге. В разное время редактировался Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным, К. П. Масальским. С 1847 по 1852 г. редактировался К. П. Масальским, издавался К. Жернаковым, как и в прежние годы, с большим опозданием. Некрасов иронизировал по этому поводу в фельетоне «Отчеты по поводу Нового года» (1845) (наст. кн., с. 197—198). В майской книжке журнала (вышла в августе) опубликован фельетон Л. В. Бранта «Петербургский вестник», направленный против «Современника», «натуральной школы», Некрасова и И. И. Панаева, «главных ее представителей» (СО, 1849, № 5, отд. VII, с. 23—55).

С. 293. *Фельетонист «Сына отечества» ∾ упомянув, что «первое полугодие для журналов наших 1849 года минуло и, кажется, безвозвратно» ∾ шестая книжка которого еще не показывалась в свет)...* — Цитируется фельетон Л. В. Бранта «Петербургский вестник» (СО, 1849, № 5, отд. VII, с. 35). № 6 «Сына отечества» вышел в свет с большим опозданием: цензурное разрешение помечено 1 октября 1849 г.

С. 293. *«В „Современнике“, — говорит он, — все еще пресерьезно продолжается печатание „Писем иногороднего подписчика...“ ∾ вот позднейшее его стихотворение, напечатанное в той же июньской книжке „Современника“...»* — Здесь и далее цитируется «Петербургский вестник» Л. В. Бранта, в котором содержатся откровенные нападки на Некрасова, редактора «Современника» и поэта (СО, 1849, № 5, отд. VII, с. 37—38); курсив Некрасова.

С. 293. *...решаемся наконец поделиться с ним библиографическим сведением о «неизвестном» составителе «Петербургского вестника»...* — Комментируемое высказывание — пример саморекламы, которой отличался Л. В. Брант, распространявший сведения о себе и библиографические брошюры («Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы с октября 1841 по апрель 1842 г.». СПб., 1842; «Несколько слов о периодических изданиях русских». СПб., 1842), которые он рассылал безденежно. Это свойство Л. В. Бранта Некрасов высмеивал в рецензии «Наполеон, сам себя изображающий» (1843) — см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 93.

С. 293. *...третий — в настоящей книжке «С⟨ына⟩ о⟨течества⟩» представляется благосклонному и снисходительному воззрению г⟨оспод⟩ издателей «Современника».* — Речь идет о повести Бранта «Говорящий диван» (СО, 1849, № 5, отд. III, с. 1—88). Отклики на нее в «Современнике» не печатались.

С. 293. *...г. Некрасов, конечно, не забыл ∾ одобрительного нашего отзыва ∾ о первом его опыте, стихотворениях, изданных им тогда под заглавием: «Мечты и звуки»...* — О критических откликах на сборник Некрасова «Мечты и звуки» и об отзыве Бранта см. наст. изд., т. I, с. 641—644.

С. 293. *...фельетонист выписывает стихотворение «Франт», которое читатель может найти в «Модах» VI № «Современника»...* — Стихотворение «Франт» (С, 1849, № 6, «Моды», с. 3—4) перепечатано Брантом полностью в фельетоне «Петербургский вестник» (СО, 1849, № 5, отд. VII, с. 37—38). О возможной принадлежности этого стихотворения Некрасову см.: НЖ, с. 126—127.

С. 294. *...наш Дмитрий Николаевич состряпает, отнюдь не хуже, подобные сатирические вирши...* — Дмитрий Николаевич — персонаж

первого фельетона Бранта «Петербургский вестник» (СО, 1849, № 1, отд. VII, с. 23—41).

С. 294. ...*«Жизнь как она есть» и «Аристократка» ∾ эти романы подали при своем выходе повод к нескольким забавным журнальным рецензиям...* — Имеются в виду рецензии Некрасова «Аристократка, быль недавних времен, рассказанная Л. Брантом. СПб., 1843» (ЛГ, 1843, 17 янв., № 3; наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 76—80) и В. Г. Белинского (ОЗ, 1843, № 2; т. VI, с. 677—681), а также рецензия-памфлет Белинского на роман Бранта «Жизнь как она есть. Записки неизвестного, ч. 1—3. СПб., 1843» (ОЗ, 1844, т. VIII, № 3, с. 123—139). Кроме того, пародийные отклики на роман Бранта содержатся в романе Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (наст. изд., т. VIII, с. 722—723), в его фельетоне «Отчеты по поводу Нового года» (наст. кн., с. 196), а также в памфлете И. И. Панаева «Литературный заяц» (ОЗ, 1846, № 2).

С. 294—295. *Сомов (Порф. Байский) неутомимо и притом еще добросовестно в продолжение нескольких лет трудился на литературном поприще ∾ а теперь о существовании его решительно никто не помнит...* — О. М. Сомов (1793—1833), писатель, критик, журналист пушкинской эпохи. «Порфирий Байский» — его псевдоним; печатался в «Украинском вестнике», в «Благонамеренном», «Соревнователе», «Сыне отечества», в альманахах «Полярная звезда на 1823 г.», «Полярная звезда на 1825 г.», «Северные цветы», «Звездочка», в «Литературной газете», «Северной пчеле». Е. Ф. Розен писал в «Критических заметках», направленных против «Современника»: «В означенном нумере того же журнала, в отд⟨еле⟩ „Смеси“ на стр. 170 нашли мы следующие строки о покойном О. М. Сомове: „Сомов (Порфирий Байский)“, — неужели „Современнику“ неизвестно, что Сомов по большей части печатал свои повести под собственным именем ⟨...⟩ *Аподиктическое* уверение, признаться, довольно неуместное в устах нынешнего „Современника“, издаваемого авторами „Петербургских углов“ и других прелестей в этом роде. Когда журналистика не говорит о человеке, который ею уже не занимается и сочинения которого еще не изданы, — неужели значит это, что он предан забвению? Впрочем, нечего удивляться этому смелому суждению: Сомова давно уже нет на свете; но я замолвлю о нем словечко по этому случаю ⟨...⟩ Если доживу до двадцатипятилетия от смерти Сомова и если меня не опередит книгопродавец Смирдин, который, к сожалению, не предпочел Сомова иному так называемому *классику* русскому, то *я* издам сочинения Сомова, и они в сравнении с произведениями некоторых нынешних *современников* окажутся *перлами*, а во всяком случае достойными внимания потомства и места в истории русской литературы» (СО, 1849, № 10, отд. VI, с. 23—25). Выражение: «неутомимо и притом еще добросовестно ⟨...⟩ трудился на литературном поприще» — близкий к тексту пересказ «Критических заметок» Е. Ф. Розена, который писал об О. М. Сомове: «...я пролил слезу о смерти литератора, добросовестно трудившегося для пользы словесности» (ОЗ, 1849, № 10, отд. VI, с. 24).

С. 295. *Лермонтов ∾ участвовал не в осьми, а только в одном периодическом издании!* — М. Ю. Лермонтов публиковался в «Библиотеке для чтения», в «Современнике», «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду»; с 1839 г. преимущественно в «Отечественных записках». По-видимому, этот журнал имел в виду Некрасов. Ср. также высказывание Некрасова о Лермонтове в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году.

Статья первая» (1843—1844) — наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 142—145; в рецензии «О жизни и трудах Дорджи Банзарова» П. Савельева (1855) — наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 140.

С. 295. *...стихотворения Нового поэта, иногда печатающиеся в «Современнике», вовсе не принадлежат г. Некрасову...* — о Новом поэте см.: НЖ, с. 83—109.

С. 295. *Новый поэт ∾ оканчивает в сию минуту очень замечательную поэму ∾ Отрывок из этой поэмы мы в скором времени надеемся представить нашим читателям.* — Имеется в виду стихотворение «Литературный труженик», опубликованное в «Современнике» (1849, № 10, отд. V, с. 373—374).

С. 295. *Фельетонист находит, между прочим, странным, что в «Современнике» сделана ссылка на сочинение г. Панаева...* — Имеется в виду библиографическое примечание, которым сопровождалась публикация стихотворения «Франт» в июньском номере «Современника»: «Такие франты имеют большой успех в гостиных у господ Чуфыркиных, Курмицыных [1] и Горбачевых [2]» (С, 1849, № 6, отд. VI, «Моды», с. 4). Л. В. Брант повторил этот упрек в своем ответе «Современнику» (см.: СО, 1849, № 10, отд. VII, с. 62).

С. 296. *...ни творец «Истории государства Российского», ни творцы «Фелицы» и «Бориса Годунова»?* — Имеются в виду Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин — авторы названных произведений, принесших им признание современников и литературную славу. Л. В Брант нашел эту «параллель чрезвычайно лестной для автора „Вестника“» (СО, 1849, № 10, отд VII, с. 64).

С. 296. *«Я болен, очень болен ∾ отвергаемое рассудком и здравым понятием...»* — Цитируется повесть Л. В. Бранта «Говорящий диван» (СО, 1849, № 5, отд. III, с. 31—32); курсив Некрасова.

С. 296. *...мы перейдем к «Москвитянину» ∾ Упоминая в прошлой книжке «Современника» об этом журнале, сотрудник наш выразился так: «„Москвитянин“ ∾ начинает отклоняться от своего прежнего направления».* — Цитируется «Журналистика» — фельетон, принадлежащий, по-видимому, И. И. Панаеву (С, 1849, № 8, отд. V, с. 278), где приведенная цитата имела продолжение: «по крайней мере оно не так резко выражается, как прежде. Если так, то в добрый час» (там же). Не исключено, что соавтором цитируемого фельетона был Некрасов. Об этом свидетельствуют близкие ему мысли «об обязанности всякого литературного журналиста следить за ходом словесности» (с. 276), завуалированное напоминание читателю о Белинском (с. 277), о возникновении «серьезной критики» и поисках нового стиля и форм журнальной критики (с. 278).

«Москвитянин» издавался с 1841 по 1856 г. в Москве М. П. Погодиным. По-видимому, Некрасов намекает на период, когда с января по март 1845 г. его редактором был И. В. Киреевский и положение М. П. Погодина пошатнулось, возникла опасность отстранения Погодина и С. П. Шевырева от руководства журналом. В период редакторства И. В. Киреевского в «Москвитянине» публиковались статьи принципиально славянофильской ориентации. М. П. Погодин был приверженцем направления «официальной народности».

---

[1] См. повесть гр. Соллогуба «Большой свет» ⟨примечание Некрасова⟩.

[2] См. рассказы г. Панаева в «Лит⟨ературной⟩ газ⟨ете⟩ 1843» ⟨примечание Некрасова⟩.

С. 296. *...в нынешнем году он ∾ издается аккуратно.* — Некрасов явно иронизирует по поводу «аккуратности» «Москвитянина», издававшегося с момента основания (1841) с большим опозданием. См. об этом в его стихотворении «Разговор в журнальной конторе» (1861):

Так древле тощий «Москвитянин»
По полугоду пропадал...

(наст. изд., т. II, с. 107).

В 1849 г. журнал стал выходить регулярнее (2 раза в месяц), что вызвало насмешки современников. Анонимный критик «Отечественных записок» писал: «Удивительный журнальный переворот! 〈...〉 каждое первое и каждое пятнадцатое число месяца ожидает вас непременно меньшее из двух благ — выход новой книжки „Москвитянина“! Давно ли он, думая только о существенном и презирая все условное, следовательно и условия подписки, выдавал без церемонии в одной книжке по два нумера... А теперь? о времена, о нравы! Каждый нумер разбивается на две книжки, и каждая книжка служит как бы живым упреком за прежние, неизданные нумера, которые, без сомнения, не были бы лучше теперь выдаваемых» (ОЗ, 1849, т. 63, № 4, отд. VIII, с. 324).

С. 297. *«Сумасшедшие, отчаянные и в сильном жару люди ∾ украшенное и подделанное действуют над глазами и ушьми».* — Цитируется «Путешествие по Пруссии графа Ф. В. Ростопчина» (М, 1849, № 15, авг., кн. 1, отд. I, с. 136—138); курсив Некрасова.

С. 298. *Эти последние, необыкновенно замечательные строки мы в особенности рекомендуем последователям риторической школы ∾ с презрением отзываются о Гоголе...* — Ироническое суждение о «последователях риторической школы» обращено к консервативной критике (в том числе Ф. В. Булгарину, Л. В. Бранту и др.) в связи с ее нападками на Гоголя и «натуральную школу». Ср. насмешливый отзыв Некрасова о «высоком слоге» и риторике повестей П. П. Каменского в рецензии «Сто русских литераторов» (1841) (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 25). О «фразистых повестях» А. А. Бестужева-Марлинского и «вычурности» стихотворений Бенидиктова Некрасов писал в статье «Русские второстепенные поэты» (1849), в рецензии на «Дамский альбом» (1853), в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 32—33, 109, 166—167).

С. 298. *Между «Внутренними известиями» 15 книжки «Москвитянина» мы встретили одно очень любопытное ∾ о пребывании князя Вяземского в Одессе.* — Имеется в виду заметка анонимного автора «Князь Вяземский в Одессе» (М, 1849, № 15, авг., кн. 1, отд. V, с. 34—36). Далее заметка цитируется и пересказывается близко к тексту. В «Современнике» опечатка: вместо «в Одессе» — «в Москве» (С, 1849, № 9, отд. V, с. 174). П. А. Вяземский (1792—1878) — поэт, критик, мемуарист; с 1855 по март 1858 г. занимал пост товарища министра народного просвещения, был членом Главного управления цензуры. С 17 по 30 июня 1849 г. Вяземский проездом в Константинополь остановился в Одессе.

С. 298—299. *...профессор Зеленецкий обратился в конце «пиршества» к князю ∾ «Позвольте, князь, уверить вас ∾ на вашу честь и славу!»* — К. П. Зеленецкий (1812—1858) — профессор Ришельевского лицея в Одессе, критик и историк литературы. Публиковался в «Одесском альманахе», «Одесском вестнике», «Москвитянине»; издатель

сборника «Альциона» (1849), автор книг «Теория поэзии» (1848), «История русской литературы» (1849), «Курс русской словесности» (Одесса, 1849), «О художественно-национальном значении произведений Пушкина» (1854) и др. Цитируется заметка «Князь Вяземский в Одессе» (М, 1849, № 15, авг., кн. 1, отд. V, с. 35).

С. 299. *...князь Вяземский принадлежит к числу наших замечательных писателей ∾ муза же князя, по нашему мнению, более остроумна, нежели национальна.* — Ср. отзыв Некрасова о поэзии П. А. Вяземского в статье «Русские второстепенные поэты» (1849) (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 57). О Крылове как русском национальном художнике Некрасов писал в рецензии на книгу «Дедушка Крылов» (1845) — см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 206. Ср. также суждение Белинского об И. А. Крылове в статье «Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая» (1844) — «...этот талант столько же сильный и яркий, сколько и национально-русский...» (т. VII, с. 432).

С. 299. *...князь Вяземский ∾ обещал издать полное собрание своих сочинений...* — Полное собрание сочинений П. А. Вяземского в двенадцати томах было издано в Петербурге позднее, в 1878—1896 гг.

С. 299. *...повесть «Скупой», в роде так называемых психологических повестей г. Ф. Достоевского, до которых мы, признаемся, небольшие охотники...* — Повесть «Скупой» за подписью «Б» (ОЗ, 1849, № 8, отд. I, с. 159—178) принадлежала Я. П. Буткову. См. свидетельство Некрасова в заметке «От редакции „Современника“»: «„Скупой“ Буткова» (С, 1850, № 11, отд. VI, с. 106). Комментируемый отрывок представляет собой один из развернутых отзывов Некрасова о творчестве Ф. М. Достоевского 1840-х гг. Ср. пародийные эпизоды в повести «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (1855—1856) (наст. изд., т. VIII, с. 416—421, 770). См. также: *Гин М. М.* Достоевский и Некрасов. Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985, с. 37—40; *Мостовская Н. Н.* Пародия в прозе Некрасова (Сатирическое мастерство. Полемика). — Некр. сб., вып. IX, с. 64—67.

С. 299. *...очень миленький рассказ «Лето в Гельсингфорсе»...* — Рассказ «Лето в Гельсингфорсе (Вроде повести)», подписанный «Вл. Ч.» (ОЗ, 1849, № 8, отд. I, с. 263—308). Возможно, его автором был писатель и критик В. В. Чуйко (1839—1899), публиковавшийся в 1851 г. в «Отечественных записках».

С. 299. *...прекрасную статью в «Критике» об «Одиссее», по поводу перевода г. Жуковского ∾ мы также надеемся в скором времени представить наше мнение ∾ чтобы рассмотреть разом ∾ все журнальные толки, вызванные этим важным литературным явлением.* — Имеется в виду статья Б. И. Ордынского «Новые стихотворения В. Жуковского. „Одиссея“, I—XII песни. СПб., 1849» (ОЗ, 1849, № 8, отд. V, с. 1—36). «Современник» откликнулся на перевод В. А. Жуковского статьей того же автора, Б. Н. Ордынского: «„Одиссея“ и журнальные толки о ней» (1850, № 3, отд. III, с. 1—16; № 4, отд. III, с. 27—44). См. также: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.—Л., 1964, с. 379—399.

⟨МЕЛОЧИ⟩

(С. 299)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1849, № 10 (ценз. разр— 30 сент. 1849 г.), отд. V, с. 373—374, без подписи. Заглавие указано в «Содержании» журнала.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность прозаической части текста Некрасову указана В. Э. Боградом (Ббград Совр, с. 130, 500. Поэтический текст там же приписан И. И. Панаеву — основному, по мнению В. Э. Бограда, автору стихотворений *Нового поэта*).

Обещание ознакомить читателей с «поэмой» *Нового поэта* о «жалком и бесталантном литературном труженике» было дано Некрасовым в его фельетоне «Журналистика» в предыдущем номере «Современника» (наст. кн., с. 295).

Принадлежность Некрасову входящего в комментируемый текст «отрывка» из «поэмы» *Нового поэта* обосновывается следующими данными: 1) публикация этого «отрывка» обещана самим Некрасовым — автором многих стихотворений *Нового поэта*; 2) в «отрывке» (как и в фельетоне Некрасова «Журналистика») высмеивается давний оппонент Некрасова Л. В. Брант и пародируется его повесть «Говорящий диван», напечатанная в № 5 «Сына отечества» 1849 г. (см. реальный комментарий).

С. 300. *Театр представляет чердак в Коломне.* — Коломенская часть — правый берег Фонтанки при ее слиянии с Екатерининским каналом, в первой половине XIX в. окраинный район Петербурга.

С. 300. *Герой (расхаживает по комнате один и говорит в жару).* — Далее в монологе пародируется монолог героя повести Л. В. Бранта «Я болен, очень болен...», который уже обыгрывался Некрасовым в его фельетоне «Журналистика» (наст. кн., с. 296).

С. 300. *Горжуся я своим происхожденьем//Мне гением не втуне жизнь дана...* — Намек на широко распространенное в литературных кругах ироническое сопоставление Бранта с Наполеоном. Согласно устной молве и некоторым сатирическим «выходкам» в журналах, Брант претендовал на сходство с Наполеоном (*Панаев В. А.* Из «Воспоминаний». — В кн.: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987, с. 220) и чуть ли не на родственную связь с ним (Белинский, т. VIII, с. 126). Приоритет в этом сопоставлении принадлежал, очевидно, Некрасову, который воспользовался этим приемом еще в 1843 г. в рецензии на анонимную книгу «Наполеон, сам себя изображающий» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 93—94, 394). Вскоре и сам Брант поддержал этот «журнальный мотив» в своем романе «Жизнь, как она есть» (1843), написанном в форме исповеди героя, два фрагмента из повествования которого дали повод для насмешек над Брантом в течение многих лет: «Да, обращаясь к странной, может быть горделивой, но невольной мысли, что течение жизни моей и некоторые события ее зависели отчасти от судьбы великого человека, — я вспоминаю, что без падения Наполеона не было бы и падения бедной Маргариты, которое случилось во время пóследнего отсутствия отца моего с г. Бухом перед Ватерлооским сражением...» (*Брант Л.* Жизнь, как она есть. Записки неизвестного. СПб., 1843, ч. 1, с. 227).

«В те дни, когда оканчивалась бурная политическая жизнь Бонапарте, начиналась моя собственная, которой суждено было протечь в тесных пределах частности и ничтожности внеобщественного существования» (там же, с. 223).

Рецензент «Литературной газеты» (возможно, сам Некрасов) замечал по поводу этих размышлений героя романа: «Скажите пожалуйста, замечаете ли вы что-нибудь, читатели?.. неужели не замечаете?.. Вникните хорошенько в глубочайшее умозаключение, которое мы сейчас привели. *Судьба сочинителя записок*, изволите видеть, *похожа на судьбу Наполеона, а следовательно, и сам сочинитель похож на Наполеона, потому что какая-то г-жа Бух повисла на шее сочинителя записок, когда муж ее с отцом сочинителя отлучился куда-то перед Ватерлооским сражением*. Мы, право, не знаем, что и сказать...» (ЛГ, 1844, 22 янв., № 4, с. 74).

В серии карикатур Н. А. Степанова, приложенных к «Иллюстрированному альманаху», который был отпечатан Некрасовым и Панаевым в качестве приложения к «Современнику» 1848 г. и затем запрещен цензурой к выпуску в свет, было изображение Бранта в образе Наполеона (в треуголке) с подписью «Петербургский Том Пус» (см. факсимильное воспроизведение «Иллюстрированного альманаха» издательством «Книга»: М., 1990). Эта карикатура вошла в изданный позднее «Литературный сборник с иллюстрациями» Некрасова и Панаева (СПб., 1849).

1850

ИЗ ФЕЛЬЕТОННОГО ЦИКЛА «ВСЕГО ПОНЕМНОГУ»

(С. 302)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 2 (ценз. разр. — 31 янв. 1850 г.), отд. VI, с. 100—102, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено В. Э. Боградом (Боград Совр, с. 501—502) по связи со статьей «Журналистика» (С, 1849, № 9, отд. V, с. 164—175), в которой содержатся текстуально близкие высказывания о забытом писателе О. М. Сомове и критическое суждение о «Сыне отечества» (см. наст. кн., с. 292—293, 294—295). Эта атрибуция подтверждается также упоминанием возобновленного в 1850 г. журнала «Пантеон», которым Некрасов интересовался в разные годы его издания, см., в частности, его отзыв в «Заметках о журналах за март 1856 года» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 250—251). Таким образом, утверждение Ю. И. Масанова о принадлежности И. И. Панаеву всего цикла заметок «Всего понемногу» (ЛН, т. 53—54, с. 443) лишено оснований (см.: Боград Совр, с. 502).

Публиковавшийся во 2, 4 и 5-м номерах «Современника» за 1850 г. фельетон «Всего понемногу» представляет собою обозрение (точнее, хронику) разнородных событий русской и зарубежной научной, театральной и литературной жизни. По своему содержанию он

требовал участия нескольких авторов. По предположению В. Э. Боград, его возможными составителями могли быть, кроме Некрасова, И. И. Панаев, Н. Спиглазов и другие неустановленные авторы (Боград Совр, с. 503). Комментируемый фрагмент — заключительная и самостоятельная часть первого фельетона «Всего понемногу». Последняя главка фельетона («Литературные новости») имеет характер редакционного объявления и написана, очевидно, Некрасовым и Панаевым и включается в состав т. XIII настоящего издания. Приписываемые Некрасову (при возможном участии Панаева) главки двух других фельетонов «Всего понемногу» будут помещены в т. XII, кн. 2 наст. изд.

По содержанию и стилю комментируемый фельетон примыкает к названной выше статье Некрасова «Журналистика», является как бы ее продолжением и откликом на возражение «Сына отечества» (1849, № 10, отд. VI, с. 23—25) по поводу суждения в ней об О. М. Сомове (см. наст. кн., с. 294—295, 471).

С. 302. *К замечательным литературным новостям принадлежит возобновление «Пантеона».* — Имеется в виду журнал под названием «Пантеон и Репертуар русской сцены», издававшийся в Петербурге с 1848 г. и возобновившийся с января 1850 г. под редакцией Ф. А. Кони. В 1849 г. в связи с болезнью Ф. А. Кони не выходил в свет.

С. 302. *В январе появилось объявление ∾ дозволяет ему приняться с новыми силами и ревностию за любимое его занятие.* — Цитируется объявление о возобновлении издания «Пантеона», опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1850, 10 янв., № 7, с. 28; курсив Некрасова). В. П. Печаткин (1819—1898) — книгопродавец, владелец бумажной фабрики и книжного магазина, помещавшегося на площади Казанского собора, д. 3 (ныне Невский пр., д. 25), см. наст. изд., т. IX, кн. 2, с. 344. Ф. А. Кони (1809—1879) — драматический писатель и театральный критик; в 1840—1843 и 1845 гг. редактор «Литературной газеты», с 1840 г. — редактор театрального журнала «Пантеон русского и всех европейских театров». С 1842 г. «Пантеон» был объединен с «Репертуаром русского театра» и издавался под редакцией И. П. Песоцкого и названием «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров». (См. также наст. изд., т. VI, с. 655—657, 688—690; т. VII, с. 317, 576—577; т. VIII, с. 189, 737, 745—746).

С. 302. *...напомнило нам «Сын отечества», который к VI своей книжке, вышедшей в сентябре, приложил объявление ∾ будет издаваться без всякой перемены...* — Процитированные строки об издании «Сына отечества» «без всякой перемены» (1850, № 6, отд. паг.; курсив Некрасова) — намек на то, что журнал издавался с неизменным опозданием. В объявлении «От редакции и издателя», опубликованном в № 5 «Сына отечества» за 1850 г., сообщалось: «Три неизданные книги, а именно за июль, август и декабрь прошлого 1849 года будут непременно выданы в непродолжительное время». Ср. суждение Некрасова по этому поводу в статье «Журналистика» (наст. кн., с. 293).

С. 303. *В одном из №№ «Современника» было сказано, что Сомов ∾ теперь совсем забыт.* — Имеется в виду статья Некрасова «Журналистика», опубликованная в № 9 «Современника» за 1849 г. (отд. V, с. 170), — см. наст. кн., с. 294—295.

С. 303. *...никак не думали ∾ что они послужат поводом к появлению блестящей страницы в «Сыне отечества»...* — Имеется в виду

статья Е. Ф. Розена «Критические заметки», содержащая нападки на «Современник» и воспоминание о похоронах О. М. Сомова (СО, 1849, № 10, отд. VI, с. 23—25).

С. 303. *...такое «аподиктическое» уверение несправедливо «в устах нынешнего „Современника“, издаваемого авторами „Петербургских углов“ и других прелестей в этом роде»...* — Цитируется статья Е. Ф. Розена «Критические заметки» (СО, 1849, № 10, отд. VI, с. 24). *«Аподиктическое» уверение* (от *греч.* apodeiktikos) — убедительное, неопровержимое. Под «авторами „Петербургских углов“» имеются в виду Некрасов и И. И. Панаев.

С. 303. *...пусть расскажет сам барон Розен, как дело было...* — Имеется в виду барон Е. Ф. Розен (1800—1860), поэт, драматург, критик, издатель альманахов «Царское село» (1830) и «Альциона» (1831—1833); печатался в изданиях А. С. Пушкина и А. А. Дельвига — «Подснежник» (1829), «Северные цветы» (1829, 1830, 1832), «Литературная газета» (1830—1831), «Современник» (1836) — см. о нем: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988, с. 374—376. В оглавлении № 2 «Современника» за 1850 г. в перечне сюжетов «Всего понемногу» обозначено: «Похороны Сомова, описанные бароном Розеном».

С. 303. *«В час пополуночи получил я приглашение на вынос его (Сомова) тела ∾ и я проронил слезу о смерти литератора, добросовестно трудившегося для пользы словесности».* — Цитируется статья Е. Ф. Розена «Критические заметки» (СО, 1849, № 10, отд. VI, с. 24—25).

С. 303. *...у Преображенских казарм жил граф Д. Н. Т*...* — Возможно, имеется в виду граф Д. Н. Толстой, вице-директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, живший на Исаакиевской пл., д. 1, в доме Закревского. Казармы Преображенского полка были расположены на Большой Миллионной ул., д. 33.

С. 303. *...до Смоленского далеко!* — Имеется в виду Смоленское кладбище в Петербурге на Васильевском острове, где был похоронен О. М. Сомов.

1851

ИЗ «ПИСЬМА ИНОГОРОДНЕГО ПОДПИСЧИКА В РЕДАКЦИЮ „СОВРЕМЕННИКА“ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ. XXIII — *ЯНВАРЬ 1851*»

(С. 304)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: С, 1851, № 2, отд. VI, с. 227—231.
В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено: НЖ, с. 214—216.
Комментируемый текст включен Некрасовым в состав 23-го «Письма...» *Иногороднего подписчика* (А. В. Дружинина) — постоян-

ного журнального обозревателя «Современника» в 1849—1851 гг. Редактору «Современника» и прежде приходилось иногда делать вставки в фельетоны Дружинина (подробно об этом см.: НЖ, с. 205—222). Принадлежность Некрасову комментируемого фрагмента 23-го «Письма...» подтверждается его собственным признанием в письме к Д. В. Григоровичу от 17 июля 1851 г.: «Вы как будто рассердились за какую-то глупую заметку Дружинина против Вас, — о Григорович! да читали ли Вы отзыв об Вас во 2 номере „Современника“, писанный лично мною?» (ПСС, т. X, с. 168). По мнению С. А. Рейсера, Некрасов имеет в виду характеристику творчества Григоровича, данную в статье второй «Обозрения русской литературы за 1850 год», которая напечатана в февральском номере «Современника» 1851 г. (*Рейсер С. А.* Некрасов и традиции Белинского. — Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1951, т. 10, вып. 5, с. 492—493). Именно это обстоятельство послужило поводом для ошибочного включения части «Обозрения русской литературы за 1850 год» в двенадцатитомное издание сочинений Некрасова (ПСС, т. XII, с. 260—264, 452—453). Однако, по справедливому замечанию В. Э. Боград, автор «Обозрения...» дает Григоровичу «не столь благожелательную характеристику 〈...〉 чтобы на нее мог ссылаться редактор „Современника“» (Боград Совр, с. 506—507).

Комментируемый фрагмент «Письма...» посвящен повести Григоровича «Прохожий», напечатанной в первом номере «Москвитянина» 1851 г.

В тексте рецензии цитируется часть VII главы повести, с. 81—85.

ИЗ «ЗАМЕТОК НОВОГО ПОЭТА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ. ИЮЛЬ 1851»

(С. 307)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 8 (ценз. разр. — 8 авг. 1851 г.), отд. VI, с. 10—21.

Весь текст в собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Комментируемая часть фельетона отделена от первой его части чертой. «Беседа журналиста с подписчиком» с астронимом *** вместо подписи перепечатана в изданном Некрасовым 9-м выпуске сборника «Для легкого чтения» (СПб., 1859).

Значительно сокращенный текст «Беседы...» под заглавием «Деловой разговор» был включен Некрасовым в юмористическое приложение последнего прижизненного издания своих стихотворений (Стих. 1874, т. 3, ч. 6, с. 235—251). В той же редакции стихотворение помещено в т. I настоящего издания, где прозаический текст, предваряющий стихотворение, приведен в комментарии без какой-либо его атрибутивной характеристики. Стихи, исключенные Некрасовым при подготовке для включения в издание 1874 г., даны в отделе «Другие редакции и варианты» того же тома (наст. изд., т. I, с. 83, 482, 602).

Принадлежность Некрасову всего комментируемого текста и ошибочность текстологического решения в т. I настоящего издания указана: НЖ, с. 127—128.

Для характеристики продажного писаки Хрипунова и его речей использовано содержание двух статей «Осенние толки о русской журналистике», опубликованных в «Отечественных записках» 1850 г. за подписью «С. С—ч» и направленных на подрыв авторитета «Современника» в глазах подписчиков (ОЗ, 1850, № 10, отд. VIII, с. 273—284).

1855

ИЗ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ИЗВЕСТИЙ»

(С. 320)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 10, отд. V, с. 193—194.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф с пометами: «[Окончание] Продолжение „Петербургских известий“ [и всего нумера]»; «Еще пришлю столько же в „Петерб. известия“» — ИРЛИ, Р 1, оп. 20, ед. хр. 137.

Комментируемый текст представляет собою заключительную часть «Петербургских известий». В двенадцатитомном «Полном собрании сочинений» на правах «dubia» помещены вместе с литературными театральные новости, входящие в состав фельетона. В наст. изд. часть фельетона, приписываемая Некрасову предположительно, помещается в т. XII, кн. 2.

С. 320. *...«Библиотека железных дорог»...* — Имеется в виду первый выпуск «Библиотеки для дач, пароходов и железных дорог. Собрание романов, повестей и рассказов, новых и старых, оригинальных и переводных. Издание А. Смирдина» (СПб., 1855), представленный повестью В. А. Соллогуба «Аптекарша» (1841). В этом же номере «Современника» помещена рецензия Н. Г. Чернышевского на названную книгу. Его рекомендации очень близки некрасовским (Чернышевский, т. II, с. 755).

С. 320. *...повесть «Александрина» Фан-Дима, напечатанная в двух томиках «Библиотеки...»* — Эта повесть Е. В. Кологривовой, выступавшей в литературе под псевдонимом «Ф. Фан-Дим», была впервые напечатана во 2-м томе сборника А. Ф. Смирдина «Русская беседа» (СПб., 1841) и охарактеризована В. Г. Белинским как «длинная, растянутая и нескладная повесть, в которой нет ни малейшего такта действительности, ни характеров, ни лиц, ни образов...» (Белинский, т. V, с. 591). «Александрина» значилась в числе ближайших выпусков «Библиотеки».

С. 320. *Дайте пять, шесть хороших повестей за целковый — вот тогда можете назвать издание дешевым и можете ждать большой массы покупателей, даром что повести не будут новые.* — Вскоре Некрасов сам попытался осуществить издание такого рода. Весной 1856 г. вышел первый выпуск сборника «Для легкого чтения.

Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения русских писателей». СПб., 1856 (ценз. разр. — 27 марта 1856). В сборниках под этим названием (всего вышло девять книг) Некрасов печатал произведения, опубликованные ранее в «Современнике».

С. 320. *Все ∾ книгопродавческие новости вертятся теперь около военных событий...* — Имеются в виду издания, вызванные Крымской войной 1853—1855 гг.

С. 320. *После «Художественного листка» г. Тимма...* — Имеется в виду журнал «Русский художественный листок» (1851—1862). Его издатель В. Ф. Тимм (1820—1893) участвовал в альманахе Некрасова «Физиология Петербурга» (1845).

С. 321. *Степанов* — Известный карикатурист Н. А. Степанов (1807—1877), участник «Ералаша» (1846—1850) и некрасовского «Иллюстрированного альманаха» (1848), впоследствии художественный редактор журнала «Искра» (1859—1864) и редактор-издатель «Будильника» (1865—1871). В 1855 г. Степанов выпустил три альбома карикатур на военно-политические темы (Наполеон III, лорд Пальмерстон и т. д.).

С. 321. *По смерти издателя «Ералаша» Неваховича...* — М. Л. Невахович (1817—1850), карикатурист.

С. 321. *Мы видели уже и некоторые из рисунков четвертой тетради, приготовляемой к выходу...* — Четвертый выпуск этого издания не состоялся.

1858

ОБЕД Н. И. ПИРОГОВУ

(С. 322)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1858, № 10, отд. «Современные заметки», с. 260—265, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. XII.

Автограф — наборная рукопись с редакторской правкой Н. А. Добролюбова — ГПБ, ф. 255, ед. хр. 163. Корректура части текста, без правки — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, ед. хр. 154.

Н. И. Пирогов (1810—1881), прославленный хирург, деятель просвещения, с сентября 1856 г. занимал пост попечителя Одесского учебного округа. Указом от 18 июля был переведен на такую же должность в Киевский учебный округ. Некрасовский «Современник» часто и с большой симпатией писал о медицинской практике, педагогической и научной деятельности Пирогова.

С. 322. *Георгиевский* — А. И. Георгиевский (1830—1911), редактор «Одесского вестника».

С. 325. *Тебя повсюду чтут народы ∾ И будешь им ты целый век!* — Четверостишие из произнесенного на обеде на немецком языке стихотворения учителя 2-й одесской гимназии В. М. Топорова. В газете помещено в переводе Н. Луговского (псевд. Н. Ф. Савича).

С. 326. *Князь Щербатов* — Г. А. Щербатов (1819—1881), попечитель Петербургского учебного округа в 1856—1858 гг., отличавшийся либеральными взглядами.

Другие редакции и варианты

С. 355. *Не часто говорить приходится нам спичи//В честь доблестных граждан.* — Автоцитата, ст. 6—7 из стихотворения Некрасова «Н. Ф. Крузе» (1858).

С. 356. *Некоторые журналисты и литераторы, с ведома которых и написаны эти строки...* — Очевидно, имеются в виду ближайшие помощники Некрасова по редакции «Современника» Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский.

1860

НОВАЯ ГАЗЕТА «ВЕК», С 1861 ГОДА

(С. 327)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 12, отд. III, с. 407—408, с подписью «Н».

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову установлена А. Я. Максимовичем на основании подписи и отметки в бухгалтерской книге «Современника» за 1860 г. (ЛН, т. 49/50, М., 1946, с. 301—303).

«Век» — еженедельная газета либерального направления, выходившая в 1861—1862 гг. под редакцией П. И. Вейнберга, А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина и В. П. Безобразова. Некрасов поместил в первом номере газеты стихотворение «Деревенские новости» с посвящением А. В. Дружинину.

С. 327. *«Парус»* — еженедельный журнал славянофильского направления, издававшийся в 1859 г. И. С. Аксаковым. Вышло всего два номера.

С. 327. *«Русская газета»* — еженедельник, выходивший под редакцией С. Поля с 1 ноября 1858 до конца 1859 г.

С. 327. *«Наше время»* — еженедельная, затем ежедневная газета консервативного направления, выходившая в 1860—1865 гг. под редакцией Н. Ф. Павлова.

С. 327. *«Московский вестник»* — еженедельная газета, выходившая в 1859—1861 гг. под ред. Н. Н. Воронцова-Вельяминова и П. Е. Басистова.

С. 327. *«Русский мир»* — газета, выходившая в Петербурге с 1859 г., вначале еженедельно, с середины 1859 г. — два раза в неделю, в 1862 г. — снова еженедельно. Прекратилась на 1-м номере 1863 г. С сентября 1860 г. выходила под редакцией А. С. Гиероглифова.

С. 327. *«Современная летопись Русского вестника»* — еженедельное издание, выходившее в 1861—1862 гг.

С. 327. *«Русская речь»* — газета, издававшаяся в 1861 г. Евгенией Тур, прекратилась на 39-м номере, объединившись с «Московским вестником». Окончательно прекратилась на 1-м номере 1862 г.

С. 327. *...некоторыми задачами своей программы отходит от цели газет, предназначаемых для большинства.* — Имеются в виду, очевидно, слова из объявления Е. Тур об издании «Русской речи» на 1861 г.: «Издание наше будет служить, по мере сил, органом соглашения для всех людей, желающих постепенного и правильного прогресса в России» (МВ, 1860, 30 окт. № 235, прил.).

С. 327. *Недавно ∾ появилось объявление г-жи Тур, что «Русская речь» будет выходить не раз в неделю, а два.* — Имеется в виду второй вариант объявления — МВ, 1860, 21 дек., № 277, с. 224.

С. 328. *...знакомы достаточно с журнальной деятельностию А. В. Дружинина, долгое время бывшего одним из ревностных наших товарищей и помощников...* — А. В. Дружинин (1824—1864), прозаик, журналист, переводчик, с конца 1847 г. был постоянным сотрудником некрасовского «Современника», с начала 1849 по май 1851 г. вел в «Современнике» журнальное обозрение под названием «Письма Иногороднего подписчика в редакцию „Современника" о русской журналистике», был полезен в редакции журнала как знаток древней и современной западноевропейской литературы. (Подробнее см. главу «Иногородний подписчик (А. В. Дружинин) и редакция „Современника"». — НЖ, с. 205—222). В 1856—1861 гг. — редактор «Библиотеки для чтения».

С. 328. *В. П. Безобразов* (1828—1889) — экономист, общественный деятель, активный сотрудник многих журналов, в том числе «Русского вестника», в 1857—1858 гг. — редактор «Вестника Русского географического общества».

С. 328. *К. Д. Кавелин* (1801—1862) — историк и литератор. Его участие в газете «Век» (1861—1862) прекратилось в самом начале 1861 г.

1860—1861

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «СВИСТКЕ»

Идея сатирического периодического издания возникла у Некрасова еще в середине 1840-х годов. Составленный весной 1846 г. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, Д. В. Григоровичем и близкими к ним другими писателями натуральной школы «летучий маленький альманах» «Зубоскал» не появился в печати из-за вмешательства цензуры. Его материалы были использованы Некрасовым в юмористическом альманахе «Первое апреля» (1846). (Подробно об этом см.: НЖ, с. 50—53). Через 12 лет Некрасов и Григорович вновь вернулись к идее юмористического периодического издания под названием «Зубоскал». Обсуждение первого номера «Зубоскала», состава его участников и объявления о его издании частично отражено в письме Григоровича к Некрасову от 5 октября 1857 г. (АСК, с. 97—98). Судьба этого несостоявшегося замысла также остается непроясненной.

Идея «Свистка» — специального сатирического издания — принадлежала также самому Некрасову. «„Свисток" придумал собственно я,

а душу ему, конечно, дал Добролюбов — заглавие произошло так. В 1856 году я жил в Риме и сам видел газету «Diritto» (это значит «Свисток»), кое-что из нее даже сам почитывал» (ЛН, т. 49/50, с. 153. — Некрасов ошибся в названии: речь идет о сатирическом журнале «Fischietto»). На протяжении 1859 г. Некрасов и Добролюбов дважды обращались в цензурное ведомство, добиваясь разрешения на издание отдельной иллюстрированной сатирической газеты «Свисток». В качестве официального редактора был намечен муж сестры Некрасова Г. С. Буткевич, более нейтральная личность в глазах цензуры. От его имени были поданы оба прошения и программы издания, но эти хлопоты натолкнулись на отказ начальника III Отделения князя В. А. Долгорукого. «Свисток» остался сатирическим спутником «Современника», как бы журналом в журнале.

В «Свистке» приняли участие почти все ведущие сотрудники «Современника», удельный вес выступлений случайных авторов был невелик. Руководящая роль в издании принадлежала Добролюбову и Некрасову. Наиболее велика и доля их личного творческого вклада (Добролюбов выступил в 8-ми номерах, Некрасов в 7-ми).

Судя по воспоминаниям А. Я. Панаевой, квартира Некрасова была редакционным центром «Свистка», который создавался в атмосфере коллективного творчества: «„Свисток“ в „Современнике“ всегда сочинялся после обеда, за кофеем. Тут же импровизировались стихотворения Добролюбовым, Панаевым и Некрасовым» (Панаева, с. 262). Корректуры «Свистка», хранящиеся в ИРЛИ (ф. 628, оп. 2), свидетельствуют о том, что уже с третьего номера Некрасов вел в «Свистке» большую редакторскую работу: определял порядок расположения материала в номерах, правил текст, брал на себя цензурные хлопоты. Выпуск шестого и седьмого номеров целиком осуществлен им. По свидетельству современников, он активно занимался «вербовкой» авторов для «Свистка» (см.: *Антонович М. А.* Из воспоминаний о Н. А. Некрасове. — Некр. в восп., с. 168—169; *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, с. 78; *Глинский Б. Б.* Среди литераторов и ученых. СПб., 1914, с. 71). По-видимому, участие в нем Некрасов считал немаловажным фактом своей литературной биографии: в его дневниковых записях 1877 г. есть конспект ненаписанного автобиографического наброска — «„Свисток“. Журнальная работа» (ПСС, т. XII, с. 28).

Некрасов выступил в «Свистке» почти по всем его основным тематическим направлениям как сатирический поэт, драматург и публицист, единолично и в соавторстве с Добролюбовым.

Определение точного состава «свистковской» публицистики Некрасова до сих пор представляет трудности — в связи с последовательным отказом редакции «Свистка» от авторских подписей, плохой сохранностью автографов, строгостью некрасовской самооценки, вследствие чего он не раскрыл полностью своего авторства («Из „Свистка“ многое я перепечатал, иное не стоит...» — ЛН, т. 49/50, с. 153).

А. Я. Максимович (ЛН, т. 49/50, с. 229—348), опираясь на письмо Некрасова к Добролюбову от конца декабря 1860 г., данные письма Н. В. Гербеля к М. М. Стасюлевичу, в котором со слов Некрасова перечислен ряд его «свистковских» текстов (см.: Ст 1879,

т. IV, с. CXLVI), а также на анализ конторских книг «Современника» за 1860 и 1861 гг., атрибутировал Некрасову: 1) «Отъезжающим за границу» (полностью); 2) «Кювье — в виде Чацкина и Горвица»; 3) «Развязка диспута 19 марта» (предисловие и послесловие); 4) «Причины долгого молчания „Свистка“»; 5) «Что поделывает наша внутренняя гласность?» (полностью); 6) «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина»; 7) «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности». На основании его атрибуции данные тексты включены в ПСС, т. IX. Большинство этих решений не вызывает сомнения, но некоторые требуют пересмотра.

Безусловна принадлежность Некрасову статей: «Кювье — в виде Чацкина и Горвица» (подтверждена, кроме свидетельства Некрасова, зафиксированного Н. В. Гербелем, наличием отрывка чернового автографа — см. с. 487); «Развязка диспута 19 марта» (автограф послесловия сохранился, предисловие, так же как и послесловие, не было напечатано Чернышевским в составе «Сочинений Н. А. Добролюбова» (т. IV. СПб., 1862) — очевидно, как принадлежащее другому автору, которым мог быть только Некрасов, а не какое-либо третье лицо); «Причины долгого молчания „Свистка“» (подтверждается письмом Некрасова к Добролюбову от конца декабря 1860 г. — ПСС, т. X, с. 432); «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» (атрибутировано А. Я. Максимовичем на основании точной записи в конторской книге «Современника»).

Заметка «Отъезжающим за границу» приписана А. Я. Максимовичем Некрасову на том основании, что включенное в нее стихотворение «Первый шаг в Европу» бесспорно некрасовское. Однако это не может аргументировать авторство: в «Свистке» была обычной такая форма сотрудничества, когда стихотворный текст одного автора сопровождало прозаическое обрамление, написанное другим («Дружеская переписка Москвы с Петербургом», «Развязка диспута 19 марта»). В. Э. Боград обосновал принадлежность заметки «Отъезжающим за границу» Добролюбову, опираясь: а) на свидетельство С. И. Пономарева, который в примечании к стихотворению «Первый шаг в Европу» в посмертном издании сочинений Некрасова автором прозаического текста назвал Добролюбова (Ст 1879, т. IV, с. CXXVIII); б) на тот факт, что это свидетельство не вызвало возражений Чернышевского, просмотревшего комментарий Пономарева и сделавшего к нему некоторые поправки (Боград Совр, с. 567—569). Заметка «Отъезжающим за границу» в настоящее издание не включается.

Фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина (Письмо в редакцию)» был атрибутирован Максимовичем Некрасову главным образом на основании вычленения текстовых объемов, которые совпали бы с суммарным подсчетом авторских страниц по шестому номеру «Свистка» в конторской книге «Современника» (9 страниц — у Некрасова, 3 страницы — у М. Л. Михайлова): «Причины долгого молчания „Свистка“», цикл «Что поделывает наша внутренняя гласность?» и фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» — принадлежат Некрасову и Михайлову. Так как принадлежность Некрасову заметки «Причины долгого молчания „Свистка“» установлена, а в то же время фельетон о Геннади нет основания приписывать Михайлову, то три принадлежащие последнему страницы следует искать среди статеек цикла „Что поделывает наша внутренняя гласность?“» (ЛН, т. 49/50, с. 304). Далее ученым высказывается предположение, что Михайловым был подобран для Некрасова газетный материал для

работы над циклом. Остальные мотивы атрибуции Некрасову фельетона «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» представляются неубедительными: «Принадлежность этого блестящего фельетона Некрасову подтверждается как жанром — письмо, написанное от лица наивного провинциала ⟨...⟩ так и связью его со стихотворением Некрасова ⟨...⟩ „Литературная травля, или Раздраженный библиограф", где Некрасов нападает на того же злополучного библиографа Геннади» (там же, с. 314). Жанр «письма», причем именно письма «из провинции», в «Свистке» не раз используется другими авторами (два «Письма из провинции» Добролюбова, «Вредная добродетель» Чернышевского), следовательно, не может являться отличительным признаком для утверждения авторства Некрасова. Система откликов на опубликованные произведения, отсылок, реминисценций — также характерный признак журнального контекста «Свистка» в целом (заметка Некрасова «Развязка диспута 19 марта» прямо связана с опубликованной в № 4 «Наукой и свистопляской» Добролюбова). Общественно-литературный деятель, задетый в «Свистке» (В. А. Кокорев, М. П. Погодин, Н. Ф. Павлов, Б. Н. Чичерин и др.), как правило, становился общей сатирической мишенью. Достаточным аргументом, обосновывающим авторство Некрасова, это служить не может.

В то же время существуют два веских свидетельства хорошо осведомленных современников, близко стоявших к редакции некрасовских изданий, в пользу авторства М. Л. Михайлова.

А. Ф. Захаркин (см.: Новые материалы о поэте-революционере М. Л. Михайлове. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 5, с. 429—432) установил, что фельетон значится как произведение Михайлова в «Списке сочинений Мих. Лар. Михайлова, составленном Ник. Вас. Гербелем», который опубликован в запрещенном цензурой издании (Стихотворения М. Л. Михайлова (Редакция издания Н. В. Гербеля). СПб.: В тип. К. Вульфа, 1866, с. 142): «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина. Письмо из провинции (т. 84, Свисток, № 6, с. 40—43). Без подписи». (Последнее указание ошибочно: фельетон подписан «Григорий Сычовкин»). Некрасов, видимо, содействовал подготовке этой книги и пытался заступиться за нее, когда Главное управление по делам печати наложило на издание арест (см.: ПСС, т. XI, с. 82—83; АСК, с. 255—256). Книга имелась в его личной библиотеке (см.: ЛН, т. 53/54, с. 399). Между тем, сделав в 1870-х годах уточняющие поправки в ряде случаев, когда его сочинения оказались ошибочно приписаны другим (Чернышевскому, Добролюбову), Некрасов не оспорил атрибуцию Гербеля.

В. Э. Боград обнаружил в рукописи П. П. Пекарского «Материалы к словарю писателей», хранящейся в РО ИРЛИ, запись: «Григорий Сычовкин — Мих. Лар. Михайлов, против Геннади, в „Современнике" 1860 г. № 12, в „Свистке". Геннади имеет поместье в Сычевском уезде Смол. губ.» (Боград Совр, с. 570). Объем фельетона (3 страницы) не противоречит и данным конторской книги «Современника». Сомнение в авторстве Михайлова выражает Л. М. Равич (в кн.: Г. Н. Геннади. 1826—1880. М., 1981, с. 82), но фактическими данными оно не подкреплено.

Отсутствие конкретных свидетельств в пользу авторства Некрасова при наличии двух прямых указаний на принадлежность фельетона «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» М. Л. Михайлову исключает возможность публикации данного текста в составе сочинений Некрасова.

Этими указаниями решается вопрос и о цикле «Что поделывает наша внутренняя гласность?» Если зафиксированные конторской книгой «Современника» три страницы Михайлова в «Свистке» № 6 — фельетон о Геннади, то цикл должен полностью принадлежать Некрасову. Хотя в письме Н. В. Гербеля к М. М. Стасюлевичу его состав перечислен неполностью (зафиксированы под отдельными номерами, как самостоятельные материалы, только стихотворение «Вместо предисловия» и заметки «Мальчик-с-пальчик, или Красноречивые противники», и не упоминается «Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности»), у нас есть все основания считать эту неполноту следствием случайного пропуска или ошибки памяти. Цикл отличается внутренней цельностью: последовательностью развертывания содержания, смысловыми перекличками и единством авторской интонации.

В. Э. Боград (Боград Совр, с. 570) и С. А. Рейсер (в кн.: *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч., т. VI. М., 1939, с. 730) атрибутируют Некрасову также краткое предисловие к стихотворению Добролюбова «Мои желания», основываясь на письме Некрасова к Добролюбову, отправленном в конце декабря 1860 г. Запрещенный цензурой № 6 «Свистка» был переформирован Некрасовым, по его решению туда и вошел этот добролюбовский текст: «стих⟨отворение⟩ Ап. Кап⟨елькина⟩ («Дики желанья мои») я тоже пустил тут», и в этом случае именно Некрасову должно было принадлежать сопровождающее стихотворение редакционное предисловие. Это дает основание для включения данного текста в состав настоящего тома.

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

(С. 329)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 5 (ценз. разр. — 29 апр. и 19 мая 1860 г.), «Свисток», № 5, с. 38—39, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф (отрывок черновой рукописи) — ИРЛИ, ф. 203, № 18. Рукопись карандашом, текст перечеркнут. Корректура, 17 мая 1860 г. разрешенная к печати цензором Ф. И. Рахманиновым без поправок, — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 83.

Написано между 29 марта (на СПбВ от этого числа есть ссылка в тексте) и 17 мая 1860 г. (дата цензорской корректуры).

Включенное в текст стихотворение «О, гласность русская...» — см.: наст. изд., т. II, с. 76.

Заметка связана с последовательной борьбой «Свистка» против мелочной либеральной гласности. С мнимо «общественными» вопросами, волновавшими либеральные круги, Некрасов вплотную сопоставил серьезную, трагическую проблему народной жизни, причем, как свидетельствует сохранившийся отрывок черновой рукописи, первоначально это столкновение было еще более резким. Заметка перекликается с «Наукой и свистопляской» Добролюбова («Свисток», № 4), его же «Письмом из провинции» (№ 1) и опубликованным в этом номере «Свистка» добролюбовским фельетоном «Опыт отучения людей от пищи». Такая система внутренних перекличек в «Свистке», укрупняя принципиальный смысл разрозненных фактов, усиливала обобщение.

С. 329. *...после диспута г⟨оспод⟩ Погодина и Костомарова...* — О диспуте см. комментарий к заметке «Развязка диспута 19 марта», с. 489.

С. 329. *Кювье ∾ Жоффруа Сент-Илер...* — Между французскими естествоиспытателями, сторонником теории неизменности видов Ж. Кювье (1769—1832) и ее критиком Э. Жоффруа Сент-Илером (1772—1844), в 1830 г. состоялась дискуссия, имевшая значительный общественный резонанс.

С. 329. *Однако три академика, г⟨оспода⟩ Бэр, Брандт и Мидден-дорф...* — Названы крупнейшие российские ученые-естественники тех лет: географ и биолог К. М. Бэр (1792—1876), зоолог Ф. Ф. Брандт (1802—1878), естествоиспытатель и путешественник А. Ф. Миддендорф (1815—1894).

С. 329. *...дело о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих...* — В мае 1859 г. начались работы по сооружению Волжско-Донской железной дороги акционерной компанией, учредителем которой был откупщик-миллионер В. А. Кокорев (1817—1889), рекомендовавшийся в печати в качестве «поборника гласности». Несмотря на то что вскоре после начала работ в прессу просочились и более года не стихали слухи о чудовищной эксплуатации рабочих на строительстве, вызвавшей массовую смертность, административные власти бездействовали. Кокорев же изредка публиковал в либеральной прессе (МВ, 1859, 5 июня, № 132; РВ, 1859, № 11) оправдательные письма. Эта трагическая история подробно изложена в «Свистке» № 5 Добролюбовым, к фельетону которого («Опыт отучения людей от пищи») отсылает Некрасов.

С. 330. *«Свисток», некогда пришедший в умиление от протеста против г. Зотова в пользу г⟨оспод⟩ Чацкина и Горвица...* — В 1858 г. издаваемый В. Р. Зотовым журнал «Иллюстрация. Всемирное обозрение» поместил в № 35 статью «Западнорусские жиды и их современное положение» П. М. Шпилевского (под псевдонимом «Знакомый человек»). Ему печатно возразили М. И. Горвиц и И. А. Чацкин. В завязавшуюся полемику включилось большинство русских газет и журналов (подробное освещение этого эпизода см. в комментариях к изд.: *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч., т. VI. М., 1939, с. 703; уточнения: Добролюбов, т. 7, с. 583). Печатный протест против выступления «Иллюстрации» подписали более 150 литераторов и ученых. Однако Добролюбов иронически откликнулся на это происшествие в «Письме из провинции» («Свисток» № 1): либеральные кампании по частным поводам, по его мнению, не приносили реальной общественной пользы, лишь отвлекая от главного, по его убеждению, вопроса современности — борьбы с крепостничеством и самодержавным произволом в целом. Некрасов в настоящей заметке засвидетельствовал свою принципиальную солидарность с этой точкой зрения.

С. 330. *...г. Северцову тоже ничего: он выскользнул из рук диких кокандцев...* — Магистр зоологии Н. А. Северцов (1827—1885), предпринявший ученую экспедицию в бассейн Сыр-Дарьи (1857—1858), был захвачен в плен узбекским племенем, выпущен по требованию русских властей и опубликовал в «Русском слове» статью «Месяц плена у кокандцев» (1859, № 10, с. 221—318).

С. 330. *...спор о Свечиной Каткова // с Евгениею Тур!* — Газетно-журнальная полемика о С. П. Свечиной (1782—1859), русской писательнице религиозно-мистического направления, жившей в Париже и принявшей католичество, возникла в связи с критическим примечанием, которым редакция «Русского вестника» сопроводила

публикацию статьи Евгении Тур «Г-жа Свечина» (1860, т. 26, апр., кн. 1, с. 362—392). Это примечание содержало намек на необъективность автора статьи и выпад, задевший религиозное чувство Евг. Тур (там же, с. 392). Длительную полемику редактора журнала М. Н. Каткова (1818—1887) и Е. Тур, в которую оказались втянуты «Московские ведомости», «Наше время», «Русский инвалид», Н. Г. Чернышевский расценил как «всеобщий гвалт» («История из-за г-жи Свечиной» — С, 1860, № 6, отд. III, с. 249—278).

РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА

(С. 330)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано (со стихотворением Н. А. Добролюбова «Призвание»): С, 1860, № 5 (ценз. разр. — 29 апр. и 19 мая 1860 г.), «Свисток», № 5, с. 39—41, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX. Предисловие перепечатано как принадлежащее Добролюбову в изданиях: Первое полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова в 4-х т. Под ред. М. К. Лемке, т. IV. СПб., 1912, стб. 226—227; Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова под ред. Е. В. Аничкова, т. IX. СПб., 1913, с. 385—386.

Автограф предисловия не найден. Авторство Некрасова обосновано Б. Я. Бухштабом (*Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч., т. VI. М., 1939, с. 722—723). Автограф послесловия (черновая рукопись на одном листке со стихотворением Добролюбова «Призвание») — ИРЛИ, ф. 203, № 26. Рукопись чернилами, стихотворный текст рукою Добролюбова с правкой Некрасова; стих 8 у Добролюбова читался: «И ставил свечки ты науке и „Свистку“»; стих 20: «Он так высок, что мог легко тебя простить». Корректура, 17 мая 1860 г. разрешенная цензором Ф. И. Рахманиновым к печати, без поправок, — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 83.

Написано между 24 апреля (дата ценз. разр. «Русской беседы», 1860, кн. 1, на которую есть ссылка в тексте) и 17 мая 1860 г. (дата цензорской корректуры).

Публичный диспут профессора Московского университета М. П. Погодина (1800—1875) с петербургским историком Н. И. Костомаровым (1817—1885), тогда входившим в круг лиц, близких Чернышевскому, состоялся 19 марта 1860 г. в зале Петербургского университета. Он возник в связи с публикацией в «Современнике» (1860, № 1, отд. I, с. 5—32) статьи Костомарова «Начало Руси», в которой была предложена гипотеза литовско-жмудского происхождения первых русских князей; в том же номере (отд. III, с. 104—108) появился критический отзыв Добролюбова о книге Погодина «Норманский период русской истории» (М., 1859). После этого Погодин письменно предложил Костомарову публичную дискуссию на тему возникновения русского государства, попутно в резкой форме задев редакцию «Современника» в целом и конкретно «Свисток»: «Я считаю вас честным, добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые ⟨...⟩ присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение неопытную молодежь ⟨...⟩ ради потехи, можете пригласить себе в секунданты любых рыцарей Свистопляски» (см. отчет о диспуте: МВ,

1860, 20 марта, № 64). Не одержав научной победы в споре, Погодин пытался обернуть все дело в шутку. Добролюбов в «Свистке» № 4 («Наука и свистопляска») дал подробное ироническое освещение хода диспута и резко критически оценил деятельность Погодина в целом. В лице Погодина была осмеяна официальная наука, провозглашавшая апологию верховной власти, противопоставившая «авторитет» принципу свободного исследования, уводившая молодое поколение от актуальных проблем современности к схоластическому академизму. Новое совместное наступление Некрасова и Добролюбова на Погодина было вызвано тем, что в своем отчете о диспуте он опять допустил выпады против сотрудников «Современника»: «Считаю долгом ⟨...⟩ оправдаться перед моими московскими друзьями, которые смотрят на дело науки построже иных петербургских весельчаков», «не мог же я читать статью ученого „Современника", а следовательно, и говорить о ней без смеха» (*Погодин М. П.* О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета касательно происхождения Руси. — РБ, 1860, № 1, с. 149).

С. 331. *...г. Погодин объявил в ней, что он «шутил»!* — Погодин писал о своем «вызове» Костомарову: «...я предложил ему дуэль. Это было не что иное, как шутка»... (РБ, 1860, № I, с. 150).

С. 331. *...шутил, когда читал корректуры этого вызова в «С⟨анкт⟩-П⟨етербургских⟩ ведомостях»...* — Погодину, находившемуся в это время в Петербурге, показали корректуру «Санкт-Петербургских ведомостей» (1860, 17 марта, № 60), где был помещен ответ на его «вызов» Н. И. Костомарова (РБ, 1860, № 1, с. 150—151).

С. 331. *...в своем отчете о диспуте...* — Имеется в виду «Наука и свистопляска» Добролюбова.

С. 331. *...г⟨оспода⟩ Костомаров и Чернышевский показали публике значение «шутки» г. Погодина...* — В пятом номере «Современника» за 1860 г. были опубликованы статьи «Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей» Н. И. Костомарова (отд. III, с. 73—83) и «Замечание на „Последнее слово г. Погодину" г. Костомарова» Чернышевского (отд. III, с. 84—88).

С. 331. *...наш новый романс г. Погодину...* — Статья Добролюбова «Наука и свистопляска» завершалась стихотворением «Романс Михаилу Петровичу Погодину (от рыцаря Свистопляски)».

С. 331. *Прочь Нестор ∾ параллель Европы и Руси!* — Имеются в виду исследование Погодина «Нестор» (1839), его же статья «Параллель русской истории с историей западно-европейских государств относительно начала», вошедшая в книгу «Норманский период русской истории» (1859).

С. 332. *...с ученым видом знатока...* — Цитата из строфы V гл. I «Евгения Онегина».

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ «СВИСТКА»

(С. 332)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 12 (ценз. разр. — 20 дек. 1860 г.), «Свисток», № 6, с. 1—3, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX. Перепечатано как принадлежащее Добролюбову в издании: Первое полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова в 4-х т. Под ред. М. К. Лемке, т. IV. СПб., 1912, стб. 540—543.

Автограф не найден. Корректура с замечаниями цензора Ф. И. Рахманинова и правкой Некрасова — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 89; верстка — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 157. Авторство Некрасова установлено В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании письма Некрасова к Добролюбову от конца декабря 1860 г. (Звенья, № 5. М.—Л., 1935, с. 483).

Написано между 19 ноября (на «Московские ведомости» от этого числа есть ссылка в тексте) и 17 декабря 1860 г. (дата цензорской корректуры).

Статья написана Некрасовым вместо принадлежавшего Добролюбову вступления к № 6 «Свистка» («Новое назначение „Свистка“»). Весь этот номер был запрещен цензурой, и в течение октября—ноября 1860 г. Некрасов и Чернышевский безуспешно «хлопотали» о его разрешении (см.: Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. I. М., 1890, с. 608—609; Чернышевский, т. XIV, с. 415). В ноябрьской книжке «Современника» 1860 г. редакция журнала уведомляла читателей, что «Свисток» № 6 и другие материалы, «приготовленные для этой и предыдущей книжек», откладываются до следующего номера (С, 1860, № 11, оборот нижней обложки: «От редакции»).

После значительных изменений в составе номера и замены вступительной статьи такое разрешение было дано. После 20 декабря Некрасов известил Добролюбова: «Отсутствие „Свистка“ всеми чувствуется. В XII наконец пустили „Свисток“, который состоит: 1) из небольшого вступления, напис⟨анного⟩ мной...» В заключительной части его использован добролюбовский текст: а) от слов «Господин Ржевский может теперь...» до слов «...чтобы их приветствовать»; б) от слов «...он от себя будет говорить немного» до конца (см.: Свисток, с. 351).

Названием своей статьи Некрасов намекнул читателю на цензурные препятствия, которые встретил на пути к нему «Свисток» № 6. Из-за них в статье оказалась значительно ослаблена основная мысль запрещенного добролюбовского вступления, которое «обещало» перемену его содержания: отказ от «литературных мелочей» и внимание к «судьбам царств и народов» (Свисток, с. 349—351). Это было прямым указанием на то, что редакция намерена обратиться к политической сатире, но довести его до читателя не удалось. Некрасову пришлось ограничиться обычным ироническим обозрением выступлений русской прессы за время, минувшее с выхода предыдущего номера (как во вступлениях Добролюбова к № 3, 5), и сделать лишь легкий намек на новые интересы «Свистка». Тем не менее статья Некрасова, по-видимому, тоже вызвала замечания уже настороженного цензора Ф. И. Рахманинова. На полях корректуры отмечены красным карандашом: название «капитального труда» — «О вреде людоедства»; насмешливое перечисление статей В. К. Ржевского (1811—1885), консервативного публициста, крупного чиновника; характеристика «юношей нашего поколения» и вся концовка статьи от слов «...трансцендентальные теории о веществе...» В двух первых случаях текст опубликован без изменений, остальные места были переработаны.

В корректуре статья завершалась извещением о «затеянной поэме», из которой «отрывок значительного размера» публикуется «в нынеш-

ней же книжке» (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 357). Возможно, «Литературная травля, или Раздраженный библиограф. (Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордникова)» первоначально была намечена Некрасовым для № 6, но перенесена в № 7 (см. наст. изд., т. II, с. 103—106).

С. 332. *...для «Энциклопедического словаря».* — «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами», — широко задуманное издание, начатое под редакцией А. А. Краевского и П. Л. Лаврова, объявления о подписке на него публиковали в 1859—1860 гг. все газеты, к участию в работе, рассчитанной на 10 лет, предполагалось привлечь более 200 человек (Никитенко, т. 2, с. 173—174), однако в 1863 г. на шестом томе выпуск издания прекратился.

С. 332. *«Свисток» жив и для объяснения долгого своего молчания имеет достаточно причин.* — «Свисток» № 6 готовился еще для октябрьской книжки «Современника», но оказался задержан цензурой на два месяца.

С. 332. *...«в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны»...* — Это изречение взято Некрасовым из печатного объяснения учредителей акционерного общества «Сельский хозяин» (о нем см.: Добролюбов, т. 7, с. 375—388) В. А. Кокорева (о нем см. примеч. к с. 329) и Д. Е. Бенардаки с акционерами их общества в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Оставляя все подробности без огласки, директоры общества покорнейше просят гг. акционеров убедиться в том, что в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны для пользы дела» (СПбВ, 1860, 2 дек., № 263). Намек Некрасова имел особую актуальность не только в связи с разоблачаемой Добролюбовым в «Свистке» аферой Кокорева и Бенардаки: так, например, устав крупного акционерного предприятия «Главного банкового и торгового общества» в Петербурге в своем § 44 предписывал «лицам, составляющим управление»: «Они должны поставить себе в священную обязанность хранить в тайне все дела и торговые операции, которые по свойству своему не подлежат огласке». Эта «таинственность действий, опасение гласности» подвергалась резкой критике в печати (*Серно-Соловьевич Н.* Еще о Главном банковом и торговом обществе в С.-Петербурге. — МВ, 1859, 3 сент., № 209).

С. 333. *...журналистика последнего времени, как известно читателям, только и занималась «Свистком».* — «Хороша ⟨...⟩ наша петербургская журналистика и рыцари Свистопляски, у которых „Свисток" был сначала только отделом журнала, но свистать им так понравилось, что у них журнал вдруг сделался отделом „Свистка". Ни живому, ни мертвому пощады не дают», — писал недружелюбный к «Современнику» «Светоч» (1860, кн. VI, Современное обозрение, с. 51); неблагожелательные отзывы о «Свистке» появились также в «Отечественных записках» (1860, № 9, Русская литература, с. 34, 38).

С. 333. *Все волновало юный ум?* — Неточно процитированная строка из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824). У Пушкина: «Все волновало нежный ум».

С. 333. *...капитальный труд свой «О вреде людоедства»...* — Это ироническое указание — очередной выпад против либерального обличительства; оно восходит к добролюбовскому «Письму из провинции» в «Свистке» № 1: «Вам становится просто неловко и совестно в присутствии человека, с азартом рассуждающего о негуманности людоедства ⟨...⟩ Одно из двух: или *сам рассуждающий* на-

ходится еще на той степени нравственного развития, которая допускает возможность рассуждений и споров о подобных предметах, или он *вас* считает так мало развитыми, что полагает нужным внушить вам истинные понятия о людоедстве...» (Добролюбов, т. 7, с. 326).

С. 334. *...появление статейки г. Беллюстина о вреде грамотности...* — Священник И. С. Беллюстин (1820—1890) утверждал в своей статье «Теория и опыт», что «упадок материального благосостояния», «крайний упадок нравственности» — «вот что, вместе с грамотностью, развивалось в народе в последние 20—25 лет» (ЖМНП, 1860, ч. 112, окт., с. 39).

С. 334. *...г. Дзюбин, объясняющий побег рабочих с Волжско-Донской железной дороги...* — О строительстве дороги см. с. 488. Здесь упомянута корреспонденция управляющего делами И. Дзюбина, опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1860, 10 ноября, № 245).

С. 334. *...г. Смирнов объясняет тот же факт...* — В статье В. Смирнова «Заметка провинциала» (МВ, 1860, 12 ноября, № 246) сообщалось о притеснениях рабочих-строителей приказчиком Гладиным.

С. 334. *...полтавские дворяне...* — Речь идет о долгих спорах редакции «Московских ведомостей» (поместившей «обличительные известия» из Полтавы) с группой полтавских дворян, взявших местные порядки под защиту (см.: МВ, 1860, № 260—264).

С. 334. *...должно ли назначить жалованье предводителям...* — В статье Г. Герсеванова «О жалованье предводителям дворянства» доказывалось, что платить предводителю «не только бесполезно, а напротив вредно», ибо «он служит из чести» как «представитель первенствующего сословия» (РВ, 1860, т. 29, сент., кн. 1, с. 50). Эту точку зрения оспорили провинциальные корреспонденты журнала (см.: РВ, 1860, т. 30, ноябрь, кн. 1, Современная летопись, с. 34—45), в полемику включились другие столичные и провинциальные издания.

С. 334. *...объявление г-жи Евгении Тур об издании «Русской речи», и «заметка» «Русского вестника» на это объявление, и ответ г-жи Тур, и новая заметка «Русского вестника»?* — После разрыва с «Русским вестником» М. Н. Каткова (см. с. 488—489) Е. Тур стала редактором-издателем собственной газеты «Русская речь» (1861—1862), в объявлении об издании ее содержались колкости по поводу журнальной «односторонности» и «нетерпимости», явно адресованные Каткову (см.: МВ, 1860, 30 окт., № 235). Он дал по этому поводу язвительное «Объяснение» (РВ, 1860, т. 29, окт., кн. 2, Современная летопись, с. 431—434), а после ответа Тур (МВ, 1860, 19 ноября, № 252) вновь выступил с «Заметкой» (РВ, 1860, т. 30, ноябрь, кн. 1, Современная летопись, с. 100—104).

С. 334. *Господин Ржевский ∾ отделавши кадастровых чиновников, профессоров и экзаменаторов и указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты...* — Имеются в виду статьи В. К. Ржевского: «Способ собирания прямых налогов во Франции» (РВ, 1859, т. 23, сент., кн. 2, с. 227—262), «Об отношении гимназий к университету» (РВ, 1860, т. 27, июнь, кн. 2, с. 516—560), «О мерах, содействующих развитию пролетариата» (РВ, 1860, т. 25, янв., кн. 1—2, с. 213—278; т. 27, май, кн. 1, с. 5—42; т. 27, май, кн. 2, с. 195—216). Кадастр (*франц.* cadastre) — поземельный налог.

С. 334. *...г-жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут ∾ перепечатывать в журналах свои старые стихотворения...* — К. П. Павлова (1807—1893) и Н. П. Греков (1807?—1866) — поэты, переводчики, выступавшие еще с 1830-х гг. и критически оцененные Некрасовым за эпигонство и эклектизм (о Грекове см. в его письме к И. С. Тургеневу от 25 ноября 1850 г.; см. также: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 114, 342; о Павловой — см. наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 67, 326). В «Русском вестнике» (1859, т. 19, янв., кн. 1, с. 181—196 и кн. 2, с. 337—349) была напечатана поэма Павловой «Кадриль», публиковавшаяся ранее частями в «Москвитянине» (1844, № 2, с. 330—333) и в альманахе «Раут». Греков в 1860 г. помещал в либеральной еженедельной газете «Московский вестник» (№ 3, 8, 10) свои старые любовные стихотворения.

С. 334. *...г. Козлянинов может бить или не бить ∾ особ прекрасного пола...* — Об избиении вышневолоцким помещиком А. П. Козляиновым (а не Козляниновым) в вагоне пассажирки-соседки (см.: *Мансуров Александр.* Случай на Николаевской железной дороге. — MB, 1860, 24 авг., № 185) долго писала русская пресса. Властям пришлось вмешаться и дать сообщение, что о Козляинове возбуждено следствие (MB, 1860, 1 ноября, № 236).

С. 334. *...новые цветы с старым запахом экономической деятельности...* — Намек на статью С. Н. Цвета «Экономическая деятельность и законодательство» (РВ, 1860, т. 28, авг., кн. 1), направленную против Чернышевского.

С. 334. *...г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не знает ни слова по-литовски...* — Журналист Ю. Летголла (Ю. Ю. Беркгольц, 1819—1883) указал Н. И. Костомарову на его ошибки в литовском языке (в связи с диспутом его и Погодина) (СПбВ, 1860, 28 июня, № 142, с. 735).

С. 334. *...г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе...* — Речь идет об идеалистических выступлениях философа и критика Н. Н. Страхова (1828—1896). Его статья «Об атомистической теории вещества» была напечатана в «Русском вестнике» (1860, т. 27, май, кн. 2, с. 143—194); ранее им были напечатаны несколько статей в журнале «Светоч».

С. 334. *...новый «Век» с новыми «Основами»...* — Речь идет об изданиях: умеренно-либеральном ежегоднике «Век», выходившем в 1861—1862 гг. под редакцией П. И. Вейнберга (1831—1908) (на первых порах своего существования «Век» получил поддержку Некрасова — см. с. 327—328), и ежемесячном журнале украинофильского направления «Основа. Южно-русский литературный вестник», выходившем в 1861—1862 гг. под редакцией В. М. Белозерского.

С. 334. *...он ∾ отправился за границу...* — Добролюбов (с личностью которого отчасти соотносился персонифицированный образ «юноши Свистка») с мая 1860 г. лечился за границей. Результатом его впечатлений были статьи и циклы стихотворений на европейские темы в «Свистке» — некоторые из них далее как бы анонсирует Некрасов: «Письмо благонамеренного француза о необходимости посылки французских войск в Рим и далее для восстановления порядка в Италии» (предназначалось для «Свистка» № 6, но было запрещено цензурой), «Неаполитанские стихотворения, написанные на австрийском языке Яковом Хамом и переведенные Конрадом Лилиеншвагером» (определенные в предисловии как «поэтические

документы» о «состоянии умов» в Европе — № 6), «Выдержки из путевых эскизов К. Лилиеншвагера» (№ 8) и незавершенная статья «Что о нас думают в Париже».

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

(С. 335)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 12 (ценз. разр. — 20 дек. 1860 г.), «Свисток», № 6, с. 34—40, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: а) «Вместо предисловия» — Ст 1920; б) весь цикл в целом — ПСС, т. IX.

Автограф не найден. Корректура с замечаниями цензора Ф. И. Рахманинова и исправлениями Некрасова, отправленная в цензуру 17 декабря 1860 г. и в тот же день утвержденная, — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 89; верстка — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 157. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49/50, с. 299—305).

Написано между 16 ноября (на «Московские ведомости» от этого числа есть ссылка в тексте) и 17 декабря 1860 г. (дата цензорской корректуры).

Стихотворение «Вместо предисловия» вошло в наст. изд., т. II, с. 81—82.

Несмотря на цензурное вмешательство, повлекшее перекомпоновку шестого номера «Свистка», Некрасову все же удалось сохранить его ориентацию на освещение крупнейших европейских политических событий, особенно актуальных для России предреформенной поры. Стержневое положение в номере занимали поэтому материалы, присланные из-за границы Добролюбовым: «Два графа» (один из самых сильных выпадов против либерализма в революционно-демократической публицистике 60-х гг.), «Неаполитанские стихотворения» (их конкретный материал — история падения реакционного режима под натиском демократических сил — был исключительно злободневен).

Материал отечественный — «Что поделывает наша внутренняя гласность?» — воспринимался по контрасту с полной движения, насыщенной большими событиями современной итальянской историей. На этом фоне рисовались особенно отчетливо слабость российской либеральной общественности, мелкость интересов русской «прогрессивной» печати, пылко выступающей по незначительным поводам, но избегающей касаться подлинно великих вопросов современности.

О том, чтобы контраст непременно был замечен читателем, Некрасов специально позаботился, составляя номер. В корректуре (ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 89, л. 1—2) комментируемый цикл первоначально был расположен сразу после вводной статьи «Причины долгого молчания „Свистка“», помеченной цифрой 1; далее (без порядкового номера) шло общее заглавие «Что поделывает наша внутренняя гласность?», стихотворение «Вместо предисловия» и с нумерацией три прозаических заметки: II. Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности, IV. Состояние образованности в Камышине, V. Мальчик-с-пальчик, или Красноречивые противники. Завершало корректурный оттиск (состоящий из одной полной формы и 1,5 до-

полнительных столбцов) «Новое стихотворение Аполлона Капелькина», также без номера. Затем Некрасов переместил цикл: на корректурных листах с «Неаполитанскими стихотворениями» Добролюбова (ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 89, л. 3—4), проходившими цензуру в другой срок (24 ноября 1860 г.), ниже разрешительной подписи Ф. И. Рахманинова — приписка Некрасова карандашом, видимо, позднейшая: «После этого верстать: [Геннади, испр⟨авляющий⟩ Пушкина] Что поделывает гласность с цифрой III». В верстке № 6 «Свистка» (ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 157) эта структура номера уже окончательно закреплена: после вводной статьи размещены «Два графа» (с порядковым номером I), «Неаполитанские стихотворения» (II), «Что поделывает наша внутренняя гласность?» (III).

Цикл Некрасова вызвал замечания цензора Рахманинова, отчеркнувшего красным карандашом на полях корректуры неприемлемые для него места в стихотворении «Вместо предисловия» и заметках «Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности», «Состояние образованности в Камышине». Некрасову пришлось изменить отчеркнутые строки (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

С. 335. *Друзья мои! мы много жили...* — Комментарий к стихотворению см.: наст. изд., т. II, с. 364—365; дополнения — наст. кн., с. 492.

С. 336. *...гуси Рим спасли...* — По историческому преданию гуси, гоготаньем разбудившие стражу, спасли древний Рим от захвата войском галлов, уже взбиравшихся на стены Капитолия.

С. 338. *Г-н Георгиевский ∾ сообщает в «Одесском вестнике» слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы ∾ составленный им проект «Всероссийского общества для распространения в народе образования».* — Проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» был составлен И. С. Тургеневым (при участии П. В. Анненкова и других лиц) в августе 1860 г., но не осуществился. Как писал Тургенев, «правительство объявило свое неблагорасположение» к этому замыслу (Тургенев. Письма, т. IV, с. 189—190).

С. 338. *...мнения г⟨оспод⟩ Даля, Бланка и Беллюстина?* — В. И. Даль (1801—1872), как и Беллюстин (см. о нем коммент. на с. 493), участвовал в предреформенной печатной полемике о пользе грамотности для крестьян, выходящих из крепостной зависимости (Письмо к издателю А. И. Кошелеву. — РБ, 1856, № 3, Смесь, с. 1—16; Приписка к письму А. И. Кошелеву по поводу возражений на него. — ОЗ, 1857, № 2, с. 134—136; Заметки о грамотности (Письмо в редакцию). — СПбВ, 1857, № 245). Даль утверждал, что грамотность, не сопровождаемая религиозно-нравственным воспитанием, не принесет пользы народу: «Грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит» (РБ, 1856, № 3, Смесь, с. 3). Г. В. Бланк (1811—1899) был противником даже не столько просвещения народа, сколько самой идеи освобождения крестьян и выступал с крепостническими статьями в «Трудах Вольного экономического общества» (Русский помещичий крестьянин. — 1856, апр., т. 2, № 6, с. 117—129; Антикритика. — 1857, янв., т. I, № 1, с. 99—130).

С. 339. *...по свидетельству г. Карпова.* — Письмо в редакцию некоего Е. Карпова, цитируемое далее Некрасовым, напечатано в «Московских ведомостях» (1860, 8 дек., № 266, с. 2119).

С. 340. *...г. Пациентов хорошо пишет ∾ портной Поппе пишет лучше!* — Е. П. Пациентов, член Российского общества любителей са-

доводства, опубликовал свое письмо (приведенное Некрасовым) в «Московских ведомостях» (1860, 22 окт., № 229, с. 1816); ответ портного Поппе вместе с протоколом Московской ремесленной управы напечатан там же (10 дек., № 268, с. 2136). Вскоре Пациентов прислал в редакцию новое письмо, настаивая на своем показании (МВ, 15 дек., № 272, с. 2175).

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА

(С. 341)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 12 (ценз. разр. — 20 дек. 1860 г.), «Свисток», № 6, с. 44, без подписи.

В собрание сочинений Некрасова включается впервые. Перепечатано как принадлежащее Добролюбову в изд.: Первое полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова в 4-х т. Под ред. М. К. Лемке, т. IV. СПб., 1912, стб. 590.

Автограф не найден. Корректура — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 89; верстка — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, № 157. На возможное авторство Некрасова указали и С. А. Рейсер, ссылаясь на письмо Некрасова к Добролюбову, отправленное после 20 декабря 1860 г., и В. Э. Боград (Боград Совр, с. 570).

Датируется октябрем—декабрем 1860 г., когда «Свисток» № 6 готовился к печати.

«Свисток», никогда почти не раскрывавший подлинных авторских имен, испытывал тяготение к тому, чтобы сделать круг вымышленных «авторов» постоянным. В нем продолжил литературное бытие К. Прутков и Добролюбовым-поэтом были созданы новые постоянные маски: Яков Хам, Конрад Лилиеншвагер и Аполлон Капелькин (в этом имени, по-видимому, содержался намек на А. Н. Майкова). Ап. Капелькин позволил Добролюбову начать более широкое наступление на «вторичную», эпигонскую поэзию вообще. Первая стихотворная подборка «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию. Семь стихотворений Аполлона Капелькина» появилась в «Современнике», 1860, № 5, «Свисток», № 5. Настоящее вступление Некрасова написано к пародии «Мои желания» на одноименное стихотворение К. К. Случевского.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, О ШРИФТАХ ВООБЩЕ И О МЕЛКОМ В ОСОБЕННОСТИ

(С. 341)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1 (ценз. разр. — 29 дек. 1860 г. и 21 янв. 1861 г.), «Свисток», № 7, с. 1—8, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: «Разговор в журнальной конторе». — ПССт 1927; полностью: ПСС, т. IX.

Автограф не найден. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49/50, с. 299—305).

Написано между 8 и 21 января 1861 г. Дата уточнена А. М. Гаркави (см.: Учен. зап. Новгородск. пед. ин-та, 1966, т. 8, с. 37—38).

Включенное в текст стихотворение «Разговор в журнальной конторе» см.: наст. изд., т. II, с. 107.

Седьмой номер «Свистка» был почти целиком сконцентрирован вокруг проблем литературно-журнальной жизни. Во вводной статье Некрасов оттолкнулся от материала, опубликованного в журнале «Время», который выходил в Петербурге (1861 — апрель 1863) под официальной редакцией М. М. Достоевского и при фактическом руководстве Ф. М. Достоевского. В статье «Вместо предисловия...» Некрасов еще не имел целью задеть новое издание. И в редакции «Времени» выступления Некрасова (кроме этой статьи журналу Достоевских он специально посвятил в «Свистке» № 7 еще стихотворения «Гимн „Времени"» и «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов» — см.: наст. изд., т. II, с. 77—78, 109—110) были восприняты как дружеский жест.

«В то время слово „Современника" много значило; он достиг в это время самой вершины своего процветания и решительно господствовал над петербургскою публикою; его привет был действительнее всяких объявлений», — вспоминал впоследствии Н. Н. Страхов (Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 222). Однако уже в течение 1861 г. выявились существенные разногласия нового «почвеннического» органа с «Современником», которые привели к быстро ожесточившейся полемике, развернувшейся позже в двух последних номерах «Свистка».

В статье «Вместо предисловия...» Некрасов подверг резкой критике весь фронт противостоящей «Современнику» либерально-консервативной журналистики. Он впервые дал не попутные, эпизодические, а подробные, развернутые ответы на те нападки, которым подвергался «Свисток» в течение всего своего существования. Его внимание привлек дух коммерции, все глубже проникавший в русскую журналистику. Буржуазное предпринимательство в литературе персонифицировал для него издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский (чем объясняются многократные упоминания о нем в комментируемой статье). Но такая тенденция быстро распространялась, находя свое выражение, в частности, в полемических перебранках перед подпиской, приобретавших все более рекламно-торговый характер. Еще до Некрасова об этом с негодованием писали «Московские ведомости», но газета воспользовалась данным случаем, чтобы нанести удар «Современнику»: в желании «хвастнуть своими заслугами» в «литературной наглости, имеющей целью единственно посягательство на чужие карманы», обвинялась и редакция некрасовского журнала (см.: X. Журнальные объявления. — МВ, 1860, 11 марта, № 56, с. 435—437; 12 марта, № 57, с. 444—445).

«Московские ведомости» обратили внимание и на то, что объявления о подписке дают повод для сатиры: «Если бы в наше время жил какой-либо великий сатирик, то сколько интересного и высококомического мог бы воссоздать он в образах, черпая материал из этих объявлений. К сожалению, наша родина бедна такими талантами, и потому кроющийся здесь богатый материал для сатиры пропадает даром. А какая богатая жатва предстоит на этом поле сатирику! Сколько великолепных карикатур можно было бы составить из наших

вычурных объявлений!» (МВ, 1860, 11 марта, № 56, с. 436). Некрасов с яркой карикатурностью воспроизвел торгашеский азарт, охвативший «ученые» и «эстетические» издания. В этом же номере его поддержал И. И. Панаев («На рубеже старого и нового года. Грезы и видения Нового поэта»). Статью завершает серия сатирических миниатюр (конспективно они были намечены у Добролюбова — «Два графа», «Свисток» № 6): «В следующем году „Свисток" надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи...» Приведенный далее список «заглавий» не следует считать действительной, но неосуществленной программой «Свистка»: в большинстве случаев это не названия будущих публикаций, но самостоятельные произведения. Их смысл — в сближении имен (часто одиозных), в намеке на факты, памятные современникам. Эту оригинальную жанровую форму «мнимой программы», суть которой в ней самой, а не в ее реализации, использовал также Салтыков-Щедрин в «Свистке» № 9.

С. 341. *...в басне о лягушках и царе...* — Имеется в виду басня Крылова «Лягушки, просящие царя» (1809).

С. 342. *...1 № своей «Летописи»...* — Отдел «Современная летопись» в «Русском вестнике» М. Н. Каткова с 1861 г. был выделен из состава журнала и выходил в качестве еженедельного приложения к нему.

С. 342. *Разговор в журнальной конторе.* — Комментарий к стихотворению см.: наст. изд., т. II, с. 375.

С. 343. *...«робко, мелким шрифтом».* — Цитата из статьи, по-видимому, А. Ф. Писемского «Письмо постороннего сатирика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и „Нового поэта"» («Время», 1861, № 1, Критическое обозрение, с. 60); см. об этом: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975, с. 234, 261.

С. 343. *...г. Серно-Соловьевич в зале Пассажа, пред многочисленным собранием...* — См. коммент. к с. 348.

С. 343. *...Лажечникову вздумалось напечатать своего «Басурмана» с ∾ чудовищным правописанием...* — В первом издании романа И. И. Лажечникова «Басурман» (1838) была сделана попытка приблизить написание слов к произношению, насмешливо встреченная критикой.

С. 344. *...периода в издании «Отечественных записок», когда редакция ∾ чуть было не повихнулась на букве ж...* — В начале издательской деятельности А. А. Краевского возглавляемые им «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"» и «Отечественные записки» предлагали некоторое изменение в принятой орфографии: «пишут: ладожский, рижский ⟨...⟩ но никак не хотят писать: кременчужский, петербуржский ⟨...⟩ как будто этих слов нельзя подвести под то же правило!» (ОЗ, 1839, т. 2, Критика, с. 42).

С. 344. *«Усы гусара украшают...»* — Источник цитаты не установлен.

С. 345. *...На языке тебе невнятном ∾ Вниманья твоего прошу...* — Перепев начального четверостишия стихотворения Пушкина «Иностранке» (1822). У Пушкина:

На языке тебе невнятном
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу...

С. 345. *...век не будешь Свифтом!* — Намек на англофильскую позицию «Русского вестника» Каткова и шумные «разоблачительные» выступления этого журнала.

С. 346. *...к «Веку», издаваемому г. Дружининым и К°...* — В еженедельнике «Век» (см. о нем коммент. к с. 327) А. В. Дружинин возглавлял литературный отдел.

С. 346. *...для публикования имен тех знаменитостей, которые удостоивают нас обещанием своих произведений...* — Намек на прием, которым пользовались издатели журналов в целях рекламы, например: во втором номере «Русского слова» за 1860 г. на обложке был дан анонс: «В следующих книжках „Русского слова", сверх статей, обещанных в программе, будут напечатаны: И. С. ТУРГЕНЕВА (кроме обещанной повести): „Берн и Кольцов"». Обещанные произведения Тургенева в журнале не появились.

С. 346. *...«Бедный «Свисток»! где твоя невинность?»* — перефразировка строки из повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792).

С. 346. *...свои мировые судьи, своя г-жа Свечина!* — Редакция «Русского вестника» опубликовала статью постоянно сотрудничавшего в журнале юриста Б. И. Утина (1832—1872) «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии» (1860, т. 26, март, кн. 1, с. 5—48; кн. 2, с. 207—256) с полемическими примечаниями и опровержением на нее в «Современной летописи» этого же номера. Катков оспаривал мысль о том, что английская мировая юстиция находится в руках «владеющих классов общества» и не «ограждает интересы бедных людей» (с. 209—210). Это положило начало длительному спору редакции с Утиным (см.: РВ, 1860, т. 27, май, кн. 2, Современная летопись, с. 152—155; т. 27, июнь, кн. 2, с. 429—461; т. 30, дек., кн. 1 и 2, с. 312—318). О Свечиной см. примеч. к с. 330.

С. 346. *...обстрелянные журналисты, на которых раздражительные господа ∾ изливают свою желчь из разных газетных закоулков...* — Намек на перебранку двух конкурирующих газет: «Московских ведомостей» В. Ф. Корша (1828—1883) и «Санкт-Петербургских ведомостей» А. А. Краевского, продолжавшуюся на протяжении 1860 года. «Московские ведомости» жаловались публике (эту статью скрыто цитирует Некрасов) на сотрудников Краевского — «фельетонных стрекулистов», их «литературные забиячества и буйства»: «вас умышленно окачивают из-за угла помоями» и т. д. (МВ, 1860, 17 сент., № 201, с. 1592).

С. 347. *...сотни заглавий небывалых статей и десятки имен...* — В объявлениях об издании на 1861 г. «Отечественные записки» (которые здесь имеет в виду Некрасов) назвали 34 имени будущих сотрудников и дали перечень 25 обещанных публике произведений (МВ, 1860, 13 окт., № 221, с. 1754; 1861, 3 янв., № 2, с. 16).

С. 347. *...это выписано слово в слово из программы одного большого журнала...* — Приведенный в предыдущем абзаце текст от слов «не имеет надобности» до «широкое поприще» действительно взят из программы «Отечественных записок».

С. 348. *...редакции ∾ в прошлом году посчастливилось соединить на своих страницах...* — Цитируется подписное объявление «Библиотеки для чтения» (см.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.—Л., 1936, с. 835).

С. 348. *...самообличительная поэма-автобиография... САВВЫ НАМОРДНИКОВА.* — Судя по тому, что такой замысел уже упоминается в корректуре статьи «Причины долгого молчания «Свистка» (см.

с. 357) и в «Свистке» № 6, в качестве «эпизода» из поэмы была представлена «Литературная травля», а в «Свистке» № 9 с тем же псевдонимом публиковалось «Мое желание. Романс господина, обиженного литературой». Некрасов, видимо, действительно размышлял о сатирической поэме с главным героем — светским, сановным лицом, которое так или иначе оказывается причастно к литературе и печати. Возможно, цензурные сложности, которые нетрудно было предвидеть, удержали его от реализации этого замысла.

С. 348. *Исторические параллели...* — Следующие четыре названия взяты из статьи Добролюбова «Два графа» («Свисток» № 6).

С. 348. *В. А. Кокорев и Лафит.* — Французский банкир Ж. Лаффит (1767—1844) был министром в правительстве Луи Филиппа. О В. А. Кокореве см. с. 329, 335—336.

С. 348. *Жорж Санд и Евгения Тур.* — Е. Тур опубликовала в своем переводе извлечения из мемуаров Ж. Санд «История моей жизни» (РВ, 1856, т. 3, май, кн. 1, с. 72—93; июнь, кн. 2, с. 639—715; т. 4, авг., кн. 2, с. 667—708). Русская писательница также вслед за Ж. Санд выступала с декларациями о свободе чувств женщины (Женщина и любовь по понятиям г. Мишле. — РВ, 1859, т. 21, июнь, кн. 1, с. 461—500).

С. 348. *Битва Горациев с Куриациями и бой 13 декабря 1859 г. в петербургском Пассаже.* — Упомянутый Некрасовым эпизод римской истории в кн. I Тита Ливия. Бой в Пассаже — публичный диспут по поводу деятельности «Русского общества пароходства и торговли» (учреждено 3 августа 1856 г. флигель-адъютантом, капитаном 1 ранга Н. А. Аркасом (1816—1881) и коллежским советником Н. А. Новосельским (1818—1898)). Публикация в 1859 г. в «Морском сборнике» (№ 10) статьи Новосельского «Сравнение Русского общества пароходства и торговли, французской компании Service maritime des messageries impériales и австрийского Ллойда» вызвала печатный протест экономиста Н. П. Перозио (1819—1877) (СПбВ, 1859, № 239). Перозио ответил некто Смирнов, не являвшийся служащим «Общества» (Журнал для акционеров, 1859, № 150). Начавшийся в печати спор между Перозио и Смирновым был по взаимной договоренности перенесен в зал Пассажа, где 13 декабря 1859 г. состоялся первый публичный диспут в Петербурге. Посредниками Смирнова, выступавшего в защиту «Общества», были революционер-демократ Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1866), моряк, писатель, впоследствии директор «Общества» В. К. Шульц (1826—1883) и В. М. Жемчужников; арбитром в споре был избран известный экономист Е. И. Ламанский (1825—1902). Диспут формально закончился ничем, так как арбитр был вынужден прервать его из-за слишком бурной реакции публики. Однако опубликованный вскоре в виде приложения к очередному номеру «Русского вестника» (1860, т. 26, март, кн. 1) подробный «Ответ директора-распорядителя Русского общества пароходства и торговли Н. А. Новосельского на статью против управления делами этого общества», содержавший помимо строго документального материала и расчетов, опровергавших обвинения Перозио, еще и не удовлетворенную в свое время его просьбу о приеме на службу в «Общество» (с. 100—101), сильно поколебал весомость обвинений Перозио в адрес правления «Общества». Непосредственным откликом «Современника» на диспут в Пассаже стала написанная в саркастическом тоне статья Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словестности» (Добролюбов, т. 5, с. 537—553). Иначе воспринял это событие Чернышевский (Чернышевский, т. IX, с. 54). Некрасов в

своей оценке происшедшего, очевидно, солидарен с Добролюбовым.

С. 348. *Ламорисьер и Н. Ф. Павлов.* — Парадоксально, на первый взгляд, сближая русского литератора и французского генерала Л.-И. Ламорисьера (1806—1865), который в 1848 г. помог подавить революцию у себя на родине, а в 1860 г., в качестве командующего папской армией, безуспешно пытался усмирить итальянское народно-освободительное движение, Некрасов, видимо, намекает на неблаговидный поступок, в котором подозревался Н. Ф. Павлов (1805—1864). Летом 1857 г. в имении его жены К. К. Павловой (Яниш) произошли крестьянские волнения. По распространившимся известиям, «гуманист Павлов» (только что публично приветствовавший проект освобождения крестьян) «был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли» (Салтыков-Щедрин, т. 18, кн. 1, с. 199—200; см. об этом также в сатире Е. П. Ростопчиной «Дом сумасшедших в Москве в 1858 г.»).

С. 348. *Легенда о чернокнижии, или Шотландская ведьма...* — Намек на разные роды деятельности А. В. Дружинина, знатока и переводчика английской литературы, критика и фельетониста («Иван Чернокнижников» — его псевдоним). Кроме того, под «чернокнижием» в литературных кругах была известна рукописная литература шутливо-фривольного содержания, созданная Дружининым и членами его дружеского круга.

С. 348. *Ряд статей о юморе у жителей Лапландии...* — Имеется в виду статья Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» (РВ, 1858, т. 16, авг., кн. 2, с. 697—716). Излагаемые далее сведения об «авторе» соответствуют фактам биографии Павлова (утрата документов в 1812 г.).

С. 348. Хаджи-Подхалимов — персонаж фельетонов А. В. Дружинина «Новые заметки петербургского туриста» (Век, 1861, № 13, 16).

С. 348. *Как понимают Свисток образованные народы Европы, ряд писем из Лондона. Титмарша, Младш. (племянника славного Тэккерея, давшего клятву писать исключительно в нашем журнале).* — Юмореска, видимо, имеет сложный полемический подтекст. Ирония Некрасова обращена главным образом на А. Ф. Писемского. Повод зачислить его в «племянники» У.-М. Теккерея (Титмарш — псевдоним английского романиста) дало примечание писателя к его рассказу «Фанфарон. Один из наших снобсов»: «Меткость сатиры и поучительная сила очерков Теккерея „Снобсы“ дали автору мысль написать настоящую статью ⟨...⟩ Предчувствую обвинение в смелости и сам сознаюсь в своей немощи идти вслед великому юмористу, но все-таки решаюсь» (С, 1854, № 8, отд. I, с. 9); кроме того, «исключительное и обязательное участие» Писемского в «Библиотеке для чтения» было обещано в объявлении журнала на 1861 год (*Писемский А. Ф.* Письма. М.—Л., 1936, с. 835). В то же время здесь возможно указание на «лондонского изгнанника» — А. И. Герцена и его известную статью «Very dangerous!!!» (1859), содержавшую критику сатиры «Свистка» (цикл писем — один из основных жанров творчества Герцена в 1850—1860-х годах).

С. 349. *Три лекции А. Украинского ∾ в пользу новозадуманного Общества для сдирания шкуры...* — Под именем А. Украинского подразумевается А. А. Краевский; Общество — очевидно, его «Энциклопедический словарь» (см. коммент. к с. 332): он был задуман как предприятие «на паях» (Никитенко, т. 2, с. 76). О «темах» лекций

упомянуто в связи с именем Краевского также в фельетоне И. И. Панаева «На рубеже старого и нового года» в этом же номере «Свистка».

С. 349. *К. Прутков* — коллективный псевдоним А. К. Толстого, А. М. и В. М. Жемчужниковых (при эпизодическом участии некоторых других лиц — см.: *Прутков К.* Полн. собр. соч. Вступ. статья и примеч. Б. Я. Бухштаба. М.—Л., 1965); его сочинения с 1854 г. публиковались в «Современнике», в «Свистке» — в № 4, 5, 7, 9.

С. 349 *...сложил ему гимн...* — Далее шло стихотворение Некрасова «Гимн „Времени“, новому журналу, издаваемому М. Достоевским» (см. наст. изд., т. II, с. 109—110).

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи, фельетоны, заметки 1841—1861

Подготовка текстов и комментарии:

А. М. БЕРЕЗКИН, *Е. Г. ВАСИЛЬЕВА*, *А. М. ГАРКАВИ* (при участии *Е. Г. ВАСИЛЬЕВОЙ*), *М. М. ГИН*, *А. А. ЖУК*, *Б. В. МЕЛЬГУНОВ*, *Н. Н. МОСТОВСКАЯ*, *Т. С. ЦАРЬКОВА*

Рецензент тома

М. Д. ЭЛЬЗОН

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 12

Книга I

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Э. Г. Рабинович, А. Х. Салтанаева* и *С. И. Семиглазова*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 19.07.93.
Подписано к печати 22.02.95. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.98.
Уч.-изд. л. 32.7. Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3440. С 1031

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Оригинал-макет изготовлен
в Компьютерном издательском центре «Наука»
Компьютерная верстка В. В. Некрасовой

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12